ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ

Томъ № 3.

Изд. Т-ва Бр. А. и И. Гранатъ и К°

Л. Пастернакъ

ЕКСТЪ ОТПЕЧАТАНЪ ВЪ ТИПО-
РАФІИ „РУССКАЯ СКОРОПЕЧАТНЯ"
-ПЕТЕРБУРГЪ, ЕКАТЕРИНИНСКІЙ
КАНАЛЪ, 94.

ЗАГЛАВНЫЙ ЛИСТЪ ОТПЕЧАТАНЪ
ВЪ ТИПОГР. МИНИСТЕРСТВА ПУТЕЙ
СООБЩ. (Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°.)
С.-ПЕТЕРБУРГЪ ФОНТАНКА, 117.

ЭПОХА РЕФОРМЪ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Оглавленіе III-го тома.

(Часть вторая, отдѣлъ первый.)

Подробное оглавленіе см. въ концѣ II части (IV т.).

Портреты, помѣщенные въ III томѣ.

Объяснительный указатель художест. приложеній см. въ концѣ II-й части (IV т.)

ГЛАВА I

Крымская война.

(М. Н. Покровскаго).

I.

1848 годъ.

„Уже съ давнихъ поръ въ Европѣ только двѣ дѣйствительныя силы, двѣ истинныя державы: *Революція* и *Россія*", писалъ Тютчевъ лѣтомъ 1848 года. „Онѣ теперь сошлись лицомъ къ лицу и завтра, можетъ быть, схватятся. Между тою и другою не можетъ быть ни договоровъ, ни сдѣлокъ. Что для одной жизнь, для другой—смерть". „Отъ исхода борьбы зависитъ на многіе вѣка вся политическая и религіозная будущность человѣчества", прибавлялъ онъ, явно преувеличивая значеніе наступавшаго кризиса. Отъ исхода борьбы зависѣла судьба только николаевской Россіи, но для Тютчева—и не для него одного — тогда это была единственная мыслимая Россія—а будущее Россіи для него и его друзей было будущимъ всего человѣчества.

То, что Тютчевъ поэтически „прозрѣвалъ" подъ вліяніемъ событій, всколыхнувшихъ всю Европу—холодный и трезвый умъ барона Бруннова, этого „начальника штаба по дипломатической части" императора Николая, —вполнѣ отчетливо представлялъ себѣ уже давно. Въ своей запискѣ о политическомъ положеніи Европы, составленной еще въ 1838 году, Брунновъ разсматриваетъ борьбу съ революціонными идеями, какъ основную задачу русской дипломатіи его времени. Съ этой точки зрѣнія ему, какъ и его государю, великой побѣдой представлялось образованіе тройственнаго союза Россіи, Австріи и Пруссіи, который Николаю удалось противопоставить „сердечному согласію" Франціи Людовика-Филиппа и Англіи Пальмерстона. „Прежде чѣмъ дойти до насъ", писалъ Брунновъ, „революціонная пропаганда потеряетъ свою мощь и разобьется объ Австрію и Пруссію. Нашъ вѣрно понятый интересъ, повторяю, будетъ всегда заключаться въ ободреніи и укрѣпленіи нашихъ союзниковъ въ страшной борьбѣ, предстоящей имъ съ противникомъ, который нападаетъ на нихъ ежедневно и съ самымъ разнообразнымъ оружіемъ. Мы не должны скрывать отъ себя, что шансы этой борьбы опасны. Положеніе нашихъ союзниковъ съ каждымъ днемъ становится затруднительнѣе... Не подлежитъ сомнѣнію, что обѣ эти монархіи вовлечены въ настоящую минуту во внутреннюю борьбу, въ

которой начала зла и добра вступають другъ съ другомъ въ рѣшительный бой. Если исходъ его будетъ неблагопріятенъ для монархическаго дѣла, то вредъ, отъ сего происшедшій, будетъ очень значителенъ для насъ, ибо торжество революціонныхъ идей на берегахъ Дуная и Одера будетъ касаться насъ гораздо ближе, чѣмъ опыты о парламентской реформѣ или іюльскія баррикады. Вотъ почему мы должны считать дѣло монархіи въ Пруссіи и Австріи не чуждымъ намъ дѣломъ, а вопросомъ, прямо касающимся Россіи... Конечно, можетъ наступить время, когда Австрія и Пруссія подчинятся непреодолимому вліянію духа времени. Тогда наши интересы раздѣлятся, Россія останется одна на полѣ сраженія..."

Какъ видимъ, вся схема послѣдней борьбы Николая Павловича съ „непреодолимымъ", по признанію его собственнаго министра, духомъ времени можетъ быть начертана еще въ 30-хъ годахъ. Уже тогда Брунновъ могъ намѣтить даже тотъ пунктъ, на которомъ суждено было расколоться тройственному союзу: мы не должны ожидать отъ Австріи и Пруссіи, пишетъ онъ, „никакого активнаго содѣйствія въ случаѣ, если бы произошло столкновеніе между нами и морскими державами (Англіей и Франціей) *по дѣламъ Востока*". Въ 1835 году при нѣкоторой наблюдательности—Брунновъ отнюдь не былъ геніемъ—можно было провидѣть даже Севастополь. Тѣмъ не менѣе, Николай, „опираясь на свое право и на свидѣтельство своей совѣсти", „не отчаявался въ побѣдоносномъ исходѣ борьбы"—и дипломату болѣе проницательному, чѣмъ его государь, но слишкомъ вѣрноподданному, чтобы сомнѣваться въ проницательности своего монарха, оставалось только скромно указать на произволъ „Божественнаго Провидѣнія", какъ на условіе, ограничивающее слишкомъ широкія надежды. „Божественное Провидѣніе" въ данномъ случаѣ оказалось не на сторонѣ Николая, но онъ увидѣлъ это слишкомъ поздно.

Для Николая Павловича борьба съ революціей была не только традиціей, завѣщанной ему старшимъ братомъ, и не только дѣломъ личнаго вкуса: хотя для этого государя, больше всего на свѣтѣ любившаго военный разводъ, едва ли что-нибудь могло быть противнѣе народныхъ движеній, нарушавшихъ всякій „порядокъ" и всякую субординацію. Въ значительной степени это былъ для него вопросъ самосохраненія. Онъ завоевалъ себѣ корону въ личной схваткѣ, грудь съ грудью, съ „духомъ времени", осмѣлившимся появиться на русской почвѣ. „Революція у воротъ Россіи", сказалъ онъ своему младшему брату, вернувшись съ мѣста побоища на Сенатской площади, „но клянусь, что пока я живу и дѣйствую, она не переступитъ ея предѣловъ". Та свирѣпая поспѣшность, съ которою онъ давилъ всякое проявленіе ненавистнаго ему „духа" у себя дома—лучшимъ образчикомъ ея является дѣло петрашевцевъ, о которомъ намъ еще придется говорить —яснѣе всего показываетъ, какъ неспокойно чувствовалъ себя этотъ, съ виду столь самоувѣренный, человѣкъ. Рекомендуя своему государственному совѣту единственную мѣру къ ограниченію крѣпостного права, какую онъ рѣшился провести въ

жизни *), онъ не даромъ вспоминалъ о Пугачевскомъ бунтѣ, повторяя самъ, „до чего можетъ дойти духъ буйство-черни". Николай все время чувствовалъ себя на вулканѣ. Лишенный всякой исторической перспективы, онъ не понималъ, что катаклизмы, которые могли угрожать крѣпостной Россіи, были совсѣмъ не похожи на тѣ, какіе переживалъ въ его время Западъ, и что „духъ времени" былъ совершенно безсиленъ передъ русской деревней половины XIX вѣка. Революція была для него страшна именно потому, что она была ему совершенно непонятна. И когда онъ убѣдился, что это таинственное чудовище сильнѣе его—онъ умеръ: больше ему ничего не оставалось.

Но пока онъ не потерялъ надежды справиться съ нимъ, онъ съ внимательностью старого охотника слѣдилъ за каждымъ малѣйшимъ его движеніемъ. До какой степени нужно было насторожиться, чтобы усмотрѣть революціонную заразу даже въ египетскомъ пашѣ Меметъ-Али! А отъ Николая она не укрылась и здѣсь**). Даже не имѣвшія ничего общаго ни съ какой революціей возстанія черногорцевъ и босняковъ противъ султана казались русскому императору и его министрамъ продуктами „французской и польской пропаганды, прикрывающейся личиной славянства". Въ 1847 году противъ этой личины былъ предпринятъ цѣлый походъ—на страницахъ циркуляровъ министра народнаго просвѣщенія. Въ нихъ предписывалось профессорамъ и преподавателямъ объяснить, какъ надо понимать намъ нашу народность и что такое славянство по отношенію къ Россіи. „Народность наша состоитъ въ безпредѣльной преданности и повиновеніи самодержавію" заявлялъ самый одинъ изъ такихъ циркуляровъ. Никитенко: „а славянство западное не должно возбуждать въ насъ никакого сочувствія. Оно само по себѣ, а мы сами по себѣ". Въ результатѣ, изъ всего славянскаго благонадежнымъ оказывался едва ли не одинъ только церковно-славянскій языкъ священнаго писанія.

Къ своему несчастію, Николай Павловичъ далеко не былъ всюду такимъ же хозяиномъ положенія, какъ въ области злосчастнаго русскаго просвѣщенія 40-хъ годовъ. Мнѣніе о необыкновенной властности и авторитетѣ императора Николая въ области международныхъ европейскихъ отношеній—такая же легенда, какъ и разсказы о его прямотѣ, мужествѣ и непреклонности. Мы уже видѣли, что въ своей восточной политикѣ онъ обнаруживалъ большую—и не всегда удачную—приспособляемость: высокомѣрный тонъ плохо прикрывалъ то обстоятельство, что онъ не столько велъ, сколько самъ шелъ за другими. Совершенно ту же картину даютъ и западныя отношенія Россіи за то же время.

Первой мыслью Николая при извѣстіи объ іюльской революціи во Франціи было вооруженное вмѣшательство: но его союзники были испуганы этой мыслью гораздо больше, чѣмъ самой революціей. Старый прусскій король, другъ Александра I, пря-

*) Законъ 1842 года объ „обязанныхъ крестьянахъ".

**) См. т. XIV. Внѣшняя политика Россіи въ I половинѣ XIX вѣка, гл. 4 Восточная политика Николая I.

мо заявилъ, что, пока французы не придутъ на Рейнъ, онъ не двинется. Комментарій, который давалъ его словамъ его министръ, Анцильонъ, долженъ былъ еще больше изумить и огорчить Николая Павловича: „мы не можемъ рисковать войной съ Франціей", говорилъ прусскій министръ, „ибо война эта станетъ всенароднымъ дѣломъ. *Мы не смѣемъ предпринимать ее, пока общественное мнѣніе не начнетъ ее поддерживать*".

Но всего горестнѣе было, что самъ князь Меттернихъ, душа Священнаго Союза, держался чуть ли не такого же мнѣнія, — хотя и не высказывалъ его такъ откровенно. Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ привезъ отъ него Николаю записку, гдѣ буквально было сказано: „принять за общее основаніе нашего поведенія рѣшеніе не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи"... Николай подчинился. Онъ даже полупризналъ совершившійся во Франціи переворотъ и его результаты — появленіе на французскомъ престолѣ Орлеанской династіи — и мстилъ за свою неудачу только крайне грубымъ тономъ своихъ обращеній къ Людовику-Филиппу. Но послѣдній, какъ честный „король-буржуа", придавалъ значеніе фактамъ, а не словамъ — и держался по отношенію къ Николаю правила, что брань на вороту не виснетъ (онъ выражалъ это латинскимъ словомъ ignoramus). Логика вещей требовала, сдѣлавъ одинъ шагъ, не отказываться и отъ второго: Николай очень желалъ бы помочь нидерландскому королю противъ его мятежныхъ бельгійскихъ подданныхъ. Но онъ былъ лишенъ всякой возможности это сдѣлать безъ содѣйствія Пруссіи и при явномъ противодѣйствіи Англіи и Франціи. Впрочемъ, польское возстаніе не давало и времени заботиться о Бельгіи. Въ концѣ концовъ, русская дипломатія и въ этомъ вопросѣ покорно шла на поводу у своихъ союзниковъ — отводившихъ душу болѣе или менѣе ядовитыми замѣчаніями по адресу Франціи, но не рѣшавшихся итти прямо наперекоръ „морскимъ державамъ". Впослѣдствіи Николай находилъ возможнымъ даже гордиться тѣмъ, что независимость Бельгіи закрѣплена при участіи, между прочимъ, и Россіи — и охрану этой независимости, — несомнѣннаго исчадія зловреднаго „духа времени" — разсматривалъ какъ одну изъ своихъ обязанностей въ качествѣ защитника „законности" вообще.

Польская революція и провозглашеніе бельгійской независимости были наглядными подтвержденіемъ того факта, что Священный Союзъ пересталъ существовать. Священный Союзъ былъ попыткой увѣковѣчить коалицію державъ стараго порядка противъ революціонной Франціи: и на немъ лишній разъ оправдался тотъ эмпирическій законъ, что никакая коалиція не можетъ быть успѣшна, разъ въ ней не участвуетъ Англія.

Вся вторая половина царствованія Николая наполнена попытками воскресить Шомонскій договоръ 1814 года — союзъ *четырехъ* державъ (Россіи, Австріи, Пруссіи и Англіи) противъ пятой, Франціи. Но это было предпріятіе, заранѣе осужденное на неудачу. Англія 30-хъ и 40-хъ годовъ была мало похожа на Англію перваго десятилѣтія XIX вѣка. Страна крупнаго землевладѣнія и торговаго капи-

ла всѣ усилiя окончательно обратиться въ страну господствующей крупной промышленности. Но промышленной буржуазiи нужно было господство манчестерства и либерализма на европейскомъ континентѣ — такъ же, какъ торжество наполеоновскихъ армiй было необходимымъ условiемъ процвѣтанiя болѣе примитивной французской буржуазiи начала столѣтiя. По характерной иронiи судьбы, англiйскими дѣлами въ это время еще продолжали завѣдывать государственные люди старой школы, вышедшiе изъ рядовъ крупной земельной знати, глубоко проникнутые феодальными понятiями и привычками. Нѣкоторые изъ нихъ были личными друзьями императора Николая — и это поддерживало въ немъ иллюзiю англiйскаго союза, вѣру въ то, что случайному и досадному отчужденiю Англiи отъ трехъ державъ стараго порядка скоро наступитъ конецъ. Государь-вотчинникъ наивно вѣрилъ, что всюду въ мiрѣ политика опредѣляется личными вкусами и симпатiями тѣхъ, кто ее ведетъ — и для него всегда оставалось загадкой, почему Веллингтонъ или Эбердинъ, лично расположенные къ нему, Николаю Павловичу, искреннiе и глубокiе консерваторы, не могутъ помѣшать участiю Англiи въ разныхъ „революцiонныхъ" проискахъ, направленныхъ противъ Россiи. Онъ никакъ не могъ представить себѣ, чтобы правитель страны былъ просто орудiемъ въ рукахъ управляемыхъ — и никогда не могъ освоиться съ мыслью, что въ Англiи можетъ остаться министромъ лишь человѣкъ, способный поддерживать на континентѣ либеральныя теченiя, выгодныя англiйской буржуазiи. Пальмерстонъ дѣлалъ это блестяще — и онъ былъ самымъ популярнымъ министромъ Англiи этого времени. Но и консервативные друзья Николая Павловича волей-неволей должны были дѣлать то же самое. Отъ возрожденiя Шомонскаго союза очень рано пришлось отказаться. Священный Союзъ, не сходя формально со сцены, уже въ 1833 году смѣнился гораздо болѣе скромнымъ тройственнымъ союзомъ, о которомъ упоминалось выше. Въ него вступили только Австрiя, Пруссiя и Россiя, его географическiя рамки были гораздо уже его предшественника — фактически Францiя и Пиренейскiй полуостровъ, а также и Бельгiя были изъяты изъ-подъ его влiянiя: онъ охватывалъ, кромѣ восточной половины Европы, только Италiю. Вмѣшательство союза во внутреннiя дѣла союзныхъ державъ, повелительно диктовавшееся рѣшенiями Ахенскаго и послѣдующихъ конгрессовъ, превратилось въ факультативное: державы-союзницы *могли* просить помощи другъ у друга въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ, но безъ такой просьбы вмѣшательство не должно было имѣть мѣста. Словомъ, Берлинская конвенцiя 1833 года давала лишь блѣдную копiю Священнаго Союза — но Николай долженъ былъ быть доволенъ и этимъ. Фактически, даже въ этихъ скромныхъ предѣлахъ союзники оказывались не особенно надежными. Прусскiй король Фридрихъ-Вильгельмъ IV, наслѣдовавшiй другу императора Александра Павловича, теперь дружилъ съ Англiей и скоро сталъ заниматься какими-то конституцiонными опытами, внушавшими русскому импера-

тору сильнѣйшее недовѣріе. А Австрія, вѣрнѣе Австрія Меттерниха, сблизилась съ Людовикомъ-Филиппомъ, — союзникомъ его съ почетомъ принимали въ Вѣнѣ — и не прочь была отъ французскаго союза, а австрійскій канцлеръ обсуждалъ съ Гизо вопросъ о борьбѣ на два фронта — на западѣ противъ революціи, на востокѣ — противъ завоевательныхъ стремленій Россіи". Въ то же время Англія развязывала руки весьма далеко отъ береговъ Атлантическаго океана. Пальмерстонъ явно поддерживалъ швейцарскихъ радикаловъ противъ консервативныхъ католическихъ кантоновъ — и спеціальный англійскій уполномоченный разъѣзжалъ по Италіи, ободряя либераловъ и пугая реакціонеровъ. Около половины 40-хъ годовъ не одинъ Востокъ былъ свидѣтелемъ неудачъ и разочарованій Николая Павловича.

Когда вспыхнула февральская революція, Николай уже успѣлъ освоиться съ мыслью, что по ту сторону Рейна начинается безраздѣльное царство зла — и что театромъ войны съ „духомъ времени" являются Германія и Австрія. Онъ охотно и безъ спора согласился съ предложеніемъ Меттерниха—держаться того же начала невмѣшательства во внутреннія дѣла Франціи, какъ и въ 1831 году. Даже больше — русскому повѣренному въ дѣлахъ при дворѣ Людовика-Филиппа, Киселеву, было разрѣшено остаться въ Парижѣ и поддерживать — пока неофиціальныя — сношенія съ временнымъ правительствомъ Французской республики. Если же часть русской арміи была мобилизована и придвинута къ западнымъ границамъ, то это было вызвано отчасти желаніемъ помочь Австріи — уже въ то время нуждавшейся въ русской поддержкѣ въ своихъ итальянскихъ дѣлахъ — отчасти же опасеніемъ дальнѣйшихъ осложненій. Они и не замедлили своимъ появленіемъ: въ мартѣ мѣсяцѣ въ Петербургѣ почти одновременно узнали о внезапномъ паденіи Меттерниха и о баррикадахъ въ Берлинѣ. Самыя мрачныя изъ предвидѣній Бруннова оправдывались — „духъ времени" былъ уже на Дунаѣ и на Одерѣ.

Императоръ Николай понималъ всю колоссальную важность совершившейся перемѣны. „Въ глазахъ моихъ исчезаетъ вмѣстѣ съ вами цѣлая система взаимныхъ отношеній мысли, интересовъ и дѣйствій сообща", писалъ онъ Меттерниху. „На новомъ пути, на который отнынѣ вступаетъ австрійская монархія, и не взирая на добрую волю ея правительства, крайне трудно будетъ обрѣсти ихъ въ одинаковой степени, подъ иною формой". И тѣмъ не менѣе худо скрытое торжество звучитъ въ эти дни въ каждомъ его заявленіи. „По завѣтному примѣру православныхъ нашихъ предковъ, призвавъ въ помощь Бога Всемогущаго, мы готовы встрѣтить враговъ нашихъ, гдѣ бы они ни предстали", самодовольно заявлялъ онъ въ своемъ манифестѣ (отъ 14-го марта)—извѣщавшемъ его подданнымъ о происшедшихъ на Западѣ переворотахъ. „Мы удостовѣрены,.. что древній нашъ возгласъ: „за вѣру, царя и отечество" и нынѣ предукажетъ намъ путь къ побѣдѣ... Съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтесь, яко съ нами Богъ!" Часъ рѣшительнаго боя „добра и зла", наконецъ, пришелъ, таинственный „духъ", лукавый и изворотливый, скрывавшійся до

[illegible] не другое доступными для [illegible] силы убѣжищами — въ книгахъ, газетахъ, университетскихъ [illegible] и частныхъ [illegible], [illegible] теперь найти въ откры[illegible] — и должны быть [illegible] русскими [illegible].

[illegible] не „вызвы“ [illegible] на русскія предѣлы — и политическія чувства императора Николая оставались безъ удовлетворенія. Правда, въ [illegible] Меттерниха [illegible] „[illegible] русскій союзъ!“ Правда, единая Германія, о которой говорили и въ прусскомъ ландтагѣ, и во франкфуртскомъ парламентѣ, включала въ себя и остзейскія губерніи Россіи. Но дальше этихъ моральныхъ [illegible] и теоретическихъ чаяній дѣло пока не шло. И если Николай хотѣлъ поразить „зло“, ничего не оставалось, какъ пойти къ нему на родину. Русскій императоръ, конечно, съ величайшимъ удовольствіемъ занялъ бы своими войсками и Берлинъ, и Вѣну, и Франкфуртъ, но берлинскія конвенціи 1833 года не допускали такого простого рѣшенія вопроса. Онѣ допускали вмѣшательство во внутреннія дѣла одной изъ союзныхъ державъ только по приглашенію самой этой державы. Николай очень желалъ стать усмирителемъ Пруссіи — и долго не терялъ надежды имъ сдѣлаться. Еще въ 1850 году онъ предлагалъ графу Дона, прусскому корпусному командиру на русской границѣ, двинуться со своими солдатами на Берлинъ и тамъ произвести coup d'état въ пользу возстановленія стараго порядка въ его неприкосновенномъ видѣ. Онъ обѣщалъ прусскому генералу поддержать его четырьмя русскими корпусами. Но Гогенцоллерны [illegible] не [illegible] послѣдніе остатки своей популярности; они твердо надѣялись, что [illegible] уладить [illegible] и [illegible] не совсѣмъ напрасно. А въ Берлинѣ [illegible] очень увѣренные люди воображали, что русскій императоръ наравнѣ съ Меттернихомъ былъ „несчастіемъ [illegible] и всей Германіи“. Въ [illegible], что касается Сѣверной Германіи, Николаю пришлось утѣшать себя вмѣшательствомъ во второстепенное, [illegible] датскомъ дѣлѣ, — въ которомъ онъ [illegible] дѣло истинно-русское, подготовивъ своимъ вмѣшательствомъ кандидатуру на датскій (а, слѣдовательно, и шлезвигъ-голштинскій) престолъ своего родственника, принца Ольденбургскаго. Этой цѣли ему не удалось достигнуть, но, заставивъ нѣмцевъ вернуть Даніи спорныя провинціи *), онъ озлобилъ противъ себя всѣхъ нѣмецкихъ и, въ частности, прусскихъ патріотовъ, — подготовивъ тѣмъ враждебный Россіи нейтралитетъ Пруссіи во время Крымской войны. Австрія [illegible] ему [illegible]. Уже [illegible] русская [illegible] въ Италіи, — [illegible] не [illegible], а [illegible] поддержкой и деньгами. Николай не отказалъ ни въ томъ, ни въ другомъ. Англія предлагала свое дружеское посредничество сардинскому королю въ его спорѣ съ Австріей изъ-за Ломбардіи: это было косвенно давленіемъ на Австрію въ пользу Піемонта. Рус-

*) [illegible]

кое министерство иностранныхъ дѣлъ заявило, что Россія не потерпитъ, чтобы то ни было вмѣшательства въ итальянскія дѣла, и что въ Италіи все должно оставаться по старому. Одновременно изъ денегъ русской казны было отпущено австрійскому правительству шесть милліоновъ рублей. Въ иной, гораздо болѣе рѣшительной, формѣ понадобилась Австріи русская поддержка, когда возстаніе распространилось на сосѣднія съ Россіей области габсбургской монархіи. Русскія войска давно стояли на ея восточныхъ границахъ: революція 1848 года захватила между прочимъ дунайскія княжества: ихъ номинальный сюзеренъ, турецкій султанъ, неожиданно оказался черезчуръ либеральнымъ — и турецкій комиссаръ въ княжествахъ призналъ установившійся въ Валахіи порядокъ, санкціонировавъ образовавшееся тамъ временное революціонное правительство. Ничего подобнаго Николай Павловичъ, разумѣется, не могъ допустить. Если султанъ не умѣлъ оберечь своихъ правъ, этимъ долженъ былъ заняться русскій императоръ, — который и былъ къ тому же дѣйствительнымъ, не номинальнымъ, сюзереномъ княжествъ. Валахія и Молдавія были заняты русскими войсками, а турецкое правительство вынуждено было издать декларацію, которою упразднялось всякое подобіе конституціи въ княжествахъ: впредь господари должны были не выбираться, а назначаться султаномъ, даже средневѣковыя собранія бояръ были уничтожены и замѣнены совѣтами чиновниковъ по назначенію господарей. Для охраны возстановленнаго „порядка" русскій корпусъ ген. Лидерса долженъ былъ остаться въ княжествахъ: возставшая Венгрія, такимъ образомъ, сразу увидала въ непосредственномъ своемъ сосѣдствѣ, на границѣ Трансильваніи, русскую военную силу. Перейти границу ей ничего не стоило — и случай этотъ былъ предусмотрѣнъ уже давно: еще въ 1837 г. между Меттернихомъ и Николаемъ было условлено, что въ случаѣ возстанія мадьяръ Австрія можетъ разсчитывать на вооруженную поддержку со стороны Россіи. Въ 1848 году и Австрія до послѣдней минуты крѣпилась, не вспоминая объ этомъ соглашеніи и не открывая русскимъ войскамъ доступа въ свои границы. По мѣрѣ того однако же, какъ реакція брала верхъ въ Австріи, опасеніе лишиться популярности все менѣе и менѣе играло роль въ поведеніи австрійскаго правительства, и идея русскаго вмѣшательства становилась для него все болѣе и болѣе пріемлемой. Впервые опредѣленно о немъ заговорилъ Виндишгрецъ въ дни бомбардировки Вѣны. Въ отвѣтъ на слова русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ о сочувствіи императора Николая энергическому образу дѣйствій Виндишгреца, австрійскій фельдмаршалъ, вмѣстѣ съ горячими изъявленіями благодарности, выразилъ надежду, что русскій императоръ не откажется помочь законному правительству Австріи, если бы наступила вновь трудная минута. На донесеніи объ этомъ русскаго дипломата Николай написалъ: „и я отвѣчу на ихъ призывъ, и они во мнѣ не ошибутся". Онъ только и ждалъ такого призыва. Спеціально венгерское возстаніе было особенно важно въ его глазахъ: въ рядахъ венгерцевъ сражались поль-

скіе легіоны, а польскіе генералы, Бемъ и Дембинскій, командовали мадьярскими войсками. Низложеніе Габсбурговъ и молодого австрійскаго императора, Франца-Іосифа,—о которомъ Николай отзывался, что онъ любитъ его, какъ родного сына, нашли бы подготовленную почву. Сначала Лидерсъ вступилъ въ Трансильванію, а затѣмъ не замедлила появиться и главная русская армія изъ Польши подъ начальствомъ Паскевича. Два мѣсяца спустя послѣдній доносилъ Николаю: „Венгрія у ногъ вашего императорскаго величества". Прибавокъ къ нѣмцамъ и итальянцамъ, Россія пріобрѣла еще одного врага въ лицѣ маленькаго, но энергичнаго и памятливаго венгерскаго народа.

Разгромъ Венгріи былъ послѣднимъ ударомъ, нанесеннымъ австрійской революціи: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ капитуляціи венгерской арміи подъ Вилагошемъ австрійская конституція перестала существовать. То, о чемъ Николай только мечталъ для Пруссіи, возстановленіе стараго порядка во всей его неприкосновенности, здѣсь стало дѣйствительностью: наслѣдникъ Меттерниха, кн. Шварценбергъ, собирался пойти даже дальше своего предшественника. Оставалось, опираясь на достигнутые успѣхи, покончить съ другимъ порожденіемъ „духа времени"—съ идеей единства Германіи. Это единство Николай Павловичъ считалъ „нелѣпымъ предпріятіемъ, достигнувшимъ пока единственнаго успѣха, возбужденія страстной зависти и серьезныхъ замѣшательствъ между Австріей и Пруссіей". Россія поэтому всей тяжестью своего авторитета поддержала Австрію въ ея попыткѣ реставрировать Германскій союзъ, созданный Вѣнскимъ конгрессомъ въ 1815 году. Этому сильно противилась Пруссія, король которой все время колебался между желаніемъ стать императоромъ объединенной Германіи и отвращеніемъ къ „собачьему ошейнику", — какъ называлъ онъ императорскую корону, получаемую изъ рукъ народныхъ представителей. Вмѣшательство Россіи положило конецъ его колебаніямъ. Одну минуту онъ думалъ опереться на Англію, но въ расчеты Англіи вовсе не входило созданіе единой Германіи. Побряцавъ оружіемъ, Пруссія пошла на самую позорную капитуляцію: въ отвѣтъ на австрійскій ультиматумъ, прусскій первый министръ поспѣшилъ выѣхать навстрѣчу своему австрійскому коллегѣ, даже не дождавшись согласія послѣдняго на свиданіе. Такая „скромность", какъ офиціально заявлялъ Шварценбергъ, заставила Австрію быть снисходительной: снисходительность выразилась въ томъ, что Пруссія была принята на старыхъ условіяхъ въ Германскій союзъ, возстановленный въ его прежнемъ видѣ. Россія была довольна, но главной виновницей этой такъ называемой „ольмюцкой пунктаціи" —и все негодованіе общественнаго мнѣнія Германіи еще разъ обрушилось на нее.

Къ этому негодованію примѣшивалась однако значительная доза страха. Легенда о вершителѣ судебъ Европы какъ будто начала оправдываться именно въ эти годы. „Развѣ не видятъ, что тамъ на сѣверѣ господствуетъ настоящій *Наполеонъ мира*, которымъ только казался Людовикъ-Филиппъ, но не былъ ни по

существу, свѣту, ни по значенію?" писалъ одинъ прусскій дипломатъ въ концѣ 1840 года. „Лишь разъ въ [illegible] анналахъ былъ русскій мечъ былъ вынесенъ изъ ножонъ, именно въ столь мало опасномъ для царя венгерскомъ походѣ, и благодаря этому сильному (!) поступку, сѣверное вліяніе обезпечено не только въ Вѣнѣ, но и въ Стокгольмѣ, въ Италіи, въ Греціи, и если на берегахъ Шпре и Босфора не вступятъ скоро и рѣшительно на иной путь, то..." „Когда я былъ молодъ", писалъ другой нѣмецкій наблюдатель, годъ спустя, „надъ европейскимъ материкомъ господствовалъ Наполеонъ. Теперь, повидимому, русскій императоръ занялъ мѣсто Наполеона и будетъ, по крайней мѣрѣ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, предписывать законы Европѣ".

Достаточно было всего четырехъ лѣтъ, чтобы изобличить малодушіе этихъ страховъ и показать, что могущественная Россія, вершительница судебъ Европы, больше, чѣмъ когда-либо, была „великимъ обманомъ" *).

2.

Споръ о „ключахъ".

Какими бы возвышенными принципами ни руководилась политика Николая Павловича, онъ никогда не забывалъ ближайшихъ практическихъ послѣдствій своихъ шаговъ. Мы видѣли, что, поддерживая, исключительно во славу принципа законности, датскаго короля, онъ не прочь былъ использовать датское дѣло, чтобы добыть корону для своего родственника. Ходили слухи, что, [illegible] стремясь на помощь австрійскому императору, онъ подумывалъ въ то же время объ округленіи западной границы Россіи насчетъ Галиціи. Если онъ въ концѣ концовъ не далъ ходу этой мелкой претензіи, то главнымъ образомъ потому, что занятое имъ въ Европѣ властное положеніе открыло передъ нимъ,— такъ, по крайней мѣрѣ, ему казалось, — несравненно широкія перспективы на томъ полѣ, которое издавна составляло главный предметъ его вниманія. Мы видѣли въ своемъ мѣстѣ **), что раздѣлъ наслѣдства послѣ Турціи, — которая по мнѣнію его канцлера умирала, а по его личному мнѣнію уже умерла и только по недоразумѣнію занимала мѣсто среди живыхъ, — былъ навязчивой идеей Николая Павловича съ первыхъ лѣтъ его царствованія. Мы видѣли также, что ни разу ему не представлялось случая приняться за это дѣло самостоятельно, всякій разъ ему нужны были союзники—то Австрія, то Англія—и каждый разъ эти союзники въ самый рѣшительный моментъ отказывали въ своемъ содѣйствіи. Теперь онъ былъ--или казался себѣ настолько сильнымъ, что могъ приняться за это дѣло одинъ, не дожи-

*) A great humbug, выраженіе Пальмерстона.

**) См. ч. I, гл. XIV. Внѣшняя политика Россіи. I. Восточная политика Николая I.

давшихъ другимъ, — предоставляя имъ присоединяться къ нему, если они найдутъ нужнымъ.

Какъ разъ въ ту минуту, когда Николай, казалось, распоряжался судьбами Европы отъ Копенгагена до Вѣны, по своему усмотрѣнію, Турція снова обратила на себя его вниманіе, довольно нелѣпо напомнивъ ему о границахъ его всемогущества. Часть венгерскихъ эмигрантовъ и въ томъ числѣ наиболѣе ненавистные Николаю польскіе офицеры, укрылась въ Турціи. Австрія и Россія самымъ категорическимъ образомъ потребовали ихъ выдачи. Султанъ отказалъ. Въ это время дѣлами Турціи руководило „либеральное", вѣрнѣе [illegible] министерство, готовившее цѣлый рядъ реформъ въ европейскомъ духѣ (совокупность этихъ реформъ была извѣстна подъ именемъ *танзимата*). Вліяніе англійскаго посла, Стратфорда Каннинга, было всемогущимъ. Къ тому же, принимать европейскихъ бѣглецовъ — особенно если они переходили въ магометанство, какъ это сдѣлали нѣкоторые изъ венгерскихъ эмигрантовъ, — было въ Турціи традиціей. Въ старое время не одинъ министръ султана, не одинъ генералъ его арміи вышли изъ рядовъ такихъ „ренегатовъ". Словомъ, со всѣхъ точекъ зрѣнія турки не расположены были удовлетворить требованія державъ стараго порядка. Что они имѣютъ дѣло съ вершителемъ судебъ Европы — этого они или не знали, стоя далеко отъ революціи 48-го года, или не хотѣли знать, вспоминая довольно плачевную роль Николая передъ лицомъ ихъ покровительницы, Англіи. Вынужденный отказъ Россіи отъ Ункяръ-Искелессійскаго договора *) у Порты былъ еще въ свѣжей памяти.

Николай былъ раздраженъ, что не можетъ настоять на выдачѣ. Требованіе выдачи было предъявлено облеченнымъ въ такую форму — собственноручнаго письма русскаго императора къ султану, посланнаго съ особымъ генераломъ Радзивилломъ, — которая дѣлала отрицательный отвѣтъ почти невыносимымъ оскорбленіемъ. Получивъ его, Австрія и Россія немедленно прервали дипломатическія сношенія съ Турціей. Онѣ ожидали извѣстія о томъ, что Порта горько раскаивается, готовились видѣть униженные поклоны и извиненія. Вмѣсто этого онѣ узнали, что Англія и Франція категорически потребовали отъ султана не уступать въ этомъ пунктѣ, и что для подкрѣпленія этого требованія англійская эскадра прошла черезъ Дарданеллы въ Мраморное море. Это было прямымъ нарушеніемъ международной конвенціи 1841 г., — конвенціи, подписанной между прочимъ и Англіей, и закрывавшей проливы для военныхъ судовъ всѣхъ державъ. Потому Пальмерстонъ и поспѣшилъ формально извиниться за поступокъ англійскаго адмирала. Но впечатлѣніе было сдѣлано. Выдачи эмигрантовъ Николай не добился: все, на что согласилась Турція, это было удаленіе ихъ изъ пограничныхъ съ Австріей областей во внутреннія. Скоро одинъ изъ наиболѣе ненавистныхъ Николаю, полякъ Бемъ, сдѣлался турецкимъ пашой. Русскіе дипломаты пробовали объяснять всѣмъ желающимъ эту

*) См. выше.

[illegible], что тутъ вышло несчастное [illegible]ческое совпаденіе, — что то[illegible], по своей отсталости, по[illegible] согласился на уступку го[illegible] раньше, чѣмъ узналъ о дер[illegible] дипломатіи въ Евро[illegible] держась пра[illegible] propter hoc, мла[illegible], съ какой морскія дер[illegible] сумѣли показать „русскому [illegible]" его мѣсто.

„Русскій медвѣдь" въ данную минуту не чувствовалъ себя готовымъ къ войнѣ съ морскими державами. Но, рано или поздно, онъ долженъ былъ отомстить. Онъ приступилъ къ этому, какъ только возстановленіе стараго порядка въ Германіи окончательно развязало ему руки на Западѣ. Найти предлогъ для новаго вмѣшательства въ турецкія дѣла было какъ нельзя болѣе легко: традиціонное покровительство православнымъ на Востокѣ въ изобиліи давало матеріалъ для разнаго рода мелкихъ столкновеній въ любой моментъ. Католическое и православное духовенство въ Іерусалимѣ и другихъ святыхъ мѣстахъ Палестины постоянно враждовали между собой изъ-за права распоряжаться тою или другой святыней, т. е. эксплуатировать ее въ свою пользу. Со времени крестовыхъ походовъ перевѣсъ въ этомъ случаѣ былъ на сторонѣ католиковъ: изъ двѣнадцати святынь Іерусалима девять были въ ихъ рукахъ—и лишь три, но въ томъ числѣ самыя главныя, завѣдывались православными, причемъ однако и католики имѣли туда доступъ. Такое соотношеніе силъ объясняется постояннымъ энергичнымъ покровительствомъ, какое встрѣчали палестинскіе католики со стороны правительства старой, дореволюціонной Франціи. Давнишній союзникъ Турціи, это правительство никогда не забывало извлечь изъ союза выгоду и для католической церкви. Новая Франція нѣсколько пренебрегала этимъ, — къ тому же грубая измѣна Наполеона послѣ Тильзита *) возмутила турокъ противъ Франціи: результатомъ была реакція въ пользу православныхъ—подданныхъ султана, не нужно забывать этого: въ 1808 году они получили привилегіи, во многомъ противорѣчившія трактатамъ, ограждавшимъ прерогативы римской церкви. Они пользовались ими невозбранно до начала 50-хъ годовъ, —пока въ дѣло не вмѣшалось опять французское правительство. Людовику-Наполеону, подготовлявшему въ это время переворотъ 2 декабря 1851 года очень важно было содѣйствіе католической церкви. Услуга ей была одновременно расплатой за ея добрыя услуги на президентскихъ выборахъ—и обезпеченіемъ ея содѣйствія при будущемъ государственномъ переворотѣ. Въ Европѣ результатомъ этого обмѣна услугъ была извѣстная римская экспедиція—разгромъ римской республики войсками республики французской. Въ Палестинѣ Людовикъ-Наполеонъ вспомнилъ традиціи французскихъ королей и рѣшилъ отстаивать права, предоставленныя католикамъ трактатомъ XVIII вѣка. Помимо Іерусалима—тутъ особенно важную роль играло право починки купола надъ гробомъ Господнимъ—наибольшее значеніе имѣлъ виѳлеемскій храмъ, съ обладаніемъ ключами котораго по мѣстнымъ понятіямъ свя-

*) См. тамъ же.

ливалось нѣчто въ родѣ права собственности на самыя эти святыя мѣста. Переданіе „латинянамъ“ ключей отъ этой святыни было блестящимъ успѣхомъ дипломатіи Людовика Наполеона, подавшимъ поводъ къ ряду драматическихъ сценъ—которыхъ мы не будемъ разсказывать здѣсь подробно. Изъ этого, главнымъ образомъ, дѣла и возникъ „вопросъ о святыхъ мѣстахъ“.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что съ самаго начала президентъ Французской республики вовсе не имѣлъ въ виду серьезнаго столкновенія, а тѣмъ болѣе войны съ Россіей изъ-за палестинскихъ дѣлъ. Онъ былъ увѣренъ, что вопросъ не выйдетъ за предѣлы обычной дипломатической пикировки; когда ему показалось, что его посланникъ въ Константинополѣ, Лавалеттъ, увлекся и взялъ слишкомъ рѣзкій тонъ, онъ поспѣшилъ замѣнить его другимъ лицомъ. Въ свою очередь, Николай всего меньше желалъ навязать себѣ на шею войну съ Франціей. Противъ Людовика-Наполеона лично онъ ничего не имѣлъ. Его избраніе въ президенты казалось Николаю фактомъ весьма желательнымъ,—какъ залогъ преобладанія консервативныхъ началъ во французской политикѣ внутренней и внѣшней. Переворотъ 2-го декабря окончательно восхитилъ русскаго императора, оправдавъ самыя лучшія его надежды. Въ его глазахъ это была крупная заслуга Людовика-Наполеона передъ всей Европой: „духъ времени“ былъ раздавленъ, такъ сказать, въ собственномъ его гнѣздѣ. Николай такъ смягчился, по поводу этого радостнаго событія, что—единственные разъ—[illegible] [illegible] „[illegible]“ [illegible] [illegible] и [illegible] Французской [illegible] Людовикъ Наполеонъ, [illegible] Наполеономъ III, рѣшилъ [illegible] въ свой проектъ Николая Павловича и, воспользовавшись пребываніемъ послѣдняго въ Берлинѣ, послалъ къ нему для соотвѣтствующихъ переговоровъ сенатора Геккерена (пріемнаго отца убійцы Пушкина), Николай встрѣтилъ посланца Людовика Наполеона весьма [illegible], [illegible] въ разговорахъ съ нимъ [illegible] президента Французской республики,—увѣщевалъ его и впредь держаться той же линіи. Грубое нарушеніе довѣрія, оказаннаго Бонапарту французскимъ народомъ, нисколько не смущало Николая Павловича, при всей его честности и лояльности: припомнимъ, какъ усердно поощрялъ онъ къ такому же нарушенію довѣрія прусскаго короля и какъ радовался онъ государственному перевороту въ Австріи. „Честность“ на его языкѣ обозначала честность по отношенію къ равнымъ себѣ, къ императорамъ и королямъ: народы не имѣли никакихъ правъ, и по отношенію къ нимъ не могло быть ни честныхъ, ни безчестныхъ поступковъ. Если разговоры съ Геккереномъ отчасти испортили настроеніе, то совсѣмъ другимъ: освѣдомившись о желаніи президента принять императорскій титулъ, Николай поморщился; это уже было посягательствомъ на права его и ему подобныхъ коронованныхъ особъ: съ этимъ не такъ легко было примириться. А когда Геккеренъ заговорилъ о [illegible] на фран-

нувшемъ престолѣ династіи Бонапартовъ. Николай окончательно отказался продолжать разговоръ. На ясномъ горизонтѣ показалось первое облачко. Оно превратилось въ довольно большую тучу, когда Людовикъ-Наполеонъ осуществилъ свое намѣреніе, дерзко украсивъ при этомъ свое имя цифрой III — напоминая всему міру, что онъ считаетъ себя наслѣдникомъ своего, низложеннаго всеевропейскимъ конгрессомъ, дяди.

Николай сильно агитировалъ противъ признанія новаго Бонапарта императоромъ, въ особенности съ этой цифрой: и тутъ ему пришлось убѣдиться, что и на западѣ Европы онъ далеко не такъ всемогущъ, какъ казалось запуганнымъ имъ людямъ. Не говоря уже объ Англіи, даже державы стараго порядка отказались присоединиться въ этомъ случаѣ къ Россіи — и Николай, послѣ тщетныхъ попытокъ оттянуть дѣло, вынужденъ былъ признать совершившуюся перемѣну, утѣшая себя, какъ въ дни Людовика-Филиппа, словесными грубостями по адресу носителя непріятной для него цифры. Какъ извѣстно, онъ отказался дать Наполеону III обычный въ перепискѣ между монархами титулъ „брата“, согласившись назвать его только „другомъ“: представитель Николая Павловича дополнилъ это оскорбленіе, объяснивъ, что „братьями“ его государь считаетъ только государей „божіей милостью“, Наполеонъ же является государемъ лишь „волею народа“. Но и это препирательство, живо переносящее насъ во времена переговоровъ Грознаго со Стефаномъ Баторіемъ, какъ оно ни портило личныя отношенія, не было еще достаточнымъ поводомъ для войны; съ Людовикомъ-Филиппомъ Николай обходился нисколько не лучше (Наполеонъ III находилъ даже, что гораздо хуже), и однако же никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій это не имѣло.

Исходной точкой осложненій, приведшихъ къ Восточной войнѣ 1853—1856 гг., были не личныя отношенія Николая и Наполеона III и тѣмъ болѣе не „споръ о ключахъ“ самъ по себѣ. Дипломатъ—почитатель Николая Павловича, описавшій дипломатическія перипетіи великой борьбы, обращаетъ вниманіе, какъ часто въ устахъ дѣйствующихъ лицъ этой трагедіи мы встрѣчаемъ слово „рокъ“ (fatalité). Иначе они не умѣли объяснить себѣ своихъ собственныхъ поступковъ. Этимъ „рокомъ“ была сила общественнаго мнѣнія европейской буржуазіи. Буржуазное общество не могло терпѣть занесеннаго надъ нимъ кулака феодальной Россіи. Всякій поводъ былъ хорошъ, чтобы избавиться отъ Николая. И заслуга Наполеона III состояла въ томъ, что онъ вѣрно оцѣнилъ, гдѣ надо искать уязвимую сторону русскаго самодержца—ту точку, гдѣ онъ долженъ былъ сосредоточить противъ себя наибольшее противодѣйствіе своихъ западныхъ сосѣдей безъ различія, были ли они у себя дома представителями стараго порядка или революціи. Этой точкой былъ, конечно, не Іерусалимъ съ его мелкими церковными дрязгами, а Европейская Турція, Балканскій полуостровъ съ Константинополемъ включительно. Что „ключи“ были для Николая только придиркой, въ этомъ едва ли могло быть сомнѣніе даже въ то время, какъ скоро стали извѣстны разговоры, какіе онъ велъ съ англій-

скимъ посломъ въ Петербургѣ. — Для послѣдняго попытку раздѣлить оныхъ „морскихъ державъ". Здѣсь вопросъ о дѣлежѣ наслѣдства „больного человѣка" ставился такъ конкретно, какъ этого никогда еще не дѣлалъ Николай Павловичъ. Молдавія, Валахія, Сербія и Болгарія отходили къ Россіи, Критъ и Египетъ къ Англіи. Только о Константинополѣ стѣснялись говорить прямо — но Николай давалъ понять, что, быть можетъ, ему придется взять этотъ городъ „въ видѣ залога". Присутствіе у власти полу-торійскаго министерства, явно избѣгавшаго столкновенія съ Россіей, которое пошло бы на пользу только революціонерамъ, сильно поощряло его на этомъ пути, питая въ немъ иллюзію русско-англійскаго союза. Но онъ скоро долженъ былъ увидѣть, что иниціативу раздѣлки съ „больнымъ" человѣкомъ ему придется взять на себя.

16 февраля 1853 года въ Константинополь прибылъ чрезвычайный посолъ русскаго императора, князь Меншиковъ.

Онъ началъ съ того, что категорически потребовалъ удаленія турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ, по мнѣнію Николая, недобросовѣстно дѣйствовавшаго въ вопросѣ о святыхъ мѣстахъ. Ошеломленная Порта уступила безпрекословно. Затѣмъ новому министру былъ предъявленъ списокъ дальнѣйшихъ русскихъ требованій, съ предписаніемъ—хранить его въ строжайшей тайнѣ, особенно отъ западно-европейскихъ дипломатовъ. Нѣтъ надобности говорить, что содержаніе этого списка стало немедленно же извѣстно наиболѣе заинтересованному изъ послѣднихъ— англійскому посланнику. Не безъ ироніи онъ указалъ, что русскій самодержецъ желаетъ, употребляя англійскія выраженія, „чтобы Турція поставлена по отношенію къ Россіи въ такое положеніе, какое до сихъ поръ занимали дунайскія княжества". Николай находилъ, что постановленія, касающіяся права Россіи покровительствовать православнымъ христіанамъ на Востокѣ, формулированы недостаточно точно, какъ въ Кайнарджійскомъ, такъ и въ Адріанопольскомъ трактатѣ: поэтому султанъ долженъ былъ еще разъ торжественно подтвердить оба названныхъ трактата, но въ болѣе ясной, не допускающей двухъ толкованій формѣ. Главнымъ образомъ должно было быть разъяснено, во-первыхъ, что право покровительства касается именно православныхъ подданныхъ султана,— т. е. что они могутъ на злоупотребленія своихъ турецкихъ властей апеллировать къ русскому государю; во-вторыхъ, что покровительство отнюдь не касается только вопросовъ вѣры и религіозныхъ преслѣдованій — что вся православная церковь въ Турціи, какъ она есть, со всѣми ея иммунитетами подлежитъ русской опекѣ. Иными словами, около девяти милліоновъ подданныхъ султана (по тогдашнимъ исчисленіямъ) пріобрѣтали теперь двухъ государей, изъ которыхъ одному они могли жаловаться на другого. Чтобы правильно оцѣнить это требованіе, стоитъ себѣ представить казанскихъ татаръ, получающихъ право жаловаться на императора Николая турецкому султану, — причемъ съ представленіями послѣдняго Николай обязанъ былъ считаться и ихъ удо-

состояніи. Очевидно, говоря, что Турція умерла, русскій императоръ былъ совершенно искрененъ. Но такъ какъ Турція, вопреки этому единичному мнѣнію, была еще жива, то задачей турецкихъ дипломатовъ съ первой же минуты явилось — какъ-нибудь сбыть съ рукъ князя Меншикова съ его порученіемъ. Воевать Турція въ эту минуту вовсе еще не хотѣла; въ военной поддержкѣ Англіи и Франціи она еще не была вполнѣ увѣрена. Порта начала съ того, что обѣщала дать Россіи полное удовлетвореніе въ вопросѣ о святыхъ мѣстахъ. Французская дипломатія надѣялась столковаться по этому поводу непосредственно съ Россіей, не подвергая Турцію риску войны. Затѣмъ великій визирь обѣщалъ изданіе фирмана (и онъ, дѣйствительно, былъ скоро изданъ), еще разъ торжественно подтверждающаго всѣ права и привилегіи православной церкви въ Турціи, — но съ тѣмъ, конечно, что православные подданные султана оставались его подданными, со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями. Наконецъ, султанъ выразилъ желаніе отправить къ Николаю Павловичу особаго полномочнаго посла для окончательнаго улаженія всего этого дѣла. Меншиковъ категорически отклонилъ всѣ предложенія этого рода: не менѣе своего государя убѣжденный въ омертвѣніи Турціи, онъ былъ увѣренъ, что стоитъ хорошенько припугнуть турецкихъ министровъ, и они на все согласятся. Съ самой оскорбительной надменностью, онъ не допускалъ даже обсужденія предъявленныхъ Россіей требованій. Онъ передалъ великому визирю составленный въ Петербургѣ текстъ конвенціи и заявилъ, что она должна быть возвращена съ подписью султана: больше ничего. На размышленіе давалось 8 дней (потомъ Меншиковъ прибавилъ еще пять). Не получивъ въ срокъ отвѣта, русскій посолъ объявилъ дипломатическія сношенія прерванными и выѣхалъ изъ Константинополя. А 14 іюня 1853 года въ Петергофѣ былъ подписанъ высочайшій манифестъ, въ которомъ Николай возвѣщалъ своимъ подданнымъ: „истощивъ всѣ убѣжденія и съ ними всѣ мѣры миролюбиваго удовлетворенія справедливыхъ нашихъ требованій, признали мы необходимымъ двинуть войска наши въ придунайскія княжества, дабы доказать Портѣ, къ чему можетъ вести ея упорство“

3.

Дунайская кампанія.

(1853—1854).

Оккупація княжествъ означала войну — почти навѣрное, съ Турціей и, очень вѣроятно, съ Франціей, фактической противницей Россіи въ вопросѣ о святыхъ мѣстахъ. Императоръ Николай предвидѣлъ это: но война казалась ему дѣломъ не труднымъ и для Россіи совсѣмъ не опаснымъ. Въ разговорѣ съ генераломъ Тимашевымъ (впослѣдствіи министромъ внутреннихъ дѣлъ Александра II) онъ категорически заявлялъ, что, по чис-

ленности войскъ. Россія всегда будетъ сильнѣе всѣхъ своихъ враговъ и что онъ, Николай, поэтому никого не боится. Особенно легко было, казалось ему, справиться съ Турціей. Раннею весною 1853 года — во время посольства Меншикова въ Константинополѣ или даже немного раньше — онъ писалъ: „думаю, что сильная экспедиція, съ помощью флота, прямо въ Босфоръ и Царьградъ, можетъ все рѣшить весьма скоро. Ежели флотъ въ состояніи поднять въ одинъ разъ 16.000 человѣкъ съ 32 полевыми орудіями, съ необходимымъ числомъ лошадей, при 2 сотняхъ казаковъ, то сего достаточно, чтобы при неожиданномъ появленіи не только овладѣть Босфоромъ, но и самимъ Царьградомъ. Буде число войскъ можетъ быть и еще усилено, тѣмъ болѣе условій къ удачѣ“. Даже и вмѣшательство морскихъ державъ не можетъ спасти Константинополя: намъ стоитъ только также быстро занять Дарданеллы.

Существованіе такого плана параллельно съ увѣреніями русской дипломатіи, что Россія исполнена миролюбія и отнюдь не желаетъ войны, очень характерно. Практическихъ послѣдствій онъ не имѣлъ, такъ какъ кн. Меншиковъ, на котораго непосредственно было возложено руководство морской экспедиціей противъ Царьграда, нашелъ таковую „весьма трудной и даже невозможной“. Но и другіе планы, къ которымъ перешелъ Николай Павловичъ послѣ этого, дышатъ тою же увѣренностью, что турецкая армія будетъ разбита при первомъ же столкновеніи съ нашей. Разгромъ турецкихъ войскъ являлся исходной точкой всѣхъ русскихъ операцій. [illegible] Николая [illegible] для него [illegible] являлось не разгромить турокъ, это разумѣлось само собою, а [illegible] наступать, когда разбитые турки, со свойственными восточнымъ людямъ [illegible], начнутъ „укрываться“. Тогда, по его мнѣнію, слѣдовало, не останавливаясь, двигаться прямо черезъ Балканы.

Это оптимистическое настроеніе держалось довольно долго. На Рождествѣ 1853 года изъ Петербурга писали въ Москву: „Государь веселъ. Побѣды (рѣчь идетъ, очевидно, о Синопѣ и Башкадыклярѣ) его развеселили. Война и война — нѣтъ слова на миръ. Ото всей Россіи войнѣ сочувствіе. Флигель-адъютанты доносятъ, что такихъ дивныхъ и единодушныхъ наборовъ еще никогда не бывало. Крестовый походъ. Государь самъ выразился, что ему присылаютъ Аполлоновъ Бельведерскихъ на войну: въ теченіе двадцати девяти лѣтъ онъ ничего подобнаго не видывалъ“.*)

Образъ дѣйствій противниковъ много способствовалъ поддержанію въ Николаѣ Павловичѣ подобныхъ иллюзій. Глядя, какъ осторожно, почти трусливо, выступаютъ Турція и ея союзницы, можно было въ самомъ дѣлѣ подумать, что и онѣ вѣрятъ въ несокрушимую мощь русскаго императора. На занятіе русскими войсками княжествъ Турція отвѣтила не объявленіемъ войны, какъ можно было ожидать, а ходатайствомъ передъ австрійскимъ правительствомъ о посредничествѣ. „Порта стоитъ на колѣняхъ, божится, что войны не желаетъ и даже боится“, писалъ кн. Воронцовъ Ермолову 1 іюня 1853 го-

*) Изъ письма Шевырева къ Погодину. Барсуковъ. XII. 18—19.

да. Въ Англіи глава тогдашняго министерства, лордъ Эбердинъ, съ жаромъ говорилъ русскому послу: „Тотъ, кто бросаетъ міръ въ бездну изъ-за дѣла, которое я нахожу несправедливымъ, приметъ на себя отвѣтственность, какой я на свою совѣсть не возьму. Я не согласенъ кончить мою карьеру революціонной и разрушительной (subversive) войной. Мое рѣшеніе твердо: я этой войны вести не буду; пусть ее ведетъ кто-нибудь другой!“ Какъ видимъ, руководитель русской иностранной политики былъ вполнѣ правъ, говоря — въ инструкціи къ Меншикову — что „личный характеръ и прежнія дипломатическія дѣйствія лорда Эбердина подаютъ вѣрное ручательство въ его благоразуміи и умѣренности“. Вопросъ былъ въ томъ, смогутъ ли торійскіе друзья императора Николая сдержать общественное мнѣніе англійской буржуазіи — и вести внѣшнюю политику не такъ, какъ хотятъ англійскіе избиратели. Наконецъ, Наполеонъ III, лично наиболѣе задѣтый, держалъ себя съ аффектированнымъ безпристрастіемъ,— быть можетъ, не безъ задней мысли дать Николаю зарваться возможно дальше и тѣмъ сдѣлать свою позицію наиболѣе выгодной. Австрія не высказывалась пока — и не давала поводовъ русскому императору сомнѣваться въ ея холопской преданности: „если я говорю Россія, то говорю вмѣстѣ съ тѣмъ и Австрія, потому что наши интересы на востокѣ тождественны“, увѣрялъ Николай Павловичъ англійскаго посла, соблазняя его раздѣломъ Турціи. Словомъ, всѣ наиболѣе заинтересованныя державы, въ отвѣтъ на воззваніе Турціи о посредничествѣ, легко и скоро согласились предложить спорящимъ сторонамъ проектъ ноты, заключавшей въ себѣ все наиболѣе существенное изъ явныхъ русскихъ требованій (такъ называемая „вѣнская нота“). Присоединеніе къ этой нотѣ Турціи обозначало бы, что Порта принимаетъ эти требованія — и что, такимъ образомъ, всякій поводъ для войны устраненъ. Положеніе русскаго правительства было весьма трудное: отказаться отъ принятія „вѣнской ноты“ значило бы откровенно признаться, что вся исторія со святыми мѣстами была простой придиркой для того, чтобы начать войну съ Турціей. Формально согласившись на предложеніе державъ, наша дипломатія поэтому сейчасъ же занялась выработкой такого толкованія ноты, которое дѣлало ее совершенно непріемлемой для турецкаго правительства. Произошло нѣчто въ родѣ преждевременнаго выстрѣла. „Духъ времени“, во образѣ одной нѣмецкой газеты, овладѣлъ этими комментаріями и огласилъ ихъ къ свѣдѣнію всей Европы еще раньше, чѣмъ они были офиціально предъявлены. Впечатлѣніе получилось такое, что даже англійское министерство поспѣшило отречься отъ всякой солидарности съ Россіей по этому вопросу. Къ тому же Турція потребовала съ своей стороны, въ качествѣ предварительнаго условія, вывода русскихъ войскъ изъ княжествъ,—вполнѣ разумно полагая, что, разъ она согласна на русскія условія, оккупація, имѣвшая цѣлью вынудить ее принять эти условія,- должна сама собою прекратиться. Посредничество западныхъ державъ кончилось полной не-

удачей — а удачи были, — то послѣдствіе, что ... Европы въ роли ... укрѣпили Николая въ его самомнѣніи.

На какія реальныя факты опиралось это постоянство? Англійскій посолъ Сеймуръ говоритъ, что Николай твердо вѣритъ тремъ вещамъ: своей военной силѣ, помощи австрійцевъ и пруссаковъ и правотѣ своего дѣла. Вѣрить въ правоту своего дѣла было драгоцѣнной особенностью Николая во всѣхъ его поступкахъ; онъ не допускалъ, чтобы онъ могъ быть неправъ. Основаній этой вѣры приходится искать въ его индивидуальной психологіи. Мы не пишемъ здѣсь индивидуальной характеристики императора Николая: для исторіи имѣютъ больше значенія два другихъ его вѣрованія. „Военная сила" состоитъ, во-первыхъ, въ людяхъ — во-вторыхъ, въ деньгахъ, нервѣ всякой войны. Насколько Николай былъ правъ, считая себя „сильнымъ" въ этомъ отношеніи? Безпристрастный анализъ показываетъ, что найти въ прошломъ больше самообольщенія было бы трудно. Щедрый русскій царь, подарившій нищей Австріи шесть милліоновъ на бѣдность въ дни ея борьбы съ революціонными силами, самъ былъ весьма недалекъ отъ банкротства. Реформа Канкрина, возстановившая денежное обращеніе, создавала иллюзію богатой и экономически развитой страны: но это была именно только иллюзія. На дѣлѣ, выпускъ кредитныхъ билетовъ, размѣнивавшихся рубль за рубль, вмѣсто старыхъ ассигнацій, былъ прежде всего ловкимъ маневромъ, имѣвшимъ цѣлью извлечь золото и серебро изъ народнаго обращенія и перемѣстить ихъ въ казенный сундукъ. Распространялись слухи, что серебряные рубли совсѣмъ потеряютъ свою цѣнность и не будутъ приниматься ни въ какіе платежи. Публика поддалась „на удочку" — по выраженію историка русскихъ финансовъ въ 1843 году въ обмѣнъ на „депозитки" (предшественницы кредитныхъ билетовъ) въ депозитной кассѣ было принесено золота и серебра болѣе 25 милліоновъ рублей, а обратно было представлено билетовъ для размѣна на монету меньше, чѣмъ на полтора милліона. Деньги эти тратились по усмотрѣнію правительства, — между тѣмъ „наличность фонда звонкой монеты никогда не достигала даже до опредѣленной въ манифестѣ 1/6 части всего количества государственныхъ кредитныхъ билетовъ" *). Полную параллель къ этому представляетъ безусловное воспрещеніе вывоза изъ Россіи за границу золотой и серебряной монеты (указы 12 и 28 апрѣля 1848 года), — мѣра, вполнѣ достойная средневѣковаго меркантилизма. Но всѣ надежды удержать звонкую монету въ казенной кубышкѣ исключительно для надобностей правительства, оказывались тщетными — сама правительственная политика вела къ тому, что золото утекало за границу. Тутъ болѣе, чѣмъ когда-либо, сказывалось, что курсъ бумажныхъ денегъ опредѣляется не размѣромъ запаснаго фонда, а общимъ довѣріемъ къ кредитоспособности даннаго государства. И такъ какъ довѣріе буржуаз-

*) Кауфманъ, Финансы Россіи XIX столѣтія, I, 279—80.

ной Европы къ самодержавной Россіи, съ „непроницаемой тайной", висѣвшей надъ ея финансовыми дѣлами, было очень не велико, то намъ секретно приходилось подъ покровомъ той же тайны отправлять золото за границу для поддержанія искусственно курса нашихъ кредитокъ, всегда готовыхъ упасть. Въ 1847 г., напр., было отправлено въ Англію болѣе 5 милліоновъ, въ 1848 — 6.448.000 рублей. Если бы въ западной Европѣ были знакомы съ нашимъ бюджетомъ — напомнимъ еще разъ, что государственная роспись въ то время держалась въ строжайшемъ секретѣ и для того, чтобы показать ее даже наслѣднику престола, требовалось особое высочайшее повелѣніе — дѣла, вѣроятно, шли бы еще хуже. „Дефициты, передержки и перерасходы по росписямъ были, какъ и прежде, самымъ обыкновеннымъ явленіемъ", говоритъ тотъ же историкъ русскихъ финансовъ: „но теперь никто этимъ не смущался, считая такой порядокъ естественнымъ; изъ года въ годъ расходы возрастали несоразмѣрно съ доходами и для покрытія дефицитовъ приходилось обращаться къ опасному средству, именно къ внѣшнимъ займамъ; государственное хозяйство, не имѣя ни одной правильной точки опоры, постепенно приходило въ упадокъ и разстройство" *). Въ то время, какъ государственные доходы въ 1845 году возросли на 7 милліоновъ, а въ 1846 только на 4 мил. противъ доходовъ 1844 года—расходы возросли на 17 мил. въ 1845 г., на 23 мил. въ 1846 году противъ расходовъ 1844 года. Недоборъ доходовъ, сравнительно съ смѣтными предположеніями, въ 1846 году составлялъ болѣе 92 милліоновъ рублей. Дефицитъ, по росписи 1849 г. составлявшій 28.600.000 р., въ 1850 дошелъ до 38 слишкомъ милліоновъ при бюджетѣ въ 200 мил. съ небольшимъ: это былъ тотъ знаменитый годъ, когда комитетъ финансовъ рѣшилъ скрыть дефицитъ даже отъ государственнаго совѣта, дабы не „повредить государственному кредиту" и не „затруднить ходъ заграничнаго займа для окончанія работъ по сооруженію с.-петербурго-московской желѣзной дороги".

Такое состояніе финансовъ вынуждало правительство къ экономіи, которую, однако, никакъ нельзя назвать „мудрой". „Сбереженія", конечно, дѣлались главнымъ образомъ насчетъ народнаго просвѣщенія: но характерно, что иногда Николаю Павловичу приходилось экономить даже насчетъ столь любимой имъ арміи. Въ 1843 году на расходы по военному министерству было отпущено на 8 милліоновъ, по морскому на 2 милліона рублей менѣе, чѣмъ въ предшествующемъ. Вообще, хотя военные расходы росли, но не быстрѣе, чѣмъ бюджетъ вообще, а скорѣе медленнѣе; въ 1842 году при бюджетѣ въ 187 мил. на армію предназначалось 69 мил. рублей — въ 1852 при бюджетѣ въ 261 мил. военное министерство получило 73 милліона (въ первомъ случаѣ 36%, во второмъ только 27%). Это обстоятельство слѣдуетъ принимать въ расчетъ, когда рѣчь идетъ о плохомъ вооруженіи нашихъ войскъ въ

*) Ibid., стр. 250.

Крымскую войну, сравнительно съ современными: перевооруженіе арміи всегда составляетъ колоссальный расходъ, и этого расхода въ смѣтѣ военнаго министерства 40-хъ годовъ мы совсѣмъ не замѣчаемъ. Увеличеніе военныхъ расходовъ всегда вызывалось случайнымъ обстоятельствомъ, — обостреніемъ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ, или мобилизаціей части арміи для похода въ Венгрію. То же относится и къ флоту: морская смѣта чрезвычайно осторожна по части расходовъ на какія-либо нововведенія, и только уже въ росписи на 1854 годъ мы находимъ спеціальную ассигновку на пріобрѣтеніе въ Англіи паровой шкуны и механизмовъ для двухъ линейныхъ кораблей. Николай Павловичъ былъ твердо убѣжденъ, какъ въ томъ, что винтовые пароходы „скоро выйдутъ изъ моды“, такъ и въ томъ, что — „штыкъ-молодецъ“ куда лучше „дуры-пули“.

Идея „дешевой арміи“, приведшая въ свое время Александра I къ несчастной мысли о военныхъ поселеніяхъ, продолжала господствовать такимъ образомъ до половины XIX столѣтія. Цѣнилось количество штыковъ: ихъ было до 500.000 по штатамъ мирнаго времени *) и болѣе милліона на военномъ положеніи. Это была для того времени громадная цифра, очень импозантная на бумагѣ —цифра отчасти впрочемъ дутая: наличный составъ отставалъ отъ списочнаго на 20%, если не болѣе. Но даже 800.000 хорошихъ солдатъ— это была сила, далеко превышавшая то, что могла выставить въ то время любая изъ европейскихъ державъ; самыя сильныя, Англія и Франція, были почти вдвое слабѣе. Но ведь что говорить о количествѣ, если военный историкъ Крымской кампаніи: „Вооруженіе нашей арміи было весьма неудовлетворительно: въ то время, когда значительная часть пѣхоты иностранныхъ армій уже имѣла нарѣзныя ружья и вся остальная ихъ была вооружена ударными ружьемъ, у насъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ войскъ, все еще существовали кремневыя ружья. Обученіе пѣхоты ограничивалось чистотою и изящностью ружейныхъ пріемовъ, точностью пальбы залпами, кавалерія была зарализирована столь же красивою, сколько и неловкою посадкою; артиллерія отличалась болѣе быстротою движеній, нежели мѣткостью выстрѣла. Маневры, производимые въ мирное время, были эффектны, но мало поучительны. Продовольствіе нижнихъ чиновъ было весьма скудно и зависѣло отъ большаго или меньшаго довольства мѣстныхъ жителей, у которыхъ доводилось стоять войскамъ. Имѣя въ изобиліи главную изъ составныхъ частей пороха, селитру, мы, вступивъ въ борьбу съ коалиціей Европы, терпѣли крайній недостатокъ въ порохѣ.“ *) Всѣ эти частные недостатки резюмировались въ одномъ — котораго, вѣроятно, было бы достаточно, чтобы обезпечить побѣду нашимъ противникамъ, даже если бы русскіе солдаты были лучше содержимы и снабжены: наша тактика въ пятидесятыхъ годахъ была тактикой наполеоновскихъ войнъ. Сомкнутый строй былъ почти един-

*) 448.000 чел. въ дѣйствующей арміи и кадры резервныхъ войскъ.

*) М. Богдановичъ. Восточная война 1853—56 гг. I, с. 93.

ственной формой построенія, знакомой николаевской пѣхотѣ: николаевскіе генералы были, можно сказать, виртуозами сомкнутаго строя *). Цѣлью такого построенія былъ ударъ въ штыки: на ружье смотрѣли, какъ на что-то въ родѣ палки, къ которой былъ привинченъ штыкъ, ружейному огню придавали такъ же мало значенія, какъ и въ дни Наполеона, —если даже не меньше. На обученіе стрѣльбѣ ассигновывалось по 10 боевыхъ патроновъ въ годъ на солдата,—но и это лишь на бумагѣ: на дѣлѣ боевой стрѣльбѣ обучались только застрѣльщики (по нѣскольку человѣкъ на роту). Въ какомъ положеніи были ружья у остальныхъ, можно судить по тому, что даже въ гвардейскихъ полкахъ стволы ружей были покрыты внутри ржавчиной и пылью, которая счищалась только разъ въ годъ. **) Иногда нарочно развинчивали ружья, чтобы они эффектнѣе звякали, когда полкъ бралъ „на караулъ“ или „на плечо“. Словомъ, для русской арміи прошелъ совершенно безслѣдно тотъ переворотъ въ военной техникѣ, который начался въ 1830—40-хъ годахъ и завершился ко времени франко-прусской войны: періодъ, когда ружье сдѣлалось главнымъ оружіемъ пѣхоты и на время оттѣснило даже на задній планъ пушку. Правда, къ половинѣ 50-хъ годовъ этотъ прогрессъ былъ еще весьма далекъ отъ своей высшей ступени: „штуцера“ временъ Крымской кампаніи стрѣляли медленно, при стрѣльбѣ сильно отдавали, имѣли весьма крутую траекторію—и потому не отличались большой мѣткостью. Но соціальные результаты новаго вооруженія уже сильно сказывались: армія все болѣе и болѣе превращалась въ массу стрѣлковъ, дѣйствовавшихъ въ разсыпномъ строю. При такомъ построеніи, солдатъ былъ предоставленъ самому себѣ и, волей или неволей, хотѣли или не хотѣли этого его начальники, пріучался „разсуждать“: онъ долженъ былъ умѣть примѣниться къ мѣстности, найти себѣ закрытіе, выбрать себѣ цѣль. Ничего этого не зналъ солдатъ старой школы, привыкшій, какъ заводная кукла, шагать взадъ или впередъ, поворачиваться направо или налѣво по командѣ офицера. Маршируя всегда по ровному плацпараду, онъ понятія не имѣлъ о томъ, что такое примѣненіе къ мѣстности. „Разсуждать“ же ему было строжайше запрещено—вся николаевская дисциплина стояла на томъ, чтобы выбить изъ человѣка эту вредную привычку. Чего стоило это арміи даже физически, объ этомъ уже разсказано

*) „Колонны строились: дивизіонныя, взводныя, полувзводныя, на полныхъ дистанціяхъ и густыя, по отдѣленіямъ, колонны къ атакѣ и изъ середины: всѣ эти колонны строились не только по фланговымъ, но и по среднимъ частямъ: изъ однихъ колонъ строились другія; изъ всѣхъ этихъ колоннъ строились каре, которыхъ было почти столько же различныхъ видовъ, сколько и колоннъ“. Тамъ же, прилож., с. 17.

**) Полковой командиръ преображенцевъ „требовалъ, чтобы ружья старательно чистились наждакомъ, и строго выговаривалъ, если, напримѣръ, затравка не была буквально разсверлена и выполирована ч[illegible]. Въ той же мѣрѣ, какъ безпощадно чистили снаружи, такъ же безпощадно запускали ружья внутри. Внутренность ствола ржавѣла, а ржавчина выѣдала ямки (раковины): все потому, что начальство смотрѣло, да и могло смотрѣть только на внѣшность“. „[illegible] стараго преображенца“, кн. Имеретинскаго „Рус. Стар.“ 1900 г.

въ другихъ мѣстахъ *) не въ николаевской арміи личность подвергалась, не менѣе систематически и моральному умерщвленію. Все офицерство, особенно гвардейское, находилось подъ строжайшимъ надзоромъ тайной полиціи, — и отзывы сыщиковъ часто опредѣляли карьеру будущихъ полководцевъ **). Нѣтъ ничего мудренаго, если у насъ находились офицеры, которыхъ въ сраженіи приходилось фухтелями выгонять изъ-за фронта, куда они прятались — или бѣжавшие съ поля битвы, нагло сваливая вину на солдатъ, будто бы не хотѣвшихъ идти въ бой. ***) Нѣтъ ничего мудренаго, если впослѣдствіи въ Крыму оказался особый разрядъ генераловъ, „по нездоровью и разстройству нервъ покинувшихъ свои дивизіи". *)

Новое вооруженіе немного прибавило бы такой арміи — забитой внизу и до мозга костей развращенной наверху. Защитники Николая Павловича любили указывать, что штуцера были и у насъ — и, дѣйствительно, они были (хотя и въ гомеопатическомъ количествѣ): но, какъ всегда, сила была не въ нихъ, а въ тѣхъ, кто изъ нихъ стрѣлялъ. Чтобы съ пользой дать въ руки русскаго солдата новое вооруженіе, нужно было пересоздать этого солдата: но перевоспитаніемъ арміи стали у насъ заниматься только подъ впечатлѣніемъ того оглушительнаго удара, который намъ дала Крымская война.

Увѣренность Николая Павловича въ своемъ военномъ превосходствѣ была, такимъ образомъ, большимъ недоразумѣніемъ. Безъ денегъ, съ плохой арміей и немного лучшимъ флотомъ **) Россія не была безусловно сильнѣе даже Турціи, какъ очень скоро пришлось убѣдиться Николаю Павловичу, она была безусловно слабѣе Турціи и Франціи вмѣстѣ взятыхъ — тѣмъ менѣе имѣла она шансовъ выдержать столкновеніе съ цѣлой коалиціей, куда входила и Англія. Между тѣмъ къ этому столкновенію приходилось готовить-

*) См. ч. I, глава V. Внутренняя политика въ царствованіе Николая Павловича. Стр. 230.

**) Вотъ, напримѣръ, характеристика измайловскихъ офицеровъ: „Прошлое поведеніе нѣкоторыхъ офицеровъ въ день 14 декабря, подстрекавшихъ солдатъ къ отказу отъ присяги, должно быть предметомъ вниманія правительства какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ". „Между ними офицерами много послѣдователей ложныхъ ученій, людей [illegible]." „... Солдаты слишкомъ вольно разсуждаютъ и часто съ самоувѣренностью о предметахъ, отнюдь не входящихъ въ область ихъ компетенціи." Вотъ образчикъ индивидуальной характеристики „Капитанъ [illegible]. Безъ состоянія, безъ принциповъ и безъ нравственности, человѣкъ злой, лишенный средствъ къ существованію, ведетъ самую распутную жизнь. Въ день 14 декабря онъ былъ въ числѣ тѣхъ, которые отговаривали солдатъ отъ присяги. Солдаты его роты съ [illegible]". Клеветническій характеръ нѣкоторыхъ отзывовъ [illegible] самимъ Николаемъ. „Рус. Старина." 1906 г., декабрь.

***) См. Записки кн. Васильчикова, начальника штаба [illegible]. „Русскій архивъ". 1891 г., № 6.

*) Тамъ же.

**) Техническое [illegible] суда, очень немного колесныхъ пароходовъ [illegible]

ва. При первомъ же извѣстіи о вступленіи русскихъ войскъ въ княжества, Наполеонъ III поспѣшилъ двинуть французскую эскадру въ турецкія воды; немного спустя, весьма нехотя, послѣдовало его примѣру и англійское министерство — мальтійская эскадра адмирала Дундаса присоединилась къ французской. Продолжая завѣрять Николая въ своемъ миролюбіи, торійскіе министры должны были однако его предупредить, что въ случаѣ перехода русскихъ войскъ черезъ Дунай, или нападенія черноморскаго флота на одинъ изъ турецкихъ портовъ, англійскіе корабли войдутъ въ Черное море. Напоръ общественнаго мнѣнія былъ уже очень силенъ. Англійская буржуазія только что побраталась съ французской — депутація Сити торжественно и съ ликованіемъ была принята въ Парижѣ. Формальный союзъ между двумя государствами былъ только вопросомъ времени. Между тѣмъ положеніе Наполеона III въ этомъ дѣлѣ при всей его сдержанности было совершенно опредѣленное: не выручить Турцію, терпѣвшую всѣ злоключенія изъ-за него, онъ не могъ. И англійскія газеты, гдѣ ежедневно помѣщались самыя жестокія инвективы на Николая и Россію, ясно показывали, что настроеніе французскихъ правящихъ круговъ вполнѣ раздѣлялось по ту сторону канала. Вопросъ о томъ, насколько состоятеленъ другой членъ символа вѣры Николая Павловича, гласившій, что Россія и Австрія — это одно и то же, а о Пруссіи даже и говорить не стоитъ, — вопросъ этотъ становился все болѣе и болѣе насущнымъ и интереснымъ.

Общественное мнѣніе какъ Австріи, такъ и Пруссіи, было настроено по отношенію къ Николаю ничуть не менѣе враждебно, чѣмъ въ Лондонѣ или въ Парижѣ. Въ Берлинѣ или въ Вѣнѣ тяжелая рука русскаго самодержца чувствовалась даже гораздо непосредственнѣе: прусскіе патріоты не могли забыть Николаю ольмюцскаго позора, а либерально настроенная часть австрійскаго общества, т. е. вся буржуазія, не могла безъ горечи вспомнить, какъ русскія войска помогли разгромить австрійскую революцію. Въ Берлинѣ многія находили, что наступилъ, наконецъ, моментъ стряхнуть съ себя тяжелый русскій кошмаръ и вновь приняться за работу національнаго объединенія, такъ грубо прерванную вмѣшательствомъ русскаго императора: и въ числѣ этихъ многихъ были не только купцы и журналисты, а и крупные королевскіе чиновники. Оба государя — и прусскій король, и австрійскій императоръ, были на сторонѣ Николая Павловича, точно такъ же, какъ и ихъ дворы: феодальная знать, и въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ, видѣла въ лицѣ русскаго императора защитника порядка и собственности, восторгалась его легитимизмомъ и даже спеціально въ восточномъ вопросѣ не могла не сочувствовать „защитнику христіанской вѣры" противъ „невѣрныхъ". Но ни прусское министерство Мантейфеля, ни австрійское Буоля, при всѣхъ своихъ феодальныхъ вожделѣніяхъ, не смѣли и не могли итти туда, куда ихъ эти вожделѣнія толкали. Прусское правительство не могло порвать со своей буржуазіей потому, что всѣ его расчеты на будущее строились

не отступилъ въ Германіи передъ [illegible] буржуазіи вообще. При томъ же Пруссія все-таки была конституціоннымъ государствомъ. Какой [illegible] ни былъ парламентъ [illegible], какъ ни слабо было вліяніе въ Пруссіи общественнаго мнѣнія сравнительно съ Англіей, — вовсе съ нимъ не считаться для министерства было уже невозможно. Австрійское правительство формально было совершенно эмансипировано отъ вліянія общественнаго мнѣнія: но разоренное государство, съ трудомъ поправлявшее свои финансы, потрясенные революціонными кризисами, не могло быть совершенно равнодушно къ тому, что говорили и чего желали на биржѣ и въ банкахъ. А здѣсь, въ финансовыхъ кругахъ, хорошо чувствовали свою солидарность съ всеевропейскимъ капитализмомъ и желали, разумѣется, побѣды на Востокѣ буржуазнымъ морскимъ державамъ, а отнюдь не феодальной Россіи. Вѣнская печать въ этомъ случаѣ, какъ и много разъ впослѣдствіи, была вѣрнымъ отголоскомъ вѣнской биржи. Кромѣ того, у австрійской буржуазіи были свои спеціальныя причины желать пораженія Николаю. Со времени адріанопольскаго мира устья Дуная принадлежали Россіи. Связь Австріи съ рынками Леванта, — значеніе которой съ каждымъ днемъ увеличивалось, съ развитіемъ австрійскаго Ллойда и пароходства по Дунаю—эта связь зависѣла отъ произвола русскаго самодержца. Основательно или нѣтъ, но въ Вѣнѣ были убѣждены, что русское правительство сознательно мѣшаетъ расчисткѣ дунайскихъ гирлъ, чтобы создать лишнее препятствіе для австрійской торговли. [illegible] у Россіи, [illegible] общеевропейскій, [illegible] образомъ австрійскій, [illegible] были [illegible] не [illegible], а думать [illegible] въ [illegible] арміи. Если прибавить, что [illegible] арміи въ тылу у Венгріи, создавая для Россіи [illegible] восточныя области габсбургской монархіи, было для послѣдней крупной стратегической опасностью—которая одна, сама по себѣ, должна была вызвать безпокойство даже въ австрійскихъ правящихъ кругахъ; что повелительный тонъ русскаго императора давно уже налоѣлъ правительству Франца-Іосифа,—которое давно уже не прочь было показать, что венгерская кампанія вовсе еще не сдѣлала Австрію вассаломъ Россіи („мы удивимъ міръ своею неблагодарностью", говорилъ еще въ 1850 году тогдашній австрійскій премьеръ, кн. Шварценбергъ), то мы получимъ довольно полный перечень вліяній, равнодѣйствующая которыхъ сводилась къ тому, что Австрія, не вмѣшиваясь непосредственно въ войну, должна была занять положеніе нейтральное, но отнюдь не дружественное Россіи.

Такой исходъ сколько-нибудь проницательные наблюдатели могли предвидѣть еще до начала войны. Англійскій посолъ Сеймуръ усиленно и добросовѣстно старался разсѣять иллюзіи Николая Павловича относительно Австріи. Но русскій императоръ, привыкнувъ топтать въ грязь слабое общественное мнѣніе у себя дома, не придавалъ этому фактору значенія и въ политикѣ [illegible]

пейскихъ государствъ, особенно тѣхъ, правительства которыхъ онъ причислялъ къ своимъ друзьямъ. Личныя узы дружбы и признательности, связывавшія его съ молодымъ австрійскимъ императоромъ, близкое родство съ прусскимъ королемъ казались ему вполнѣ достаточной гарантіей дружнаго содѣйствія обоихъ государствъ Россіи въ восточномъ вопросѣ. Ему нуженъ былъ горькій опытъ для того, чтобы понять то, что уже заранѣе совершенно отчетливо видѣлъ его англійскій собесѣдникъ.

Разочарованіе должно было наступить какъ разъ въ тотъ моментъ, когда побѣды только что окончательно развеселили Николая Павловича. Правда, эти побѣды имѣли довольно жалкій видъ въ сравненіи съ тѣми широкими и смѣлыми ожиданіями, какія высказывалъ Николай до войны. Посредничество западныхъ державъ на время отсрочило открытіе военныхъ дѣйствій: только въ сентябрѣ Порта рѣшилась, наконецъ, превратить свое пожеланіе объ очищеніи русскими войсками княжествъ въ ультиматумъ. Въ это время неприкосновенность, по крайней мѣрѣ, Константинополя могла считаться гарантированной; 8 октября французская и англійская эскадры пришли въ Босфоръ—и о захватѣ черноморскимъ флотомъ Царьграда не могло быть рѣчи. Уже тогда отношенія къ Англіи были настолько натянутыми, что была сдѣлана попытка терроризировать англійскую буржуазію: министръ финансовъ Брокъ призывалъ къ себѣ англійскихъ негоціантовъ въ Петербургѣ и отъ имени государя намекалъ имъ на возможность войны. 20 октября 1853 года появился манифестъ Николая, возвѣщавшій о началѣ военныхъ дѣйствій: къ этому времени русскій императоръ могъ торжественно засвидѣтельствовать свое миролюбіе, указавъ на нападеніе турокъ, какъ на совершившійся фактъ. Турецкій главнокомандующій на Дунаѣ, Омеръ-паша, не выждалъ окончанія пятнадцатидневнаго срока, даннаго намъ Турціей для вывода арміи изъ княжествъ. Впрочемъ, совершенно очевидно было, что русскіе и не думаютъ уходить. Въ то же время однако манифестъ указывалъ принципіальное основаніе для войны: Порта „приняла мятежниковъ всѣхъ странъ въ ряды своихъ войскъ". И на Дунаѣ Николай продолжалъ бороться съ европейской революціей... Стратегическія условія борьбы сразу же стали для Россіи весьма невыгодными. Нашимъ войскамъ пришлось занять оборонительное положеніе. Главнокомандующій русской арміей въ княжествахъ, кн. М. Д. Горчаковъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи номинально около 80 тыс. человѣкъ при 196 орудіяхъ: практически, за отдѣленіемъ отряда для охраны дунайскихъ гирлъ и за вычетомъ больныхъ, у него было не болѣе 55.000 человѣкъ. Отчасти экономія, отчасти горделивое презрѣніе къ туркамъ помѣшали мобилизовать болѣе значительныя силы: въ результатѣ, къ октябрю мѣсяцу Омеръ-паша былъ сильнѣе Горчакова, имѣя отъ 100 до 120 тысячъ человѣкъ. Качественно, эти войска, къ немалому удивленію Николая Павловича, оказались вполнѣ способными выдерживать бой съ русскими. Фронтовая выправка турокъ, правда, была очень

плоха, но вооружены они были лучше насъ — у нихъ было больше нарѣзного оружія, и они умѣли имъ владѣть. Попытки Омеръ-паши перейти въ наступленіе, какъ на нижнемъ Дунаѣ, такъ и со стороны Виддина, были отбиты — но при обстоятельствахъ, которыя заставляли весьма скептически относиться къ будущему ходу кампаніи. Въ первомъ случаѣ, при переправѣ турокъ между Туртукаемъ и Ольтеницей, имъ удалось отбить всѣ русскія атаки — и они ушли обратно за Дунай, не отброшенные нами, а въ силу стратегическихъ соображеній Омеръ-паши, не желавшаго втягиваться въ серьезное дѣло. Во второмъ случаѣ (при Четати) русскія войска остались хозяевами поля битвы, — но этотъ формальный успѣхъ пришлось купить такими жертвами, что Николай Павловичъ пришелъ въ недоумѣніе, близкое къ отчаянію. „Ежели такъ будемъ тратить войска, то убьемъ ихъ духъ“, писалъ онъ князю Горчакову, „и никакихъ резервовъ не достанетъ на ихъ пополненіе. Тратить надо на рѣшительный ударъ — гдѣ же онъ тутъ?? Потерять 2.000 человѣкъ лучшихъ войскъ и офицеровъ, чтобы взять 6 орудій и дать туркамъ спокойно воротиться въ свое гнѣздо... это просто задача, которой угадать не могу, но душевно огорченъ, видя подобныя распоряженія“.

Нѣсколько лучше шли русскія дѣла въ азіатской Турціи. Силъ здѣсь было еще меньше: тогдашній кавказскій намѣстникъ, кн. Воронцовъ, запрошенный передъ войной, сколько войскъ онъ можетъ удѣлить на турецкую границу изъ кавказской арміи, ведшей войну съ горцами, назвалъ 4 батальона (т. е. 4,000 человѣкъ). Пришлось спѣшно перебрасывать въ Закавказье дивизію изъ Одессы. При всемъ томъ, главныя силы русской арміи, стоявшія у Александрополя, не превышали 10 тыс. чел. Турокъ было, по крайней мѣрѣ, втрое больше, но лучшія ихъ войска были на Дунаѣ. Азіатская же ихъ армія носила вполнѣ старомодный характеръ. Послѣ нѣсколькихъ стычекъ, болѣе или менѣе удачныхъ для насъ, первое крупное дѣло (при Башкадыклярѣ 19 ноября) окончилось рѣшительно въ нашу пользу: были взяты орудія, плѣнные и весь турецкій обозъ. Стратегическихъ послѣдствій битва никакихъ не имѣла, такъ какъ русскія войска были слишкомъ слабы для перехода въ наступленіе. По крайней мѣрѣ, можно было вновь говорить о славѣ русскаго оружія, такъ скомпрометированнаго въ Румыніи.

Но къ тому времени, когда въ Петербургъ пришло извѣстіе о Башкадыклярскомъ сраженіи, тамъ уже знали о другомъ событіи, гораздо болѣе эффектномъ, какъ военная удача, и быстро пріобрѣтшемъ громадное политическое значеніе: то былъ разгромъ турецкаго флота въ синопскомъ портѣ 18 ноября. Дѣлая изъ необходимости добродѣтель, императоръ Николай увѣрялъ до тѣхъ поръ, что русская армія намѣрена ограничиться исключительно оборонительными дѣйствіями — что нападеніе на Турцію вовсе не входитъ въ его планы. Тѣмъ не менѣе было совершенно очевидно, что одною обороной дѣло никоимъ образомъ кончиться не могло — и если русскія войска на сухомъ пути не

ждать до сихъ поръ случая перейти въ наступленіе, но такой случай скоро представился черноморскому флоту. До насъ дошли свѣдѣнія, что турецкій флотъ, сосредоточенный на синопскомъ рейдѣ (въ Малой Азіи), собирается перевозить подкрѣпленіе, съѣстные и боевые припасы кавказскимъ горцамъ, воевавшимъ съ Россіей. Такъ ли это было, осталось не выясненнымъ; союзники Порты утверждали впослѣдствіи, что грузъ турецкаго флота предназначался для турецкой же крѣпости, Батума,—что турки, стало быть, не выходили изъ сферы оборонительныхъ дѣйствій, и ни о какой экспедиціи противъ Россіи не было и рѣчи. Какъ бы то ни было, начальникъ русской эскадры, крейсировавшей у береговъ Малой Азіи, адмиралъ Нахимовъ, рѣшилъ предупредить турокъ и, войдя около полудня 18 ноября на синопскій рейдъ съ шестью линейными кораблями, послѣ боя, длившагося нѣсколько часовъ, сжегъ всѣ турецкія суда: спасся только одинъ пароходъ. Исходъ боя въ сущности былъ предрѣшенъ заранѣе: на русской эскадрѣ было 716 орудій, которымъ турки могли противопоставить только 476—почти вдвое менѣе. Къ тому же турки еще очень давно сами о себѣ сдѣлали заключеніе, что Аллахъ далъ землю правовѣрнымъ, а море невѣрнымъ—тогда какъ русскій черноморскій флотъ былъ лучшей боевой силой, какой только располагалъ императоръ Николай. Тѣмъ не менѣе, восторгъ самого Николая и всей сочувствовавшей ему части русскаго общества былъ безграничный. Наконецъ, это была настоящая побѣда, напоминавшая дни Наваринской битвы и похода за Балканы. Подвиги Нахимова воспѣвалъ цѣлый рядъ поэтовъ, отъ стараго князя Вяземскаго до юныхъ студентовъ московскаго университета. „Нахимовъ молодецъ, истинный герой русскій", писалъ С. Т. Аксаковъ Погодину: „Я думаю и рока у него настоящая липовая лопата"... Наивные люди были увѣрены, что синопская побѣда „поубавитъ спѣси у Джонъ Буля"—и что теперь Россіи всѣ европейскіе флоты нипочемъ.

На „Джона-Буля" синопская побѣда, дѣйствительно, произвела впечатлѣніе, —но не совсѣмъ то, какого ожидали простодушные русскіе патріоты. Разгромъ турецкаго флота въ турецкой гавани послѣ того, какъ Англія формально поручилась за неприкосновенность турецкихъ портовъ, разгромъ почти на глазахъ англійскихъ военныхъ кораблей, стоявшихъ въ Босфорѣ—это была пощечина, которой англійское общество не могло перенести. Вопросъ о разрывѣ съ Россіей сдѣлался вопросомъ жизни и смерти для торійскаго министерства. „Меня обвиняютъ въ трусости, въ томъ, что я измѣнилъ Англіи ради Россіи", говорилъ русскому послу лордъ Эбердинъ: „я не смѣю показаться на улицѣ, больше я не могу бороться". Принца Альберта, мужа королевы Викторіи, котораго считали сторонникомъ мира съ Россіей, при открытіи парламента толпа встрѣтила свистками. Въ то же время Пальмерстонъ, глава враждебныхъ Россіи виговъ, былъ самымъ популярнымъ человѣкомъ въ странѣ. Онъ нарочно вышелъ въ это время изъ кабинета *), гдѣ онъ занималъ ма-

*) Не чисто торійскаго, а коалиціоннаго.

занимаемый имъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ, — чтобы показать, что безъ него не обойдутся. И дѣйствительно, нѣсколько дней спустя Эбердинъ былъ вынужденъ вновь просить его вступить въ министерство. Формальное соглашеніе съ Франціей — до сихъ поръ усиленно тормозившееся Эбердиномъ и его товарищами — состоялось безъ замедленій. Оба адмирала, французскій и англійскій, получили одновременно отъ своихъ правительствъ тождественныя инструкціи, предписывавшія имъ войти со своими эскадрами въ Черное море и „охранять неприкосновенность турецкаго флота и турецкой территоріи“. Инструкціи эти были сообщены командиру русскаго черноморскаго флота въ Севастополѣ, съ заявленіемъ, что союзныя морскія силы не допустятъ ни нападенія турокъ на русскіе берега, ни русскихъ на турецкіе. Но турецкій флотъ почти не существовалъ, а для русскаго весь стратегическій смыслъ Синопской побѣды заключался въ возможности безпрепятственно развивать дальнѣйшія операціи на Черномъ морѣ, помогая обѣимъ сухопутнымъ арміямъ на Дунаѣ и въ Азіи и связывая ихъ между собою. Теперь онѣ были лишены и этой связи, и этой поддержки.

Война Россіи съ Франціей и Англіей изъ возможности становилась дѣйствительностью. Правда, Наполеонъ III до послѣдней минуты продолжалъ аффектировать свое миролюбіе. Одновременно съ появленіемъ союзныхъ эскадръ на Черномъ морѣ, онъ отправилъ Николаю Павловичу письмо, гдѣ предлагалъ прекращеніе военныхъ дѣйствій на Дунаѣ и въ Азіи и очищеніе русскими войсками княжествъ, въ замѣнъ чего обѣщалъ удаленіе французской и англійской эскадръ изъ Чернаго моря. Но Николай Павловичъ былъ теперь, послѣ двухъ побѣдъ, вовсе не въ такомъ настроеніи, чтобы пойти хотя бы на обидные для себя компромиссы. По всей вѣроятности, и Наполеонъ не ждалъ на свое письмо удовлетворительнаго отвѣта и писалъ его не столько для Николая, сколько для европейскаго общественнаго мнѣнія. Русскій императоръ высокомѣрно напомнилъ своему французскому „доброму другу“ о 1812 годѣ, поручился за его повтореніе и порекомендовалъ туркамъ, ежели они хотятъ мира, обратиться непосредственно къ нему, Николаю. „Мои условія извѣстны въ Вѣнѣ“, прибавлялъ онъ для справки. Вѣна, очевидно, представлялась ему чѣмъ-то въ родѣ петербургскаго предмѣстья.

Тѣмъ не менѣе, какъ ни былъ онъ увѣренъ въ личной преданности ему австрійскаго императора и прусскаго короля, нужно было все же съ ними столковаться насчетъ совмѣстныхъ дѣйствій на случай возникновенія войны съ морскими державами. Для этой цѣли въ самомъ началѣ 1854 года были отправлены въ Берлинъ бар. Будбергъ, а въ Вѣну въ качествѣ чрезвычайнаго посла личный другъ Николая Павловича, гр. Орловъ. Ихъ донесенія были ударомъ грома изъ яснаго неба. Оказалось, что въ Берлинѣ господствуетъ не русское вліяніе, но англійское, что Фридрихъ Вильгельмъ IV, при всемъ сочувствіи къ Николаю, считаетъ его

[illegible] говъ.

пеціально въ восточномъ вопросѣ не скрывалъ; что Наполеона III онъ ненавидитъ всей душой, но въ то же время слишкомъ боится, чтобы предпринять какія-нибудь активные шаги въ русско-французской ссорѣ. Офиціально берлинскій кабинетъ отвѣтилъ, что Пруссія не считаетъ возможнымъ принять участіе въ вооруженномъ нейтралитетѣ, совмѣстно съ Россіей и Австріей, ибо это значило бы подвергать себя такимъ случайностямъ, послѣдствія которыхъ нельзя предвидѣть. Извѣстія изъ Вѣны были, если это возможно, еще хуже. На предложеніе дружественнаго нейтралитета или союза тамъ отвѣтили контръ-предложеніемъ: гарантировать предварительно неприкосновенность Турціи. Кромѣ того, Францъ-Іосифъ, въ разговорѣ съ гр. Орловымъ, выразилъ желаніе, чтобы русскія войска не переходили черезъ Дунай: австрійское правительство опасалось, что появленіе русскихъ за Дунаемъ будетъ сигналомъ къ поголовному возстанію балканскихъ славянъ, и что это возстаніе можетъ отдать въ руки Россіи весь Балканскій полуостровъ. Предполагаемый союзникъ Россіи, оказывалось, готовъ былъ предпринять шагъ, вполнѣ аналогичный тому, какой только что сдѣлали морскія державы: тѣ стѣснили русскія операціи на Черномъ морѣ, Австрія же хотѣла ихъ ограничить и на сухомъ пути. Помимо этого, Францъ-Іосифъ и не думалъ скрывать, что по отношенію къ дунайскимъ княжествамъ онъ считаетъ свои интересы тождественными съ интересами Англіи и Франціи, а отнюдь не Россіи. Очищеніе княжествъ русскими войсками онъ находилъ столь же неизбѣжнымъ условіемъ возстановленія нормальнаго порядка, какъ и Наполеонъ III.

Трудно описать раздраженіе, охватившее Николая Павловича, когда до него дошли эти извѣстія. Прусскаго короля онъ слишкомъ презиралъ, чтобы ненавидѣть. Но Францу-Іосифу, котораго онъ „любилъ какъ сына", онъ не могъ простить измѣны. На смертномъ одрѣ онъ говорилъ впослѣдствіи, что готовъ примириться „даже съ австрійскимъ императоромъ и турецкимъ султаномъ": для него это теперь было одно и то же. Въ первую же минуту его негодованіе вылилось въ одной фразѣ, чрезвычайно характерной для этого коронованнаго помѣщика: „скорѣе оставлю Польшу, *отпущу на волю*, чѣмъ позабуду австрійскую измѣну". И хотя миссія Орлова и веденные имъ переговоры были секретомъ, онъ не могъ удержаться отъ открытой манифестаціи по адресу Австріи. Русскіе полки, носившіе имена Франца-Іосифа и австрійскихъ эрцъ-герцоговъ, получили другихъ шефовъ, а русскимъ офицерамъ запрещено было носить австрійскіе ордена—очень распространенные у насъ, благодаря венгерской кампаніи.

Положеніе, занятое Австріей, ставило подъ вопросъ всю судьбу дунайской кампаніи. Было совершенно очевидно, что вчерашній союзникъ Николая Павловича ни въ какомъ случаѣ не допуститъ ничего похожаго на войну 1829 года. Двинувшись за Дунай, русская армія каждую минуту могла ожидать, что австрійцы сядутъ ей на плечи. О возможности такой ситуаціи, совершенно

не предвидѣнной Николаемъ, нѣкоторые даже въ Россіи догадывались съ самаго начала войны. Къ числу ихъ принадлежалъ и главный русскій авторитетъ по восточнымъ вопросамъ, князь Паскевичъ — намѣстникъ Польши и главнокомандующій такъ называемой „Дѣйствующей“ арміи (первые четыре корпуса). Еще осенью 1853 года онъ писалъ Николаю: „Самый опытъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что какъ бы мы ни зашли далеко, хотя бы взяли Варну, перешли Балканы и достигли Адріанополя, во всякомъ случаѣ, Европа не допуститъ насъ воспользоваться нашими завоеваньями“. „Спросятъ: что же мы выиграемъ, оставаясь въ оборонительномъ положеніи? Выиграемъ очень много: не поссоримся съ Европой, не остановимъ торговли, не помѣшаемъ дипломатическимъ сношеніямъ, которыхъ результаты могутъ быть намъ выгодны“. По мнѣнію Паскевича, въ нашихъ рукахъ было гораздо болѣе вѣрное средство принудить турокъ къ уступкамъ, чѣмъ движеніе русскихъ войскъ за Дунай. Средство это — агитація среди христіанскихъ подданныхъ Турціи. Понимая, до какой степени это средство должно было изумить его корреспондента, Паскевичъ спѣшитъ его успокоить: „Мѣру сію нельзя, мнѣ кажется, смѣшивать съ средствами революціонными. Мы не возмущаемъ подданныхъ противъ ихъ государя (?); но если христіане, подданные султана, захотятъ свергнуть съ себя иго мусульманъ, ведущихъ съ нами войну, то нельзя безъ несправедливости отказать въ помощи нашимъ единовѣрцамъ...“ Русскій фельдмаршалъ надѣялся найти союзниковъ не только на Балканскомъ полуостровѣ. „Въ кампанію 1829 года“, писалъ онъ (тогда Паскевичъ былъ главнокомандующимъ русскимъ войскомъ въ азіатской Турціи), „на разстояніи 400 верстъ отъ границы я уже находилъ селенія греческія. Цѣлыя деревни просили оружія, что и было въ Арменіи. Далѣе до самаго берега, противъ Константинополя, на протяженіи 900 верстъ почти по деревнямъ встрѣчается греческое населеніе и только по городамъ живутъ турки“...

Императоръ Николай тогда остался глухъ къ совѣтамъ своего „отца-командира“. Но вмѣшательство въ войну морскихъ державъ и дезертирство Австріи наводили на тотъ же строй мыслей все съ большей и большей убѣдительностью. Ихъ выразителемъ явился на этотъ разъ другой авторитетный человѣкъ николаевской Россіи, московскій историкъ Погодинъ. Въ своихъ „политическихъ письмахъ“, ходившихъ между публикой въ рукописяхъ и обращавшихся не столько къ этой публикѣ, сколько къ Николаю и его наслѣднику, издатель „Москвитянина“ развертывалъ планъ, по задачѣ аналогичный тому, что рисовалъ раньше князь Варшавскій, но гораздо болѣе грандіозный и построенный не на вѣроисповѣдномъ, а на болѣе широкомъ національномъ основаніи. Гдѣ искать намъ союзниковъ? спрашиваетъ Погодинъ. Кажется, всѣ европейцы теперь противъ насъ? И отвѣчаетъ перечнемъ славянскихъ странъ, не только турецкихъ, но и австрійскихъ: наряду съ Болгаріей и Сербіей мы находимъ здѣсь и Богемію съ Моравіей. „Восемьдесятъ слиш-

[illegible]" восклицаетъ онъ. „Порядочное количество! порядочный союзецъ!" Погодинъ предлагалъ назвать этотъ „союзецъ" дунайскимъ, славянскимъ, восточнымъ европейскимъ и дать ему столицей, разумѣется, Константинополь, а предсѣдательницей, конечно, Россію. Характерной особенностью погодинскаго проекта было то, что въ число равноправныхъ членовъ союза онъ ставилъ и *Польшу*: слова Николая Павловича, что онъ готовъ поляковъ „отпустить на волю", лишь бы доканать Австрію, крѣпко засѣли въ памяти его московскаго совѣтчика, — онъ записалъ ихъ въ своемъ дневникѣ. Щекотливую задачу — примирить поляковъ съ Николаемъ — московскій публицистъ бралъ на себя, если послѣдуетъ высочайшее соизволеніе: въ такомъ случаѣ онъ готовился писать Мицкевичу и Лелевелю и надѣялся ихъ „обратить". Это былъ, несомнѣнно, самый трудный пунктъ. Въ прочихъ мѣстахъ дѣло было гораздо легче. „Для австрійской Сербіи, то есть воеводины Сирміи, есть у меня надежный человѣкъ", писалъ Погодинъ, „патріархъ, съ которымъ я видѣлся въ Вѣнѣ даже недавно, и бесѣдовалъ дружески, а прежде, въ 1846 году, я жилъ у него нѣсколько времени въ Карловцѣ. Ему стоитъ только мигнуть черезъ священника нашего въ Вѣнѣ, и *она* (Сирмія) *возстанетъ*. Есть еще у меня тамъ одинъ протопопъ, который постоитъ, навѣрное, [illegible] и выставитъ цѣлый корпусъ. Богемія, Моравія, словаки пышатъ ненавистью къ Австріи, *и тамъ* [illegible] *непремѣнно движеніе*, лишь только огласится разрывъ съ Россіей... *Галиція готова соединиться съ нами*. Съ Венгріей фельдмаршалъ (Паскевичъ), слышно, имѣетъ сношенія" *).

Если возмущеніе малоазіатскихъ грековъ противъ турецкаго султана и можно было съ натяжкой не считать революціей, то организація возстанія австрійскихъ славянъ противъ ихъ императора, несомнѣнно, была „революціоннымъ дѣйствіемъ". Тѣмъ не менѣе, Погодинъ не только не попалъ въ Вятку или куда-нибудь еще восточнѣе, а получилъ даже высочайшую благодарность „за вѣрноподданническую откровенность": такъ далеки мы были отъ тѣхъ временъ, когда циркуляры министерства народнаго просвѣщенія предписывали всѣмъ профессорамъ обличать злокозненность панславизма. Прямо однако же послѣдовать совѣтамъ Погодина было неудобно: нейтралитетъ Австріи, хотя бы враждебной, былъ все-таки лучше войны съ нею. По существу же онъ не говорилъ правительству ничего новаго: оно само давно держалось линіи, весьма близкой къ проектамъ Паскевича и Погодина. Очень возможно, что „письма" послѣдняго были вдохновлены правительственной иниціативой. Еще въ мартѣ графиня Блудова писала ему изъ Петербурга: „Два слова прибавлю—насчетъ Босніи. Тамъ Ковалевскій съ нѣкоторою тысячею успѣлъ много сдѣлать. Онъ подготовилъ все. Должны были на дняхъ ѣхать отсюда къ нему въ Черногорію два артиллериста, но все откла-

*) Изъ частнаго письма Погодина къ Прянишникову, одному изъ посредниковъ между нимъ и Николаемъ. Барсуковъ. XIII, 109 сл.

подданъ. Если однако не добьются, то, по всему вѣроятію, скоро придется дѣло — на [illegible] хватить того, что надо". Впрочемъ прибавлено, что все это дѣлается съ разрѣшенія государя, но „только не официальнаго": „такихъ вещей официально и нельзя дѣлать, потому что тогда онѣ не удаются" *). Одновременно съ Ковалевскимъ былъ отправленъ въ Сербію Фонтонъ, совѣтникъ нашего посольства въ Вѣнѣ, и особый агентъ въ Грецію съ деньгами для существовавшей въ Афинахъ комиссіи по собиранію средствъ на освобожденіе Эпира и Оессаліи отъ турокъ. Эта комиссія — учрежденіе уже совершенно заговорщическаго характера, одна изъ наслѣдницъ знаменитой „этеріи", въ самомъ началѣ войны предлагала организовать возстаніе грековъ, еще продолжавшихъ находиться подъ турецкимъ владычествомъ, — подъ условіемъ щедрой поддержки со стороны Россіи оружіемъ и деньгами. Тогда это предложеніе было отклонено, теперь къ ней обратились, и въ ея распоряженіе была предоставлена значительная сумма — 300.000 рублей.

Глава европейскаго легитимизма быстро входилъ въ новую роль революціоннаго агитатора на Балканскомъ полуостровѣ. Оставался вопросъ, насколько эта роль ему по плечу. Что касается балканскихъ народностей, то онѣ совсѣмъ не спѣшили ввѣрить свою участь новоявленному освободителю. И онѣ имѣли къ этому свои основанія. Слишкомъ еще недавно агентовъ русскаго правительства нельзя было равнять съ австрійскими, [illegible] „успокоенію". Тотъ же Фонтонъ, на[illegible] было внушать сербскому правительству уваженіе къ международнымъ трактатамъ и отвращеніе къ всякимъ революціямъ, [illegible] несогласнымъ съ состояніемъ цивилизаціи и съ политическимъ положеніемъ страны". Борьба съ „революціонной пропагандой" была его главной задачей, онъ долженъ былъ неустанно напоминать сербамъ, что Россія не потерпитъ, чтобы Сербія сдѣлалась „[illegible]", нарушающимъ спокойствіе сосѣднихъ государствъ". Во всемъ этомъ Фонтонъ долженъ былъ дѣйствовать „въ полномъ согласіи съ представителемъ Австріи". Когда теперь тотъ же русскій агентъ обратился къ князю Александру Карагеоргіевичу, [illegible], лично враждебному къ Россіи, которая сдѣлала въ свое время все возможное, чтобы не пустить его на сербскій престолъ, съ предложеніемъ возстать противъ султана, — котораго князь былъ вассаломъ, — [illegible] сербъ отвѣтилъ ссылкой на прежніе совѣты русскаго правительства, такъ хорошо имъ усвоенные, и на 25.000 австрійскихъ войскъ, сосредоточенныхъ на границѣ Сербіи. Оставалось сдѣлать еще шагъ по пути революціоннаго разврата — и обратиться къ „народу" помимо и вопреки волѣ его правительства. Но сербы давно уже избавились отъ непосредственнаго угнетенія турокъ, — а къ панславистскимъ [illegible]

*) Ibid. 81.

были глубоко равнодушны. Намъ удалось завербовать нѣсколько сотъ сербскихъ волонтеровъ, но этимъ все дѣло и ограничилось: фактически Сербія, какъ правительство, такъ и народъ, строго держала нейтралитетъ. Блестящіе успѣхи русскаго оружія на Дунаѣ, можетъ быть, измѣнили бы эту картину—но они все заставляли себя ждать. Еще хуже, чѣмъ съ Сербіей, было дѣло съ маленькой Черногоріей, которая самымъ своимъ политическимъ существованіемъ была обязана Россіи. Ради торжества лояльности она въ это время совершенно была предоставлена нами австрійской опекѣ. Когда передъ самой войной турецкая армія Омеръ-паши готовилась вторгнуться въ Черногорію и смести маленькій народъ съ лица земли, не русскій посолъ въ Константинополѣ, а австрійскій генералъ властнымъ словомъ остановилъ нашествіе. Не мудрено, что во время войны и безъ совѣтовъ полковника Ковалевскаго—которому тоже вначалѣ было предписано внушать черногорцамъ „спокойствіе"—послѣдніе больше оглядывались на Австрію, чѣмъ на Россію. Ближайшіе къ намъ географически обитатели Молдавіи и Валахіи обнаруживали еще менѣе горячности къ борьбѣ съ невѣрными—и, помня подвиги русскаго правительства въ 1848 году, предпочитали прямо оказывать услуги туркамъ. Наконецъ, что касается турецкихъ христіанъ вообще, то какъ разъ въ эту минуту они были успокоены торжественнымъ заявленіемъ Порты, обѣщавшей имъ неприкосновенность ихъ религіи и церковнаго иммунитета—тѣмъ самымъ фирманомъ, который султанъ издалъ въ отвѣтъ на настоянія Россіи и по совѣту своихъ западныхъ союзниковъ. Болѣе проницательная часть райи могла догадываться, что фирманъ и на этотъ разъ останется писанной бумагой—но это все же было хоть обѣщаніе, а дружба съ Россіей при настоящемъ положеніи вещей ничего не обѣщала, кромѣ непріятностей. Въ результатѣ, греческое духовенство съ константинопольскимъ патріархомъ во главѣ нашло возможнымъ поднести султану вѣрноподданническій адресъ съ изъявленіями своей преданности. Патріархъ вообще держалъ себя такъ, что у англійскаго посла, Стрэдфорда Рэдклифа, явилась, какъ говорятъ, даже мысль—использовать его съ цѣлью причиненія спеціально церковныхъ непріятностей русскому правительству: патріархъ долженъ былъ объявить русскую церковь отпавшею отъ православія. Такъ далеко однако же греческій іерархъ не пошелъ.

Когда военныя дѣйствія возобновились переходомъ русскихъ войскъ черезъ Дунай—въ мартѣ 1854 года—новая фаза русской политики была еще въ самомъ началѣ, но никакихъ утѣшительныхъ перспективъ уже не было видно. Въ теченіе зимы въ княжествахъ было сосредоточено до 120.000 войска; во главѣ его стоялъ самъ фельдмаршалъ Паскевичъ—и тѣмъ не менѣе ничего похожаго на недавнюю самоувѣренность нельзя было замѣтить. Новый главнокомандующій уѣзжалъ съ самыми мрачными предчувствіями. Онъ опять вернулся къ своей оборонительной теоріи и на совѣщаніяхъ въ Петербургѣ передъ отъѣздомъ совѣто-

вали Наполеону отвести войска за Серетъ и даже за Прутъ — т. е. на русскую территорію, совершенно очистивъ княжества. Относительно проектовъ Погодина его окружающіе и, повидимому, онъ самъ были согласны, что это — „поэзія и что нѣтъ ни доброй воли, ни силы у христіанъ освободиться". *) У Паскевича однако не хватило гражданскаго мужества переубѣдить своего государя, который попрежнему старался бодро смотрѣть въ глаза будущему. Тѣмъ не менѣе и Николай былъ теперь не тотъ. Онъ, который годъ тому назадъ надѣялся въ нѣсколько недѣль овладѣть Царьградомъ, теперь не шелъ дальше надежды въ теченіе полугода овладѣть Силистріей, „а быть можетъ и Рущукомъ". „Но симъ должны мы ограничиться на 1854 годъ", писалъ онъ Паскевичу. Послѣдній, ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ на мѣстѣ, не питалъ даже и такихъ скромныхъ ожиданій. „Въ случаѣ войны съ Австріею, намъ невозможно держаться на Дунаѣ и въ княжествахъ", писалъ онъ 11 апрѣля Николаю изъ Измаила, „поэтому нельзя предпринять никакихъ наступательныхъ движеній до полученія положительныхъ свѣдѣній о намѣреніяхъ Австріи". Онъ присоединялъ къ этому свой старый совѣтъ „очистить добровольно княжества, чтобы занять въ нашихъ предѣлахъ болѣе надежную позицію и вмѣстѣ съ тѣмъ отнять у Германіи всякій предлогъ къ разрыву съ нами".

Что касается намѣреній Австріи, то она реагировала на переходъ русскими войсками Дуная такими мѣрами, которыя оставляли чрезвычайно мало надежды даже на ея нейтралитетъ. Ея обсерваціонный корпусъ на границахъ Сербіи и княжествъ съ 25 000 человѣкъ былъ доведенъ до 80 000 и предпринята дальнѣйшая мобилизація. 9 апрѣля (н. ст.) Австрія вмѣстѣ съ Англіей и Франціей подписала протоколъ, который очищеніе русскими княжествъ ставилъ какъ одно изъ непремѣнныхъ условій какого бы то ни было соглашенія съ Россіей. Къ вящщему огорченію Николая, подъ этимъ протоколомъ поставила свою подпись и Пруссія: Николай Павловичъ только что грубо отклонилъ добродушную попытку посредничества, отъ которой не воздержался Фридрихъ-Вильгельмъ IV, и этотъ романтическій король чувствовалъ себя теперь кровно обиженнымъ Россіей. Его феодальные друзья, почитатели русскаго императора, на время потеряли всякое вліяніе надъ нимъ. Подталкиваемое снизу буржуазіей, прусское правительство шло теперь въ сущности по линіи наименьшаго сопротивленія. Германскія государства уже были связаны другъ съ другомъ взаимнымъ обязательствомъ — помогать другъ другу въ поддержаніи нейтралитета: другими словами, если бы Россія вздумала, увлекшись панславистскими планами въ погодинскомъ духѣ, напасть на Австрію, она имѣла бы противъ себя и Пруссію, и весь Германскій союзъ. Но Австріи этого казалось мало. 20 апрѣля (н. ст.) между нею и Пруссіей была заключена спеціальная военная конвенція, предусматривавшая мѣры на случай, когда Австріи придется окку-

*) Изъ письма гр. Блудовой. [illegible], 77.

перейдетъ дунайскія княжества и причемъ, быть-можетъ, столкнуться съ русскими войсками. Въ этомъ случаѣ Пруссія обязывалась въ опредѣленный срокъ сосредоточить на русской границѣ 100,000 войска. Получивъ завѣренія, что австрійскіе штыки, во всякомъ случаѣ, не перейдутъ Прута, — т. е. что Австрія не собирается вести наступательной войны противъ Россіи, Фридрихъ-Вильгельмъ подписалъ и эту конвенцію. Теперь всѣ крупныя государства западной Европы или были въ открытой войнѣ съ Россіею *), или заняли по отношенію къ ней положеніе враждебнаго нейтралитета.

Подъ впечатлѣніемъ всѣхъ этихъ событій, настроеніе русскаго главнокомандующаго становилось все болѣе угнетеннымъ. Повинуясь приказанію своего императора, онъ шелъ впередъ — но умъ его былъ поглощенъ мыслью о неизбѣжномъ отступленіи и о томъ, какъ его совершить. Черепашьимъ шагомъ онъ углублялся въ Болгарію—но все время оглядыивался на Карпаты, ежеминутно ожидая появленія оттуда бѣлыхъ мундировъ. Его первымъ распоряженіемъ было очистить Малую Валахію—т. е. ту часть Румыніи, которая ближе всего къ Сербіи. Этимъ былъ окончательно обезпеченъ нейтралитетъ послѣдней, что должно было нѣсколько успокоить и смягчить Австрію. На обитателей княжествъ это произвело такое впечатлѣніе, что почти ни одинъ изъ солдатъ и офицеровъ распущенной молдаво-валашской арміи не отозвался на приглашеніе вступить въ русскую службу: русское дѣло считалось заранѣе проиграннымъ.

Въ началѣ мая, почти черезъ два мѣсяца послѣ переправы черезъ Дунай, русская армія подошла, наконецъ, къ Силистріи —той изъ дунайскихъ крѣпостей, взятіе которой Николай считалъ главной задачей лѣтней кампаніи 1854 года. Турецкія укрѣпленія вокругъ Силистріи не были еще окончены—въ моментъ нашей переправы, въ мартѣ, ихъ почти вовсе не было, и тогда легко было захватить крѣпость открытымъ нападеніемъ. Теперь приходилось вести правильную осаду. Къ ней Паскевичъ приступилъ такъ же осторожно, какъ и ко всему, что онъ предпринималъ въ это время. Несмотря на то, что въ его распоряженіи было до 90 тыс. чел. войска, тогда какъ гарнизонъ турецкой крѣпости не превышалъ 18 тысячъ, онъ не рѣшился окружить ее со всѣхъ сторонъ. Напротивъ, самъ онъ очень опасался быть окруженнымъ—и прежде всего поспѣшилъ тщательно укрѣпить свой собственный лагерь, какъ будто ему предстояло въ ближайшемъ будущемъ изъ осаждающаго превратиться въ осажденнаго. Напрасно Николай Павловичъ доказывалъ ему, что ни австрійская армія, ни англо-французскій десантъ не могутъ очутиться на нижнемъ Дунаѣ такъ скоро— и что въ теченіе, по крайней мѣрѣ, семи-восьми недѣль ему не придется имѣть дѣло ни съ какимъ непріятелемъ, кромѣ тѣхъ турокъ, которыхъ онъ видѣлъ передъ собой. Осадныя работы велись такъ же осторожно и пугливо, какъ и все остальное: приказано было вести ихъ съ такимъ расчетомъ, чтобы осаду можно было

*) Манифестъ о войнѣ съ Англіей и Франціей подписанъ 9 февраля 1854 года. См. ниже, 4. Севастополь.

[illegible]

Командовавшій войсками противъ одного изъ фортовъ Силистріи, Арабъ-Табіи, генералъ Сельванъ [illegible] как[illegible] другія части [illegible] крайне [illegible] и кровавое дѣло. Въ довершеніе несчастья, когда головы русскихъ колоннъ уже взбирались на турецкіе окопы, Сельванъ былъ убитъ и [illegible] вмѣсто него команду генералъ, испу[illegible] отвѣтственности, [illegible] ударить отбой. Отступая [illegible] войска потеряли еще множество народа. По[illegible]

[illegible] ваго фланга крѣпости, находя, что онѣ „слишкомъ быстро подвигаются [illegible] Дуная всю осадную артиллерію, кромѣ нѣсколькихъ мортиръ. Наконецъ, ему надоѣло продолжать эту комедію. Онъ воспользовался тѣмъ, что во время одной рекогносцировки ту[illegible] лошади, объявилъ себя контужен[illegible] первую минуту серьезно повѣрившій [illegible] приказы дѣйствовать возможно энер[illegible] былъ вполнѣ солидаренъ съ „отцомъ-командиромъ“. Наши работы уже подошли вплотную къ турецкимъ укрѣ[illegible] были взорваны минами, которыя очень удачно велъ будущій герой севастополя, подполковникъ Тотлебенъ,— все было готово къ штурму, когда Горчаковъ получилъ отъ фельдмаршала письмо, начинавшееся такими

строками: „Желаніе ваше, любезный князь, исполнилось: Государь приказалъ прекратить осаду Силистріи и отвести войска на лѣвый берегъ Дуная“.

Отступленіе русскихъ войскъ отъ Силистріи было тяжелымъ разочарованіемъ для патріотически настроенной части русскаго общества. Шевыревъ писалъ Погодину: „признаюсь, прочитавъ извѣстіе нынѣшнее, я такъ упалъ духомъ, что никуда не хочется ѣхать... Грустно! Лучше молиться Богу и сидѣть дома!..“ А. С. Т. Аксаковъ даже захворалъ, узнавъ о „бѣгствѣ за Дунай“ русской арміи. Нѣкоторыя подробности этого бѣгства производили особенно удручающее впечатлѣніе. Силистрійскіе болгары принадлежали къ числу немногихъ балканскихъ славянъ, довѣрившихся Россіи. Они дѣятельно обслуживали нашу армію въ качествѣ проводниковъ, погонщиковъ и шпіоновъ. Отступленіе нашихъ войскъ за Дунай было для нихъ смертнымъ приговоромъ: не могло быть сомнѣнія, что турки ихъ вырѣжутъ. Имъ ничего не оставалось, какъ со всѣми семьями переправиться вмѣстѣ съ русскими въ Румынію. Но русскій главнокомандующій отказался ихъ взять. Горчаковъ ожидалъ, что турки немедленно двинутся за нимъ по пятамъ, и спѣшилъ переправить свои обозы и артиллерію. Болгаръ *запрещено* было перевозить, и нѣсколько сотъ семействъ осталось на вѣрную гибель на глазахъ русской арміи, которая могла видѣть турецкую расправу съ лѣваго берега Дуная. Для ревнителей „юго-восточно-европейскаго“ союза всѣхъ славянъ со столицей въ Константинополѣ нельзя было придумать болѣе злой ироніи. Но поклонники Николая были бы еще больше разочарованы, если бы имъ была извѣстна подкладка событія. Офиціальныя извѣстія изображали его, какъ *военную* неудачу, говорили о нашемъ отступленіи за Дунай и — позже — за Прутъ, какъ о вынужденномъ *стратегическими* соображеніями. Только въ болѣе тѣсномъ кругу знали, что это было крупнѣйшее политическое пораженіе — начало конца всѣхъ широкихъ плановъ императора Николая. Непреклонный императоръ уже нѣсколько недѣль, какъ шелъ на уступки — но ихъ не принимали. Сначала онъ надѣялся столковаться на основѣ такъ гордо отклоненнаго имъ письма императора французовъ: черезъ посредство берлинскаго двора онъ предлагалъ своимъ противникамъ, въ томъ числѣ и Австріи, очистить княжества на условіи, что союзныя эскадры въ это же время уйдутъ изъ Чернаго моря. Но это была уже устарѣвшая комбинація: Австрія требовала удаленія русской арміи изъ княжествъ безъ всякихъ условій. Николай нашелъ въ себѣ еще достаточно бодрости, чтобы формально отвѣтить „нѣтъ“. Но по существу онъ не могъ не понимать, какъ неизбѣжно для него подчиниться этому требованію. Въ началѣ іюля Австрія имѣла на нашей границѣ и въ непосредственной близости къ ней уже 182.000 человѣкъ и 376 орудій. Русскому правительству оставалось на выборъ одно изъ двухъ: или дожидаться, пока эти войска выгонятъ насъ изъ княжествъ, что въ союзѣ съ турками они вполнѣ могли осуществить, или — еще разъ сдѣлать изъ необходимости доброду-

тели. Николай выбралъ моментъ, когда дунайская армія составляла всю главную боевую силу, и ей пришлось отречь. 20-го іюля русскія войска очистили Бухарестъ, медленно отступая на сѣверо-востокъ, только въ концѣ августа ихъ арріергардъ переправился на лѣвый берегъ Прута. Слѣдомъ за ними так

въ недавнюю дунайскую ... и Турціи, ... окупаціи Молдавіи и Валахіи. ... Николая потребовать полнаго очищенія; немного дней спустя, ему приходилось уже обороняться отъ врага на своей собственной территоріи.

4.

Севастополь.

22 декабря 1853 года русскіе послы въ Парижѣ и въ Лондонѣ, Киселевъ и баронъ Брунновъ, вручивъ одновременно тождественныя заявленія соотвѣтствующимъ правительствамъ, потребовали свои паспорты. Дипломатическія сношенія между Россіей и морскими державами были такимъ образомъ прерваны. Но, какъ это было и съ Турціей, военныя дѣйствія начались не тотчасъ. Только 9 февраля слѣдующаго года появился манифестъ Николая Павловича. Онъ начинался обычнымъ заявленіемъ искренняго желанія русскаго императора „прекратить кровопролитіе". Но „коварныя наущенія" Англіи и Франціи помѣшали этому благому желанію осуществиться. „Итакъ, противъ Россіи, сражающейся за православіе, рядомъ съ врагомъ христіанства становятся Англія и Франція". Дальше слѣдовало, уже знакомое намъ по перепискѣ Николая съ Наполеономъ III, воспоминаніе о 1812 годѣ. Манифестъ заключался, довольно неожиданно, цитатой изъ псалма противъ духа лукаваго: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его!" Текстъ этомъ не понравился даже старому генералу Граббе, человѣку военныхъ внутренне настроенному; въ презрѣніи французовъ и англичанъ къ бѣсамъ онъ усмотрѣлъ недостатокъ „смиренія", — которымъ отличался, во всякомъ случаѣ, остальной текстъ манифеста. Въ этомъ наборѣ громкихъ фразъ, мало согласныхъ съ истиною, характерно было однако же одно обстоятельство: ни словомъ не было упомянуто о революціонныхъ грѣхахъ противниковъ Россіи, — наоборотъ. Николай приглашалъ своихъ подданныхъ „заступаться за угнетенныхъ братьевъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ манифестъ былъ написанъ языкомъ сравнительно простымъ и, насколько это умѣла николаевская канцелярія, — доступнымъ для массы. Очевидно, совѣтъ, съ которымъ скоро послѣ того выступилъ Погодинъ: „непосредственно дѣйствовать на народъ", и тутъ былъ нѣсколько запоздалымъ. Наверху уже поняли, что въ начавшейся борьбѣ безъ народа не обойдешься.

Первые выстрѣлы раздались еще позже—только въ апрѣлѣ, когда Балтійское море очистилось для навигаціи. Союзники не имѣли возможности двинуть въ Россію значительныя сухопутныя силы, такъ какъ ихъ при-

ходимо было переносить туда моремъ. У Наполеона III былъ проектъ — итти по стопамъ своего дяди и перенести войну въ Польшу. Но для этого нужно было добиться пропуска французскихъ войскъ черезъ Германію, а на это не были согласны не только Пруссія, но даже и Австрія, а въ концѣ концовъ даже и Англія, въ расчеты которой отнюдь не входило, чтобы война кончилась возстановленіемъ первой имперіи. Этою невозможностью достать Россію на сушѣ съ самаго начала опредѣлился весь планъ союзниковъ. Разъ дѣло сводилось къ десанту, нужно было устроить такъ, чтобы этотъ десантъ,— который по тогдашнимъ условіямъ морского транспорта не могъ быть особенно великъ—появился на мѣстѣ высадки по возможности внезапно и не встрѣтилъ при своемъ появленіи значительныхъ русскихъ силъ, которыя могли бы сбросить его въ море. А для этого нужно было держать Николая возможно дольше въ заблужденіи насчетъ истиннаго пункта высадки, чтобы заставить его разбросать свои силы на огромномъ пространствѣ отъ Торнео до Тифлиса. Поэтому союзники вели войну вездѣ, не пренебрегая даже Бѣлымъ моремъ и Камчаткою; особенно же внушительныя демонстраціи предполагались на Балтійскомъ морѣ, вблизи русской столицы, и на Дунаѣ, гдѣ были въ это время сосредоточены наши главныя силы: для этого англо-французскій корпусъ, предназначавшійся для дѣйствій собственно противъ Севастополя, былъ сосредоточенъ въ Варнѣ — [illegible] нымъ исходнымъ пунктомъ, какъ для десанта въ Крымъ, такъ и для движенія къ Дунаю. Враждебный нейтралитетъ Австріи и Пруссіи былъ какъ нельзя болѣе на руку подобному плану,—оттягивая добрую долю русскихъ силъ къ берегамъ Днѣстра и Вислы. Цѣли своей союзники достигли вполнѣ. „Русскіе штыки въ огромной численности появились на всѣхъ угрожаемыхъ пунктахъ. Въ Финляндіи стояли гвардейскія войска; около Риги образовалась многочисленная армія подъ командою генерала Граббе; въ Царствѣ Польскомъ князь Варшавскій собралъ достойную уваженія силу; въ княжествахъ и на Дунаѣ у князя Горчакова находились 3-ій, 4-ый, 5-й пѣхотные корпуса, драгуны и резервные уланы; въ Крыму, подъ начальствомъ князя Меншикова, составился отрядъ изъ наскоро собранныхъ съ разныхъ мѣстностей войскъ; на Азовскомъ прибрежьѣ начальствовалъ атаманъ Войска Донского Хомутовъ; кавказскій корпусъ былъ усиленъ 18-ю пѣхотною дивизіею, перевезенною туда на судахъ изъ Крыма; наконецъ, Петербургъ и его окрестности были заняты цѣлою арміею, порученною начальству графа Ридигера. Такимъ образомъ, съ какой бы стороны ни отважился непріятель насъ атаковать, вездѣ было собрано достаточно, какъ казалось, войскъ, чтобы встрѣтить его покушеніе. Но если присмотрѣться поближе къ дѣлу, то каждому сдѣлается яснымъ, что силы, собранныя на каждомъ изъ этихъ пунктовъ, были недостаточны для того, чтобы дать отпоръ непріятелю, который могъ бы рѣшиться на наступательное дѣйствіе противъ Россіи" *). Какой де-

*) Записки князя В. И. Васильчикова. „Русск. Архивъ". 1891, № 6, с. 169—170.

весьма сомнительно [illegible] ихъ экспедиціи, показывать примѣръ энергичныхъ дѣйствій въ Балтійскомъ морѣ. Напавъ на ничтожную въ стратегическомъ отношеніи крѣпость Бомарзундъ (на Аландскихъ островахъ) въ [illegible] 1854 года — союзники заставили Николая сосредоточить на балтійскомъ побережьѣ „непомѣрное, можно сказать, количество войскъ", по выраженію кн. Васильчикова. Въ одной Лифляндіи и Курляндіи было собрано до 200 тысячъ штыковъ. А между тѣмъ на союзномъ флотѣ въ Балтикѣ была всего только одна французская дивизія — менѣе 10.000 человѣкъ.

Той же системы — демонстрацій въ разныхъ мѣстахъ, съ цѣлью заставить русскихъ разбросать свои силы — союзники держались и на каждомъ отдѣльномъ театрѣ войны. Въ Балтійскомъ морѣ ихъ крейсера то и дѣло появлялись въ разныхъ пунктахъ финляндскаго побережья, обстрѣливали тотъ или другой городъ, дѣлали видъ, что собираются произвести высадку — и исчезали, прежде чѣмъ русскіе успѣвали причинить имъ какой-нибудь вредъ. За все это время союзный флотъ не потерялъ ни одного судна, ни отъ русскихъ ядеръ и минъ, ни отъ бурь и подводныхъ камней — несмотря на то, что Финскій заливъ усѣянъ послѣдними, и что всѣ [illegible] были [illegible], всѣ [illegible] и предупредительные [illegible]. Положеніе русскаго флота за это время было самое жалкое. Началось, разумѣется, съ похвальбы: наши балтійскіе моряки собирались встрѣтить непріятеля въ [illegible] [illegible] 17 линейныхъ [illegible] [illegible] Морской министръ императора Николая [illegible] [illegible] нить качествомъ: англійскій флотъ лорда Непира („этого пьяницы Непира" [illegible]) [illegible], всего лишь 17 линейныхъ кораблей, но изъ нихъ 10 были винтовыми, — послѣднее слово тогдашней морской техники, тогда какъ наши балтійскіе корабли были всѣ парусные. Въ результатѣ англичане обладали полной свободой передвиженія, тогда какъ нашъ флотъ зависѣлъ отъ воли вѣтровъ. Принимать бой при такихъ условіяхъ было слишкомъ явнымъ безуміемъ: наши корабли все время и не показывались изъ-за укрѣпленій Кронштадта и Свеаборга. 18 іюня 1854 года Николай не безъ меланхоліи писалъ Меншикову: „Непріятель [illegible] на сѣверномъ фарватерѣ; все, что придумать можно было къ защитѣ, исполнено; прочее въ рукахъ Божіихъ. Буди Его святая воля!"

Демонстративный характеръ первыхъ дѣйствій союзниковъ ввелъ нашихъ патріотовъ между прочимъ въ курьезное недоразумѣніе: они отнесли къ „волѣ Божіей" то, что было сознательнымъ расчетомъ коварнаго врага. Англійскіе крейсера на Бѣломъ морѣ обстрѣливали между прочимъ Соловецкій монастырь, причинивъ [illegible]

за укрѣпленіи форта. Монастырь отчасти этимъ и былъ, ибо тамъ оказалась артиллерія, отвѣчавшая англичанамъ. Послѣдніе, впрочемъ, по всей вѣроятности, не имѣли въ виду ни разрушить, ни взять Соловецкую „крѣпость“ — стратегическое значеніе которой было еще во много разъ меньше, чѣмъ несчастнаго Бомарзунда. Надѣлавъ достаточно шуму, англійскіе пароходы ушли. На Черномъ морѣ англо-французскій флотъ началъ свои операціи съ бомбардировки Одессы, дѣлая видъ, что хочетъ сдѣлать высадку въ тылъ дунайской арміи. На этотъ разъ однако и демонстрація велась очень вяло и потому неискусно. Союзный флотъ ограничился разрушеніемъ одной русской батареи и бросилъ нѣсколько бомбъ въ городъ. Союзниковъ, видимо, смущало интернаціональное значеніе Одессы и характеръ ея населенія, гдѣ иностранцы— въ томъ числѣ французы, англичане, итальянцы и австрійскіе нѣмцы — едва ли не преобладали въ то время надъ русскими. Какъ бы то ни было, Одессы, какъ и Соловецкаго монастыря, они не уничтожили и не взяли. Это событіе привело Погодина въ необычайный восторгъ. Привирая для большаго эффекта и рисуя картину поединка цѣлаго флота, тридцати линейныхъ кораблей, „чуть ли не съ тысячей пушекъ“ противъ одной „полевой пушченки“ въ рукахъ прапорщика, который „здоровехонекъ, оглохъ только, говорятъ, отъ громкой пальбы“,—московскій публицистъ задорно спрашивалъ своего воображаемаго оппонента: „и это не чудо? Такъ что же это такое?“ А что въ Соловкахъ „птицы на монастырскихъ дворахъ всѣ цѣлы“ это не чудо? „Нѣтъ“, глубокомысленно заключалъ онъ послѣднюю статью о монастырѣ, „они напали на монастырь, — да явятся дѣла Божіи на немъ“.

Благочестивыхъ людей скоро должно было постигнуть большое разочарованіе: въ сентябрѣ того же 54 года „англо-французы“ нашли, что морскія демонстраціи ими достаточно использованы, и приступили къ серьезнымъ дѣйствіямъ одновременно на сушѣ и на морѣ—причемъ уже никакихъ чудесъ не наблюдалось. Объектомъ этихъ дѣйствій, какъ можно было и ранѣе догадываться, сталъ Севастополь. Крупнѣйшая военная гавань Россіи на Черномъ морѣ, главная стоянка черноморскаго флота, съ его верфями и доками, это былъ жизненный центръ; ударъ въ него сразу парализовалъ всю ту систему, при помощи которой Николай надѣялся держать въ рукахъ Турцію—и по временамъ, дѣйствительно, держалъ въ рукахъ. Еще въ концѣ 30-хъ годовъ, въ дни конфликта изъ-за египетскаго паши, генералъ Гильемино, французскій посланникъ въ Константинополѣ, собиралъ свѣдѣнія, могущія послужить французамъ при ихъ экспедиціи въ Крымъ и осадѣ Севастополя. Рекогносцировка Севастополя была однимъ изъ первыхъ дѣйствій союзнаго флота по вступленіи его въ Черное море. Эта рекогносцировка привела союзныхъ адмираловъ къ убѣжденію, что съ моря крѣпость неприступна, но что Севастополемъ можно овладѣть, сдѣлавъ высадку въ нѣкоторомъ разстояніи отъ укрѣпленій — и что берега въ этихъ мѣ-

[illegible] для де-санта. [illegible] послѣдній [illegible] только непредвидѣнное [illegible] въ экспедиціонномъ корпусѣ, собиравшемся сначала въ Галлиполи, а потомъ, какъ мы уже упоминали, переброшенныхъ въ Варну. О возможности — и даже очень большой вѣроятности — высадки союзниковъ въ Крыму, съ цѣлью овладѣнія Севастополемъ, догадывался и главнокомандующій черноморскимъ флотомъ, князь Меншиковъ. „Въ настоящее время Крымъ — существенный пунктъ, на которомъ можетъ рѣшиться вопросъ о вашемъ вліяніи на дѣла Востока“, писалъ онъ военному министру отъ 29 іюня 1854 г. — за два слишкомъ мѣсяца до высадки, хлопоча объ усиленіи находившихся подъ его командой сухопутныхъ войскъ. Но императоръ Николай [illegible] онъ думалъ, что въ Крыму непріятель „ничего важнаго предпринять не можетъ, еще менѣе — произвести осаду или бомбардировку“. Меншиковъ съ большимъ трудомъ получилъ одну дивизію отъ князя Горчакова изъ дунайской арміи, — и то почти контрабандой; Горчаковъ совсѣмъ не былъ уполномоченъ ее посылать. Не безъ неудовольствія узнавъ объ этомъ незаконномъ подкрѣпленіи крымскаго корпуса, императоръ теперь окончательно былъ убѣжденъ, что „Севастополь вполнѣ обезпеченъ отъ всякой попытки имъ овладѣть, и съ моря, и съ сухого пути“.

Съ моря Севастополь считали неприступнымъ, какъ мы видѣли, и сами союзники. Правда, [illegible] [illegible] Совсѣмъ иную картину представляли сухопутныя укрѣпленія Севастополя. Мы приводимъ отзывъ о нихъ современника и очевидца, [illegible] — будущаго начальника штаба севастопольскаго гарнизона, князя Васильчикова. „На огромномъ протяженіи отъ Килен-балки до Артиллерійской бухты были возведены [illegible] три оборонительныя казармы небольшого размѣра и три башни самой странной конструкціи. На [illegible] флангѣ были сооружены 5-й и 6-й бастіоны слабой профили, а между ними тянулась изящная по своей постройкѣ оборонительная стѣнка изъ тесаннаго камня, снабженная бойницами для ружейной обороны, но не представлявшая въ дѣйствительности никакой обороны [illegible]. Всѣ эти дорого стоившія сооруженія, съ точки зрѣнія [illegible], какъ средства обороны, не годились въ сущности ни къ чему. Башни развалились впослѣдствіи отъ сотрясенія, производимаго [illegible] на нихъ нашими же орудіями; казармы плохо выдерживали [illegible] падавшихъ на нихъ непріятельскихъ бомбъ; стѣнка разрушалась отъ каждаго попадавшаго въ нее ядра, которое вышибало изъ нея изящно-обтесанные камни; кое-гдѣ устроенные казематы, по тѣснотѣ своей, были негодны для дѣйствія нашей артиллеріи, [illegible]

приняла [illegible] и сдѣлала уни[illegible] [illegible] ихъ орудій [illegible]. Нужно прибавить, что эти [illegible] укрѣпленія [illegible] не болѣе ⅓, [illegible] [illegible]: на остальныхъ ⅔ просто ничего не было.

[illegible] вопросъ, какъ же относился къ [illegible] [illegible] и [illegible] командиръ черноморскаго флота и сухопутныхъ войскъ въ Крыму, — князь Меншиковъ, [illegible] предстоящей [illegible] союзниковъ на Севастополь? Отвѣтъ на это даетъ [illegible]: Меншиковъ, говоритъ онъ, не разрѣшалъ [illegible] работъ по укрѣпленію Севастополя съ суши, предвидя, что эти офицеры напрасно истратятъ огромныя суммы денегъ..." [illegible] было, безусловно правъ былъ и кн. Васильчиковъ, [illegible], что „въ минуту открытія военныхъ дѣйствій Севастополь, можно сказать, не былъ укрѣпленъ съ сухопутной стороны".

[illegible] наиболѣе удобный пунктъ для высадки, окрестности Евпаторіи. Въ [illegible] Евпаторія тоже значилась, какъ одинъ изъ возможныхъ пунктовъ непріятельской [illegible]

этихъ мѣстахъ не было принято, и изъ города не были даже увезены 60 тыс. четвертей пшеницы, которыя немедленно достались въ руки непріятеля и сразу же обезпечили его продовольствіемъ на четыре мѣсяца. Планъ десанта былъ тщательно разработанъ французскимъ штабомъ еще въ 1853. Какъ только холера нѣсколько утихла, и причиненныя ею опустошенія въ рядахъ экспедиционнаго корпуса были пополнены, началось приведеніе этого плана въ исполненіе. Съ 12-го (24-го) по 22 августа (3 сентября) французы посадили на суда четыре дивизіи пѣхоты съ 68 орудіями и немного конницы, всего до 28.000 человѣкъ; двумя днями позже кончили амбаркацію англичане, посадившіе на суда 22 тысячи пѣхоты и 2 тысячи кавалеріи съ 54 орудіями. Кромѣ того, къ экспедиціи была присоединена турецкая дивизія, въ числѣ около 7.000 человѣкъ. Армія имѣла съ собою всѣ принадлежности для осады Севастополя съ суши: 73 осадныхъ орудія, 11 тыс. туровъ, 9 тыс. фашинъ, 180 тыс. земляныхъ мѣшковъ, 30 тыс. кирпичей и болѣе 20 тыс. штукъ шанцеваго инструмента. Каменистый грунтъ окрестностей Севастополя былъ такимъ образомъ предусмотрѣнъ, и союзники везли свои окопы съ собой. 1-го сентября ст. стиля была занята Евпаторія, а на слѣдующій день союзники начали высадку, которую французы кончили къ 4-му, а англичане только къ 6-му. Все время лилъ проливной дождь, доставлявшій много мученій высаживавшимся налегкѣ войскамъ (англичане [illegible] время не имѣли даже палатокъ); но это было единственное

[illegible] признаковъ существованія. Князь [illegible] что позиція была выбрана, какъ мы сказали, заблаговременно, она почти не была укрѣплена; не обратили вниманія на то, что войска, расположен- [illegible] тивника вплоть до самыхъ резервовъ. [illegible] расположеніемъ, совсѣмъ не были заняты: онѣ спускались къ рѣкѣ крутыми [illegible] ли признаны совершенно неприступными. На нихъ, дѣйствительно, трудно было взобраться: по мнѣнію военнаго историка Крымской войны, достаточно было двухъ ротъ стрѣлковъ и нѣсколькихъ орудій, чтобы задержать [illegible] крайній правый флангъ французовъ [illegible] стѣ рѣку, сталъ карабкаться по откосу, онъ не [illegible]

[illegible] драться", сказалъ онъ, обращаясь [illegible] штуцернымъ огнемъ съ праваго берега [illegible] жаться было нельзя. Честь русскаго [illegible] опоздавъ на поле битвы, старались [illegible] ными лобовыми атаками на укрѣпле- [illegible] чане доставили намъ удовольствие [illegible] скаго вооруженія и неумѣлому расположенію войскъ, наша потеря бы- [illegible] союзниковъ. Отступленіе, по офиціальнымъ донесеніямъ, было совер- [illegible] порядкѣ. Иллюстраціей послѣдняго можетъ служить тотъ фактъ, что одинъ изъ командующихъ генераловъ, Кирьяковъ, вечеромъ въ день боя (8 сентября ст. ст.) оказался въ [illegible] лающимъ слушать; никому не пришло въ голову спросить его, гдѣ же находятся командуемыя имъ войска, и самъ генералъ, повидимому, не [illegible]

*) [illegible]

поднимавшіеся на высоты батальоны Боске, онъ отвѣтилъ: „вижу, но не боюсь ихъ". Эта анекдотическая фигура и послѣ служила неистощимой темой для разсказовъ.

Дорога союзникамъ къ Севастополю была открыта. Кн. Меншиковъ совершилъ свое знаменитое „фланговое движеніе" — т. е., попросту говоря, отвелъ свою разстроенную армію въ сторону, къ Бахчисараю. Крѣпость и черноморскій флотъ остались на произволъ судьбы: на вопросъ адмирала Корнилова, что ему дѣлать съ флотомъ, князь-главнокомандующій отвѣтилъ: „положите его себѣ въ карманъ". Севастопольцы, морскіе и сухопутные, должны были выпутываться сами, какъ знаютъ: кн. Васильчиковъ утверждаетъ, что въ этомъ и заключалось ихъ спасеніе. Черноморскій флотъ, какъ и его балтійскій собратъ, былъ парализованъ въ гавани: паровой флотъ союзниковъ давалъ имъ такой рѣшительный перевѣсъ, что выходить противъ него съ парусниками никто серьезно не думалъ. Часть ихъ затопили въ бухтѣ, чтобы преградить доступъ непріятельскимъ кораблямъ: затопили такъ поспѣшно, что вмѣстѣ съ судами пошли ко дну орудія, снаряды, провіантъ, даже всѣ вещи команды, до офицерскаго багажа включительно. Но когда первая минута паники прошла, положеніе оказалось далеко не такимъ безнадежнымъ, какъ можно было думать. Мы уже упоминали, что по своему личному составу черноморскій флотъ былъ лучшей боевой силой тогдашней Россіи. Теперь, когда онъ былъ запертъ въ гавани, восемнадцать тысячъ матросовъ, не нужныхъ больше на борту, увеличили собою гарнизонъ крѣпости, доведя его до размѣровъ небольшой арміи, — качественно гораздо лучшей, чѣмъ та, которая дралась на берегахъ Алмы. А снятая съ кораблей артиллерія на нѣсколько сотъ орудій усилила сухопутную оборону крѣпости. Въ лицѣ Корнилова, выдвинувшагося еще подъ Силистріей Тотлебена, недавняго побѣдителя при Синопѣ Нахимова — Севастополь имѣлъ цѣлый рядъ способныхъ и энергичныхъ людей, сумѣвшихъ использовать положеніе гораздо лучше Меншикова. Союзники дали имъ къ тому же достаточно времени на это. Ближайшей къ мѣсту ихъ высадки была сѣверная сторона Севастополя, укрѣпленная весьма плохо—но все же не совсѣмъ обнаженная. Союзный штабъ былъ прекрасно оріентированъ относительно состоянія сухопутной обороны города *) и—въ общемъ правильно—считалъ южную сторону гораздо доступнѣе. Начать атаку съ юга, со стороны Балаклавы, было удобнѣе еще и потому, что здѣсь союзники могли комбинировать дѣйствія арміи и флота, пользуясь рядомъ бухтъ и балаклавской гаванью, (которую англичане впослѣдствіи связали съ лагеремъ желѣзной дорогой), тогда какъ на сѣверной сторонѣ флотъ не имѣлъ никакого пристанища, и армія не могла на него опереться. Одновременно съ „фланговымъ движеніемъ" Меншикова, союзники тоже выполнили обходное движеніе, обойдя Севастополь кругомъ съ сѣвера на югъ. Двига-

*) При союзной арміи между прочимъ находился англичанинъ-инженеръ, строившій севастопольскіе доки и уѣхавшій изъ города только въ самомъ началѣ войны.

лись они очень медленно, отчасти по недостатку перевозочныхъ средствъ, отчасти вслѣдствіе массы больныхъ: холера послѣ тяжелыхъ лишеній, связанныхъ съ высадкой, снова развилась (отъ нея умеръ между прочимъ командиръ французскаго экспедиціоннаго корпуса, маршалъ Сентъ Арно). Выйдя, наконецъ, къ 15 сентября на южную сторону, они увидали передъ собою рядъ новыхъ укрѣпленій, отчасти оконченныхъ, отчасти еще строившихся: внезапный захватъ крѣпости, очевидно, не удавался. Приходилось подготовлять штурмъ артиллерійской атакой. Въ ночь съ 27 на 28 французы заложили первую параллель, но лишь къ 4 октября у нихъ было готово пять батарей съ 53 орудіями. Англичане къ этому времени успѣли поставить 73 орудія—всего, значитъ, у союзниковъ было ихъ 126. Севастопольцамъ удалось построить съ 14 сентября по 5 октября болѣе двадцати батарей и довести вооруженіе сухопутной обороны со 172 до 341 орудія, въ томъ числѣ до 200 тяжелыхъ морскихъ пушекъ, не уступавшихъ артиллеріи союзниковъ. При такихъ условіяхъ исходъ первой бомбардировки (5 октября), несмотря на поддержку—довольно слабую—флота, не далъ рѣшительнаго успѣха нападающему. Третій бастіонъ былъ совершенно разгромленъ англичанами, но они все же не рискнули штурмовать эту груду земли, покрытую трупами и обломками, выжидая, чѣмъ кончится бой на другихъ пунктахъ. А здѣсь французскія батареи вынуждены были замолчать подъ огнемъ крѣпостныхъ орудій. Въ результатѣ Севастополь былъ признать выдержавшимъ испытаніе первой осады, несмотря на тяжелыя потери (1.250 человѣкъ, въ томъ числѣ убитъ былъ Корниловъ), первая бомбардировка доказала [illegible] жизнеспособность импровизированной крѣпости.

Но защита ея именно потому, что она была импровизированная, представляла колоссальныя трудности. Къ половинѣ XIX столѣтія артиллерійская техника сдѣлала уже очень большіе успѣхи. Осадныя орудія этой эпохи достигли весьма значительной, по сравненію съ предшествующимъ временемъ, досягаемости—до 2 и даже 3 верстъ. А разрушительное дѣйствіе ихъ увеличилось еще значительнѣе, особенно благодаря введенію такъ называвшихся тогда „бомбическихъ“ пушекъ—длинныхъ (дальнобойныхъ) орудій крупнаго калибра, стрѣлявшихъ разрывными снарядами. *) Все это настолько облегчало разрушеніе укрѣпленій, что прежняя крѣпость сомкнутаго типа ко времени Крымской кампаніи стала уступать мѣсто системѣ отдѣльныхъ фортовъ. При этомъ жизненныя части крѣпости,—склады, магазины, казармы, госпитали—сосредоточивались внутри крѣпостного *ядра*, сравнительно безопаснаго отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, по крайней мѣрѣ, въ первую половину осады. Оборона же велась изъ фортовъ, расположенныхъ на разстояніи полутора-трехъ верстъ отъ „ядра“, на возвышенностяхъ, командующихъ окрестностями крѣпости. Взятіе одного-двухъ фортовъ еще не означало паденія крѣпости, а въ

*) Раньше [illegible]
[illegible]

крайнемъ случаѣ можно было защищаться въ „ядрѣ“ даже послѣ паденія всей линіи фортовъ. Но такой системѣ въ 40-хъ годахъ были уклонены. Напротивъ, этой же системы придерживались западные инженеры, строившіе крѣпости для турокъ, Силистрію, Карсъ и т. д. Ничего подобнаго не удалось сдѣлать въ Севастополѣ. Окрестныя высоты, къ югу и юго-востоку отъ города, съ самаго начала были заняты непріятелемъ: тамъ, гдѣ должны были бы быть расположены севастопольскіе форты, стояли англійскія и французскія батареи. Только на сѣверо-востокѣ, около Киленбалки, осталось нѣсколько возвышенностей внѣ линіи осадныхъ работъ противника, гдѣ нами впослѣдствіи (весною 1855 года) были построены волынскій и селенгинскій редуты и камчатскій люнетъ, игравшіе роль внѣшнихъ фортовъ по отношенію къ Корниловскому бастіону. Но они не настолько далеко были вынесены впередъ, чтобы закрыть послѣдній отъ непріятельскаго огня. Въ результатѣ Севастополь не имѣлъ внутренняго ядра, безопаснаго отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Линія укрѣпленій („бастіоновъ“) проходила не далѣе полуверсты отъ города, въ которомъ не было угла, куда не могла бы упасть союзническая бомба. Безопасныя мѣста находились за Большой бухтой, на „Сѣверной“ сторонѣ, куда снаряды осадныхъ орудій—по крайней мѣрѣ, въ первые мѣсяцы осады—не достигали. Но держать резервы, склады и госпитали такъ далеко, притомъ за бухтой, черезъ которую, почти до самаго конца, не было даже моста—не представлялось никакой возможности. Гарнизонъ — въ разгарѣ осады доходившій до 50—60 тыс. человѣкъ — толпился на тѣсномъ пространствѣ южной стороны, во всѣхъ направленіяхъ обстрѣливавшейся вражескимъ огнемъ. Тѣсные „бастіоны“ были постоянно переполнены людьми. Оттого севастопольская оборона была такой ни съ чѣмъ несоизмѣримо кровавой—точно городъ былъ защищенъ валами не изъ земли, а изъ человѣческихъ тѣлъ. Едва ли не единственный случай въ исторіи осадъ всего міра—здѣсь обороняющійся терялъ народу ежедневно гораздо болѣе, чѣмъ осаждающій (за исключеніемъ штурмовъ, конечно). Будь крѣпость, какъ полагается осажденной крѣпости, заблокирована со всѣхъ сторонъ, англичанамъ очень скоро удалось бы достигнуть той цѣли, какую имъ приписываетъ одинъ современникъ — истребить гарнизонъ однимъ артиллерійскимъ огнемъ, не прибѣгая къ дорого стоющему приступу. Но благодаря присутствію въ Крыму русской арміи, съ каждымъ мѣсяцемъ увеличивавшейся, союзники не имѣли никакой возможности запереть Севастополь. Человѣческій матеріалъ въ немъ могъ постоянно возобновляться, и къ концу осады крѣпость представляла собою колоссальную адскую машину, куда ежедневно отправлялись тысячи здоровыхъ людей, чтобы вернуться оттуда въ видѣ окровавленныхъ труповъ.

Южная сторона Севастополя, гдѣ сосредоточивалась оборона, дѣлится Южной бухтой (военною гаванью) на двѣ части: восточную, или Корабельную“ сторону, гдѣ находились казармы, склады и доки черноморскаго флота, а также слободка, гдѣ жили

[illegible] всей стороной, но въ свою очередь [illegible] отъ него „зеленымъ бугромъ“ (mamelon vert французовъ), значеніе котораго сначала проглядѣли обѣ стороны *). Позже русскіе построили здѣсь „камчатскій люнетъ“, взятый французами [illegible] 1855 г., [illegible] Малахова кургана и всего Севастополя. Малаховъ курганъ [illegible] укрѣпленіемъ, носившимъ названіе Корниловскаго бастіона **). [illegible] IV, V и VI, [illegible] Четвертый бастіонъ и Малаховъ курганъ были главными объектами непріятельской атаки,—которую въ обоихъ случаяхъ вели французы: англичане все время занимались раз[illegible] Малахова кургана, [illegible] и закончилась осада.

[illegible] принадлежали къ категоріи временныхъ и представляли собою земляныя насыпи, [illegible] ныхъ работъ, заключавшихся не [illegible] года, не прекращалась до самаго августа 1855. Руководившій этою дѣятельностью генералъ Тотлебенъ великолѣпно использовалъ одну особен[illegible] во многомъ другомъ, не похожаго на обычный типъ осажденной крѣпости, на этотъ разъ къ своей вы[illegible] ріи и артиллеристовъ, благодаря [illegible]

*) [illegible]

**) [illegible]

войну съ возможностью постоянно получать боевые припасы подвозомъ изъ Россіи. Система Тотлебена заключалась въ развитіи до наибольшихъ возможныхъ предѣловъ орудійнаго огня крѣпости. Съ карандашомъ и планомъ въ рукахъ, Тотлебенъ изо дня въ день слѣдилъ за непріятельскими работами, и какъ только замѣчалъ гдѣ-нибудь утолщеніе и возвышеніе, намекавшее на сооруженіе новой батареи, противъ него немедленно проектировалась контръ-батарея. Пѣхота давала въ изобиліи рабочія руки, а на корабляхъ можно было въ любую данную минуту найти сколько угодно пушекъ и матросовъ, умѣвшихъ ими управлять. Моряки-артиллеристы имѣли только одну невыгодную сторону: на морѣ тогда, какъ и теперь, приходилось заботиться прежде всего о быстротѣ стрѣльбы. Задача состояла въ томъ, чтобы въ возможно болѣе короткое время сдѣлать противнику возможно больше пробоинъ. Мѣткость стрѣльбы въ то время,—когда корабли дрались на дистанціи въ 50 саженъ—была на второмъ планѣ. На севастопольскихъ бастіонахъ матросы продолжали держаться своей морской традиціи: они забрасывали батареи противника градомъ ядеръ и бомбъ, не особенно заботясь о томъ, куда они попадали. Въ первое время этимъ артиллерійскимъ излишествамъ покровительствовало и морское начальство, не вѣрившее въ возможность продолжительной обороны и не видѣвшее поэтому надобности беречь припасы: Корниловъ, напримѣръ, не разсчитывалъ продержаться долѣе трехъ дней. Зато впослѣдствіи пришлось вести упорную борьбу съ укоренившимися привычками — и вся исторія осады наполнена приказами, рекомендовавшими беречь заряды, отвѣчать однимъ выстрѣломъ на два, или на три непріятельскихъ, или запрещавшими тратить въ день болѣе опредѣленнаго количества снарядовъ, —напримѣръ, 30 на каждое орудіе. И тѣмъ не менѣе пороху часто не хватало, хотя его свозили въ Севастополь по частямъ чуть не изо всѣхъ русскихъ крѣпостей.

Въ одномъ отношеніи однако же союзники имѣли громадный перевѣсъ надъ севастопольцами. Въ ихъ распоряженіи находилось болѣе 200 мортиръ большого калибра (бросавшихъ бомбы вѣсомъ до 7 пудовъ включительно), позволявшихъ имъ развивать въ колоссальныхъ размѣрахъ навѣсный огонь, — къ чему морскія орудія бастіоновъ были совершенно неспособны. Значеніе этого обстоятельства будетъ вполнѣ понятно, если мы вспомнимъ, что защитники крѣпости находили единственное, сколько-нибудь безопасное, убѣжище только въ *блиндажахъ* — подземныхъ помѣщеніяхъ, прикрытыхъ сверху толстыми бревнами и слоемъ земли. Блиндажи можно было разрушить только навѣснымъ огнемъ, — и тогда гарнизонъ оставался совершенно беззащитнымъ. Никакая дисциплина не могла заставить людей оставаться на мѣстѣ, гдѣ имъ угрожала вѣрная смерть. Когда навѣсный огонь осаждающаго достигъ своей цѣли, большую часть войскъ пришлось свести съ бастіоновъ — и это было основнымъ условіемъ, обезпечившимъ успѣхъ штурма 27 августа 1855 г. Кромѣ того, по мѣрѣ приближенія къ нашимъ укрѣпленіямъ траншей против-

ника, развивался штурмовый огонь непріятеля, достигавшій той же цѣли [illegible] Шагъ [illegible] отъ штуцерныхъ пуль [illegible] не меньше [illegible], чѣмъ отъ [illegible] и [illegible]. Начинаютъ [illegible], а Тотлебенъ ранен[illegible] такими пулями. Словомъ, былъ [illegible] предѣлъ, по достиженіи котораго исполнять [illegible] далѣе было невозможно. Въ патріотическихъ разговорахъ петербургскаго и московскаго общества Севастополь могъ быть неприступнымъ. Но на мѣстѣ видѣли, начиная съ обоихъ главнокомандующихъ — свѣтлѣйшаго Меншикова, затѣмъ Горчакова — было ясно, что Севастополь долженъ пасть, если его не выручатъ — не заставятъ какимъ-либо способомъ союзниковъ снять осаду. Операціи нашей сухопутной арміи въ Крыму въ тѣ минуты, когда она выходила изъ своего обычнаго пассивнаго состоянія и переставала [illegible] [illegible] гарнизона, [illegible] въ этой цѣли. Меншиковъ началъ ее преслѣдовать, какъ только его войска оправились отъ альминскаго пораженія, и къ нимъ подошли первыя подкрѣпленія изъ Россіи. Его первая попытка была задумана стратегически очень удачно. Базой англичанъ была Балаклава; захвативъ ее, или отрѣзавъ отъ нея осадный корпусъ, русская армія лишала противника единственной удобной гавани, находившейся въ его распоряженіи, ставила его между двухъ огней и заставляла его [illegible] перейти къ оборонѣ. Силы союзниковъ въ это время (октябрь 1854 г.) не превышали 60 тыс. человѣкъ, въ распоряженіи [illegible] рой дивизіи, [illegible] русскихъ [illegible] Меншикову, [illegible] подкрѣпленіями были [illegible]. Но [illegible] для нападенія на Балаклаву только [illegible]. Атака [illegible], точно русскіе не хотѣли предпринять ничего серьезнаго, а имѣли въ виду нѣчто въ родѣ „усиленной рекогносцировки". Даже [illegible] англійскаго главнокомандующаго, лорда Раглана, [illegible]. Наши войска взяли только [illegible] слабыхъ редута, плохо защищенныхъ турками, и на этомъ остановились. Результатомъ было то, что союзники замѣтили свою слабую сторону и укрѣпили подступы къ Балаклавѣ такъ, что объ ея нападеніи не приходилось болѣе и думать. Недѣли двѣ спустя, получивъ въ подкрѣпленіе еще двѣ дивизіи изъ [illegible] (10-ю и 11-ю), Меншиковъ рѣшилъ повторить попытку въ болѣе обширныхъ размѣрахъ и въ другомъ мѣстѣ. На этотъ разъ объектомъ нападенія былъ правый флангъ самого осаднаго корпуса — состоявшій изъ англійскихъ войскъ, [illegible] 16—17 тыс. человѣкъ. Противъ нихъ было направлено [illegible] до 40 тысячъ русской пѣхоты. Въ случаѣ удачи Меншиковъ разрѣзывалъ [illegible] корпусъ, [illegible] Балаклаву, и [illegible] противника [illegible]

ставить его отъ нападенія непрія-
къ сторонѣ. Сраженіе это, носящее въ исторіи названіе Инкерманскаго (24 октября), хотя оно происходило довольно далеко отъ Инкермана, во всемъ блескѣ обнаружило стратегическія способности николаевскихъ генераловъ. Прежде всего въ штабѣ главнокомандующаго не оказалось плана мѣстности. По справкамъ, таковой имѣлся въ Петербургѣ, въ военномъ министерствѣ, но военный министръ, ссылаясь на то, что это unicum, отказывался его выслать безъ спеціальнаго высочайшаго разрѣшенія. Пока шла объ этомъ переписка, сраженіе было дано — и по горькой ироніи судьбы планъ пріѣхалъ изъ Петербурга какъ разъ на другой день послѣ разгрома русскихъ войскъ. За неимѣніемъ плана положились на топографическую память генерала Данненберга, которому было поручено распоряженіе войсками, назначенными итти въ дѣло: онъ когда-то стоялъ въ этой мѣстности лагеремъ и заявилъ, что знаетъ ее, какъ свои карманы. Плодомъ такого основательнаго знакомства съ мѣстностью явилась диспозиція, переполненная вопіющими топографическими нелѣпостями. Изъ двухъ русскихъ колоннъ, въ одновременномъ появленіи которыхъ на полѣ битвы заключался главный шансъ успѣха, одна, по топографическимъ условіямъ, никоимъ образомъ не могла прибыть на мѣсто ранѣе, какъ черезъ четыре часа послѣ другой. Характерныя для окрестностей Севастополя балки были такъ перепутаны въ этой бумагѣ, что нельзя было понять, должна ли была правая колонна переходить Килен-балку или нѣтъ: между тѣмъ при томъ или другомъ рѣшеніи вопроса, картина боя рѣзко мѣнялась. Третья колонна, задачей которой было демонстрировать противъ „обсерваціоннаго" корпуса и тѣмъ удерживать его на мѣстѣ, вела эту демонстрацію съ такой стороны, гдѣ непріятельскія позиціи были абсолютно неприступны, почему большая часть этого корпуса и могла быть съ полнымъ удобствомъ двинута на помощь англичанамъ. Инкерманское дѣло стоило намъ потерь, еще безпримѣрныхъ въ эту кампанію: изъ строя выбыло до 12 тысячъ человѣкъ. *) „Въ этотъ день обнаружилась въ полнѣйшей мѣрѣ вся несостоятельность нашего интендантскаго и госпитальнаго управленія", пишетъ князь Васильчиковъ. „Для призрѣнія десяти тысячъ раненыхъ оказался при арміи подвижной госпиталь, сколько мнѣ помнится, на 1.200 больныхъ. Бѣлья, посуды, а что важнѣе всего — перевязочныхъ средствъ не хватило, конечно, и на половину страждущихъ, и бѣдные солдатики сидѣли и лежали подъ открытымъ небомъ, прикрывая свою наготу окровавленною, твердою, какъ лубокъ, шинелью, потому что рубаха, а часто и портки, были изрѣзаны на бинты, или истрепаны на корпію". Меншиковъ впалъ послѣ этого въ глубокую апатію, изъ которой его ничто не могло вывести. На третій день послѣ полученія извѣстія объ Инкерманѣ Николай писалъ Горчакову: „...крайне жаль, что намѣреніе

*) Правда, потомъ ходили слухи, что полковые командиры воспользовались боемъ, чтобы оформить убыль отъ дезертирства и болѣзней, накопившуюся съ начала военныхъ дѣйствій.

Меншикова не имѣло удачи. [illegible] столько [illegible] арміи, — [illegible] болѣе [illegible], что эта не-удача, [illegible] не уменьшила духъ войскъ, [illegible] Меншиковъ такимъ упадкомъ духа, что [illegible] на меня опасенія самыя худшія послѣдствія... Онъ не скрываетъ, что не видитъ болѣе надежды съ успѣхомъ атаковать союзниковъ и предвидитъ даже скорое паденіе Севастополя. Признаюсь, что такое направленіе мыслей моихъ увеличит[illegible] [illegible]..." [illegible] строками ниже Николай выдаетъ, что и это настроеніе не лучше: „...не скрываю отъ тебя, что надежды на лучшій исходъ, развѣ по особой милости Божіей, не предвижу... Съ потерей Севастополя наврядъ ли Меншиковъ отстоитъ и Крымъ..."

Николай Павловичъ однако же рѣдко выдавалъ свой упадокъ духа [illegible] [illegible] надежды, [illegible] [illegible] свой искуственно бодрый тонъ. Союзники не думали штурмовать Севастополь [illegible] послѣ Инкерманскаго сраженія, какъ этого всѣ ожидали. Напротивъ, [illegible] русской арміей активность заставила ихъ удвоить свою осторожность и [illegible] [illegible] ствія, выжидая подкрѣпленій, которыя [illegible] французскую армію до ста тысячъ человѣкъ. [illegible] сурова для Крыма, и союзныя войска очень страдали отъ холода: „морозы губятъ у непріятеля людей и лошадей", [illegible] Меншиковъ военному министру. Все это вновь окрылило Николая Павловича: „думаю, что настала для нихъ [illegible]", [illegible] [illegible] въ январѣ 1855 года. [illegible] корреспондента къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. „[illegible]", [illegible] Меншикову [illegible] „[illegible] обдумавъ, сообразите, какъ наилучше бъ было атаковать [illegible] или послѣ отбитаго приступа. Нельзя [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] знаю, въ какомъ разстройствѣ англичане, да что и французамъ не легко..." Но на мѣстѣ было видно, что „разстройство" союзниковъ вовсе не такъ велико. Меншиковъ окончательно [illegible] [illegible] чествахъ своей арміи *), и никакія силы земныя не могли его сдвинуть съ мѣста. Съ большимъ трудомъ можно было его убѣдить дать двигаться другимъ, — но, какъ нарочно, и тутъ первая попытка была совершенно неудачна. Ген. Хрулевъ выпросилъ у Меншикова позволенія атаковать Евпаторію, гдѣ [illegible] ли держаться и откуда они постоянно могли угрожать сообщеніямъ крымской арміи съ Россіей. Евпаторія была занята турками, — дѣло казалось такимъ образомъ болѣе легкимъ. [illegible]

*) [illegible] [illegible]

(7 февраля 1855 г.). Эта новая неудача переполнила чашу терпѣнія императора Николая: Меншиковъ былъ уволенъ, а замѣненъ бывшимъ главнокомандующимъ дунайской арміей, Горчаковымъ. Тяжело подѣйствовало это пораженіе на Николая Павловича: 18 февраля онъ умеръ, по офиціальной версіи, отъ гриппа (инфлюэнціи), осложненнаго воспаленіемъ легкихъ. По мнѣнію, упорно державшемуся среди петербургскаго общества, онъ отравился. Обстоятельства его смерти, насколько они извѣстны, говорятъ въ пользу офиціальной версіи. Что его колоссальный организмъ былъ надломленъ, на это существуютъ положительныя указанія: послѣ Альминскаго сраженія онъ потерялъ сонъ; съ конца января онъ постоянно жаловался на недомоганье. Если, стало быть, и признать отравленіе, то приходится считать его медленнымъ и постепеннымъ,—съ цѣлью придать ему характеръ естественной болѣзни. Но, по всей вѣроятности искажая внѣшніе факты, общественное мнѣніе правильно оцѣнивало ихъ внутреннюю связь: при посредствѣ яда или безъ него, въ силу естественныхъ условій, Николай палъ жертвою крушенія своей системы.

Его преемникъ считалъ долгомъ чести сдѣлать видъ, что въ этой системѣ ничто не измѣнилось и не можетъ измѣниться. Принимая иностранныхъ пословъ, Александръ Николаевичъ заявилъ имъ, что онъ намѣренъ придерживаться началъ, руководившихъ политикою Александра I и Николая I. „Начала эти суть начала Священнаго Союза“, прибавилъ онъ. Но онъ тутъ же долженъ былъ признаться, что „этотъ Союзъ болѣе не существуетъ“. Отдавъ на словахъ дань традиціи, Александръ II не сдѣлалъ никакихъ реальныхъ усилій для ея поддержанія. Если онъ продолжалъ войну, то онъ дѣлалъ это единственно съ цѣлью добиться болѣе выгоднаго соотношенія силъ, чѣмъ какое было въ февралѣ 1855 года. Въ первое время однако на это было мало надежды. Извѣстія, присылавшіяся новымъ главнокомандующимъ, были ничуть не веселѣе старыхъ. Нѣсколько дней спустя послѣ пріѣзда въ Севастополь, Горчаковъ писалъ Александру II: „Положеніе наше довольно трудно; подступы непріятеля столь сближены, что Севастополь можетъ держаться только при весьма сильномъ гарнизонѣ“. Единственнымъ шансомъ въ его глазахъ являлась счастливая случайность: „война имѣетъ много случайностей“, писалъ онъ, „и надобно разсчитывать, что непріятель не всегда дѣлаетъ, что могъ бы“. „Ходъ дѣла въ Крыму издавна весьма испорченъ“, писалъ онъ нѣсколько позже, „и полагая даже, что мнѣ удастся отстоять Севастополь до прибытія 40 баталіоновъ, слѣдующихъ изъ южной арміи — *что впрочемъ весьма сомнительно* — я не менѣе того буду гораздо слабѣе непріятеля, который стягиваетъ сюда огромныя силы“...

Очень скоро обнаружилось, что непріятель готовъ оправдать худшія ожиданія Горчакова и „дѣлаетъ все, что можетъ“. Въ срединѣ мая флотъ союзниковъ предпринялъ очень удачную экспедицію въ Керченскій проливъ и Азовское море съ главною цѣлью уничтожить огромные склады провіанта, заготовленнаго зимою для

[illegible] армии. Цѣль эта была до- стигнута [illegible] частыми подкрѣпленiями, [illegible] оруженiя. Такъ были [illegible] изъ Керчи 100 тыс. четвертей хлѣба, изъ Геническа столько же, изъ Бердянска 40 тыс. и т. д. А въ концѣ того же мѣсяца французы овладѣли передовыми укрѣпленiями, защищавшими доступъ къ Малахову кургану—въ томъ числѣ и знаменитымъ [illegible] „[illegible] бугромъ“. „Положенiе мое начинаетъ [illegible]“, писалъ Горчаковъ Александру Николаевичу на другой день послѣ этого боя. „...Теперь я думаю объ одномъ только, какъ оставить Севастополь, не понеся [illegible], можетъ быть болѣе 20 тысячъ, урона. О корабляхъ и артиллерiи я помышлять нельзя, чтобы ихъ спасти. Ужасно подумать...“ „Одно, въ чемъ не теряю я надежды, это то, что можетъ быть [illegible]. Богъ и Ваше Величество свидѣтели, что во всемъ этомъ не моя вина“, въ отчаянiи и ужасѣ отъ всего, сообщеннаго имъ, прибавлялъ старый генералъ. Ободряя его въ своемъ отвѣтѣ, Александръ II уже мирился съ потерей крѣпости: „уповайте на Бога и не забывайте, что съ потерею Севастополя еще не все потеряно“, писалъ онъ. Ошибка союзниковъ вновь оживила на короткое время побѣдоносное настроенiе въ Петербургѣ—и продлила агонiю Севастополя. Новый французскiй главнокомандующiй, Пелисье, назначенный за свою энергiю и рѣшительность на мѣсто [illegible], по мнѣнiю Наполеона III, Канробера, рѣшилъ [illegible] рѣшительно и [illegible] успѣхомъ [illegible] Малахову кургану [illegible] въ томъ, что [illegible]. На разсвѣтѣ 6 iюня [illegible] стороны—французы на Малаховъ курганъ, англичане на III бастiонъ. Отъ [illegible] траншей [illegible] 200—300 [illegible]. Пройти это разстоянiе подъ огнемъ русскихъ орудiй, вовсе не сбитыхъ, [illegible], оказалось невозможнымъ. Штурмъ былъ блестяще отбитъ. „Объ оставленiи Севастополя не думаю, [illegible] мощью, что рѣчи не будетъ больше“, писалъ Александръ II Горчакову, получивъ [illegible]. Самъ Горчаковъ прекрасно понималъ, что паденiе крѣпости—дѣло, только отложенное, но отнюдь не переставшее быть возможнымъ и даже очень вѣроятнымъ. Но теперь ему гораздо труднѣе было увѣрить въ этомъ своего государя. Между тѣмъ [illegible] въ [illegible], нисколько не обезкураженные временной неудачей. Въ концѣ iюня ихъ головныя траншеи были уже въ 110 саженяхъ отъ Корниловскаго бастiона, а въ началѣ августа всего въ 50. Отчаянныя донесенiя главнокомандующаго о потеряхъ, которыя гарнизонъ терпитъ отъ непрiятельскаго огня (онѣ доходили въ iюлѣ до 250 человѣкъ въ день, а въ началѣ августа уже до 500—700 человѣкъ) имѣли только одинъ резуль-

тать: изъ Петербурга пришелъ приказъ еще разъ попытаться ударомъ извнѣ заставить непріятеля снять осаду. „Ежедневныя потери севастопольскаго гарнизона", писалъ Александръ II, „приводятъ меня еще болѣе къ убѣжденію, выраженному въ послѣднемъ моемъ письмѣ, въ необходимости предпринять что-либо рѣшительное, дабы положить конецъ сей ужасной бойнѣ". Горчаковъ прекрасно понималъ всю нелѣпость „рѣшительныхъ" дѣйствій теперь, когда у союзниковъ было подъ Севастополемъ до 150 тыс. войска. „Было бы просто сумасшествіемъ начать наступленіе противъ превосходнаго въ числѣ непріятеля, главныя силы котораго занимаютъ, кромѣ того, недоступныя позиціи", писалъ онъ военному министру. Но ослушаться онъ не смѣлъ, тѣмъ болѣе, что присланный изъ Петербурга генералъ, баронъ Вревскій, комментировалъ петербургскія инструкціи еще энергичнѣе, чѣмъ онѣ были задуманы. Собранный главнокомандующимъ военный совѣтъ высказался также за наступленіе большинствомъ голосовъ, (хотя наиболѣе освѣдомленные и толковые его члены, комендантъ Севастополя Сакенъ и ген. Хрулевъ, стояли за полное или частичное очищеніе крѣпости). Горчаковъ принялся за выполненіе „сумасшедшаго" предпріятія съ полнымъ сознаніемъ того, что онъ дѣлаетъ. „Нельзя заблуждаться пустыми надеждами: я иду навстрѣчу непріятелю при самыхъ плохихъ обстоятельствахъ", писалъ онъ военному министру. „Ежели — на что я впрочемъ мало надѣюсь—мнѣ послужитъ счастье, я постараюсь воспользоваться успѣхомъ... Если дѣла примутъ другой оборотъ, я нисколько не виноватъ въ томъ"... Рѣшено было атаковать „обсерваціонный" корпусъ союзниковъ, состоявшій теперь изъ французовъ и сардинцевъ и считавшій (съ турецкимъ резервомъ) до 40 тыс. человѣкъ при 120 орудіяхъ. Горчаковъ могъ собрать противъ нихъ до 47 тыс. пѣхоты и 10 тыс. конницы съ 272 орудіями. Но непріятельскія позиціи были отлично укрѣплены, а наши распоряженія отличались такою же противорѣчивостью и спутанностью, какъ и 24 октября. Войска опять не смогли соединиться во́-время, атака велась разрозненно — и дѣло 4-го августа (на рѣкѣ Черной) кончилось, какъ и предвидѣлъ Горчаковъ, полной неудачей, оставивъ памятникомъ по себѣ извѣстную пѣсню: „какъ четвертаго числа насъ нелегкая несла"... Послѣ этого главнокомандующій твердо сталъ на своемъ рѣшеніи — оставить городъ, и, къ великому негодованію черноморскихъ моряковъ (не хотѣвшихъ объ этомъ и слышать), сталъ строить мостъ черезъ Большую бухту для отступленія гарнизона. Ободренія Александра II, увѣрявшаго, что дѣло 4 августа ни въ чемъ не измѣнило общаго положенія, и что новый штурмъ будетъ отбитъ, конечно, столь же успѣшно, какъ и 6 іюня, уже не производили впечатлѣнія. Впрочемъ, и императоръ уже не настаивалъ—предоставляя послѣднее слово главнокомандующему. „Мостъ на бухтѣ будетъ готовъ черезъ два или три дня", писалъ Горчаковъ военному министру, „и я предполагаю оставить южную сторону Севастополя 18-го либо 20-го числа этого

мѣста". „Затѣмъ нѣтъ ни одного генерала, который не считалъ бы безуспѣшной дальнѣйшей обороны", прибавляетъ онъ. Въ самую послѣднюю минуту однако имъ овладѣли колебанія: мостъ былъ готовъ, но городъ не былъ оставленъ ни 18-го, ни 20-го. На этотъ разъ конецъ колебаніямъ положилъ непріятель. 27-го августа дивизія Макъ-Магона взяла штурмомъ Малаховъ курганъ. На прочихъ пунктахъ штурмъ опять былъ отбитъ — но теперь держаться на Корабельной сторонѣ было невозможно, а гарнизонъ Городской стороны съ часу на часъ могъ быть отрѣзанъ. Отступленіе было рѣшено окончательно. Въ ночь съ 27-го на 28-е войска были выведены изъ города, укрѣпленія взорваны, уцѣлѣвшіе корабли потоплены (ихъ оставалось уже очень немного, главнымъ образомъ, пароходовъ — парусныя почти всѣ были затоплены въ нѣсколько пріемовъ раньше, чтобы загородить входъ въ бухту). Союзники вошли въ городъ только 30-го, но не остались въ немъ [illegible] среди этихъ „окровавленныхъ развалинъ", какъ правильно назвалъ останки Севастополя кн. Горчаковъ въ своемъ донесеніи, — жить было нельзя. Обѣ стороны расположились въ своихъ лагеряхъ.

5

Итоги.

Паденіе Севастополя лишало смысла дальнѣйшее продолженіе Крымской кампаніи, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, какъ для насъ, такъ и для союзниковъ. Единственная задача русской арміи въ Крыму состояла въ томъ, чтобы освободить отъ осады Севастополь и спасти этимъ остатки черноморскаго флота. Теперь на стѣнахъ крѣпости развивалось непріятельское знамя, и флотъ былъ на днѣ бухты. Итти дальше вглубь полуострова союзники не имѣли ни малѣйшихъ основаній — это была бы операція, безусловно не окупающая издержекъ. Совершенно естественно, что военныя дѣйствія въ Крыму на осень и зиму 1855—56 гг. прекратились безъ всякаго формальнаго перемирія. Объ отсутствіи этой формальности нашимъ передовымъ отрядамъ напоминали лишь изрѣдка стычки съ непріятельской кавалеріей, но онѣ не имѣли никакихъ стратегическихъ послѣдствій. Главная масса союзниковъ продолжала оставаться въ окрестностяхъ Севастополя. Такъ какъ остатокъ черноморскаго флота [illegible] еще въ Николаевѣ — тамъ были 2 линейныхъ корабля, [illegible] — то непріятель сдѣлалъ попытку (въ октябрѣ) закончить дѣло разрушенія, [illegible] щемъ морскихъ силъ Россіи на Черномъ морѣ. Подъ Николаевомъ готовились къ повторенію севастопольской обороны. Укрѣпленіе города было поручено выздоровѣвшему отъ севастопольской раны Тотлебену. Но приготовленія оказались напрасными. Союзный флотъ ограничился разрушеніемъ крѣпости Кинбурна [illegible] въ Днѣпровско-Бугскомъ лиманѣ: здѣсь между прочимъ впервые на войнѣ были употреблены броненосныя суда. [illegible]

[illegible] и дать нѣкоторое историческое значенiе этой маленькой экспедицiи. Не трудно было видѣть, что осада Николаева, расположеннаго не на берегу моря, а въ глубинѣ страны, потребовала бы еще большаго напряженiя сухопутныхъ силъ коалицiи, чѣмъ севастопольская. Но въ это время Наполеонъ III уже находилъ, что и Крымская кампанiя обошлась дороже, чѣмъ стоилъ Севастополь. Повторять опытъ у него не было никакой охоты. А кромѣ французовъ, коалицiя пока не имѣла сухопутныхъ войскъ, способныхъ бороться съ русской армiей.

Это нежеланiе французскаго правительства продолжать сухопутную кампанiю на югѣ Россiи прiобрѣтало тѣмъ большее значенiе, что 1855 годъ доказалъ невозможность причинить Россiи какой-либо дальнѣйшiй вредъ на морѣ. Крѣпости Балтiйскаго моря были со стороны воды не менѣе неприступны, чѣмъ Севастополь. Попытка союзнаго флота (въ iюлѣ 1855 г.) разрушить Свеаборгъ бомбардировкой съ моря не дала никакихъ серьезныхъ результатовъ. Не защищенныя броней суда (припомнимъ, что первыя панцырныя „плавучiя батареи“ появились у союзниковъ лишь въ октябрѣ) не могли приблизиться къ укрѣпленiямъ на такое разстоянiе, при которомъ огонь ихъ артиллерiи могъ бы быть дѣйствительнымъ. Въ то же время союзники стали замѣчать нѣкоторые опасные симптомы со стороны русскаго флота: паровыя винтовыя суда, строившiяся въ 1854 году, теперь появились на водѣ. Становилось все болѣе очевидно, что для рѣшительнаго удара необходимо измѣнить весь планъ кампанiи, —или вовсе отказаться отъ нанесенiя такого удара: удовольствоваться очевиднымъ моральнымъ пораженiемъ Россiи и не добиваться окончательнаго разгрома ея матерiальныхъ силъ. Наполеонъ снова выступилъ со своимъ старымъ проектомъ перенести театръ войны въ Польшу. Французская дипломатiя не скрывала, что въ возстановленiи Польши въ воскресенiи главнаго дѣла первой имперiи на восточной окраинѣ Европы—она видитъ основной интересъ войны для Францiи. Но возстановленiе имперiи Наполеона I, хотя бы отчасти, настолько противорѣчило интересамъ ея союзницы, что англiйское правительство, въ лицѣ Пальмерстона, отвѣчало категорическимъ отказомъ на всѣ подобныя предложенiя. Тогда Францiя рѣшила выйти изъ игры. Начиная съ октября мѣсяца, представитель Францiи въ Берлинѣ началъ черезъ посредство прусскаго правительства нащупывать почву для соглашенiя съ новымъ русскимъ императоромъ. Дальнѣйшее въ значительной степени было вопросомъ самолюбiя: ни французское, ни русское правительство не желали сдѣлать первыми офицiальныхъ шаговъ. Францiя находила, что Россiя должна заговорить первой, какъ побѣжденная; русскiе дипломаты находили, что именно вслѣдствiе этого для Россiи унизительно просить мира. *) Обстоятельства од-

*) Упрямство русскаго правительства въ этомъ случаѣ въ значительной степени, если не исключительно, объясняется запоздалыми успѣхами русскаго оружiя въ Азiи: послѣ цѣлаго ряда „побѣдъ“, не имѣвшихъ никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствiй, новому кавказскому намѣстнику Муравьеву

вало очень скоро сознаться такъ, что русскую [illegible] устроить.

Какъ и въ вопросѣ объ очищеніи дунайскихъ княжествъ, [illegible] бросила Австрія. Положеніе „вооруженнаго нейтралитета“, заставлявшее ее держать подъ ружьемъ двухсоттысячную армію, было давно совершенно невыносимо для нея, далеко не оправившейся отъ 48 года финансово. Ея министръ финансовъ, Брукъ, постоянно твердилъ о банкротствѣ. Война была единственнымъ выходомъ—въ случаѣ ея успѣха контрибуція и территоріальныя пріобрѣтенія съ лихвою могли покрыть издержки. Но всѣ усилія Австріи добиться для *наступательной* войны противъ Россіи тѣхъ же гарантій, какими она располагала уже для *оборонительной*—обязательной поддержки Пруссіи и Германскаго союза—остались тщетными: какъ Англія отнюдь не желала видѣть возстановленія первой имперіи, такъ Германія вовсе не желала видѣть возстановленіе имперіи Меттерниха. При такихъ условіяхъ графу Буолю не оставалось ничего другого, какъ добиваться ликвидаціи войны вообще—и вмѣстѣ съ тѣмъ возможности для Австріи перейти на мирное положеніе. Уже съ марта 1855 года въ Вѣнѣ засѣдала конференція, имѣвшая цѣлью выработать условія мира между Россіей, съ одной стороны, западными державами и Турціей, съ другой. Условія эти приняли мало-по-малу конкретную форму, въ области знаменитыхъ „4 пунктовъ“.

удалось взять въ ноябрѣ 1855 года Карсъ со всѣмъ находившейся въ немъ турецкой арміей.

Первыми двумя изъ нихъ [illegible] русскій протекторатъ надъ дунайскими княжествами и устанавливалась свобода плаванія по Дунаю; [illegible] Четвертый пунктъ лишалъ [illegible] исключительное покровительство православнымъ на Востокѣ со стороны Россіи—котораго добивался Николай I—покровительствомъ всѣхъ европейскихъ державъ надъ христіанами Турціи. Это былъ тяжелый ударъ для русскаго самолюбія—но къ нему уже давно приготовились.*) Камнемъ преткновенія былъ третій пунктъ, звучавшій по формѣ довольно невинно: онъ касался пересмотра трактатовъ 1841 года,—закрывшихъ Дарданеллы для военныхъ судовъ всѣхъ націй. Для русскаго правительства не долго могло быть тайной, что подъ видомъ пересмотра трактатовъ „морскія державы“ стремились добиться распространенія нейтрализаціи Дарданеллъ и на Черное море, т. е. запрещенія русскому правительству держать на этомъ морѣ военныя суда. Пока была хоть малѣйшая надежда на спасеніе черноморскаго флота, пунктъ этотъ категорически отвергался нашими дипломатами. Паденіе Севастополя, сведшее наши морскія силы на нѣтъ къ двумъ корабликамъ въ Николаевѣ, заставило возобновить переговоры, прерванные въ [illegible], были вновь начаты—на этотъ разъ

*) Первый набросокъ этихъ „гарантій“ [illegible] 1854 года. [illegible] Николай [illegible]

частнымъ путемъ съ одной Франціей. Но паденіе Карса (16 ноября 1855 г.) вновь подняло настроеніе Александра II, давно дожидавшагося этого успѣха, какъ реванша—хотя, нужно сознаться, и чрезвычайно слабаго—за Севастополь. *) „Надѣюсь на милость Божію, что паденіе сей твердыни Малой Азіи будетъ имѣть благотворное вліяніе на ходъ политическихъ дѣлъ, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ“, писалъ императоръ Муравьеву въ отвѣтъ на его донесеніе о взятіи крѣпости. Признаніе 4-го пункта было взято назадъ,—подъ предлогомъ его „неопредѣленности“; было заявлено, кромѣ того, что Россія никогда не согласится на условія, „унизительныя для ея достоинства“. Вновь возникъ вопросъ о продолженіи войны, которая казалась уже конченной. „Морскія державы“ требовали отъ Австріи исполненія ея обязанностей, какъ союзницы **), и открытаго присоединенія къ коалиціи.

Положеніе Буоля было необычайно трудное. Разрывъ съ Россіей—при необезпеченности поддержки со стороны Германіи—грозилъ тяжелой и далеко не безопасной войной. Русскій штабъ уже выработалъ планъ похода прямо на Вѣну; номинально, русскія силы, собранныя на границахъ Австріи, были огромны—и только опытъ могъ рѣшить, насколько реальны эти грозныя цифры. А въ случаѣ неудачи—или даже неполной удачи и затяжки военныхъ дѣйствій—Брукъ навѣрняка предсказывалъ банкротство. Но еще опаснѣе былъ разрывъ съ Франціей. Колебанія Австріи давно уже вынудили Наполеона III къ шагу, имѣвшему гораздо болѣе политическое, чѣмъ военное значеніе: въ коалицію былъ введенъ Пьемонтъ *), маленькій, но чрезвычайно настойчивый антагонистъ Австріи на Апеннинскомъ полуостровѣ. Объединеніе Италіи подъ французскимъ вліяніемъ было уже въ это время настолько же важной задачей въ глазахъ императора французовъ, какъ и возстановленіе Польши. Пьемонту было обѣщано участіе на равныхъ правахъ при заключеніи мира—честь, которая отнюдь не объяснялась и не уравновѣшивалась тѣми жалкими 15 тысячами человѣкъ, которыхъ король Викторъ-Эммануилъ могъ послать въ Крымъ. Россія могла схватить за горло—Франція, опираясь на возставшую противъ австрійскаго ига Италію, могла каждую минуту сѣсть на спину: Буолю приходилось рѣшать, что опаснѣе. Онъ долго оставался въ нерѣшительности. Наконецъ, выборъ былъ сдѣланъ: 16 декабря 1855 года австрійское правительство предъявило представителю Александра II ультиматумъ—съ требованіемъ немедленно приступить къ мирнымъ переговорамъ на основѣ „четырехъ пуктовъ“; въ противномъ случаѣ, Австрія присоединялась къ коалиціи

*) [illegible] въ 18[illegible] военный министръ писалъ Муравьеву о желаніи государя, „чтобы наступательныя дѣйствія были направлены къ скорѣйшему достиженію рѣшительныхъ успѣховъ, необходимость въ коихъ съ каждымъ днемъ увеличивается при настоящемъ оборотѣ дѣлъ въ Крыму“.

**) Формально Австрія была союзницей „морскихъ державъ“ уже съ декабря 1854 г.

*) У насъ, по старой памяти, носившій названіе Сардиніи—откуда и пьемонтскія войска въ Крыму назывались „сардинцами“.

и вступить открыто въ дѣйствiе противъ Россiи.

3 января 1856 года Александръ Николаевичъ собралъ особое совѣщанiе подъ своимъ предсѣдательствомъ для обсужденiя австрiйскаго ультиматума. Здѣсь были: великiй князь Константинъ Николаевичъ (генералъ-адмиралъ русскаго флота), бывшiй намѣстникъ Кавказа Воронцовъ, ѣздившiй въ 1854 г. съ чрезвычайными порученiями въ Вѣну гр. Орловъ, бывшiй посланникъ въ Вѣнѣ Мейендорфъ, Киселевъ, Блудовъ, военный министръ кн. Долгоруковъ и канцлеръ Нессельроде. Заправлялъ дѣломъ послѣднiй. Нессельроде, [illegible] министрамъ и генераламъ былъ совершенно терроризованъ и сбитъ съ толку [illegible] неожиданныхъ и страшныхъ для этого рода людей оборотомъ, какой приняла Восточная война. Отъ необыкновенной заносчивости и высокомѣрiя они перешли къ трусости, не меньшей [illegible]. Ведшiй переговоры въ Вѣнѣ кн. А. М. Горчаковъ *) предлагалъ выходъ, если не болѣе [illegible]—отъ наступившаго оборота дѣлъ выгоды Россiи и не приходилось ожидать—то, во всякомъ случаѣ, нѣсколько болѣе почетный для Россiи: игнорируя ультиматумъ Австрiи, обратиться непосредственно къ Наполеону III и, такъ сказать, сдаться ему. Миръ съ Францiей самъ собою означалъ миръ и съ Австрiей—которая одна, конечно, не рѣшилась бы начать войну, [illegible] Но Нессельроде былъ такъ запуганъ, [illegible] Подъ его влiянiемъ вопросъ на совѣщанiи былъ поставленъ такъ, [illegible] или принять австрiйскiй ультиматумъ. За войну, повидимому, былъ самъ Александръ Николаевичъ,—на совѣщанiи [illegible], чтобы не стѣснять [illegible] явно своихъ министровъ,—но, какъ тѣмъ было хорошо извѣстно, [illegible] о 1812 годѣ *). [illegible] —и то нерѣшительно. „Если мы не умѣемъ воевать—заключимъ миръ!" закончилъ онъ свою рѣчь. Всѣ прочiе непрерывно приводили аргументы, доказывавшiе, какъ гибельно и безсмысленно было бы продолженiе войны. Наиболѣе рѣшительными изъ аргументовъ были, [illegible] финансовые. Дошедшiй до насъ разсказъ о совѣщанiи **) коротко говоритъ, что рѣчь военнаго министра „была [illegible]

*) [illegible] Горчаковъ [illegible] М. Д. Горчаковъ [illegible]

*) [illegible] Горчакову [illegible] 1812 [illegible]

**) [illegible]

пытавшимся [illegible] вамъ доказать невозможность продолженія войны". Можно представить себѣ, въ чемъ заключались эти „подробности". Крымская кампанія достаточно обнаружила невозможность вести войну во второй половинѣ XIX столѣтія съ нашими старыми путями сообщенія. Въ то время, какъ Австрія располагала довольно развитою желѣзнодорожною сѣтью, позволявшею ей быстро концентрировать войска на любомъ избранномъ пунктѣ, наши войска и ихъ обозы двигались по грунтовымъ дорогамъ со скоростью 4 версты въ сутки *). Пироговъ на курьерскихъ ѣхалъ отъ Симферополя до Севастополя болѣе полутора сутокъ. Санитарное состояніе арміи было ужасное—и отъ болѣзней она теряла гораздо больше людей, чѣмъ на полѣ сраженія. За время севастопольской осады войска, находившіяся въ Крыму, потеряли ранеными и убитыми около 128 тыс. человѣкъ, а больными 183 тысячи. Ополченіе,—которымъ, по примѣру 1807 и 1812 гг., наполнялась дѣйствующая армія, прямо вымирало, не видавъ непріятеля: курское, орловское, калужское и тульское ополченія за пять мѣсяцевъ потеряли около 50% своего состава (изъ 40.730 человѣкъ осталось 21.347). Качественный составъ этого послѣдняго рессурса русской арміи коротко, но достаточно выпукло обрисованъ въ извѣстномъ письмѣ Грановскаго. „Былъ свидѣтелемъ выборовъ въ ополченіе", писалъ онъ Кавелину въ сентябрѣ 1855 года послѣ своей поѣздки на югъ: „Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе отвратительное и печальное. Я не признавалъ большого патріотизма и благородства въ русскомъ дворянствѣ, но то, что я слышалъ въ Воронежѣ, далеко превзошло мои предположенія. Богатые или достаточные дворяне безъ зазрѣнія совѣсти откупались отъ выборовъ; кандидаты въ должность начальниковъ дружинъ еще до избранія проповѣдовали о необходимости предоставить начальникамъ ополченій обмундировку ратниковъ и не скрывали своихъ видовъ на поправленіе обстоятельствъ..." *)

Крестьяне шли безропотно, по словамъ Грановскаго; мы послѣ увидимъ, что объ отношеніи крестьянъ къ ополченію можно было бы сказать больше. Но какова могла быть эта вооруженная сила въ чисто военномъ смыслѣ съ такимъ офицерствомъ—не трудно себѣ представить. Главнокомандующій южной арміей, Лидерсъ, вынужденъ былъ отдать особый приказъ о томъ, чтобы солдаты полковъ, къ которымъ прикомандировывали ополченцевъ, не смѣялись надъ послѣдними, а „помогали бы имъ въ узнаніи службы". Очевидно, насчетъ помощи ополченцамъ со стороны ихъ собственныхъ начальниковъ въ этомъ отношеніи опытный генералъ не питалъ никакихъ иллюзій.

Еще рѣшительнѣе могли быть аргументы финансоваго свойства. За три года войны (1853,-4 и-5) доходы казны возросли съ 227 до 261 милліона, а расходы съ 336 до 544 милліоновъ руб. Дефицитъ соста-

*) „Обозъ съ продовольствіемъ, вышедшій изъ Перекопа 17 декабря, прибылъ въ Симферополь 21 января, слѣдовательно, прошелъ 134 версты въ 34 дня". Богдановичъ. III, 196.

*) „Т. Н. Грановскій и его переписка". II, 454.

[illegible] въ 1853 году 109 милліоновъ, въ 1854 147 милл., въ 1855 [illegible] единицею милліонъ рублей — [illegible] государственныхъ доходовъ. [illegible] открыть истиннаго [illegible] отъ публики, [illegible] государственнаго совѣта [illegible] было [illegible] на военныя [illegible] въ 1[illegible] милл. руб. На 1856 годъ ожидался дефицитъ въ 258 милліоновъ. *) Несмотря на [illegible] курса [illegible] рубля, въ октябрѣ 1855 года онъ стоилъ лишь 90 копеекъ, и только въ декабрѣ, [illegible] на миръ, [illegible] до 92,5 коп. Но расшатанностью государственнаго хозяйства еще не измѣрялись финансовые итоги Крымской кампаніи не говоря объ ополченіи, уводившемъ изъ деревень лучшихъ работниковъ, [illegible] на ближайшія къ театру войны части Россіи [illegible] рядъ [illegible]: [illegible], постойная и т. под. „Еще годъ войны и вся южная Россія разорена", писалъ въ томъ же [illegible] Грановскій Кавелину: „надобно самому съѣздить да посмотрѣть, что тамъ дѣлается". Но доставалось не одной только южной Россіи: при отсутствіи желѣзно-дорожнаго сообщенія съ заграницей (Варшавско-Вѣнская дорога была уже построена—но она не была связана ни съ центральной Россіей, ни съ Петербургомъ) морской путь оставался почти единственнымъ для русскаго экспорта. Если уже въ началѣ [illegible] эта морская торговля могла сыграть опредѣляю-

*) [illegible]

щую роль въ нашей внѣшней политикѣ, [illegible] въ 50-хъ годахъ. Въ 1850—4 гг. [illegible] 9 милліоновъ рублей, въ 1857 году она дошла до 70.772.000 руб. Фактъ [illegible] — [illegible] дошелъ до сознанія даже русской дипломатіи: [illegible] слѣдствія этого были однимъ изъ главныхъ аргументовъ противъ войны въ рѣчи Нессельроде.

[illegible] ловича. Тѣмъ болѣе знаменательно было его появленіе. Глава русской дипломатіи указывалъ на то, что наше упрямство можетъ возстановить противъ Россіи нейтральныя державы—и „даже прусскій король можетъ не выдержать давленія, которое на него оказываютъ", тогда какъ [illegible] новое доказательство нашего миролюбія, а нейтральнымъ державамъ новый поводъ не вмѣшиваться въ борьбу". Нессельроде, стало быть, признавалъ, что есть какая-то сила, которая можетъ [illegible] нейтральныя державы, и даже богобоязненнаго и лояльнаго Фридриха-Вильгельма IV [illegible] силой было европейское обществен-

ное мнѣніе, высказывавшееся съ замѣчательнымъ единодушіемъ, и не только въ странахъ, вступившихъ въ открытую борьбу съ Россіей. Пріятельница Гоголя, А. О. Смирнова, жившая во время войны въ Дрезденѣ, писала оттуда Погодину: „Не могу пересказать Вамъ, какъ грустно русскимъ въ нынѣшнюю минуту за границей. Въ гостиныхъ, на биржахъ, на гульбищахъ, на торжищахъ, въ отвратительныхъ кофейняхъ, въ лакейскихъ, лишь слышишь одно ругательство, зависть, ненависть къ Россіи. Не говорю уже о газетахъ. Здоровье мое не позволяетъ болѣе ихъ читать: всякій листокъ придаетъ пудъ желчи".

Свѣтская дама не могла придумать этому явленію иного объясненія, кромѣ „зависти" европейцевъ къ Россіи. Ея корреспондентъ былъ проницательнѣе. Мы уже знаемъ, что Погодинъ былъ своего рода лейбъ-публицистомъ Николая Павловича въ послѣдніе мѣсяцы его жизни. Выше были приведены отрывки изъ его обширной записки (вѣрнѣе, ряда записокъ) о русской внѣшней политикѣ, — гдѣ Погодинъ развивалъ грандіозный планъ дѣйствій противъ Турціи и ея западныхъ союзницъ, въ особенности „коварной" Австріи, при помощи всеславянскаго возстанія, съ участіемъ даже и Польши. Мотивируя этотъ планъ, Погодинъ даетъ оцѣнку прежней русской политикѣ, такъ не похожей на то, что предлагалъ онъ. Охарактеризовавъ охранительную роль Россіи на западѣ и сопоставивъ ее съ политикой европейскихъ государей по отношенію къ Россіи („вотъ чѣмъ ихъ — Австріи, Пруссіи и Германіи—государи отблагодарили своего отца и покровителя"...), онъ спрашиваетъ: „не оказала ли русская политика послѣдствій, болѣе благопріятныхъ со стороны народовъ"? И отвѣчаетъ: „народы возненавидѣли Россію... Народы видятъ въ Россіи главнѣйшее препятствіе къ ихъ развитію и преуспѣянію, злобствуютъ за ея вмѣшательство въ ихъ дѣла, замѣчая только непріятную для себя сторону, и съ радостью ухватились теперь за первый открывшійся случай сколько-нибудь поколебать ее. Вотъ почему со всѣхъ сторонъ Европы, изъ Испаніи и Италіи, Англіи, Франціи, Германіи и Венгріи, стекаются офицеры и солдаты не столько помогать Турціи, сколько вредить Россіи. Европейцы управляютъ движеніемъ войскъ турецкихъ, строятъ крѣпости, служатъ на корабляхъ, начальствуютъ пароходами, учреждаютъ фабрики для огнестрѣльныхъ орудій. Журналы и газеты истекаютъ желчью, книги устремляютъ на насъ тяжелую свою артиллерію, и вотъ составился легіонъ общаго мнѣнія противъ Россіи въ дополненіе къ враждебнымъ флотамъ и арміямъ". Вотъ „горчайшій плодъ русской политики за послѣднее пятидесятилѣтіе".

Коронованному читателю погодинскихъ „политическихъ писемъ" посчастливилось не дожить до того момента, когда пришлось капитулировать передъ „легіономъ общаго мнѣнія". Но тѣмъ болѣе растерянными и безпомощными были его министры передъ этимъ „легіономъ", — очутившись безъ своего вождя. Имъ казалось, что „духъ нашего времени"—вчера ненавистный и презрѣн-

ній, отчасти охранный — грозили имъ уже въ эти тяжелыя мѣсяцы. „На Польшу и на Швецію рассчитывать невозможно", говорилъ на этомъ совѣщаніи 3 января Киселевъ — бывшій „начальникъ штаба по гражданской части" императора Николая: „волненія тамъ обнаруживаютъ бодрую дѣятельность. Финляндія, при всемъ своемъ доброжелательствѣ, можетъ поддаться подъ власть Швеціи. Наконецъ, Польша постоянно не перестаетъ надѣяться, что она возвратитъ себѣ, какъ только военныя операціи союзниковъ дадутъ ей къ тому возможность". Не участвовавшій въ совѣщаніи, но не менѣе вліятельный главнокомандующій крымской арміей, кн. Горчаковъ, шелъ въ своихъ мрачныхъ ожиданіяхъ гораздо дальше. „Если бы мы продолжали борьбу", писалъ онъ, „мы лишились бы Финляндіи, остзейскихъ губерній, Царства Польскаго, западныхъ губерній, Кавказа, Грузіи и ограничились бы тѣмъ, что нѣкогда называлось великимъ княжествомъ московскимъ. Наполеонъ кончилъ свое поприще потому, что хотѣлъ бороться со всею соединенною противъ него Европою. Нѣтъ державы, которая могла бы вести войну безъ союзниковъ противъ общаго на нее возстанія".

Паническій ужасъ тѣхъ, кто долженъ былъ бы быть главнымъ руководителемъ въ возобновленной борьбѣ двѣнадцатаго года, не давалъ выбора Александру II. Русскому представителю въ Вѣнѣ было послано приказаніе — подписать тѣ предварительныя условія мира, на которыхъ настаивала Австрія. Вмѣстѣ съ тѣмъ было заключено перемиріе и военныя дѣйствія прервались (20 января — 1 февраля 1856 г.); 13/25 февраля открылась мирная конференція въ Парижѣ, а 18/30 марта былъ подписанъ Парижскій миръ, заключившій собою Восточную войну 1853—56 гг. Въ его основныхъ условіяхъ были воспроизведены уже знакомые намъ „четыре пункта". Россія потеряла право держать военный флотъ на Черномъ морѣ, отказалась отъ исключительнаго покровительства надъ православными на Востокѣ и отъ протектората надъ дунайскими княжествами. Ст. 24-ой этимъ послѣднимъ было обезпечено конституціонное устройство, уничтоженное при помощи русскихъ штыковъ въ 1848 году. Порта была признана „участвующею въ выгодахъ общаго права и союза державъ европейскихъ". Договаривающіяся стороны обязались, каждая за себя, „уважать независимость и цѣлость имперіи Оттоманской" и объявили, что онѣ „будутъ почитать всякое въ нарушеніе онаго дѣйствіе вопросомъ, касающимся общихъ правъ и пользы". Подъ такою же гарантіею Европы былъ и султанскій фирманъ, обезпечивавшій положеніе турецкихъ христіанъ, — изданный еще въ дни посольства Меншикова въ Константинополь.

Детализація 2-го пункта — о свободѣ плаванія по Дунаю — причинила русскому правительству послѣднее чувствительное огорченіе. Австрія никакъ не соглашалась признать, что эта свобода можетъ быть обезпечена, пока хоть верста дунайскаго берега принадлежитъ Россіи. Въ виду этого (ст. 20 — 21-й) трактатъ устанавливалъ „исправленіе" русской

границы въ этомъ пунктѣ, причемъ принадлежавшая Россіи часть устьевъ Дуная отходила къ княжеству Молдавскому. При всей ничтожности этой уступки, русскіе патріоты были весьма огорчены и встревожены,— въ виду историческихъ воспоминаній, связанныхъ съ этимъ клочкомъ земли. „Что за часть Бессарабіи уступается?“ писалъ Погодинъ митрополиту Иннокентію при первыхъ слухахъ о мирѣ: „неужели съ Измаиломъ? А тѣнь Суворова?“ Помимо обиды, причиненной тѣни Суворова, тутъ былъ, конечно, и моральный ударъ той официальной Россіи, которая, погнавшись за чужими территоріями, вынуждена была отдать часть своей. Наоборотъ, о присоединеніи къ Россіи областей, занятыхъ русскими войсками въ Азіатской Турціи — Карса и т. д., — не могло быть и рѣчи. Онѣ пошли въ обмѣнъ за Севастополь, Керчь, Кинбурнъ и другія русскія крѣпости, находившіяся въ рукахъ союзниковъ.

Можетъ быть, ни въ чемъ измѣнившееся соотношеніе силъ не сказывалось такъ рельефно, какъ въ поведеніи русской дипломатіи относительно „добраго друга“ императора Николая—Наполеона III. Ни слѣда прежняго высокомѣрія нельзя было замѣтить. Вѣрные слуги Николая Павловича, гр. Орловъ и бар. Бруновъ, представлявшіе Россію на Парижской конференціи, всѣми силами старались показать, что Россія „научена опытомъ послѣднихъ лѣтъ“ (едва ли не подлинная фраза перваго изъ названныхъ русскихъ дипломатовъ) и умѣетъ теперь цѣнить дружбу того, кого такъ пренебрежительно отвергъ покойный русскій императоръ. Подъ защиту Наполеона прибѣгали, когда нужно было обороняться отъ черезчуръ настойчивыхъ и безцеремонныхъ требованій Австріи и Англіи. Прежде такъ любившій вмѣшиваться во внутреннюю политику чужихъ державъ, русскій дворъ допустилъ теперь своего новаго покровителя до вмѣшательства во внутреннюю политику Россіи. Наполеонъ III очень желалъ возстановленія Польши. Мы видѣли, что онъ наткнулся при этомъ на сопротивленіе своихъ собственныхъ союзниковъ—и отъ экспедиціи французской арміи на берега Вислы пришлось отказаться. Но онъ хотѣлъ все же что-нибудь сдѣлать для поляковъ—и объ этомъ желаніи дошло до свѣдѣнія нашихъ дипломатическихъ круговъ. Предупреждая формальное выраженіе этого желанія, гр. Орловъ поспѣшилъ заявить французскому императору отъ имени Александра II, что о продолженіи николаевской политики относительно Польши не можетъ быть и рѣчи. Были, повидимому, опредѣленно обѣщаны административная автономія, прекращеніе всякихъ стѣсненій католической церкви и реформа образованія въ національномъ (польскомъ) духѣ. Въ обмѣнъ на эти обѣщанія русскій уполномоченный просилъ только объ одномъ —не поднимать разговора о Польшѣ офиціально на конференціи.

На Парижскомъ конгрессѣ николаевская политика, въ лицѣ своихъ главныхъ орудій, приносила международное покаяніе. Но система Николая была лишь проекціей русскаго режима на Западѣ. Николай спѣшилъ тушить пожаръ у сосѣда потому прежде всего, что боялся, какъ

бы не затрогивалось его лично. Раз вся политика императора Николая была признана ложной и вредной, и мы сами отъ нея отрекались, возникалъ вопросъ, что же дѣлать съ политикой внутренней? Въ слѣдующей главѣ мы увидимъ тѣ объективныя условія, которыя готовили крушеніе этой политики независимо отъ Севастополя. Но теперь, разсматривая, какъ повліялъ Севастополь на настроеніе нашихъ правящихъ круговъ, нельзя не обратиться опять къ лейбъ-публицисту императора Николая, русскому патріоту и православному христіанину, М. П. Погодину. Мы видѣли, какъ неумолимая логика жизни привела этого человѣка къ выводу, что борьба съ „духомъ времени“ на Западѣ была сплошной ошибкой, давшей „горьчайшіе“ плоды. Но та же логика заставляла, сдѣлавъ первый шагъ, сдѣлать и второй. Можно ли бороться съ „духомъ времени?“ „Правительства насъ предали, народы возненавидѣли, а порядокъ, нами поддерживаемый, нарушенъ, нарушается и будетъ нарушаться“, писалъ Погодинъ. „Слѣдовательно, политика наша была не только для насъ вредна, но и вообще безуспѣшна“. Но отсюда выводъ былъ одинъ: если бороться съ „духомъ времени“ нельзя, если онъ непреодолимъ, — то остается только, подчинившись ему добровольно и безъ ненужнаго упрямства, извлечь изъ него всю пользу, какую онъ можетъ принести русскому правительству. И вѣрноподданный историкъ николаевской Россіи идетъ по этому новому пути со смѣлостью, тѣмъ болѣе оригинальной, что она сочетается тутъ же съ мыслью объ административной карьерѣ — объ [illegible] министерства внутреннихъ [illegible] при [illegible] этой смѣлости. Практичный издатель „Москвитянина“ чувствовалъ, что [illegible] говорить то, что нужно [illegible] правительству — [illegible] одного — [illegible]. „Нельзя жить въ Европѣ“, писалъ онъ, „и не участвовать въ общемъ ея движеніи, не слѣдить за ея изобрѣтеніями, открытіями физическими, химическими, механическими, финансовыми, административными. Если Англія, Австрія и Пруссія могутъ въ день примчать свои войска къ границамъ Россіи, то нельзя намъ волочиться туда два мѣсяца. Если ихъ штуцера бьютъ теперь на двѣ тысячи шаговъ, то нельзя довольствоваться намъ тульскими ружьями и надѣяться на одинъ штыкъ, который и не доходитъ теперь до своего мѣста назначенія. Если ихъ коническія пули уходятъ глубже въ тѣло и приготовляютъ рану смертельную, то нельзя намъ стрѣлять прежнимъ горохомъ! Если винтъ сообщаетъ ихъ кораблямъ способность двигаться какъ угодно, то нельзя оставаться намъ со старыми методами кораблестроенія, — а механика, химія, физика, астрономія влекутъ къ себѣ естественныя науки; естественныя науки призываютъ математику, высшая математика потребуетъ философіи и пр. Нельзя ограничить число людей образованныхъ извѣстными цифрами, ибо предѣлы оныхъ, офиціальныхъ, цифръ наполнятся, по извѣстному закону, посредственностями и пошлостями; а таланты-то всѣ останутся внѣ оныхъ...“ „Настоящая война есть крестовый походъ

Россіи. Назначеніе ея въ европейской исторіи — возбудить Россію, державшую свои таланты подъ спудомъ, къ принятію дѣятельнаго участія въ общемъ ходѣ потомства Іафетова на пути къ совершенствованію, гражданскому и человѣческому, что непремѣнно должно случиться, какъ бы ни кончилась для нея эта война..."

Въ дальнѣйшихъ письмахъ Погодинъ пытается конкретно представить себѣ и своему читателю этотъ „путь". Но здѣсь его голосъ сливается въ общемъ хорѣ противниковъ официальной Россіи,—по своему не менѣе благонамѣренныхъ, но на иной ладъ. Не даромъ „политическія письма" сдѣлали на время другомъ Погодина даже К. Д. Кавелина — не даромъ, больше того, моментъ сдѣлалъ Кавелина минутами похожимъ на Погодина. Въ своей практической части, „политическія письма" являются однимъ изъ наиболѣе яркихъ и интересныхъ — по своей полной оригинальности — проявленій той новой *буржуазной* идеологіи, которая шла на смѣну старой, дворянской, барско-крѣпостнической. А появленіе этой идеологіи было, въ свою очередь, отраженіемъ экономическаго переворота, пережитаго крѣпостной Россіей въ первой половинѣ вѣка *).

ГЛАВА II.

Крестьянская реформа.

(М. Н. Покровскаго).

1.

Новое общество.

„Нѣкогда въ Москвѣ пребывало богатое, не служащее боярство, вельможи, оставившіе дворъ, люди независимые, безпечные, страстные къ безвредному злорѣчію и къ дешевому хлѣбосольству. Нѣкогда Москва была сборнымъ мѣстомъ для всего русскаго дворянства, которое изо всѣхъ провинцій съѣзжалось въ нее на зиму... Нынѣ въ присмирѣвшей Москвѣ огромные боярскіе дома стоятъ печально между широкимъ дворомъ, заросшимъ травою, и садомъ, запущеннымъ и одичалымъ. Подъ вызолоченнымъ гербомъ торчитъ вывѣска портного, который платитъ хозяину тридцать рублей въ мѣсяцъ за квартиру, великолѣпный бель-этажъ нанятъ мадамой для пансіона — и то слава Богу! На всѣхъ воротахъ прибито объявленіе, что домъ продается и отдается въ наймы—и никто его не покупаетъ, и никто его не нанимаетъ"...

Такой представлялась Пушкину Москва уже въ 30-хъ годахъ XIX вѣка: за тридцать лѣтъ до дворянскаго „оскудѣнія" шестидесятыхъ

*) См. слѣдующую гл. II. 1. Новое общество.

[illegible] отъ дворянскаго общества уже отдаленнымъ прошлымъ. Для Пушкина — „потомка шестисотлѣтняго дворянина" — это было прежде всего униженіе, прежде всего упадокъ. Но онъ былъ достаточно чутокъ и объективенъ, чтобы отмѣтить оборотную — для него — сторону медали. „Москва, утратившая свой блескъ аристократическій, процвѣтаетъ въ другихъ отношеніяхъ: промышленность, сильно покровительствуемая, въ ней оживилась и развилась съ необыкновенною силою. Купечество богатѣетъ и начинаетъ селиться въ палатахъ, покидаемыхъ дворянствомъ" *).

Новый соціальный слой, который долженъ былъ занять мѣсто, покидаемое дворянствомъ, для проницательнаго взгляда опредѣлился уже достаточно ясно за двадцать лѣтъ до Севастополя. Вмѣстѣ съ капитализмомъ **) буржуазія властно шла впередъ, безцеремонно ломая юридическія рамки, въ свое время придуманныя для своей охраны феодальнымъ режимомъ. Этотъ режимъ не признавалъ права собственности за крѣпостными: но современная Пушкину новорожденная русская буржуазія наполовину была крѣпостная, если не больше. „Село Иваново", говоритъ историкъ русской фабрики, „представляло собою въ началѣ этого вѣка оригинальную картину. Самые богатые фабриканты, имѣвшіе болѣе 1.000 рабочихъ, юридически были такими же безправными людьми, какъ и послѣдніе голыши изъ ихъ рабочихъ". Родоначальникъ династіи Морозовыхъ, Савва, былъ простымъ ткачомъ и крѣпостнымъ помѣщика Рюмина. Владѣлецъ одной изъ крупнѣйшихъ московскихъ фабрикъ Николаевскаго времени не только былъ крѣпостнымъ по рожденію, но и оставался имъ до самаго 19 февраля. Гакстгаузенъ указываетъ на такое же происхожденіе московскихъ Гучковыхъ, табачнаго фабриканта Жукова и др. *). Старый режимъ монополизировалъ владѣніе населенной землей въ рукахъ дворянства: но большая часть крѣпостныхъ буржуа были не только владѣльцами капиталовъ и промышленныхъ заведеній, но и владѣльцами земли и людей. Одному изъ упомянутыхъ ивановскихъ фабрикантовъ, Гарелину, принадлежало сельцо Спасское со всѣмъ населеніемъ; у другого было даже нѣсколько деревень. Тотъ же Гакстгаузенъ приводитъ примѣры крѣпостныхъ капиталистовъ, накупившихъ себѣ по шести и семи сотъ душъ крестьянъ. Крѣпостную прислугу имѣли, конечно, всѣ они. Юридически всѣ эти крѣпостные люди были записаны за господами ихъ господъ: но оброчный мужикъ, дававшій барину двадцать тысячъ въ годъ, какъ ивановскіе фабриканты, былъ слишкомъ выгодной доходной статьей, чтобы не уважать его правъ, какъ ни были они экстравагантны съ крѣпостнической точки зрѣнія. И вотчинныя конторы безпрекословно регистрировали имущественныя сдѣлки крѣпостной буржуазіи, — дополняя этимъ штрихомъ ту картину государства въ государствѣ, какую пред-

*) „[illegible]".

**) См. часть I, гл. IV, „Экономическое развитіе Россіи въ первой половинѣ XIX в.".

*) Туганъ-Барановскій, Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ.

ставляло собою помѣщичье имѣніе начала XIX вѣка.

Эта первобытная русская буржуазія, соотвѣтствовавшая западно-европейской буржуазіи эпохи первоначальнаго накопленія, оставила по себѣ мрачный слѣдъ въ русской художественной литературѣ. „Купеческія“ комедіи Островскаго, чрезвычайно характерныя, какъ симптомъ, именно для этого времени, прочно наклеили на нее ярлыкъ „темнаго царства“. Но оно не во всемъ было темнымъ. Раскрѣпощающая сила денегъ сказалась въ Россіи, какъ и вездѣ. Обрабатывающая промышленность не могла существовать безъ резервной арміи труда, — а эту армію нельзя было сформировать, не создавъ юридически свободнаго работника. Объективную сторону исторіи раскрѣпощенія русскаго фабричнаго рабочаго въ 40-хъ годахъ читатели уже видѣли во главѣ, посвященной экономическому развитію Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка. Для насъ важно подчеркнуть, что это раскрѣпощеніе не было создано одной механической силой хозяйственныхъ условій—но что предприниматели къ нему сознательно стремились. Прошеніе купцовъ Хлѣбниковыхъ *) является типичнымъ для цѣлаго рода подобныхъ документовъ. „Какъ съ духомъ времени измѣнилось фабричное производство“, писали Хлѣбниковы министру финансовъ, „введенъ механизмъ, замѣняющій ручныя работы..., то и производство на фабрикахъ работъ поссессіонными (крѣпостными) людьми не только неудобно, но и наноситъ постоянно важные убытки, да и самые при нихъ поссессіонные люди сдѣлались уже излишними и обременительными для владѣльца“...

Но отпущенные на свободу поссессіонные люди составляли слишкомъ ничтожную количественно группу, чтобы на нее одну могло опираться дальнѣйшее развитіе промышленности. Уже въ 1825 году болѣе половины рабочихъ на купеческихъ фабрикахъ (54%) составляли „вольнонаемные“. Эти „вольнонаемные“ въ подавляющемъ большинствѣ были тоже крѣпостные люди, но крѣпостные не фабриканта, а помѣщичьи, — или отданные въ работу на фабрику ихъ владѣльцами, или отпущенные по оброку и нанявшіеся на фабрику сами. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ фабрикантъ оказывался въ зависимости отъ землевладѣльца — и очень тягостно чувствовалъ эту зависимость. Нельзя было установить никакого ограниченія правъ помѣщика надъ этой категоріей его „подданныхъ“, не касаясь крѣпостного права—между тѣмъ помѣщики, руководясь интересами собственнаго хозяйства, снимали иногда съ фабрики своихъ людей какъ разъ въ ту минуту, когда они были болѣе всего нужны фабриканту. Уже въ 1829 г. московскіе и владимірскіе мануфактуристы подавали на этотъ счетъ жалобу министру финансовъ; мануфактурный совѣтъ вполнѣ подтвердилъ справедливость жалобы. Правительство пыталось помочь бѣдѣ палліативами: запрещеніемъ, напримѣръ, помѣщикамъ снимать своихъ людей съ фабрики до истеченія срока найма. Но оно не могло заставить помѣщика отдавать въ наймы, или отпускать на оброкъ сво-

*) Приводимое г. Туганъ-Барановскимъ. Оно относится къ 1844 году.

въ крѣпостныхъ, когда это нужно фабриканту — и брать ихъ обратно, какъ только они становились фабриканту не нужны. Отношенія [illegible] оставались неподвижными — свободная фабрика не могла быть въ крѣпостной деревнѣ. Нужно было [illegible] дальше. Раскрѣпощенной фабрикѣ должна была соотвѣтствовать раскрѣпощенная деревня.

Здѣсь, казалось бы, буржуазія должна была встрѣтить ожесточенное сопротивленіе со стороны того именно общественнаго класса, который она была призвана замѣстить на [illegible] лѣстницѣ. Подъ давленіемъ интересовъ ничтожнаго меньшинства тогдашняго общества,—ибо промышленная буржуазія все-таки была лишь небольшимъ островкомъ среди дворянскаго моря—юридическое раскрѣпощеніе деревни прошло однако почти безъ труда. Намъ, свидѣтелямъ того отчаяннаго сопротивленія, какимъ встрѣтило русское дворянство попытку окончательной ликвидаціи крѣпостного строя, — больше, чѣмъ предшествующимъ поколѣніямъ, 19 февраля должно представляться своего рода соціологическимъ чудомъ. Всѣ козни и ковы крѣпостниковъ передъ крестьянской реформой кажутся дѣтской шуткой сравнительно съ дѣяніями черной сотни нашихъ дней. Если теперь, переживъ еще полвѣка разложенія, дворянство оказалось настолько жизнеспособнымъ, — то какую силу сопротивленія могло бы оно развить въ 50-хъ годахъ?

Историческая загадка допускаетъ лишь два объясненія. Одно изъ нихъ, — въ него слѣпо вѣрили современники и его до сихъ продолжаетъ повторять либерально-идеалистическая историографія, — заключается въ томъ, что дѣло было рѣшено вмѣшательствомъ такого рода deus ex machina, [illegible] государственной власти, которая, въ силу чисто политическихъ интересовъ, нашла нужнымъ положить конецъ крѣпостному праву. Въ литературѣ [illegible] эта гипотеза, несомнѣнно, обладаетъ большею стройностью и законченностью — и, вѣроятно, еще долго будетъ примѣняться при [illegible] обработкахъ русской исторіи. Но объяснять какое-нибудь событіе вмѣшательствомъ deus ex machina для научной исторіи значитъ выдавать себѣ свидѣтельство о бѣдности. 19 февраля какъ „государственная“ реформа, совершенная по почину сверху руками бюрократіи — [illegible] и остается чудомъ: объясненіе такого рода равносильно отсутствію всякаго объясненія. Починъ сверху былъ и при Екатеринѣ II, — [illegible] и тогда была, а крестьянской реформы, какъ извѣстно, не было. Въ еще большей мѣрѣ и то, и другое было при Николаѣ I — и всѣмъ [illegible] однако же, какимъ жалкимъ выкидышемъ кончился столь рѣшительно имъ объявленный „процессъ противъ рабства“. Очевидно, что ключь къ замку слѣдуетъ искать гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. Въ новѣйшее время такъ называемая „матеріалистическая“ исторіографія выдвинула объясненіе, которое пока имѣетъ значеніе лишь предварительной развѣдки, но которое имѣетъ всѣ шансы стать со временемъ вполнѣ научной гипотезой. Объясненіе это заключается въ томъ, что въ [illegible]

стьянъ отвѣчало правили по понятіямъ и интересамъ самихъ владѣльцевъ крѣпостного труда. Чувство самосохраненія дворянства, какъ класса, требовало крестьянской реформы: только эта реформа гарантировала сохраненіе его соціальнаго преобладанія еще на одно или два поколѣнія. Наоборотъ, отсрочка этой реформы грозила экономической и соціальной катастрофой, которая могла ликвидировать феодальный строй сразу.

Читателю уже извѣстна сущность той перемѣны, которую пережило помѣщичье хозяйство на протяженіи второй четверти XIX вѣка. Ее, эту перемѣну, можно кратко охарактеризовать словами историка прусскаго крѣпостного права: der Ritter wird Landwirth — „баринъ“ сталъ „сельскимъ хозяиномъ“. Около этого превращенія феодала въ предпринимателя вертится, можно безъ преувеличенія сказать, вся экономическая исторія Россіи за тѣ сорокъ лѣтъ, которые прошли между гибелью декабристовъ, съ одной стороны, и выстрѣломъ Каракозова, съ другой. И не одна экономическая исторія: введеніе въ Россіи начатковъ упорядоченнаго буржуазнаго общежитія,— будетъ ли то судъ присяжныхъ, нѣкоторые проблески свободы печати, или безсословное мѣстное самоуправленіе—не понятно и не объяснимо безъ этой прививки буржуазнаго духа къ засыхавшему стволу русскаго феодализма. Потому что и въ новыхъ судахъ, и въ земствѣ, и въ тѣхъ учрежденіяхъ, которыя вѣдали русскую печать и отъ которыхъ зависѣла ея „свобода“, мы видимъ все тѣхъ же дворянъ. Интересы новорожденной буржуазіи могли оказывать извѣстное давленіе на государственную машину—но рычагъ этой машины крѣпко держали въ рукахъ старые люди. И не захоти они повернуть рычагъ такъ, какъ нужно было буржуазіи,—давленіе послѣдней, можетъ быть, въ концѣ концовъ сломало бы машину, но не заставило бы ее работать по новому. Если стоявшій на посту государственнаго машиниста дворянинъ оказался такъ чутокъ къ требованіямъ буржуазіи, то это потому, что онъ самъ былъ уже до нѣкоторой степени буржуа.

Но переходъ помѣщичьяго хозяйства къ буржуазному типу совершился далеко не сразу. Основа буржуазнаго хозяйства — юридически свободный работникъ — именно въ земледѣліи прививается всего туже. Здѣсь слишкомъ сильны старыя, „рыцарскія“ привычки, съ одной стороны; здѣсь слишкомъ остра иногда бываетъ нужда въ рабочихъ рукахъ, съ другой. Въ мелкихъ произведеніяхъ Кавелина сохранилась чрезвычайно яркая и выразительная картина „рабочаго вопроса“ наканунѣ паденія крѣпостного права, какъ разъ въ томъ краю, откуда массами шла на рынокъ пшеница,—гдѣ, стало быть, были наиболѣе благопріятныя условія для развитія аграрнаго капитализма *). Въ Самарской губерніи, которую описываетъ Кавелинъ, борьба за рабочія руки доходила до того, что сосѣди-конкуренты даже дрались между собою въ самомъ буквальномъ смыслѣ и захватывали другъ друга въ плѣнъ**)! Цѣна на рабочія руки прыгала не меньше цѣны азартныхъ бумагъ на

*) „Письма изъ деревни“, 1860 года.
**) Соч. Кавелина. II, 667.

бирки), колеблясь между 6 и 15 руб. за (сороковую) десятину. При этомъ святость контракта, вѣрность данному слову не существуютъ иначе по имени. Когда поспѣваетъ пшеница, всё думаетъ только о томъ, чтобы выманить копейку лишнюю". Въ Самарской губерніи помѣщику приходилось это терпѣть, потому что крѣпостныхъ рабочихъ рукъ въ горячую пору не хватало. Но тамъ, гдѣ крѣпостное населеніе было достаточно густо, естественно было попробовать использовать старое, феодальное „внѣ-экономическое принужденіе" для новыхъ, буржуазныхъ цѣлей. Такъ выросъ на русской почвѣ — какъ раньше на почвѣ остъ-эльбской Германіи — ублюдокъ: имѣніе-предпріятіе на крѣпостномъ трудѣ, имѣніе-плантація. Мы не будемъ подробно разбирать исторію плантаціоннаго хозяйства на русской почвѣ: отчасти читатели познакомились съ ней въ предыдущемъ изложеніи *). Для насъ важно то, что въ концѣ концовъ ублюдочный типъ хозяйства, уже не феодальнаго, но и не вполнѣ буржуазнаго, оказался непригоднымъ ни для старыхъ, ни для новыхъ цѣлей. Уже въ половинѣ 40-хъ годовъ Ив. Кирѣевскій могъ дать такую пессимистическую характеристику новаго курса въ помѣщичьемъ хозяйствѣ: „Учреждались плодоперемѣнныя хозяйства, гдѣ избытокъ земли и недостатокъ рукъ указывали на устройство, прямо противоположное... Заводили многосложныя орудія, не соотвѣтствующія мѣстнымъ потребностямъ. Педантическое улучшеніе маленькаго клочка земли, еще не имѣющей большой цѣны въ Россіи. Покупали машины, которыя въ скорое время, особенно обращались въ негодность, земледѣлія, вводили и уничтожали работы и часто вводили изнурительныя барщины такъ, что крестьяне были выгоднѣе даже для помѣщиковъ. Прежній естественный характеръ сельскихъ отношеній замѣнился характеромъ *фабричнаго направленія*. Многіе разорили своихъ крестьянъ. *Многіе обогатились отъ нихъ мало, а разорили нечаянно или вмѣстѣ съ интересами помѣщика разорились*. Другіе разорились сами". Послѣдняя, подчеркнутая нами, фраза прекрасно резюмируетъ одну не непосредственно экономическую, но очень важную по своимъ отдаленнымъ экономическимъ послѣдствіямъ сторону вопроса, — къ которой мы сейчасъ вернемся. Пока же отмѣтимъ, что фактъ краха плантаціонной системы, описанный, но не объясненный Кирѣевскимъ, нашелъ себѣ и объясненіе въ помѣщичьей литературѣ начала 50-хъ годовъ. Интенсивно-барщинное хозяйство оказывалось въ концѣ концовъ очень экстенсивнымъ. „Смѣло можно сказать", писалъ въ 1852 году псковской помѣщикъ Воиновъ, „что въ хорошо управляемыхъ барщинахъ три четверти барщинниковъ отвѣчаютъ за себя и за другихъ, т. е. что *работы утягиваются, по крайней мѣрѣ, на четвертую долю времени*". Другой помѣщикъ, Ладыженскій, утверждалъ даже, что въ барщинѣ всегда пропадало работы *на половину*. Только въ мелкихъ имѣніяхъ, гдѣ „свой глазокъ—смотрокъ" хозяина могъ непосредственно наблюдать за всѣми мелочами, удавалось внѣ-экономическимъ путемъ выжимать изъ крѣпостного работника

*) См. часть I, гл. IX.

все, что теоретически возможно. Но жизнь такого мелкопомѣстнаго плантатора (превосходный портретъ его, прямо списанный съ натуры, далъ Салтыковъ въ „образцовомъ помѣщикѣ“ своей „Пошехонской старины“) была настоящей каторгой, и для всякаго разсуждающаго хозяина замѣна внѣ-экономическаго принужденія экономическимъ, или, какъ тогда красиво выражались, принудительнаго труда вольнымъ,—являлась самымъ очереднымъ вопросомъ. Буржуазное хозяйство требовало и новаго буржуазнаго права въ деревнѣ.

Мы потомъ увидимъ, что и самый типъ новаго помѣщичьяго хозяйства, счастливо сочетавшаго то, что было еще жизнеспособно въ крѣпостномъ режимѣ, съ пріемами буржуазной эксплуатаціи, былъ уже знакомъ „дореформенной“ Россіи—и не даромъ онъ былъ открытіемъ одного изъ талантливѣйшихъ ея идеологовъ, Хомякова. Къ этому типу, вѣроятно, и перешла бы дворянская Россія безъ всякаго давленія сверху, если бы она имѣла время разобраться въ своихъ собственныхъ интересахъ, и если бы дворянская интеллигенція успѣла во-время преодолѣть треніе отсталыхъ слоевъ дворянской массы. Но исторія не дала этой отсрочки русскому дворянству—и реформа приняла катастрофическій характеръ, дорого стоившій отдѣльнымъ землевладѣльцамъ,—но не измѣнившій ея конечныхъ результатовъ. Дворянская Россія все-таки вышла изъ „эпохи великихъ реформъ“ укрѣпленной и освѣженной — и способной еще разъ дать бой той буржуазной Россіи, передъ которой она какъ-будто пасовала уже въ 30-хъ годахъ.

Условіемъ, принудившимъ помѣщиковъ ликвидировать барщинное хозяйство съ быстротой, совсѣмъ не отвѣчавшей ихъ ближайшимъ экономическимъ интересамъ, было несомнѣнно, опасеніе, что иначе ликвидація пойдетъ снизу революціоннымъ путемъ—и не ограничится уже одной барщиной. Обычная либеральная схема исторіи 19 февраля, помимо своей научной несостоятельности, искажала и фактическую сторону дѣла. Разъ все шло сверху — къ изученію хода реформы нужно было подходить съ анализа того, что дѣлалось на верхахъ общества. Начинать исторію паденія крѣпостного права съ воспитанія Александра II и „завѣтовъ“ Жуковскаго, правда, давно уже стало тривіальностью, въ сколько-нибудь серьезномъ изложеніи недопустимой. Но ограничиваться изученіемъ того, что происходило въ различныхъ „комитетахъ“ и „комиссіяхъ“, заранѣе принимая массы за anima vilis, надъ которою производятъ извѣстную операцію, но которая сама въ этой операціи активной роли не играетъ,—это почти общая черта всѣхъ существующихъ по настоящее время исторій крестьянской реформы. При этомъ знаменательныя слова Александра Николаевича, сказанныя имъ въ мартѣ 1856 года московскому дворянству: „лучше, чтобы это (освобожденіе крестьянъ) произошло свыше, нежели снизу“, производили впечатлѣніе какой-то книжной фразы, не къ мѣсту попавшаго мотива изъ передовой статьи либеральной газеты. На самомъ дѣлѣ это вовсе не была фраза, — какъ не фразой было и воспоминаніе Николая Павловича о Пугачевскомъ

сунулъ при обсужденіи въ государственномъ совѣтѣ закона объ обязанныхъ крестьянахъ въ 1842 году, [illegible] самодержавіе [illegible] съ дворянствомъ болѣе заинтересованнымъ, чѣмъ чтобы во время отвести удары. Современная — даже оффиціальная — литература не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что этотъ мотивъ, — опасеніе крестьянской революціи, не только существовалъ, но и могъ быть аргументированъ съ достаточной полнотой. Число крестьянскихъ волненій по мѣрѣ приближенія къ 50-мъ годамъ росло въ очень крупной прогрессіи: изъ всѣхъ 556 крестьянскихъ бунтовъ, зарегистрированныхъ оффиціально при Николаѣ I, на первое четырехлѣтіе его царствованія приходилось только 41, а на четырехлѣтіе 1845-49 гг. — 172, 1850-54 — 137. Увеличившись по количеству случаевъ почти вчетверо, волненія въ то же время пріобрѣтали все болѣе серьезный характеръ. Изъ болѣе или менѣе случайныхъ вспышекъ, легко подавлявшихся полицейскими мѣрами, онѣ превращались въ длительныя и иногда задолго подготовленныя, почти планомѣрныя попытки возстанія. Такъ, броженіе въ имѣніяхъ кн. Голицына въ Данковскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи тянулось два года (1847—48). На второй годъ крестьяне начали съ того, что прекратили всякія барщинныя работы, смѣнили всѣ сельскія власти и подвергли ихъ публичному наказанію за слишкомъ усердную службу помѣщику. А когда рязанскій губернаторъ съ экзекуціоннымъ отрядомъ двинулся на бунтовавшія деревни, онъ нашелъ ихъ совершенно пустыми: все населеніе разбѣжалось по [illegible] крестьянамъ, [illegible] и [illegible] и не удалось разыскать, — и пришлось ограничиться разрушеніемъ [illegible] зачинщиковъ [illegible]. Особенно грандіозный характеръ отличалось волненіе, происшедшее въ томъ же 1847 году въ Витебской губерніи. О степени эксплуатаціи здѣсь крестьянъ можно судить по слѣдующему донесенію генералъ-губернатора Игнатьева, относящемуся къ немного болѣе позднему времени (1853 году): „Въ Витебской губерніи крестьяне почти не имѣютъ хлѣба, питаются грибами и разными сырыми веществами, порождающими болѣзни; нищета страшная, а рядомъ роскошь помѣщиковъ; жизненныя силы края совершенно истощены въ нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ, разслабленіе дошло до крайнихъ предѣловъ“. Цѣлью движенія было прямо и непосредственно освобожденіе отъ крѣпостной зависимости: между крестьянами ходила легенда, что въ великороссійскихъ губерніяхъ воля уже дана, и они массами двигались въ сосѣднія [illegible]скіе уѣзды, чтобы ею воспользоваться. Въ движеніи приняло участіе до 10,000 человѣкъ. Готовясь къ наступленію, крестьяне пріобрѣтали ружья, покупали порохъ, лили пули, [illegible] на пики. [illegible], пытавшіеся ихъ остановить, потерпѣли полное пораженіе, — [illegible] военныхъ отрядовъ. По словамъ очевидцевъ, крестьяне шли, „сохра-

ния всѣ военныя предосторожности: впереди обоза шла партія человѣкъ въ полтораста, вооруженныхъ дубинами, пращами, косами и проч.; по сторонамъ, въ серединѣ и въ замкѣ также вооруженные люди". На вопросы вступившихъ съ ними въ переговоры властей они отвѣчали, что „идутъ къ царю показать, какимъ хлѣбомъ ихъ кормятъ паны". Для подавленія движенія пришлось пустить въ дѣло цѣлый пѣхотный полкъ и нѣсколько ротъ отъ другихъ полковъ.

Въ послѣдніе годы жизни Николая Павловича кошмаръ пугачевщины, преслѣдовавшій его всю жизнь, былъ, повидимому, ближе чѣмъ когда-либо къ тому, чтобы стать реальностью. Указъ о „морскомъ ополченіи" (3 апрѣля 1854 г.) вызвалъ рядъ волненій въ Рязанской, Тамбовской, Владимирской и Нижегородской губерніяхъ. „Толпы крестьянъ изъ Рязани отправились даже въ Москву для объявленія своего желанія поступить въ ополченіе", говоритъ одинъ современный документъ. „Вооруженные дубинами и желѣзными пиками, они, на вопросъ станового, — что за люди? — отвѣтили угрозами, чтобы ѣхалъ прочь, или они убьютъ его. Посланы были войска для задержанія этихъ партій и возвращенія ихъ на мѣсто". Манифестъ о государственномъ ополченіи (мартъ 1855 года) вызвалъ въ Кіевской губерніи рядъ бунтовъ: крестьяне поняли его, какъ возстановленіе казачества и толпами шли записываться въ ратники. Въ результатѣ, для усмиренія одной этой губерніи понадобились 16 эскадроновъ, двѣ роты саперовъ и батальонъ егерей. А одновременно на той же почвѣ были безпорядки въ Нижегородской губерніи, въ Симбирской, Саратовской и въ Тверской: всюду крестьяне были убѣждены, что кто три года прослужитъ въ ратникахъ, тому свобода вмѣстѣ съ семьей. Между тѣмъ, по свидѣтельству Самарина, „призывы въ морское и сухопутное ополченіе безспорно были составлены со всевозможною ясностью и осторожностью. Видно, что перомъ сочинявшаго ихъ правило не столько желаніе поднять духъ народный, сколько боязнь безпорядковъ и сопряженныхъ съ ними хлопотъ. Все, что можно было придумать для предупрежденія неосновательныхъ толковъ, которыхъ опасались, было употреблено въ дѣло, и, несмотря на все это, опасенія до нѣкоторой степени оправдались". Потому что, „при современномъ настроеніи крѣпостного сословія, пьяная рѣчь бѣглаго солдата, превратно понятый указъ, появленіе небывалой болѣзни, пріѣздъ государя въ Москву (какъ это было въ 1843 году), всякое происшествіе, почему-либо обращающее на себя вниманіе, можетъ произвести гдѣ-нибудь тревогу и возбудить мгновенно присущую мысль о свободѣ; ничтожный безпорядокъ можетъ также легко перейти въ бунтъ, а бунтъ развиться до общаго возстанія". *)

Новому типу дворянина—предпринимателя, „плантатора"—соотвѣтствовалъ и новый типъ крестьянина, не безсмысленно покорнаго и не безсмысленно бунтовавшаго, а чуявшаго, что гдѣ-то есть новая „правда"—и отыскивавшаго ощупью эту „правду".

*) Сочиненія Самарина. II. 33 стр.

„Параллельно съ развитіемъ системы помѣщичьяго управленія, измѣняется и взглядъ крестьянъ на помѣщиковъ", читаемъ мы въ той же запискѣ Самарина. „Прежняя безграничная покорность крѣпостныхъ людей, доходившая почти до изумительнаго самоотверженія, слабѣетъ съ каждымъ поколѣніемъ, несмотря на то, что суровость и жестокость въ личномъ обращеніи съ ними еще быстрѣе смягчается *). „Народъ сталъ сильно портиться", слышимъ мы безпрестанно изъ устъ старыхъ помѣщиковъ и приказчиковъ. Это значитъ, что теперь уже рѣдко проходятъ безнаказанно такія злоупотребленія, противъ которыхъ лѣтъ 50 назадъ никто бы не сталъ и роптать, и очень часто распоряженія, вовсе не жестокія и не противныя законамъ, но стѣснительныя или придирчивыя, встрѣчаютъ прямое сопротивленіе..."

„Въ какой числительности возрастаютъ ежегодно уголовныя дѣла о неповиновеніи крестьянъ, возмущеніяхъ, убійствахъ и покушеніяхъ на жизнь помѣщиковъ и управляющихъ — это можетъ быть въ точности извѣстно только тѣмъ, кому доступны офиціальные статистическіе матеріалы", замѣчаетъ по этому поводу Самаринъ. „Но несомнѣнно, что число ихъ увеличивается и что многія дѣла этого рода, какъ напримѣръ, неудавшіяся покушенія, поджоги и др., заглушаются на мѣстахъ и до высшаго правительства не доходятъ". Мы уже знаемъ теперь, что относительно послѣдняго Самаринъ былъ вполнѣ правъ. Убійствъ помѣщиковъ офиціально зарегистрировано за 20 лѣтъ съ 1835 по 1854 годъ, 144, а покушеній 75 *); уже одно сопоставленіе этихъ двухъ цифръ ясно показываетъ, что Самаринъ былъ правъ и въ другомъ своемъ предположеніи — что большинство покушеній въ офиціальную статистику не попадало: въ природѣ число неудачныхъ покушеній, по всей вѣроятности, разъ въ 10 превышало число удачныхъ. И уже конечно только въ очень рѣдкихъ случаяхъ доходили до начальства тѣ покушенія особаго рода, о которыхъ сейчасъ же вслѣдъ за этимъ упоминаетъ нашъ авторъ: „по частнымъ, но достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, въ послѣдніе годы въ нѣкоторыхъ подмосковныхъ губерніяхъ, Тульской, Рязанской, Тверской, крестьяне стали довольно часто подвергать своихъ помѣщиковъ *тѣлеснымъ исправительнымъ наказаніямъ*, чего прежде не бывало. Едва ли это не самый вѣрный признакъ паденія правительственнаго авторитета помѣщичьей власти". Статистики поротыхъ помѣщиковъ, конечно, мы не найдемъ, но наличность и распространенность такихъ случаевъ (одинъ изъ нихъ, благодаря Герцену, былъ увѣковѣченъ въ русской литературѣ) засвидѣтельствованы тѣмъ, что нѣкоторые изъ нихъ попали даже въ офиціальные документы **).

Мы сказали, что крестьяне искали новаго права „ощупью". Быть можетъ, болѣе тщательные поиски въ

*) Здѣсь авторъ, конечно, имѣетъ въ виду не ослабленіе системы крѣпостного права, какъ системы, а уменьшеніе случаевъ рукоприкладства".

*) В. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи, II, 580-581.

**) См. напр. [illegible] Семевскаго, стр. [illegible]

мемуарахъ и перепискѣ людей, близко стоявшихъ тогда къ крестьянству, анализъ сектантскаго движенія и т. под. и позволятъ когда-нибудь возстановить революціонную идеологію крѣпостной массы, поскольку она вырабатывалась ею самой. Пока приходится на слово вѣрить современникамъ, дающимъ, можетъ быть, незамѣтно для самихъ себя, подъ видомъ политическаго вѣроисповѣданія крестьянства то, что „народъ“, по ихъ мнѣнію, долженъ былъ исповѣдывать. Съ такой оговоркой, напр., приходится принимать очень стройную формулировку „народной“ идеологіи у Самарина. „Крѣпостное сословіе, хотя, конечно, не сознаетъ отчетливо, зато живо ощущаетъ историческую беззаконность своего обиднаго положенія и по естественному порядку вещей ставитъ его въ вину дворянству. Дворянство разлучило простой народъ съ царемъ. Ставши поперекъ между ними, оно заслоняетъ народъ отъ царя и не допускаетъ до него народныхъ жалобъ и надеждъ. Оно же скрываетъ отъ народа свѣтлый образъ царя, и оттого слово послѣдняго или не доходитъ до простыхъ людей, или доходитъ искаженнымъ. Но народъ любитъ царя и рвется къ нему, и царь съ своей стороны съ любовью смотритъ на народъ, издавна замышляя его избавленіе. Когда-нибудь они откликнутся и черезъ головы дворянъ протянутъ руки другъ другу. Таковы представленія и постепенно зрѣющія надежды 11 милліоновъ людей. Что же помѣшаетъ имъ перейти въ дѣло?“ Но прежде всего таково было представленіе славянофиловъ, къ которымъ принадлежалъ Самаринъ. И трудно сказать, ближе ли оно къ дѣйствительно „народнымъ“ воззрѣніямъ, чѣмъ характеристика петрашевца Ястржембскаго, увѣрявшаго, что „принципомъ зла простой народъ непремѣнно понимаетъ государя“, и ссылавшагося при этомъ на слова одного крестьянина, что помѣщики „хотѣли было ихъ освободить, да государь не захотѣлъ“. Опытъ послѣднихъ лѣтъ долженъ былъ достаточно убѣдить, что между „народомъ“ и „интеллигенціей“ далеко нѣтъ той психологической пропасти, которую одни боялись, а другіе желали видѣть. И что „народъ“ очень легко усваиваетъ себѣ интеллигентскую идеологію, если она отвѣчаетъ его, уже сознаннымъ имъ, интересамъ. Идеологія революціонной интеллигенціи 40-хъ годовъ, поскольку она была демократической и антикрѣпостнической, вѣроятно, могла бы быть усвоена волнующимися массами не труднѣе, чѣмъ это случилось полвѣка спустя. Эта возможность сближенія интеллигентской и народной революціи очень безпокоила Николая Павловича и его полицію. И нельзя не сказать, что въ данномъ случаѣ послѣдняя обнаружила большую чуткость. Она, несомнѣнно, лучше поняла *возможное* революціонное значеніе петрашевцевъ, чѣмъ это сдѣлали нѣкоторые позднѣйшіе ихъ историки.

Въ настоящее время едва ли можетъ быть споръ о томъ, что Петрашевскому не удалось основать серьезнаго конспиративнаго общества: „заговора“ въ настоящемъ смыслѣ слова не было. *) Близко по-

*) Внѣшнюю исторію петрашевцевъ и

[illegible] тогда же. „Впрочемъ, въ ихъ сходбищахъ и собраніяхъ, отличавшихся вообще духомъ, противнымъ правительству, и стремленіемъ къ измѣненію существующаго порядка, не обнаруживалось единства дѣйствій", доносилъ императору Николаю генералъ-аудиторіатъ. „Къ разряду организованныхъ тайныхъ обществъ они тоже не принадлежали и чтобы имѣли сношенія въ Россіи не доказывается никакими положительными данными". Одинъ новѣйшій историкъ сдѣлалъ изъ этого выводъ, что петрашевцы представляли собою „общество литературныхъ журфиксовъ". Большое подспорье такому взгляду представляютъ и позднѣйшія воспоминанія нѣкоторыхъ петрашевцевъ—подъ старость отрекшихся отъ своихъ „увлеченій"—и, естественно, представлявшихъ все дѣло себѣ именно „увлеченіемъ". Въ памяти читающей публики крѣпко засѣла шутливая характеристика Достоевскаго,—сказавшаго какъ-то, что его товарищи, „чуть ли не собирались переводить самого Фурье". Разсматривать фурьеризмъ петрашевцевъ, какъ нѣчто серьезное, конечно, не приходится. Мѣсто этимъ „увлеченіямъ" интеллигенціи 40-хъ годовъ, конечно, въ исторіи литературы, а не въ исторіи общественныхъ движеній. Но даже сыщики императора Николая скоро должны были понять, что суть дѣла здѣсь совсѣмъ не въ фурьеризмѣ. Слѣдственная комиссія не одинъ разъ возвращается къ тому, что тремя *главными* вопросами, дебатировавшимися на знаменитыхъ „пятницахъ", были: [illegible] Петрашевскій [illegible]. Въ разсказѣ двухъ петрашевцевъ, наиболѣе проникнутыхъ „бунтарскимъ духомъ", Черносвитова и Спѣшнева (автора [illegible] „[illegible]", предназначавшейся для членовъ неосуществленнаго тайнаго общества), мы [illegible] на томъ, что самой существенной реформой въ Россіи — „отмѣна крѣпостного состоянія". Только Спѣшневъ разсчитывалъ для этой цѣли на заговоръ, Черносвитовъ—на бунтъ уральскихъ заводовъ, гдѣ онъ брался поднять 400 тысячъ рабочихъ, — а Петрашевскій больше уповалъ на легальныя средства. Легальные пріемы, которые онъ намѣревался пустить въ ходъ, глубоко характерны. То онъ разсчитывалъ на демократизацію мѣстнаго управленія — черезъ посредство использованія только что проведенной тогда въ Петербургѣ и Москвѣ городской реформы *). Въ письмѣ къ одному провинціальному знакомому онъ рекомендуетъ организовать кампанію прошеній отъ мѣстныхъ обывателей въ министерство внутреннихъ дѣлъ—о введеніи и у нихъ городского управленія по петербургскому образцу. „Черезъ это въ завѣдываніи городского хозяйства должны принять участіе тѣ лица въ уѣздныхъ и губернскихъ городахъ, которыя сравнительно съ другими, т. е. съ массою населенія, могли быть названы умственною аристокра-

очеркъ ихъ міросозерцанія см. ниже въ главѣ „Сороковые годы".

*) [illegible]

-ней, и ихъ участіе весьма благодѣ-тельно только быть для общественнаго развитія". То онъ надѣется подстрекнуть предпринимательскіе аппетиты дворянства — и тѣмъ усилить въ его средѣ буржуазное теченіе насчетъ крѣпостническаго. Въ „Запискѣ о способахъ увеличенія цѣнности дворянскихъ или населенныхъ имѣній", распространявшейся Петрашевскимъ во время дворянскихъ выборовъ, онъ первый изъ такихъ „способовъ" видитъ въ замѣнѣ привилегированной дворянской земельной собственности—собственностью буржуазной. „Предоставленіе купцамъ права пріобрѣтать земли, подъ условіемъ дѣлать обязанными крестьянъ, на сихъ земляхъ находящихся, вмѣстѣ съ правомъ голоса и участія въ дворянскихъ собраніяхъ въ качествѣ землевладѣльцевъ", по его словамъ, настолько увеличитъ спросъ на землю, что отъ одного этого „должны обратиться на пріобрѣтеніе земель до 500.000.000 руб. асс. и даже болѣе купеческихъ капиталовъ". То, что носилось въ умѣ Петрашевскаго, было, какъ мы знаемъ, осуществлено земской реформой Александра II, замѣнившей сословный цензъ для участія въ мѣстныхъ дѣлахъ цензомъ имущественнымъ—главнымъ образомъ по землѣ. А послѣднимъ изъ „способовъ" оказывается „улучшеніе формъ судопроизводства и надзора за административными или исполнительными властями. Таковыя усовершенствованія не могутъ не имѣть вліянія на цѣнность имѣній, какъ на все другое, чрезъ усиленіе кредита, наличнаго довѣрія между гражданами".

Какъ видимъ, практическая программа Петрашевскаго была весьма далека отъ всякаго утопизма. Всего семь лѣтъ спустя о „трехъ главныхъ вопросахъ" заговорилъ такой закоренѣлый консерваторъ, какъ Погодинъ, въ одной изъ своихъ записокъ *).

Петрашевцы добивались того, что было необходимо для складывавшагося буржуазнаго общества, какъ вода для рыбы. И именно поэтому они были опасны для николаевскаго режима—и именно поэтому защитники послѣдняго боялись, и совершенно правильно, ихъ вліянія на широкіе общественные круги. Николай привыкъ къ дворянскому либерализму—онъ съ нимъ справился 14 декабря, и неустанно наблюдалъ за нимъ черезъ своихъ жандармовъ. Здѣсь, кромѣ „безвреднаго злорѣчія", о которомъ говорилъ Пушкинъ, теперь

*) „Освободи отъ излишнихъ стѣсненій печать, въ которой не позволяется теперь употреблять даже выраженіе *общаго блага*", взывалъ онъ къ Николаю I. „Не книги опасны, а событія... Печатной артиллеріи европейской мы должны отвѣчать такъ же, какъ осаднымъ пексанамъ Севастополя, а намъ не позволяютъ рта разинуть въ защиту родной земли". А о крѣпостномъ правѣ онъ же писалъ: „Помѣщичье спасеніе — въ дурномъ управленіи государственныхъ имуществъ... Но улучшись жизнь казеннаго крестьянина—будьте увѣрены—заварится каша крутая. Да и теперь, не убиваютъ ли ежегодно до тридцати помѣщиковъ... Вѣдь это все мѣстныя революціи, которымъ не достаетъ только связи, чтобъ получить значеніе особаго рода! Онѣ усмиряются порознь; но несчастные крестьяне, которые, выведенные изъ терпѣнія, берутъ ножъ въ руки и подвергаются зато кнуту и каторжной работѣ въ сибирскихъ рудникахъ, неужели не заслуживаютъ лучшей участи?" См. Барсуковъ, цит. соч. XIII, 195, 166 и др.

[illegible]

[illegible] „Вѣдь мы идемъ смотрѣть, какъ [illegible] [illegible] или убили его“, писалъ петрашевецъ Филипповъ въ своихъ „Десяти заповѣдяхъ“, назначенныхъ, несомнѣнно, для самаго широкаго распространенія. „Развѣ вы не понимаете, что они исполнили волю Божью, и что заслуживаютъ наказаніе, какъ мучители своихъ ближнихъ? Развѣ не будете защищаться, коли нападутъ на васъ разбойники? а помѣщикъ, обижающій крестьянъ своихъ, не хуже ли онъ разбойника?“ „И теперь еще пробѣгаетъ холодный трепетъ по жиламъ при воспоминаніи о видѣнномъ мною кусочкѣ хлѣба, которымъ питаются крестьяне Витебской губерніи“, писалъ въ своемъ дневникѣ другой петрашевецъ, поручикъ Момбели: мы знаемъ уже, что этотъ хлѣбъ витебскіе крестьяне [illegible] „показать царю“. „Мука вовсе не вошла въ его составъ: онъ состоитъ изъ мякины, соломы и еще какой-то травы, не тяжелѣе пуху, и видомъ похожъ на высушенный конскій навозъ, сильно перемѣшанный съ соломою. Хотя противникъ вся-

[illegible] мѣтныхъ соціальныхъ переходовъ. Составъ вновь открытаго „тайнаго общества“ чрезвычайно смутилъ сыщиковъ императора Николая [illegible] ними развернулась совсѣмъ непривычная для ихъ взгляда картина. „Обыкновенные заговоры бывали большею частію изъ людей однородныхъ, болѣе или менѣе близкихъ между собою по общественному положенію“, писалъ въ своемъ донесеніи главный шпіонъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Липранди. „Напримѣръ, въ заговорѣ 1825 года участвовали исключительно дворяне и притомъ преимущественно военные. Тутъ же, напротивъ, съ гвардейскими офицерами и съ чиновниками министерства иностранныхъ дѣлъ рядомъ находятся не кончившіе курсъ студенты, мелкіе художники, купцы, мѣщане, даже лавочники, торгующіе табакомъ“. Характерно, что и самъ Петрашевскій разсчитывалъ въ провинціи именно на этотъ слой,—который мы теперь назвали бы мелкой буржуазіей, или (кто не любитъ марксистскихъ терминовъ) „разночинной интеллигенціей“. Пытаясь конкретнѣе опредѣлить свою „умствен-

ную аристократію", онъ даетъ такой перечень: „кромѣ купцовъ, учителя училищъ, доктора, аптекаря, попы, отставные небогатые чиновники". Дальнѣйшее развитіе капитализма должно было сюда прибавить инженеровъ и техниковъ всякаго рода, земскихъ статистиковъ, агрономовъ, желѣзнодорожныхъ и банковскихъ служащихъ; но уже въ 40-хъ годахъ соціальный субстратъ будущаго революціоннаго движенія опредѣлился, по крайней мѣрѣ, отчасти. Новое революціонное движеніе ни въ коемъ случаѣ не могло уже быть дворянскимъ, но оно не могло еще быть и пролетарскимъ, за отсутствіемъ сколько-нибудь значительнаго пролетаріата,—и ему не дали сдѣлаться крестьянскимъ, во время замѣтивъ опасность. Оно и осталось на тридцать лѣтъ движеніемъ мелко-буржуазной, городской интеллигенціи.

Опасеніе переворота снизу имѣло два послѣдствія. Одно мы уже указали: оно состояло въ ускореніи темпа, который приняли реформы 60-хъ годовъ. Этотъ ускоренный темпъ создалъ у нѣкоторой части русскаго общества иллюзію необыкновенной силы и стремительности буржуазно-либеральнаго движенія. Казалось, что до „увѣнчанія зданія" уже очень недалеко. На самомъ дѣлѣ, дворянство очень скоро раскаялось и въ тѣхъ немногихъ уступкахъ, которыя оно сдѣлало—и совсѣмъ не расположено было къ дальнѣйшимъ. Что же касается „увѣнчанія зданія", то — какими бы подчасъ „недоразумѣніями" между Александромъ II и его дворянствомъ ни была ознаменована реформа 19 февраля—прогрессивная часть дворянства, да и сама крупная буржуазія на этотъ разъ были противъ всякаго ослабленія центральной власти. И въ этой солидаризаціи имущихъ классовъ съ самодержавіемъ заключается *второе* послѣдствіе опасности снизу, почуянной общественными верхами въ концѣ 40-хъ годовъ. Два раза потомъ имѣла мѣсто въ русской исторіи подобная же солидаризація—въ 80-хъ годахъ и на нашихъ глазахъ въ началѣ XX вѣка. И всякій разъ была причина одна и та же: угроза демократической революціи.

Для настроенія нашей буржуазно-помѣщичьей интеллигенціи наканунѣ крестьянской реформы характерно прежде всего отношеніе этой интеллигенціи къ соціализму. Еще недавно предметъ увлеченія не въ однихъ мелко-буржуазныхъ кругахъ, теперь онъ фигурируетъ въ роли пугала, которое выставляютъ передъ самодержавіемъ, чтобы толкнуть послѣднее на путь истинный. Говоря о вредномъ вліяніи крѣпостного права на народное хозяйство, Самаринъ не можетъ припомнить ничего лучше тѣхъ возраженій, какія дѣлались во Франціи въ 1848 году противъ „торжествовавшихъ" якобы тогда соціалистовъ. „Мы рукоплескали издали мужественнымъ противникамъ въ то время торжествовавшей школы", сообщаетъ Самаринъ своему высокопоставленному читателю*),— не безъ явной натяжки, — „и не находили словъ для осужденія соціалистовъ". Но Самаринъ славянофилъ. Быть можетъ, кромѣ того, такія фразы были своего рода „благочестивымъ

*) Его „записка" предназначалась, какъ извѣстно, не для печати, но тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ она и не могла быть напечатана, а для дворянства и высшихъ административныхъ „сферъ".

община“, разсчитывали на то, чтобы снискать благосклонность официальной публики. Но вотъ, что писалъ Кавелинъ въ статьѣ, уже предназначенной для печати и появившейся въ самомъ разгарѣ „эпохи реформъ“: „Различіе сословій, различное участіе ихъ въ государственной и общественной жизни есть явленіе общее всему человѣческому роду, отъ начала міра до нашего времени... Ясно, что неравенство сословій лежитъ не въ обстоятельствахъ, а самой природѣ человѣка и человѣческаго общества, и причину его открыть не трудно. Люди, по физической природѣ, по умственнымъ и другимъ своимъ способностямъ, не равны между собою со дня рожденія. Изъ этого прирожденнаго неравенства вытекаетъ и неравенство цѣлей ихъ дѣятельности: одни предпріимчивы, изобрѣтательны, неутомимы, другіе нѣтъ, одни дѣлаютъ много, скоро, хорошо, другіе мало, медленно и плохо. То, что человѣкъ творитъ во внѣшнемъ мірѣ, становится его собственностью, которую онъ оставляетъ послѣ себя дѣтямъ, или завѣщаетъ ближнимъ; отсюда новый источникъ неравенства. Одни, создавая много, имѣютъ большую собственность; другіе, творя мало, имѣютъ мало принадлежащихъ имъ вещей, или вовсе не имѣютъ собственности... Отчего почти у всѣхъ народовъ рано или поздно создаются *необузданныя теоріи равенства, наполнившія исторію слезами и кровью*, и безусловно отрицающія всякое неравенство, которое однако, какъ мы видѣли, есть основной законъ человѣческихъ обществъ?..“*) Дворяне—по предположенію Кавелина,—будутъ ли то, что крестьяне, [illegible] [illegible], что [illegible] [illegible] [illegible] формы освобожденія). Это не бѣда, что дворянство лишится „[illegible] [illegible] [illegible] преимуществъ и перерождено [illegible] [illegible] равенства съ [illegible] массой и вольется [illegible] [illegible] общихъ результатахъ—[illegible]“**)..

Найдемъ мы то же самое мы встрѣчаемъ и у Чичерина, и ужъ, конечно, у Погодина—правая крайняя и крайняя лѣвая буржуазно-помѣщичьяго либерализма въ этомъ случаѣ сходились. Мы не встрѣтимъ ихъ, конечно, у Герцена: Герценъ уже въ половинѣ 50-хъ годовъ былъ даже для Кавелина „человѣкъ ожесточенный, не сладившій со своимъ самолюбіемъ“ и только что не „злонамѣренный“***). Манчестерская доктрина одинаково господствовала въ эти дни и надъ умами славянофиловъ, и надъ умами западниковъ. „Цѣнность всякаго предмета, выражая отношеніе запроса къ предложенію, устанавливается при условіи полной свободы договаривающихся сторонъ“, читаемъ мы у Самарина. „Чтобы понизить въ Россіи цѣны на хлѣбъ и тѣмъ возвысить благосостояніе владѣльцевъ и крестьянъ“, нужно „свободное установленіе на хлѣбномъ рынкѣ равновѣсія, ниже котораго цѣны на хлѣбъ упасть не могутъ“—вторитъ ему Кавелинъ, по-

*) Собран. соч. II, стр. 111—114. Курсивъ нашъ.

**) Ibid., 150. Курсивъ нашъ.

***) Ibid. 113.

вторая, въ свою очередь, Заблоцкаго-Десятовскаго... Свобода торговли — душа всѣхъ свободъ для просвѣщеннаго буржуа—всегда была одной изъ необходимыхъ исходныхъ точекъ для эмансипаціонныхъ проектовъ. Но изъ свободы торговли западная буржуазія извлекла всѣ свободы. Такъ ли было у насъ? Политическіе взгляды Самарина намъ уже извѣстны; они были весьма далеки отъ политическаго либерализма; нѣсколько позже, когда самодержавію стали грозить цѣлыхъ два противника —дворянская фронда справа и вновь поднявшаяся волна мелко-буржуазной „интеллигентской" революціи слѣва, онъ нашелъ случай еще разъ и еще болѣе энергично подчеркнуть свою солидарность со старымъ политическимъ порядкомъ, смѣшавъ въ одну кучу всѣхъ его враговъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ онъ писалъ (въ письмѣ М. А. Милютиной): „Теперь, какъ 200 лѣтъ назадъ, на всей русской землѣ есть только двѣ живыя силы: личная власть наверху и сельская община на противоположномъ концѣ: но эти двѣ силы вмѣсто того, чтобы быть соединенными, раздѣлены всѣми посредствующими слоями. Эта тупая среда, лишенная всякихъ корней въ народѣ и въ теченіе вѣковъ карабкавшаяся на вершину, начинаетъ храбриться и дерзко кривляться передъ своей собственной, единственной подпорой (доказательство — дворянскія собранія, университеты, пресса и т. д.). Ея крикливыя выходки напрасно пугаютъ власть и раздражаютъ массы. Власть отступаетъ, дѣлаетъ уступку за уступкой безъ всякой пользы для общества, которое дразнитъ власть изъ удовольствія ее дразнить. Но это не можетъ длиться долго, иначе нельзя избѣжать сближенія двухъ полюсовъ—самодержавія и простонародья, сближенія, которое смететъ и раздавитъ все, что находится въ промежуткѣ"... „Конституція—вотъ что составляетъ теперь предметъ тайныхъ и явныхъ мечтаній и горячихъ надеждъ дворянъ", писалъ Кавелинъ въ 1862 году. „Это теперь самая ходячая и любимая мысль высшаго сословія". Какъ же онъ самъ относится къ этой мысли? „Но возможны ли и достижимы ли у насъ политическія гарантіи въ настоящее время?... Мы глубоко убѣждены, что нѣтъ; а слѣдовательно, и мечтать о нихъ теперь нечего". Дальше идетъ довольно сбивчивое доказательство этого: оказывается, что „основныхъ стихій народа у насъ двѣ: крестьяне и помѣщики"; первые слишкомъ невѣжественны, чтобы воспользоваться политической свободой, а дворянская конституція встрѣтила бы „единодушное противодѣйствіе,не только со стороны правительства, но и со стороны массы народа и всего просвѣщеннаго, либеральнаго въ Россіи". Откуда выпрыгнула эта послѣдняя, самая внушительная, сила—просвѣщеннаго либерализма,—тогда какъ раньше констатировалось, только что передъ этимъ, что „о среднемъ сословіи нечего и говорить" — этого, вѣроятно, и самъ Кавелинъ не сумѣлъ бы объяснить. Одно было само по себѣ ясно: крѣпостническую конституцію нельзя было вырабатывать при томъ настроеніи массы народа, которое ближайшимъ образомъ и привело къ 19 февраля. Конституція же не крѣпостническая привела бы къ тому, что, говоря словами Кавелина,

ставились имъ въ другомъ мѣстѣ и по другому поводу — „грубое невѣжественное большинство заступило бы въ управленіи и [illegible] привилегированное меньшинство"... А потому — не надо никакой конституціи...

Форма грядущаго переворота была дана: онъ долженъ былъ отлиться въ актъ самодержавной власти, поддержанной дворянскимъ обществомъ. При такой формѣ онъ не могъ быть „[illegible]", разумѣется [illegible] [illegible]. Мы увидимъ впослѣдствіи, что и [illegible] было [illegible] далеко не полнымъ. Вмѣсто новаго костюма, о которомъ мечтали нѣкоторые, Россія должна была получить нѣсколько довольно пестрыхъ заплатъ на старый. Крайняя лѣвая буржуазной оппозиціи должна была съ этимъ примириться, если она хотѣла, чтобы возъ вообще сдвинулся съ мѣста. Герценъ объявилъ либерализмъ „[illegible]", который „не можетъ укорениться на русской почвѣ". [illegible] гражданской свободы, — которой „простому народу" такъ же не удавалось увидѣть, какъ дворянству конституціи, — мужика утѣшали тѣмъ, что онъ — „человѣкъ будущаго". Въ настоящемъ же все дѣло должно было быть совершено дворянскими руками. „Пусть правительство только позволитъ дворянамъ прямо и открыто заняться этимъ вопросомъ", писалъ Герценъ въ 1853 году: „пусть разрѣшитъ всѣмъ, кто хочетъ, составленіе обществъ, товариществъ для выкупа крестьянъ, для помощи освобожденнымъ..." [illegible]

[illegible] „меньшинства" — такова схема ликвидаціи крѣпостного права у самаго радикальнаго [illegible] публициста 50-хъ годовъ. [illegible] двухъ исходовъ, который предвидитъ Герценъ, или самодержавіе, [illegible] въ томъ, чтобы „переработаться въ демократическое и соціальное самовластье, что, можетъ, не совершенно невозможно". Удачно уклонившись отъ опаснаго опыта демократической революціи, [illegible] должны были считаться съ перспективою, что самодержавіе не только не ослабѣетъ, а наоборотъ, усилится въ результатѣ реформы, что сохраненіе [illegible] дворянства будетъ куплено тяжелой цѣной отказа отъ всякой возможности стать когда-нибудь политической силой. И, конечно, лишь немногіе изъ [illegible] могли утѣшать себя своеобразнымъ максимализмомъ Герцена, увѣрявшаго, что „Россія никогда не будетъ juste milieu", что „Россія никогда не сдѣлаетъ революціи съ цѣлію отдѣлаться отъ царя Николая и замѣнить его царями-представителями, царями-судьями, царями-полицейскими"; что русскому народу не зачѣмъ „проливать [illegible] полурѣшеній, до которыхъ мы (европейцы) дошли и которыхъ вся важность состоитъ въ томъ, что черезъ нихъ мы [illegible] новыхъ стремленій", — такъ какъ лишь очень немногіе согласились бы съ Герценомъ, что „въ то время, какъ [illegible] признается

за знакъ безпорядка и ужасовъ, у насъ, напротивъ, онъ является радугой, пророчащей будущее народное развитіе" *). Это было хорошо для Герцена, но это совсѣмъ не годилось для „реальныхъ политиковъ"—назывались ли они Самариными или Кавелиными.

Но полу-реформа могла привести лишь къ полу-свободѣ и полу-буржуазному режиму. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ крѣпостное право уничтожалось путемъ реформы сверху, отъ него оставались болѣе или менѣе значительные куски. Только тамъ, гдѣ оно подрывалось снизу, медленными, частичными завоеваніями народной массы — или тамъ, гдѣ оно падало одновременно съ демократическимъ переворотомъ (первое, какъ извѣстно, имѣло мѣсто во Франціи и въ Англіи, въ средніе вѣка, второе—въ XIII в. въ Тосканѣ), только тамъ въ деревнѣ торжествовало, дѣйствительно, новое право. У насъ этого быть не могло. И заранѣе можно было предвидѣть, что русскій крестьянинъ останется полу-крѣпостнымъ, и что дѣло сведется къ замѣнѣ въ деревнѣ феодальнаго „внѣ экономическаго принужденія" буржуазнымъ экономическимъ принужденіемъ въ минимальныхъ размѣрахъ — необходимыхъ для того, чтобы парализовать невыгодные для помѣщика результаты барщины. Мы уже упоминали, что новый типъ хозяйства былъ открытъ однимъ помѣщикомъ усиліями собственнаго ума задолго до того, какъ дворянскіе комитеты и комиссіи выработали этотъ типъ сообща, какъ общую норму. Этимъ Колумбомъ пореформенной Россіи былъ А. С. Хомяковъ. Въ концѣ 40-хъ годовъ онъ поставилъ себѣ задачей замѣнить въ своихъ деревняхъ крѣпостныя отношенія—договорными, — не прибѣгая однако къ къ формальному освобожденію крестьянъ по существовавшимъ тогда законамъ (1803 и 1842 годовъ) — такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не отвѣчалъ его требованіямъ. Въ 1850 году онъ писалъ уже одному изъ своихъ знакомыхъ, что ему „удалось въ одной деревнѣ сдѣлать *ряду* съ крестьянами", а еще черезъ два года онъ говорилъ уже о „полномъ успѣхѣ его сдѣлокъ съ крестьянами". Въ чемъ же заключалась эта ряда? Хомякову нужно было поставить своихъ крестьянъ въ необходимость работать на него, не прибѣгая при этомъ къ прямому принужденію,—и избѣгая тѣмъ всѣхъ невыгодъ барщины. Онъ этого достигъ тѣмъ, что, отдавъ въ пользованіе крестьянамъ меньшую часть всей культурной площади (около $^1/_3$), онъ обложилъ ихъ чрезвычайно высокимъ оброкомъ. При этомъ взысканіе оброка должно было производиться „съ величайшей строгостью, посредствомъ продажи имущества, скота и т. д." — „въ этомъ дѣлѣ неумолимая и почти жестокая строгость есть истинно милосердіе". Понятно, что крестьянинъ, которому некуда было податься, — и который былъ привязанъ въ то же время къ деревнѣ своимъ маленькимъ надѣломъ, вынужденъ былъ продавать свою рабочую силу въ барскую экономію. И Хомяковъ съ великимъ удовольствіемъ могъ извѣщать два года

*) Сочиненія Герцена (женевское изданіе), т. V, стр. 198, 209, 215, 233, 279, 283, 289, 292.

[illegible]

Мы увидимъ впослѣдствіи, что [illegible]

[illegible] въ *подъемѣ*.

2

Губернскіе комитеты.

Мы видѣли, что «освобожденіе» крестьянская реформа съ логической неизбѣжностью вытекала изъ основного факта русской исторіи XIX вѣка — развитія капитализма на русской почвѣ. Это положеніе теперь можно считать банальнымъ; но читатель извинитъ насъ за повтореніе этой банальности, если вспомнитъ, что еще на свѣжей памяти читающаго поколѣнія, всего за десять лѣтъ назадъ, это банальное положеніе было самой свѣжей ересью. А что всего двадцать лѣтъ назадъ изслѣдователь „крестьянскаго вопроса въ Россіи" находилъ нужнымъ отвести въ генезисѣ крестьянской реформы моральнымъ чувствованіямъ русскихъ литераторовъ и прожектерству русскихъ чиновниковъ гораздо больше мѣста, чѣмъ объективнымъ условіямъ хозяйственнаго развитія. Если у насъ „нова рожденьемъ знатность", то научное отношеніе къ русскому прошлому [illegible]. Мы видѣли затѣмъ, что изъ этого объективнаго положенія съ такою же логической неизбѣжностью вытекало господство *буржуазной идеологіи* не только среди буржуазіи въ собственномъ смыслѣ, но и среди того класса, который, по принятой классификаціи, [illegible] буржуазіи. Русскіе [illegible] въ дворянскихъ кругахъ 50-хъ годовъ были едва ли менѣе [illegible], чѣмъ въ купечествѣ. Но положеніе русскаго дворянина было объективно противорѣчивымъ въ данномъ случаѣ: ибо, съ одной стороны, онъ долженъ былъ вносить пріемы буржуазнаго хозяйства въ крѣпостную обстановку; съ другой стороны, онъ долженъ былъ съ продуктами своего крѣпостного хозяйства оспаривать мѣсто на рынкѣ у капиталистическихъ производителей. Это объективное противорѣчіе не могло не отражаться на его идеологіи: ставъ буржуа, онъ не пересталъ быть феодаломъ; желая буржуазнаго строя, онъ въ то же время оставался вѣренъ самодержавію. Онъ могъ бы сказать, что въ его груди живутъ двѣ души: одна жаждетъ свободы, другая нуждается въ рабствѣ. Разрѣшенію этого противорѣчія посвящена вся послѣдующая исторія русскихъ владѣющихъ классовъ: ибо тѣ же двѣ души, хотя и въ менѣе дифференцированномъ видѣ, жили въ груди и

подлиннаго русскаго буржуа той эпохи. Буржуазіи періода первоначальнаго накопленія всюду была нужна сильная власть—Англія времени Тюдоровъ, Франція Людовика XIV и Германія первой половины XIX вѣка въ этомъ отношеніи не отличаются отъ Россіи Александра II и Александра III. Но всюду передовые слои буржуазіи, чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе чувствовали неизбѣжность крушенія абсолютизма именно въ процессѣ капиталистическаго развитія. Прибавьте къ этому, что общая опасность взрыва снизу всегда въ такія времена сплачиваетъ всѣхъ власть имущихъ и владѣющихъ, что въ этомъ отношеніи Россія 50-хъ годовъ девятнадцатаго столѣтія ничѣмъ не отличалась отъ Англіи временъ крестьянскихъ бунтовъ, и что только преодолѣвъ эту опасность, можно было безъ риска ослабить гнетъ сверху: и вы получите приблизительно точную картину политическаго настроенія русскаго общества наканунѣ крестьянской реформы. Его нельзя назвать ни либеральнымъ, ни абсолютистскимъ: но оно было одновременно и тѣмъ и другимъ. Въ наши дни такое смѣшеніе противоположностей—остатокъ старины—представляетъ собою „союзъ 17 октября“: но теперь изъ владѣющей массы уже опредѣленно выдѣлились два крыла, одно послѣдовательно буржуазное и въ политической области, другое столь же послѣдовательно феодальное. Критика этихъ крыльевъ и болѣе яркій свѣтъ политическаго сознанія, освѣщающій всю сцену, лишаютъ нашъ современный октябризмъ той наивности и непосредственности, какою отличалось сходное настроеніе конца 50-хъ годовъ. Тогдашніе прогрессивные дворяне были „искренними октябристами“: сочетаніе словъ, которое для насъ звучитъ теперь нѣсколько странно. Но такъ какъ тогдашнее правительство было гораздо правѣе даже самаго праваго изъ современныхъ намъ октябристовъ, то коллизія между самой благонамѣренной буржуазностью и чисто феодальнымъ духомъ традиціонной власти получилась довольно острая. Благодаря этой коллизіи, въ исторіи крестьянскаго дѣла нашелся моментъ, когда дворянское эмансипаціонное движеніе оказалось субъективно либеральнымъ—и это придало реформѣ 19 февраля тотъ налетъ политическаго идеализма, котораго по существу дѣла въ ней не слѣдовало бы ожидать. Правда, дальше налета, дальше словъ дѣло не пошло,—какъ оно и не могло пойти дальше. Но и словъ было достаточно, чтобы въ глазахъ довѣрчиваго потомства капитальный ремонтъ стараго режима показался зарей новой эры. И 19 февраля, какъ 14 декабря 1825 г., обросло своего рода легендой, разрушившейся—далеко не окончательно притомъ—лишь на нашихъ глазахъ.

Въ центрѣ этой легенды стоялъ такъ называемый „общественный характеръ“ реформы—рѣзко противополагаемый „бюрократическому характеру“ крестьянскаго дѣла при Николаѣ I. Выходитъ такъ, что послѣдній какъ-будто стремился освободить крестьянъ безъ содѣйствія правящаго класса Россіи, — почему и потерпѣлъ неудачу, — а Александръ II, понявъ ошибку своего

[illegible]

ми“ было предоставлено доброй во-[illegible] специальный циркуляръ, разъяснявшій, что эту волю правительство [illegible] *). Но Николай Павловичъ не потерялъ надежды склонить на свою сторону помѣщиковъ путемъ убѣжденій—и то, какъ онъ за это принялся, достаточно ясно показываетъ, что его собственная „желѣзная воля“ становилась мягкою, какъ воскъ, при соприкосновеніи съ интересами „первенствующаго въ имперіи сословія“. Упомянутый уже выше его разговоръ съ депутаціей смоленскихъ дворянъ (въ 1847 году) могъ бы служить образцомъ „внутренней дипломатіи“. Николай началъ съ комплиментовъ смоленскому дворянству за его „чувства и рыцарскія правила“. Потомъ заговорилъ о своемъ намѣреніи про-[illegible] черкнувъ, что онъ говоритъ, какъ [illegible] сдѣлалъ его сынъ: интересами самого дворянства. Въ переходѣ кресть-[illegible] ственная возможность предотвратить „крутой переломъ“. Отнюдь не запирая вопроса для дворянскаго обсужденія, онъ просилъ смольнянъ только поговорить объ этомъ „келейно“ [illegible] была опять-таки въ интересахъ того же дворянства,—неосторожная огласка могла взволновать прежде времени крѣпостную массу. Отвѣтъ смоленскихъ дворянъ, послѣ ихъ „келейныхъ“ совѣщаній, показывалъ, что они вовсе не расположены итти навстрѣчу намѣреніямъ своего госу-[illegible]

*) См. [illegible] Стр. [illegible] — 217.

*) [illegible]

ній не сдѣлать ни одной попытки принудить дворянство повиноваться его волѣ. Напротивъ, послѣ февральской революціи онъ даже почувствовалъ потребность торжественно заявить, что эта воля нисколько не расходится съ волею владѣльцевъ крѣпостныхъ людей. Это заявленіе (въ рѣчи къ депутатамъ петербургскаго дворянства, явившимся къ нему въ концѣ 1848 года съ выраженіемъ готовности дворянъ помочь Николаю въ борьбѣ съ европейской революціей) такъ характерно, что мы позволимъ себѣ привести его здѣсь цѣликомъ. „Господа, я не боюсь внѣшнихъ враговъ", говорилъ Николай Павловичъ. „Но у меня есть внутренніе, болѣе опасные. Противъ нихъ-то мы должны вооружаться и стараться сохранить себя, и въ этомъ я полагаюсь на васъ. Благодарю моихъ товарищей-дворянъ здѣшней губерніи за адресъ, который они хотѣли мнѣ поднести. Въ чувствахъ ихъ и привязанности ко мнѣ и къ отечеству я не сомнѣваюсь и за удовольствіе поставляю принадлежать къ ихъ сословію, потому что я и жена моя — мы тоже помѣщики петербургскіе. Между мною и ими, вообще дворянами, было недоразумѣніе, можетъ быть, и неудовольствіе и даже огорченіе; теперь должно быть все забыто. Мы должны крѣпко и дружно взяться за руки, стать около престола и, во главѣ васъ, я непобѣдимъ. Я увѣренъ, что дворянство при первомъ воззваніи готово пожертвовать мнѣ и отечеству не только имѣньемъ, но и жизнью; но въ настоящее время помощь мнѣ не нужна: я надѣюсь управиться своими средствами. Съ горестью однако же я долженъ сказать, что изъ 50 дворянъ я считаю 15 очень хорошихъ, 25 посредственныхъ, а 10 негодныхъ. За этими-то вы, предводители, должны надзирать и принимать мѣры къ ихъ исправленію. *Въ послѣднее время распустили слухи о какой-то эманципаціи. Эта мысль и самые толки о ней нелѣпы.* Въ первомъ моемъ манифестѣ объ обязанныхъ крестьянахъ я объявилъ ясно и опредѣлительно, что земля есть собственность помѣщика; это такое его право, которое никогда не должно быть нарушено. Я всегда дѣйствую откровенно и потому все, что я вамъ теперь говорилъ, вы можете передать всѣмъ и каждому". Одновременно съ этимъ Николай воспользовался первымъ подходящимъ случаемъ, чтобы офиціально, на бумагѣ, заявить, что онъ „отнюдь не имѣетъ намѣренія измѣнить настоящихъ отношеній крестьянъ помѣщичьихъ съ ихъ владѣльцами" *). Смыслъ „реакціи", наступившей въ крестьянскомъ вопросѣ послѣ 48-го года, становится такимъ образомъ совершенно понятнымъ: дворянство въ концѣ 40-хъ годовъ далеко еще не было во всей своей массѣ ни проникнуто убѣжденіемъ въ экономической неизбѣжно-

Фабрики и заводы лишатся въ обѣднѣвшихъ помѣщикахъ своихъ потребителей. Сколько погибнетъ капиталовъ, какое сдѣлается замѣшательство во всей государственной экономіи!..."

*) По поводу представленной наслѣднику помѣщикомъ Огильви записки о крестьянскомъ вопросѣ. См. Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія etc. I, стр. 74—76.

сти эмансипаціи, не опасаясь страхами, что крестьяне начнутъ самовольничать даже, если освобожденіе сверху замедлится. Польскія [illegible] первой половины 30-хъ годовъ [illegible] разъ усилили это последнее чувство. Въ конце Крымской войны, по авторитетному свидетельству Кошелева, многие дворяне „готовы были согласиться на большія пожертвованія и на важное, самое для нихъ обидное прекращеніе крепостного состоянія, лишь бы освободили ихъ отъ страха, возбужденнаго въ нихъ [illegible] народа [illegible] при вторженіи враговъ въ наши пределы“. „Мне случилось тогда видеть [illegible] крепостному страха на людей, [illegible] меня, какъ можно скорее окончить и подать мой проектъ освобожденія крестьянъ“, добавляетъ онъ. Такая полоса страха не могла пройти даромъ,—какъ бы ни были „забыты“ страхи временъ войны черезъ два года, какъ [illegible] замечаетъ дальше Кошелевъ. Въ 1857 году крестьянское дело встретило иную психологическую почву, нежели въ 1842 или 1848-мъ, и этимъ достаточно объясняется какъ „реакціонность“ Николая, такъ и „либерализмъ“ его наследника и верного продолжателя его государственной традиціи. Не трудно было придать реформе „общественный характеръ“, когда большая часть дворянскаго общества была на стороне реформы; и совсемъ невозможно было это сделать, когда большинство помещиковъ видело въ освобожденіи крестьянъ нечто въ роде второго татарскаго нашествія.

Другой вопросъ: зачемъ нужно было правительству поступать при [illegible] „келейно“ [illegible] Николая, [illegible] что [illegible] „Келейно“ [illegible] и въ рескрипте 19 [illegible] было правительство Александра II [illegible] „конституціонный [illegible]“ [illegible] Мы очень погрешили бы противъ истины, [illegible] Александра II и его министровъ. Новое царствованіе было верно традиціи предшествующаго. Оно началось съ торжественнаго заявленія правительства, очень напоминавшаго только что цитированную речь Николая: „Всемилостивейшій Государь Нашъ повелелъ мне ненарушимо охранять права, венценосными Его предками дарованныя дворянству“, писалъ министръ внутреннихъ делъ губернскимъ предводителямъ [illegible] шесть месяцевъ спустя после воцаренія Александра II (въ циркуляре отъ 28 августа 1855 года). Формальный приступъ къ крестьянскому делу былъ обставленъ совершенно такъ же, какъ это бывало при Николае. Первый комитетъ, согласно николаевской традиціи, былъ секретный: открывая его заседанія (3 января 1857 года), государь пригласилъ присутствующихъ хранить всё решенія совещанія „въ величайшей тайне“. Даже впоследствіи, когда дело получило само собою широкую

огласку, всякое новое расширеніе этой огласки вызывало неудовольствіе Александра Николаевича и стремленіе его чиновниковъ зажать ротъ обществу. Когда въ печати появилась (помимо желанія автора) часть весьма благонамѣренной записки Кавелина, трактовавшей о надѣлѣ, выкупѣ и тому подобныхъ, чисто дѣловыхъ вещахъ, Александръ II пришелъ въ негодованіе. Министръ иностранныхъ дѣлъ, кн. Горчаковъ, по протекціи котораго Кавелинъ попалъ въ преподаватели къ наслѣднику, получилъ строгій нагоняй за такую рекомендацію *) — и мятежный профессоръ былъ немедленно уволенъ отъ этой должности. Мало того: Кавелинскій инцидентъ послужилъ непосредственнымъ поводомъ къ спеціальному циркуляру по цензурѣ, въ которомъ послѣдней ставилось на видъ, что она пропускаетъ иногда статьи, „гдѣ предлагаются не тѣ начала, кои указаны правительствомъ, излагается необходимость освободить крестьянъ вполнѣ отъ всякой зависимости помѣщиковъ и даже (!) отъ полицейской ихъ власти“. Все подобное отнынѣ должно было быть совершенно запрещено. Въ результатѣ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ борьбы, „Русскій Вѣстникъ“ съ августа 1858 года закрылъ свой „крестьянскій отдѣлъ“, а „Сельское Благоустройство“, основанное Кошелевымъ спеціально ради обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ реформою, и вовсе прекратилось (въ началѣ 1859 года) „по причинамъ совершенно отъ редакціи не зависящимъ“, какъ заявляла послѣдняя. Влачилъ свое существованіе и то съ затрудненіями — только защищавшій интересы помѣщиковъ „Журналъ Землевладѣльцевъ“. Но и распространенію мнѣній помѣщиковъ старались, по возможности, положить границу: журналы губернскихъ комитетовъ запрещено было не только печатать въ газетахъ и другихъ повременныхъ изданіяхъ, но даже печатать и литографировать для членовъ комитетовъ. Послѣднее настолько стѣсняло занятія комитетовъ, что имъ пришлось начать борьбу за „свободу печати“, по крайней мѣрѣ, въ ихъ внутреннемъ обиходѣ: министерство нехотя уступило. Кульминаціоннымъ пунктомъ торжества николаевской традиціи былъ знаменитый циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, запрещавшій даже дворянскимъ собраніямъ входить въ какія бы то ни было „сужденія по предметамъ, до крестьянскаго вопроса касающимся“ (ноябрь 1859 года). И хотя циркуляръ былъ непосредственно вызванъ нѣкоторыми спеціальными осложненіями, которыя мы впослѣдствіи разсмотримъ подробно, — тѣмъ не менѣе въ немъ не приходится видѣть чего-либо исключительнаго, — напротивъ, онъ былъ вполнѣ въ духѣ всей „системы“.

Итакъ, когда Александръ Николаевичъ въ манифестѣ о восшествіи на престолъ обѣщалъ быть орудіемъ „желаній и видовъ“ „незабвеннаго Нашего родителя“, онъ былъ,

---

*) Любопытнѣе всего, что Горчаковъ даже и не самъ рекомендовалъ Кавелина — въ этомъ былъ „виноватъ“ его пріятель Титовъ. Тѣмъ не менѣе Горчакову за свою „прикосновенность“ къ этому дѣлу пришлось выслушать выговоръ въ совѣтѣ министровъ.

[illegible] правительства Александра II, на первыхъ порахъ, [illegible] но что съ его стороны не было обдуманной цѣли и расчета: это [illegible]; такъ что понимали и тогдашними правительственными дѣятелями, и вовсе не только „крѣпостниками“ — а и такими, какъ Н. А. Милютинъ. Вся исторія редакціонныхъ комиссій есть исторія попытки правительства вернуть себѣ разъ утерянную иниціативу: и не кто другой, какъ Милютинъ, въ достиженіи этой цѣли видѣлъ главное условіе успѣха.

Одной изъ причинъ безпомощности правительства на первыхъ шагахъ крестьянской реформы была, конечно, его совершенная теоретическая неподготовленность. „Нельзя не выразить удивленія“, пишетъ одинъ хорошо освѣдомленный современникъ, „что правительство, приступая къ столь важному дѣлу, нисколько не было къ оному подготовлено и [illegible]

[illegible] студенту, готовящемуся къ экзамену — [illegible] авторовъ частныхъ проектовъ. Любопытно, что эта частная иниціатива не только снабдила правительство теоретическими свѣдѣніями, но подсказала ему и ту практическую форму, въ [illegible] „редакціонныхъ комиссій“ мы находимъ прежде всего въ одной частной запискѣ Кавелина, причемъ проектируемый имъ примѣрный [illegible] Такъ какъ и идея губернскихъ комитетовъ была подсказана правительству частной иниціативой — [illegible] Н. А. Милютина, но состоявшаго въ сильномъ подозрѣніи [illegible]

[illegible]

чаѣ по порученію частнаго лица *), то чрезвычайно трудно сказать, что во всемъ предпріятіи можетъ быть отнесено на долю собственно правительственнаго творчества. Это неумѣнье „шагу ступить“ въ начатомъ дѣлѣ, конечно, сильно обусловливало исканіе поддержки со стороны общества. Но однямъ этимъ объяснять отступленіе отъ николаевской традиціи было бы неосторожно. Русское правительство и раньше, и послѣ неоднократно имѣло случаи доказывать, что ученостью его не обморочишь—и что у него достаточно мужества, чтобы браться за разрѣшеніе вопросовъ, къ которымъ оно совершенно не подготовлено. Притомъ же свѣдущихъ людей изъ общества можно было добыть на гораздо менѣе убыточныхъ условіяхъ—не давая имъ рѣшающаго голоса, какой вначалѣ несомнѣнно былъ обѣщанъ губернскимъ комитетамъ, — а пригласивъ ихъ въ скромномъ качествѣ экспертовъ, какъ это и было впослѣдствіи сдѣлано для редакціонныхъ коммиссій. Но когда начали дѣйствовать редакціонныя комиссіи, въ 1859 году, правительство уже твердо сидѣло въ сѣдлѣ и было увѣрено, что оно сможетъ собственными силами довести дѣло до конца. За два года раньше этой увѣренности у него далеко не было—ему казалось, что почва подъ нимъ трясется, что катастрофа неминуема и близка, и эта-то атмосфера *испуга* ближайшимъ образомъ объясняетъ намъ, почему николаевскій режимъ, во всемъ цвѣтѣ и красѣ стоявшій еще въ первые годы новаго царствованія, унизился до заискиванія передъ общественнымъ мнѣніемъ. Позже онъ раскаялся въ своемъ паденіи—и подъ конецъ далъ этому общественному мнѣнію рядъ грубыхъ пинковъ, начиная съ упомянутаго уже нами циркуляра, запрещавшаго дворянамъ разсуждать о дѣлѣ, которое всего ближе ихъ касалось, и кончая назначеніемъ въ предсѣдатели редакціонныхъ комиссій человѣка, единственнымъ достоинствомъ котораго было, что онъ не смѣлъ разсуждать вовсе. Но вначалѣ страхъ бралъ верхъ надъ всѣмъ. Страхъ былъ преобладающимъ чувствомъ тѣхъ, кто, подъ покровомъ „строжайшей тайны“, призванъ былъ работать надъ освобожденіемъ крестьянъ въ секретномъ комитетѣ. „Мы начали великое дѣло“, писалъ предсѣдатель его, кн. Орловъ, своему сыну: „*я не обманываю себя и знаю, что оно не обойдется безъ безпорядковъ и возмущеній*, но не сомнѣваюсь, что съ благоразуміемъ мы совершимъ его успѣшно. Если будутъ возстанія, надо быть безпощадно строгимъ, не теряя времени (il faudra sévir juste et fort)“. „Возстаніе“, „мятежъ“ — вотъ что прежде всего представлялось уму ближайшаго довѣреннаго лица императора при мысли объ освобожденіи крестьянъ. И не веселѣе смотрѣлъ на дѣло самъ императоръ. Мрачныя предчувствія сквозятъ изъ каждой фразы его знаменитаго обращенія къ московскимъ дворянамъ. „Было нѣсколько случаевъ неповиновенія крестьянъ помѣщикамъ“, слышимъ мы въ самомъ началѣ этой короткой

*) Вел. княгини Елены Павловны. Задумавъ освободить крестьянъ своего полтавскаго имѣнія, Карловки, она обратилась за совѣтомъ къ Милютину — и тотъ присовѣтовалъ ей обсудить дѣло въ комитетѣ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ.

рѣли. А теперь двѣ фразы: „мы живемъ въ такомъ вѣкѣ, что современемъ это (освобожденіе) должно случиться"... „Гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу..."*). „Спасайтесь, пока не поздно" — такъ можно резюмировать это обращеніе. Но [illegible] менѣе знаменитаго, чѣмъ эта рѣчь, проекта осуществить крестьянскую реформу при посредствѣ временныхъ генералъ-губернаторовъ съ чрезвычайными полномочіями — показываетъ, что Александръ Николаевичъ не только пугалъ другихъ, но и совершенно искренно боялся самъ. Противъ этой мѣры было, какъ извѣстно, и само министерство внутреннихъ дѣлъ, къ этому времени (лѣто 1858 года) уже убѣдившееся, что страхи передъ бунтомъ совершенно неосновательны. Ланской подалъ Александру II записку, составленную Арцимовичемъ при ближайшемъ участіи Милютина, гдѣ доказывалось весьма убѣдительно, что военное положеніе среди полнаго спокойствія будетъ излишней роскошью. Императоръ былъ очень разгнѣванъ этимъ дерзкимъ намекомъ на то, что онъ безпокоится совершенно понапрасну — и въ своихъ замѣчаніяхъ на записку далъ полную волю какъ своему раздраженію, такъ и своей мрачной фантазіи. „Все это такъ", писалъ онъ въ отвѣтъ на заявленіе Ланского о полномъ спокойствіи массъ, „пока народъ находится въ ожиданіи, но кто можетъ поручиться, что когда новое положеніе будетъ приводиться въ исполненіе и народъ увидитъ, что ожиданія его, т. е. свобода по его разумѣнію, не сбылись, не настанетъ ли для него минута разочарованія? Тогда уже будетъ поздно посылать отсюда особыхъ лицъ для усмиренія. Надобно, чтобы они были уже на мѣстахъ. Если Богъ сохранитъ и все останется спокойно, тогда можно будетъ отозвать временныхъ генералъ-губернаторовъ". — „Мы должны быть готовыми ко всему", читаемъ мы дальше. „Эти всѣ опасенія (т. е. опасенія, что раздѣленіе Россіи на генералъ-губернаторства принесетъ одинъ вредъ) возбуждены людьми, которые желали бы, чтобы правительство ничего не дѣлало, дабы имъ легче было достигнуть ихъ цѣли, т. е. ниспроверженія законнаго порядка". Потомъ „эти люди" названы прямо: оказывается, это были, ни болѣе, ни менѣе, директора департаментовъ министерства внутреннихъ дѣлъ (т. е., прежде всего все тотъ же „красный" Милютинъ)... „Красный призракъ" въ мундирѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника — дальше этого едва ли могло итти самое встревоженное воображеніе. Но, бросая яркій свѣтъ на настроеніе Александра Николаевича въ первые годы реформы, этотъ драгоцѣнный документъ вскрываетъ передъ нами еще одну черту, окончательно обрисовывающую позицію правительства: правительство прекрасно сознавало, что свобода, которую оно собирается дать, будетъ не настоящей, не той, которую ожидаетъ народъ — и что непосредственнымъ результатомъ освобожденія будетъ „разочарованіе" народной массы. Если мы не ошибаемся, нѣтъ документа,

*) Мы беремъ неофиціальный текстъ, гораздо лучше сохранившій впечатлѣніе живой рѣчи, нежели напечатанный впослѣдствіи офиціальный редакціи.

[illegible] въ *классовомъ* характерѣ реформы признавались бы откровеннѣе.

Правительство Александра II не бралось приготовить „разочарованіе“ народу исключительно своими усиліями и за своей личной отвѣтственностью. Дворянство должно было всего больше выиграть отъ реформы — дворянство и должно было приложить къ ней руку и взять на себя часть отвѣтственности. Послѣ Севастополя, какъ и послѣ Тильзита, самодержавіе нуждалось въ людяхъ, которые раздѣлили бы съ нимъ опасность стать жертвою „всеобщаго негодованія“,—нѣкогда, по извѣстнымъ словамъ Бибикова, создавшаго Пугачева. Но насколько холодно отнеслось дворянство къ заискиваніямъ правительства послѣ Тильзита—настолько теплаго участія могло ожидать правительство теперь. Потому что само дворянство было напугано нисколько не менѣе. Министерство внутреннихъ дѣлъ было засыпано донесеніями предводителей дворянства, полными самыхъ мрачныхъ ожиданій. „Неизвѣстно, что готовитъ намъ будущее“, писалъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ: „тѣмъ болѣе, что войска, кромѣ двухъ батальоновъ, во всей губерніи нѣтъ. Всѣ распущенные изъ полковъ солдаты разсыпаны по деревнямъ и при первомъ случаѣ станутъ во главѣ всякаго безпорядка. На земскую полицію разсчитывать невозможно“. Повидимому, отпускныхъ солдатъ больше всего боялось и правительство. Не даромъ министръ внутреннихъ дѣлъ въ циркулярѣ губернаторамъ и предводителямъ дворянства (въ апрѣлѣ 1856 г.), рекомендовалъ особенному вниманію послѣднихъ „отставныхъ и безсрочно отпускныхъ нижнихъ чиновъ, которые будутъ приходить въ селенія, изъ коихъ первоначально поступили на службу“. И хотя министръ счелъ долгомъ выразить надежду, что „сіи заслуженные воины“ „подадутъ добрый примѣръ“ крестьянамъ, тѣмъ не менѣе подъ его перо какъ-то случайно тутъ же попало „отклоненіе отъ законнаго порядка и отъ повиновенія помѣщичьей власти“. Крайне характерно это косвенное свидѣтельство о настроеніи николаевской арміи на другой день послѣ Севастополя. Итакъ, страхъ былъ общимъ чувствомъ, — какъ въ центрѣ, такъ и на мѣстахъ. Воззванія правительства должны были теперь гораздо легче найти благосклонныхъ слушателей, чѣмъ въ 1809 году. Но, при общности страха, помѣщики, ближе стоявшіе къ деревнѣ и могшіе поэтому болѣе конкретно представить себѣ опасность, все же менѣе теряли голову. Ни частные разговоры Александра II съ предводителями, ни даже московское обращеніе не заставили ихъ, безъ всякихъ условій и даромъ, броситься на вызовъ самодержавія. Частные разговоры товарища министра внутреннихъ дѣлъ, Левшина, съ дворянами въ Москвѣ (во время коронаціи въ августѣ 1856 года) тоже ни къ чему не привели. Дворяне не хотѣли играть въ темную и желали, чтобы правительство показало имъ свои карты—дало нѣкоторыя торжественныя обѣщанія, на которыя потомъ можно было бы опереться, на почвѣ которыхъ, въ случаѣ нужды, можно было бы даже вести борьбу противъ возможныхъ капризовъ сверху. Пришлось уступить. Такъ какъ наибо-

не предусмотрено только в частных разговорах. За лучшее [illegible] позволь себѣ доверчиво обнадеживать губерній*), но [illegible] 20 ноября 1857 г. последовал рескрипт Александра II на имя виленскаго и гродненскаго генерал-губернатора, Назимова.

По господствующей традиціи, этот рескрипт составляет эпоху в крестьянском дѣлѣ. Зная такую его репутацію, вы готовитесь встрѣтить в нем нѣчто совершенно новое — и встрѣчаете старую знакомый нам закон 1842 года об обязанных крестьянах. Вот главныя положенія рескрипта:

1) Помѣщикам сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянам оставляется их усадебная осѣдлость, которую они в теченіе опредѣленнаго времени пріобрѣтают в свою собственность посредством выкупа; сверх того, предоставляется в пользованіе крестьян надлежащее, по мѣстным удобствам, для обезпеченія их быта и для выполненія их обязанностей пред правительством и помѣщиком, количество земли, за которую они или платят оброк или отбывают работу помѣщику.

2) Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества, помѣщикам же предоставляется вотчинная полиція и

3) При устройствѣ будущих отношеній помѣщиков и крестьян должна быть надлежащим образом обезпечена исправная уплата государственных и земских податей и денежных сборов.

Отличіе этой программы от закона 1842 года заключалось главным образом в том, что послѣдній совершенно предоставлял [illegible] крестьян в землѣ, — а рескрипт 1857 года настаивал на [illegible] [illegible] в эту усадьбу, и [illegible] в широкой [illegible] [illegible]. Но [illegible] буквами в рескриптѣ [illegible] сказано, что крестьяне остаются крѣпкими [illegible] им выдало освобожденіе. [illegible] совершенно [illegible] это [illegible] рескрипт [illegible] генерал-губернатору Назимову [illegible] „в [illegible] управленіи [illegible] сельской полиціи". [illegible] Принявъ все это въ соображеніе, мы увидимъ, что разница со старымъ проектомъ [illegible] только въ установленіи [illegible] права [illegible] на ихъ усадьбы — которыя предоставлялись „обязаннымъ" крестьянамъ [illegible]

*) [illegible] губернскихъ [illegible] Т. II, стр. 227 и сл.

пользованіе. Но это установленіе крестьянской собственности на клочокъ земли, не имѣвшей никакого хозяйственнаго значенія, преслѣдовало свою особую цѣль—вполнѣ откровенно раскрытую въ другомъ „отношеніи“ того же министра,—по поводу рескрипта петербургскому ген.-губернатору Игнатьеву (отъ 5 декабря), аналогичнаго съ назимовскимъ. Дѣло въ томъ, что усадьбу крестьяне обязаны были *выкупать*; „размѣръ выкупа“, пояснялъ министръ, „опредѣляется оцѣнкой не одной усадебной земли и строеній, но и *промысловыхъ выгодъ* и *мѣстныхъ удобствъ*“. Другими словами, заставляя крестьянина выкупать усадьбу, можно было заставить его выкупить и оброкъ, который онъ платилъ барину за право уходить на промыселъ, т. е. заставить крестьянина выкупить и свою *личность*. А до взноса выкупа за усадьбу крестьянинъ не получалъ и личной свободы. Такимъ образомъ съ самаго начала была пущена на выкупъ не только земля, но и право на людей, жившихъ на этой землѣ. Эта идея вовсе не прокралась въ реформу незамѣтно, благодаря проискамъ „крѣпостниковъ-помѣщиковъ“: честь ея изобрѣтенія принадлежитъ правительству—тому самому правительству, которое потомъ съ такимъ истинно-пуританскимъ лицемѣріемъ преслѣдовало всякое упоминаніе о выкупѣ личности. Въ самомъ дѣлѣ, „путь былъ указанъ“, лазейка была оставлена съ самаго начала. Къ чему же компрометировать „святое дѣло“, грубо выставляя на показъ голые классовые инстинкты?

Итакъ, правительство Александра II начало съ того, на чемъ остановился Николай I: традиція, связывающая два царствованія, еще разъ выступаетъ передъ нами со всей отчетливостью. Дворянству вторично предлагали то, отъ чего оно отказалось въ 40-хъ годахъ. И новость заключалась въ томъ, что теперь оно и не думало отъ этого отказываться. Крѣпостное право собирались ликвидировать вполнѣ согласно съ выгодами помѣщиковъ, и, что еще важнѣе, при ихъ активномъ участіи. Это разумѣлось само собой при основаніи дворянскихъ комитетовъ: чрезвычайно характерно тутъ прежде всего то, что составъ этихъ комитетовъ былъ чисто классовый. Въ противоположность редакціоннымъ комиссіямъ, гдѣ были соединены помѣщики и чиновники, притомъ первые по выбору и назначенію правительства, въ комитетахъ были только помѣщики. Комитеты состояли изъ выборныхъ дворянскихъ депутатовъ, по два на уѣздъ, и назначенныхъ администраціей, по два на губернію: но послѣдніе, помимо того, что они всегда составляли ничтожное меньшинство, брались непремѣнно изъ числа мѣстныхъ же землевладѣльцевъ. Такимъ образомъ комитеты выражали помѣщичью классовую точку зрѣнія съ такой чистотой, какъ только это было возможно. Но эта точка зрѣнія не должна была остаться господствующей только на низшей ступени, въ подготовительной стадіи. По первоначальному проекту она должна была быть широко представлена и при окончательномъ рѣшеніи дѣла. Офиціально это было выражено въ довольно сдержанной формѣ,—оказавшей по-

тѣмъ большія уступки правительству, когда оно получило возможность отвертеться отъ своихъ первоначальныхъ обѣщаній. Высочайшее повелѣніе гласило: 1) „предоставить каждому губернскому комитету объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, по составленіи въ комитетѣ проекта, избрать по своему усмотрѣнію и прислать въ С. Петербургъ двухъ членовъ для представленія высшему правительству всѣхъ тѣхъ свѣдѣній и объясненій, кои оно признаетъ нужнымъ имѣть при окончательномъ обсужденіи и разсмотрѣніи таковаго проекта... 10) предоставить главному комитету также право, если онъ признаетъ нужнымъ, приглашать и въ свои засѣданія членовъ, командированныхъ губернскими комитетами, а также требовать отъ нихъ нужныя свѣдѣнія и объясненія“. Буквально, отсюда не вытекало еще больше *совѣщательнаго* голоса для представителей дворянства,—да и то не навѣрное. Но этотъ сдержанный языкъ казеннаго документа получилъ высоко компетентное разъясненіе въ рѣчахъ самого императора, къ которымъ дворяне были вправѣ относиться съ большимъ довѣріемъ, чѣмъ къ какой бы то ни было бумагѣ. Въ концѣ лѣта 1858 г., въ разгаръ дѣятельности губернскихъ комитетовъ, Александръ Николаевичъ совершилъ большую поѣздку по сѣверной и средней Россіи и во всѣхъ губернскихъ городахъ держалъ къ дворянамъ рѣчи о крестьянскомъ дѣлѣ. Смыслъ этого обращенія былъ совершенно ясенъ: самодержавная власть предлагала думать, что она нуждается въ поддержкѣ дворянства. Это было сказано не разъ и прямо въ обращеніи къ тверскимъ дворянамъ. „Я увѣренъ, что могу быть покоенъ“, сказалъ Александръ II, „вы Меня поддержите и въ настоящемъ дѣлѣ“. И тутъ же, въ непосредственной связи съ этимъ, было дано [illegible] разъясненіе [illegible] высочайшему повелѣнію отъ 15 іюля: „я уже приказалъ сдѣлать распоряженіе, чтобы изъ каждыхъ [illegible] членовъ было избрано [illegible] депутатовъ для присутствія и общаго обсужденія въ Петербургѣ, при разсмотрѣніи положенія всѣхъ губерній въ главномъ комитетѣ“. Что бы ни думалъ при этихъ словахъ самъ ораторъ—можно согласиться, что онъ не соединялъ съ ними черезчуръ отчетливыхъ представленій—но слушатели могли ихъ понять только однимъ образомъ: что крестьянское дѣло будетъ рѣшено при участіи выборныхъ отъ дворянства.

Какъ въ 1842 году дѣло оставлено на волю каждаго дворянина въ отдѣльности, такъ въ 1857 году оно, казалось, съ перваго до послѣдняго шага должно было зависѣть отъ воли всего дворянства въ цѣломъ. Тогда на призывъ откликнулись три дворянина,—теперь навстрѣчу правительству пошло дворянство всѣхъ губерній *). Уже самая кар-

*) Рескриптъ 20 ноября 1857 года был [illegible]

тина открытія комитетовъ, съ молебнами и обѣдами, съ тостами въ честь Александра II и рѣчами во славу русскаго дворянства, съ балами, на которыхъ гремѣла музыка крѣпостныхъ оркестровъ,—показывала, что приступъ къ крестьянской реформѣ не былъ тѣмъ тяжелымъ ударомъ для „крѣпостниковъ-помѣщиковъ", какимъ его иногда представляли себѣ впослѣдствіи. Находились, конечно, отдѣльные ворчуны-старовѣры, которымъ претили самые разговоры объ освобожденіи крестьянъ, находились Коробочки, владѣлицы десятковъ душъ, которымъ реформа въ самомъ дѣлѣ была невыгодна, но ни тѣ, ни другіе не пользовались никакимъ вліяніемъ въ губернскомъ обществѣ. Изъ всѣхъ 1.377 членовъ губернскихъ комитетовъ ни одинъ не выступилъ на защиту стараго порядка въ его неприкосновенномъ видѣ.

И было бы очень неосторожно объяснять это холопствомъ русскихъ дворянъ того времени,—ибо тѣ же самые дворяне за десять лѣтъ передъ тѣмъ не боялись же давать отповѣдь самому Николаю Павловичу,—выглядѣвшему, конечно, болѣе страшно, чѣмъ его куда болѣе обходительный и доступный преемникъ. Напротивъ, прислушиваясь къ рѣчамъ, раздававшимся на этихъ торжествахъ, мы улавливаемъ скорѣе нотки ликованія и самодовольства, — нѣсколько преждевременнаго, какъ показали событія. Воспѣтый впослѣдствіи Щедринымъ „Новый Нарциссъ" расцвѣлъ во всей красѣ впервые именно въ губернскихъ комитетахъ. Еще ничего не сдѣлавъ, дворяне уже умилялись по поводу своей доброты и своего великодушія. Вотъ, напримѣръ, какъ говорилъ херсонскій губернскій предводитель Касиновъ на обѣдѣ, которымъ, разумѣется, было ознаменовано открытіе губернскаго комитета: „четыре дня тому назадъ, движимые благою и всеобъемлющею мыслію августѣйшаго монарха, мы собрались здѣсь, въ этой же залѣ, для предварительнаго, но гласнаго разрѣшенія великой задачи, въ которой цѣлая Россія принимаетъ участіе семейное. Труденъ казался вопросъ!

губерніи (петербургскіе дворяне за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ хлопотали о разрѣшеніи заняться крестьянскимъ вопросомъ). Первой откликнулась на призывъ Нижегородская губернія (постановленіе дворянскаго собранія 17 декабря и отвѣтный рескриптъ 24-го декабря — скорость безпримѣрная въ русскихъ офиціальныхъ сношеніяхъ до тѣхъ поръ). Затѣмъ 7 января 1858 года послѣдовало подобное же постановленіе московскаго дворянства—вовсе не особенно опоздавшаго, какъ обыкновенно думаютъ: явная немилость къ нему была только мотивирована его якобы медленностью, а на самомъ дѣлѣ объяснялась тѣмъ, что московскіе дворяне осмѣлились „свое сужденіе имѣть", намекнувъ, что рескрипты для нихъ не обязательны. Прочія губерніи на самомъ дѣлѣ отстали значительно: въ Оренбургской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Кіевской, Подольской, Волынской, Орловской и Тверской губерніяхъ комитеты появились только въ *мартѣ*; въ Астраханской, Новгородской, Казанской, Рязанской, Костромской, Екатеринославской, Тамбовской, Полтавской, Харьковской, Пензенской, Воронежской и Курской—только въ *апрѣлѣ*, въ остальныхъ еще позже. Впрочемъ, моменты офиціальнаго учрежденія комитета и фактическаго начала его дѣйствій невсегда совпадали: такъ, комитеты сѣверо-западныхъ губерній, къ которымъ былъ обращенъ рескриптъ 20 ноября, открылись въ февралѣ-мартѣ, московскій началъ свою работу въ апрѣлѣ, кіевскій и симбирскій—только въ іюнѣ.

[illegible] отрѣшиться отъ нашихъ личныхъ интересовъ, отъ нашихъ сердечныхъ увлеченій. И мѣсто разрѣшенія [illegible], честно, по-русски! Сколько [illegible] каждый изъ насъ, [illegible] убѣжденіе, что какой бы ни былъ [illegible] вопросъ въ любезномъ отечествѣ нашемъ, онъ всегда будетъ разрѣшенъ цѣлой Россіей, какъ одной семьей, какъ [illegible], мирно, по-русски!" „Продолжительное „ура" отвѣтило на эти слова", добавляетъ передающій эту рѣчь современникъ, „и [illegible] тостъ [illegible] въ честь предводителя".

Такъ говорили [illegible] провинціалы; но отъ нихъ не отставала и дворянская интеллигенція. Профессоръ Кавелинъ—тогда еще не подвергшійся опалѣ—говорилъ на знаменитомъ московскомъ обѣдѣ (28 декабря 1857 года): „просвѣщеннѣйшему сословію, стоящему выше другихъ, интересы котораго существенно зависятъ отъ того или другого рѣшенія задача, предоставлена въ немъ самая дѣятельная роль. *Въ этомъ, [illegible], скрывается глубокое нравственное начало, составляющее вѣрный залогъ мирнаго успѣха*(!). Кто просвѣщеннѣе другихъ, тотъ, естественно, и разумнѣе; кто высоко стоитъ на общественной лѣстницѣ, тотъ и способнѣе обсудить дѣло со стороны не только частной выгоды, но и всенародной пользы, у кого право и власть, тотъ отвѣчаетъ за свои дѣйствія передъ Богомъ, отечествомъ и исторіей, а высокое призваніе поднимаетъ нравственно каждаго человѣка..." Оказывалось такимъ образомъ, что дворяне, именно потому, что они были владѣльцами [illegible], чтобы не [illegible] [illegible]. И это говорилъ не какой-нибудь [illegible], а одинъ изъ самыхъ [illegible] публицистовъ своего времени, говорилъ, несомнѣнно, искренно въ минуту большого душевнаго подъема. Форма, въ которую облекся этотъ подъемъ, тоже необычайно характерна: выпивъ рядъ тостовъ за Александра II, цвѣтъ московской интеллигенціи, собравшійся въ залѣ купеческаго собранія, хоромъ пропѣлъ „Боже, Царя храни" передъ царскимъ портретомъ. И нѣтъ надобности прибавлять, это было тоже совершенно искренно: люди были такъ умилены на себя и такъ довольны собой, жизнь казалась имъ такой полной и гармоничной, что они не могли не чувствовать горячей благодарности къ виновнику своего счастья. Въ эти дни то лояльное чувство, которое, какъ мы видѣли *), вообще проникало эмансипаціонное движеніе сверху донизу, отличалось особенной напряженностью, и всякое другое правительство, вѣроятно, сумѣло бы превосходно использовать подобный моментъ для того, чтобы прочно закрѣпить на своей сторонѣ общественное мнѣніе. Нужно было быть министрами и чиновниками, воспитанными въ николаевской школѣ, чтобы общество, даже такъ настроенное, оттолкнуть отъ себя и сдѣлать своимъ врагомъ. Но моментъ столкновенія былъ еще не близокъ — 28 декабря его никто не предчувствовалъ.

*) См. [illegible]

Въ знаменитомъ обѣдѣ была еще и другая любопытная черта,—на которую менѣе обратили вниманія и современники, и историки, но которая не меньше заслуживаетъ вниманія. Этой чертой было братаніе дворянства съ передовой буржуазіей. О послѣдней напомнилъ прежде всего профессоръ политической экономіи Бабстъ. „Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія", сказалъ онъ, „говорилъ Шторху одинъ изъ фабрикантовъ, родоначальниковъ нашей мануфактурной промышленности, что послѣдняя не можетъ широко развиваться при обязательномъ крѣпостномъ трудѣ". Слова Бабста вызвали единодушное одобреніе всего собранія. Но еще выразительнѣе была рѣчь откупщика Кокорева, которой ему не удалось произнести на самомъ обѣдѣ и о которой напечатавшій ее „Русскій Вѣстникъ" выразился, что это — „не рѣчь, а поступокъ". Основная идея этого „поступка"—что освобожденіе крестьянъ сулитъ въ будущемъ огромныя выгоды именно купечеству, буржуазіи. „Когда новый порядокъ сообщитъ довольство крестьянамъ, тогда вся торговля разовьется и приметъ другіе размѣры, значитъ, и мы, купцы, будемъ имѣть новую огромную выгоду". Отсюда Кокоревъ дѣлалъ выводъ, что купечество должно прійти на помощь своими капиталами неизбѣжной при ликвидаціи крѣпостного права выкупной операціи. Это были только однѣ фразы; какъ мы знаемъ, крестьянамъ пришлось самимъ выкупать себя. Но вѣдь и все остальное, говорившееся на этомъ обѣдѣ, были только однѣ фразы—и сомнѣваться въ искренности Кокорева мы такъ же мало имѣемъ права, какъ и сомнѣваться въ искренности Кавелина. А то сочувствіе, съ какимъ была встрѣчена рѣчь Кокорева дворянской интеллигенціей, показало, что дворянство и буржуазія поняли другъ друга, поняли, насколько эмансипація отвѣчаетъ ихъ обоюднымъ интересамъ—и если въ будущемъ крестьянской реформѣ суждено было встрѣтить подводные камни, то, во всякомъ случаѣ, они лежали не въ этой сторонѣ. Соперничество разыгралось не между дворянствомъ и буржуазіей, какъ мы увидимъ сейчасъ, а между отдѣльными слоями самого дворянства.

Мы уже видѣли, что защитниковъ крѣпостного права въ его чистомъ видѣ среди дворянства, взявшаго въ руки крестьянское дѣло въ 1858 г., не нашлось. Если мы часто встрѣчаемъ упоминаніе о „крѣпостникахъ" въ губернскихъ комитетахъ, если мы слышимъ, что „либералы" всюду, кромѣ тверского комитета, составляли меньшинство—то это значитъ лишь, что комитеты болѣе или менѣе послѣдовательно проводили классовую, помѣщичью точку зрѣнія на реформу, — причемъ, какъ мы увидимъ, „либералы" отличались отъ „крѣпостниковъ" болѣе въ собственномъ воображеніи и изображеніи, чѣмъ объективно. Мы знаемъ, что экономической задачей эмансипаціи былъ выходъ изъ того тупика, куда завело помѣщичье хозяйство развитіе новой, капиталистической барщины. Барщинное хозяйство становилось явно невыгоднымъ—его нужно было замѣнить болѣе прогрессивнымъ типомъ. Но, во-первыхъ, барщинное хозяйство и крѣпостное право не вполнѣ покрывали другъ друга. По

тогдашнему счету, приблизительно половина всѣхъ крѣпостныхъ крестьянъ была на оброкѣ *). Но оброчное хозяйство помѣщичьихъ имѣній не отличалось отъ вольнаго крестьянскаго хозяйства,—за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, далеко не составлявшихъ меньшинства, гдѣ крестьяне одновременно и платили оброкъ и отбывали барщину. Если отказъ отъ барщины, по экономической невыгодности ея, не составлялъ пожертвованія для помѣщика—то отмѣна оброка, безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, была уже на самомъ дѣлѣ экспропріаціей значительной доли помѣщичьей собственности. Едва ли нужно говорить, что на какое-либо „принудительное отчужденіе“ того, что имѣло дѣйствительную, а не номинальную только цѣнность, тогдашніе помѣщики такъ же мало были согласны, какъ и теперешніе. Вопросъ о выкупѣ оброка, въ той или иной формѣ, явился поэтому первымъ камнемъ преткновенія для губернскихъ комитетовъ и первымъ предметомъ споровъ. Но этимъ затрудненія не ограничивались. И барщина была невыгодна на всемъ пространствѣ Россіи и для всѣхъ имѣній лишь теоретически,—какъ бываетъ невыгодно технически отсталое предпріятіе. Тѣмъ не менѣе едва ли скоро найдется фабрикантъ, склонный отдать фабрику съ устарѣвшими машинами просто даромъ, безъ всякаго вознагражденія. Если вы предложите ему бросить технически устарѣвшее, невыгодное предпріятіе, онъ, въ свою очередь, отвѣтитъ вамъ контръ-предложеніемъ — дать ему деньги, которыя помогли бы ему технически обновить его фабрику и сдѣлать ее выгодной. „Покупать въ отмѣнѣ не барщину“ — такой позиціи помѣщиковъ нисколько не стоялъ въ противорѣчіи съ тѣмъ фактомъ, что барщина была устарѣвшимъ типомъ хозяйства. И, наконецъ, ликвидація барщиннаго хозяйства, какое ни потребовалось бы отъ государства на переходъ къ новымъ формамъ эксплуатаціи, ставила ребромъ вопросъ о вольно-наемномъ трудѣ. Но мы уже со словъ Кавелина знаемъ, въ какомъ положеніи былъ этотъ вопросъ, напримѣръ, въ черноземномъ, великолѣпно подготовленномъ для сельско-хозяйственнаго капитализма, но въ то же время малолюдномъ нижнемъ Поволжьѣ. Если здѣсь рабочій вопросъ былъ страшенъ въ дѣйствительности, то во многихъ другихъ мѣстахъ онъ былъ страшенъ помѣщичьей массѣ просто по непривычкѣ. „Почти всѣ наши помѣщики убѣждены въ томъ, что заведеніе хлѣбопашества на коммерческомъ основаніи, (кромѣ немногихъ мѣстностей, не требующихъ удобренія и необыкновенно щедро вознаграждающихъ самый ничтожный трудъ), при вольномъ наймѣ рабочихъ, было бы убыточно“, говоритъ Самаринъ. Отсюда слѣдовало, что на пути къ новымъ формамъ хозяйства нужно было „соломки подостлать“, чтобы помѣщикъ не очень почувствовалъ переходъ отъ стараго порядка, съ которымъ онъ такъ свыкся: другими словами, чтобы свободная деревня отплатилась отъ крѣпостной какъ можно меньше въ

*) О [illegible] соотношеніи барщинныхъ и оброчныхъ крестьянъ для 19 губерній [illegible] Россіи см. ч. I, стр. 151.

первыхъ порахъ. И въ то же время, ради спасенія отъ жакеріи, нужно было, чтобы крестьяне приняли все имъ дарованное за настоящую, подлинную свободу. Задача была болѣе головоломная, чѣмъ обыкновенно себѣ представляютъ, и чреватая уже цѣлымъ рядомъ разногласій среди дворянства.

Всѣ эти вопросы нашли себѣ въ губернскихъ комитетахъ очень компетентныхъ и тонкихъ судей—легенда, пущенная въ ходъ тогдашнимъ чиновничествомъ, о неспособности и невѣжествѣ большинства засѣдавшихъ въ комитетахъ помѣщиковъ, должна быть окончательно оставлена. Приводя извѣстный отзывъ Ланского, что „едва ли $1/_{10}$ доля (членовъ комитетовъ) занималась предложеннымъ предметомъ, остальные безсознательно покорялись вліянію нѣсколькихъ людей, успѣвшихъ завладѣть дѣлами", новѣйшій изслѣдователь дѣятельности губернскихъ комитетовъ замѣчаетъ: „Едва ли этотъ отзывъ былъ справедливъ. Десятую часть всѣхъ членовъ комитетовъ составляли уже одни члены, подписавшіе проекты меньшинства разныхъ комитетовъ и тверского большинства, къ которымъ, несомнѣнно, фраза эта не относилась. Изъ числа же членовъ большинства весьма многіе участвовали въ дѣлѣ не только вполнѣ сознательно, но и чрезвычайно активно. Какъ свидѣтельствуютъ современники и какъ это видно изъ журналовъ губернскихъ комитетовъ, члены большинства многихъ комитетовъ отнюдь не могутъ быть причислены сплошь и безъ разбору къ тѣмъ заскорузлымъ и тупымъ консерваторамъ, которымъ противно всякое преобразованіе. Нѣкоторые изъ нихъ были по своимъ взглядамъ скорѣе либералами, въ политическомъ смыслѣ этого слова, и если они не сочувствовали предложенной имъ реформѣ, то въ значительной мѣрѣ потому, что реформа эта задумана была безъ ихъ участія и имъ предлагали обсудить ее по готовой программѣ, не согласованной съ ихъ мѣстными нуждами и интересами. Многіе изъ нихъ не сочувствовали и вообще либеральнымъ видамъ правительства, но и эти консерваторы дѣйствовали вовсе не безсознательно, а наоборотъ, съ полнымъ сознаніемъ своихъ сословныхъ интересовъ и выгодъ. Можно ихъ обвинять въ сословномъ и классовомъ эгоизмѣ, можно говорить объ отсутствіи у нихъ гуманныхъ и филантропическихъ чувствъ, о недостаткѣ великодушія, но совершенно невѣрно приписывать имъ безсознательное отношеніе къ дѣлу. Разумѣется, и здѣсь, какъ и во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ, были вожаки и рядовые, но это такъ же мало свидѣтельствуетъ о „безсознательномъ" подчиненіи послѣднихъ первымъ, какъ и въ любомъ парламентѣ или другомъ общественномъ собраніи, гдѣ есть партіи, а слѣдовательно, и партійная дисциплина" *).

Первый вопросъ, на которомъ обозначились различныя помѣщичьи „партіи", былъ вопросъ о переходныхъ мѣрахъ отъ стараго къ новому хозяйству. Киселевскій проектъ, вос-

*) А. Корниловъ. Губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу („Очерки по исторіи общественнаго движенія"). СПб. 1905, стр. 205).

провозглашенія рескриптомъ 1857 года, случилось [illegible]. Сохраняя [illegible], надѣлъ, предоставляемый крестьянину [illegible] права собственности даже и на надѣльную крестьянскую землю оставалось за помѣщикомъ. За эту землю крестьяне должны были или платить оброкъ, или „отбывать работу" на помѣщика. Чтобы оцѣнить, какъ слѣдуетъ, классовый смыслъ этого требованія государственной власти, нужно не забывать экономическое значеніе крестьянскаго надѣла при крѣпостномъ правѣ. Участокъ земли, [illegible] барщиною, былъ натуральной формой заработной платы: изъ дохода съ этого участка крестьянинъ, во-первыхъ, [illegible] со своей семьей, во-вторыхъ, оплачивалъ подати. Мы увидимъ, какъ правительственная политика въ тотъ моментъ, когда она хотѣла стать антикрѣпостнической, построила свой планъ атаки на этой второй функціи крестьянскаго надѣла. Пока остановимся на первой: если крестьянинъ продолжалъ оплачивать работой уступленный ему помѣщикомъ надѣлъ, то крѣпостное хозяйство фактически не прекращало своего существованія. Это и входило, совершенно сознательно, въ планы Киселева, который, подобно всѣмъ эмансипаторамъ николаевскаго времени, начиная со Сперанскаго, имѣлъ въ [illegible] раскрѣпощеніе крестьянъ — изъятіе людей изъ числа возможныхъ объектовъ собственности. Разложеніе хозяйственнаго строя [illegible] Сперанскій и его послѣдователи, въ томъ числѣ и Киселевъ, оставляли на волю естествен-[illegible] экономической эволюціи [illegible] Сперанскій былъ [illegible] XVIII вѣка [illegible] XIX вѣка [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]*) [illegible] обязательства крестьянъ къ помѣщикамъ по надѣламъ продолжались столько, сколько это нужно помѣщикамъ для того, чтобы естественнымъ путемъ, [illegible] новымъ формамъ хозяйства: они стояли за *безсрочное* пользованіе, съ сохраненіемъ права помѣщиковъ требовать барщину. [illegible] значеніе этого требованія было, впрочемъ, не одинаково для различныхъ комитетовъ: и если по отношенію къ петербургскому и московскому рѣчь можетъ итти только объ отсталости помѣщичьихъ хозяйствъ, то для саратовскаго или самарскаго [illegible] — [illegible] положеніи тамъ былъ вопросъ о рабочихъ рукахъ. Вотъ почему здѣсь даже такіе передовые люди, какъ Самаринъ, стояли за обязательныя отношенія. „[illegible] отмѣна барщины повлекла бы за со-

*) [illegible]

бою большія неудобства", писалъ послѣдній въ одномъ изъ своихъ проектовъ: „ибо на первыхъ порахъ нечѣмъ было бы замѣнить ее". Изложивъ затѣмъ положеніе рабочаго вопроса въ заволжскихъ губерніяхъ, — уже знакомое намъ со словъ Кавелина—Самаринъ заключаетъ: „по этимъ причинамъ слѣдовало бы, пока не установится само собою равновѣсіе между предложеніемъ и запросомъ на вольный трудъ — этотъ почти небывалый у насъ товаръ — оставить помѣщику право на нѣсколько обязательныхъ рабочихъ дней (8 или 10 съ тягла), какъ вспомогательную повинность лѣтъ на 10 или на 12". Какъ видимъ, можно было вовсе не быть крѣпостникомъ—и стоять тѣмъ не менѣе даже за сохраненіе барщины. Вполнѣ понятно, что и размѣры рабочей повинности крестьянъ старались сохранить тѣ, какіе исторически выработались въ крѣпостномъ хозяйствѣ. Чтобы дать нѣкоторое основаніе словамъ объ „улучшеніи быта" почти всѣ комитеты заявляли, что они руководятся нормой, пониженной сравнительно съ указной барщиной (опредѣленной императоромъ Павломъ): требуютъ 2 дня въ недѣлю вмѣсто 3. Но при этомъ всѣ они оговаривали, что $^2/_3$ или $^3/_4$ этихъ дней могутъ быть потребованы лѣтомъ въ рабочую пору. Это давало при 94 рабочихъ дняхъ въ *году* отъ 63—69 дней барщины *въ лѣто*: больше этого количества въ Московской, напр., губерніи помѣщики и раньше никогда у крестьянъ не брали.

Интересы самыхъ заднихъ рядовъ помѣщичьей массы были бы совершенно удовлетворены подобнымъ рѣшеніемъ вопроса: ибо въ концѣ концовъ самые заскорузлые крѣпостники интересовались не правомъ мѣнять людей на собакъ, а доходами, которые они получали со своихъ имѣній. Но какъ разъ въ этомъ послѣднемъ пунктѣ ихъ интересы приходили въ очевидное столкновеніе съ тѣми, кто надѣялся извлекать гораздо больше дохода по новому. Этой категоріи передовыхъ помѣщиковъ совсѣмъ не интересна была барщина, осужденная и экономической наукой, и ихъ собственными опытами. Они желали начать новое хозяйство на чисто буржуазныхъ началахъ. Густота населенія, удобныя пути сообщенія, близость рынковъ сбыта давали, по ихъ мнѣнію, полную объективную возможность этого: но имъ нуженъ былъ *капиталъ*. Единственное средство получить его они видѣли въ выкупѣ за деньги тѣхъ самыхъ повинностей, которыя были обѣщаны помѣщикамъ рескриптомъ—въ формѣ выкупа надѣла. Такъ какъ мы уже знаемъ, что надѣлъ былъ натуральной оплатой барщины, то выкупъ надѣла фактически совпадалъ съ выкупомъ этой послѣдней. На эту точку зрѣнія стали комитеты тверской, калужскій и харьковскій и меньшинство комитетовъ владимирскаго, рязанскаго и симбирскаго. Близки къ ней были новгородскій, ярославскій, пензенскій, саратовскій и меньшинство московскаго. Преобладаніе губерній, расположенныхъ по большимъ воднымъ путямъ, Окѣ и Волгѣ, и по единственной тогда желѣзной дорогѣ, Николаевской, бросается въ глаза. Нужно имѣть въ виду, что охраняя интересы помѣщичьей массы, правительство всячески стѣсняло наиболѣе

прогрессивнѣе прочихъ — выкупа надѣловъ въ собственность крестьянъ — прямо даже запрещало сужденія объ этомъ — и потому всякаго [illegible] были прогрессивнѣе [illegible]. Иначе, вѣроятно, выкупныхъ проектовъ было бы гораздо больше. Ихъ типомъ можетъ служить наиболѣе обработанный и обоснованный тверской проектъ. Согласно ему, крестьяне выкупали свои надѣлы сразу, цѣликомъ, обязательно, причемъ помѣщикъ единовременно получалъ всю сумму выкупа. Для субсидированія крестьянъ предполагалось учрежденіе особаго акціонернаго товарищества, которому правительство гарантировало уплату крестьянской ссуды въ теченіе 42 лѣтъ. Помѣщикъ получалъ часть выкупной суммы наличными и часть облигаціями, приносившими $4^1/_2\%$ въ годъ („выкупными свидѣтельствами", какъ они назывались впослѣдствіи: проектъ тверичей, какъ извѣстно, былъ принятъ въ концѣ концовъ и правительствомъ). Проектъ этотъ былъ мотивированъ Унковскимъ — самымъ энергичнымъ дѣятелемъ тверского комитета, — съ полною откровенностью и послѣдовательностью. „Выдача капитала", писалъ онъ, „необходима для поддержанія помѣщичьихъ хозяйствъ и приспособленія ихъ къ обработкѣ наемными руками". Онъ не скрывалъ при этомъ, что выкупъ земли есть лишь только маска: „справедливость требуетъ", писалъ онъ, „чтобы помѣщики были вознаграждены, какъ за землю, отходящую изъ ихъ владѣнія, *такъ и за самихъ освобождаемыхъ крестьянъ*". „Лица, имѣющія по закону право владѣть людьми, владѣютъ ими законно. До сего времени не воспрещено употребленіе капиталовъ на покупку людей какъ имущества, котораго обладаніе дозволено и ограждено закономъ. Признать же крѣпостное право незаконнымъ и отнять безъ вознагражденія невозможно потому, что лица, владѣющія крѣпостными людьми въ данную минуту, не могутъ отвѣчать за ошибки государственныхъ учрежденій, и потому, что законы не могутъ имѣть обратной силы". Въ выкупѣ [illegible] Унковскій видѣлъ „единственное вѣрное средство *освободить крестьянъ не въ будущемъ, а теперь*, не постепенно, а разомъ, единовременно и повсемѣстно, не нарушая ничьихъ интересовъ, не порождая ни съ какой стороны неудовольствій и не рискуя будущимъ Россіи"...

Проектъ замаскированнаго сохраненія крѣпостного права рѣзко сталкивался такимъ образомъ съ проектомъ замаскированнаго его выкупа. „Вы насъ разорите, если сразу не на словахъ, а на дѣлѣ освободите крестьянъ", стонали отсталые помѣщики-феодалы. „Вашимъ призрачнымъ освобожденіемъ вы только раздражите массу и вызовете общій взрывъ, который погубитъ и насъ и васъ", отвѣчали имъ помѣщики-буржуа. „Объявить народъ свободнымъ, оставивъ его почти въ той же неволѣ и не улучшая его быта, по нашему мнѣнію, хуже, нежели оставить его въ крѣпостной зависимости", говорилъ Унковскій. „Провозглашеніе свободы безъ дарованія ея въ дѣйствительности уничтожитъ въ народѣ довѣріе къ правительству, отниметъ у него послѣднюю надежду на улуч-

шеніе его были и вслѣдствіе этого отчаянія *можетъ вызвать всѣ дикія явленія пугачевщины*". Это значило ударить въ самое чувствительное мѣсто — вся реформа двигалась страхомъ передъ пугачевщиной. Выйти изъ этого противорѣчія отдѣльные дворянскіе комитеты, очевидно, не могли — рѣшить вопросъ можно было только въ центрѣ: уже это давало центральной власти перевѣсъ надъ дворянскимъ обществомъ. Но тотъ расколъ, который мы сейчасъ охарактеризовали, былъ не единственнымъ: рядомъ съ проектами сохраненія барщины и выкупа ея въ цѣломъ рядѣ комитетовъ выдвигалось *третье* рѣшеніе вопроса: ликвидація барщины *даромъ*, но съ передачей всей земли помѣщику.

Если Самаринъ выражалъ интересы до-капиталистическаго землевладѣнія, Унковскій — интересы развитого сельско-хозяйственнаго капитализма, то проекты безземельнаго освобожденія отражаютъ собою интересы капитализма эпохи первоначальнаго накопленія. Эти проекты шли изъ губерній, гдѣ не было крупныхъ городскихъ центровъ, не было развитой промышленности и не было поэтому основаній опасаться ухода работниковъ изъ деревни—какъ это, несомнѣнно, имѣло мѣсто въ районѣ Николаевской желѣзной дороги. Здѣсь въ то же время почва была еще такъ мало истощена, что хозяйство могло вестись самыми примитивными средствами и почти не требовало предварительныхъ затратъ—неизбѣжныхъ на истощенномъ уже суглинкѣ Тверской губерніи. Земля здѣсь обрабатывалась, по большей части, крестьянскимъ инвентаремъ и почти не удобрялась. Работника съ инвентаремъ найти было не трудно—но крѣпостной крестьянинъ былъ наименѣе выгоднымъ типомъ такого работника. За него приходилось платить подати, ему приходилось помогать въ годы неурожая, снабжать его лѣсомъ на постройку избы,—а главное, съ нимъ приходилось дѣлиться „самымъ цѣннымъ товаромъ", по выраженію кн. Черкасскаго, — черноземомъ. Невыгоды эти были такъ велики, что въ 50-хъ годахъ здѣсь имѣніе съ крестьянами цѣнилось обычно дешевле такой же площади земли безъ крѣпостныхъ. Очень выпуклый примѣръ этого рода разсказалъ Кокоревъ въ своей рѣчи на обѣдѣ 28 декабря: „Недавно я купилъ въ Орловской губерніи 2.200 десятинъ земли (безъ крестьянъ) у гр. Р. за 100.000 руб. сер. и отдалъ эту землю въ аренду за 9.000 р. въ годъ, тогда какъ имѣніе съ крестьянами никогда не можетъ дать такихъ процентовъ", говорилъ Кокоревъ. „Въ той же губерніи мнѣ предлагаетъ кн. О. 3.500 десятинъ земли по той же расцѣнкѣ, какъ я купилъ у гр. Р., но я не могъ на это согласиться потому только, что на этой землѣ живутъ 500 крестьянъ, значитъ, и нѣтъ возможности пріобрѣсть эту землю купцу, а владѣніе подъ чужимъ именемъ никому не по нутру. *Надобно вамъ сказать, что за 500 лицъ крестьянъ никакой не полагалось цѣны.* Изъ этого очевидно, что *въ хлѣбородныхъ губерніяхъ желающихъ арендовать землю будетъ больше, чѣмъ земля того требуетъ,* и оттого арендныя цѣны будутъ возрастать къ выгодѣ землевладѣльцевъ"..

Слова Кокорева, какъ мы теперь знаемъ, были для этой части Россіи

[illegible] предпочтенію. Помѣщикъ [illegible] брать себѣ [illegible] землю, [illegible] раздавать, что она останется у него на рукахъ. [illegible] крестьянамъ въ аренду [illegible] меньшую часть [illegible] теперь [illegible] крестьянскими надѣлами, онъ могъ привлечь столько рабочей силы, сколько ему было нужно. [illegible] помѣщики черноземныхъ губерній [illegible] *безплатными [illegible]* [illegible] освобожденіе крестьянъ. Въ этомъ смыслѣ высказались комитеты: воронежскій, тамбовскій, курскій, орловскій, подольскій, екатеринославскій, херсонскій, таврическій и части рязанскаго и симбирскаго *). Настроеніе помѣщиковъ этихъ губерній хорошо изображаетъ одинъ изъ корреспондентовъ Погодина, писавшій ему о тамбовскихъ дворянахъ: „почти никто не боится потерять оплаты крестьянъ, безъ земли. Можно, говорятъ, заплатить по рублю серебромъ, напоить водкой и отслужить еще, за разсчетъ [illegible], молебенъ... Доказываютъ и это, кажется, такъ, что обработка полей наемными людьми несравненно выгоднѣе, [illegible] кр-

[illegible] *[illegible]* [illegible] Смѣло [illegible] разумѣется [illegible] помѣщики [illegible] трудъ [illegible] говорилъ [illegible] губерніи [illegible] отношеніи [illegible] „Въ Россіи [illegible] крестьянъ [illegible] рабочими [illegible] сущность дѣла [illegible] къ тому, чтобы *[illegible]* крестьянина [illegible] тотъ [illegible] *[illegible]*. [illegible] не къ буржуазному хозяйству, а къ самому беззастѣнчивому земельному [illegible], [illegible] получать „рабочія силы“ „дешевле дѣйствительной ихъ стоимости“, какъ справедливо выразился [illegible] по другому поводу.

По [illegible]

*) [illegible]

минологіей, логически обязательно было и status quo крестьянскаго надѣла. Самаринъ не безъ жара отстаивалъ сохраненіе за крестьянами полностью ихъ земельнаго надѣла (вспомнимъ, что Самарская губернія была одною изъ самыхъ многоземельныхъ) и не безъ эффекта становился при этомъ даже на демократическую точку зрѣнія. „Мы вообще никакъ не можемъ одобрить уменьшенія существующаго надѣла землею гдѣ бы то ни было“, писалъ онъ: „развѣ бы сами крестьяне изъявили на то свое согласіе, чего почти нигдѣ ожидать нельзя... Такова уже привязанность крестьянъ къ землѣ... Лучше потерпѣть еще нѣсколько лѣтъ, только бы не уступать ни пяди земли — вотъ что мы не одинъ разъ слышали изъ устъ крестьянъ и что постоянно отдается въ толкахъ, возбужденныхъ рескриптами... На крестьянъ гораздо сильнѣе подѣйствуетъ отобраніе самой незначительной доли мірской земли, чѣмъ огромная льгота въ повинностяхъ, и предполагаемая мѣра отзовется въ ихъ понятіяхъ не какъ улучшеніе ихъ быта, а какъ экспропріація, какъ нарушеніе ихъ права на землю“. И въ этомъ пунктѣ съ нимъ сходился противоположный экономическій полюсъ—тверской комитетъ съ Унковскимъ во главѣ. „Весьма естественно“, писалъ послѣдній, „что крѣпость землѣ въ продолженіе двухсотъ лѣтъ привела крестьянъ къ полному сознанію своего права владѣнія, и никакія внушенія правительства и постановленія губернскихъ комитетовъ не въ состояніи поколебать этого вѣрованія“. Здѣсь крестьянамъ нужно было дать максимумъ земли ради того, чтобы получить максимальный выкупной капиталъ для веденія новаго хозяйства. Совершенно естественно, что тѣ, кто надѣялся выжимать доходы изъ земельной нужды крестьянина, не затрачивая никакого капитала, не хотѣли оставлять крестьянину ни сажени земли. По истеченіи „временно-обязаннаго“ періода (который полтавскій, напримѣръ, комитетъ опредѣлялъ въ 12 лѣтъ) вся крестьянская земля становилась собственностью помѣщика.

Во всѣхъ трехъ случаяхъ *барщиннаго* хозяйства положеніе было такимъ образомъ очень просто и ясно. Сложнѣе и запутаннѣе дѣло было по отношенію къ *оброчному* хозяйству. Идеаломъ и здѣсь, конечно, было полное обезземеленіе крестьянъ, съ цѣлью заставить ихъ арендовать ихъ бывшіе надѣлы и замѣнить такимъ способомъ устарѣвшую категорію *оброка*—болѣе современной *арендной платой*. Примѣръ этого мы уже видѣли въ Симбирской губерніи. На черноземѣ, такимъ образомъ, интересы барщинныхъ и оброчныхъ помѣщиковъ сходились—вотъ почему черноземные комитеты и были такъ единодушны въ своихъ экспропріаторскихъ проектахъ. Но сложнѣе обстояло дѣло въ нечерноземныхъ и промышленныхъ губерніяхъ. Здѣсь простое обезземеленіе привело бы только къ запустѣнію деревни, все взрослое населеніе которой разошлось бы на отхожіе промыслы. Самымъ простымъ выходомъ здѣсь былъ бы выкупъ *личности* крѣпостныхъ—о чемъ откровенно говорилъ Унковскій; онъ и на суглинкѣ примирилъ бы оброчниковъ и барщинниковъ, какъ на черноземѣ. Но мы

уже знаемъ, что самая постановка вопроса о выкупѣ личности была формально запрещена правительствомъ (циркуляръ Главнаго комитета 17 января 1859 г.). Когда помѣщики, сбитые съ прямого пути, [illegible] должны были пойти окольными. Результатомъ запрещеній правительства явились повсемѣстно почти фантастическія оцѣнки усадебъ — территоріи, какъ мы знаемъ, крестьянамъ непремѣнно должна была выкупать. Такъ, напримѣръ, московскій комитетъ назначилъ за усадебную землю отъ 400 до 1,200 рублей за десятину, — т. е. по полтиннику за сажень: въ то время земля въ самомъ городѣ Москвѣ, на окраинахъ, цѣнилась гораздо дешевле. Вологодскій комитетъ за минимальную усадьбу въ 500 кв. саженъ назначилъ 200 рублей и за каждую сажень сверхъ того по 20 коп. Чтобы оцѣнить, какъ слѣдуетъ, эти цифры, нужно знать, что въ Кіевской, Подольской и Волынской губерніяхъ усадебная земля была оцѣнена въ 9 коп. сажень, въ Саратовской въ 10 коп., въ Оренбургской—въ *двѣ* копейки. Москвичи оцѣнили такимъ образомъ свой суглинокъ въ пять разъ дороже [illegible] чернозема. Уже одно сопоставленіе этихъ оцѣнокъ ясно показываетъ, что дѣло шло здѣсь не о вознагражденіи за землю. Но одинъ изъ нечерноземныхъ комитетовъ, смоленскій, самъ разсказалъ намъ, какъ помѣщики приходили къ подобнымъ цифрамъ. Смольняне подавали спеціальный адресъ Александру II, прося разрѣшить имъ поставить вопросъ о выкупѣ личности крѣпостныхъ, мотивируя это тѣмъ, что въ Смоленской губерніи „до [illegible] душъ, крѣпостной трудъ составляетъ главную стоимость нашихъ имѣній". „Всемилостивѣйшій Государь!" патетически [illegible] смоленскіе помѣщики, „[illegible] Ваше Величество. Если нужны жертвы дворянъ для блага отечества, то жизнь и все достояніе наше повергаемъ къ стопамъ Вашимъ, но [illegible] чистаго расчета [illegible] и [illegible] участи дѣтей нашихъ... Безъ полнаго же [illegible] вознагражденія шесть тысячъ дворянъ смоленскихъ лишатся честнаго имени, пріобрѣтеннаго службою Вашимъ предкамъ, подвергнутся нищетѣ неизбѣжной". Но когда на эту трогательную мольбу даже не отвѣтили, смольняне назначили по 15 копеекъ за каждую сажень усадебной земли и сверхъ того отъ 75—206 рублей за постройки (смотря по мѣстности)... Справедливость требуетъ однако отмѣтить, что на оцѣнкѣ усадебъ играли не только нечерноземные помѣщики, для которыхъ не было другого выхода: воронежскій комитетъ назначилъ, напримѣръ, за усадебную землю по 25 к. за сажень. Нужно сказать впрочемъ, что воронежскіе помѣщики отличались непомѣрными аппетитами даже среди своихъ собратій.

Мы видимъ такимъ образомъ, что вмѣшательство правительства ни мало не послужило въ данномъ вопросѣ въ пользѣ крестьянъ. Наивная и элементарная постановка [illegible] ла въ рескриптахъ, [illegible] отставшихъ отъ жизни, никакъ не мо-

ла охватить всей сложности дѣйствительныхъ экономическихъ отношеній. Природу гнали въ дверь, она возвращалась въ окно... Та же неудача, какая постигла правительство на попыткѣ запретить выкупъ личности, ждала его и на другомъ вопросѣ: борьбѣ съ тенденціей обезземеленія. Замѣтивъ экспропріаторскія наклонности нѣкоторыхъ комитетовъ, правительство неустанно напоминало о необходимости „обезпеченія крестьянамъ прочной осѣдлости и надежныхъ средствъ къ жизни и къ исполненію ихъ обязанностей“. „Средства къ жизни“ были здѣсь больше для красоты слога, но о „прочной осѣдлости“, о томъ, чтобы „не положить у насъ начала вреднаго пролетаріата, оказавшаго столь печальныя послѣдствія на западѣ Европы“, а равно и о томъ, что бы всѣ „государевы дани и оброки сходились сполна“—объ этомъ правительство заботилось, конечно, серьезно. Но что же изъ этого вышло? Южные комитеты, подчиняясь формальному требованію правительства, установили нормы надѣловъ,—втайнѣ утѣшая себя, что это лишь временно, что по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ надѣльная земля „вернется“ къ ея „собственникамъ“ (см. выше). Но эти нормы были таковы, что отъ исторически сложившагося крестьянскаго хозяйства оставалось одно воспоминаніе. До 50-хъ годовъ, по крайней мѣрѣ, *треть* помѣщичьей земли находилась въ распоряженіи крестьянъ. Теперь такія многоземельныя губерніи, какъ Херсонская или Таврическая, имѣвшія въ среднемъ 24,4 и 56 десятинъ на душу, проектировали надѣлы: Херсонская отъ 1,3 до 3 десятинъ, Таврическая отъ 3 до 5. Екатеринославская губернія, гдѣ земли въ помѣщичьихъ имѣніяхъ приходилось по 18,9 дес. на душу, предлагала своимъ крестьянамъ удовольствоваться надѣлами отъ 2 до 3 десятинъ. Воронежскіе дворяне себѣ оставляли 2.000.000 десятинъ, а крестьянамъ давали 240.000. Тамбовскіе требовали отрѣзки отъ $^1/_2$ до $^2/_3$ существующаго надѣла. И т. д., и т. д. За невозможностью полнаго обезземеленія можно было помириться и на этомъ. При ликвидаціи барщиннаго хозяйства эти нормы обезпечивали достаточное предложеніе батрацкаго труда почти столь же, какъ и освобожденіе съ одной усадьбой. При ликвидаціи оброчнаго на лицо былъ готовый классъ обязательныхъ—въ силу экономической необходимости—арендаторовъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, формально подчиняясь, черноземные дворяне вели все-таки свою линію.

Опасность для этой линіи заключалась, очевидно, не въ правительствѣ—оно было слишкомъ неуклюжимъ противникомъ,—а въ тѣхъ противоположныхъ тенденціяхъ, какія существовали среди самого дворянства. Оно, какъ мы видимъ, совсѣмъ не представляло однородной массы даже въ экономической области. Между черноземнымъ „плантаторомъ“, тверскимъ либеральнымъ буржуа и самарскимъ феодаломъ было не больше ладу въ иныхъ пунктахъ, чѣмъ между помѣщикомъ и крестьяниномъ. Если бы правительство было, дѣйствительно, тою внѣклассовой силой, какою его часто представляютъ, оно опираясь на эти взаимно перекрещивающіяся тенденціи, могло бы достигнуть очень многаго. Но оно поступило

[illegible]

Мы не будемъ сейчасъ разсматривать [illegible] ку, отчасти благодаря этому столкновенію. Когда первые комитеты заканчивали свою работу, этого столкнове- [illegible]

[illegible] носѣ хлѣбъ-соль, въ знакъ благо- [illegible]

онъ закрытъ сего дня съ мольбою о своемъ монархѣ". Нужно ли говорить, что все это сопровождалось обѣдами, громомъ музыки, тостами и т. д.?

3.

Редакціонныя комиссіи.

Въ теченіе 1859 года работы губернскихъ комитетовъ мало-по-малу заканчивались: 22 августа довелъ до конца свое дѣло самый запоздавшій изъ нихъ, олонецкій. Взгляды дворянства на крестьянскую реформу лежали теперь передъ глазами центральной власти въ подробной и отчетливой формулировкѣ. Оставался моментъ, котораго съ нетерпѣніемъ ждали помѣщики,—въ которомъ они не безъ основанія видѣли кульминаціонный пунктъ борьбы за крѣпостной трудъ: моментъ встрѣчи представителей помѣстнаго дворянства, депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ—съ представителями „бюрократіи", т. е. дворянства придворнаго и чиновнаго, засѣдавшими въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу. Въ наступленіи такого момента, казалось, не могло быть сомнѣній: вызовъ депутатовъ въ Петербургъ „для окончательнаго разсмотрѣнія" всего дѣла обѣщалъ самъ императоръ. Въ результатахъ встрѣчи тоже, повидимому, сомнѣваться не приходилось: работы комитетовъ только что показали, насколько помѣстное дворянство въ конкретныхъ деталяхъ вопроса сильнѣе офиціально руководившаго всѣмъ чиновничества. А въ конкретныхъ деталяхъ была вся суть дѣла: „принципіально" насчетъ освобожденія, какъ мы видѣли, никто серьезно не спорилъ.

И вотъ по мѣрѣ того, какъ дѣло должно было приближаться къ этому рѣшительному моменту—въ дворянскихъ кругахъ все шире и шире и все настойчивѣе распространялась странная вѣсть: что такъ нетерпѣливо ожидавшейся встрѣчи не будетъ вовсе, что правительство передумало и собирается рѣшить крестьянскій вопросъ самостоятельно, помимо дворянства, что уже и детальный, конкретный проектъ реформы выработанъ — выработанъ учрежденіемъ, гдѣ нѣтъ и помину о дворянскихъ уполномоченныхъ, и выработанъ окончательно: такъ что въ основѣ онъ критикѣ не подлежитъ, а измѣнены могутъ быть развѣ кой-какія второстепенныя подробности — „примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ". Основа же его такова, что дворянству грозитъ „единовременно разореніе и уничтоженіе", какъ гласилъ одинъ документъ, лѣтомъ 1859 года ходившій по рукамъ помѣщиковъ. Въ августѣ этого года уже не могло быть сомнѣній, что депутаты отъ губернскихъ комитетовъ „предназначаются", говоря словами того же документа, „къ разыгрыванію странной роли—быть призванными для отвѣтовъ и разъясненій на вопросы, какіе будетъ имъ дѣлать главный комитетъ или комиссія: положеніе унизительное до крайности, даже смѣшное"...

Нѣтъ надобности говорить, что дворяне объясняли себѣ ошеломив-

щую ихъ перемѣну правительственной сферы „интригамъ" „бюрократіи". Цитированный нами [illegible] менѣе и болѣе [illegible] раскрыть глаза монарху и довести до него [illegible] его довѣрен[illegible]. [illegible] принимать [illegible]: для [illegible] дворянъ, по крайней мѣрѣ болѣе развитыхъ изъ нихъ, это было не болѣе, какъ ловкая обмолвка [illegible] протеста. Государь не могъ быть неправъ—неправы могли быть только его слуги,—если поступили дѣлать что нехорошее, то это потому, что слуги ввели его въ заблужденіе. Мы можемъ игнорировать этотъ литературный этикетъ [illegible] адреса—мы скоро увидимъ, что не одни „слуги" принимали участіе въ созданіи условій, поставившихъ дворянство въ положеніе „унизительное и даже смѣшное". Но нельзя игнорировать самаго факта—рѣзкой перемѣны во взглядахъ правительства на „хоть и нехоть крестьянскаго вопроса", какъ любилъ выражаться Я. И. Ростовцевъ. Правительство кончило крестьянскую реформу совсѣмъ не такъ, какъ оно ее начало, и у этого факта должно быть свое объясненіе, помимо всякихъ „придворныхъ интригъ",—объясненіе, вытекающее изъ общихъ условій момента.

Мы видѣли, что главной пружиной, толкавшей впередъ крестьянское дѣло въ концѣ 50-хъ годовъ, былъ страхъ передъ пугачевщиной: безъ этого мы имѣли бы медленную эволюцію экономическихъ отношеній, а не революцію сверху 19 февраля. Мы видѣли также, что въ первые годы реформы эта угроза [illegible] правительства, чѣмъ [illegible]. [illegible] въ 1856—57 гг. Главная перемѣна [illegible] что это чувство [illegible] безопасности, сознаніе того, что революціонность крестьянской массы была значительно преувеличена хотя бы вліяніемъ волненій середины 50-хъ годовъ—все это мало-по-малу сообщалось теперь и высшимъ сферамъ. До конца 1857 года продолжали приходить изъ губерній тревожныя вѣсти: едва ли здѣсь не имѣлось въ виду, по крайней мѣрѣ отчасти, еще больше запугать правительство, чтобы еще больше отъ него выторговать. По крайней мѣрѣ, вскорѣ послѣ опубликованія рескриптовъ 20 ноября и 5 декабря, показавшихъ, что правительство, наконецъ, приняло опредѣленное рѣшеніе, ледъ тронулся,—потокъ алармистскихъ извѣстій быстро начинаетъ изсякать. Уже въ первыхъ числахъ января слѣдующаго года одинъ изъ генералъ-губернаторовъ доносилъ: „я твердо убѣжденъ, что крестьяне, ожидая и предвидя измѣненіе своего положенія къ лучшему, никогда не посягнутъ на какія-либо преступныя дѣйствія". Въ то же время отъ другого полученъ былъ отзывъ, что

8*

„неблагонамѣренные толки начинают затихать, встревоженные умы видимо успокаиваются". Донесенія же, полученныя во второй половинѣ января, единогласно свидѣтельствовали, что полное спокойствіе между крестьянами ничѣмъ не нарушается. Начальникъ одной изъ губерній писалъ, что „помѣщичьи крестьяне тише и спокойнѣе, чѣмъ когда-либо". Цифры были краснорѣчивѣе всякихъ словъ: въ 1858 году не было ни одного случая убійства крестьянами помѣщика, тогда какъ въ предшествующіе годы такихъ бывало, въ среднемъ, по 13 ежегодно *).

Крестьянство оказывалось гораздо благонамѣреннѣе, чѣмъ отъ него ожидали. А въ то же самое время изъ всколыхнутаго рескриптами дворянскаго моря, покрывшагося было въ николаевскіе дни густой болотной плѣсенью, стали доноситься звуки одинъ другого тревожнѣе. Уже офиціальныя работы губернскихъ комитетовъ должны были глубоко разочаровать тѣхъ, кто надѣялся, что эти учрежденія будутъ мирно разрабатывать экономическія и юридическія подробности реформы „по указаніямъ" рескриптовъ и главнаго комитета. Провинціальное дворянство не ограничилось—да и не могло ограничиться—этою скромной задачей. Политическая сторона паденія крѣпостного права могла бы ускользнуть развѣ отъ очень тупыхъ и индифферентныхъ людей,—какими члены дворянскихъ комитетовъ вовсе не были. Помѣщикъ при крѣпостномъ правѣ былъ не только хозяиномъ въ своемъ имѣніи: ему принадлежала крупная доля *государственной власти* надъ его крѣпостными *). Къ кому же перейдетъ эта доля власти послѣ освобожденія крестьянъ? Рескрипты глухо говорили о томъ, что „вотчинная полиція" оставляется за помѣщикомъ. Но что это значитъ? Значитъ ли это, что помѣщикъ сохранитъ нѣкоторое ограниченное право полицейскаго надзора внутри своего хозяйства—право смотрѣть за порядкомъ въ своей усадьбѣ, налагать домашнія наказанія на свою прислугу и рабочихъ? Но на этотъ счетъ у большинства не было никакихъ сомнѣній — и интересно было не это. Сохранятъ ли вчерашніе „подданные" какія-нибудь обязательныя юридическія отношенія къ своимъ бывшимъ „государямъ", какъ они должны были сохранить къ нимъ на время обязательныя экономическія отношенія? Очень многіе комитеты— и, характернымъ образомъ, преимущественно тѣ изъ нихъ, которые мечтали сдѣлаться „монополистами цѣннаго товара — чернозема" — готовы были сохранить за помѣщикомъ въ нѣсколько измѣненныхъ юридическихъ формахъ всю ту власть, которою онъ пользовался и раньше. Они доходили до того, что предоставляли бывшему барину заключать своихъ бывшихъ крѣпостныхъ „въ смирительные и рабочіе дома, въ арестантскія роты гражданскаго вѣдомства и другія исправительныя заведенія"—обставляя это лишь формальностью „утвержденія" со стороны мѣстнаго присутствія, гдѣ должны были преобладать тоже помѣщики. А на злоупотребленія помѣщика мож-

*) „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія". I, стр. 175—179.

*) См. въ части I. Россія въ концѣ XVIII в.

[illegible] *и современными понятиями*".

[illegible] грессивные, шли гораздо дальше [illegible] преданности престолу такъ странно [illegible] вѣчно оставаться въ подчиненіи у дворянъ. Уже несравненно тоньше и искуснѣе аргументировалъ въ пользу той же идеи смоленскій комитетъ— [illegible] быть составлено преимущественно изъ лицъ мѣстнаго дворянскаго сословія, которымъ близки мѣстные интересы и знакомы мѣстныя условія: [illegible] они внушатъ къ себѣ болѣе довѣрія, чѣмъ всякое постороннее лицо; [illegible] форма вотчинной полиціи казалась поэтому смольнянамъ совершенно не [illegible] мени: сельское управленіе должно быть основано на такихъ началахъ, которыя „и не напоминали бы преж[illegible] сивный изъ всѣхъ тверской комитетъ. Личное вмѣшательство помѣщиковъ въ дѣла крестьянъ повело

[illegible] помииающихъ сословные нападки [illegible] ніе дворянъ, какъ самаго твердаго оплота престола и государственнаго [illegible]

бы только къ разнымъ непріятнымъ столкновеніямъ, утверждали тверичи. „Вслѣдствіе этого *судъ и попечительство надъ крестьянами должны быть переданы всему сословію дворянъ*".

Эта еще очень консервативная формулировка тверского меньшинства (по существу, какъ мы сейчасъ увидимъ, большинство и меньшинство тверского комитета расходились какъ разъ менѣе всего въ данномъ вопросѣ) далеко отставала отъ того, что находилъ нужнымъ и возможнымъ сказать вождь большинства тверичей въ своемъ отзывѣ на работы редакціонныхъ комиссій. Правда, Унковскій писалъ это далеко позже того хронологическаго момента, на которомъ мы сейчасъ стоимъ, писалъ, когда только назрѣвавшій въ періодъ занятій губернскихъ комитетовъ конфликтъ былъ въ полномъ разгарѣ. Но время написанія могло отразиться развѣ на формѣ мыслей Унковскаго—тѣ же идеи красною нитью проходили черезъ всю работу комитета.

Крестьянская реформа останется пустымъ звукомъ, положеніе о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, останется мертвою бумагою, наравнѣ со всѣми прочими томами нашихъ законовъ, если освобожденіе крестьянъ не будетъ сопровождаться коренными преобразованіями всего русскаго государственнаго строя: вотъ главная и основная изъ этихъ идей. Въ настоящее время новое устройство управленія является въ Россіи первою и главною потребностью, писалъ Унковскій. Вся Россія раздѣляется на вотчины частныя и вотчины государственныя, и повсюду господствуетъ полный произволъ; въ одной половинѣ—въ частныхъ вотчинахъ, этотъ произволъ умѣряется собственными выгодами владѣльцевъ, которые болѣе или менѣе связаны съ благосостояніемъ подвластныхъ лицъ... Другая половина Россіи, расписанная по разнымъ вѣдомствамъ, не знала иного порядка вещей, и принадлежа по нравамъ и положенію къ крѣпостному сословію, терпѣливо сносила произволъ въ своемъ управленіи, тѣмъ болѣе, что помѣстное дворянство, имѣвшее выгоду въ сохраненіи общественнаго спокойствія, умѣряло произволъ мѣстныхъ чиновниковъ, не допуская ихъ до открытаго грабежа... Вотъ истинныя причины, по которымъ могъ держаться до этого времени настоящій порядокъ вещей... При освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ этотъ порядокъ лишится всякой опоры. Если управленіе останется попрежнему, то помѣщичьи крестьяне должны неминуемо подпасть подъ необузданный произволъ чиновниковъ. Въ сущности, вѣдь все равно, быть ли крѣпостнымъ помѣщика, или крѣпостнымъ чиновника, и *даже еще лучше быть крѣпостнымъ помѣщичьимъ*... Чего же можно ждать отъ народа, если онъ будетъ обманутъ въ своихъ надеждахъ?... Для охраненія общественнаго порядка нужно прочное обезпеченіе строгаго исполненія законовъ, а при нынѣшнемъ управленіи гдѣ это обезпеченіе?...

Упорядоченный буржуазный режимъ требовалъ и новой юридической оболочки. Нельзя было ввести новый хозяйственный строй и оставить старые законы и старую администрацію, по старому примѣнявшую эти законы. Нужно сказать, что въ

своихъ [illegible] свобод-
ныхъ не могли ни одной [illegible]. Унковскій былъ гораздо скромнѣе и умѣреннѣе, чѣмъ въ своей критикѣ. Въ юридической источникъ [illegible] онъ и не хотѣлъ искать. Признавая, что „самодержавіе находится въ рукахъ нашихъ чиновниковъ", и что это очень худо, онъ не задается вопросомъ, что же собственно худо: то ли, что въ странѣ вообще существуетъ [illegible] и администрація „представляетъ пёструю систему злоупотребленій, возведенную на степень государственнаго устройства", или что этимъ „правомъ на произволъ" слишкомъ многіе пользуются? А всѣ эти сожалѣнія о томъ, что „самодержавная воля плохо исполняется" и „верховная власть лишена на дѣлѣ всякой власти"—придирчивый читатель могъ бы, пожалуй, заключить, что нашъ непримиримый врагъ произвола удовлетворился бы, можетъ быть, на дѣлѣ весьма скромной формой „правового порядка", въ родѣ просвѣщеннаго деспотизма Фридриха II. Въ сущности, дальше *отвѣтственности чиновниковъ* Унковскій не идетъ: всѣ рекомендуемыя имъ нововведенія,—гласность, независимый (отъ мѣстной администраціи) судъ, отвѣтственность должностныхъ лицъ передъ судомъ, „строгое раздѣленіе властей" и „самоуправленіе общества въ хозяйственномъ отношеніи", при сохраненіи политическаго абсолютизма, могли обуздать произволъ развѣ провинціальныхъ администраторовъ не выше губернатора—а на практикѣ, вѣроятно, не обуздали бы даже и ихъ. Но уже тотъ фактъ, что тверской комитетъ вышелъ изъ рамокъ крестьянскаго вопроса [illegible] и пожелалъ [illegible] прямо [illegible] правительства [illegible] должно было [illegible] Александра II [illegible] въ правящихъ кругахъ [illegible] всякой иниціативѣ снизу, которая [illegible] „душу живу" [illegible] евской системы. Прибавьте къ этому, что [illegible] большинства тверского комитета не являлась одиночнымъ фактомъ, что именно въ *этомъ* пунктѣ оно было [illegible] дворянскихъ тенденцій, чѣмъ въ чемъ-либо другомъ. Представитель тверского меньшинства, Кардо-Сысоевъ, владимірскій депутатъ Безобразовъ, новгородскій Косаговскій, рязанскіе кн. Волконскій и Офросимовъ, харьковскіе Хрущовъ и Шретеръ говорили по поводу „существующаго порядка" почти то же, что и Унковскій и почти тѣми же словами. „Ежели болѣе или менѣе патріархальное управленіе помѣщиковъ признается несовременнымъ, тягостнымъ для крестьянъ", писалъ Кардо-Сысоевъ, „то тѣмъ больше вредно и невозможно начало бюрократическое въ управленіи свободными обществами. Чиновникъ-бюрократъ и членъ общества—два существа совершенно противоположныя". И несогласный съ экономическими взглядами Унковскаго тверской „меньшевикъ" въ этомъ пунктѣ [illegible] проекта тверского комитета—и большинства и меньшинства. „[illegible] оправдаютъ довѣріе государя и осуществитъ его ожиданія", писалъ въ весьма многомъ несогласный съ Унковскимъ Безобразовъ [illegible]

лежитъ священная обязанность указать твердыя основанія къ благоденствію страны и, возрождая народъ, дать ему не одни только средства къ жизни, но вполнѣ оградить его отъ всякаго произвола и стѣсненій — указать ему широкій путь къ разумному развитію и положить конецъ злоупотребленіямъ". Передъ этимъ шло обычное, почти какъ формула, сравненіе крѣпостного права, „то суроваго, то мягкаго", съ „произволомъ, жадностью и лихоимствомъ чиновниковъ", всегда суровыми и никогда не смягчающимися, а дальше слѣдовали тѣ же мѣропріятія, что и у Унковскаго — „строгое раздѣленіе властей", „хозяйственно-распорядительное управленіе, выборное отъ всѣхъ сословій и отвѣтственное только передъ судомъ и обществомъ", „непосредственная отвѣтственность всѣхъ и каждаго передъ судомъ" (не исключая чиновничества) и т. д. А заявленія рязанскихъ депутатовъ производятъ впечатлѣніе почти списанныхъ съ мнѣнія тверскихъ... „Чиновники деспотически управляютъ всѣмъ народомъ, не допуская до правительства истины", говорили кн. Волконскій и Офросимовъ. „По освобожденіи крестьянъ таковой порядокъ вещей будетъ лишенъ всякой опоры; крестьяне попадутъ подъ крѣпостную зависимость чиновниковъ, всегда худшую, чѣмъ помѣщичья, ибо чиновникъ, руководясь тѣмъ же произволомъ, не имѣетъ никакихъ выгодъ въ сохраненіи благосостоянія крестьянъ. Крестьяне будутъ обмануты въ своихъ надеждахъ"... Прибавьте къ этому, что въ частныхъ разговорахъ люди были, конечно, откровеннѣе, нежели въ офиціальныхъ записках ъ—и не стѣснялись называть своими именами то, на что тамъ были только намеки—и общее впечатлѣніе правительственныхъ круговъ будетъ для насъ достаточно понятно. Это общее впечатлѣніе окончательно окристаллизовалось въ извѣстной запискѣ, представленной Александру II министромъ внутреннихъ дѣлъ Ланскимъ въ августѣ 1859 года.

„Съ самаго появленія рескриптовъ", читаемъ мы въ этой запискѣ, „противники освобожденія крестьянъ пугали, что дворянство взамѣнъ крѣпостного права потребуетъ правъ политическихъ. Думаю, что и теперь есть люди, которые говорятъ о конституціи лишь съ цѣлью напугать правительство и задержать крестьянское дѣло. *Но не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкоторые дѣйствительно желаютъ воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы понемногу ввести представительное правленіе въ рѣшеніе дѣлъ государственныхъ*". Само собою разумѣется, что министръ находилъ эту мысль противною „и нашимъ нравамъ, и степени образованія, и кореннымъ государственнымъ интересамъ". Само собою разумѣется, что отвѣтственность за злоупотребленія и лихоимство онъ старался свалить обратно — съ чиновничества на голову дворянскихъ обличителей. Но онъ былъ рѣшительно неправъ, утверждая, будто „все это есть не что иное, какъ пошлое подраженіе иностраннымъ памфлетистамъ, происходящее отъ совершеннаго незнанія отечественнаго быта и крайней незрѣлости въ мысляхъ". Проекты дворянства всего меньше можно было упрекнуть въ томъ, что подъ ними нѣтъ „исторической поч-

ви“. [illegible], они были че-
ресчуръ „историческими“. [illegible]
[illegible] подробности, [illegible]
[illegible] въ [illegible]
[illegible] аристократически либеральнаго
„[illegible]“, который [illegible]
публицистовъ вѣка Екатерины, ко-
торые дали теоретическую основу
проектамъ „старыхъ [illegible]“
при Александрѣ I—и отзвукъ кото-
раго мы найдемъ даже въ политиче-
скихъ планахъ декабристовъ. Часто
буржуазная идеологія давалась рус-
скому дворянству въ концѣ 50-хъ
годовъ такъ же туго, какъ и въ ре-
формѣ 30-хъ — даже больше: въ
этомъ отношеніи мы замѣчаемъ от-
нюдь не прогрессъ, а скорѣе регрессъ,
а въ лучшемъ случаѣ стояніе на од-
номъ мѣстѣ. Вотъ какъ рисовало себѣ,
напримѣръ, либеральное меньшин-
ство калужскаго комитета буду-
щую Россію, освобожденную сразу и
отъ крѣпостного права, и отъ опеки
и произвола чиновниковъ. „Дворян-
ству, взамѣнъ отходящей отъ него
крѣпостной власти, предоставляется
право участія въ мѣстной админи-
страціи“. Затѣмъ за нимъ же оста-
ется „важное право ходатайства въ
пользу мѣстныхъ интересовъ“. Да-
лѣе „гласное отправленіе суда есть
высшій аттрибутъ человѣческаго до-
стоинства, высшее проявленіе той ду-
ховной силы, которая дѣлаетъ чело-
вѣка царемъ мірозданія“. Отсюда
ясно, что судъ также долженъ быть
порученъ дворянамъ. Для того, что-
бы „привлечь“ дворянъ къ занятію
административныхъ и судебныхъ
должностей (хотя, казалось бы, что
же еще „привлекать“ людей къ тому,
что само по себѣ такъ почетно и
вліятельно?), эти послѣднія предпо-
лагалось сдѣлать „ступенью для до-
стиженія высшихъ государственныхъ
должностей“, но рѣшено лучше по-
требовать, чтобы губернаторы из-
бирались дворянами, или предлагались
[illegible] „[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
на. [illegible]
„людей, довѣренностью нашею и об-
щимъ [illegible]“, [illegible] со-
ставилъ свой первый государствен-
ный совѣтъ Александръ Павловичъ?
А чтобы общественное мнѣніе какъ-
нибудь не ошиблось, [illegible] не
дворянина, калужскіе либералы призна-
вали существенно полезнымъ „пре-
доставить дворянскому сословію пра-
во контроля надъ [illegible]
въ него новыхъ членовъ“ — „въ ви-
дахъ государственной пользы, для
доставленія дворянскому элементу
прочности, основанной на нравствен-
ныхъ началахъ“. Сдѣлаться дворя-
ниномъ можно было, по этому про-
екту, только съ согласія одного изъ
дворянскихъ обществъ—путемъ бал-
лотированія. Тутъ уже приходится
припомнить времена не Алексан-
дра I, а его бабушки, и [illegible]
наказы комиссіи 1767 года—если не
„шляхетскія“ требованія 1730 года.
Пожеланія, чтобы въ Россіи были
введены субституція и маіоратъ до-
стойнымъ образомъ заканчиваютъ
этотъ архидворянскій проектъ. Какъ
видимъ, исторіи въ немъ хоть от-
бавляй, и если здѣсь повиненъ ка-
кой-нибудь „иностранный памфле-
тистъ“, то развѣ покойный „прези-
дентъ Монтескье“, столь безжалост-
но „ограбленный“ въ свое время

Екатериной II. Осуществленіе этой архаической утопіи означало бы, что весь экономическій и соціальный прогрессъ, показателемъ котораго явилась реформа 19 февраля, былъ лишь призракомъ—и что Россія вернулась опять къ разбитому корыту докапиталистическаго крѣпостного хозяйства второй половины XVIII вѣка. Но въ половинѣ XIX столѣтія опасаться чего-нибудь подобнаго было бы смѣшно, и министръ Александра II напрасно тратилъ порохъ на такого противника. А между тѣмъ выставить что-нибудь болѣе грозное,—грозное хотя бы идейно, въ теоріи,—дворянскіе комитеты были рѣшительно не въ состояніи. Не договариваясь до такихъ наивностей, какъ калужскіе либералы, даже Унковскій не могъ однако разорвать этотъ заколдованный кругъ дворянской идеологіи. Онъ модернизовалъ только тѣ доказательства, которыми обычно подкрѣплялось прирожденное право дворянъ повелѣвать и прирожденная обязанность крестьянъ повиноваться. Онъ спрашивалъ: какъ устранить дворянъ отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ, оставивъ однихъ крестьянъ съ ихъ невѣжествомъ и безграмотностью? Но и въ этомъ случаѣ его предупредилъ одинъ изъ членовъ комиссіи 1767 года—Строгановъ, обѣщавшій крестьянамъ „собственность и вольность", когда они будутъ „просвѣщеннѣе". Къ тому же самъ Унковскій только что блестяще побилъ этотъ аргументъ, съ большою горячностью ополчившись на ходячее возраженіе противъ суда присяжныхъ, — будто русскій народъ, недостаточно образованъ и потому до этой формы суда не доросъ. Тамъ Унковскій доказывалъ, что для суда присяжныхъ нужны только „здравый смыслъ и добросовѣстность": но почему же этого недостаточно для мелкихъ дѣлъ мѣстнаго управленія въ кругу отношеній, одинаково хорошо знакомыхъ всѣмъ сельскимъ жителямъ? А другіе аргументы въ пользу дворянскаго управленія въ родѣ того, что „народъ, если и не любитъ дворянъ, то во всякомъ случаѣ вѣритъ идущимъ отъ нихъ слухамъ" или того, что лишь „одни дворяне - землевладѣльцы имѣютъ истинную выгоду въ сохраненіи общественнаго спокойствія", тогда какъ „чиновникамъ, напротивъ, безпорядки выгодны" — только подчеркиваютъ теоретическую слабость занятой тверскими либералами позиціи, на полдорогѣ между допотопнымъ лэндлордизмомъ и слишкомъ радикальной даже для Унковскаго буржуазной теоріей господства собственности, — собственности вообще, независимо отъ происхожденія собственника. И нельзя не сознаться, что даже скромная земская реформа Александра II оказалась съ этой соціальной стороны не правѣе пожеланій самаго передового изъ губернскихъ комитетовъ: и что *среднему* уровню требованій *всѣхъ* комитетовъ гораздо больше отвѣчала контръ-реформа Александра III.

Повторяемъ, никакого серьезнаго „посягательства" на права и прерогативы верховной власти здѣсь, вѣроятно, не нашла бы даже очень ревностная прокуратура. Надо было быть чиновникомъ, воспитаннымъ въ школѣ Николая I для того, чтобы встревожиться отъ умѣреннѣйшихъ и консервативнѣйшихъ заявленій губернскихъ комитетовъ. Однако мы

видѣли, что Закревскій встревожился не на шутку, а не трудно заключить, что въ Ливадію дошелъ въ это время замѣчательнѣйшій изъ памфлетовъ, оставленныхъ Николаемъ I въ наслѣдство своему сыну, — Н. А. Ми[illegible]. [illegible] тревога достигла въ концѣ лѣта 1858 года, съ приближеніемъ момента, когда въ Петербургѣ должны были съѣхаться [illegible] дворянскихъ [illegible], депутаты [illegible]. Но въ своей запискѣ Закревскій упоминаетъ, что первый изъ [illegible], [illegible] его въ существованіи у дворянства [illegible] намѣренія воскресить „Боярскую думу“, — именно памфлетъ Николая Безобразова — дошелъ до него „[illegible] тому назадъ“, — т. е. еще осенью 1858 года *). Но было бы странно, если бы о настроеніи дворянскаго общества высшая администрація узнавала только изъ памфлетовъ: у нея, конечно, были гораздо болѣе прямые источники. Когда будутъ опубликованы бумаги бывшаго III отдѣленія государевой канцеляріи, можно будетъ детально прослѣдить, какъ свѣдѣнія изъ этихъ прямыхъ источниковъ мало-по-малу стекались къ центру. Если будетъ когда-нибудь опубликована интимная переписка Александра II съ его ближайшими совѣтниками, мы сможемъ наблюдать шагъ за шагомъ, какъ подъ впечатлѣніемъ этихъ извѣстій созрѣвалъ новый курсъ крестьянской политики зимою 1858—59 гг. Пока мы можемъ отмѣтить только позднѣйшіе

*) Этотъ памфлетъ — [illegible] — не [illegible] смѣшивать съ [illegible] запиской М. Безобразова, о которой [illegible].

[illegible] — мы [illegible], но достаточно характерныхъ признаковъ. 18 октября 1858 года, послѣ [illegible] перерыва, происходило весьма торжественное засѣданіе главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, подъ предсѣдательствомъ императора. [illegible] традиціи, [illegible] въ личномъ [illegible], [illegible] генералъ-адъютанта Ростовцева, который задолго до этого времени считался „незамѣнимымъ человѣкомъ по крестьянской части“ при Александрѣ II, какъ Киселевъ былъ таковымъ при Николаѣ Павловичѣ. Дѣйствительно, нѣкоторыя фразы протокола [illegible] съ письмомъ Ростовцева (изъ-за границы) къ императору; съ этими письмами намъ еще придется имѣть дѣло въ дальнѣйшемъ. Но характерны и новы въ засѣданіи 18 октября не эти черты; характерно и ново то почти нескрываемое недовѣріе къ дворянству, которое проходитъ красной чертой черезъ весь протоколъ засѣданія. Уже въ самомъ началѣ, въ пунктѣ 2-мъ, министру внутреннихъ дѣлъ ставится въ обязанность [illegible] циркуляромъ потребовать отъ всѣхъ комитетовъ, „чтобы они... непремѣнно объяснили во всей подробности, чѣмъ состояніе помѣщичьихъ крестьянъ (по ихъ проектамъ) улучшится въ будущемъ, [illegible]“... [illegible] требуютъ [illegible] словомъ — значитъ сомнѣваются чтобы безъ этого условія была сказана правда: нельзя было безцеремоннѣе

намекнуть, что представители дворянства подозрѣваются въ намѣреніи надуть правительство. Слѣдующій, 3-й пунктъ журнала развиваетъ дальше тотъ же мотивъ. Получивъ отъ дворянства показанія подъ честнымъ словомъ, министерство внутреннихъ дѣлъ (т. е. собственно его земскій отдѣлъ, учрежденный спеціально для работъ по крестьянскому дѣлу) должно было подвергнуть каждый комитетскій проектъ внимательному разсмотрѣнію, на предметъ того, а) нѣтъ ли въ немъ какихъ-либо отступленій отъ началъ и указаній, высочайше утвержденныхъ собственно для крестьянскаго вопроса? б) нѣтъ ли въ немъ отступленій вообще отъ духа государственныхъ узаконеній? и в) дѣйствительно ли улучшается имъ бытъ помѣщичьихъ крестьянъ и въ чемъ именно? Особенно пикантна была эта послѣдняя операція—фактическая провѣрка того, за что дворяне только что поручились честнымъ словомъ. Но собака зарыта, конечно, не здѣсь, а въ пунктѣ б): корнемъ недовѣрія къ дворянству была именно неувѣренность въ томъ, что проекты комитетовъ во всемъ согласны съ „духомъ государственныхъ узаконеній". Журналъ засѣданія 18 октября — чисто политическій документъ, дающій намъ четкую линію разрыва, только что происшедшаго между двумя группами дворянства: дворянствомъ придворнымъ и чиновнымъ, владѣвшимъ и правившимъ, выразителемъ мнѣній котораго былъ главный комитетъ,—и дворянствомъ провинціальнымъ, владѣвшимъ, но не правившимъ, до сихъ поръ не смѣвшимъ свое сужденіе имѣть, но теперь нашедшимъ для этого органъ въ лицѣ губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу. И чтобы не оставалось сомнѣній, съ кѣмъ собственно ведется борьба, главный комитетъ дѣлаетъ первый шагъ къ тому, чтобы разрушить тотъ планъ всероссійскаго дворянскаго собранія, сообща съ главнымъ комитетомъ рѣшающаго крестьянскій вопросъ, который увѣнчивалъ собою зданіе дворянскихъ надеждъ и чаяній. 10-й пунктъ журнала 18 октября категорически устанавливаетъ, что въ занятіяхъ главнаго комитета могутъ и будутъ принимать участіе „не только члены, избранные отъ губернскихъ комитетовъ", т. е. не только представители дворянства, но и „всѣ тѣ лица (эксперты), которые своими познаніями въ сельскомъ хозяйствѣ и бытѣ крестьянъ могутъ принести пользу разсматриваемому дѣлу". А чтобы заранѣе показать, что правительство поставитъ на одну доску съ дворянскими депутатами и своихъ собственныхъ агентовъ, дальше говорится о вызовѣ съ той же цѣлью губернаторовъ и членовъ губернскихъ комитетовъ по назначенію губернаторовъ. Все это — журналъ комитета не оставляетъ въ томъ ни малѣйшаго сомнѣнія—лишь различные и притомъ вполнѣ равноправные источники информаціи: рѣшающій голосъ правительство признаетъ только за собой—и ни за кѣмъ больше.

Собственно, формальная сторона конфликта, разыгравшагося въ началѣ осени слѣдующаго 1859 года, въ засѣданіи 18 октября уже намѣтилась сполна. Но дѣло не могло ограничиться одною формальной стороной. Нельзя было сказать: „теперь я буду рѣшать дѣло, а не вы"

— и все же рѣшить его такъ, какъ намѣтили комитеты. Политическій элементъ, вернувшійся въ крестьянскій вопросъ, грозилъ было разрушить ту совершенную гармонію, которая сливала въ одно цѣлое при Николаѣ правительство и дворянство. Въ первые дни царствованія [illegible] на страхъ передъ пугачевщиной еще усилилъ на короткое время эту спайку: за пугачевщиной можно было забыть о конституціи,— тѣмъ болѣе, что съ 1825 года никто о ней и не напоминалъ. Теперь пугачевщина оказалась мифомъ, а „конституціонныя вожделѣнія" совершенно неожиданной реальностью. Тѣмъ, кто владѣлъ и правилъ, владѣніе начинало казаться болѣе или менѣе обезпеченнымъ — опасность грозила политической власти. „Мужикъ съ факеломъ" вдругъ сталъ лояльнѣйшимъ вѣрноподданнымъ, а вѣрноподданный еще вчера дворянинъ — едва не Робеспьеромъ. И въ первую минуту ничто не могло быть естественнѣе, какъ перенести свое благоволеніе съ одной соціальной группы на другую. Въ первую минуту такъ оно и случилось.

Въ засѣданіяхъ 19, 22 и 29 ноября 1858 года, происходившихъ въ столь же торжественной обстановкѣ, были заново установлены „[illegible] главныя основанія, которыми должны руководствоваться" главный комитетъ и учрежденныя при немъ комиссіи при разсмотрѣніи губернскихъ проектовъ. „Главныя основанія" рескриптовъ и сопровождавшихъ ихъ министерскихъ циркуляровъ, очевидно, считались уже устарѣвшими. Дѣйствительно, новые принципы, усвоенные теперь главнымъ комитетомъ, [illegible] — [illegible] правленіи [illegible]. Рескрипты [illegible] освобожденіе съ выкупомъ усадьбы, [illegible] правительства, какъ мы видѣли, разумѣли выкупъ личности. Только [illegible] за свободу въ [illegible] ной формѣ, крестьянинъ пріобрѣталъ, по рескриптамъ, право собственности [illegible]. Журналъ 4 декабря 1858 года (формулировавшій результаты трехъ названныхъ выше засѣданій главнаго комитета) постановилъ, что „право свободныхъ состояній, лично, по имуществу и по праву жалобы", крестьяне получаютъ немедленно по обнародованіи новаго положенія, — безъ какихъ-либо дополнительныхъ условій. Рескрипты оставляли вотчинную полицію за помѣщиками: журналъ 4 декабря категорически заявляетъ, что „власть надъ личностью крестьянина... сосредоточивается въ мірѣ и его избранныхъ. Помѣщикъ долженъ имѣть дѣло только съ міромъ, не касаясь личностей". И наконецъ, рескрипты отдавали землю крестьянамъ только въ пользованіе: мы видѣли, что этого принципа министерство внутреннихъ дѣлъ сначала держалось такъ твердо, что запрещало разсужденія о выкупѣ земли крестьянами въ собственность даже самимъ дворянскимъ комитетамъ—которые въ данномъ случаѣ были смѣлѣе, чѣмъ сами помѣщики. Теперь объ этомъ не было и помину: журналъ 4 декабря безъ околичностей заявлялъ, что „необходимо стараться, чтобы крестьяне постепенно дѣлались земельными соб-

ственниками. Для этого слѣдуетъ: а) сообразить, какіе именно способы могутъ быть предоставлены со стороны правительства для содѣйствія крестьянамъ къ выкупу поземельныхъ ихъ угодій..." А еще недавно „надъ словомъ *выкупъ* было произнесено какъ бы проклятіе, и всякій разъ, какъ Ланской заикался о немъ государю, его прерывали словами: это невозможно, объ этомъ нельзя и думать" *). Такъ политическая борьба сразу разрубила гордіевъ узелъ. Если крупное землевладѣніе становилось крамольнымъ—надо было въ противовѣсъ ему создать мелкое землевладѣніе облагодѣтельствованныхъ и вѣрноподданныхъ крестьянъ.

Основныя линіи новаго курса были теперь твердо обозначены. Оставалось выработать его подробности. Мы уже знаемъ, что само правительство именно въ этой области было совершенно безсильно: у него не было ни людей, ни знаній, ни умѣнья найти людей и пріобрѣсти знанія. Волей неволей пришлось передать—на время — свою власть тѣмъ, кто не стоялъ на высшихъ ступенькахъ бюрократической лѣстницы, но зато обладалъ знаніями и умѣлъ ихъ прилагать къ дѣлу. То были отчасти чиновники, но второстепенные, отчасти тѣ же помѣщики — но такіе, въ благонамѣренности которыхъ правительство не сомнѣвалось. Изъ тѣхъ и изъ другихъ было создано учрежденіе, совершенно безпримѣрное въ нашей административной исторіи, — которое не было пріурочено ни къ какому вѣдомству и не нашло бы себѣ мѣста въ табели о рангахъ, — но которое вмѣшивалось въ дѣла всѣхъ вѣдомствъ и заставляло склоняться передъ собою „тайныхъ и даже дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ", напоминая имъ, что время ихъ „миновало безвозвратно", по горькому признанію одного изъ номинальныхъ „начальниковъ" этого страннаго учрежденія, графа Панина. Горечь была преждевременной: тайные совѣтники очень быстро вернули себѣ всю присвоенную ихъ рангу власть, и окончательное рѣшеніе было все же произнесено ими. Но въ исторіи освобожденія крестьянъ осталась полоса яркая и характерная, безъ которой нельзя и представить себѣ этой исторіи. Этой полосой является дѣятельность *редакціонныхъ комиссій*.

Официально редакціонныя комиссіи, какъ показываетъ ихъ названіе, преслѣдовали скромную цѣль—окончательной *редакціи* положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости. Съ этой точки зрѣнія онѣ занимали такимъ образомъ весьма второстепенное мѣсто — вспомогательнаго, рабочаго учрежденія при такъ называемой „особой комиссіи" главнаго комитета („комиссіи четырехъ", какъ ее еще иногда называютъ, потому что она состояла изъ четырехъ лицъ: Ланского, Панина, М. Н. Муравьева и Ростовцева). На дѣлѣ „особая комиссія", какъ безъ труда можно было догадаться по ея составу, оказалась совершенно неработоспособной — и официальное положеніе редакціонныхъ комиссій не имѣло никакого отношенія къ ея дѣйствительному значенію. „Въ порядкѣ подчиненія, редакціонныя комиссіи стояли фактически во все время ихъ занятій въ непосредственномъ вѣдѣніи государя императора чрезъ сво-

*) Записки М. А. Милютиной. „Рус. Стар." 1899 г., январь.

ихъ предсѣдателей, сначала Я. И. Ростовцева, а потомъ гр. В. Н. Панина, въ [illegible] государственнымъ учрежденіемъ", говоритъ ихъ историкъ, „такъ что въ дѣйствительности онѣ существовали сами какъ бы отдѣльное въ государствѣ временное управленіе" *). Этотъ историкъ приводитъ мысль о созданіи такого учрежденія къ двумъ запискамъ, одной Милютина, другой Ростовцева, почти одновременно представленнымъ Александру II въ началѣ 1859 года. На самомъ дѣлѣ эта мысль гораздо старше: мы уже упоминали, что первый эскизъ редакціонныхъ комиссій, вполнѣ точно намѣчающій основныя линіи ихъ дѣятельности и почти точно—ихъ составъ, встрѣчается въ одной запискѣ Кавелина, составленной по порученію вел. кн. Константина Николаевича еще въ 1857 году. Въ то время не было еще губернскихъ комитетовъ, и Кавелинъ не имѣлъ надобности маскировать истинную цѣль занятій своей комиссіи официальнымъ предлогомъ—разсмотрѣнія и окончательнаго редактированія выработанныхъ комитетами проектовъ. Но съ этимъ официальнымъ предлогомъ весьма мало церемонились даже въ официальныхъ документахъ: редакціонная задача комиссій была выдвинута на первый планъ только въ указѣ сенату, распубликованномъ во всеобщее свѣдѣніе. Въ болѣе интимномъ „увѣдомленіи", которое получилъ первый предсѣдатель комиссіи отъ предсѣдателя главнаго комитета, прямо было сказано, что комиссіи, наряду съ составленіемъ свода изъ проектовъ губернскихъ комитетовъ, „обязаны [illegible] Высочайшими повелѣніями, на сей предметъ послѣдовавшими. Руководствуясь [illegible] главнаго комитета по крестьянскому дѣлу и постановленіями комиссіи сего комитета" (т. е. бездѣйствовавшей комиссіи четырехъ). При этомъ редакціонныя комиссіи обязаны были „принимать въ соображеніе" всякія [illegible]—только никакъ не проекты, составленные губернскими комитетами: съ ними онѣ считаться вовсе не были обязаны.

Предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій *) и „непосредственнымъ начальникомъ" ихъ былъ назначенъ давній сотрудникъ Александра II, еще въ бытность его наслѣдникомъ, генералъ-адъютантъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ: когда цесаревичъ Александръ Николаевичъ числился начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, Ростовцевъ былъ при немъ начальникомъ штаба—т. е. фактически управлялъ этими заведеніями. Имя Ростовцева извѣстно теперь едва ли не всякому грамотному русскому человѣку—и мы съ трудомъ можемъ себѣ представить, что было время, когда съ этимъ именемъ связывались самыя тягостныя представленія. Когда будущій фактическій руководитель занятіями редакціонныхъ комиссій, Николай Милютинъ, узналъ, что ему придется работать вмѣстѣ съ Ростовцевымъ, онъ пришелъ въ самое подавленное настроеніе и [illegible] не

*) П. П. Семеновъ, Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе имп. Александра II, I, 15.

*) Множественное число въ названіи [illegible]

могъ рѣшиться даже поѣхать съ визитомъ къ своему будущему предсѣдателю. Только убѣжденіе, что отъ „подобнаго дѣла отказываться нельзя“, преодолѣло его колебаніе. А Милютинъ не даромъ славился въ кругу своихъ друзей „оборотливостью“ своего ума и умѣньемъ вести дѣла „посреди самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ и препятствій“. Недоумѣніе болѣе широкихъ и менѣе посвященныхъ круговъ, выразившееся въ извѣстномъ отзывѣ Герцена, было, такимъ образомъ, болѣе, чѣмъ понятно. Любопытно, что отзвуки этого первоначальнаго мнѣнія о Ростовцевѣ продолжали слышаться и долго послѣ,—когда самъ онъ уже сошелъ въ могилу и его дѣятельность по крестьянской реформѣ лежала у всѣхъ передъ глазами. Одинъ изъ его ближайшихъ сотрудниковъ по редакціоннымъ коммиссіямъ, Я. Соловьевъ (умершій въ 1876 году), въ своихъ запискахъ готовъ изобразить иногда своего бывшаго „начальника“ вульгарнымъ интриганомъ, руководившимся исключительно желаніемъ забрать всю власть въ свои руки. Соловьевъ былъ человѣкъ желчный и злопамятный: но и отзывы людей, гораздо болѣе объективныхъ, не имѣвшихъ противъ Ростовцева никакихъ „личностей“, весьма далеки отъ легендарнаго образа, такъ знакомаго теперь читающей публикѣ. Авторъ первой, по времени, исторіи крестьянской реформы, — вышедшей въ 1861 году въ Берлинѣ подъ скромнымъ именемъ „Матеріаловъ для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія въ Россіи“,—горячій сторонникъ эмансипаціи и большой знатокъ крестьянскаго дѣла, Д. Хрущовъ, сравнивая—по поводу смерти Ростовцева—покойнаго предсѣдателя редакціонныхъ комиссій съ его замѣстителемъ, гр. Панинымъ, находитъ въ этихъ двухъ столь противоположныхъ людяхъ одно сходство: „оба страшные деспоты, оба, вмѣстѣ съ тѣмъ страшные льстецы верховной власти“. „Съ веселымъ, шутливымъ характеромъ, пользуясь даже отъ рожденія косноязычіемъ, какъ средствомъ забавлять и смѣшить, онъ (Ростовцевъ) скоро успѣвалъ нравиться особливо высшимъ и дѣлался человѣкомъ необходимымъ въ домашнемъ быту. Можно бы сдѣлать богатый сборникъ изъ всѣхъ острот и шутокъ, которыми онъ потѣшалъ въ теченіе многихъ лѣтъ великаго князя Михаила Павловича и покойнаго государя. Съ помощью этого искусства онъ успѣвалъ благотворить другимъ, не забывая и собственнаго возвышенія. Въ дѣлахъ гражданскихъ онъ никогда не упражнялся и не имѣлъ о нихъ никакого понятія. Тѣмъ не менѣе, и особенно въ послѣдніе годы его жизни, когда кругъ его дѣятельности по управленію военно-учебными заведеніями становился тѣснымъ для его безпрерывно возраставшаго честолюбія, онъ имѣлъ претензію упражняться и въ высшихъ государственныхъ вопросахъ и съ наслажденіемъ читалъ своимъ подчиненнымъ сочиненныя имъ по разнымъ предметамъ записки, любя пристрастныя ихъ похвалы и вынужденный фиміамъ“ *).

Хотя авторъ и прибавляетъ въ заключеніе этой малолестной характеристики, что хорошее преобладало въ Ростовцевѣ надъ дурнымъ—онъ едва ли удовлетворитъ этимъ своего

*) „Матеріалы“, т. II, стр. 381 и 19.

чиханія. Съ точки зрѣнія политиче-[illegible] литературѣ названія „либеральный" „консерваторъ" и „ре-[illegible]" не объяснить, какъ такой человѣкъ могъ сдѣлаться однимъ изъ дѣятелей крестьянской реформы. Представленіе психологическую разгадку [illegible] изъ редакціонныхъ комиссій представителемъ этого историческаго направленія, съ самой точки зрѣнія [illegible] никакого противорѣчія между личными свойствами Ростовцева, какъ онъ описывается, и его историческою ролью. Александру II въ начинающемся имъ походѣ противъ [illegible] нуженъ былъ человѣкъ, безусловно лично ему преданный и [illegible] не связанный ни своими [illegible] отношеніями, ни [illegible] опредѣленными политическими убѣжденіями. [illegible] послѣднихъ, какъ мы уже видѣли, Александръ Николаевичъ и вообще не желалъ — [illegible] онъ и [illegible] Ростовцева. [illegible] той главной причиной, что у него не было никакихъ убѣжденій. Ростовцевъ, [illegible] изъ [illegible], всей своей карьерой обязанный императору Николаю, чужой въ дворянскомъ обществѣ, — которое, само никогда [illegible] декабристамъ, тѣмъ не менѣе считало своимъ долгомъ „не прощать" Ростовцеву, что онъ первый разсказалъ Николаю о заговорѣ — былъ именно такимъ человѣкомъ, который требовался Александру II въ эту минуту [illegible] крестьянскаго дѣла. Эти взгляды Ростовцева на это дѣло не отличались ни опредѣленностью, ни глубиной и не [illegible] въ немъ [illegible] — это было [illegible] его [illegible] къ Александру [illegible] Ростовцевъ, — когда [illegible] — [illegible] „[illegible]", [illegible] реформу. [illegible] „[illegible]" — и не только потому, что для него необходимо „[illegible]" [illegible], но и потому, что его [illegible] „[illegible]" [illegible] „[illegible]" [illegible] крестьяниномъ, судится, какъ преступленіе уголовное, какъ оскорбленіе отца" (1). [illegible] какъ [illegible], такой [illegible] Александра II [illegible] внутреннихъ дѣлъ [illegible] Ростовцеву), а [illegible], въ мѣстахъ [illegible] — [illegible] и „[illegible] офицеры гвардіи" съ „бѣдными студентами университетовъ и разныхъ [illegible] высшихъ учебныхъ заведеній". Ростовцевъ въ это время (августъ — сентябрь [illegible]) [illegible] — [illegible] что [illegible] „мужикъ съ топоромъ"

зачастую всплывалъ въ рѣчахъ и въ засѣданіяхъ редакціонныхъ комиссій. Но любопытно, что значеніе этого миѳическаго мужика съ теченіемъ времени радикально измѣнилось: въ письмахъ возможность безпорядковъ вызываетъ только заботу объ огражденіи правъ и безопасности помѣщика—а въ редакціонныхъ комиссіяхъ та же опасность выдвигается уже противъ помѣщика, какъ аргументъ въ пользу сохраненія за крестьянами въ неприкосновенномъ видѣ всего ихъ земельнаго надѣла.

Ростовцевъ, очевидно, не могъ быть руководителемъ занятій редакціонныхъ комиссій—онъ могъ только наблюдать за тѣмъ, чтобы онѣ не отступали отъ принциповъ, одобренныхъ императоромъ и главнымъ комитетомъ. Но отъ него большаго и не требовалось: роль положительная и творческая новымъ курсомъ съ самаго начала была отведена другому человѣку, котораго самъ Ростовцевъ въ шутку называлъ „нимфой Эгеріей“. Этимъ человѣкомъ былъ Николай Алексѣевичъ Милютинъ. То, что было для Ростовцева служебнымъ долгомъ, который онъ выполнялъ добросовѣстно и съ большимъ офиціальнымъ рвеніемъ,—но не по собственному почину и выбору, а просто потому, что ему приказали дѣлать именно это, а не другое, сегодня учить кадетовъ, завтра освобождать крестьянъ — то для Милютина было вполнѣ личнымъ дѣломъ, вытекавшимъ изъ глубочайшаго внутренняго убѣжденія. Въ придворныхъ кругахъ, какъ мы уже знаемъ, этого человѣка считали „краснымъ“, чуть не якобинцемъ; озлобленные дворяне впослѣдствіи обвиняли его въ „коммунизмѣ“. Но удивительнѣе всего, что либеральная историческая традиція тоже записала его въ свой синодикъ,—какъ бы подтверждая этимъ своимъ приговоромъ, если не послѣднее, то первое изъ двухъ указанныхъ мнѣній. На самомъ дѣлѣ Милютинъ былъ одинаково далекъ и отъ коммунизма, и отъ якобинства,—а въ особенности отъ либерализма. На зарѣ капиталистическаго развитія мы во многихъ странахъ встрѣчаемъ фигуру министра, сознательно приносящаго политическую свободу общественныхъ верховъ въ жертву матеріальному благосостоянію массы. „Поднять и поставить на ноги угнетенную массу“—эти слова изъ одного позднѣйшаго письма Милютина (писаннаго имъ изъ Польши) могли бы служить девизомъ всей его дѣятельности. Но какъ у всѣхъ дѣятелей того же типа, — какъ у Помбаля, Струэнзе, или Іосифа II, этотъ своеобразный, наивный демократизмъ сопровождался чертой совершенно антидемократической,—до фанатизма доходящей вѣрой въ то, что только неограниченная государственная власть способна совершить это чудо: голодныхъ рабовъ сдѣлать сытыми и счастливыми людьми. Въ своей слѣпотѣ люди этого типа не замѣчали, что они въ сущности стремятся только замѣнить одинъ видъ рабства другимъ: феодальную зависимость массы отъ частныхъ лицъ, свойственную натуральному хозяйству,—государственнымъ рабствомъ, характернымъ для эпохи первоначальнаго накопленія. Но они не замѣчали этого совершенно искренно—и это придавало необыкновенную цѣльность всей ихъ дѣятельно-

сти и особенную энергію въ политику на „политическія" тенденціи правительственныхъ [illegible], противъ которыхъ онъ [illegible]. Въ первый періодъ крестьянской реформы, когда она казалась всецѣло отданной въ руки „красныхъ" законодателей, не было [illegible] Милютина. „Въ какихъ теперь все это рукахъ?" писалъ еще въ началѣ 1858 года своему [illegible] бывшему министру государственныхъ имуществъ [illegible], графу Киселеву. „Что за безпорядокъ и неурядица! Горестно подумать, какъ творятся такія трудныя и важныя дѣла. Дилетантизмъ, верхоглядство, неподготовленность, нерѣшительность, предоставленность собственнымъ силамъ. Не могу себѣ представить, что выйдетъ изъ этого безъ руководства и направленія при самой грубой оппозиціи высшихъ сановниковъ, при интригахъ и недобросовѣстности исполнителей. Нельзя не изумляться рѣдкой твердости государя, который одинъ обнаруживаетъ настоящую реакцію и силу энергіи". По горькой ироніи судьбы именно этотъ государь, о которомъ авторъ письма былъ такого высокаго мнѣнія, — именно онъ-то больше всего и не довѣрялъ своему почитателю. Стоитъ прочесть — въ запискахъ вдовы Милютина — длинную трагикомедію назначенія „краснаго" директора департамента товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ: Александръ II употреблялъ всѣ усилія, чтобы отдѣлаться отъ Милютина и [illegible] его — [illegible] чиновника, дослужившагося до генеральскихъ чиновъ, — чему-то въ родѣ безсмѣннаго зна-чена въ [illegible]. Только [illegible] Ланского Милютинъ [illegible], и то не [illegible], а лишь „временно исправляющимъ обязанности товарища" министра. Слово „временно" было [illegible] самимъ Александромъ Николаевичемъ въ [illegible] его было [illegible].

Такъ какъ у насъ въ доброе старое время — когда не было еще ни программъ, ни партій — принято было считать „либералами" всѣхъ, кто состоялъ въ оппозиціи у правительства, — то [illegible] этой исторіи обязанъ своей либеральной репутаціей и Милютинъ. Впрочемъ, по этой причинѣ и [illegible] Ростовцевъ относилъ его къ либераламъ. „Человѣкъ вполнѣ современный и весьма способный", говорилъ о Милютинѣ его будущій „начальникъ" — какъ же не либералъ? Къ чести Александра II нужно сказать, что въ этомъ вопросѣ онъ умѣлъ разобраться. Упомянувъ въ разговорѣ съ Ланскимъ, что Милютина одни обвиняютъ въ ненависти къ дворянству, а другіе въ любви къ конституціи, — императоръ невольно улыбнулся. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли было представить себѣ такое сочетаніе чувствъ въ дни редакціонныхъ комиссій?

Намъ совершенно нѣтъ надобности выяснять, какимъ индивидуальнымъ условіямъ Милютинъ былъ обязанъ своею ненавистью къ дворянству и своимъ равнодушіемъ къ конституціи. Весьма возможно, что служба въ хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ — гдѣ передъ нимъ въ теченіе двадцати лѣтъ [illegible]

мозкныя помѣщичьи безобразія, — дѣйствительно, какъ указываетъ одинъ изъ его біографовъ, помогла воспитаться первому чувству—или, по крайней мѣрѣ, дала богатый матеріалъ для его субъективнаго оправданія. Но вторая черта Милютина —его крайній гувернементализмъ, вѣра въ самодержавную власть и невѣріе въ общество, была слишкомъ распространена въ то время *) и слишкомъ хорошо объясняется положеніемъ тогдашнихъ передовыхъ группъ—поставленныхъ между косностью большинства помѣщиковъ, съ одной стороны, и опасностью дожить до пугачевщины, — съ другой. Мы видѣли, что и Кавелинъ и, въ особенности, Самаринъ были въ этомъ случаѣ очень недалеки отъ Милютина, и что отъ скептицизма по адресу конституціи не былъ свободенъ даже Герценъ. Оттого и Самаринъ, и другіе сторонники эмансипаціи того же типа такъ легко и акклиматизировались въ редакціонныхъ комиссіяхъ, куда они были вызваны въ качествѣ экспертовъ. Тамъ не нашлось только мѣста ни для Унковскаго, ни для Кошелева: отсутствіе перваго въ подобномъ учрежденіи было достаточно понятно само по себѣ. Отсутствіе второго пытались иногда объяснить тѣмъ, что онъ пользовался наверху не особенно блестящей моральной репутаціей—былъ недостаточно святымъ человѣкомъ для такого „святого“ дѣла. Но въ комиссіяхъ были отнюдь не одни святые люди: генералъ-провіантмейстера Булгакова, занимавшаго въ комиссіяхъ (по назначенію отъ правительства) весьма почетное мѣсто—одно время онъ даже предсѣдательствовалъ—, кажется, никто въ святости не подозрѣвалъ. А въ числѣ членовъ экспертовъ былъ полтавскій помѣщикъ Позенъ—„личность въ высшей степени подлая и гнусная“, по энергическому выраженію перваго историка крестьянской реформы *). На самомъ дѣлѣ Позенъ былъ главнымъ образомъ виноватъ въ томъ, что черезчуръ энергично и послѣдовательно отстаивалъ интересы помѣщиковъ. Но какъ бы то ни было, его репутація, заслуженная или нѣтъ, не помѣшала ему быть приглашеннымъ въ комиссіи и даже пользоваться тамъ, въ первое время, большимъ вліяніемъ на Ростовцева. Для остракизма Кошелева приходится, такимъ образомъ, искать другихъ основаній: и едва ли не главное изъ нихъ было въ томъ, что рязанскій комитетъ по части политики отнюдь не былъ на хорошемъ счету, требуя раздѣленія властей съ самаго корня съ такою неукоснительностью, что даже мелкія деревенскія правонарушенія готовъ былъ поручить особаго рода суду присяжныхъ; а къ тому же еще лично Кошелевъ пользовался репутаціей большой независимости. Нѣтъ сомнѣнія, что именно послѣдняя причина закрыла двери комиссій передъ ихъ иниціаторомъ, Кавелинымъ: послѣ исторіи съ его „запиской“ онъ считался рѣшительно неблагонадежнымъ.

Въ этомъ устраненіи отъ комиссій людей, которые несомнѣнно были бы имъ очень полезны, мы вовсе не должны видѣть однако сознательную политическую тенденцію. Мы были бы слишкомъ хорошаго мнѣнія о „высшихъ сферахъ“ 1859 года, если бы предположили у этихъ сферъ хотя

*) См. выше 1. Новое общество.

*) „Матеріалы“. II, 22.

[illegible]

[illegible] Паскевича, сына николаевскаго [illegible]

[illegible]

мелкой земельной собственности. Что [illegible]

[illegible] сочленовъ. Шуваловъ и Паскевичъ въ одинъ голосъ доказывали, что [illegible] совершенно добровольная, которая можетъ состояться, а можетъ и не состояться. Государственную мѣру, какой является отмѣна крѣпостного [illegible]

[illegible] нистра. Комиссіи должны были отводить душу въ довольно желчныхъ [illegible] „еще и донынѣ нѣкоторыя лица про- [illegible] лама и клонящееся въ той или другой [illegible] бездомныхъ, безземельныхъ работни- [illegible] положеніе вещей въ другихъ государствахъ, безъ сомнѣнія не можетъ [illegible] „довести до результатовъ самыхъ гибельныхъ“...

[illegible]

Шуваловымъ и Паскевичемъ, вели, конечно, не къ созданію „класса свободныхъ безземельныхъ работниковъ“: ему нужно было юридическое превращеніе оброка въ ренту. Аргументъ его противниковъ билъ дальше цѣли: но онъ остается тѣмъ не менѣе чрезвычайно выразительнымъ. Такъ боялись образованія въ Россіи пролетаріата тѣ самыя редакціонныя комиссіи, которыя потомъ подвергались со стороны раздраженнаго дворянства обвиненіямъ въ коммунизмѣ! Мы увидимъ впослѣдствіи, что соціальный консерватизмъ выражался у комиссій не только въ этой экономической формѣ (въ *этой* формѣ онъ не былъ чуждъ и тогдашнимъ радикаламъ,—напримѣръ, Чернышевскому), но и въ другихъ формахъ, гораздо болѣе „николаевскихъ“. Доводы Паскевича и Шувалова были ничѣмъ не хуже аргументаціи тѣхъ почтенныхъ англійскихъ буржуа, которые возставали противъ фабричнаго законодательства на томъ основаніи, что оно стѣсняетъ „свободу труда“. Съ этой точки зрѣнія они могли не безъ основанія гордиться своей „прогрессивностью“ передъ „отсталыми“ николаевскими чиновниками и помѣщиками - славянофилами, составлявшими большинство редакціонныхъ комиссій. Тѣмъ не менѣе большинство все же оставалось большинствомъ— и Паскевичъ съ Шуваловымъ, несмотря на всѣ усилія императора „помирить“ ихъ съ ихъ коллегами, вышли изъ состава комиссій *).

*) Впослѣдствіи, по настоянію императора, они вернулись, но дѣятельнаго участія въ работахъ не принимали.

Этотъ инцидентъ, не имѣвшій формальныхъ послѣдствій, если не считать таковыми протоколовъ, былъ однако же чрезвычайно характеренъ, какъ симптомъ. Милютинъ могъ мечтать о внѣклассовой государственной власти, безстрастной и неумолимой, какъ судьба — но реальные люди всегда люди какого-нибудь опредѣленнаго класса. Даже такъ мало понимавшій въ экономическихъ и юридическихъ вопросахъ Ростовцевъ сталъ сознавать подъ конецъ жизни, что онъ въ сущности все время стоялъ со своими сотрудниками на *классовой* точкѣ зрѣнія—именно на точкѣ зрѣнія классоваго *крестьянскаго* интереса *). Но такая позиція была слишкомъ искусственна для большинства членовъ комиссій. Они были все же дворяне: „большинство принадлежало къ числу помѣщиковъ, большею частію зажиточныхъ и даже богатыхъ“ („Матеріалы“. II, 22). Отрѣшиться вовсе и окончательно отъ помѣщичьей точки зрѣнія они могли такъ же мало, какъ мало могъ Александръ II отрѣшиться отъ пристрастія къ Шуваловымъ и Паскевичамъ. Это сказалось со всею силой на первомъ же самомъ элементарномъ вопросѣ — вопросѣ о крестьянскомъ *надѣлѣ*.

Докладъ „объ основаніяхъ и размѣрѣ надѣла“ былъ порученъ хозяйственнымъ отдѣленіемъ комиссій **) кн. Вл. А. Черкасскому. Какъ

*) „Комиссіи иногда наклоняли вѣсы на сторону крестьянъ и дѣлали это потому, что наклонять вѣсы *потомъ* отъ пользы крестьянъ къ пользѣ помѣщиковъ будетъ *и много охотниковъ и много силы*, а наоборотъ — иначе“ (письмо Ростовцева Александру II отъ 23 октября 1859 г.).

**) Комиссіи, отчасти согласно съ пер-

и Самаринъ, Черкасскій [illegible] изъ крупнѣйшихъ [illegible] [illegible] — [illegible] литературный талантъ [illegible] [illegible] Самаринъ. [illegible] [illegible] составилъ для Ростовцева предсмертную записку о ходѣ крестьянскаго дѣла (представленную Александру II 6 февраля 1860 года). Въ докладѣ о надѣлѣ Черкасскій оказался, по обыкновенію, на высотѣ своей репутаціи: докладъ отличался большой убѣдительностью. Его исходной точкой была та мысль, что „главная цѣль правительства состоитъ въ созданіи обезпеченнаго сословія сельскихъ обывателей". Совершенно правильно Черкасскій видѣлъ минимальное условіе для достиженія этой цѣли въ томъ, чтобы оставить за освобождаемыми крестьянами весь тотъ надѣлъ, какимъ они пользовались при крѣпостномъ правѣ,—надѣлъ, какъ мы видимъ, съ начала столѣтія уже сильно уменьшившійся *). Это требованіе, разумѣется, само по себѣ вполнѣ отвѣчало и исторической традиціи, какъ она сложилась со временъ Николая. При первомъ ограниченіи крѣпостного права въ западныхъ губерніяхъ — путемъ введенія инвентарей — было установлено, что „вся земля, находящаяся нынѣ въ пользованіи крестьянъ и [illegible] [illegible].

[illegible]

*) [illegible] т. IV. [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] *).

Окончательно [illegible] Черкасскаго [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] земелена, то, не измѣняя основной цѣли „[illegible]"—[illegible] [illegible] надѣла, съ обязательствомъ для помѣщика прирѣзать крестьянамъ земли, если у нихъ были меньше minimum'а. Но историческая традиція дворянской эры начала царствованія Александра II знаетъ и еще одну поправку: при введеніи инвентарей въ Могилевской и Витебской губерніяхъ (въ 1855 году) были установлены не только наименьшіе, но и наибольшіе размѣры крестьянскихъ участковъ. Другими словами, допускалась не только прирѣзка въ пользу крестьянъ, но и отрѣзка крестьянской земли въ пользу помѣщика. Въ общемъ собраніи редакціонныхъ комиссій (засѣданіе 18 и 20 мая) этотъ вопросъ вызвалъ ожесточенные споры. Цѣлый рядъ членовъ-экспертовъ высказывался противъ самой идеи [illegible] надѣла: многіе находили вполнѣ естественнымъ, что у крестьянъ будетъ отрѣзаться земля для увеличенія барской запашки, но [illegible], что часть барской запашки можетъ быть

*) [illegible] губ.).

отдана крестьянамъ. Члены по назначенію отъ правительства — въ томъ числѣ даже и Милютинъ—иногда „уклонялись отъ прямого отвѣта“: характерный показатель атмосферы, которая царствовала въ собраніи. Ростовцевъ колебался: сначала и онъ пытался „уклониться“—предложивъ отсрочить отрѣзку на 12 лѣтъ, до окончанія переходнаго срочно-обязаннаго періода. „Въ то время оно и разрѣшится, это будетъ ходъ историческій... Тогда, можетъ быть, представится совсѣмъ другое. Это, такъ сказать, осьмушка столѣтія“. Но по мѣрѣ того, какъ разгарались пренія, председатель начиналъ понимать жгучесть вопроса. „Отрѣзкой мы уничтожаемъ крестьянина“, говорилъ Ростовцевъ въ концѣ второго засѣданія: „а это бунтъ; всѣ юридическія теоріи прекрасны, но здѣсь дѣло идетъ о кускѣ хлѣба; мы отнимаемъ у крестьянина этотъ кусокъ изъ вѣжливости къ помѣщику, для популярности у дворянства. Государь велѣлъ намъ улучшить бытъ; какое же это улучшеніе?“ Самаринъ занялъ среднюю позицію: онъ стоялъ на томъ, что существующій надѣлъ — фактъ историческій, и что поэтому не слѣдуетъ допускать ни наибольшаго, ни наименьшаго размѣра. „И вообще никакой отрѣзки земли у крестьянъ“, прибавлялъ онъ однако, явно обнаруживая тѣмъ, что *этому* отступленію отъ исторіи онъ сочувствовалъ во всякомъ случаѣ меньше, чѣмъ противоположному. Черкасскій поставилъ точку надъ і, сказавъ послѣ долгихъ споровъ: „Конечно, не слѣдуетъ допускать уменьшенія у крестьянъ земли, и это согласуется вполнѣ съ моимъ личнымъ убѣжденіемъ; но что отрѣзка у нихъ земли будетъ популярна у дворянства, въ этомъ я не имѣю сомнѣнія, а если отвергнуть ее, то произойдетъ общее неудовольствіе. Нужна ли эта популярность — дѣло другое“. На этотъ вопросъ отвѣтило голосованіе, — именное, какъ всѣ важныя голосованія редакціонныхъ комиссій: „большинство или всѣ почти были за отрѣзку“, говорила протокольная запись, страннымъ образомъ умалчивая именно здѣсь, кто же были тѣ немногіе, которые не искали „популярности у дворянства“... Такимъ образомъ, идея знаменитыхъ „отрѣзковъ“ вовсе не была навязана редакціоннымъ комиссіямъ критикой депутатовъ 1-го и 2-го призывовъ — какъ иногда думаютъ. Она возникла совершенно самопроизвольно въ ихъ средѣ, и представителямъ помѣщичьихъ интересовъ оставалось только толкать ихъ по этой дорогѣ все дальше и дальше, доводя въ нѣкоторыхъ случаяхъ отрѣзку до настоящей экспропріаціи крестьянъ въ пользу помѣщиковъ.

Еще меньше твердости обнаружили комиссіи въ другомъ вопросѣ, тѣсно связаннымъ съ первымъ: въ вопросѣ о *способѣ*, какимъ долженъ перейти къ крестьянамъ этотъ урѣзанный надѣлъ, и о юридической формѣ этого перехода. Такъ какъ вся реформа носила принудительный характеръ, то было совершенно естественно и передачу крестьянамъ надѣла облечь въ форму *принудительнаго отчужденія* у помѣщиковъ крестьянской земли (которая, формально, принадлежала, конечно, имъ, какъ и сами крестьяне)—или, какъ тогда говорили, въ форму *принудительнаго выкупа*.

Но этотъ сравнительно радикальный логическій выводъ, сдѣланный еще Кавелинымъ въ его запискѣ,*) былъ жупеломъ для большинства членовъ комиссій, чѣмъ и пользовались противники этого большинства. Когда Шуваловъ хотѣлъ прижать къ стѣнѣ Милютина, Черкасскаго и другихъ, онъ ставилъ имъ въ упоръ вопросъ, долженъ быть выкупъ обязательнымъ или нѣтъ? И Милютинъ съ Черкасскимъ смущались, „старались доказать, что между выраженіями гр. Шувалова и тѣмъ, что было выражено въ предложеніи, не было дѣйствительнаго различія“ (!) и начинали говорить объ уступкахъ**). Въ концѣ концовъ комиссіи одновременно заявили, и что онѣ „считаютъ выкупъ крестьянской земли главнымъ исходомъ вопроса“, и что онѣ однако „не дѣлаютъ выкупа обязательнымъ“, т. е., что „главный исходъ“ вопроса онѣ оставляютъ въ рукахъ помѣщиковъ...***) Рано или поздно это пришлось сказать всѣми словами. Въ журналѣ общаго присутствія 13 августа гр. Шуваловъ, вернувшійся къ тому времени въ комиссіи, имѣлъ удовольствіе прочесть: „...если бы помѣщикъ предложилъ крестьянамъ выкупить весь утвержденный за ними надѣлъ и если бы по разсрочкѣ уплаты этой суммы [illegible] крестьяне [illegible] въ такомъ случаѣ [illegible] крестьянъ.“ Въ этомъ случаѣ правительство „по заявленіи желанія выкупа со стороны одного только помѣщика, выдаетъ ему выкупную сумму“. А такъ какъ —мы знаемъ это изъ протоколовъ губернскихъ комитетовъ—помѣщики считали для себя выгоднымъ [illegible], то здѣсь и рѣшались въ концѣ концовъ вполнѣ согласно съ интересами землевладѣльческаго класса.

Еще разъ сказался консерватизмъ комиссій на вопросѣ о крестьянскомъ „самоуправленіи“. „Одно изъ важнѣйшихъ условій улучшенія быта освобождаемыхъ крестьянъ и самаго выхода ихъ изъ крѣпостной зависимости, по мнѣнію редакціонныхъ комиссій, заключается въ замѣнѣ прежней безотчетной полицейской власти и безотчетнаго суда помѣщика правильнымъ [illegible] судебно-полицейскимъ устройствомъ крестьянъ“. Кромѣ непосредственнаго вліянія на будущее благосостояніе освобождаемыхъ крестьянъ, вопросъ о лучшемъ въ этомъ отношеніи устройствѣ ихъ имѣетъ первостепенную важность и въ видахъ сохраненія общаго порядка и спокойствія“ *).

Уже это послѣднее „соображеніе“ редакціонныхъ комиссій вводитъ насъ въ кругъ весьма архаичныхъ представленій о задачахъ „устройства“ крестьянъ. Чѣмъ-то глубоко накола-

*) „...Владѣльцевъ слѣдуетъ [illegible] у нихъ крѣпостныхъ [illegible] крестьянъ [illegible] (Семеновъ, II, стр. [illegible]).

**) Семеновъ. I, 156.

***) „[illegible] журналъ 27 мая 1859 года. Тамъ же, стр. 187.

*) Скребицкій. Крестьянское дѣло, т. I, стр. 337.

свскимъ вѣсть отъ этой сразу откуда-то выскакивающей заботы о „сохраненіи общаго порядка и спокойствія". Вы чувствуете, что объ этотъ краеугольный камень полицейскаго государства должны были разбиться всѣ прекрасныя намѣренія, выражавшіяся комиссіями по другимъ поводамъ и въ другихъ мѣстахъ своихъ проектовъ: о предоставленіи крестьянамъ „совершенно самостоятельнаго управленія", о нежелательности какого бы то ни было контроля надъ ними со стороны и т. д. Все это было мало-по-малу принесено въ жертву молоху „порядка и спокойствія", и чѣмъ дальше комиссіи шли по торной дорогѣ бюрократически - сословнаго государства, тѣмъ ближе онѣ оказывались къ упраздняемому ими крѣпостному праву.

Нѣкоторые губернскіе комитеты, напр., тверской—высказывали пожеланіе, чтобы никакого особеннаго „крестьянскаго управленія" не существовало—кромѣ распоряженія сельской общины своими хозяйственными дѣлами. По ихъ мнѣнію, должно было быть организовано мѣстное управленіе, общее для всѣхъ сословій, или вѣрнѣе, вовсе безсословное. Это было единственное рѣшеніе вопроса, отвѣчавшее духу предпринимаемой реформы, такъ какъ и по рескриптамъ, и по журналу 4 декабря крестьяне рано или поздно должны были превратиться въ свободныхъ сельскихъ обывателей, равноправныхъ со всѣми другими. Но на бѣду для той системы, которая на защиту себя выдвинула реакціонныя комиссіи, крестьяне были не только этимъ: „это сословіе въ критическія минуты всегда служило правительствамъ самою надежною опорою для охраненія общаго порядка и спокойствія". А разъ это такъ, то смѣшивать этихъ благонадежныхъ людей въ одну кучу съ другими сословіями, благонадежность которыхъ болѣе или менѣе сомнительна, — а въ особенности съ явно неблагонадежными въ данную минуту помѣщиками, было очевиднымъ неблагоразуміемъ. И вотъ комиссіи мало-по-малу приходятъ къ убѣжденію, что безсословный строй въ деревнѣ, можетъ быть и согласный съ духомъ крестьянской реформы, несогласенъ съ „духомъ нашихъ законовъ"—а мы знаемъ, что комиссіи должны были строго его блюсти и охранять отъ всякихъ покушеній. „На основаніи дѣйствующихъ законовъ", разсуждаютъ комиссіи, „всѣ свободныя сословія, несмотря на различіе правъ, предоставленныхъ имъ въ составѣ обществъ, пользуются полною другъ отъ друга независимостью. Всѣ они, отъ высшихъ до низшихъ, непосредственно *тянутъ* (по выразительному юридическому термину нашего древняго законодательства) къ живому средоточію государственнаго устройства, олицетворяющему собою единство Русской земли и единство правящей ею верховной власти".

Не трудно себѣ представить, къ чему должно было привести это старомосковское начало *тягла*, такъ глубоко раздробившее на сословія московское общество XVII вѣка, въ примѣненіи къ освобождаемымъ крестьянамъ. Основной единицей крестьянскаго самоуправленія, по проектамъ редакціонныхъ комиссій, являлось „мірское общество"—для великорусскихъ губерній совпадавшее съ по-

[illegible] общиной [illegible] не нравилось Ростовцеву, такъ какъ напоминало ему „фаланстеріи“). Это и былъ тотъ міръ, съ которымъ впредь должны были имѣть дѣло помѣщики, „не касаясь личностей“. Существуетъ мнѣніе, что сохраненіемъ мірского устройства крестьянъ мы обязаны славянофильскимъ воззрѣніямъ руководящихъ членовъ редакціонныхъ комиссій. Самаринъ былъ однимъ изъ виднѣйшихъ теоретиковъ славянофильства, котораго славянофилы-практики даже побаивались, считая его чересчуръ прямолинейнымъ: „лучше всего не давайте воли Самарину“, писалъ Кошелевъ, „злѣйшему доктринеру, человѣку, который и самого Гизо за поясъ заткнетъ“. Черкасскій былъ очень близокъ къ славянофильскимъ кругамъ; а Милютинъ, числившійся раньше западникомъ, въ комиссіяхъ, по увѣренію И. С. Аксакова, попалъ подъ теоретическое вліяніе Самарина и Черкасскаго. Возможно, что это и такъ—и тѣмъ не менѣе „міръ“, какъ онъ былъ поставленъ въ проектахъ редакціонныхъ комиссій, попалъ туда вовсе не ради соблюденія „народныхъ началъ“, а въ гораздо болѣе скромной роли. Объ этой роли прямо и просто выразился Ростовцевъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Александру II: „общинное устройство теперь, въ настоящую минуту, для Россіи необходимо“, читаемъ мы здѣсь: „*народу нужна еще сильная власть, которая замѣнила бы власть помѣщика*. Безъ міра помѣщикъ не собралъ бы своихъ доходовъ ни оброкомъ, ни трудомъ, а правительство своихъ податей и повинностей“. Не мудрено, что „міръ“ редакціонныхъ комиссій, [illegible] круговой поруки. [illegible] крестьянъ на самоуправленіе. Существо этого міра для Ростовцева опредѣляла круговая порука, которую онъ въ качествѣ [illegible] считалъ неотдѣлимой отъ общиннаго землевладѣнія. „Сохраненіе [illegible] круговой поруки“, писалъ онъ *) Александру II въ своей предсмертной запискѣ, „которая ставитъ личность крестьянъ въ слишкомъ большую зависимость отъ міра, комиссіи признали [illegible], такъ какъ, при существующемъ нынѣ общинномъ владѣніи землею, она составляетъ главный способъ обезпеченія повинности; *уничтожить же [illegible] землей*, съ которымъ крестьяне такъ сроднились, было бы мѣрою искусственной“. Вполнѣ согласно съ этимъ пониманіемъ дѣла, административное отдѣленіе комиссій въ своемъ докладѣ полагало, что „поземельной общинѣ могутъ быть предоставлены лишь тѣ хозяйственныя мѣры, которыя истекаютъ изъ самаго существа круговой поруки“. Не мудрено также, что „славянофильскія“ мѣропріятія редакціонныхъ комиссій прежде всего „привели въ ужасъ“ самихъ славянофиловъ, Константина Аксакова и Хомякова. Первый усмотрѣлъ въ докладѣ административнаго отдѣленія „ни болѣе, ни менѣе, какъ совершенное нарушеніе всей сущности русскаго общиннаго начала, полнѣйшее истязаніе міра, уничтоженіе всей

*) [illegible]

самобытной общественной свободы русскаго народа"... „Вы говорите, что на мірской сходкѣ первое лицо — староста. Когда міръ собранъ, то первое лицо здѣсь одно — міръ, а другого нѣтъ и быть не можетъ... Хорошъ міръ, въ которомъ есть начальникъ или, по крайней мѣрѣ, первое лицо и распорядитель! Вы говорите: „первое мѣсто на сходахъ и охраненіе на нихъ должнаго порядка принадлежитъ старостѣ". Итакъ, староста будетъ распоряжаться совѣщаніемъ? Широкое поприще открывается старостѣ черезъ *охраненіе должнаго порядка*!". А еще Аксаковъ не зналъ тогда слѣдующаго доклада того же административнаго отдѣленія (подъ № 6)—„о сельскихъ должностныхъ лицахъ". Тамъ онъ прочелъ бы, что этотъ староста, поставленный въ начальники надъ „міромъ", самъ имѣетъ надъ собой очень много начальства: пунктъ 17 ставилъ ему въ обязанность „исполненіе всѣхъ требованій начальствующихъ лицъ и властей". Общее собраніе комиссій, подумавъ, прибавило: „всѣхъ *законныхъ* требованій". Неужели раньше предполагалось безпрекословное исполненіе и незаконныхъ?

Но власти „мірского старосты" было, очевидно, мало для охраненія „общаго порядка и спокойствія". Губернскіе комитеты большею частью не останавливались на мысли о созданіи особыхъ полицейскихъ и quasi судебныхъ органовъ для крестьянства. Но живой примѣръ такихъ учрежденій имѣлся въ управленіи государственными крестьянами *). Тамъ надъ сельскимъ обществомъ стояла еще болѣе обширная административная единица, *волость*, съ волостнымъ головой, волостной расправой и т. д. Сами редакціонныя комиссіи хорошо видѣли, что „все управленіе для каждой волости составляется изъ многихъ категорій различныхъ чиновниковъ двухъ сословій, составляющихъ начальство крестьянъ государственныхъ имуществъ". Казалось бы, совершенно ясно, что волость есть не что иное, какъ органъ административной опеки надъ крестьянствомъ, — несмотря на нѣкоторые демократическіе аттрибуты, въ видѣ выборовъ, волостного схода и т. п. Комиссіи однако нашли, что „въ основаніи этого устройства, очевидно, лежитъ та же мысль самоуправленія, которая принята и комиссіями; но строгое въ то же время подчиненіе его блюстительной власти администраціи по необходимости должно было сдѣлать это управленіе болѣе сложнымъ, нежели долговременная практика показала въ томъ нужду". Комиссіи обѣщали изъ основаній, принятыхъ при Николаѣ министерствомъ государственныхъ имуществъ, развить „дѣйствительное и полное самоуправленіе общественное". Просматривая однако обязанности волостного старшины, какъ онѣ перечислены въ 19 пунктахъ въ докладѣ административнаго отдѣленія комиссій (разсматривавшемся 5 августа 1859 г.), мы не найдемъ, что же въ этомъ магистратѣ „общественнаго",—кромѣ того, что онъ, на подобіе земскихъ старостъ московской Руси, „ставился" изъ своей среды населеніемъ. Порученныя ему дѣла, начиная съ „наблюденія за охраненіемъ порядка и

*) См. въ части I главу VII. Государственные крестьяне при Николаѣ I.

общественнаго спокойствія", а пре[illegible] „наблюденія" за исправной уплатой податей, за паспортами, за рекрутами, „приня-тіемъ мѣръ" „къ предупрежденію" и „для открытія и задержанія" и т. д., и т. д. — все это [illegible] непосред-ственно полицейскія функціи, кото-рыя при крѣпостномъ правѣ выпол-нялъ „вѣрный полицеймейстеръ", помѣщикъ. Теперь этотъ „вѣрный (для государства) полицеймейстеръ былъ отъ крестьянъ, — и сохраненіе [illegible] требо-ваній начальствующихъ мѣстъ и лицъ" имѣло по отношенію къ нему, конечно, болѣе реальное значеніе, чѣмъ по отношенію къ бывшему помѣщику. При полной эмансипаціи крестьянства отъ власти мѣстныхъ землевладѣльцевъ это было бы все же чувствительный ударъ для непо-средственнаго вліянія этихъ послѣд-нихъ. Но редакціонныя комиссіи, весьма красноречиво доказавъ въ другомъ мѣстѣ (по поводу предло-женія многихъ комитетовъ сдѣлать помѣщика „начальникомъ обще-ства"), что сохраненіе администра-тивной помѣщичьей власти „будетъ повтореніемъ большей части явленій истекающаго крѣпостного времени", тѣмъ не менѣе даже теоретически не смогли возвыситься до представленія о крестьянахъ, независимыхъ отъ дворянъ. Въ качествѣ ближайшаго опекуна надъ волостнымъ старшиной ихъ проектъ ставилъ мирового судью, по мысли Ростовцева, изби-раемаго крестьянами изъ мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ: „тогда въ ми-ровомъ судьѣ сольются элементы обоихъ сословій". Тщетно Милютинъ возставалъ противъ этой [illegible] [illegible] надъ крестьянами. [illegible] до него относится". Милютину при-шлось [illegible] уступить: [illegible] „мировые судьи" [illegible] указано положеніемъ".

Но если большинство комиссій такъ легко мирилось съ мыслью, что крестьянское „самоуправленіе" непремѣнно должно быть подчинено какому-нибудь „лицу или учрежденію", причемъ молчаливо принималось, что это будетъ лицо или учрежде-ніе, поставленное мѣстными помѣщи-ками, — то еще болѣе само собою разумѣлось, [illegible] ціи. Особенно хорошо эта мысль была выражена въ § [illegible] административнаго на-дѣленіемъ: въ обязанности волост-ного старшины по этому пункту вмѣнено „предупрежденіе и пресѣ-ченіе разврата, [illegible]

янами, такъ и отставными нижними чинами и вообще проживающими въ волости лицами, за исключеніемъ лишь дворянскаго сословія и лицъ, проживающихъ у нихъ". Въ общемъ собраніи статья эта вызвала возраженія, но не потому, что члены комиссій были противъ привилегіи дворянъ — а потому, что статья эта могла „дать поводъ старшинамъ и старостамъ вмѣшиваться въ домашнія отношенія крестьянъ". Статья была исключена, привилегія же дворянъ оговорена въ болѣе общей—и потому еще болѣе рѣшительной формѣ: „само собою разумѣется", было сказано, „что лица дворянскаго сословія и лица, находящіяся у послѣднихъ въ услуженіи и у нихъ проживающія, совершенно изъемлются изъ вѣдомства волостного и мірского управленія".

Разъ волостныя учрежденія до людей бѣлой кости не касались, было естественно оставить за волостнымъ судомъ и репрессіи прежняго, сословнаго типа. Жалованная грамота дворянству говорила: „тѣлесное наказаніе да не коснется до благороднаго". Неблагородныхъ же обывателей, хотя бы и „свободныхъ", оно весьма и весьма касалось. Мысль о ненормальности такого положенія была не чужда нѣкоторымъ губернскимъ комитетамъ. Московскій комитетъ, какъ большинство, такъ и меньшинство, въ своемъ проектѣ вовсе отмѣнялъ тѣлесное наказаніе по приговорамъ сельскихъ судовъ,— причемъ меньшинство энергически заявляло, что этого рода наказаніе „можетъ быть уничтожено во всѣхъ его видахъ, безъ всякаго вреда для общества". Владимірскіе проекты оставляли розги и плети въ видѣ уголовнаго наказанія за преступленія, но точно также отмѣняли ихъ „въ порядкѣ полицейскаго суда" — т. е. для деревенской расправы. Тульскій комитетъ освобождалъ отъ тѣлеснаго наказанія женщинъ, а самарскій позволялъ отъ него откупаться. Редакціонныя комиссіи „не позволили" себѣ „войти въ разсмотрѣніе возможности исключить изъ числа исправительныхъ наказаній тѣлесное наказаніе, ибо вопросъ этотъ связанъ съ принятою нашимъ законодательствомъ общею системою исправительныхъ и уголовныхъ наказаній",—несмотря на то, что въ преніяхъ нѣкоторые члены указывали на отсутствіе розогъ въ практикѣ многихъ крѣпостныхъ имѣній. Одинъ изъ нихъ утверждалъ даже, что оставленіе въ законѣ тѣлеснаго наказанія „можетъ довести крестьянъ до отчаянія". Тѣмъ не менѣе розги остались въ числѣ наказаній, налагаемыхъ волостными судами; отъ нихъ изъяты были только женщины и крестьяне, „получившіе значительную степень образованія". Что же касается всей остальной крестьянской массы, то комиссіи утѣшили себя размышленіемъ, что, конечно, тѣлесныя наказанія будутъ замѣнены „другими, болѣе правильными взысканіями", какъ скоро „съ уничтоженіемъ крѣпостного права, обнаружатся ожидаемыя отъ того благодѣтельныя въ нравственномъ и вещественномъ отношеніяхъ послѣдствія". Ждать, какъ мы знаемъ, пришлось долго.

Нигдѣ, какъ въ организаціи волости, не выразилась такъ отчетливо „николаевская" традиція редакціон-

ныхъ комиссій, [illegible], какъ мы видѣли, даже формальнымъ образомъ были учреждены, [illegible] въ 30-хъ годахъ Киселевымъ для государственныхъ крестьянъ. [illegible] конца 50-хъ годовъ [illegible] уклониться отъ нихъ [illegible] весьма не намного *). Члены-эксперты комиссій были смѣлѣе. Если доминировавшіе между ними славянофилы и могли быть отчасти повинны въ той организаціи, которую комиссіи дали мірскому управленію, то отношеніе самаго виднаго изъ нихъ, Самарина, къ волости не оставляло ничего желать по своей опредѣленности. „Вы навязываете народу такую насильственную правительственную форму въ волостномъ управленіи", говорилъ онъ, „въ которой крестьяне вовсе не поймутъ ни вашего учрежденія, ни того, что вы отъ нихъ требуете, и примутъ на себя предписанныя вами обязанности, какъ тяжелую для нихъ повинность. Они совсѣмъ не будутъ интересоваться этимъ управленіемъ". Самарину горячо возражалъ одинъ изъ главныхъ работниковъ „земскаго отдѣла" министерства внутреннихъ дѣлъ, Соловьевъ (авторъ извѣстныхъ „записокъ" о крестьянскомъ дѣлѣ) — а не поддержалъ „злѣйшаго доктринера" никто, даже кн. Черкасскій **). Ни-

*) Главнѣйшее [illegible] состояло въ томъ, что [illegible] редакціонныхъ комиссій [illegible] выборной, а [illegible] государственныхъ крестьянъ [illegible] [illegible] безъ перевыборовъ.

**) [illegible]

[illegible] Крестьянской реформѣ не суждено было найти [illegible] уравнены, и освобожденные крестьяне вовсе не стали вполнѣ свободными и равноправными съ [illegible] другими сословіями обывателями, какъ говорилось на [illegible], а просто обмѣняли одно [illegible] „вѣдомство" — по выраженію одного изъ членовъ губернскихъ комитетовъ, критиковавшихъ труды редакціонныхъ комиссій.

Таковы были въ общихъ чертахъ итоги занятій редакціонныхъ комиссій въ первый періодъ ихъ дѣятельности, — въ тотъ періодъ, когда онѣ еще были предоставлены самимъ себѣ и не подвергались еще натиску

Самаринъ говорилъ, „[illegible] [illegible] [illegible] лостного старшины, если онъ плохо исполняетъ [illegible] [illegible] уже совершенно разошелся со своимъ коллегой [illegible] полицію въ невозможность охранять законный [illegible]

([illegible], II, стр. [illegible])

губернскихъ комитетовъ, въ лицѣ депутатовъ „перваго“ и „второго“ „призывовъ“. Мы видѣли, что удержать внѣклассовую позицію,—на которой очень желалъ бы, можетъ быть, оставаться Милютинъ, —оказалось невозможнымъ даже теперь: члены комиссій показали, что они все же „помѣщики, и даже очень богатые помѣщики“, плоть отъ плоти и кость отъ кости русскаго дворянства. А между тѣмъ близился моментъ, когда они должны были стать лицомъ къ лицу съ настоящими уполномоченными представителями своего сословія: въ августѣ 1859 года стали съѣзжаться въ Петербургъ депутаты губернскихъ комитетовъ.

4.

Ликвидація крѣпостного права.

Уже при самомъ открытіи редакціонныхъ комиссій „высшія сферы“ не безъ тревоги смотрѣли въ будущее. Александръ II, принимая (6 марта 1859 г.) членовъ комиссій, назвалъ порученное имъ дѣло „щекотливымъ“, а самую работу комиссій „трудной“— и рѣшилъ выразить только надежду, а не увѣренность въ благополучномъ окончаніи всего предпріятія. Предсѣдатель главнаго комитета, кн. Орловъ, былъ еще откровеннѣе: „Господа“, сказалъ онъ „на васъ лежитъ трудная обязанность распутать дѣло сложное и запутанное. Такъ уже сдѣлалось, пойти назадъ невозможно“... По мѣрѣ того, какъ приближалась рѣшительная минута, колебанія наверху усиливались. Полная безпринципность „высшихъ сферъ“, которыя очень желали „не пущать“, но не ясно представляли себѣ, кого и куда должны онѣ не пустить, сказывалась все сильнѣе. Безпринципность вела къ тому, что друзей не умѣли отличить отъ враговъ — и готовы были прислушиваться къ такимъ голосамъ, которые звали совсѣмъ въ сторону отъ новаго курса. Какая-нибудь вздорная заграничная брошюра—въ родѣ „письма“ гр. Орлова-Давыдова Ростовцеву — вызывала вниманіе самого Александра Николаевича, разъ она шла отъ человѣка, принадлежавшаго къ близкому и понятному для него кругу. Объ этомъ „письмѣ“ императоръ имѣлъ спеціальный разговоръ съ Ростовцевымъ, — и, повидимому, остался не совсѣмъ доволенъ, что тотъ не зналъ (или прикинулся, что не зналъ) этого документа. О длинной вознѣ съ гр. Шуваловымъ и Паскевичемъ, единомышленниками гр. Орлова, мы уже разсказывали. Но такіе же единомышленники были и еще ближе къ Александру II: гр. В. Ѳ. Адлербергъ, уже совсѣмъ свой человѣкъ въ царской семьѣ, „открыто говорилъ, что редакціонныя комиссіи разорятъ дворянство, не удовлетворятъ крестьянъ и похоронятъ самодержавіе“ *). Мало-по-малу у Милютина и вдохновляемаго имъ Ланского стало складываться опредѣленное опасеніе, что императоръ можетъ имъ измѣнить въ самый критическій мигъ, пожертвовать редакціонными комиссіями дворянству — и они рѣшились предпринять спеціаль-

*) „Матеріалы“. II, 117.

ныя мѣры воздѣйствія на своего колебавшагося государя. Такъ возникла знаменитая въ исторіи крестьянскаго дѣла записка Ланского „Взглядъ на положеніе крестьянскаго вопроса въ настоящее время", представленная Александру II въ августѣ 1859 года, передъ самымъ собраніемъ депутатовъ перваго приглашенія. [illegible] этой [illegible] причисляютъ [illegible] неудовлетворительныхъ исторически [illegible] источниковъ—ее цитировали какъ фактическій отчетъ и пользовались ею съ давнихъ временъ. На самомъ дѣлѣ, это весьма публицистическое произведеніе, своего рода контръ-памфлетъ, параллельный [illegible] публицистикѣ того времени, но написанный съ противоположной точки зрѣнія. Авторъ ея (по всей вѣроятности, Милютинъ) очень хотѣлъ бы изобразить губернскіе комитеты скопищемъ тупыхъ и невѣжественныхъ реакціонеровъ, стремившихся обмануть правительство, сохранивъ въ нѣсколько видоизмѣненномъ видѣ прежнее крѣпостное право. Мы уже знаемъ, что исторически эта оцѣнка совершенно невѣрна (см. выше 2. Губернскіе комитеты); но авторъ „записки" и не имѣлъ въ виду писать исторію. Ему важно было доказать, что „комитетскія положенія не рѣшаютъ крестьянскаго вопроса, а знакомятъ только съ тѣмъ, какъ смотритъ на него большинство дворянства"; и что это „большинство почти вездѣ не оправдало ожиданій правительства". Зная, чѣмъ онъ можетъ заинтересовать своего высокаго читателя, онъ въ концѣ еще разъ проводитъ тотъ же мотивъ, но уже въ гораздо болѣе опредѣленной формѣ,—упоминая на стремленіе „нѣкоторыхъ [illegible] [illegible] въ губернскихъ комитетахъ") [illegible] [illegible]", „[illegible]", [illegible] какъ для правительства, такъ и для народа", и [illegible] этихъ людей добавляется „намѣреніе [illegible] государственномъ устройствѣ". Цѣли такой [illegible] достигъ [illegible]: „никому не [illegible] этого [illegible] правительству и [illegible] убѣжденіямъ", написалъ на этомъ документѣ Александръ II. Насколько искренно было это [illegible]—вопросъ другой. Но [illegible] была [illegible]. Ланскому пришлось представить вторую записку,—цитированную уже нами выше (см. 3. Редакціонныя коммиссіи), и [illegible] бурную [illegible] [illegible]. Тутъ понадобилось уже [illegible] призракъ пугачевскаго бунта,—который, какъ мы знаемъ, больше всего дѣйствовалъ именно на Александра Николаевича. „Одно [illegible]", говоритъ эта вторая записка, „[illegible] народъ потерять вѣру въ слово государя. Крестьяне ждутъ царскую волю объ улучшеніи ихъ участи, ждутъ исполненія съ примѣрнымъ терпѣніемъ и покорностью. Но Богъ знаетъ, что случится, если они увидятъ себя и по освобожденіи подъ властью дворянскаго самоуправленія". Прочитавъ эту вторую записку, Александръ II, повидимому, еще больше проникся идеями своего министерства внутреннихъ дѣлъ. Выразивъ опять полное согласіе съ основными мыслями Ланского уже Милю-

*) [illegible]

тало), онъ прибавилъ: „всю мою надежду къ довершенію сего жизненнаго для Россіи вопроса возлагаю на Бога и на тѣхъ, которые, подобно вамъ, служатъ мнѣ *вѣрою и правдою* и въ мысляхъ своихъ не раздѣляютъ отечества отъ своего государя!“ Кажется, теперь можно было положиться—но характеръ Александра II не даромъ сравнивали съ женскимъ.

Сопоставляя двѣ записки, мы находимъ въ нихъ еще одну любопытную черту. Первая написана до пріѣзда депутатовъ въ Петербургъ, вторая—послѣ ихъ первой встрѣчи съ редакціонными комиссіями (помѣчена 31 августа, а встрѣча произошла 25-го). Какъ отзывается о дворянскомъ самоуправленіи послѣдняя, мы сейчасъ видѣли. Въ первой же мы читаемъ: „дабы вознаградить дворянъ за потерю помѣщичьей власти, имъ слѣдуетъ предоставить первенство въ мѣстной хозяйственной администраціи; а для того, чтобы даровать имъ возможность нравственнаго вліянія на мѣстныхъ жителей, полезно было бы прямое ихъ участіе въ выборахъ мировыхъ судей и другихъ, общихъ для обоихъ сословій, должностныхъ лицъ, въ собраніяхъ какъ дворянскаго, такъ и крестьянскаго сословій“. Во второй запискѣ мы уже не встрѣчаемъ ни одной свѣтлой черты въ изображеніи политическихъ стремленій дворянства—въ первой сочувственно отмѣчаются экономически прогрессивные комитеты, напримѣръ, тверской, — несмотря на то, что они были наиболѣе лѣвыми и въ политической области. Первая записка еще оставляла кое-что въ резервѣ и не утратила надежды столковаться хотя съ частью дворянъ—вторая уже свободна отъ всякихъ иллюзій на этотъ счетъ. Конфликтъ уже произошелъ и обѣ стороны стояли на боевыхъ позиціяхъ.

Что предстоитъ война—объ этомъ можно было съ увѣренностью говорить задолго до первой встрѣчи, и нужна была политическая наивность Ростовцева, чтобы тѣшить себя на этотъ счетъ какими-нибудь иллюзіями. Вполнѣ правильно разсуждая, что врагу военныхъ тайнъ не выдаютъ, Милютинъ съ самаго начала стоялъ за то, чтобы подвергнуть полной огласкѣ труды редакціонныхъ комиссій, напечатать ихъ лишь *послѣ* совѣщаній съ депутатами отъ губернскихъ комитетовъ. Стѣсняясь прямо высказать свою мысль, онъ то приводилъ отзывы какихъ-то членовъ комитетовъ, будто бы завѣрявшихъ его, что имъ совсѣмъ и не нужны пока „труды“ комиссій, то заявлялъ, что нельзя издавать первоначальные черновые наброски потому, что „въ публику не являются не причесанными“—но въ концѣ концовъ долженъ былъ признаться, что боится „напугать“ помѣщиковъ. Его, повидимому, однако не поддержали — и „труды“ появились изъ печати до начала разговоровъ съ депутатами перваго призыва, но—случайно или нѣтъ—все же такъ поздно, что депутаты имѣли полное основаніе жаловаться на отсутствіе времени для ознакомленія съ этой трехтомной работой: депутаты, какъ мы знаемъ, съѣхались въ августѣ, а „первое изданіе матеріаловъ редакціонныхъ комиссій“ вышло въ полномъ видѣ изъ печати 10 сентября. Между тѣмъ отвѣты и отзывы на проекты комиссій должны были быть даны въ мѣсячный срокъ: противникъ сразу ста-

[illegible] до точки зрѣнія условій. Въ мѣстныхъ [illegible] каждый отдѣльный депутатъ, конечно, могъ сходиться со своей комиссіей, не сталкиваться въ такой сферѣ по вопросамъ, стоявшимъ у комиссій почти никогда — а члены комиссій, конечно, сговаривались между собою, чѣмъ комитеты разныхъ частей Россіи — это была задача почти не выполнимая. Но не дать депутатамъ сталкиваться, не дать сразу объединить и организовать свои силы — вѣдь это и заключалось отчасти задачей, поставленной себѣ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Депутатамъ при первомъ приглашеніи ихъ въ комиссіи (25 августа) были прочитаны „инструкціи“, вполнѣ гармонировавшая по духу съ запиской Ланского и утвержденная императоромъ подъ впечатлѣніемъ этой записки. Въ „инструкціи“ подчеркивалось, что депутаты должны дать „*мѣстныя* свѣдѣнія“, „*мѣстныя* данныя и соображенія, какія окажутся необходимыми при дальнѣйшемъ ходѣ работъ“. „Такъ какъ сущность работы вызванныхъ членовъ заключается, по Высочайшему указанію, собственно въ примѣненіи общихъ правилъ по особенностямъ *каждой* губерніи, то каждый членъ представляетъ особый, по своей губерніи, письменный отвѣтъ на каждый вопросъ отдѣльно, или члены одной губерніи даютъ отвѣты за общимъ подписаніемъ“...

Какъ впослѣдствіи, въ 80-хъ годахъ, въ дни реакціи Александра III, „министерство“ требовало отъ студентовъ, чтобы они считали себя „отдѣльными слушателями“ университета, а отнюдь не членами какой-либо корпораціи — такъ и въ дни „великой реформы“ оно требовало отъ каждаго дворянскаго депутата, чтобы онъ выступалъ, какъ отдѣльное лицо, какъ представитель отдѣльной мѣстности, а отнюдь не какъ представитель цѣлаго класса, или, тѣмъ болѣе, какъ членъ какой-нибудь „партіи“. Но мало было написать такое требованіе на бумагѣ — нужно было принять фактическія мѣры, чтобы помѣшать депутатамъ дѣйствовать солидарно: какъ впослѣдствіи строжайше воспрещались сходки студентовъ, такъ въ 1859 году рѣшено было отнюдь не допускать общихъ совѣщаній депутатовъ перваго призыва, ни вмѣстѣ съ членами редакціонныхъ комиссій, ни отдѣльно. По этому поводу происходило особое секретное совѣщаніе Милютина и наиболѣе солидарныхъ съ нимъ членовъ комиссій. Ростовцевъ не нашелъ удобнымъ на этомъ совѣщаніи присутствовать. Предложенія Милютина носили столь запретительный характеръ, что вызвали горячій отпоръ даже со стороны близкаго этой интимной компаніи. Какъ ни презиралъ дворянство Самаринъ, онъ все же не могъ согласиться, чтобы сословіе, къ которому принадлежалъ онъ самъ, какъ сословіе было лишено всякаго голоса при рѣшеніи крестьянскаго дѣла. Но „большинство участвовавшихъ въ происходившемъ совѣщаніи приняло сторону Милютина“. И депутаты собрались всѣ вмѣстѣ и вмѣстѣ съ членами комиссій только для того, чтобы выслушать цитированную нами выше инструкцію. Когда она съ должнымъ приличіемъ была прочитана, „водворилось глубокое молча-

ніе". Впечатлѣніе было настолько опредѣленное и сильное, что Ростовцевъ замѣтно смутился: чтобы нѣсколько разсѣять смущеніе, онъ занялся формальностями, сталъ лично раздавать пакеты съ печатной инструкціей, — но настроеніе не проходило. Тогда, окончательно растерявшись, онъ пробормоталъ нѣсколько словъ „такъ тихо, что нельзя было разслышать", и ушелъ изъ залы. Вскорѣ послѣ его ухода депутаты „въ непрерывной линіи, одинъ за другимъ" также направились къ выходу *).

Настроеніе ушедшихъ одинъ изъ нихъ, по свѣжимъ воспоминаніямъ, изображалъ такими чертами: „Депутаты были въ крайнемъ недоумѣніи. Они спрашивали себя и другъ друга: кѣмъ составлена эта инструкція? Какъ могла она попасть въ государственную канцелярію? Кѣмъ она была разсмотрѣна и поднесена на Высочайшее утвержденіе?—Государь изволилъ говорить о депутатахъ, имѣющихъ прибыть въ С.-Петербургъ для присутствія и общаго обсужденія при разсмотрѣніи положеній въ главномъ комитетѣ; что же значитъ перемѣна, въ силу которой члены отъ комитетовъ обязаны только представить въ редакціонныя коммиссіи мѣстныя свѣдѣнія и объясненія по вопросамъ, которые возникли впослѣдствіи при разработкѣ крестьянскаго дѣла **)? Что значитъ то, что, по полученіи отвѣтовъ на упомянутые вопросы, предъявляются членамъ труды комиссій съ предложеніемъ новыхъ вопросовъ? Что значитъ, что члены обязаны представить, каждый по своей губерніи, или члены одной губерніи за общимъ подписомъ, свои письменные отзывы? Съ какою цѣлью назначенъ для занятій депутатовъ срокъ, по краткости своей невозможный? Почему не допущены оффиціальныя собранія депутатовъ? Наконецъ, что значитъ явное устраненіе прежняго ихъ названія: *депутаты*, и замѣна его другимъ: *члены, избранные губернскими комитетами?*" *)

Въ послѣднемъ вопросѣ было не безъ наивничанья: уже самый составъ „депутатовъ перваго призыва" ясно показывалъ, что правительство хотѣло на нихъ смотрѣть не какъ на представителей дворянскаго сословія, а какъ на экспертовъ особаго рода. Во-первыхъ, были приглашены представители не всѣхъ комитетовъ: комитеты были раздѣлены на двѣ очереди, и въ первую вошли лишь 21 изъ нихъ (а всѣхъ было 46). Во вторыхъ, были приглашены представители не только *большинства* комитетовъ, но и *меньшинства*, притомъ въ равномъ количествѣ: совершенно

---

*) Всѣ подробности этого дня и предшествовавшаго „секретнаго" совѣщанія см. Семеновъ, назв. соч., т. I, стр. 603 и слѣд.

**) Эти вопросы, которые ждавшимъ всероссійскаго дворянскаго собранія для кореннаго рѣшенія крестьянскаго дѣла, дѣйствительно, могли показаться насмѣшкой, были таковы: 1) о мѣрахъ къ охраненію владѣльческихъ лѣсовъ; 2) о порядкѣ заключенія условій по найму вольныхъ рабочихъ; 3) о межевыхъ средствахъ; 4) о порядкѣ обращенія промышленныхъ селъ въ посады и мѣстечки; 5) о сельскихъ хлѣбныхъ магазинахъ; 6) о взаимномъ страхованіи и 7) о предоставленіи права пріобрѣтать населенныя имѣнія лицамъ, непринадлежащимъ къ потомств. дворянству.

*) Изъ брошюры „Депутаты и редакціонныя комиссіи по крестьянскому дѣлу", (Лейпцигъ, 1860 г.), приписывавшейся одними Кошелеву, другими Позену. Ср. „Матеріалы". II, стр. 122—123.

своеобразный способъ „представи-тельнаго представительства", ка-жется, могъ бы быть въ такомъ видѣ не примѣнимъ. Совѣщательный характеръ русскаго государственнаго совѣта ничѣмъ такъ не подчерки-вали, какъ тѣмъ, что императору представлялись одинаково, какъ мнѣ-ніе большинства, такъ и мнѣніе мень-шинства, и онъ могъ выбрать любое. Составъ делегаціи отъ губернскихъ комитетовъ не могъ означать ничего другого. И вообще мы не должны, конечно, разсматривать пріемъ, встрѣ-тившій депутатовъ въ Петербургѣ, какъ нѣчто, неожиданно свалившееся имъ на голову — хотя Кошелевъ, въ ци-тированномъ нами выше отрывкѣ, мо-жетъ быть, и желалъ бы внушить эту мысль своему читателю. Уже проектъ адреса, ходившій по рукамъ задолго до съѣзда депутатовъ перваго пригла-шенія (см. выше 3. Редакціонныя ко-миссіи.), ясно доказывалъ, что дворян-ство давно знало о готовившемся ему сюрпризѣ. И то, какъ быстро нашлись депутаты тотчасъ послѣ того, какъ ожидаемое стало фактомъ, доказы-ваетъ не менѣе ясно, что и они въ частности находились въ состояніи полной боевой готовности. 25-го они услыхали знаменитую „инструкцію", а 26-го у нихъ уже готовъ былъ про-ектъ адреса на имя императора, — представлявшій собою первую, до-вольно еще пока скромную попытку вынудить у правительства исполне-ніе его первоначальныхъ обѣщаній. „Первенцы земли русской", — такъ именовали себя дворяне—еще твердо стояли здѣсь на позиціи, занятой лѣтнимъ „проектомъ" адреса: госу-дарь добръ, милостивъ, намѣренія его самыя лучшія, чувства его са-мыя благородныя, но [illegible] „[illegible]" и „[illegible]" „[illegible] [illegible]" бюрократіи. „Государь" [illegible] „[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible]. Ты [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]!" А чтобы помочь памяти своего госу-даря, депутаты [illegible] [illegible] подлинные [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] ([illegible] [illegible]) отъ [illegible] „[illegible] [illegible] въ главномъ комитетѣ и общаго разсмотрѣнія [illegible] по-ложеній по вопросу объ устройствѣ быта крестьянъ".

Александръ Николаевичъ, по-видимому, [illegible] [illegible] [illegible] быть это свое обѣщаніе — или эту свою обмолвку. По крайней мѣрѣ, сейчасъ онъ весьма энергично отъ него отрекся, написавъ на поляхъ адреса противъ этой фразы „нико-гда!" Но уже тотъ фактъ, что адресъ былъ на другой же день въ рукахъ императора — а на третій депутаты имѣли уже и частный отвѣтъ на него через Ростовцева (который посовѣ-товалъ и самый адресъ [illegible] на правахъ частной записки, не пытаясь подносить его офиціально)—уже одно это достаточно обнаруживало, на-сколько правы были Ланской съ Ми-лютинымъ въ своихъ мрачныхъ пред-видѣніяхъ. Нуженъ былъ рядъ но-выхъ бестактностей со стороны дво-рянъ, чтобы сдѣлать [illegible] Алек-сандра Николаевича на короткій мигъ снова твердымъ. Вторая записка Лан-ского чуть-чуть подогрѣла „новый курсъ"—[illegible] [illegible] [illegible] лишь для

того, чтобы не разрѣшить офиціальныхъ собраній депутатовъ — помѣшать образоваться въ Петербургѣ дворянскому собранію для рѣшенія крестьянскаго дѣла. Это уже слишкомъ походило бы на ту дворянскую конституцію, которой пугалъ въ своей второй запискѣ Ланской. Но общія собранія депутатовъ, неофиціальныя, получили даже косвенное одобреніе—и изъ всей инструкціи характернымъ образомъ было повторено то мѣсто, которое обѣщало, что всѣ мнѣнія депутатовъ будутъ непремѣнно приняты въ расчетъ при окончательномъ рѣшеніи вопроса въ главномъ комитетѣ. А затѣмъ Александръ Николаевичъ почувствовалъ необходимость уѣхать въ продолжительную поѣздку по Россіи: 12 сентября его уже не было въ Петербургѣ. Депутаты же съ обновленною бодростью начали натискъ на ненавистную имъ „бюрократію“ въ лицѣ редакціонныхъ комиссій.

Вопреки тому, чего можно было бы ожидать, если бы принять на вѣру характеристику извѣстной намъ милютинской записки, споры депутатовъ перваго призыва съ членами редакціонныхъ комиссій не носили принципіальнаго характера. Основная точка зрѣнія у тѣхъ и другихъ была одна и та же — исходнымъ пунктомъ для обѣихъ сторонъ являлись классовые помѣщичьи интересы. Правда, Ростовцевъ — и уже, конечно, Милютинъ—не прочь были иногда, преимущественно въ чисто экономическихъ вопросахъ, становиться и на крестьянскую точку зрѣнія, какъ мы уже это видѣли. У Ростовцева мелькала даже одно время, неоформившаяся и не имѣвшая практическихъ послѣдствій, мысль—пригласить въ комиссіи, въ качествѣ экспертовъ, наряду съ помѣщиками и *старостъ*. Но цѣну этого крестьянофильства хорошо опредѣлилъ самъ же Ростовцевъ, писавшій какъ разъ около этого времени императору: „...проектъ положенія долженъ быть составленъ комиссіями такъ, что бы *возможныя уступки оставались въ запасъ*, дабы уступки могли быть сдѣланы“. Помириться со своими провинціальными собратьями насчетъ мужицкихъ интересовъ даже наиболѣе крестьянолюбивые члены комиссій, мы видимъ, были всегда готовы—сознательно готовы. Съ другой стороны, въ лицѣ депутатовъ перваго призыва комиссіи имѣли передъ собою отнюдь не закоренѣлыхъ крѣпостниковъ. Говоря словами кошелевской брошюры, „всѣ депутаты, безъ исключенія, были за уничтоженіе крѣпостного состоянія,.. всѣ они желали развязки скорѣйшей и окончательной...“ Въ чисто юридическомъ вопросѣ, уничтоженія крѣпостного *права* и вообще замѣны сословно-полицейскаго строя буржуазнымъ, депутаты были даже, можно сказать, лѣвѣе комиссій: проекты крестьянскаго „самоуправленія“, выработанные Ростовцевымъ и его сотрудниками по николаевскимъ образцамъ, встрѣтили со стороны депутатовъ ожесточенную критику, часто остроумную и убѣдительную. Съ другой стороны, и самъ Ростовцевъ не рѣшался отрицать, ни раньше (вспомнимъ споръ его съ Милютинымъ), ни послѣ, что „хозяйственно-распорядительное управленіе уѣздами (кромѣ собственно полиціи), дѣйствительно, было бы полезно осно-

вать на выборномъ началѣ [illegible] вполнѣ соотвѣтствующему" *) [illegible], и отдать въ руки помѣстному дворянству. Недаромъ путемъ Милютинъ всегда былъ одинокъ — да и онъ, какъ мы видѣли, минутами колебался. Дѣло отсутствія было только иллюзіей двухъ близкихъ другъ къ другу группъ — которыхъ именно въ силу ихъ близости разногласія и казались серьезными: прежде бывшіе либеральными понятія, неизмѣнно, доставались не дѣлу бюрократіи, а не „аристократіи". Нѣсколько иначе дѣло обстояло съ помѣщичьей стороной; тутъ были не принципы, а торгъ, — торгъ именно за тѣ самыя „уступки", о которыхъ конфиденціально говорилъ Ростовцевъ, и совершенно гласно — кн. Черкасскій (въ рѣчи на одномъ обѣдѣ). Но для того, чтобы до чего-нибудь доторговаться, нужно было говорить на одномъ языкѣ. Обѣ спорящія стороны и здѣсь опять-таки были достаточно солидарны. Комиссіи стояли на выкупной точкѣ зрѣнія — съ самаго начала съ поправкою въ пользу дворянства: выкупъ обязательный для крестьянъ, но не для помѣщиковъ. Большинство депутатовъ перваго призыва стояло за выкупъ, обязательный для обѣихъ сторонъ. И тутъ, стало быть, въ принципіальномъ вопросѣ „реакціонеры" были лѣвѣе „либераловъ". Декораціи мѣнялись, какъ только переходили къ конкретнымъ подробностямъ дѣла, — по вопросу о томъ, *что* и *за какую цѣну* выкупать. Нѣсколько примѣровъ изъ протоколовъ комиссій **) [illegible] Представитель нижегородскаго комитета предлагалъ высшимъ надѣломъ, установленный комиссіями для нижегородской губерніи въ 4½ десятины, [illegible], что [illegible] высшаго нижегородскаго надѣла предполагается [illegible] пяти десятинъ въ этой [illegible]. Цифра эта, нужно сказать, была установлена отъ незнанія. Нѣкто [illegible] губернскій [illegible] предлагалъ „нормальный" надѣлъ въ два десятины на душу, — мотивируя это между прочимъ тѣмъ, что „предоставленіе крестьянамъ въ постоянное пользованіе болѣе того количества земли, сколько дѣйствительно необходимо для обезпеченія ихъ быта, есть закрѣпленіе въ мертвомъ общинномъ владѣніи обширныхъ пространствъ помѣщичьихъ земель въ ущербъ полной и самостоятельной личной собственности" (!). Члены комиссій не возражали противъ такихъ тирадъ въ манчестерскомъ духѣ, а просто отстаивали — и въ данномъ случаѣ отстояли — свои цифры. Они указывали на то, что между высшимъ и среднимъ количествомъ земли на душу никакой связи нѣтъ, „такъ какъ никакой прирѣзки земли, кромѣ какъ до низшаго размѣра надѣла, составляющаго отъ 1 до 2 дес. на душу, не полагается, и вообще надѣлы остаются безъ измѣненій"; а что, впрочемъ, хозяйственное отдѣленіе „вполнѣ допускаетъ исправленіе высшихъ цифръ надѣла, по представленнымъ гг. депутатами доказательствамъ, что эти

*) Письмо къ Александру II отъ 23 октября 1859 г.

**) Протоколы эти — конфиденціальные, по [illegible], какъ извѣстно, И. И. Семеновымъ и [illegible] части его труда „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Александра II".

цифры слишкомъ высоки". Въ другихъ случаяхъ, какъ мы увидимъ далѣе, такія „исправленія" и были сдѣланы. Съ депутатами отъ меньшинства того же нижегородскаго комитета шелъ другой споръ. Это меньшинство установило „нормальный" надѣлъ въ $1^1/_4$ десятины на душу,—оцѣнивъ десятину въ 64 рубля—такъ что весь надѣлъ обошелся бы крестьянину въ 80 рублей. Комиссіи, оставивая существующій надѣлъ, первую десятину съ усадьбой оцѣнили даже дороже, чѣмъ ихъ противники,—въ 65 руб.: но зато вторую лишь отъ 25 р. до 40 р., а третью отъ 12 р. до 25 р. *). Десятина съ четвертью при этомъ расчетѣ не могла бы стоить дороже 75 р.: къ этимъ 5 рублямъ и сводилась вся „экспропріація" помѣщика по проекту зловредной „бюрократіи". Правда, иногда цифры комиссій и комитетовъ отстояли другъ отъ друга гораздо дальше: такъ, харьковскій комитетъ, отводившій крестьянамъ надѣлъ въ $1^1/_2$ (и въ малоземельныхъ уѣздахъ $1^3/_4$ десятины) на душу, желалъ получить за него 138 рублей —т. е. по 90 р. за десятину, тогда какъ десятина продавалась тогда въ Харьковской губерніи по 40 рублей.

Ополчаться противъ подобныхъ расцѣнокъ заставляли комиссіи не однѣ только симпатіи къ крестьянамъ,— а еще въ гораздо большей степени, тенденція, слишкомъ хорошо знакомая русской „государственности" и опиравшаяся на не менѣе реальныя основанія, чѣмъ классовый интересъ помѣщиковъ: казенный интересъ. Если опасеніе, что „государевы дани и оброки не сойдутся сполна", побудило комиссіи стянуть славянофильскій „міръ" желѣзнымъ обручемъ круговой поруки,—и даже сдѣлать эту послѣднюю краеугольнымъ камнемъ „самоуправленія" будущихъ „свободныхъ сельскихъ обывателей", то это же опасеніе должно было всячески предостерегать отъ перегрузки крестьянъ будущими выкупными платежами. Вѣдь собирать ихъ пришлось бы казнѣ—и она отнюдь не была бы въ выигрышѣ, если бы, заплативъ помѣщику 90 рублей, она сама смогла бы выбрать съ крестьянъ только 40—50. Здѣсь комиссіи въ сущности только глубже обосновывали ту же точку зрѣнія дворянскаго интереса. Если государству было суждено и въ будущемъ оставаться прежде всего организаціей классоваго господства крупныхъ землевладѣльцевъ—а ради этого и была предпринята вся реформа,—то послѣднимъ *въ цѣломъ* было совсѣмъ невыгодно хищничество харьковскихъ или нижегородскихъ помѣщиковъ.

Самое главное возраженіе, дѣлавшееся депутатами редакціоннымъ комиссіямъ, было основано на—безсознательномъ или намѣренномъ—недоразумѣніи. Не рѣшаясь говорить объ обязательномъ выкупѣ, комиссіи производили всѣ свои расчеты примѣнительно къ той юридической фикціи, которая осталась имъ въ наслѣдство еще отъ рескриптовъ: онѣ исходили изъ представленія, что надѣлы останутся въ *вѣчномъ пользованіи* крестьянъ за *неизмѣнныя повинности*. Такъ какъ помѣщикъ всегда могъ перевести крестьянъ на выкупъ, и крестьяне не могли отъ

*) Такъ называемая система *градацій*: о ней ниже, въ характеристикѣ выкупа.

[illegible] фикція на практикѣ [illegible] [illegible] Но Ростовцевъ былъ правъ, когда онъ писалъ Александру II: „какой бы проектъ [illegible] редакціонныя комиссіи не [illegible], хотя такой, по которому [illegible] даже ничего не теряли бы, все-таки многіе депутаты и многіе дворяне потребовали бы уступокъ“. Бѣльмомъ на глазу „депутатовъ земли Русской“ было самое существованіе комиссій. Что изъ того, что [illegible] покушеніемъ съ негодными средствами. Надо было [illegible] дворянства. Только этимъ чисто политическимъ мотивомъ и можно объяснить послѣдній ударъ, нанесенный депутатами перваго призыва ненавистной имъ „бюрократіи“,—ударъ, рикошетомъ больно ударившій самихъ депутатовъ и представляемое ими сословіе. Только этимъ политическимъ характеромъ натиска можно объяснить и его

[illegible] было незначительно. Далѣе, депутаты [illegible] ловъ; за первые стояло большинство“. [illegible] что всѣ эти разногласія было бы легко уладить, „если бы только [illegible]“; но мы [illegible]. Въ [illegible] большинство могло бы подавить меньшинство, но это вызвало бы только новыя и болѣе острыя тренія въ средѣ самихъ депутатовъ. Зато ихъ политически сословные интересы, дѣйствительно, были одинаковы — и притомъ постепенно оказывалось, что эти интересы общи съ ними даже и многимъ членамъ той правящей группы, которая издали [illegible] враговъ.

Соціальный смыслъ конфликта, представлявшагося намъ съ внѣшней стороны, какъ столкновеніе „правительства“ съ „помѣщиками“, заключался въ сущности въ [illegible] противоположности интересовъ са-

[illegible]

маго крупнаго землевладѣнія, представители котораго непосредственно окружали императора, съ землевладѣніемъ средне-крупнымъ и просто среднимъ, представленнымъ въ губернскихъ комитетахъ. Основной вопросъ, расколовшій послѣдніе по нѣсколькимъ географическимъ линіямъ, вопросъ о судьбѣ барщины, не существовалъ для наиболѣе крупнаго землевладѣнія, такъ какъ большія вотчины почти сплошь были на оброкѣ: здѣсь было крѣпостное право, но не было крѣпостного хозяйства. Уже въ началѣ вѣка крупный вотчинникъ чувствовалъ себя гораздо больше получателемъ ренты, чѣмъ владѣльцемъ душъ *). Сохраненіе ренты, связанное съ сохраненіемъ права на землю, составляло основную тенденцію этой группы: мы это имѣли уже случай наблюдать, анализируя позицію Шувалова и Паскевича въ редакціонныхъ комиссіяхъ. Но экономическое противорѣчіе двухъ группъ было именно относительнымъ и очень относительнымъ. Оно было бы непримиримымъ лишь въ томъ случаѣ, если бы большинство комитетовъ стояло на точкѣ зрѣнія Самарина, — либо Унковскаго: при всей противоположности этихъ двухъ точекъ зрѣнія (см. 2. Губернскіе комитеты.) онѣ обѣ были несовмѣстимы одинаково съ интересами людей, стремившихся къ увѣковѣченію оброковъ въ образѣ ренты. Но большинство комитетовъ тяготѣло къ обезземеленію крестьянъ, полному или частичному: причемъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, послѣднее оказывалось даже выгоднѣе для помѣщика, чѣмъ полное. Жгучій вопросъ о выкупѣ былъ улаженъ уже редакціонными комиссіями, какъ скоро онѣ признали выкупъ обязательнымъ для крестьянъ, но не для помѣщиковъ. Экономическій конфликтъ былъ уже почти улаженъ, когда стороны встрѣтились: оставалось политическое недоразумѣніе. Крупное землевладѣніе держалось за власть не меньше, чѣмъ за землю,—а провинціальные помѣщики, казалось изъ Петербурга,— покушались на эту власть. Но тутъ было именно недоразумѣніе: и достаточно было спорящимъ сторонамъ увидать другъ друга, чтобы оно разсѣялось.

Съ опасеніями „мятежныхъ замысловъ“ дворянства случилось то же, что и съ пугаломъ крестьянскаго мятежа въ свое время: въ непосредственной близи призракъ оказывался совсѣмъ не страшнымъ. Александръ II и тутъ оставался наибольшимъ консерваторомъ: онъ дольше всѣхъ окружающихъ вѣрилъ и въ тотъ, и въ другой призракъ. Но какъ въ свое время министерство внутреннихъ дѣлъ сравнительно легко и скоро эмансипировалось отъ страха передъ пугачевщиной, такъ теперь непосредственно окружавшая императора аристократическая камарилья *) очень скоро убѣдилась, что въ лицѣ дворянскихъ депутатовъ передъ нею вовсе не скопище красныхъ демагоговъ, а весьма приличные люди одного съ нею происхожденія и воспитанія. Традиціонная связь—своего рода „голосъ крови“—тотчасъ же сказалась: передъ чиновниками типа Милютина всѣ дворяне должны были чувство-

*) См. часть 1, стр. 34.

*) Такъ тогда она и называлась; см. отрывки изъ дневника Кавелина (Сочиненія, т. II, стр. 1159).

[illegible] въ Пе-
тербургѣ [illegible] цѣлый рядъ [illegible], [illegible] въ комиссіи [illegible], а депутатовъ. [illegible] у М. Н. Муравьевымъ (тогда министромъ государственныхъ имуществъ), гр. Адлербергомъ, Чевкинымъ (министромъ путей сообщенія), гр. Панинымъ (министромъ юстиціи), кн. В. А. Долгоруковымъ (шефомъ жандармовъ), кн. [illegible], кн. П. Гагаринымъ и другими — и самимъ предсѣдателемъ главнаго комитета кн. Орловымъ. Послѣдній „прямо объявлялъ, что, если печатныхъ трудовъ комиссій не будетъ запрещено и у Ростовцева не будетъ отнятъ прямой доступъ къ государю по крестьянскому дѣлу, то онъ выйдетъ въ отставку"*). [illegible] прямо указывалъ на всю группу лицъ, какъ на непосредственныхъ вдохновителей депутатовъ въ „рѣшительной демонстраціи".

„Демонстрація" заключалась, какъ извѣстно, въ подачѣ коллективныхъ адресовъ Александру II, который во второй половинѣ октября вернулся изъ путешествія. Всѣхъ адресовъ было три. Собравшій наибольшее число подписей (18) былъ составленъ очень осторожно. Въ первоначальной редакціи, принадлежавшей Кошелеву, не было рѣзкостей даже по отношенію къ главному врагу—редакціоннымъ комиссіямъ: говорилось только, что „разногласіе въ мнѣніяхъ между означенными комиссіями и нами (депутатами)—значительно, даже существенно". Этимъ мотивировалась основная просьба подписавшихъ адреса: „дозволить намъ разсмотрѣть окончательные труды редакціонныхъ комиссій до поступленія ихъ на обсужденіе главнаго комитета". [illegible] „[illegible]" или „[illegible]" этому комитету [illegible] мнѣній". [illegible] въ отсутствіи той группы своихъ единомышленниковъ, которая [illegible] въ главномъ комитетѣ, [illegible] Александра II. Кошелевъ [illegible], что [illegible] — устранить Милютина и его кружка — [illegible], — какъ мы уже давно знаемъ, совершенно отсутствовавшей у „меньшей братіи". [illegible] казалось представителямъ дворянства [illegible] — и въ окончательной редакціи адресъ 18, отведя душу въ рѣзкой характеристикѣ ненавистныхъ комиссій (предположенія ихъ „въ настоящемъ ихъ видѣ не соотвѣтствуютъ общимъ потребностямъ и не примирятъ въ исполненіи тѣхъ основныхъ началъ, которыя съ благоговѣйною готовностью дворянство приняло въ руководство по крестьянскому дѣлу"), просилъ лишь о томъ, „чтобъ намъ было дано представить наши соображенія на окончательные труды редакціонныхъ комиссій до поступленія ихъ въ глав-

*) Матеріалы. II, [illegible]

...й комитетъ по крестьянскому дѣлу“. Но это уже было дозволено „частнымъ образомъ“—депутаты въ сущности только выражали желаніе, чтобы ихъ „келейныя“ совѣщанія, разрѣшенныя уже императоромъ, получили офиціальную высочайшую санкцію.

Подъ этимъ адресомъ подписалось большинство депутатовъ безъ различія ихъ экономическихъ тенденцій: подпись яраго сторонника обязательнаго выкупа, Кошелева, стоитъ здѣсь рядомъ съ подписью не менѣе яро отстаивавшаго безземельное освобожденіе гр. Шувалова. Выдѣлилась только группа, *политически* стоявшая значительно лѣвѣе этого большинства, и составившаяся изъ *пяти* человѣкъ: тверского депутата Унковскаго, харьковскихъ—Хрущова и Шретера и ярославскихъ—Дубровина и Васильева. Экономически это были два полюса: тверичи стояли за существующій надѣлъ, харьковцы были изъ числа самыхъ жадныхъ до земли помѣщиковъ, отводившихъ своимъ бывшимъ крѣпостнымъ до минимума сокращенные „нормальные“ надѣлы (см. выше). Но тѣ и другіе сошлись на томъ, что можно и должно говорить гораздо болѣе смѣлымъ языкомъ, чѣмъ рѣшалось раболѣпное большинство. Во вступленіи къ этому „адресу пяти“ дѣлается явная попытка утилизировать на пользу дворянства ту знакомую намъ у Александра II боязнь бунта, которой съ своей точки зрѣнія пользовался около этого же времени и министръ внутреннихъ дѣлъ: эта черта психологіи императора была уже, очевидно, достаточно популярна. Нашему отечеству, говоритъ „адресъ пяти“, „предстоитъ два пути развитія: одинъ мирный и правомѣрный; другой путь насилій, борьбы и печальныхъ послѣдствій“. На послѣдній путь толкаютъ Россію редакціонныя комиссіи: „изъ внимательнаго изученія заключеній комиссій“ авторы адреса убѣдились, „что увеличеніемъ надѣла крестьянъ землею и крайнимъ пониженіемъ повинностей въ большей части губерній помѣщики будутъ разорены, а бытъ крестьянъ вообще не будетъ улучшенъ по той причинѣ, что хотя крестьянамъ и предоставляется самоуправленіе, но оно будетъ подавлено и уничтожено вліяніемъ чиновниковъ“. Чтобы повернуть Россію на „путь мирнаго развитія“ необходимо парализовать это вредное вліяніе: съ этою цѣлью Унковскій и его товарищи предлагаютъ тѣ реформы, съ которыми мы уже встрѣчались, изучая политико-юридическія desiderata губернскихъ комитетовъ (см. выше 3. Редакціонныя комиссіи.): „хозяйственно-распорядительное управленіе, общее для всѣхъ сословій, основанное на выборномъ началѣ“, „независимую судебную власть, т. е. судъ присяжныхъ, и гражданскія судебныя учрежденія, независимыя отъ административной власти, съ введеніемъ гласнаго и словеснаго судопроизводства и съ подчиненіемъ должностныхъ лицъ непосредственной отвѣтственности передъ судомъ“, наконецъ, „печатную гласность“, съ цѣлью „доводить до свѣдѣнія верховной власти недостатки и злоупотребленія мѣстнаго управленія“: словомъ, правовой порядокъ, прикрытый сверху горностаевой мантіей самодержавія—утопія, какъ мы знаемъ, всегда грезившаяся Унковскому, и, во всякомъ случаѣ,

совершенно безобидная для верховной власти. Гораздо рискованнѣе было первое пожеланіе: „даровать крестьянамъ полную свободу съ надѣленіемъ ихъ землею въ собственность, посредствомъ немедленнаго выкупа, *по цѣнѣ и на условіяхъ, не разорительныхъ для помѣщиковъ*“: подъ нимъ могъ подписаться не одинъ тверской либералъ, а громадное большинство депутатовъ перваго призыва. Ничего, оправдывавшаго „конституціонные“ страхи, внушавшіеся Ланскимъ и Милютинымъ Александру Николаевичу, и въ этомъ адресѣ не было: но нельзя не замѣтить, что онъ своимъ тономъ и стилемъ, а отчасти и конкретнымъ содержаніемъ, весьма способенъ былъ оживить воспоминаніе о тѣхъ „дерзостяхъ“ губернскихъ комитетовъ, которыя и дали поводъ къ учрежденію редакціонныхъ комиссій. Этой непредвидѣнной авторомъ цѣли адресъ и достигъ: Александръ охарактеризовалъ его, какъ „ни съ чѣмъ несообразный и дерзкій до крайности“.

Окончательно испортили дѣло два „партизанскихъ выступленія“ отдѣльныхъ дворянъ, одинъ изъ которыхъ не удовлетворился ни однимъ изъ составленныхъ его коллегами адресовъ и сочинилъ свой собственный, а другой и вовсе не принадлежалъ къ числу депутатовъ. Первый былъ симбирскій депутатъ Шидловскій, допустившій въ своемъ высокопарномъ „письмѣ“ фразу, какъ-будто нарочно написанную по заказу министерства внутреннихъ дѣлъ: „удостой призвать, Государь, къ подножію престола Твоего нарочито избранныхъ уполномоченныхъ отъ дворянства и кончи подъ личнымъ Твоимъ, Государь, предсѣдательствомъ дѣло, которое составитъ славу царствованія Твоего“. По всей вѣроятности, бѣдный симбирскій помѣщикъ думалъ сдѣлать комплиментъ самодержавному императору, отводя ему роль предсѣдателя дворянскаго собранія; но не трудно себѣ представить, какъ должна была дѣйствовать подобная фразеологія на Александра II. Письмо было передано Ланскому въ качествѣ документа, вполнѣ опредѣлявшаго содержаніе его „записокъ“, съ выразительной высочайшей отмѣткой: „[illegible]“.

Документъ, вышедшій изъ-подъ пера камергера Михаила Безобразова, племянника кн. Орлова, — значитъ, лица, непосредственно связаннаго съ ближайшимъ кругомъ императора — удостоился не одной, а цѣлаго ряда отмѣтокъ. Уже самый тонъ этихъ послѣднихъ: „вздоръ!“, „непомѣрная наглость“, „хорошъ софизмъ!“ и т. п. — ясно свидѣтельствуетъ о крайнемъ раздраженіи читателя. И дѣйствительно, если мы вспомнимъ, что читатель былъ сынъ Николая Павловича и вѣрный хранитель его политическихъ традицій, мы должны будемъ согласиться, что камергеръ и племянникъ князя Орлова не могъ сдѣлать большей безтактности. „Записка“ Безобразова состояла изъ двухъ частей — или, вѣрнѣе, въ ней проводились двѣ основныя мысли, мѣстами перепутывавшіяся. Во-первыхъ, это былъ доносъ на министерство внутреннихъ дѣлъ и на редакціонныя комиссіи, на всю „бюрократію“ [illegible]. „Бюрократія“ [illegible] не больше, не ме-

ніе, какъ „въ сочувствіи и сообщничествѣ" съ заграничными „памфлетистами", т. е. съ Герценомъ и его кружкомъ. На это Александръ Николаевичъ могъ реагировать только восклицательными знаками: словъ онъ не нашелъ. Годъ тому назадъ онъ еще, пожалуй, повѣрилъ бы чему-нибудь подобному относительно Милютина: но Ланской и Ростовцевъ — корреспонденты Герцена — это не было даже смѣшно. Курьезнѣе же всего, что совершенно рядомъ съ этимъ допотопнымъ доносительствомъ, Безобразовъ находилъ умѣстнымъ говорить такія вещи, какъ то, что наше управленіе „основано на произволѣ", и что „собраніе выборныхъ есть природный элементъ самодержавія": въ этомъ и заключалась вторая мысль, которую онъ посильно старался развить въ своей запискѣ. Цѣли онъ этимъ достигъ для себя совершенно неожиданной. „Онъ меня вполнѣ убѣдилъ въ желаніи подобныхъ ему учредить у насъ олигархическое управленіе", гласила послѣдняя, заключительная отмѣтка императора.

Крамольность дворянства была теперь внѣ сомнѣній — и оно со связанными руками было выдано головою своему заклятому врагу, министерству внутреннихъ дѣлъ. 4-го ноября 1859 года состоялся высочайшій приказъ объ увольненіи отъ службы безъ прошенія камергера Безобразова. А на другой день, 5-го ноября, происходило засѣданіе главнаго комитета по крестьянскому дѣлу подъ личнымъ предсѣдательствомъ Александра Николаевича. Оно началось чтеніемъ новой записки, составленной Ланскимъ (или Милютинымъ для Ланского) — который самъ по болѣзни отсутствовалъ. Въ виду совершенно опредѣленнаго настроенія императора, министерство внутреннихъ дѣлъ позволяло себѣ быть великодушнымъ: оно объясняло поступки депутатовъ ихъ „неразуміемъ", — которому долженъ быть положенъ предѣлъ для собственнаго спасенія дворянства. Въ подробную критику адресовъ и вообще предположеній депутатовъ перваго призыва новая „записка" Ланского не входила, удовольствовавшись бѣглымъ замѣчаніемъ, что „безусловное осужденіе редакціонныхъ комиссій касается не столько трудовъ ихъ (еще не всѣмъ извѣстныхъ), сколько тѣхъ основныхъ и коренныхъ началъ, которыя приняты высшимъ правительствомъ и которымъ слѣдовали комиссіи". Не безъ ядовитаго намека на адресъ Унковскаго, министръ доказывалъ, что „стремленія, крайне опасныя для будущаго спокойствія Россіи", заключаются отнюдь не въ проектахъ редакціонныхъ комиссій, а именно въ поползновеніяхъ дворянства — урѣзать крестьянскій надѣлъ и взять за него съ крестьянъ возможно дороже. Но козыремъ въ игрѣ Ланского являлось, какъ и можно было ожидать, нелѣпое „письмо" Шидловскаго. Оно выставляется въ „запискѣ" наиболѣе полнымъ и искреннимъ выраженіемъ дворянскихъ пожеланій, — та же мысль якобы выражена и въ адресѣ 18, „хоть въ значительно смягченномъ видѣ", а „въ болѣе скрытой формѣ" и въ адресѣ пяти. Возмездіе, по размѣрамъ крамолы, предполагалось довольно мягкое: „поставить на видъ всѣмъ членамъ, подписавшимъ ад-

рем, сдѣлать имъ чрезъ губернское начальство внушеніе выговоромъ по сему предмету". Но перепуганнымъ сторонникамъ депутатовъ въ главномъ комитетѣ этого показалось мало, и, стремясь засвидѣтельствовать свое усердіе передъ раздраженнымъ государемъ, они наперерывъ предлагали болѣе строгія мѣры. Въ результатѣ, Шидловскій и Унковскій были отданы подъ надзоръ полиціи, четыремъ товарищамъ Унковскаго **сдѣлано форменное „замѣчаніе"** и лишь по отношенію къ наиболѣе скромнымъ и умѣреннымъ „18" удовольствовались внушеніемъ.

„Неоспоримая побѣда осталась какъ-будто за редакціонными комиссіями", пишетъ въ своихъ мемуарахъ [illegible] Н. Милютина, заканчивая разсказъ объ этомъ эпизодѣ. „Какъ-будто" вставлено здѣсь весьма у мѣста. Происшедшій конфликтъ былъ чисто политическимъ, въ узкомъ смыслѣ этого слова. Его острота и глубина всецѣло зависѣли отъ того, насколько политическій моментъ былъ важенъ для обѣихъ **сторонъ. Но мы видѣли, что для депутатовъ эта сторона не только не** представляла первостепенной важности, но даже была инкриминирована имъ, въ значительной степени **по недоразумѣнію. Какой же, въ самомъ дѣлѣ, былъ „сторонникъ олигархическаго правленія" даже Шидловскій?** А о неблагонадежности „[illegible]" даже и говорить было странно, — само министерство внутреннихъ дѣлъ [illegible] въ этомъ лишь съ большими ограниченіями. Рано или поздно недоразумѣніе должно было разъясниться. Рано или поздно Александръ II долженъ былъ увидѣть, что онъ [illegible] по недоразумѣнію, отчасти по „[illegible]" своего министра, [illegible] за [illegible]. [illegible] вѣрноподданныхъ. Сторонники „аристократической партіи" прекрасно это понимали — и не теряли мужества. „Неужели вы думаете, что мы вамъ дадимъ [illegible] это дѣло?" — спрашивалъ [illegible] графъ Бобринскій. „Неужели вы серьезно это думаете?.. Погодите, пожалуйста. Не пройдетъ и мѣсяца, **какъ вы всѣ въ трубу вылетите, а** мы сядемъ на ваше мѣсто"... Дѣло совершилось не буквально такъ, но **весьма близко къ этому: разъ Александръ** Николаевичъ убѣдился въ политической невинности дворянства, **онъ не могъ устоять противъ дружнаго натиска этого сословія, съ которымъ** онъ [illegible] былъ [illegible] тысячами нитей *).

Дружности натиска [illegible] **помогла сама же „бюрократія". Какъ** это часто бываетъ, опасаясь [illegible] манифестацій, министерство внутреннихъ дѣлъ приняло такія мѣры, **которыя неизбѣжно должны были по**догрѣть настроеніе и вызвать манифестаціи въ [illegible]. Тогда [illegible] за отъѣздомъ депутатовъ изъ Петербурга. Ланской

*) [illegible] Александра II [illegible]

вспомнилъ, что въ цѣломъ рядѣ губерній вскорѣ предстоятъ дворянскіе выборы, и, сообразивъ, что депутаты непремѣнно используютъ губернскія собранія для отчета о своихъ дѣйствіяхъ въ Петербургѣ, поспѣшилъ исхлопотать Высочайшее повелѣніе, воспрещавшее дворянамъ на своихъ очередныхъ собраніяхъ „входить въ какія бы то ни было сужденія по предметамъ, до крестьянскаго вопроса вообще касающимся". Повелѣніе было не безъ прецедента: предшествовавшей осенью (1858 года) былъ уже разосланъ аналогичный циркуляръ: тогда это была одна изъ первыхъ ласточекъ новаго курса. Но тогда помѣщики были еще исполнены увѣренности въ предстоящемъ созывѣ всероссійскаго дворянскаго собранія. Теперь эта мечта была навсегда разрушена—и дѣло принимало такой видъ, что дворянамъ просто напросто зажимаютъ ротъ въ вопросѣ, который всего ближе ихъ касается. Почти всѣ дворянскія собранія декабря 1859 года ознаменовались бурными сценами, демонстраціями въ честь вернувшихся депутатовъ, и отправкой императору петицій и адресовъ, по содержанію тождественныхъ съ заявленіями 18 и 5—но по тону даже болѣе рѣзкихъ. Особенной рѣшительностью требованій отличался адресъ владимирскаго дворянства, гдѣ впервые за это время мы встрѣчаемъ уже дѣйствительно конституціонныя заявленія, хотя и въ робкой формѣ: владимирскіе дворяне по ихъ „искреннему и глубокому убѣжденію" находили необходимымъ для Россіи „строгое раздѣленіе властей" и „управленіе, общее для всѣхъ сословій". Что здѣсь рѣчь шла не о мѣстномъ самоуправленіи, а о государственномъ устройствѣ вообще, доказывается тѣмъ, что „хозяйственно распорядительному управленію", тоже „общему для всѣхъ сословій", отведенъ особый пунктъ, слѣдующій за приведенными выше. Въ рѣчахъ депутатовъ, предшествовавшихъ подписанію адреса, говорилось еще прямѣе о „свободныхъ общихъ выборныхъ началахъ, не стѣсняемыхъ никакимъ особымъ произволомъ" и о „строжайшемъ охраненіи неприкосновенности правъ". Но въ тѣхъ же рѣчахъ впервые прозвучала и еще одна характерная нота: сознаніе того, что дворяне одни, какъ сословіе, совершенно не въ силахъ отстоять эту „неприкосновенность" собственнаго права. „Если мы нынѣ воспользуемся прежними выборными правами, то мы сами какъ-будто отодвинемся назадъ навсегда и выключимъ себя добровольно изъ общей массы государственнаго народонаселенія", говорилъ депутатъ Протопоповъ. „Пожертвуемте же сами для новой возрождающейся жизни кичливыми грамотами, бархатными книгами, аристократическими титулами и—за все это прежнее гордое и суетно безполезное величіе наше—всеподданѣйше испросимъ, какъ необходимое для пользы и нуждъ нашихъ, одно общее со всѣми сословіями названіе свободныхъ гражданъ". Все это были пока только фразы—и сквозь „демократизмъ" этихъ фразъ слишкомъ ясно сквозила горечь именно дворянской обиды. Но каковы бы ни были мотивы, мысль — опереться на все общество противъ произвола сверху—встрѣчается намъ теперь не въ однѣхъ рѣчахъ владимирскихъ депутатовъ: рязанское дворянское собра-

ніе сочли нужнымъ въ своемъ примѣненіи на деревню мѣстѣ поставить такой пунктъ: „усмотрѣть разрѣшеніе вопроса и окончательно освободить крестьянъ“. Манифестаціи имѣли мѣсто и на собраніяхъ орловскаго, ярославскаго — а впослѣдствіи и петербургскаго дворянства. Но самой громкой исторіей была тверская. Унковскій былъ тамъ губернскимъ предводителемъ, очень популярнымъ — и уже въ силу одного этого его личное столкновеніе съ „[illegible]“ должно было стать общедворянскимъ дѣломъ. Тверское дворянство также начало съ петиціи о снятіи запрета съ крестьянскаго вопроса. Но когда эта петиція не только не достигла цѣли, а вызвала удаленіе Унковскаго отъ должности предводителя, тверское дворянство явно перешло въ оппозицію. На мѣсто Унковскаго никто не захотѣлъ баллотироваться. Мало того: въ 8 уѣздахъ не удалось выбрать ни предводителей, ни депутатовъ — большинство дворянъ отказывалось отъ службы по выборамъ, а желавшихъ избираться забаллотировывали. Это было, кажется, первое примѣненіе политическаго бойкота на русской почвѣ. Въ то же время дворяне устраивали неофиціальныя собранія, обсуждая на нихъ запретный крестьянскій вопросъ и въ частности проекты выкупа на принятыхъ тверскимъ комитетомъ началахъ. До Петербурга стали доходить слухи, что Унковскій и его друзья собираются, въ пику правительству, самостоятельно освободить крестьянъ — и что у нихъ даже заготовлено нѣчто въ родѣ манифеста на этотъ счетъ, который они собираются напечатать въ тайной типографіи. Организованность и упорство тверского движенія испугали Петербургъ — и противъ Унковскаго и его ближайшихъ сотрудниковъ, Европеуса и Головачева, были приняты экстраординарныя мѣры: они были отправлены въ административную ссылку, (Унковскій въ Вятку, откуда его, впрочемъ, скоро вернули).

Это былъ послѣдній ударъ грома. Уже владимірское дворянство, дѣло котораго попало на разсмотрѣніе высшихъ властей позже тверского, отдѣлалось легкимъ выговоромъ, а съ петербургскимъ Александръ II вступилъ въ переговоры. Пока министерство внутреннихъ дѣлъ свирѣпствовало, Александръ Николаевичъ, послѣ первой вспышки гнѣва, вызванной „олигархическими“ проектами Шидловскаго и Безобразова, очень скоро вернулся къ той двойственной политикѣ, которой не безъ основанія такъ боялись Ланской и Милютинъ. Уже 10 ноября, меньше, чѣмъ черезъ недѣлю послѣ „суда“ надъ депутатами, онъ ѣздилъ во Псковъ — на балъ, который былъ ему предложенъ псковскими дворянами еще раньше, во время его путешествія, но тогда отклоненъ. Теперь императоръ пробылъ во Псковѣ два дня, два раза принималъ дворянскихъ предводителей и оба раза держалъ къ нимъ рѣчи, успокаивавшія и обнадеживавшія „первенцевъ земли Русской“. Особенно характерна была въ этомъ отношеніи вторая рѣчь: „Я увѣренъ въ вашемъ ко Мнѣ усердіи и [illegible] одинаковое къ вамъ“, говорилъ Александръ Николаевичъ. „Будьте увѣрены, что интересы ваши всегда близки къ Моему сердцу. Я надѣюсь, что

общими силами, съ помощью Божіею, Мы достигнемъ желаемаго конца въ этомъ дѣлѣ къ общей пользѣ. Прошу васъ не вѣрить никакимъ превратнымъ толкамъ, которыми только хотятъ васъ мутить, *а вѣрьте Мнѣ одному* и Моему слову". Скоро императоръ получилъ возможность обнадежить свое вѣрное дворянство не одними словами. Здоровье Ростовцева не выдержало той передряги, какую заставила его пережить разыгравшаяся осенью 1859 г. „политическая драма". Предсѣдатель редакціонныхъ комиссій, по словамъ современника, „боялся депутатовъ, приписывая имъ слишкомъ большое значеніе". На такого человѣка, какимъ былъ Ростовцевъ, угрозы кн. Орлова и другихъ властныхъ людей должны были имѣть свое вліяніе. Переутомленіе отъ спѣшныхъ, лихорадочныхъ занятій надъ совершенно новымъ и непривычнымъ для стараго генерала дѣломъ тоже не могло пройти даромъ. Въ концѣ октября Ростовцевъ уже не могъ предсѣдательствовать въ общихъ собраніяхъ комиссій,—а въ декабрѣ у него образовался карбункулъ (по всей вѣроятности, на почвѣ нервнаго истощенія)—и отъ послѣдствій неудачной операціи надъ нимъ онъ умеръ 6-го февраля слѣдующаго 1860 г. Возникъ вопросъ о замѣстителѣ. Ланской предлагалъ себя—что означало фактически передачу всего дѣла въ руки Милютина. Но до такой степени солидаризироваться со своимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Александръ вовсе не желалъ. Онъ увѣрилъ Ланского въ своемъ довѣріи, — точно такъ же, какъ увѣрялъ въ немъ недавно псковское дворянство, — но уклонился отъ прямого отвѣта на его предложеніе подъ тѣмъ предлогомъ, что ему еще нужно ознакомиться съ предсмертною запиской Ростовцева. А четыре дня спустя предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій былъ назначенъ одинъ изъ виднѣйшихъ членовъ аристократической камарильи, министръ юстиціи, графъ В. Н. Панинъ. „Глава самой дикой, самой тупой реакціи поставленъ во главѣ освобожденія крестьянъ", писалъ „Колоколъ"...

Личность Панина довольно хорошо извѣстна русской читающей публикѣ по той массѣ анекдотовъ, которую собрала около его имени либеральная историческая традиція. Анекдоты эти—помимо недостатковъ, свойственныхъ анекдотическому методу оцѣнки историческихъ дѣятелей вообще — представляютъ еще то неудобство, что они закрываютъ отъ читателя то серьезное, что было въ Панинѣ — и что дѣлало символическимъ его назначеніе. Эту сторону новаго предсѣдателя редакціонныхъ комиссій хорошо подмѣтилъ тотъ авторъ, у котораго мы уже заимствовали характеристику Ростовцева. Продолжая сравнивать этого послѣдняго и Панина, онъ говоритъ: „Деспотизмъ Ростовцева происходилъ болѣе отъ его желчнаго темперамента и отъ военнаго воспитанія; притомъ доброта сердца постоянно смягчала слишкомъ подчасъ рѣзкіе порывы воли; напротивъ, деспотизмъ Панина—врожденный, холодный, злой, умышленный и обдуманный, преслѣдующій жертву, неспособный ни на какія сдѣлки и уступки. Лесть Ростовцева болѣе была похожа на лакейское шутовство, желающее развеселить и позабавить барина; лесть Панина — раз-

[illegible]

ствомъ, начавшаяся въ 1858 году и [illegible]

[illegible]

*) „Материалы" II, стр. [illegible]

**) [illegible]

[illegible]

но онъ идеализировалъ его практи- [illegible]

[illegible] неустойчивое равновѣсіе между дворянскими и крестьянскими интересами, [illegible] „крестьянинъ долженъ немедленно почувствовать, что бытъ его улучшенъ, [illegible] ограждены". Съ этого равновѣсія комиссія всегда готова была сойти въ сторону интересовъ помѣщика. [illegible] чательно высказались, правительство — [illegible] видъ, что оно „не колеблется" и ни [illegible] ствующаго класса не могло. Съ На- [illegible] только симптома.

[illegible] смотрѣть снов первоначальные проекты въ связи съ „отзывами" на

нихъ депутатовъ перваго призыва,— то сразу, при пересмотрѣ перваго же доклада, „основаніе и размѣръ надѣла“, атмосфера сгустилась — и въ воздухѣ запахло „потасовкой“, по выраженію одного изъ членовъ. Члены-эксперты, очевидно, сильнѣе почувствовали толчокъ отъ только что происшедшаго столкновенія комиссій съ депутатами комитетовъ — и сдѣлали явную попытку повернуть назадъ. Членъ-экспертъ Галаганъ, крупный малороссійскій помѣщикъ, выступилъ съ форменнымъ предложеніемъ: отказаться отъ выдвинутаго комиссіями принципа существующаго надѣла и усвоить защищаемый большинствомъ комитетовъ принципъ надѣла „нормальнаго“ — только принявъ норму не одинаковую для всѣхъ имѣній, а, такъ сказать, подвижную, —установивъ для каждой мѣстности maximum и minimum нормальнаго надѣла. Галагана поддержало еще нѣсколько человѣкъ. Милютинъ (предсѣдательствовавшій за болѣзнью Ростовцева) страшно взволновался. „Намъ нечего скрывать“, говорилъ онъ Галагану, „вашими возраженіями уничтожается существо нашего положенія“. Но попытка подавить противника безапелляціонной ссылкой на высочайшую волю совершенно не удалась временному замѣстителю Ростовцева — Галаганъ, очевидно, о настроеніи этой воли имѣлъ болѣе или менѣе правильное представленіе. Пришлось заставить появиться на сцену больного Ростовцева: слѣдующее засѣданіе происходило въ его квартирѣ, такъ какъ прійти въ комиссію онъ не могъ и даже „едва сидѣлъ“, по собственному его признанію. Аргументы, къ которымъ долженъ былъ прибѣгнуть Ростовцевъ, чтобы провести „во второмъ чтеніи“ основной принципъ комиссій, очень напоминали положеніе утопающаго, хватающагося за соломинку. Онъ стращалъ Галагана пугачевщиной—которая на того, повидимому, подѣйствовала нѣсколько сильнѣе, чѣмъ аргументъ предыдущаго засѣданія — и просилъ сохранить основаніе существующаго надѣла „въ заглавіи, *какъ вывѣску*“. При этомъ онъ весьма недвусмысленно давалъ понять, что на практикѣ отъ этого принципа будутъ сдѣланы всѣ возможныя отступленія, но что для этого нужно подождать, пока комиссіи перейдутъ къ конкретному выясненію размѣровъ надѣла на практикѣ. „Я хозяинъ“, говорилъ, въ видѣ пояснительной притчи Ростовцевъ, „а вы гости. Вдругъ одинъ изъ гостей, приглашенныхъ на обѣдъ, потребовалъ бы жаренаго: дозвольте, тутъ есть горячее, тутъ есть еще соусъ, и я, какъ хозяинъ, предъявляю, что жареное будетъ, но надо повременить, его подадутъ въ своемъ мѣстѣ“. Докладъ прошелъ — но два эти засѣданія (18 и 23 ноября 1859 года) были самымъ мрачнымъ предзнаменованіемъ для будущности принятаго комиссіями „основного принципа“. Слѣдующее засѣданіе, 3 декабря, и началось съ чтенія „предложенія“ Ростовцева — „обратить особенное вниманіе на пересмотръ высшаго душевого надѣла“. Хотя при отрѣзкѣ здѣсь и рекомендовалась „величайшая осторожность“, но тѣмъ не менѣе настойчиво указывалось на необходимость соблюдать, какъ непремѣнное условіе, „чтобы размѣръ и оцѣнка высшаго

[illegible] надѣла [illegible] ... Вслѣдствіе этого [illegible] нормы maximum'а для каждой мѣстности требуетъ самыхъ тщательныхъ соображеній"...

Это значило предоставить [illegible] на усмотрѣніе [illegible] какъ [illegible] комиссія [illegible]. Черноземныя губерніи, по отношенію къ размѣрамъ надѣла, были первоначально раздѣлены [illegible] на три „мѣстности" съ максимальными надѣлами въ 3, $3\frac{1}{2}$ и $4\frac{1}{4}$ десятины, смотря по цѣнѣ земли [illegible] „мѣстности". Минимальный надѣлъ былъ принятъ въ $\frac{1}{3}$ максимальнаго — т. е. для самой [illegible] полосы онъ составлялъ [illegible] десятины. Припомнимъ, что обязательнымъ для помѣщика былъ только этотъ минимальный надѣлъ — и то не безъ исключеній: если по надѣлѣ крестьянской [illegible] у помѣщика оставалось не болѣе $\frac{1}{3}$ всей земли, онъ не былъ обязанъ предоставить [illegible], даже если у нихъ было ея и меньше minimum'а. Во второй редакціи эта оговорка была еще усилена — было сказано „о сохраненіи во всякомъ случаѣ за владѣльцемъ не менѣе одной трети" [illegible]. Казалось бы, дальше, въ защитѣ [illegible] интересовъ, было трудно идти. Однако комиссія во второмъ періодѣ своихъ занятій сдѣлала еще шагъ. Она вмѣсто трехъ полосъ раздѣлила черноземныя губерніи на шесть съ максимальными надѣлами въ $2\frac{3}{4}$, 3, $3\frac{1}{2}$, 4, $4\frac{1}{2}$ и 6 десятинъ на душу (послѣдняя полоса была переходной къ степнымъ губерніямъ и обнимала тѣ мѣстности, гдѣ [illegible] хозяйства). Минимальный же, т. е. [illegible] обязательный для помѣщика надѣлъ, былъ принятъ въ $\frac{1}{3}$ максимальнаго. [illegible] уѣздовъ [illegible] губерніи и [illegible] уѣздовъ Курской получился минимальный [illegible] надѣлъ — въ 2 200 кв. саженъ ([illegible] десятины) на душу. Такимъ образомъ, [illegible] этихъ мѣстностей [illegible] не [illegible] результатомъ [illegible] реформы, — а было сознательно предустановлено [illegible], которые, [illegible] „[illegible]". Отрѣзка [illegible] по [illegible] уѣздамъ 37—41 [illegible] — а по одному даже [illegible]; такимъ образомъ нельзя было сказать, что отрѣзкѣ „подверглось возможно ограниченное число крестьянъ", какъ этого хотѣло „предложеніе" Ростовцева отъ 5 декабря. Размѣры же отрѣзки здѣсь составляли отъ 0,33 до 0,88 десятинъ на душу: т. е. максимальная отрѣзка почти равнялась минимальному надѣлу *).

*) [illegible] 30 уѣздовъ [illegible] губерніи [illegible] Харьковской, 8 — Курской [illegible] 1 десятины [illegible] 2 десятинъ [illegible]

Какъ видимъ, уже въ редакціонныхъ комиссіяхъ,—и притомъ въ ростовцевскій періодъ ихъ дѣятельности—отрѣзки у крестьянъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ земля имѣла для помѣщика цѣну, приняли характеръ настоящей экспропріаціи надѣльныхъ земель въ пользу барской запашки—однимъ рѣшительнымъ ударомъ завершая ту эволюцію, которая медленно развертывалась на черноземномъ югѣ съ начала столѣтія. Редакціоннымъ комиссіямъ оставалось только утѣшать себя, что „какъ бы ни былъ малъ-наименьшій размѣръ надѣла, бытъ *безземельныхъ* крестьянъ, сравнительно съ настоящимъ тяжелымъ ихъ положеніемъ, сдѣлается лучше". Пролетаріата всетаки не будетъ,—а съ точки зрѣнія государственнаго интереса это главное, такъ какъ,—аргументировали комиссіи въ другомъ мѣстѣ,—„коалиціи работниковъ, коллективная оппозиція противъ капиталистовъ и властей, со всѣми ихъ послѣдствіями,.. развились почти исключительно въ тѣхъ сословіяхъ, въ которыхъ распущенныя личности, *несвязанныя никакимъ общимъ поземельнымъ интересомъ* и предоставленныя самимъ себѣ, сознали свою единичную слабость и сложились въ искусственные союзы, враждебные правительству, собственности и общественному порядку"... Тамъ, гдѣ у крестьянина есть хоть квадратная сажень земли, привязывающая его къ „естественному" союзу-общинѣ съ круговой порукой—нѣтъ мѣста ничему подобному.

Для полноты картины этого отступленія редакціонныхъ комиссій—отступленія, повторимъ это еще разъ, не принципіальнаго, не качественнаго, а чисто *количественнаго*—приходится еще взглянуть на другую сторону. Если въ принципѣ допускалась *отрѣзка* земли у крестьянъ въ пользу помѣщика, какъ исключеніе,—то точно такъ же, тоже какъ исключеніе, допускалось и противоположное—*прирѣзка* земли помѣщикомъ къ крестьянскому надѣлу, если онъ былъ ниже minimum'а. Насколько мало исключеніемъ было первое, мы сейчасъ видѣли. Что же касается прирѣзки, то таковая во всей черноземной полосѣ должна была коснуться 18.302 душъ въ 59 имѣніяхъ и добавить имъ 5.473 десятины земли. Такъ какъ вся площадь надѣльной земли въ этой полосѣ составляла 9.841.000 десятинъ, то въ % увеличеніе крестьянскаго надѣла составитъ 0,06%. Въ этомъ состояла экспропріація помѣщичьихъ земель въ пользу крестьянъ по проектамъ редакціон-

---

частью еще 3 уѣзда губерній: Харьковской, Воронежской, Тамбовской, Нижегородской, Симбирской, Курской, Орловской, Пензенской, Казанской), отрѣзки въ отдѣльныхъ случаяхъ затрагивали болѣе 80% душъ—т. е. подавляющее большинство крестьянъ, а величина ихъ въ пензенскомъ уѣздѣ доходила до 1,32 десятины на душу—т. е. превышала минимальный надѣлъ этой мѣстности (1 1/2 дес. на душу). Въ *четвертой* мѣстности (приволжскіе уѣзды Казанской и Самарской губерній) отрѣзка захватывала отъ 36 до 50% всего числа душъ и доходила (въ свіяжскомъ уѣздѣ Казанской губ.) до 2,83 дес. на душу—т. е. была вдвое больше минимальнаго надѣла этой мѣстности (1 1/2 дес.). Всего меньше была отрѣзка въ 5-й и 6-й мѣстностяхъ — наиболѣе многоземельныхъ. Благодаря имъ и получалась успокоительная средняя: во всей черноземной полосѣ число имѣній съ отрѣзками редакціонныя комиссіи насчитывали около 25%.

надъ [illegible] Въ [illegible] „[illegible] предметъ", [illegible] „вмѣсто [illegible] умаливать число случаевъ прирѣзки". А [illegible] губернскія присутствія получили право освобождать помѣщика отъ прирѣзки при полномъ размѣрѣ надѣла и при полныхъ относительныхъ размѣрахъ барской запашки, если присутствія найдутъ, что „бытъ крестьянъ обезпеченъ или встрѣчаетъ какія-либо препятствія къ прирѣзкѣ земли".

Исходной точкой для дальнѣйшаго движенія комиссій по усвоенному ими пути въ этомъ *третьемъ* періодѣ послужило появленіе въ Петербургѣ второй группы депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ — такъ называемыхъ „депутатовъ второго приглашенія".

„Большая часть новыхъ представителей губернскихъ комитетовъ *) были свидѣтелями всего, что свѣжо происходило на дворянскихъ выборахъ вслѣдствіе циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ. На нихъ лежала какъ бы обязанность отмстить правительству за всѣ нанесенныя дворянству обиды. Одинъ изъ нихъ, напр., пензенскій депутатъ Горсткинъ, былъ тотъ самый, который недавно еще въ московскомъ Англійскомъ клубѣ грозилъ кн. Черкасскому, что по прибытіи въ Петербургъ, депутаты обнаружатъ всѣ скрытые преступные замыслы редакціонныхъ комиссій. Сверхъ того, депутаты второго приглашенія [illegible], чтобы не [illegible] *).

Можно было [illegible], [illegible] болѣе [illegible], чѣмъ въ первый разъ, не [illegible] не [illegible]. Даже [illegible] Горсткина [illegible] и [illegible]ами. Острый моментъ [illegible]. Одинъ изъ депутатовъ второго приглашенія — [illegible] — обратился съ [illegible] представителямъ [illegible] письмомъ, распространявшимся въ спискахъ [illegible] на основаніи горькаго опыта [illegible] и [illegible] товарищей, настаивалъ на томъ, чтобы ихъ [illegible] не дробились на группы и кружки, а объединились вокругъ двухъ основныхъ требованій — обязательнаго выкупа и той умѣренной программы политическихъ реформъ, которую выдвинулъ Унковскій. Но и то, и другое уже устарѣло: необходимость политическихъ реформъ [illegible] типа, — и притомъ именно, какъ [illegible] вліянія дворянства — [illegible] правительствомъ Александра II уже [illegible] Унковскаго [illegible] былъ только [illegible] — но домогаться его вовсе не входило въ [illegible] интересы [illegible]. Логическимъ остріемъ дворянскихъ требованій являлась сословная конституція [illegible] требованія, чтобы [illegible] второй разъ дразнить этимъ краснымъ

*) Изъ [illegible] депутатовъ отъ 30 губернскихъ комитетовъ и 2 „[illegible]" [illegible].

*) „Матеріалы" II, [illegible].

платкомъ монарха, абсолютно не переносившаго мысли, что его власть чѣмъ-нибудь и когда-нибудь можетъ быть ограничена. Новый, европейскій способъ проводить свои сословныя требованія рѣшительно не удавался: но никто не мѣшалъ прибѣгнуть къ старому — дѣйствовать черезъ дворцовую переднюю. Имѣя теперь „своего человѣка" даже во главѣ редакціонныхъ комиссій, этимъ испытаннымъ путемъ можно было достигнуть очень многаго. Было вполнѣ естественно, что дворяне къ нему обратились, и что ходъ крестьянскаго дѣла принялъ еще болѣе „николаевскій" характеръ, чѣмъ онъ имѣлъ раньше. Но при данной ситуаціи было бы наивностью, если бы они этимъ путемъ стали домогаться обязательнаго выкупа, какъ совѣтовалъ имъ Кошелевъ. Обязательный выкупъ обозначалъ постановку всей реформы подъ сильнѣйшій контроль правительства, — той самой „бюрократіи", съ которой дворянство воевало. Пока помѣщики еще надѣялись покорить противника себѣ „подъ нози"—они могли стоять за эту форму ликвидаціи крѣпостного хозяйства. Теперь, когда дѣло шло на компромиссъ, вопросъ стоялъ иначе. Дворянству нуженъ былъ возможно полный просторъ отъ вмѣшательства органовъ администраціи, какъ центральной, такъ и мѣстной. И между депутатами второго призыва была особенно популярна идея „добровольныхъ соглашеній" помѣщиковъ съ крестьянами,—легшая въ основу проекта, выработаннаго петербургскимъ дворянствомъ съ согласія императора*). Согласно этому проекту, для „добровольныхъ соглашеній" относительно земли назначался трехгодичный срокъ: по окончаніи его въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ соглашенія не состоялись, вводился „нормальный надѣлъ",—какъ мы знаемъ, любимая мысль большинства комитетовъ.

Но въ концѣ концовъ большинство депутатовъ „второго приглашенія" нашло и этотъ проектъ недостаточно радикальнымъ — и обратилось къ Панину съ письмомъ, гдѣ требовало абсолютной свободы соглашеній (по истеченіи извѣстнаго переходнаго срока) въ томъ quasi-манчестерскомъ духѣ, какимъ были проникнуты нѣкогда рѣчи Шувалова и Паскевича (см. 3. Редакціонныя комиссіи). Это письмо было кульминаціоннымъ пунктомъ дворянской реакціи въ экономическомъ вопросѣ: какъ всѣ идеальныя требованія, оно не воплотилось въ жизнь цѣликомъ, но Александръ Николаевичъ отнюдь не желалъ обострять вторично своихъ отношеній къ дворянству — и притомъ изъ-за экономики. Редакціоннымъ комиссіямъ пришлось сдѣлать еще нѣсколько шаговъ по пути къ „уступкамъ": было введено болѣе дробное раздѣленіе полосъ на „мѣстности" (которыхъ теперь въ *черноземной* полосѣ оказалось 10, а въ *нечерноземной* 11) съ такимъ расчетомъ, чтобы путемъ мелкихъ отрѣзокъ еще болѣе понизить maximum надѣла въ той или другой „мѣстности". Въ результатѣ

*) Едва ли нужно прибавлять, что этотъ проектъ шелъ навстрѣчу желаніямъ самаго крупнаго землевладѣнія,—однимъ изъ представителей котораго въ редакціонныхъ комиссіяхъ и былъ именно петербургскій предводитель гр. Шуваловъ. См. выше 3. Редакціонныя комиссіи.

получившіе „дарственный" надѣлъ [illegible] нѣе средняго надѣла государственныхъ крестьянъ въ той же „мѣстности" *).

Концомъ совмѣстныхъ занятій комиссій и депутатовъ 2-го приглашенія оказался дружескій обѣдъ, на которомъ говорились рѣчи о неприкосновенности священнаго права собственности — съ ссылками на [illegible] и [illegible] — и глубокой „благодарности" [illegible] членамъ въ комиссіяхъ. [illegible], [illegible] губернскихъ комитетовъ [illegible] самоуправленіе [illegible] группы депутатовъ, такъ рѣзко [illegible]. И, глядя на эту сцену, русскій крестьянинъ могъ повторить, [illegible] перефразируя, слова, которыми одинъ московскій купецъ характеризуетъ примиреніе между [illegible] въ [illegible] драмѣ А. [illegible] [illegible]!

Съ открытіемъ [illegible] путей воздѣйствія „общества" на „правительство", редакціонныя комиссіи совершенно утратили то значеніе самостоятельнаго учрежденія, автономно рѣшавшаго вопросъ, какое онѣ имѣли по первоначальному плану. Чѣмъ ближе дѣло подходило къ концу, тѣмъ становилось яснѣе, что послѣднее слово „тайные совѣтники" оставятъ все же за собой, а надъ всѣхъ [illegible] самъ императоръ. Уже лѣтомъ 1860 года Панинъ попытался дѣйствовать не какъ предсѣдатель, а какъ „начальникъ" комиссій. А когда Милютинъ и его друзья дали ему отпоръ, онъ попросту отложилъ свои возраженія до того времени, когда комиссій уже не будетъ — до рѣшенія дѣла въ Главномъ комитетѣ. Ввести въ этотъ послѣдній хотя бы одного Милютина не удалось, — несмотря на то, что за него хлопоталъ великій князь Константинъ Николаевичъ. 10 октября 1860 года комиссіи были офиціально закрыты, причемъ у нихъ предварительно не спросили даже, смогутъ ли онѣ окончить свое дѣло къ этому сроку. Чтобы нѣсколько

*) Высшій надѣлъ былъ установленъ:

			Средній [illegible]
Черноземная полоса			
въ 1-й мѣстн.	$2^3/_4$ дес.	(13 уѣз.).	4,14 дес.
„ 2-й „	3 „	(49 „)	5,36 „
„ 3-й „	$3^1/_4$ „	(12 „)	[illegible] „
„ 4-й „	$3^1/_2$ „	([illegible] „)	4,19 „
„ 5-й „	4 „	(18 „)	4,8[illegible] „
„ 6-й „	$4^1/_4$ „	(5 „)	[illegible] „
„ 7-й „	$4^1/_2$ „	(13 „)	5,18 „
„ 8-й „	5 „	(3 „)	[illegible] „
„ 9-й „	$5^1/_2$ „	(8 „)	8,12 „
„ 10-й „	6 „	(8 „)	[illegible] „
Степная полоса			
	[illegible] „	(10 „).	14,00 „
Нечерноземная полоса			
1-я мѣстн.	$3^1/_4$ „	(22 „)	2,82 „
2-я „	$3^1/_2$ „	(14 „)	[illegible] „
3-я „	$3^3/_4$ „	(6 „)	[illegible] „
4-я „	4 „	([illegible] „)	[illegible] „
5-я „	$4^1/_4$ „	(8 „)	[illegible] „
6-я „	$4^1/_2$ „	([illegible] „)	[illegible] „
7-я „	5 „	(44 „)	[illegible] „
8-я „	$5^1/_2$ „	(25 „)	[illegible] „
9-я „	6 „	(14 „)	[illegible] „
10-я „	7 „	(3 „)	2,67 „
11-я „	8 „	(20 „)	8,02 „

Какъ видимъ, на нечерноземномъ сѣверѣ, тамъ, гдѣ, по откровенному выраженію одного помѣщика, современника реформы, „земля почти ничего не стоила", на нее не [illegible] — помѣщичьи интересы ограждались тамъ иными путями. Сопоставляя эти цифры, необходимо имѣть въ виду, что 8-мидесятинный надѣлъ [illegible] [illegible] изъ таблицы, а прочія нормы хотя и не измѣнялись, но [illegible] рядъ [illegible] былъ перемѣщенъ въ слѣдующій низшій разрядъ. См. ниже.

загладить эту грубость, Ланской добился у императора прощальной аудіенціи для членовъ комиссій. Она состоялась 1 ноября—и едва ли могла поправить впечатлѣніе. Александръ Николаевичъ довольно сухо поблагодарилъ за „добросовѣстные труды“ орудія своего „новаго курса“—ставшаго теперь устарѣлымъ, — и тутъ же кстати упомянулъ о „несовершенствахъ“ всякаго труда, и о томъ, что „можетъ быть, придется многое измѣнить“. Только подъ самый конецъ рѣчи прозвучало нѣсколько теплыхъ нотъ, но заключительный аккордъ—особая благодарность Панину, отношеніе котораго къ членамъ комиссій въ послѣднее время было прямо враждебнымъ,—долженъ былъ заглушить и ихъ.

А затѣмъ дѣло пошло такъ, какъ будто „нормальный“ ходъ его съ ноября 1857 года ничѣмъ не прерывался. 10-го же октября происходило первое засѣданіе главнаго комитета по крестьянскому дѣлу для разсмотрѣнія проекта „Положенія“—причемъ со всѣхъ членовъ, по высочайшему повелѣнію, было взято обязательство, что о всемъ происходящемъ въ комитетѣ они будутъ хранить безусловную тайну. „Открывшійся“ 20 ноября 1857 года комитетъ вновь сталъ „секретнымъ“, какъ во времена Николая Павловича. Любопытнѣе всего, что секретъ распространялся и на бывшихъ членовъ редакціонныхъ комиссій, которые были лишены всякой возможности знать, что же собираются дѣлать съ плодами ихъ усидчивой полуторагодичной работы. Не мудрено, что, какъ и во времена Николая Павловича, темнота тотчасъ же наполнилась самыми невѣроятными слухами — причемъ не казалась исключенной даже и возможность, что никакой реформы вовсе не будетъ... На самомъ дѣлѣ, въ главномъ комитетѣ продолжалась та же ожесточенная борьба, которая, при дневномъ свѣтѣ, происходила со времени встрѣчи депутатовъ перваго призыва съ редакціонными комиссіями—борьба изъ-за земли. Принципіальнаго вопроса никто не поднималъ. Изъ сторонниковъ обязательнаго выкупа въ комитетѣ оказался одинъ Блудовъ. Добровольныя соглашенія защищалъ кн. Гагаринъ, но и то съ поправкой, что по 1 десятинѣ крестьяне все-таки должны получить непремѣнно: это было въ сущности только количественное отличіе отъ проекта комиссій, которыя для отдѣльныхъ мѣстностей сами допускали минимальный надѣлъ даже и меньше 1 десятины. Но и Гагарина почти никто не поддерживалъ. Большинство, съ предсѣдателемъ вел. кн. Константиномъ Николаевичемъ во главѣ, стояло за проектъ редакціонныхъ комиссій,—но для абсолютнаго большинства этой группѣ не хватало одного голоса: такъ какъ въ комитетѣ образовалась еще четвертая группа, съ министромъ госуд. имуществъ М. Н. Муравьевымъ (Виленскимъ) во главѣ, стоявшая просто за отсрочку окончательной ликвидаціи поземельныхъ отношеній „впредь до обмежеванія и кадастрированія всѣхъ владѣльческихъ дачъ“—т. е. на неопредѣленное время. Внѣ всякихъ группъ стоялъ Панинъ—много говорившій о неуклонномъ соблюденіи высочайшей воли, но рѣшительно отказывавшійся признать заключенія высочайше учрежденныхъ и состояв-

[illegible] редакціонныхъ коммиссій [illegible] пунктамъ [illegible] помѣщиковъ [illegible] „безсрочнаго пользованія" [illegible] съ этимъ, [illegible] „ограниченія правъ собственности помѣщика на эту землю" [illegible] пользованія въ уменьшеніи крестьянскаго надѣла — т. е. земельныхъ отрѣзковъ. Такъ какъ только [illegible] Панина хотъ сдѣлать большинство большинствомъ, то въ концѣ концовъ онъ и оказался вершителемъ судебъ русскаго крестьянства. Насчетъ безсрочнаго пользованія его удалось убѣдить, что тутъ лишь юридическая фикція, вполнѣ безобидная для помѣщика, вотчинной полиціей онъ тоже соглашался поступиться, — но насчетъ земли онъ былъ неумолимъ. И вотъ длинный и сложный процессъ, съ небывалой въ Россіи широтой и публичностью развертывавшійся въ теченіе двухъ лѣтъ передъ всѣмъ обществомъ, закончился чрезвычайно домашней сценой, живо напоминавшей, какъ вершились дѣла за „выгибныхъ столикомъ" въ уборной Екатерины II. Бывшій предсѣдатель редакціонныхъ коммиссій съ бывшимъ ихъ секретаремъ, П. Семеновымъ, въ сотрудничествѣ нѣсколькихъ чиновниковъ министерства юстиціи, седѣло и горячо перекраивали крестьянскіе надѣлы, еще [illegible] отъ операцій, произведенныхъ надъ ними раньше. „Мѣстности съ 8 десятинами высшаго надѣла были совсѣмъ отброшены изъ проэкта, съ обильнымъ переводомъ ихъ 8-ми-десятинныхъ надѣловъ на 7-ми-десятинные", [illegible] [illegible]. „Такъ, гдѣ высшій надѣлъ былъ предположенъ въ 7½ десятинъ, [illegible] этотъ размѣръ былъ временно [illegible] 5½ или 4 десятины, [illegible] тря по мѣстному положенію. Когда [illegible] Ярославской губерніи, и гр. Панинъ [illegible] Громыхаго" [illegible], [illegible] не имѣвшаго никакого касательства къ аграрному вопросу, [illegible] цифру [illegible] (т. е. [illegible]) не [illegible] 4½ десятины. Гр. Панинъ, [illegible] въ вѣдомостяхъ цифру сказалъ: „А я думалъ 3½ десятины! Я увѣренъ, что въ [illegible] уѣздѣ мало земли у помѣщиковъ, и надѣлы крестьянъ въ натурѣ вообще не велики. Тогда графъ опять [illegible]: какъ же [illegible]? [illegible] отвѣчалъ, что — въ [illegible] случаѣ 4 десятины" *). Попытка Панина сбить [illegible] (для черноземa) до 2½ десятинъ однако не удалась — мы видѣли, что и [illegible] уже [illegible] надѣлъ и безъ того почти равнялся обезземеленію. Просидѣвъ еще нѣсколько часовъ за этой работой, Панинъ [illegible] ½ десятины надѣла у новороссійскихъ крестьянъ: тогда было уже 12 часовъ ночи. Позднее время спасло русское крестьянство отъ худшаго.

Съ присоединеніемъ Панина въ главномъ комитетѣ образовалось прочное большинство — и Муравьевъ [illegible] „[illegible]" **) [illegible]

*) [illegible] III, [illegible] 770—771.

**) [illegible]

шлось стушеваться. Попытка его сочинить наскоро контръ-проектъ при участіи Валуева — тоже потерпѣла неудачу. Ему и его другу, шефу жандармовъ кн. В. А. Долгорукову, пришлось пустить въ ходъ самыя грубыя средства, чтобы повліять на исходъ дѣла. Долгоруковъ, напримѣръ, разсказывалъ, что „въ виду общаго неудовольствія дворянства, ежедневно заявляемаго получаемыми на Высочайшее имя письмами, онъ, Долгоруковъ, не отвѣчаетъ за общественное спокойствіе, если предположенія редакціонныхъ комиссій будутъ утверждены". *) Но выставлять такія угрозы значило совсѣмъ не понимать характера Александра Николаевича: бояться дворянской революціи въ 1860 году было бы смѣшно, а дворянская фронда, не пугая, могла его только раздражать. Свое отношеніе къ подобнымъ толкамъ императоръ рѣзко подчеркнулъ въ послѣднемъ засѣданіи главнаго комитета, 26 января 1861 года, которое опять происходило подъ его предсѣдательствомъ. „Вы должны помнить", внушительно замѣтилъ Александръ Николаевичъ, „что въ Россіи издаетъ законы самодержавная власть".

Самодержавная власть повелѣла „окончить дѣло къ 15 февраля". При такихъ условіяхъ обсужденіе проекта въ государственномъ совѣтѣ было чистой формальностью,—тѣмъ болѣе, что по установившемуся еще при Николаѣ обычаю императоръ могъ соглашаться и съ меньшинствомъ,—чѣмъ Александръ II при обсужденіи „Положенія 19 февраля" и пользовался очень часто. Тѣмъ не менѣе крестьянскіе надѣлы пострадали еще разъ и здѣсь. Но самая главная брешь въ проектѣ редакціонныхъ комиссій — право помѣщиковъ ликвидировать свои отношенія къ крестьянамъ, предоставивъ имъ *даромъ* ничтожный надѣлъ (въ $\frac{1}{4}$ максимальнаго) — имѣла за себя большинство уже въ главномъ комитетѣ. *) Такъ какъ „кошачьи" надѣлы допускались, какъ мы видѣли, для отдѣльныхъ мѣстностей и редакціонными комиссіями, то принципіальнаго противорѣчія и здѣсь не было. Введеніе этого „нищенскаго" или, какъ его еще называли, „гагаринскаго" надѣла (по имени предложившаго его кн. Гагарина),—привязывавшаго крестьянъ къ мѣсту, но отнюдь не обезпечивавшаго ихъ, только сильнѣе подчеркнуло основную тенденцію всей реформы—превращеніе крѣпостного крестьянина въ полусвободнаго батрака съ надѣломъ.

Легенда 19 февраля начала слагаться съ самаго же дня реформы,—даже, можно сказать, раньше этого дня. За нѣсколько дней до этой достопамятной даты, лейбъ-публицистъ императора Николая въ послѣдніе мѣсяцы его жизни, Погодинъ, писалъ о предстоящемъ освобожденіи крестьянъ: „Есть ли въ исторіи европейской, всемірной, событіе чище, выше, благороднѣе этого, событіе равное, подобное этому? Найдите, укажите мнѣ его! Русскіе люди! Русскіе люди! На колѣни! Молитесь, молитесь Богу за это высокое, несравненное счастье, всѣмъ намъ ниспосылаемое, за это безпримѣрное въ лѣтописяхъ ощущеніе, которое всѣхъ насъ ожидаетъ,

*) Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. т. XVII, стр. 213.

*) См. Семеновъ, назван. соч., т. III, часть 2, стр. 762.

ка эту великолѣпную страницу, которою украшается отечественная исторія".

Погодинъ былъ консерваторъ и патріотъ стараго закала, но онъ не былъ [illegible]. Ту же мысль, въ менѣе лапидарной формѣ, можно было встрѣтить и у либеральныхъ историковъ, и даже у историковъ [illegible]. Дѣйствительно ли 19 февраля было такой глубокой катастрофой въ русской исторіи? Дѣйствительно ли можно говорить о „полной отмѣнѣ крѣпостного права въ Россіи" 19 февраля 1861 г.? Бѣглаго взгляда на „Положеніе 19 февраля" достаточно, чтобы съ полной опредѣленностью отвѣтить на этотъ вопросъ. Крѣпостное право слагалось изъ трехъ элементовъ: во-первыхъ, права помѣщика на трудъ крестьянина — непосредственно, въ видѣ барщины, и посредственно, въ видѣ натуральнаго и денежнаго оброка; во-вторыхъ, права помѣщика на ту землю, на которой сидѣли крестьяне (исторически первое право вытекало изъ второго); въ-третьихъ, [illegible] функцій государственнаго, полицейскаго и судебнаго характера, которыя помѣщикъ осуществлялъ не въ силу лично принадлежавшаго ему права, а какъ агентъ центральной власти. Второй изъ отмѣченныхъ нами элементовъ крѣпостного права былъ объявленъ подлежащимъ выкупу — но только съ согласія помѣщика: лишь въ 1883 году выкупъ сталъ обязательнымъ. Какъ фактически была обставлена выкупная операція — этимъ мы займемся въ заключеніе настоящаго очерка. Юридически помѣщикъ остался собственникомъ всей земли своего имѣнія и послѣ 19 февраля. [illegible] въ той и другой изъ указанныхъ выше [illegible] крѣпостного права, [illegible] XIX вѣка, какъ и [illegible] XVIII, могъ требовать съ крестьянъ въ обмѣнъ за землю повинностей — натуральныхъ или денежныхъ. — [illegible] „Положеніе 19 февраля" барщину и оброкъ? — [illegible] „Положеніе" отмѣнило лишь различные мелкіе виды натуральнаго оброка: птицею, [illegible] — пережитки натуральнаго хозяйства, не имѣвшіе ровно никакого экономическаго значенія во второй половинѣ XIX вѣка. Денежный оброкъ остался и не былъ даже фиксированъ, [illegible] черезъ 20 лѣтъ — т. е. къ тому времени, когда новыя экономическія условія должны были сказаться со всей силой, помѣщикъ могъ потребовать переоброчки и увеличенія платежей. Еще меньшему измѣненію подверглась барщина [illegible] въ прежнемъ видѣ. Правда, помѣщикъ не имѣлъ права требовать себѣ болѣе *трехъ* дней въ недѣлю: но, во-первыхъ, *по закону* на большее онъ не имѣлъ права уже со времени императора Павла; а во-вторыхъ, сами редакціонныя комиссіи уже согласились, чтобы $^{3}/_{5}$ барщинныхъ дней было взято помѣщиками въ лѣтнее, рабочее время — такъ что даже и по закону барщина въ страдную пору оказывалась выше трехдневной. Затѣмъ остается уменьшеніе женской барщины до [illegible] дней въ недѣлю: это было единственное, что оправды-

вало терминъ „облегченіе“ въ манифестѣ. Но мы видѣли, что за исключеніемъ мало населенныхъ губерній нижняго Поволжья, барщина всюду была въ разной степени невыгодна самимъ помѣщикамъ: прогрессивныя имѣнія въ ней, собственно говоря, уже не нуждались. Отсталымъ нужно было дать только время на переходъ къ новымъ формамъ хозяйства: вотъ почему совсѣмъ уже дешевымъ благодѣяніемъ было предоставленіе крестьянамъ права по истеченіи двухъ лѣтъ требовать перевода ихъ съ барщины на оброкъ. Въ этомъ пунктѣ „Положеніе“ особенно ярко отражаетъ непреодолимую силу экономической тенденціи, которая заставляетъ хозяйство въ интересахъ класса итти впередъ, хотя бы по трупамъ наиболѣе отсталыхъ хозяевъ: не умѣлъ самъ приспособиться къ условіямъ товарнаго производства, не мѣшай, по крайней мѣрѣ, крестьянамъ. Но для того, чтобы воспользоваться этимъ прогрессивнымъ шагомъ закона въ своемъ собственномъ интересѣ, крестьянинъ долженъ былъ стать тѣмъ „свободнымъ сельскимъ обывателемъ“, тѣмъ „мелкимъ земельнымъ собственникомъ“, о какомъ мечтало охваченное антидворянскимъ настроеніемъ правительство осенью 1858 года. Дѣлало ли „Положеніе“ крестьянина тѣмъ и другимъ? Отвѣчая на первый вопросъ, мы подходимъ къ третьему, указанному нами элементу крѣпостного права—и зная проектъ редакціонныхъ комиссій даже въ его первоначальномъ видѣ, мы уже можемъ отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. До момента учрежденія волостныхъ правленій помѣщикъ сохранялъ всю ту судебно-полицейскую власть, которая ему принадлежала и раньше. Съ момента ихъ учрежденія эта власть фактически переходила къ другому помѣщику, который въ первоначальномъ проектѣ носилъ названіе *мирового судьи*, а въ окончательномъ сталъ называться *мировымъ посредникомъ*,—и которому волостной старшина, выборный крестьянскій начальникъ волости, былъ вполнѣ и непосредственно подчиненъ. Въ проектѣ редакціонныхъ комиссій была единственная черта, позволявшая говорить о крестьянскомъ самоуправленіи: мировой посредникъ по этому проекту, хотя и былъ непремѣнно дворянинъ-помѣщикъ, хотя и выбирался изъ списка кандидатовъ, просмотрѣннаго и одобреннаго мѣстными дворянами,—но выбирался онъ все-таки крестьянами черезъ особыхъ уполномоченныхъ. Въ главномъ комитетѣ и этотъ послѣдній проблескъ *само*управленія исчезъ: непосредственный начальникъ волостного старшины назначался изъ среды дворянъ и отчасти съ ихъ одобренія и по ихъ указанію—но назначался общей администраціей, въ лицѣ губернатора. То, что потеряли крестьяне, перешло не прямо къ мѣстнымъ помѣщикамъ, но къ правящей дворянской группѣ, въ лицѣ ея мѣстнаго агента: на счетъ власти отдѣльнаго помѣщика усилилось централизованное дворянское государство.

Остается созданіе мелкой земельной собственности. Самая идея не составляла оригинальнаго изобрѣтенія правительства: она вышла изъ среды самихъ дворянскихъ комитетовъ, хотя и была, въ извѣстный моментъ, обращена въ орудіе къ обузданію дворянскихъ притязаній.

„Гражданская полноправность освобождаемыхъ крестьянъ невозможна безъ обезпеченія ихъ достаточною собственностью", говорило меньшинство казанскаго комитета. „Крестьяне никакъ не мыслятъ свободы безъ земли". „Пока крестьяне", говорили 14 членовъ московскаго комитета, „прикрѣплены къ землѣ съ обязанностью принять извѣстную часть ея за обязательную повинность, личность остается далеко несвободною на дѣлѣ. Несовмѣстимо понятіе о личномъ правѣ съ обязательнымъ трудомъ, исполняемымъ подъ полицейскимъ надзоромъ прежняго помѣщика"... „Собственность есть материальное выраженіе свободы, лучшій ея стражъ", разсуждали 11 членовъ волынскаго комитета: „она обезпечиваетъ человѣка, привязываетъ его къ мѣстности и дѣлаетъ его болѣе нравственнымъ; поэтому необходимо, чтобы крестьяне, работая для себя, могли пріобрѣтать въ собственность недвижимое имущество, — чтобы съ уничтоженіемъ барщины осталась обязанность трудиться". Тверское большинство полагало, что (когда крестьяне станутъ земельными собственниками) „независимо отъ гарантіи матеріальной, явится и нравственная, обезпечивающая крестьянскіе платежи". Но помимо такихъ соображеній, болѣе или менѣе возвышеннаго свойства, простой экономическій расчетъ училъ помѣщиковъ передать часть земли въ собственность освобождаемымъ крестьянамъ, какъ это откровенно и весьма наглядно объяснило меньшинство нижегородскаго комитета. „Землевладѣльцу", гласило это меньшинство, „важно имѣть въ сосѣдствѣ земледѣльческое населеніе, а эта выгода [illegible] [illegible] барщины. На первое время [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] на первое время большіе барыши съ меньшимъ [illegible]". Въ то же время „землевладѣльцы", по словамъ нижегородскаго меньшинства, „[illegible]" — а это единственное средство „дать земледѣлію нужное развитіе, замѣнивъ обязательный трудъ вольнымъ наймомъ". Въ результатѣ, какъ выяснили редакціонныя комиссіи, „только въ проектахъ *семи* комитетовъ не содержится никакихъ указаній на пріобрѣтеніе крестьянами земель въ собственность; 14 губернскихъ комитетовъ высказали мысль о продажѣ крестьянамъ угодій, находящихся въ ихъ пользованіи; по 11 губерніямъ представлены болѣе или менѣе подробныя соображенія по этому предмету, а изъ комитетовъ 14 губерній поступили цѣлые планы выкупной операціи. Наконецъ, изъ отзывовъ членовъ отъ губернскихъ комитетовъ оказывается, что 69 членовъ отъ 34 комитетовъ и отъ 2-хъ общихъ комиссій (кіевской и виленской) признаютъ выкупъ необходимымъ, хотя и не всѣ въ одинаковой мѣрѣ *).

Но комитеты отражали мнѣніе болѣе прогрессивной помѣщичьей

*) Сборникъ, IV, стр. [illegible].

части дворянства: а эта часть была и болѣе вольномыслящей въ политическомъ отношеніи. Чтобы подрѣзать крылья ея вольномыслію, пришлось пойти на уступки экономически болѣе отсталымъ, а потому и политически болѣе реакціоннымъ слоямъ дворянства. Первую изъ этихъ уступокъ (хронологически она была послѣдней) мы уже видѣли: она выразилась въ созданіи „дарственнаго“ или „нищенскаго“ надѣла. Что крестьянинъ, получившій такой надѣлъ, отнюдь не становился „свободнымъ сельскимъ собственникомъ“, это разумѣлось само собой: дарственникъ представлялъ такимъ образомъ первый вычетъ изъ того новаго общественнаго слоя, который проектировало создать правительство. Какъ великъ былъ этотъ вычетъ? Одинъ новѣйшій изслѣдователь опредѣляетъ число дарственниковъ въ полмилліона приблизительно душъ—что составляло около 4% всего крѣпостного населенія *). Но такъ какъ обезземеленіе было выгодно далеко не всюду, то эта средняя цифра не даетъ еще намъ достаточнаго представленія о размѣрахъ явленія: чтобы получить его, нужно взять черноземныя губерніи, комитеты которыхъ стремились сдѣлать помѣщиковъ „монополистами цѣннаго товара“. Тогда средній процентъ обезземеленныхъ поднимется до 18—19, возвышаясь въ отдѣльныхъ случаяхъ до 33 (Саратовская) и даже до 35% (Самарская губ.) — и лишь въ двухъ случаяхъ спускаясь ниже 10 (Тамбовская и Харьковская).

Но „дарственниками“ обезземеленіе отнюдь не ограничивалось: увеличеніе отрѣзковъ шло совершенно въ томъ же направленіи, только останавливаясь немного ранѣе. Прогрессивный ростъ отрѣзковъ мы уже разсматривали на предыдущихъ страницахъ: теперь остается только бросить взглядъ на конечные итоги. По даннымъ того же изслѣдователя, въ пользованіи освобожденныхъ крестьянъ до 19 февраля было 29.169.000 дес.; отрѣзано 5.262.000 дес.—18,1%. Но эта средняя опять-таки не даетъ яснаго представленія о размѣрахъ явленія: для этого снова надо взять черноземныя губерніи отдѣльно. Среди нихъ на первомъ мѣстѣ идутъ опять-таки Самарская съ 44% отрѣзковъ и Саратовская съ 41%. Далѣе: Полтавская (40%), Екатеринославская (столько же), Казанская (32%), Харьковская и Симбирская (по 31%)—всего *семь* губерній, гдѣ у крестьянъ отрѣзано *больше* 1/3 надѣльной земли. Затѣмъ идутъ: Пензенская (28%), Таврическая (27%), Черниговская и Воронежская (по 25%): еще *четыре* губерніи, гдѣ у крестьянъ экспропріировано было *не менѣе четверти* надѣла. Наконецъ, процентъ былъ выше средняго для всей Россіи еще въ *трехъ* губерніяхъ: Тамбовской (24%), Курской (22%) и Нижегородской (21%). Мы видимъ, что скромная средняя получилась опять-таки благодаря принятію въ расчетъ нечерноземнаго сѣвера—гдѣ „земля ничего не стоила“ — а потому не стоило биться и за отрѣзки *).

*) Лосицкій. Хозяйственныя отношенія при паденіи крѣпостного права. «Образованіе» 1906, кн. II.

*) Но въ *центральныхъ* губерніяхъ, вблизи столицъ, и на суглинкѣ % отрѣзковъ былъ

[illegible]

не бѣда, молва не хороша". Приступая къ установленію размѣровъ выкупной суммы и выкупныхъ платежей, редакціонныя комиссіи [illegible] слѣдующимъ образомъ. „По отмѣнѣ крѣпостной зависимости, [illegible]

[illegible]

[illegible] нію, что доходъ этотъ во многихъ случаяхъ [illegible] мѣра крестьянскихъ оброковъ, редакціонныя комиссіи приняли за исходную точку не поземельную ренту, а нынѣшнія повинности, установившіяся [illegible] права" *).

[illegible] венное признаніе того учрежденія, которое само, въ лицѣ своего предсѣдателя, [illegible] и даже извинялось, что зашло въ этомъ направленіи слишкомъ далеко, — [illegible] ное въ нашей публикѣ мнѣніе, будто [illegible] дороже, чѣмъ она стоитъ. Никакого индивидуальнаго обмана здѣсь и въ поминѣ не было: въ глубоко обдуманный планъ всей „великой реформы" входило: принудить крестьянъ выкупить свою *личность*, заставляя ихъ

[illegible]

*) [illegible]

въ то же время думать, что они выкупаютъ *землю*. Этимъ и объясняется странный пріемъ оцѣнки, заимствованный редакціонными комиссіями у тверского комитета — знаменитая *градація*, которой ни за что не понять человѣку, стоящему на точкѣ зрѣнія выкупа *земли*. Градація заключалась въ томъ, что чѣмъ меньше крестьянинъ получалъ надѣлъ, тѣмъ больше онъ платилъ за каждую десятину этого надѣла. Такъ, при трехдесятинномъ максимальномъ надѣлѣ въ черноземной полосѣ крестьянинъ платилъ по 40 р. за десятину; если его надѣлъ былъ меньше maximum'а и составлялъ лишь 2 десятины, то каждая обходилась ему уже въ 43 р. 33 коп.; а за минимальный надѣлъ въ 1 десятину онъ платилъ уже 53 р. 33 к. Дѣло въ томъ, что наименьшій надѣлъ былъ въ имѣніяхъ наиболѣе эксплуатируемыхъ—съ наивысшими, относительно, повинностями: переводя эти повинности на деньги, мы получаемъ сумму, которая падала не прямо пропорціонально уменьшенію надѣла, а нѣсколько медленнѣе. Болѣе эксплуатируемый при крѣпостномъ правѣ крестьянинъ оставался такимъ образомъ болѣе эксплуатируемымъ и послѣ своего освобожденія.

Естественно является вопросъ: откуда же, по представленію редакціонныхъ комиссій, долженъ былъ брать деньги крестьянинъ для уплаты выкупныхъ платежей, если эти послѣдніе были завѣдомо выше того дохода, какой могъ крестьянинъ получить отъ земли? Комиссіи давали и въ этомъ себѣ совершенно ясный отчетъ: „Нельзя сомнѣваться", разсуждали онѣ, „что послѣ выкупа, *при достаточной свободѣ располагать своей личностью*, означенные крестьяне будутъ вносить исправно слѣдующіе съ нихъ выкупные платежи, которые, по своей умѣренности, могутъ быть зарабатываемы ими безъ особенныхъ усилій". Гнъ достанетъ!

Такимъ образомъ, являясь сами по себѣ выкупомъ личной эксплуатаціи, выкупные платежи являлись въ то же время и увѣковѣченіемъ этой эксплуатаціи на будущее, — только ужъ не въ пользу помѣщика, который, получивъ выкупное свидѣтельство, отходилъ въ сторону, а въ пользу помѣщичьяго государства. Вполнѣ понятно, что между суммами, которыя выплатили крестьяне, и дѣйствительною стоимостью доставшагося имъ обрѣзаннаго надѣла было очень мало соотвѣтствія. Цѣнность всей площади надѣльныхъ земель въ нечерноземныхъ губерніяхъ составляла, по продажнымъ цѣнамъ 50-хъ годовъ, 155 мил. рублей, а по цѣнамъ 60-хъ гг. — 180 мил.: а крестьяне заплатили за нее 342 милліона. „Даромъ", великодушно пожертвованная дворянами личная свобода обошлась здѣсь крестьянамъ въ 162 милліона рублей! Для черноземной полосы соотвѣтствующія цифры будутъ: 219, 284 и 342 милліона р. *) Здѣсь недаромъ передъ волей имѣнія съ крестьянами продавались дешевле пустопорожней земли: взявъ на сѣверѣ двойную цѣну за землю, которая „ничего не стоила", здѣсь за личность, которая тоже „ничего не стоила", взяли только 58 милліоновъ рублей.

Нужно однако признать, что заплативъ эти безусловно хорошія деньги, крестьяне получили зато въ обмѣнъ

*) См. Лосицкій. Выкупная операція. Стр. 16.

единственной реальной силы, [illegible] „великой реформой“. Помѣщикъ, сохранивъ землю, все же потерялъ возможность распоряжаться людьми, какъ рабочимъ скотомъ. Со дня изданія манифеста прекращается личная продажа крестьянъ и дворовыхъ людей, и [illegible] на лица не могли войти [illegible]. Крестьянамъ предоставлено право безъ разрѣшенія помѣщика вступать въ бракъ, пріобрѣтать въ собственность движимое и недвижимое имущество и распоряжаться имъ. Наконецъ, они могли обращаться въ суды [illegible] съ [illegible] въ правительственныя мѣста, наравнѣ съ прочими свободными обывателями: феодальная стѣна, отдѣлявшая ½ деревенскаго населенія Россіи отъ центральной власти, была сломлена. Крестьянинъ пересталъ быть „подданнымъ“ помѣщика и превратился въ то, съ чего онъ началъ въ XVI вѣкѣ — въ крѣпкаго земли государства тяглеца.

[illegible] самодержавная власть можетъ его уничтожить, [illegible] мическаго развитія московской Руси. [illegible] тельно настоящаго: крѣпостное право [illegible] этого желали. Но правильно была [illegible] на пути [illegible] Россіи въ централизованную бюрократическую монархію 19 февраля было самымъ важнымъ этапомъ.

ГЛАВА III.

Земская реформа.

(С. Я. Цейтлина.)

1.

Дореформенное мѣстное управленіе.

[illegible] село. [illegible]-экономическія условія крѣпостного строя [illegible] не требовали отдѣленія администра[illegible] [illegible] единицъ. Наоборотъ, возможно боль-

ная концентрація и тѣхъ и другихъ въ однѣхъ рукахъ, въ рукахъ дворянина-помѣщика, давала возможность использовать самымъ интенсивнымъ образомъ крѣпостной трудъ крестьянства. Помѣщикъ имѣлъ почти неограниченное право распоряженія трудомъ своихъ крѣпостныхъ, имѣлъ право оторвать своего крестьянина отъ пашни и перевести его во дворъ, имѣлъ право переселять своихъ крѣпостныхъ, деревнями или цѣлыми селами, имѣлъ право продавать ихъ, съ землей и безъ земли,—ясно, что административно-хозяйственная, судебная и полицейская власть въ предѣлахъ помѣстья должна была также принадлежать ему. Центральная государственная власть отдавала себѣ вполнѣ ясный отчетъ въ этихъ требованіяхъ крѣпостного строя. Императоръ Павелъ I былъ убѣжденъ, что крестьяне живутъ счастливѣе подъ управленіемъ помѣщиковъ, чѣмъ подъ властью назначенныхъ чиновниковъ; онъ любилъ называть помѣщиковъ — своими полицеймейстерами („У меня столько полицеймейстеровъ, сколько помѣщиковъ въ государствѣ“ *). И вплоть до самой крестьянской реформы теорія и практика административнаго права всецѣло основывалась на возможномъ устраненіи всякаго вмѣшательства агентовъ государственной власти во внутреннія дѣла помѣщичьяго села. Извѣстный идеологъ крѣпостного строя, многократно цитированный въ литературѣ, В. Н. Каразинъ, полагалъ даже, что губернское и уѣздное управленіе являлось чуть ли не совершенно излишнимъ при наличности этихъ „генералъ-губернаторовъ въ маломъ видѣ“ — дворянъ-помѣщиковъ; онъ утверждалъ, что число губерній и уѣздовъ можно было сильно сократить — стоило лишь предоставить и земскую полицію все тѣмъ же „наслѣдственнымъ государственнымъ чиновникамъ“ — помѣщикамъ.

Эти разсужденія Каразина приходится однако признать увлеченіями идеолога, не имѣвшими основы въ дѣйствительной жизни. Несомнѣнно, все губернское и уѣздное управленіе должно было служить и служило интересамъ помѣщика. Но столь же несомнѣнно, что развитіе крѣпостного строя влекло за собой отнюдь не упрощеніе, а усложненіе извѣстныхъ функцій губернскихъ и уѣздныхъ властей. Достаточно напомнить о массовыхъ побѣгахъ и массовыхъ волненіяхъ крестьянъ, о массовыхъ убійствахъ помѣщиковъ и ихъ управляющихъ, столь характерныхъ, въ особенности, для Николаевской эпохи. Что могъ предпринять противъ нихъ отдѣльный помѣщикъ, полновластный въ своемъ имѣніи? И репрессивныя и предупредительныя мѣры были ему совершенно не подъ силу. Соціально-экономическія условія крѣпостного строя вызывали такимъ образомъ къ жизни уѣздныя и губернскія административныя власти, питали ихъ дѣятельность, расширяли ихъ обязанности, увеличивали ихъ авторитетъ и вліяніе.

Главнымъ лицомъ въ губернскомъ управленіи былъ губернаторъ,—подчиненный центральному правительству, и въ особенности, министру внутреннихъ дѣлъ. Въ Николаевскую

*) Подробнѣе см. введеніе къ I-ой части и I и II главы II-ой части „Исторіи“.

самъ неоднократно предлагалъ и разсматривались въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ проекты объ упраздненіи должности губернатора и [illegible] функціями высшаго мѣстнаго надзора въ [illegible] исключительно лишь правительственныхъ и общественныхъ учрежденій. Губернаторъ долженъ былъ быть отстраненъ отъ активнаго управленія губерніей, [illegible] въ администраціи и являться лишь блюстителемъ точнаго исполненія законовъ на мѣстахъ. Нечего и говорить, что при условіяхъ крѣпостного права, при порабощеніи и лишеніи гражданскихъ и политическихъ правъ огромной части населенія — крѣпостного крестьянства, при самовластіи дворянъ-помѣщиковъ въ ихъ помѣстьяхъ, всѣ эти проекты являлись совершенно утопичными. Николай I былъ совершенно правъ, когда недоумѣвалъ по поводу аналогичныхъ проектовъ Сперанскаго, кому же вручать административную власть, если не губернатору — не представителю ли дворянства, отъ котораго слѣдуетъ ждать еще большаго увлеченія своими узкими интересами дворянства! Наказъ губернаторамъ 1837 г., подробно регулировавшій функціи губернаторовъ и поручавшій имъ также функціи надзора, въ общемъ и цѣломъ построенъ на признаніи за губернаторомъ самой активной и вліятельной роли въ губернскомъ управленіи. Губернаторъ — непосредственный начальникъ ввѣренной ему губерніи. Дѣйствіемъ данной ему власти онъ обязанъ охранять общественное спокойствіе, безопасность всѣхъ и каждаго и соблюденіе установленныхъ правилъ порядка и благочинія. Ему поручено принятіе мѣръ для сохраненія народнаго здравія, обезпеченія продовольствія въ губерніи, [illegible] и [illegible] учрежденій, [illegible] исполненіе [illegible] постановленій и требованій. [illegible] губерніи, [illegible] (ст. 1 — 3 Наказа). Наказъ отнюдь не ограничивается этимъ принципіальнымъ признаніемъ роли губернатора, какъ руководителя всѣхъ жизненныхъ интересовъ губерніи. Въ многочисленныхъ статьяхъ онъ детально характеризуетъ его функціи, и нѣтъ той отрасли администраціи, которой онъ такъ или иначе не касался бы *), въ которую онъ такъ или иначе не вмѣшивался бы, по большей части самымъ рѣшительнымъ и вліятельнымъ образомъ. Губернаторъ — главный начальникъ мѣстной полиціи; онъ обязанъ общественную нравственность и охранять государственное благочиніе и безопасность; онъ охраняетъ права и преимущества состояній и сословій, въ особенности преимущества, пожалованныя благородному россійскому дворянству; онъ прекращаетъ безпорядки, возникшіе „между поселянами или горожанами", пользуясь содѣйствіемъ внутренней стражи или воинскихъ командъ — для усмиренія и [illegible]

*) А. Градовскій. [illegible]

преслѣдуетъ и заключаетъ подъ стражу дезертировъ, бѣглыхъ и бродягъ, ссылаетъ по просьбамъ помѣщиковъ крѣпостныхъ въ Сибирь или въ солдаты и т. д. и т. д. — всѣ полицейскія функціи губернатора мы, конечно, совершенно лишены возможности перечислить. Далѣе, губернаторъ имѣетъ надзоръ за судебными мѣстами и даже отчасти самъ участвуетъ въ судныхъ дѣлахъ, наблюдаетъ за точнымъ исправленіемъ государственныхъ и мѣстныхъ повинностей (рекрутской, квартирной, дорожной и т. д.) и участвуетъ въ дѣлахъ казеннаго управленія. Столь же обширны и его административно-хозяйственныя функціи,—онъ предсѣдательствуетъ въ приказѣ общественнаго призрѣнія, въ комиссіи народнаго продовольствія, въ строительной и дорожной комиссіи, въ оспенномъ комитетѣ, въ губернскомъ комитетѣ общественнаго здравія, въ отдѣленіи коммерческаго совѣта и мануфактурномъ комитетѣ, въ комитетѣ земскихъ повинностей и особомъ о сихъ повинностяхъ присутствіи, въ статистическомъ комитетѣ, — и мы увидимъ ниже, какъ велико было его вліяніе въ этихъ административно-хозяйственныхъ учрежденіяхъ.

Жизнь еще болѣе расширяла содержаніе этихъ юридическихъ нормъ Наказа. Середонинъ насчиталъ 189 взысканій, наложенныхъ на губернаторовъ при Николаѣ I однимъ только комитетомъ министровъ (а далеко не всѣ такія дѣла проходили черезъ комитетъ и далеко не всегда, конечно, комитетъ министровъ каралъ губернаторовъ). И въ чемъ только губернаторы ни обвинялись! „Неправосудіе, своеволіе и насиліе, лихоимство, бездѣйствіе и потворство — вотъ преступленія, которыя постоянно возводились на мѣстныхъ властей".

Всевластіе губернаторовъ, ихъ насильническія и произвольныя дѣйствія, ихъ частыя тренія и конфликты съ отдѣльными дворянами и даже дворянскими собраніями—все это не должно однако обманывать насъ относительно дѣйствительнаго соціальнаго значенія губернаторской власти въ дореформенную эпоху. Губернаторъ былъ почти всегда самъ крупнымъ дворяниномъ-помѣщикомъ; перефразируя извѣстное выраженіе, мы можемъ сказать, что дворянство было тѣмъ тѣстомъ, изъ котораго пеклись губернаторы. Рюриковичи и Гедиминовичи, потомки бояръ и окольничьихъ, записанныхъ въ родословной книгѣ 1682 г., встрѣчались чаще среди губернаторовъ, чѣмъ даже среди предводителей дворянства. Огромныя преимущества, которыя были предоставлены дворянству при прохожденіи правительственной службы, привели почти къ полной монополизаціи всѣхъ высшихъ мѣстъ за дворянской аристократіей, жадно стремившейся къ центру въ погонѣ за чинами, за властью, за жалованьемъ. По остроумному выраженію Лохвицкаго, это была настоящая „эмиграція" въ столицы, въ министерскіе департаменты, откуда только и можно было явиться черезъ нѣсколько лѣтъ въ провинцію на видное мѣсто *). Противники „новыхъ

*) Эта тяга къ центру была такъ сильна, что въ 1837 г. было предписано молодымъ дворянамъ, желающимъ вступить на государственную службу начинать ее не-

[illegible]" въ дворянской [illegible], по[illegible], не могли [illegible], и имъ оставалось лишь [illegible] [illegible] [illegible]

Но не только составъ губернаторовъ былъ дворянскимъ. При назначеніи [illegible] лицъ приходилось считаться съ спеціальными желаніями мѣстнаго дворянства. Сенаторъ Я. А. Соловьевъ, занимавшій въ 50-хъ годахъ отвѣтственный постъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, разсказываетъ въ своихъ записках, что „помѣщики желали видѣть въ губернаторахъ своихъ [illegible] [illegible] Или знаютъ, [illegible] ли они [illegible], понимаютъ ли свои обязанности, способны ли они къ административной дѣятельности— считалось вопросомъ второстепеннымъ". Что удивительнаго, если издатель „Матеріаловъ для исторіи упраздненія крѣ-

[illegible]

[illegible]

[illegible] сословія". [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] обходимости, 9—довольно хороши и только 3 могутъ быть названы [illegible] [illegible] [illegible] сопряжена высокая обязанность быть представителемъ у престола Его Императорскаго Величества доблестнаго россійскаго дворянства". [illegible] организаціи господства дворянско-помѣщичьяго класса, и въ этомъ смыслѣ выборъ губернаторовъ [illegible]. По отзыву того же сенатора Соловьева, изъ 34 губернаторовъ [illegible] [illegible] скаго губернатора А. Н. Муравьева, назначеннаго туда уже въ началѣ царствованія Александра II. До этого назначенія, нижегородское губернское начальство [illegible] не отличалось отъ всѣхъ прочихъ. Мы можемъ привести [illegible] картинку энергичной его дѣятельности по охраненію господства дво-

[illegible]

рянъ-помѣщиковъ надъ крестьянскимъ населеніемъ. Въ княгининскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи начались „толки и безпорядки" среди крестьянъ, вызванные необычными призывами въ ополченіе священника Никольскаго. Губернское начальство развиваетъ немедленно самую интенсивную дѣятельность: сносится съ епархіальнымъ начальствомъ о немедленномъ удаленіи Никольскаго, предписываетъ исправнику о принятіи мѣръ къ предупрежденію толковъ и безпорядковъ; далѣе, назначается временное отдѣленіе земскаго суда для изслѣдованія и, конечно, преслѣдованія на мѣстѣ, отдается распоряженіе по нижегородской полиціи—наблюдать за появленіемъ отлучившихся изъ княгининскаго уѣзда крестьянъ и въ случаѣ прибытія тотчасъ отсылать на мѣсто жительства.

За крупной фигурой крѣпостника-губернатора мы различаемъ въ дореформенномъ мѣстномъ управленіи цѣлый рядъ другихъ—*губернскихъ и уѣздныхъ*—властей, пользовавшихся также немаловажнымъ вліяніемъ и замѣщавшихся въ большей своей части форменными ставленниками дворянства. Дворянство избирало цѣлый рядъ чиновниковъ: по судебному управленію — засѣдателей и (съ 1831 г.) предсѣдателей уголовной и гражданской палатъ, совѣстнаго судью и засѣдателей совѣстнаго суда, уѣздныхъ судей и засѣдателей уѣзднаго суда; по полицейскому управленію — земскихъ исправниковъ и засѣдателей земскихъ судовъ, и представляло губернатору списокъ кандидатовъ на должности становыхъ приставовъ. Незавидное положеніе занимали эти избираемые— полицейскіе и судебные — чиновники въ дореформенномъ дворянскомъ обществѣ. На ихъ долю выпадала въ высшей степени важная, но зато и наиболѣе грязная работа по поддержанію и охраненію крѣпостного режима. Стиснутые между крупнымъ дворяниномъ-помѣщикомъ, государемъ въ своемъ помѣстьѣ, и губернаторомъ, всемогущимъ хозяиномъ и начальникомъ губерніи, они встрѣчали и въ томъ, и въ другомъ одинаково—презрительное отношеніе. У нихъ были строгіе, требовательные господа, на нихъ были возложены тяжелыя, развращающія обязанности, и въ то же время они являлись паріями въ дворянскомъ обществѣ, для вящщей славы котораго они не щадили ни силъ, ни чести, ни совѣсти. Какъ и во Франціи, дворянскіе „верхи" упорно отказывались служить въ этихъ зависимыхъ должностяхъ, которыя къ тому же не открывали предъ ними никакой карьеры. Здѣсь не могли помочь ни измѣненія избирательнаго закона и ограниченія активнаго избирательнаго права, ни обращенія правительства къ совѣсти и разуму дворянства, ни даже угрозы судомъ: „лучше хотятъ быть подъ судомъ, только бы впредь отъ службы (выборной) быть свободными". Обыкновенно эти должности замѣщались захудалыми помѣстными дворянами, нерѣдко — подонками дворянскаго общества, такъ называемыми личными дворянами. Романовичъ-Славатинскій, самъ наблюдавшій бытъ и нравы личнаго дворянства, даетъ ему убійственную характеристику. „Бѣдное матеріальными средствами, но богатое искусственными потреб-

[illegible] кто „умѣлъ и себя не забывать, и [illegible] т. д. *).

Чтобы закончить характеристику дореформеннаго судебно-полицейскаго управленія въ губерніи и уѣздѣ, мы должны еще упомянуть о значительной роли въ немъ представителей дворянства. Губернскій предводитель дворянства занималъ въ губерніи первое мѣсто послѣ губернатора, уѣздный предводитель стоялъ во главѣ уѣздныхъ чиновниковъ; на предводителей возлагались самыя разнообразныя функціи, полицейскія, слѣдственныя, по дѣламъ опекун- [illegible]

[illegible]

[illegible] функціи мѣстной администраціи почти [illegible] метовъ внутренняго управленія, не обращалось почти [illegible] краткія указанія на обязанности земской полиціи [illegible] при проходѣ черезъ уѣздъ и на функціи приказовъ [illegible] призрѣнія. Не было также общаго положенія и опредѣленныхъ постановленій [illegible] шій классъ общества — дворянство, [illegible] своихъ помѣстьяхъ, — былъ совершенно не заинтересованъ въ губернскомъ и уѣздномъ хозяйственномъ управленіи. [illegible] щанъ. Недостатки механизма вызывали, конечно, ощутительныя неудобства [illegible] которыхъ, напримѣръ, Александръ I [illegible]

*) [illegible] себя самихъ.

различные сроки казенныхъ и земскихъ повинностей настолько лишали ихъ возможности знать о точномъ ихъ количествѣ, что отъ власти земскихъ чиновниковъ (т. е. полиціи) зависитъ увеличить или уменьшить эти сборы,... при сборѣ этихъ податей существуетъ лихоимство и самовластныя требованія земскихъ начальствъ *).

Только съ обнародованіемъ въ 1805 г. предварительнаго положенія о земскихъ повинностяхъ и организаціей впервые особаго губернскаго присутствія для завѣдыванія ими въ дореформенной Россіи начинается сколько-нибудь дѣйствительное регулированіе земско-хозяйственнаго управленія. Въ 1833 г. были учреждены губернскія дорожныя комиссіи, которыя соединяются въ 1849 г. съ губернскими строительными комиссіями; въ томъ же 1833 г. учреждены уѣздныя дорожныя комиссіи; въ 1808 и 1840 гг.—въ городахъ квартирныя комиссіи и въ уѣздахъ квартирные комитеты для завѣдыванія квартирной и подводной повинностями; въ 1834 г. издано общее положеніе объ обезпеченіи народнаго продовольствія и учреждены комиссіи народнаго продовольствія; наконецъ, въ 1851 г. изданъ уставъ о земскихъ повинностяхъ и образованы губернскія и уѣздныя учрежденія для завѣдыванія ими. Цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ — послѣднихъ пятьдесятъ лѣтъ крѣпостного режима—продолжался тяжелый процессъ образованія изъ судебно-полицейскихъ единицъ, какими были дореформенныя губерніи и уѣзды, — также единицъ административно-хозяйственныхъ. И въ результатѣ, какимъ неразвитымъ, зачаточнымъ характеромъ отличались всѣ эти новообразованія даже въ самые послѣдніе годы предъ реформой: „Порядокъ мѣстнаго хозяйственнаго управленія, по сознанію мѣстныхъ властей, общественнаго мнѣнія и самого правительства, далеко не удовлетворялъ самымъ необходимымъ и законнымъ требованіямъ“.

Обратимся къ характеристикѣ этого порядка мѣстнаго хозяйственнаго управленія. Земскія повинности раздѣлялись на денежныя и натуральныя; денежныя повинности подраздѣлялись на государственныя, губернскія и частныя (по сословіямъ и обществамъ); натуральныя повинности также подраздѣлялись на общія, отправляемыя всѣмъ населеніемъ губерніи, и частныя, особыя для каждаго города и села. Между губернскими и государственными повинностями законодателю не удалось провести строго-принципіальнаго различія, и онъ удовлетворился перечнемъ тѣхъ и другихъ; а дореформенная административная практика и вовсе почти не признавала этого различія и, подъ вліяніемъ классовыхъ интересовъ дворянства и изъ соображеній цѣлесообразности, все болѣе и болѣе относила главную массу расходовъ къ государственнымъ земскимъ повинностямъ *). Натуральныя

*) Высочайшее повелѣніе 1802 г. см. у К[illegible]ова — Историческій обзоръ законодательныхъ работъ по общему устройству земскихъ повинностей, стр. 2. Ibid. характерны разсужденія Государственнаго Совѣта 21 апрѣля 1804 г. и мнѣніе д. т. с. гр. Румянцева 1805 г. „Еще изъ указовъ Петра... замѣтить можно, что грабить губерніи есть дѣло у насъ не новое“.

*) Въ періодъ отъ 1814 г. по 1862 г. государственныя денежныя повинности воз-

земскія повинности, въ которыхъ были учтены [illegible], относя[illegible] къ дорожной повинности, [illegible] и [illegible] въ государственныя [illegible] губерніи. Характеристика [illegible] — [illegible] представляющая [illegible] исполнительной власти. [illegible] — [illegible] центральныхъ [illegible] хозяйства периферійной губерніи, [illegible].

Характеръ [illegible] и задачъ [illegible] и организаціи учрежденій. [illegible] особое присутствіе о земскихъ повинностяхъ и губернскій комитетъ земскихъ повинностей. И въ томъ, и въ другомъ видное участіе принимали представители дворянства. Особое присутствіе, въ которомъ предсѣдательствовалъ губернаторъ, составляли губернскій предводитель дворянства, предсѣдатель казенной палаты, управляющій палатой государственныхъ имуществъ и голова губернскаго города. Въ губернскомъ комитетѣ, кромѣ тѣхъ же лицъ, засѣдали также уѣздные предводители и депутаты дворянства, [illegible] палатой государственныхъ имуществъ уѣздные начальники, депутаты отъ городовъ губерніи. Въ уѣздахъ составлялись отдѣльныя присутствія губернскаго

[illegible]

комитета, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства. [illegible], что [illegible] засѣдали только на бумагѣ. Особыми успѣхами не могли похвалиться и общія собранія губернскаго комитета. Представители дворянства относились къ дѣламъ въ высшей степени индифферентно. Дворянскіе депутаты или вовсе не являлись, или [illegible] бездѣйствовали. Городскіе депутаты [illegible] въ [illegible] только [illegible]. [illegible] разъ въ три года въ короткій срокъ, [illegible] [illegible] вопросы, [illegible] и разсмотрѣть отчеты и смѣты. [illegible] уѣздныхъ [illegible]. [illegible] Причины были тѣ же, [illegible] и все [illegible] управленіе [illegible] крѣпостному режиму. [illegible] на крестьянъ и мѣщанъ [1]. [illegible]

[1] Въ 18[illegible] г. [illegible]

же дворянскіе интересы были въ достаточной степени защищены самыми нормами закона и губернаторской властью,—къ чему было отдѣльнымъ дворянамъ еще портить свои отношенія къ губернатору, который слишкомъ часто могъ оказать сильное воздѣйствіе на *личныя* дѣла каждаго изъ нихъ *). Подавляющимъ образомъ дѣйствовали и ограничительныя нормы закона, предоставлявшія мѣстнымъ земскимъ учрежденіямъ исключительно совѣщательныя функціи и передававшія рѣшающій голосъ центральному правительству (а исполнительныя дѣйствія—полиціи), хотя, можетъ быть, эти нормы и сами были вызваны „несокрушимымъ упорствомъ“ помѣстнаго дворянства въ его безучастности и индифферентизмѣ къ административно-хозяйственному управленію. Законъ передавалъ провѣрку хозяйственныхъ отчетовъ за предшествовавшее трехлѣтіе и составленіе предварительной смѣты денежныхъ земскихъ повинностей на новое трехлѣтіе—особому присутствію, но послѣднее не могло предлагать по своему усмотрѣнію ни предметовъ расхода, ни даже размѣровъ его по отдѣльнымъ статьямъ. Всѣ расходы, указанные въ законѣ, были обязательными. Размѣры каждаго расхода были также заранѣе опредѣлены закономъ или предписаніями министерствъ. Проектъ смѣты утверждался общимъ собраніемъ губернскаго комитета, который проектировалъ также раскладку губернскихъ денежныхъ повинностей. Но и здѣсь онъ былъ связанъ по рукамъ и ногамъ. Съ торгово-промышленныхъ капиталовъ запрещалось взыскивать болѣе 10% суммы, получаемой казной съ торговыхъ и промышленныхъ свидѣтельствъ, съ земли—больше 5 копеекъ съ десятины, вся же остальная часть сборовъ распредѣлялась между сословіями по числу податныхъ лицъ. Сами нормы закона перелагали такимъ образомъ всю тяжесть земскихъ повинностей на податные классы населенія, почти совершенно освобождая отъ нихъ дворянство. Утвержденные общимъ собраніемъ проекты смѣты и раскладки все же оставались еще только проектами. Они отсылались министру финансовъ, которымъ и составлялась общая роспись денежнымъ сборамъ и расходамъ на земскія повинности. Эта роспись разсматривалась въ департаментѣ экономіи, въ общемъ собраніи государственнаго совѣта и восходила на высочайшее утвержденіе. На представленныя комитетами смѣты и раскладки центральная власть обращала столько же вниманія, сколько въ болѣе позднюю эпоху—на ходатайства земскихъ собраній о мѣстныхъ нуждахъ, т. е. почти никакого. Въ результатѣ получалась крайняя неравномѣрность раскладокъ, продиктованныхъ изъ центра, вѣчная недоимочность населенія, произвольность составленія смѣтъ, включеніе въ нихъ совершенно не относившихся къ земству расходовъ (въ особенности по воинской части), обиліе сверхсмѣтныхъ расходовъ.

Еще хуже обстояло дѣло съ *ис-*

[illegible] 30 [illegible] 1829 [illegible] — 1860 [illegible] въ 5 разъ (съ 17 коп. до 91½ к. на душу).

*) См. А. Головачевъ. Десять лѣтъ реформъ, стр. 157. Головачевъ пытался работать въ дореформенномъ земствѣ Тверской губерніи — съ весьма печальными послѣдствіями для себя лично.

[illegible] проверкѣ по книгамъ и документамъ [illegible] права ревизіи, до того рѣдко это право проводилось въ жизнь. Біо[illegible] [illegible] на прямую статью закона, они согла[illegible]

[illegible] завѣдывалъ губернаторъ, особое о [illegible] совершенно не примѣнявшееся въ [illegible] почти единственный органъ *уѣзднаго* [illegible] контрольныя функціи—такой порядокъ съ необходимостью вызывался [illegible] повинностей. Больнѣй всего эта [illegible] стьянствѣ, на плечи котораго падала вся тяжесть натуральныхъ повинностей *). Согласно закону, разверстка натуральныхъ повинностей въ уѣздѣ дѣлалась по числу ревизскихъ душъ [illegible]

*) [illegible]

обществъ, освобождалось такимъ образомъ совершенно отъ отбыванія натуральныхъ повинностей.

Для полноты характеристики дореформеннаго хозяйственнаго управленія мы остановимся еще на функціяхъ его по народному продовольствію и общественному призрѣнію. Народнымъ продовольствіемъ завѣдывала въ губерніи губернская комиссія народнаго продовольствія, въ которую входили три представителя отъ дворянства: губернскій предводитель дворянства, одинъ изъ уѣздныхъ предводителей и избираемый дворянствомъ непремѣнный членъ. Въ уѣздѣ все управленіе продовольственной частью (кромѣ чисто исполнительныхъ функцій) было возложено на уѣзднаго предводителя дворянства, его помощниковъ-попечителей хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ, избираемыхъ дворянствомъ, а также непосредственно на помѣщиковъ. Дворянство получило такимъ образомъ въ свои руки чуть ли не все завѣдываніе и управленіе народно-продовольственнымъ дѣломъ, и, вѣроятно, ни въ одной отрасли мѣстнаго хозяйства оно не обнаружило большей небрежности и безучастности, болѣе настойчиваго противодѣйствія всякимъ попыткамъ организовать дѣло во всей странѣ на какихъ бы то ни было общихъ началахъ. Если что-либо и дѣлалось для ослабленія нужды крестьянства въ хлѣбѣ въ голодные годы, то это дѣлалось отдѣльнымъ помѣщикомъ въ силу его неограниченной вотчинной власти въ помѣстьѣ. Губернское же и уѣздное управленіе народнымъ продовольствіемъ привело въ концѣ 50-хъ годовъ къ тому, что „учрежденіе сельскихъ магазиновъ служило собственно не для обезпеченія народнаго продовольствія, а для содержанія попечителей“; степень же пользы ничтожныхъ денежныхъ суммъ, выдававшихся на продовольствіе крѣпостныхъ (не выше 3 р. на душу) въ распоряженіе помѣщиковъ, „не обнаружилась никакимъ видимымъ образомъ“.

Столь же ничтожны были результаты почти вѣковой дѣятельности приказовъ общественнаго призрѣнія, въ задачу которыхъ входила организація медицинской, учебно-воспитательной и благотворительной помощи населенію. Дѣятельность ихъ концентрировалась главнымъ образомъ въ крупныхъ губернскихъ городахъ, лишь изрѣдка захватывая нѣкоторые уѣздные. Крестьянскія массы были фактически лишены призрѣнія самимъ закономъ, который на бумагѣ возлагалъ призрѣніе крѣпостныхъ на ихъ помѣщиковъ. Къ самому концу эпохи по всей Россіи въ вѣдѣніи приказовъ состояло лишь 519 больницъ, 33 дома для умалишенныхъ, 8 воспитательныхъ домовъ, 113 богадѣленъ, инвалидныхъ домовъ и домовъ для неизлѣчимыхъ, 23 сиротскихъ дома, нѣсколько училищъ для канцелярскихъ служителей, фельдшерскихъ школъ и исправительныхъ заведеній. Совершенная неудовлетворительность постановки врачебнаго, педагогическаго и благотворительнаго дѣла во всѣхъ этихъ немногочисленныхъ учрежденіяхъ была общепризнана ко времени реформы и засвидѣтельствована офиціальными данными.

Соціально - экономическія условія крѣпостного строя накладывали свою печать на все дореформенное мѣст-

ное управленіе, уродливо развивая и усложняя его судебно-полицейскія функціи, обращая въ мертвую формалистику, выгодную развѣ только для одного помѣстнаго дворянства, его земско-хозяйственныя обязанности, усиливая власть и произволъ губернаторовъ и подчиненныхъ имъ чиновниковъ, заглушая общественную самодѣятельность и общественное самоуправленіе, замѣняя ихъ сословнымъ и рядомъ самой мелочной опекой центра. Классовые интересы дворянства, суверенная власть помѣщика-дворянина въ его помѣстьѣ, порабощеніе огромной массы населенія опредѣляли тѣ предѣлы, въ которыхъ вращалась дореформенная мѣстная администрація. Эти предѣлы были сравнительно широки для области судебно-полицейскаго вмѣшательства, крайне узки для хозяйственнаго управленія. Существеннымъ результатомъ всей дѣятельности дореформенной мѣстной администраціи являлась охрана неограниченнаго господства помѣстнаго дворянства надъ крѣпостнымъ населеніемъ. Только паденіе крѣпостного права открывало путь для преобразованія какъ организаціи управленія, такъ и его функцій. Оно же дѣлало это преобразованіе и приспособленіе къ новымъ соціально-экономическимъ условіямъ государственной необходимостью.

2.

Начало земской реформы.

Необходимая связь реформы мѣстнаго управленія съ паденіемъ крѣпостного права не осталась скрытой для правительства. По словамъ офиціальной исторической записки, „мысль о необходимости переустройства мѣстнаго общественнаго хозяйственнаго управленія, равно какъ преобразованіе прочихъ частей управленія — уѣзднаго, городского и губернскаго, возникла при начертаніи въ концѣ пятидесятыхъ годовъ положеній объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости". Уже въ 1858 году правительствомъ были сдѣланы вполнѣ опредѣленные шаги въ этомъ направленіи. Въ февралѣ 1858 г. были разсмотрѣны въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу, а въ маѣ того же года — высочайше одобрены предварительныя соображенія о новомъ устройствѣ уѣзднаго управленія и о „порядкѣ разбора недоумѣній, могущихъ возникать между помѣщиками и крестьянами". Уѣздную полицію и все вообще управленіе уѣздомъ рѣшено было сосредоточить въ рукахъ уѣзднаго начальника, назначаемаго преимущественно изъ военныхъ и облеченнаго большей властью; онъ предсѣдательствовалъ въ уѣздномъ управленіи (подъ этимъ названіемъ предполагалось объединить земскій судъ и городническое управленіе) и въ уѣздной расправѣ (спеціальномъ учрежденіи, организованномъ для разбора споровъ между помѣщиками и крестьянами); ему же былъ бы подчиненъ уѣздный предводитель дворянства, лишавшійся такимъ образомъ своего прежняго главенства в-

ваго значенія въ уѣздѣ. Въ каждомъ станѣ предполагался становой приставъ съ помощниками. Кромѣ того, по мысли Ростовцева, вся Россія должна была быть раздѣлена на генералъ-губернаторства, съ назначеніемъ въ нихъ монархомъ довѣренныхъ лицъ съ особыми полномочіями; по слухамъ, эти генералъ-губернаторы были немедленно же назначены верховной властью *).

Нельзя отказать этому плану переустройства мѣстнаго управленія въ логической послѣдовательности. Династія и окружавшее ее высшее чиновничество пытаются использовать освобожденіе крестьянъ самымъ выгоднымъ для себя способомъ, создавая на развалинахъ крѣпостного режима строго централизованное, полицейское государство sans phrases, отнюдь не скрывая своей основной задачи—обезпеченія своей власти и надъ дворянствомъ, и надъ крестьянствомъ, своей вражды ко всякому самоуправленію и самодѣятельности и того и другого. Дореформенное мѣстное управленіе не сумѣло, какъ мы видѣли, организовать сильной власти въ уѣздѣ; проектъ реформы восполняетъ этотъ недостатокъ, создавая здѣсь особую административно - полицейскую должность, іерархически — подчиненную высшей бюрократіи и формально свободную отъ всякаго вліянія мѣстнаго дворянства. Губернаторская власть, усиленіе которой въ дореформенный періодъ мы уже имѣли случай наблюдать, признается все еще слабой; проектируются диктаторскія полномочія генералъ-губернаторовъ. Уродливое развитіе дореформеннаго мѣстнаго управленія получаетъ такимъ образомъ свое завершеніе. О преобразованіи хозяйственной администраціи вовсе не упоминается—старыя нормы, регулировавшія ее, остаются безъ перемѣнъ.

Правительственные проекты—какъ ни скрывались они въ глубокой канцелярской тайнѣ — не могли, конечно, остаться неизвѣстными господствующему сословію—помѣстному дворянству. Съ самой постановки правительствомъ на очередь крестьянской реформы началось сильнѣйшее возбужденіе въ средѣ дворянства; проектъ переустройства мѣстнаго управленія еще болѣе усилилъ его. Уже въ 1858 г. *) начинается формулировка дворянствомъ его требованій какъ въ области государственнаго права вообще, такъ и административнаго въ частности, формулировка, сопровождавшаяся безпощаднѣйшей критикой бюрократическихъ затѣй.

Консервативные представители дво-

*) Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія. Стр. 268—9. Труды Комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ. Ч. I, кн. II, стр. 60.

*) И раньше такія пожеланія — не въ столь негодующемъ тонѣ — высказывались *отдѣльными* представителями дворянства. См., напр., „Записки" Кошелева, стр. 82—3 или „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго, составленной кн. Трубецкой". Часть I, кн. I., прил. 2 (Записка о лучшихъ средствахъ къ постепенному переходу изъ крѣпостного состоянія—написана въ концѣ 1856 г.): „Преобразованіе администраціи государственной, конечно, необходимо и притомъ не въ однѣхъ только высшихъ, министерскихъ ея областяхъ... но еще и въ низшихъ, гдѣ язвы ея во всей наготѣ своей раскрыты взору всѣхъ и каждаго; ... необходимо призваніе дворянства къ истинно-серьезному контролю надъ дѣятельностью губернскихъ властей".

ринской аристократіи, изъ которой вышли крупные землевладѣльцы (С. И. Мальцевъ, Безобразовъ, гр. Орловъ-Давыдовъ, Шуваловъ и др.) выработали цѣлую административно-политическую программу, основными пунктами которой являлись совѣщательное дворянское представительство въ центрѣ и передача дворянству всей административной власти на мѣстахъ. Характерно, какъ горячо они при этомъ открещивались отъ всякихъ конституціонныхъ замысловъ, которые приписывались имъ ненавистнымъ чиновничествомъ. Нѣтъ, они добивались лишь возстановленія старинной системы управленія, они первымъ своимъ долгомъ считали борьбу съ конституціоннымъ и революціоннымъ движеніемъ, или какъ выражается Безобразовъ, „верховная власть созоветъ около себя родныхъ, законныхъ своихъ совѣтниковъ и съ ними возстановитъ на твердыхъ основаніяхъ колеблющійся нынѣ государственный порядокъ, вновь водворитъ уровень самодержавія".

Ярые сторонники сохраненія вотчинныхъ правъ за помѣщиками, Безобразовы и ихъ единомышленники добивались перенесенія англійскихъ аристократическихъ порядковъ въ высшія административныя единицы, гдѣ, каковъ бы ни былъ исходъ крестьянской реформы, совершенно невозможно было оставить старые, крѣпостническіе методы управленія. А совѣщательное представительство въ центрѣ должно было, наконецъ, примирить дворянское крупное землевладѣніе съ династіей и положить извѣстные предѣлы тому „недоразумѣнію", какимъ являлось въ ихъ глазахъ вмѣшательство правительства въ освобожденіе крестьянъ. [illegible] требованіяхъ еще незыблемыхъ образцовъ [illegible] старая, [illegible] крѣпостническая психологія.

Нѣсколько иную административно-политическую программу выработали представители мелкаго и средняго землевладѣнія, въ особенности въ промышленныхъ губерніяхъ. Тверской губернскій комитетъ и его депутаты въ редакціонныхъ комиссіяхъ (Унковскій *) формулировали эту программу въ цѣломъ рядѣ требованій: строгаго раздѣленія властей, проведеннаго во всѣхъ отрасляхъ управленія, независимаго, гласнаго суда и суда присяжныхъ засѣдателей, отвѣтственности чиновниковъ безъ предварительнаго согласія ихъ начальства, гласности и всесословнаго мѣстнаго самоуправленія съ преобладающимъ участіемъ въ немъ дворянства. Во главѣ всего мѣстнаго управленія (въ томъ числѣ и хозяйственно-распорядительнаго) предполагалось поставить уѣздныхъ представителей, назначаемыхъ всесословнымъ уѣзднымъ собраніемъ. Низшей административной единицей являлась всесословная волость: волостное собраніе избирало волостного попечителя; вотчинныя права помѣщика, его судебно-полицейскія функціи въ помѣстьѣ совершенно уничтожались. Преобладаніе дворянства въ мѣстномъ самоуправленіи тверской комитетъ, какъ мы уже говорили, считалъ необходимымъ, но окончательное устраненіе старинныхъ элементовъ изъ него [illegible] признавалъ [illegible]

*) Джаншіевъ. „Унковскій и освобожденіе крестьянъ". Стр. 125—126; его же „Изъ эпохи великихъ реформъ". Стр. 146 и слѣд.

вершенно невозможнымъ; этимъ было бы положено, по его мнѣнію, революціонное начало въ самомъ основаніи общества; предоставленіе крестьянству участія въ управленіи должно было получить значеніе предохранительнаго клапана въ паровомъ котлѣ.

Другой представитель приблизительно тѣхъ же слоевъ дворянства, А. И. Кошелевъ, защищалъ аналогичную же программу; въ своемъ обращеніи къ депутатамъ дворянства второго призыва онъ говорилъ: „Чѣмъ мы будемъ вознаграждены за потерю власти (вотчинной)? Очевидно, не инымъ чѣмъ, какъ расширеніемъ нашихъ правъ на ту землю, которая остается въ нашемъ владѣніи, *предоставленіемъ намъ возможности имѣть вліяніе на окружающее насъ свободное населеніе*... Одно спасеніе для насъ, для народа, для государя есть принятіе нами благого рѣшенія присоединиться къ народу, слиться съ нимъ *и стать во главѣ его*. Все это возможно лишь при условіи ограниченія бюрократіи и усиленія мѣстнаго управленія“. Требованіе совѣщательнаго дворянскаго представительства въ центрѣ также не забывается Кошелевымъ; оно лишь отодвигается имъ, изъ соображеній цѣлесообразности, нѣсколько вдаль. „Пуще всего“ слѣдуетъ добиваться реформы мѣстнаго управленія и суда, а „все остальное придетъ само собой“; впрочемъ изъ этого „всего остального“ сейчасъ же необходимо реализовать кое-что, далеко не маловажное, а именно, собраніе дворянскихъ выборныхъ для обсужденія текущихъ правительственныхъ законопроектовъ.

Мы видимъ, что въ административно политической программѣ либеральной части дворянства звучатъ нѣсколько сильнѣе буржуазныя нотки, чѣмъ въ программѣ дворянской аристократіи *); потребности новаго времени выступаютъ здѣсь ярче, заслоняя въ глазахъ поверхностнаго наблюдателя сословно-дворянскія требованія. И эту программу нельзя назвать конституціонной, но буржуазный государственный порядокъ является *одной* изъ направляющихъ ее идей. Больше всего изъ-за сословныхъ пережитковъ страдаетъ, конечно, тотъ „демократизмъ“, которымъ пытается прикрыться программа; противонародный характеръ ея бросается въ глаза.

Дальнѣйшее развитіе дворянской агитаціи не прибавило почти ничего новаго къ основнымъ требованіямъ дворянскихъ административно-политическихъ программъ. Въ редакціонныхъ комиссіяхъ и дворянскихъ собраніяхъ (адреса послѣднихъ начинаются съ 1859 и продолжаются даже послѣ изданія Положенія о земскихъ учрежденіяхъ 1864 г.) представители дворянской аристократіи и дворянскихъ „низовъ“ очень часто выступали совмѣстно, рука объ руку, объединяясь на одной общей платформѣ, при содѣйствіи такихъ умѣлыхъ оппортунистовъ, какимъ былъ, напримѣръ, Кошелевъ **). У

*) Ср. Н. Іорданскій. Конституціонное движеніе 60-хъ годовъ, passim.

**) Кошелевъ отличался своимъ оппортунизмомъ не только въ общественной дѣятельности, но и въ личной жизни. Лучше всего свидѣтельствуютъ объ этомъ составленныя имъ самимъ „Записки“. Издатель „Матеріаловъ для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія“ (также либеральный помѣщикъ) передаетъ, что Кошелевъ не

ной было много обманутыхъ и негодова-
нія противъ угрожающаго имъ поли-
тическаго могущества, и стремленіе [illegible]
страть свои сословно-дворянскія при-
вилегіи въ будущемъ свободномъ
мѣстномъ самоуправленіи, и страхъ
передъ широкими массами кресть-
янства.

Характерно, какъ при дальнѣй-
шемъ развитіи дворянской агитаціи
и детализаціи дворянскихъ требо-
ваній, у дворянства, повидимому,
пропадаетъ и охота и надежда полу-
чить въ свои руки все управленіе
уѣздомъ и губерніей. Въ многихъ
многочисленныхъ послѣдующихъ
ходатайствахъ дворянства [illegible]
можно [illegible] — а иногда и громогласно —
признавать необходимость правитель-
ственной администраціи обращать
усиленное вниманіе лишь на органи-
зацію независимаго суда, гласности,
отвѣтственности чиновниковъ передъ
судомъ и мѣстнаго самоуправленія
[illegible]
[illegible]. Вырабатываются детальные [illegible]
проекты преобразованія земско-
хозяйственныхъ присутствій дорефор-
менной эпохи. Намѣчается широкая —
въ предѣлахъ хозяйственнаго управ-
ленія — компетенція новыхъ — уѣзд-
ныхъ и губернскихъ — земскихъ учре-
жденій и ихъ полная самостоятель-
ность какъ отъ уѣзднаго и губерн-
скаго чиновничества, такъ и отъ
центральной власти. И въ губерніи,
и въ уѣздѣ предполагаются выбор-
ные исполнительные органы земства.
[illegible]

высказать, что новый законъ должно
однако предоставить преобразованное
[illegible]
[illegible]
[illegible]
„не [illegible] найти бы могу, чтобы не ока-
зались [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] *).

Страхъ передъ этимъ „демократизмомъ" [illegible]
[illegible]
[illegible]
вообще все дворянское движеніе съ
самаго начала его до конца [illegible]
[illegible]
[illegible]
династію и [illegible] бюрократію.
Весь ходъ дворянской агитаціи
[illegible]
[illegible] „дворян-
ству нашему... несвойственны дѣй-
ствія [illegible]
[illegible]
недоумѣнія". Дальше вѣрноподдан-
ническихъ [illegible] движеніе
и не пошло. [illegible]
[illegible]
крестьянской и земской реформы —
дворянской агитаціи въ народныхъ

[illegible]

*) [illegible]

массахъ. Въ 1858 году С. П. Голицынъ издалъ тенденціозную народную брошюру въ 12 коп. сер., названную имъ „Печатной правдой“ и снабженную изображеніемъ мужика, читающаго книжку; критикъ „Русскаго Вѣстника“ тогда же остроумно назвалъ эту „печатную правду“ — печатной ложью.

Такъ классовый характеръ дворянскаго движенія отразился не только на его административно-политической программѣ, но и на тактикѣ его, сузивъ и ослабивъ сильнѣйшимъ образомъ его размахъ.

Но слабая сторона дворянскаго движенія была также слабой стороной династіи и высшей бюрократіи. Страхъ передъ крестьянскими массами царилъ и въ правительственныхъ сферахъ, гдѣ едва не всеобщими были ожиданія крупнѣйшихъ крестьянскихъ волненій на другой же день послѣ освобожденія. Династія не переставала, въ сущности говоря, ни на одинъ моментъ искать согласія съ дворянствомъ. Уступчивость ея по отношенію къ извѣстнымъ требованіямъ послѣдняго диктовалась, кромѣ того, и новыми соціально-экономическими отношеніями, поскольку, лишь приспособляясь къ нимъ, возможно было создать централизованное полицейское государство, и поскольку административно-политическая программа дворянскаго движенія считалась — хотя бы въ незначительной степени — съ этимъ нарождавшимся буржуазно-капиталистическимъ строемъ. Правительство не могло долго настаивать на своемъ первоначальномъ проектѣ реформы мѣстнаго управленія, этомъ, такъ сказать, исправленномъ и дополненномъ изданіи крѣпостныхъ порядковъ. Даже губернаторы, на заключеніе которыхъ были отосланы соображенія проекта, дали о нихъ неблагопріятные отзывы. 25 марта 1859 г. состоялось новое высочайшее повелѣніе относительно главныхъ началъ будущаго устройства полиціи и учрежденій для разбора споровъ между помѣщиками и крестьянами, заключавшее въ себѣ уже нѣкоторыя уступки требованіямъ дворянства. Согласно этимъ началамъ, управленіе земской и городской полиціей объединялось въ одно уѣздное управленіе, составленное изъ предсѣдателя—уѣзднаго исправника, его помощника (оба — по назначенію), дворянскаго засѣдателя и двухъ сельскихъ засѣдателей; засѣдатели, конечно, должны были играть совершенно фиктивную роль. Начальство надъ всей городской и уѣздной полиціей передано уѣздному исправнику, содержаніе и классъ должности его повышены по сравненію съ прежнимъ положеніемъ земскаго исправника. Становые пристава оставлены въ уѣздѣ. Опредѣленіе во всѣ полицейскія должности, кромѣ ни для кого, въ сущности говоря, ненужныхъ засѣдателей, — и увольненіе отъ этихъ должностей — предоставлено губернаторамъ. Предположены усиленіе полицейской власти, увеличеніе ея самостоятельности и „точное опредѣленіе“ тѣхъ случаевъ, когда уѣздная (и губернская) полицейская власть должна пользоваться „чрезвычайнымъ правомъ и полномочіемъ“. Наконецъ, пунктъ 17-ый „главныхъ началъ“ говорилъ о предоставленіи губернаторамъ въ извѣстныхъ случаяхъ „права дѣйствовать именемъ

Высочайшей власти" и 3) вмѣшательство губерній „по особеннымъ уваженіямъ" сословныхъ уполномоченныхъ верховной власти лицъ. Мы видимъ, что въ области организаціи административно—полицейской власти „главныя начала" 1859 г. почти ничѣмъ не отличаются отъ проекта 1797 г. Уступки были сдѣланы въ другомъ: согласно пунктамъ 6, 7 и 13 „главныхъ началъ", слѣдственная часть отдѣляется отъ исполнительной полиціи и подчиняется министерству юстиціи, власть судебная вообще должна быть, „по возможности", отдѣлена отъ власти исполнительной, а функціи послѣдней должны быть ограничены исключительно дѣлами полицейскими; наконецъ, согласно 16-ому пункту, „при устройствѣ исполнительной и слѣдственной полиціи, должно быть разсмотрѣно хозяйственно-распорядительное управленіе въ уѣздѣ, которое нынѣ раздѣляется между нѣсколькими комитетами и частью входитъ въ составъ полицейскаго управленія, причемъ необходимо предоставить хозяйственному управленію *большее единство, большую самостоятельность, большее довѣріе* и опредѣлить степень участія въ немъ каждаго сословія". Написанная почти одновременно съ изданіемъ этихъ „главныхъ началъ" всеподданнѣйшая записка министра внутреннихъ дѣлъ (августъ 1859 г.) дополняетъ указанные нами пункты, ставя, такъ сказать, точку надъ і *): „дабы вознаградить дворянъ за потерю помѣщичьей власти, *имъ слѣдуетъ предоставить участіе въ хозяйственной администраціи*".

*) Н. П. Семеновъ. Освобожденіе крестьянъ, I, приложенія, стр. 839 и слѣд.

Итакъ, характеръ „главныхъ началъ" 1859 г. для насъ вполнѣ [illegible] административно-полицейской власти въ губерніи и уѣздѣ бюрократической организованною и строго подчиненною отъ центра, они выдѣляютъ хозяйственное [illegible] хозяйственное управленіе и строятъ его на всесословныхъ началахъ съ значительнымъ преобладаніемъ въ немъ дворянства. Составленіе подробныхъ проектовъ положеній объ уѣздныхъ учрежденіяхъ, на основаніи этихъ началъ, было возложено на особую комиссію, учрежденную высочайшимъ повелѣніемъ 27 марта и состоявшую подъ предсѣдательствомъ — статсъ-секретаря Н. А. Милютина, нѣсколькихъ членовъ отъ различныхъ министерствъ (въ томъ числѣ Жуковскаго, Гирса, Соловьева, Калачова, Стояновскаго и др.), исполняющаго должность статсъ-секретаря Заруднаго и нѣсколькихъ губернаторовъ и мѣстныхъ полицейскихъ чиновъ (Грота, Арцимовича, Шувалова и др.); позднѣе, 29 октября 1859 г., на эту же комиссію было возложено составленіе проектовъ преобразованія губернскихъ учрежденій, на тѣхъ же началахъ, что и уѣздныхъ.

Быстрѣе всего въ комиссіи подвигалось дѣло по преобразованію уѣздной полиціи. Уже въ 1860 г. [illegible] проекты, касавшіеся этой стороны работъ комиссіи, были совершенно готовы, причемъ проектъ общаго учрежденія регулировалъ организацію, компетенцію, порядокъ дѣйствій, отчетность и отвѣтственность уѣздной полиціи. Становые, — [illegible] составъ и дѣятельность. „Земскіе

началѣ 1859 г. были мастерски развиты Милютинской комиссіей въ цѣльную последовательную систему нормъ. Коллегіальный порядокъ управленія, какъ „ослабляющій быстроту, самостоятельность и силу полицейскаго дѣйствія“, уступаетъ мѣсто, за ничтожными исключеніями, единоличной власти уѣзднаго исправника. „Какъ органъ правительственной власти“, полиція назначается впредь губернскимъ начальствомъ, которому она вполнѣ подчинена. При охраненіи порядка и безопасности, полиція не должна быть стѣсняема административными или сословными преимуществами. Путемъ „удачной“ ссылки на неудовлетворительное состояніе дореформеннаго суда, устраняется судебный контроль надъ дѣйствіями полиціи (жалобы на дѣйствія полиціи разсматриваются и рѣшаются непосредственнымъ начальствомъ ея; члены полицейскаго управленія предаются суду по опредѣленію губернскаго правленія и т. д.). „Въ случаяхъ чрезвычайныхъ“ полномочія административно-полицейскихъ властей выростаютъ до чудовищныхъ размѣровъ, до военно-полевой юстиціи: если при чрезвычайныхъ случаяхъ народныхъ волненій и безпорядковъ, виновные оказали насильственное сопротивленіе оружіемъ военной командѣ, присланной для усмиренія, то *они предаются, по распоряженію губернатора учреждаемому на мѣстѣ чрезвычайному уголовному суду;* послѣдній составляется подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго судьи изъ засѣдателя губернскаго полицейскаго управленія отъ того сословія, къ которому принадлежатъ виновные, слѣдственнаго судьи и *двухъ военныхъ офицеровъ*; онъ производитъ слѣдствіе и судъ на мѣстѣ, руководствуясь въ порядкѣ производства и рѣшенія дѣла *правилами, установленными для полевого военнаго суда* *).

Сказаннаго достаточно для характеристики проектовъ Милютинской комиссіи, и мы не станемъ болѣе подробно разбирать ихъ тѣмъ болѣе, что лишь небольшая, хотя и очень важная, часть ихъ, касавшаяся организаціи полиціи, получила законодательное утвержденіе въ видѣ временныхъ правилъ 22 декабря 1862 г. Вслѣдствіе интенсивной законодательной дѣятельности, которая наблюдалась въ 60-ыхъ и 70-ыхъ годахъ (крестьянская, земская, судебная, городская и др. реформы), оказалось невозможнымъ ужъ въ самомъ началѣ этой эпохи подробно и систематически регламентировать на болѣе или менѣе долгій срокъ всѣ стороны дѣятельности губернскихъ и уѣздныхъ административно-полицейскихъ властей, тѣмъ болѣе это было невозможно, что дѣло шло о тѣхъ административно-полицейскихъ властяхъ, которыя должны были явиться главными, основными властями, опредѣлявшими весь характеръ мѣстнаго управленія въ пореформенномъ государствѣ. Временными правилами 1862 г. и были поэтому введены лишь самыя необходимыя съ этой точки зрѣнія реформы въ *организаціи* уѣздной администраціи, такъ какъ крѣпостныя формы этой организаціи оказывались

*) Статьи 223 — 226. Труды ком. объ уѣзд. и губ. уч., ч. I, кн. I, стр. 72—3; см. ibid., кн. II, стр. 123.

совершенно несовмѣстимыми съ основными началами полицейскаго государства. По отношенію же къ порядку дѣйствій и предѣламъ власти администраціи можно было оставить въ силѣ на неизвѣстный срокъ и старые законы 1837 г. (наказъ губернаторамъ, положеніе о земской полиціи), постепенно внося туда детальныя поправки путемъ текущаго законодательства по настоятельнымъ вопросамъ народной жизни.

На ту часть своихъ работъ, которая касается *хозяйственно-распорядительнаго управленія*, Милютинская комиссія обратила меньше всего вниманія. Отложивъ выработку подробныхъ проектовъ на болѣе или менѣе отдаленное будущее — до преобразованія *губернскихъ* хозяйственныхъ учрежденій — она ограничилась составленіемъ „временныхъ правилъ объ уѣздныхъ земскихъ присутствіяхъ“, которыя и помѣстила въ качествѣ приложенія къ одной изъ статей проекта общаго учрежденія уѣздной полиціи, ею же составленнаго. Характеренъ при этомъ и методъ работы комиссіи. Компетенція, предѣлы власти, порядокъ дѣйствій этихъ новыхъ уѣздныхъ земскихъ присутствій оставлены тѣ же самые, какіе мы наблюдали для дореформенныхъ хозяйственныхъ комитетовъ и земской полиціи. Новыя уѣздныя присутствія подчинены губернаторамъ и губернскимъ комитетамъ о земскихъ повинностяхъ, отъ которыхъ получаютъ разрѣшенія и указанія. Имъ переданы только тѣ дѣла, которыя производились въ дореформенныхъ отдѣльныхъ присутствіяхъ о земскихъ повинностяхъ, уѣздныхъ дорожныхъ комитетахъ, квартирныхъ комиссіяхъ и комитетахъ общественнаго призрѣнія, далѣе — дѣла касающіяся управленія земскихъ натуральныхъ повинностей въ уѣздѣ, надзоръ за [illegible], открытія фабрикъ, ярмарокъ и т. д. Словомъ, комиссія произвела чисто механическое сліяніе функцій дореформенныхъ земскихъ учрежденій и земской полиціи, и этимъ оттѣнила свою задачу „временнаго“ положенія. Наконецъ, самый составъ этихъ уѣздныхъ присутствій: предсѣдателемъ является уѣздный предводитель дворянства, членами — дворянскій, городской и сельскій засѣдатели уѣзднаго полицейскаго управленія, крестьянскій засѣдатель уѣзднаго мирового присутствія, городской голова и, гдѣ таковые имѣются, — окружной начальникъ управленія государственныхъ имуществъ и удѣльной конторы. Уѣздный исправникъ получаетъ также сильное вліяніе на дѣла земства, такъ какъ исполненіе требованій присутствія, относящихся къ обязанностямъ уѣздной полиціи, должно дѣлаться черезъ него *).

Въ своихъ „историческихъ справкахъ“ Джаншіевъ, основываясь на свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ Леруа-Болье, полагаетъ, что „невыдержанность“ земской реформы 1864 г. явилась слѣдствіемъ побѣды реакціонной партіи въ 1861 г. и паденія Н. А. Милютина. Это объясненіе совершенно не выдерживаетъ критики. Изученіе трудовъ комиссіи доказываетъ совершенно отличное отъ того, что полагалъ Джаншіевъ. Работы по земской реформѣ, детализація „главныхъ на-

*) Ibid. ч. I, кн. 1, ст. [illegible] и кн. II „Временныя правила объ уѣздныхъ земскихъ присутствіяхъ“ — всего 16 статей.

чалъ“ 1859 г. („бо́льшая самостоятельность, бо́льшее довѣріе, большее единство“), какъ разъ при Н. А. Милютинѣ не выходили изъ рамокъ самаго жалкаго копированія дореформенныхъ порядковъ. Династія и высшее чиновничество—въ рядахъ котораго находился и Милютинъ—не особенно охотно, и крайне медленно дѣлали *сколько-нибудь существенныя* уступки требованіямъ возбужденнаго дворянства (о позднѣйшемъ вліяніи революціоннаго движенія мы будемъ говорить ниже). Тѣмъ не менѣе, когда эти выработанныя Милютинской комиссіей временныя правила объ уѣздныхъ земскихъ учреждеженіяхъ были изготовлены и внесены въ государственный совѣтъ (апрѣль 1860 г.), они оказались слишкомъ запоздавшими. Было ясно, что эти временныя правила никого ужъ не могутъ удовлетворить, и ихъ пришлось вернуть обратно въ министерство внутреннихъ дѣлъ „для представленія оныхъ совмѣстно съ проектомъ положенія о *губернскихъ* учрежденіяхъ“ (высочайшее повелѣніе 9 іюня 1860 г.).

Колебанія въ высшихъ сферахъ дѣйствовали на комиссію, конечно, самымъ подавляющимъ образомъ. Относительно ея дальнѣйшихъ трудовъ въ 1860—61 гг. мы имѣемъ лишь самыя скудныя свѣдѣнія. Въ опубликованномъ Леруа-Болье письмѣ Милютина къ Головнину председатель комиссіи пишетъ отъ 22 января 1861 г.: мы проектируемъ двоякаго рода провинціальныя учрежденія; губернскія правленія подъ предсѣдательствомъ губернатора для дѣлъ административно-полицейскихъ и земскія присутствія или земскія учрежденія подъ предсѣдательствомъ предводителя дворянства или другого выборнаго лица для дѣлъ хозяйственно-экономическихъ, благотворительныхъ, des affaires de l'intérêt général и т. д.; мы предполагаемъ даровать этимъ земскимъ учрежденіямъ возможную самостоятельность подъ контролемъ выборныхъ отъ всѣхъ сословій и въ нѣкоторыхъ случаяхъ подъ надзоромъ губернаторовъ и министра *). На основаніи этого письма можно предположить, что комиссія сдѣлала нѣкоторые, небольшіе успѣхи по сравненію съ своимъ прежнимъ проектомъ, — но только предположить, такъ какъ подробностей ея работъ мы не знаемъ. Въ апрѣлѣ 1861 г. предсѣдательство въ комиссіи принялъ на себя новый министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ. Тогда же комиссіей были составлены „главныя основанія“ преобразованія губернскихъ учрежденій—и работы комиссіи снова „замедлились“, какъ мягко выражается офиціальная историческая записка. Помогли дѣлу все тѣ же „несбыточныя ожиданія и свободныя стремленія разныхъ сословій,

*) Leroy-Beaulieu. Un homme d'état russe. P. 1884, p. 68 sq. Для характеристики колебаній высшихъ сферъ въ это время см. у того же Леруа-Болье (L'empire des tsars, t. II, p. 172): „Нѣкоторые совѣтники Александра II совѣтовали ему просто расширить составъ дворянскихъ собраній, допустивъ въ ихъ среду, кромѣ дворянъ-помѣщиковъ, также собственниковъ не-дворянъ и выборныхъ отъ крестьянъ“. Нѣсколько позже аналогичный проектъ „земской реформы“ нашелъ себѣ горячаго защитника въ лицѣ Каткова. При обсужденіи валуевскаго проекта въ государственномъ совѣтѣ московскій предводитель дворянства противопоставилъ ему этотъ катковскій проектъ.

пострадавшихъ по поводу образованія земскихъ учрежденій" необходимость „согласить предѣлы" этимъ „ожиданіямъ и стремленіямъ", съ одной стороны, и примѣненіе въ жизни Положенія 19 февраля 1861 г., съ другой — [illegible] исторической записки, въ началѣ 1862 г. высочайшій запросъ о положеніи работъ по составленію проекта положенія о земскихъ учрежденіяхъ, [illegible], наконецъ, комиссію и ея [illegible] предсѣдателя энергичнѣе взяться за дѣло. 22 февраля 1862 г. Валуевъ представилъ всеподданнѣйшій докладъ съ изложеніемъ основныхъ принциповъ земской реформы. 15 марта того же года въ совѣтѣ министровъ, а затѣмъ и въ особомъ совѣщательномъ собраніи совѣта министровъ былъ разсмотрѣнъ краткій очеркъ положенія о земскихъ учрежденіяхъ, составленный Валуевской комиссіей. Въ особомъ совѣщаніи была при этомъ прочитана критическая записка Н. А. Милютина и внесены нѣкоторыя измѣненія въ составленный комиссіей очеркъ положенія. 2 іюня 1862 г. этотъ очеркъ былъ утвержденъ Александромъ II, а осенью того же года опубликованъ во всеобщее свѣдѣніе. Наконецъ, въ мартѣ 1863 г. комиссіей были составлены окончательные проекты положенія о земскихъ учрежденіяхъ и временныхъ правилъ для земскихъ учрежденій по дѣламъ о земскихъ повинностяхъ, народномъ продовольствіи и общественномъ призрѣніи (впредь до кореннаго пересмотра соотвѣтствующихъ уставовъ); эти проекты были посланы на заключеніе главноуправляющаго II отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи графа М. А. Корфа, а затѣмъ 20 мая 1863 г. были внесены въ государственный совѣтъ.

Таковы вкратцѣ [illegible] подготовительныхъ работъ комиссіи по выработкѣ проекта положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Мы должны теперь ознакомиться съ [illegible] характеромъ, съ существенными чертами этихъ трудовъ Валуевской комиссіи 1860—63 гг.

Задачи, которыя предстояло разрѣшить комиссіи, были не изъ легкихъ. Земско-хозяйственное управленіе, какъ мы выше видѣли, должно было быть выдѣлено изъ общей администраціи губерній и уѣздовъ — таково основное условіе, при которомъ считалось возможнымъ какое бы то ни было самоуправленіе въ полицейскомъ государствѣ. Но что считать земско-хозяйственнымъ управленіемъ? Комиссія въ своихъ „соображеніяхъ" даетъ, повидимому, самый простой отвѣтъ. Земскими дѣлами губерній и уѣздовъ должны быть признаваемы дѣла, которыя составляютъ [illegible] губерніи и уѣзда [illegible] земскихъ учрежденій касаются только *мѣстнаго интереса*, [illegible] надобности въ участіи въ этихъ дѣлахъ государственной власти. Мы видимъ, комиссія хочетъ придерживаться [illegible] такъ называемыхъ общественно-хозяйственныхъ теорій мѣстнаго самоуправленія, противопоставляя чисто мѣстныя, чисто хозяйственныя дѣла самоуправляющейся единицы — дѣламъ государственнымъ. Но можетъ ли быть выдержано это противопоставленіе на практикѣ? Сама комиссія [illegible] сознаетъ, что [illegible]

только касаются губерніи или уѣзда, *всѣ* факты, совершающіеся въ предѣлахъ этихъ административныхъ единицъ, относятся, до извѣстной степени, къ мѣстнымъ интересамъ; общая государственная мѣра точно такъ же, какъ и отдѣльное дѣйствіе сельской или городской общины, имѣютъ свое прямое или косвенное вліяніе на интересы уѣзда или губерніи, въ предѣлахъ которой приводятся въ исполненіе". Если даже относить дѣла къ тому или другому разряду, въ зависимости отъ того, „какой интересъ является въ дѣлѣ главнымъ, преобладающимъ такъ сказать, характеристическимъ", то все же оказывается, что во многихъ случаяхъ разрѣшеніе и подобнаго вопроса „можетъ быть указано только *практическими соображеніями и историческими данными*". Такъ комиссія самымъ откровеннымъ образомъ провозглашаетъ банкротство принятаго ею же теоретическаго обоснованія и въ дальнѣйшемъ руководствуется уже только этими „практическими соображеніями и историческими данными". Новымъ земскимъ учрежденіямъ въ первую голову передаются дѣла о земскихъ повинностяхъ, но отнюдь не всѣ. Согласно началамъ, принятымъ одновременно засѣдавшей податной комиссіей, къ новымъ земскимъ учрежденіямъ должны были цѣликомъ перейти общія натуральныя земскія повинности; изъ денежныхъ же только тѣ, которыя удовлетворяли исключительно мѣстныя потребности, т. е. главнымъ образомъ такъ называемыя губернскія денежныя повинности; денежныя же земскія повинности, удовлетворявшія государственныя потребности, должны были получить форму и характеръ общихъ государственныхъ податей, т. е. перейти изъ рукъ земства къ государству. Валуевская комиссія принимаетъ цѣликомъ эти начала, отказываясь такимъ образомъ отъ „историческихъ данныхъ", которыя въ этомъ случаѣ довольно рѣзко разошлись съ „практическими соображеніями". Дореформенный уставъ о земскихъ повинностяхъ (а еще болѣе дореформенная административная практика), какъ мы знаемъ, не проводилъ принципіально строгаго отдѣленія мѣстныхъ потребностей отъ государственныхъ, ввѣряя почти на одинаковыхъ основаніяхъ старому земству и государственныя денежныя повинности, и губернскія. „Практическія соображенія" полицейскаго государства не могли, конечно, терпѣть такого порядка, при которомъ, по позднѣйшему выраженію Валуева въ государственномъ совѣтѣ, „единая правительственная власть раздробляется между 40 или 50 отдѣльными единицами и общественный порядокъ подвергается опасности". Но еще характернѣе для метода работы комиссіи слѣдующее: только что рѣшивъ вопросъ объ оставленіи за земскими учрежденіями „исключительно мѣстныхъ" потребностей, комиссія однако нашла, что значительнѣйшая часть этихъ самыхъ „исключительно мѣстныхъ" потребностей имѣетъ не только мѣстный, но и государственный интересъ, и признала выполненіе большей части этихъ повинностей *обязательнымъ* для земства. Такъ снова была посрамлена своя же собственная теорія!

Далѣе комиссія проектировала передачу новымъ земскимъ учрежде-

нимъ дѣло по народному продоволь-ствію, но также не всѣхъ. Продо-вольственные запасы хлѣба остава-лись въ распоряженіи сельскихъ и волостныхъ обществъ, а земскимъ учрежденіямъ ввѣрялся лишь над-зоръ за дѣйствіями сходовъ. Денеж-ные продовольственные капиталы пе-редавались въ распоряженіе земскихъ учрежденій, но нѣкоторая часть ихъ, „въ силу государственной необходи-мости", удерживалась центральнымъ правительствомъ въ видѣ общаго по имперіи капитала для пособія мѣст-ностямъ, подвергающимся особо край-ей нуждѣ въ продовольствіи; *) кромѣ того, въ распоряженіи министер-ства государственныхъ имуществъ оставлены центральные хлѣбные ма-газины. За этими исключеніями, обя-занности, которыя въ дореформенное время возлагались на коммиссіи на-роднаго продовольствія, на мѣстныхъ агентовъ управленій государствен-ныхъ имуществъ и удѣловъ, уѣзд-ныхъ предводителей дворянства, по-печителей магазиновъ, — ввѣрялись губернскимъ и уѣзднымъ земскимъ учрежденіямъ. Къ компетенціи ихъ были такимъ образомъ отнесены: за-вѣдываніе и распоряженіе продоволь-ственнымъ капиталомъ губерніи или уѣзда, усиленіе или сокращеніе сбо-ровъ на народное продовольствіе, принятіе общихъ мѣръ обезпеченія продовольствія, надзоръ за дѣй-ствіями сельскихъ и волостныхъ сходовъ по продовольственной части, надзоръ за [illegible] дорогъ и дорожныхъ мѣстныхъ [illegible] и о [illegible], [illegible] мѣстному правительству о чрезвычайныхъ случаяхъ, требую-щихъ распоряженія центральной власти *).

Дѣла общественнаго призрѣнія так-же передавались въ вѣдѣніе новыхъ земскихъ учрежденій. Капиталы, заведенія и имущества приказовъ общественнаго призрѣнія распредѣ-лялись между губернскимъ и уѣзд-нымъ земствомъ. На первыя же учре-жденія возлагалось призрѣніе бѣдныхъ по уѣзду или губерніи, мѣры при-зрѣнія и мѣры противъ нищенства, а также попеченіе о распространеніи оспопрививанія. Расходы, установ-ленные уставомъ общественнаго при-зрѣнія, предположено также при-знать *обязательными* для земства.

Покончивъ съ дѣлами дореформен-наго земства, коммиссія сочла далѣе возможнымъ передать новымъ зем-скимъ учрежденіямъ также управле-ніе дѣлами взаимнаго земскаго стра-хованія строеній отъ огня, попеченіе о развитіи мѣстной торговли и про-мышленности, раскладку государ-ственныхъ денежныхъ сборовъ на основаніи особыхъ изданныхъ объ этомъ узаконеній, представленіе гу-бернскому начальству, по его при-глашенію, или по переданному имъ требованію высшихъ правительствен-ныхъ властей, свѣдѣній и заключе-ній по предметамъ, касающимся мѣстныхъ интересовъ уѣзда или губерніи и ходатайство по этимъ *предметамъ*, наконецъ, [illegible]

*) На этомъ настаивалъ въ общемъ при-сутствіи коммиссіи Валуевъ вопреки пер-воначальнымъ предположеніямъ особаго отдѣла коммиссіи. Матер. по земск. общ. устройству. I, стр. 204 и слѣд., тамъ же стр. 157—8, 265—6.

*) Расходы по [illegible] предположено было также признать обя-зательными для земства.

будутъ ввѣрены земству особыми уставами или правительственными распоряженіями. Кромѣ того, земскимъ учрежденіямъ, какъ юридическимъ лицамъ, предположено предоставить управленіе земскими имуществами и капиталами, пріобрѣтеніе, отчужденіе ихъ и т. д.; какъ публично-правовымъ организаціямъ имъ дано право назначенія раскладки и расходованія мѣстныхъ денежныхъ сборовъ на удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей губерніи или уѣзда, производство выборовъ въ члены земскихъ учрежденій и назначеніе суммъ на ихъ содержаніе.

Характерно, что среди новыхъ дѣлъ, предоставленныхъ земскимъ учрежденіямъ, мы не находимъ ни содержанія почты въ губерніи, ни попеченія о распространеніи народнаго образованія, ни попеченія о народномъ здравіи, а передача именно этихъ дѣлъ, — и многихъ другихъ—требовалась многочисленными дворянскими ходатайствами. Если попеченіе о народномъ здравіи еще можно было подразумѣвать подъ мѣрами общественнаго призрѣнія, предоставленнаго земству, то относительно распространенія народнаго образованія Валуевъ, отстаивая нѣсколько позднѣе проектъ комиссіи въ государственномъ совѣтѣ, прямо заявилъ, что „еще не рѣшено, можетъ ли быть предоставлено въ дѣлахъ сего рода (рѣчь шла относительно попеченія о тюрьмахъ и распространеніи народнаго образованія) какое-либо участіе земскимъ учрежденіямъ, и если можетъ, то въ какой мѣрѣ"; поэтому упоминать о немъ въ проектѣ „было бы крайне неосторожно".

Опредѣливъ компетенцію земскихъ учрежденій, комиссія перешла къ установленію *предѣловъ власти* ихъ. Придерживаясь общественно-хозяйственной теоріи самоуправленія, такъ хорошо, повидимому, приспособленной къ основнымъ требованіямъ полицейскаго государства, комиссія, несомнѣнно, поступила бы вполнѣ логично, приравнявъ органъ мѣстнаго самоуправленія къ частнымъ союзамъ, акціонернымъ компаніямъ и тому подобнымъ организаціямъ частно-правового характера. Вопросъ о предѣлахъ власти былъ бы, конечно, разрѣшенъ самымъ простымъ образомъ, и въ соображеніяхъ комиссіи можно найти характерныя мѣста, склоняющіяся именно къ такому рѣшенію вопроса: „Земскія учрежденія, имѣя характеръ мѣстный и общественный, очевидно, не могутъ входить въ рядъ правительственныхъ—губернскихъ или уѣздныхъ—инстанцій, или имѣть въ своемъ подчиненіи какія-либо изъ правительственныхъ мѣстъ; подчиняясь общимъ законамъ на томъ же основаніи, *какъ частныя лица или отдѣльныя общества*, земскія учрежденія, съ другой стороны, имѣютъ право на содѣйствіе и исполненіе законныхъ своихъ требованій правительственными лицами и учрежденіями..."; „завѣдываніе земскими дѣлами уѣздовъ или губерній должно быть ввѣрено населенію уѣзда и губерніи на томъ же основаніи, какъ хозяйство частное предоставляется распоряженію частнаго лица, хозяйство общественное—распоряженію самаго общества". Удержаться на этой точкѣ зрѣнія комиссія, конечно, не могла—она должна была бы въ такомъ случаѣ отвергнуть принудительный характеръ

[illegible] ставила, спрашивается, напримѣръ, [illegible] представительствѣ, обложенія населенія — а это при общемъ господствѣ условіяхъ нарождающагося буржуазно-капиталистическаго строя! Комиссія пытается стать на другую точку зрѣнія: „земскимъ учрежденіямъ... должна быть предоставлена *распорядительная и самостоятельная власть въ завѣдываніи дѣлами* мѣстнаго интереса, мѣстнаго хозяйства губерній или уѣздовъ". Но мы уже знаемъ, что всѣ дѣла мѣстныхъ интересовъ являются дѣлами и общегосударственнаго интереса. Признаетъ это и комиссія, заявляя, что „распоряженія по земскимъ дѣламъ губерній и уѣзда нерѣдко могутъ имѣть существенное значеніе для интересовъ государственныхъ и правительственныхъ". Слѣдовательно, „распорядительная и самостоятельная власть" земства должна быть „дополнена", по мнѣнію комиссіи, во-первыхъ, общимъ *надзоромъ правительственной власти за законностью дѣйствій и распоряженій земскихъ учрежденій [illegible]* *), а во-вторыхъ, правомъ *спеціальнымъ „надзоромъ" правительства, выражающимся въ формальномъ утвержденіи нѣкоторыхъ, особенно важныхъ для государственныхъ интересовъ распоряженій земства*; какихъ именно — опредѣляютъ и здѣсь, конечно, уже знакомыя намъ „практическія соображенія" и „дальнѣйшія данныя".

Спеціальная „надзорная" правительственной власти распространяется [illegible] обсуждаемымъ [illegible]. Только въ томъ случаѣ, если въ теченіе [illegible] дней не получится отъ губернатора о его несогласіи съ постановленіемъ, оно можетъ быть приведено въ исполненіе. Для министра этотъ срокъ увеличенъ до двухъ мѣсяцевъ. Мало того, губернаторъ [illegible] въ тотъ же семидневный срокъ [illegible]. Такое же право предоставляется и министру внутреннихъ дѣлъ въ теченіе всего промежутка времени между двумя сессіями земскаго собранія. И это тѣмъ губернаторамъ и министру внутреннихъ дѣлъ [illegible], характеръ болѣе сложный и болѣе тягостный для мѣстнаго самоуправленія, чѣмъ обычное [illegible]. Отзывы губернаторовъ и министра поступаютъ на разсмотрѣніе земскихъ собраній. Собранія постановляютъ свои „окончательныя" заключенія, которыя должны приводиться немедленно въ исполненіе. Но министръ и губернаторы получаютъ право вторичнаго приостановленія тѣхъ постановленій собраній, которыя они признаютъ незаконными. Они обязаны [illegible] объ этомъ въ теченіе семи дней земское собраніе или земскую управу и представить все дѣло на разрѣшеніе правительствующаго сената. [illegible]

*) Противозаконныя дѣйствія земскихъ собраній и управъ разсматриваются [illegible] правительственныхъ и общественныхъ учрежденій [illegible], который имѣетъ право [illegible] заключеніе [illegible] губерн[illegible].

ной лишь жалоба государю черезъ коммиссію прошеній.

Характерное обсужденіе этихъ проектированныхъ комиссіей нормъ, замѣнивавшихъ „дѣйствительную и самостоятельную власть“ земства сильнѣйшимъ вліяніемъ центральной власти и ея главныхъ мѣстныхъ агентовъ на земскія дѣла, происходило въ особомъ совѣщательномъ собраніи, созванномъ при совѣтѣ министровъ. Здѣсь была прочитана записка Н. А. Милютина, изъ которой ясно видно, что Милютинъ принципіально стоялъ на той же точкѣ зрѣнія, что и Валуевская комиссія. Возраженія его касались только излишнихъ и преувеличенныхъ стѣсненій земскихъ учрежденій. „Правильно поставленное земство“, писалъ Милютинъ, „привлечетъ къ себѣ лучшихъ образованныхъ людей, подниметъ уровень мѣстной администраціи, освободитъ высшее правительство отъ массы дѣлъ, *дастъ молодымъ поколѣніямъ практическое направленіе и отвлечетъ отъ анархіи*... При нынѣшнемъ (1862 г.) настроеніи русскаго общества можно разсчитывать на участіе лучшихъ и благонамѣренныхъ людей въ такомъ только случаѣ, когда они увидятъ, что ихъ призываютъ не для исполненія какихъ-либо механическихъ формальностей, но для разумной и истинно полезной дѣятельности, и въ то же время правительство, отказавшись отъ безплодныхъ усилій направлять и контролировать малѣйшія дѣйствія мѣстнаго управленія, не только ничего не потеряетъ, но пріобрѣтетъ новую силу, *сосредоточивъ все свое вниманіе на общихъ государственныхъ интересахъ*. Съ этой точки зрѣнія должно особенно настаивать на необходимости дать самое по возможности широкое развитіе *хозяйственной* дѣятельности новыхъ учрежденій. ...Нѣтъ надобности основывать новый законъ исключительно на недовѣріи или на преувеличенныхъ опасеніяхъ. *Тѣмъ не менѣе нужно отвратить всякое стремленіе выйти изъ предѣловъ закона*“. Исходя изъ этихъ соображеній, Милютинъ подвергъ критикѣ лишь нѣкоторыя проектированныя комиссіей нормы относительно компетенціи и предѣловъ власти земскихъ учрежденій. Онъ полагалъ, что земству слѣдуетъ передать не только всѣ губернскія, но и государственныя земскія повинности, въ частности постройки и содержаніе дорогъ и почтовыхъ станцій. Соглашаясь, что въ извѣстныхъ случаяхъ дѣйствія земскихъ учрежденій должны подлежать наблюденію и утвержденію мѣстныхъ властей, онъ считалъ необходимымъ точно перечислить эти случаи въ законѣ. Наконецъ, онъ возражалъ противъ предоставленныхъ проектомъ комиссіи губернатору правъ утверждать членовъ земскихъ управъ, присутствовать на засѣданіяхъ губернскаго собранія съ совѣщательнымъ голосомъ и утверждать приговоры земскихъ управъ о преданіи своихъ членовъ суду. Очевидно, подъ вліяніемъ этихъ замѣчаній Милютина, особое совѣщаніе, а за нимъ и совѣтъ министровъ, выбросили изъ проекта комиссіи послѣднія двѣ оспоренныя Милютинымъ нормы; зато была добавлена статья, что въ случаѣ явнаго бездѣйствія земскихъ учрежденій, губернаторъ дѣлаетъ имъ напоминаніе, а въ случаѣ ихъ безуспѣшности приступаетъ, за своей

ленной самостоятельности, не предусмотренными законодательными распоряженіями властью земства.

Не вѣренъ [illegible] къ работамъ комиссіи. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что бюрократическая полицейской нормы, [illegible] которыя особое [illegible] ныя измѣненія, нарушали самымъ тяжкимъ образомъ интересы самоуправленія. Но нельзя устанавливать контроль надъ мѣстнымъ самоуправленіемъ не только центральнаго правительства, но и контроль надъ [illegible] мѣстнаго административно-полицейскаго должностного лица въ губерніи; контроль не только надъ законностью дѣйствій органовъ самоуправленія, но и надъ соотвѣтствіемъ ихъ „государственнымъ пользамъ", мало того, какъ контроль надъ составомъ должностныхъ лицъ земства. Наконецъ, высшей инстанціей признанъ первый департаментъ сената, высшій органъ административной юстиціи (земскія учрежденія получили право приносить жалобы первому департаменту сената на опредѣленія до нихъ распоряженія губернаторовъ и высшихъ административныхъ властей; роль сената, какъ высшей инстанціи при протестахъ губернаторовъ и министра внутреннихъ дѣлъ, мы уже подробно [illegible] выше). Между тѣмъ замѣнить независимую судебную коллегію, единственно компетентную для разрѣшенія конфликтовъ мѣстнаго самоуправленія съ центральнымъ правительствомъ, первый департаментъ сената, конечно, не могъ. Теорія и практика, напримѣръ, французскаго административнаго права ясно свидѣтельствуютъ, что административная юстиція является, въ сущности, фикціей [illegible] администраціей [illegible] административную [illegible] *).

Но чѣмъ меньше [illegible] усилія административной централизаціи [illegible] правительство [illegible] самоуправленія, который [illegible] общей администраціи и органовъ [illegible] Въ результатѣ земскія учрежденія получили [illegible] безъ всякой власти. Правительство, выражаясь [illegible] „[illegible]", [illegible] характера мѣстныхъ и общественныхъ [illegible], не могли имѣть въ своемъ [illegible] правительственныхъ мѣстъ". Но вѣдь они должны управлять мѣстными дѣлами, должны [illegible] должны принимать мѣры къ развитію торговли и промышленности, къ обезпеченію народнаго продовольствія, къ предупрежденію [illegible] и т. д. — и въ исполненіи всѣхъ своихъ распоряженій

*) [illegible] стр. 222 и т. II, ст. 77 [illegible]

и постановлений, касавшихся этихъ предметовъ — они вполнѣ зависимы отъ доброй воли совершенно оторванныхъ отъ нихъ общеправительственныхъ лицъ и учрежденій, на содѣйствіе которыхъ они *имѣютъ право*, на принужденіе которыхъ у нихъ совершенно *нѣтъ власти*! Мало того, связь ихъ съ населеніемъ кончается уѣзднымъ земствомъ и не проникаетъ ниже: мелкой земской единицы не установлено. Земскія управы приравнены чуть ли не къ правленіямъ акціонерныхъ компаній; они не имѣютъ на мѣстахъ облеченныхъ надлежащей властью агентовъ, да и не могутъ ихъ имѣть, такъ какъ въ этомъ случаѣ пришлось бы организовать въ губерніи и уѣздѣ цѣлый рядъ учрежденій, почти параллельныхъ общеправительственнымъ. Земскія учрежденія неминуемо попадаютъ такимъ образомъ въ косвенную зависимость отъ губернской и уѣздной администраціи, обладающей всей исполнительной властью. Уже Головачевъ подмѣтилъ это въ своемъ критическомъ обзорѣ земской реформы: „Положимъ, земское собраніе опредѣлитъ извѣстный налогъ, но плательщики его не вносятъ... Что дѣлать въ такомъ случаѣ? взыскивать черезъ полицію? а если полиція не исполнитъ требованія? Скажутъ, можно жаловаться губернатору. Но вѣдь полиція не сознается, что она не хочетъ исполнить требованія управы, и представитъ множество обстоятельствъ, по которымъ ей не было времени заниматься взысканіемъ. Что дѣлать тогда?.. Возьмемъ другой примѣръ: управленіямъ для представленія смѣтъ и раскладокъ нужны различныя свѣдѣнія изъ волостныхъ правленій; но волостной старшина отъ управы не зависитъ и можетъ не исполнить требованія управы въ особенности, если мировой посредникъ не въ ладахъ съ управой. Такимъ образомъ свѣдѣній нѣтъ, нѣтъ и смѣтъ, нѣтъ и раскладокъ. Собраніе открывается, и ему нечего утверждать и нечѣмъ исполнять обязательныхъ расходовъ. Это случаи не невозможные. На дѣлѣ мы слышали, что по взаимному страхованію въ одной управѣ нѣтъ денегъ на уплату за сгорѣвшія зданія вслѣдствіе недоимокъ, взысканія которыхъ управа не можетъ добиться. Развѣ органы самоуправленія могутъ находиться въ подобныхъ положеніяхъ?“ *)

Больше всего вниманія комиссія, какъ видно изъ ея трудовъ, посвятила вопросамъ *организаціи* земскихъ учрежденій. Признавъ, что „завѣдываніе земскими дѣлами уѣзда и губерніи должно быть ввѣрено самому населенію уѣзда и губерніи“, такъ какъ „никто не можетъ усерднѣй и заботливѣй вести хозяйственное дѣло, какъ тотъ, кому оно принадлежитъ“ (sic), комиссія высказывается за установленіе имущественнаго ценза для выборовъ въ уѣздныя земскія собранія: „общимъ правиломъ, общей мѣрой участія въ мѣстныхъ интересахъ, а черезъ то и участія въ управленіи ими, принимается размѣръ имуществъ, тѣмъ

*) Въ любомъ отчетѣ или сборникѣ постановленій новыхъ земскихъ учрежденій можно найти достаточное число жизненныхъ иллюстрацій этой зависимости органовъ самоуправленія отъ доброй воли общеправительственной администраціи въ дѣлѣ взысканія земскихъ сборовъ. Подробнѣй объ этомъ мы будемъ говорить въ III части.

[illegible] Земскія собранія должны [illegible] представителей [illegible] буржуазіи. [illegible] сталкивается съ сословно-[illegible] требованіями, и хотя она говоритъ, что „сословное дѣленіе [illegible] не соотвѣтствуетъ характеру земскихъ учрежденій, имѣющихъ въ [illegible] не сословные, а общіе хозяйственные интересы“, но она [illegible] съ необходимостью [illegible] дворянству [illegible]. Кромѣ того, комиссіи отнюдь не улыбалась, по-видимому, перспектива [illegible] только что освобожденнаго крестьянства, среди котораго лишь начинался процессъ имущественной дифференціаціи *), и это тѣмъ болѣе, что ей представлялось возможнымъ подмѣнить представительство крестьянства въ земствѣ „послушнымъ“ представительствомъ крестьянскихъ должностныхъ лицъ—волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, подчиненныхъ [illegible] правительственной — губернской и уѣздной — администраціи.

И вотъ комиссія начинаетъ вводить „коррективы“ къ только что [illegible]

[illegible] Высшія сословія [illegible] частной земельной собственности. [illegible] въ 50 высшихъ, указныхъ началовъ, [illegible] (200—[illegible] десятинъ [illegible]) [illegible] землевладѣнія [illegible] цензъ. Голосъ крупнаго дворянина-землевладѣльца имѣетъ такимъ образомъ [illegible]

*) [illegible]

ченіе, какъ 20 голосовъ его болѣе мелкихъ сосѣдей. Наименѣе же обезпеченная часть помѣстнаго дворянства (владѣющая менѣе $^1/_{20}$ ценза) попрежнему устранена отъ выборовъ. Зато лица съ дворянско-служебнымъ цензомъ (занимавшія въ теченіе трехлѣтія должности мировыхъ посредниковъ или судей) допускаются въ избирательныя собранія на равныхъ правахъ съ крупными землевладѣльцами.

Кромѣ землевладѣльцевъ-дворянъ, въ этомъ же избирательномъ собраніи участвуютъ немногіе землевладѣльцы - не - дворяне, долгосрочные арендаторы и уѣздные промышленники (послѣдніе могли играть сколько-нибудь видную роль лишь въ наиболѣе промышленныхъ губерніяхъ). Во избѣжаніе наплыва всѣхъ этихъ не дворянскихъ элементовъ въ избирательномъ собраніи для нихъ проектируется *повышенный* цензъ: для землевладѣльцевъ не - дворянъ 200 среднихъ душевыхъ надѣловъ (для участія въ избраніи уполномоченныхъ требуется ужъ $^1/_{10}$ повышеннаго ценза, т. е. 40—160 дес.), для арендаторовъ — шестилѣтняя аренда пространства земли, равнаго 400 душевымъ надѣламъ, для уѣздныхъ промышленниковъ—стоимость предпріятія въ 15.000 р. или годовой оборотъ въ 6.000 р. (для арендаторовъ и уѣздныхъ промышленниковъ, не владѣющихъ полнымъ цензомъ, избраніе уполномоченныхъ вовсе не допускается). Въ избирательное собраніе непосредственно входятъ такимъ образомъ лишь очень немногіе, наиболѣе крупные буржуазные элементы уѣзда. Къ числу „гражданъ“ второго разряда, избирающихъ только уполномоченныхъ, отнесены даже средніе не-дворяне-землевладѣльцы. Все мелкое не-дворянское землевладѣніе цѣликомъ отнесено къ разряду „лишенныхъ всѣхъ правъ“ (здѣсь имѣлись въ виду главнымъ образомъ будущіе крестьяне-собственники).

Льготный цензъ былъ удержанъ комиссіей лишь для сельскаго духовенства, хотя земли послѣдняго, по закону, не облагаются земскими сборами. Причины такой необычной привилегіи не скрывались комиссіей: представительство духовенства являлось желательнымъ и „особенно важнымъ въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ польско-литовскимъ землевладѣніемъ“...

При всей сложности избирательныхъ нормъ, при всемъ разнообразіи цензовъ, характеръ избирательнаго собранія уѣздныхъ землевладѣльцевъ является такимъ образомъ вполнѣ опредѣленнымъ: въ немъ обезпечено самымъ прочнымъ и дѣйствительнымъ образомъ сильнѣйшее преобладаніе крупнаго и средняго дворянскаго землевладѣнія.

Во второмъ избирательномъ собраніи, названномъ *городскимъ*, главную роль играетъ крупная городская буржуазія. Въ немъ участвуютъ лица, имѣющія купеческія свидѣтельства, и лица, владѣющія въ городѣ недвижимостью, стоимостью въ 3.000—5.000 р. (смотря по величинѣ города) или торговопромышленнымъ предпріятіемъ съ оборотомъ въ 6.000 р. Мелкая, отчасти даже средняя городская буржуазія—не говоря уже о пролетарскихъ элементахъ—лишены избирательнаго права, такъ какъ и „выборные чины городского управленія“, принимающіе также участіе

въ [illegible] избирательныхъ собраній, [illegible] представители [illegible] не этихъ [illegible] слоевъ городского населенія.

Еще суровѣй расправляется комиссія съ [illegible]. Признавъ невозможность установленія для крестьянъ имущественнаго ценза, „такъ какъ частной земельной собственности почти не существуетъ, различія въ имущественныхъ [illegible] членовъ [illegible]скихъ общинъ весьма мало, [illegible] весьма низкъ (?)“, комиссія однако и не задумывается надъ вопросомъ о введеніи всеобщаго и прямого избирательнаго права, хотя бы для одной крестьянской куріи. Мало того, она отвергаетъ далеко не демократическое предложеніе нѣкоторыхъ своихъ членовъ установить для крестьянъ трехстепенную подачу голосовъ, образовавъ избирательное собраніе изъ выборныхъ волостныхъ сходовъ. Комиссія рѣшаетъ составить „избирательный сельскій сходъ“ изъ [illegible], такъ какъ „при этомъ способѣ правомъ участія въ избирательныхъ собраніяхъ будетъ собственно пользоваться, черезъ представителя своего, цѣлая сельская община, и слѣдовательно, избирательныя права сельскаго сословія, очевидно, не будутъ болѣе обширны, нежели права землевладѣльцевъ“. Это заключеніе комиссіи сильно смахиваетъ на [illegible]. Единственно правильный выводъ былъ бы тотъ, что „при этомъ способѣ“ крестьянскія массы [illegible] совершенно [illegible] представительства въ земствѣ, ибо [illegible]

[illegible] администраціи?

[illegible]

При распредѣленіи между этими тремя куріями общаго числа гласныхъ уѣзднаго земскаго собранія, комиссія [illegible]. Для этого проектируется предоставить собранію уѣздныхъ землевладѣльцевъ избирать одного гласнаго на каждые [illegible] надѣловъ, крестьянской куріи—одного гласнаго на каждые *6.000* надѣловъ, городской—одного гласнаго на 100—300 домовладѣльцевъ (относительное уменьшеніе [illegible] крупныхъ городовъ [illegible] представителей городской буржуазіи въ дворянское земство) *). Только въ губерніяхъ [illegible] и Литовскаго генералъ-губернаторствъ (и 4 уѣздахъ [illegible] губ.), т. е. въ мѣстахъ съ [illegible] крупнымъ землевладѣніемъ, [illegible]

*) [illegible]

ная пропорція для дворянскаго и крестьянскаго представительства (на 4.500 надѣл. — 1 гласный). Впрочемъ, для дворянскаго представительства проектируется еще одна крупнѣйшая привилегія: при расчетѣ приходящейся на каждое избирательное собраніе земли, не различается, находится ли земля въ собственности и непосредственномъ распоряженіи землевладѣльца, или сдается имъ въ аренду, *или отведена въ постоянное пользованіе крестьянамъ.* Послѣдняя норма создавала въ моментъ ликвидаціи крѣпостного права необычайно благопріятное положеніе для представительства дворянскаго землевладѣнія въ новомъ земствѣ.

Въ результатѣ, установленное комиссіей распредѣленіе гласныхъ между тремя куріями создавало такое чудовищное неравенство въ пользу помѣстнаго дворянства, что самой же комиссіи пришлось внести нѣкоторые коррективы. Въ малоземельныхъ и среднеземельныхъ губерніяхъ проведеніе въ жизнь принциповъ комиссіи означало въ среднемъ *тройное и четверное* представительство для дворянскаго сословія въ сравненіи съ крестьянскимъ, что комиссіей признавалось „не особенно рѣзкимъ" и вполнѣ нормальнымъ. Но въ нѣкоторыхъ многоземельныхъ мѣстностяхъ система комиссіи приводила къ тому, что число гласныхъ отъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ должно было превышать число гласныхъ отъ крестьянъ въ 5, 8, 10, даже 13 разъ; мало того, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ число полагавшихся отъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ гласныхъ должно было превышать не только число всѣхъ землевладѣльцевъ-избирателей, но и общее число землевладѣльцевъ въ уѣздѣ. Это ужъ было бы полнѣйшимъ абсурдомъ, и вотъ комиссія вноситъ коррективы: число гласныхъ не можетъ превышать числа лицъ, имѣющихъ право участія въ избирательномъ собраніи; число гласныхъ отъ землевладѣльческой куріи не должно превышать *четверного* количества гласныхъ отъ сельскихъ обществъ *). Ничего не можетъ быть характернѣе для привилегированнаго положенія дворянства, которое устанавливалось проектомъ комиссіи, чѣмъ эти „ограничительныя" нормы самой же комиссіи!

Новыя — весьма важныя — привилегіи для членовъ собранія уѣздныхъ землевладѣльцевъ, въ особенности для дворянъ, входящихъ въ его составъ, создаются комиссіей въ области *пассивнаго избирательнаго права*. Вообще говоря, комиссія придерживается системы такъ называемыхъ „избирательныхъ стойлъ", т. е. въ данномъ избирательномъ собраніи пассивнымъ избирательнымъ правомъ пользуются лишь члены его. Но для членовъ собранія уѣздныхъ земле-

---

*) Оба ограниченія установлены въ докладѣ отдѣла комиссіи 10 января 1863 г. („Матеріалы", I, стр. 315, 308 и слѣд.), но въ окончательномъ проектѣ комиссіи 26 мая 1863 г. послѣдняго ограниченія мы уже не находимъ („Труды комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ", ч. II, кн. I, стр. 8 „Положенія о земскихъ учрежденіяхъ"). Отмѣтимъ здѣсь же, что кромѣ гласныхъ отъ 3 курій, избиравшихся на трехлѣтній срокъ, въ уѣздномъ земскомъ собраніи, по проекту, присутствовало, на равныхъ правахъ съ остальными членами, 1—3 представителя по назначенію вѣдомства государственныхъ имуществъ и удѣловъ.

землевладѣльцевъ — и, слѣдовательно, они (а также и Удѣльное вѣдомство), по извѣстнымъ уже намъ соображеніямъ, не могутъ быть избираемы также и уѣздными избирательными собраніями, а только избираются [illegible]. Въ самомъ же собраніи уѣздныхъ землевладѣльцевъ арендаторы и уѣздные землевладѣльцы — члены его — пользуются пассивнымъ избирательнымъ правомъ лишь въ томъ случаѣ, если принадлежатъ къ потомственному дворянству.

Въ нормахъ, касающихся избранія президіума уѣздныхъ (и губернскихъ) земскихъ собраній, комиссія старается сочетать дворянскія привилегіи съ опекающей властью центральнаго правительства; послѣдняя въ концѣ концовъ получаетъ преобладающее значеніе. Сначала проектъ комиссіи передавалъ предсѣдательство въ уѣздномъ и губернскомъ земскихъ собраніяхъ — предводителямъ дворянства, а въ губерніяхъ, гдѣ не было дворянскихъ выборовъ, лицамъ, избраннымъ самими собраніями изъ своего состава, но принадлежащимъ обязательно къ дворянскому сословію. Особое совѣщаніе сочло такія привилегіи слишкомъ опасными и усилило вліяніе центральной власти: предсѣдатель уѣзднаго земскаго собранія назначается изъ числа его членовъ министромъ внутреннихъ дѣлъ; предсѣдатель губернскаго земскаго собранія назначается высочайшимъ указомъ *изъ числа мѣстныхъ землевладѣльцевъ*, вице-предсѣдателемъ является губернскій предводитель дворянства.

Мы подошли къ губернскому земскому собранію, на организаціи котораго должны нѣсколько остановиться. Въ [illegible] отъ уѣзда къ уѣзду. Первоначально, какъ мы уже знаемъ, предполагалось организовать только одно уѣздное земство, и самая постановка вопроса о существованіи губернскаго хозяйственнаго управленія явилась уже запоздалой уступкой общественнымъ требованіямъ. Замѣтимъ также, что въ дальнѣйшемъ — вплоть до самаго послѣдняго времени — именно губернское земство подвергалось наибольшимъ нападкамъ командующихъ группъ стараго порядка. Въ проектѣ, выработанномъ Валуевской комиссіей, составѣ губернскихъ земскихъ собраній мы уже находимъ характерныя черты, [illegible] на страхъ законодателей передъ губернскимъ „парламентомъ“ и на стремленіе ихъ обезпечить его [illegible] стороны, чуть ли не совершенно закрывъ къ нему доступъ всѣхъ слоевъ населенія, кромѣ одного привилегированнаго дворянства. Членовъ губернскаго земскаго собранія (кромѣ управляющихъ мѣстными палатой государственныхъ имуществъ и удѣльной конторой, присутствовавшихъ на собраніяхъ [illegible]) было избирать на три года въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, при чемъ каждый уѣздъ долженъ былъ выбирать отъ двухъ до пяти губернскихъ гласныхъ, соотвѣтственно населенію. Такимъ образомъ за дворянами-землевладѣльцами, составлявшими въ уѣздныхъ собраніяхъ [illegible] и, во всякомъ случаѣ, крупнѣйшее относительное большинство, обезпечивалось не только преобладаніе въ

губернскомъ земскомъ собраніи надъ представителями другихъ классовыхъ и сословныхъ группъ, но при нѣкоторой сплоченности землевладѣльцевъ-дворянъ, и почти совершенно безраздѣльное господство въ немъ. Двухстепенная система выборовъ лишала меньшинство уѣзднаго собранія почти *всякаго* представительства въ губернскомъ собраніи и обезпечивала избраніе въ составъ послѣдняго исключительно уѣздныхъ землевладѣльцевъ.

Въ извѣстной степени то же самое относится и къ исполнительнымъ органамъ земства: уѣздной и губернской земской управѣ. Первую предполагалось составить изъ двухъ членовъ, избираемыхъ на 3 года уѣзднымъ земскимъ собраніемъ *и утверждаемыхъ губернаторомъ*, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства; вторую—изъ 6 членовъ, избираемыхъ на тотъ же срокъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства. Такимъ образомъ для членовъ *губернской* земской управы не требовалось утвержденія, которое для *уѣзднаго* земства означало сильнѣйшую непосредственную зависимость его отъ губернской администраціи. Такая необычайная льгота для губернской земской управы объясняется, повидимому, способомъ образованія ея путемъ трехстепенной, отчасти даже четырехстепенной подачи голосовъ, являвшейся, даже по мнѣнію комиссіи, вполнѣ достаточнымъ чистилищемъ, въ которомъ могли быть начисто смыты всѣ грѣхи выборныхъ представителей трехъ сословно-имущественныхъ курій. И это мнѣніе комиссіи тѣмъ болѣе было правильнымъ, что она же въ высокой степени облегчила административное вліяніе на самыя земскія собранія, установивъ составъ какъ уѣзднаго, такъ и губернскаго собранія *возможно менѣе людными*, такъ какъ „слишкомъ многочисленный составъ собранія былъ бы неудобенъ по самой цѣли его, состоящей въ разсмотрѣніи дѣлъ по преимуществу хозяйственныхъ, требующихъ спокойнаго, хладнокровнаго и основательнаго обсужденія". Одинъ изъ представителей привилегированной буржуазіи, правившей Франціей во время Іюльской монархіи, предупредилъ членовъ нашей комиссіи, когда говорилъ въ палатѣ депутатовъ: „Я убѣжденъ, что, назначая такое значительное число совѣтниковъ, мы дѣлаемъ генеральные совѣты политическими, и съ этого момента мы наносимъ сильнѣйшій вредъ нашей конституціи!"...

Мы видимъ, даже въ той части своего проекта, которая касалась организаціи земскихъ учрежденій, и въ основу которой были положены, повидимому, сословно-дворянскія привилегіи, комиссія не сумѣла примирить точку зрѣнія полицейскаго государства хотя бы только съ требованіями дворянскаго движенія. Нарождавшимся же новымъ силамъ буржуазной Россіи (не считая той части стараго дворянства, которая пыталась организовать свое сельско-хозяйственное производство на чисто капиталистическихъ началахъ) предоставлялось совершенно незначительное мѣсто въ проектированномъ комиссіей земствѣ. Въ этомъ отношеніи дворянство было, конечно, совершенно неправо, когда жаловалось въ своихъ ходатайствахъ, что „устройство мѣстнаго управленія на

низмомъ демократическихъ выборныхъ началъ, какъ это предположено въ земско-хозяйственныхъ проектахъ, выдѣлить изъ себя важной [illegible]. Проектированная комиссіей организація новаго земства также мало отличалась демократизмомъ, какъ мало отличалось имъ и дворянское движеніе. Въ новой организаціи земскихъ учрежденій сказывались совершенно другія характерныя черты, черты полицейскаго режима, который мы уже наблюдали еще въ большей степени при опредѣленіи комиссіей компетенціи и предѣловъ власти реформированнаго земства, когда она строго ограничивала его дѣятельность лишь хозяйственнымъ управленіемъ, противопоставляя ему на мѣстахъ властную общеправительственную администрацію, когда она ихъ ограниченной областью хозяйственнаго управленія [illegible] непосредственную зависимость отъ центральной и губернской власти (утвержденіе важнѣйшихъ постановленій, право „veto" по соображеніямъ общей государственной пользы, представленіе ходатайствъ черезъ [illegible] высшаго органа административной юстиціи), и въ косвенную зависимость отъ той же губернской и уѣздной администраціи (благодаря лишенію земства всякой распорядительно-исполнительной власти и права издавать обязательныя для населенія постановленія), благодаря предоставленію ему возможности проникать въ самые низы народной жизни [illegible] мелкими своими организаціями).

3.

Валуевскій проектъ общеземскаго представительства 1863 г. и Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1864 г.

Съ самаго начала земской реформы страхъ передъ чуть ли не всеобщимъ крестьянскимъ возстаніемъ, представлявшимся неминуемымъ на другой день послѣ освобожденія, оказывалъ сильнѣйшее вліяніе на династію и высшее чиновничество, толкая ихъ къ возможно скорому и полному соглашенію съ дворянствомъ. Извѣстно, что этотъ страхъ оказался далеко не безосновательнымъ. По свѣдѣніямъ министра внутреннихъ дѣлъ, скорѣй преуменьшеннымъ, чѣмъ преувеличеннымъ, за первые два года послѣ крестьянской реформы (1861—1863) въ [illegible] губерніяхъ было 1.100 крестьянскихъ бунтовъ. Всѣ эти бунты, изолированные одинъ отъ другого, не создавшіе никакой сколько-нибудь широкой организаціи, выражавшіе лишь стихійно-революціонное настроеніе крестьянства, не проникнутые опредѣленной соціально-политической сознательностью, были быстро подавлены правительствомъ, долго и основательно готовившимся къ этому моменту. Но опасность повторенія вспышекъ крестьянскаго бунтарства — еще въ болѣе крупныхъ масштабѣ и въ болѣе организованномъ видѣ — не

только не исчезала, а наоборотъ, еще усиливалась начавшимся революціоннымъ движеніемъ среди разночинной интеллигенціи, которая послѣ незначительныхъ колебаній стала лицомъ къ крестьянскимъ массамъ, рѣзко отвернувшись и отъ либеральнаго правительства и отъ либеральнаго дворянства. Уже въ прокламаціи „Къ молодому поколѣнію“ (сентябрь 1861 г.) достаточно ясно намѣчается эта революціонно-демократическая тактика разночинной интеллигенціи: „Все враждебное народу, эксплуатирующее его, есть правительство; а все, поддерживающее правительство, стремящееся не къ общему равенству, а къ привилегіямъ, къ исключительному положенію, есть дворянство и партія дворянская. Это врагъ народа, врагъ Россіи. Жалѣть его нечего, какъ не жалѣютъ вредныхъ растеній при расчисткѣ огорода... Если иначе нельзя, мы не только не отказываемся отъ насильственнаго переворота, но мы зовемъ охотно революцію на помощь къ народу... Надежду Россіи составляетъ народная партія изъ молодого поколѣнія всѣхъ сословій, затѣмъ всѣ угнетенные..., войско, находящееся въ такомъ же положеніи, и 23 милліона освобожденнаго народа, которому 19 февраля 1861 г. открыта широкая дорога къ европейскому пролетаріату... Говорите чаще съ народомъ и солдатами, объясняйте имъ все, что мы хотимъ, и какъ легко всего этого достигнуть; насъ милліоны, а злодѣевъ—мало“...

Правда, въ томъ же 1861 г. въ листкахъ „Великорусса“ какъ-будто намѣчается другое теченіе въ революціонномъ движеніи разночинной интеллигенціи, желавшее опереться на тѣ стремленія къ буржуазному государственному порядку, которыя пробивались въ извѣстной части дворянства сквозь толщу сословныхъ пережитковъ. Но сами авторы „Великорусса“, повидимому, мало вѣрятъ въ силу своихъ обращеній къ „либеральнымъ русскимъ“, къ „просвѣщенной части націи“, къ „образованнымъ классамъ“; свой послѣдній листокъ они заканчиваютъ суровымъ предостереженіемъ: „Мы посмотримъ, какое дѣйствіе произведетъ наше приглашеніе на образованные классы. Мы обращаемся къ нимъ, какъ обѣщали. Но если мы увидимъ, что они не рѣшаются дѣйствовать,—намъ не останется выбора: мы должны будемъ дѣйствовать на простой народъ, и съ нимъ будемъ принуждены говорить уже не такимъ языкомъ, не о такихъ вещахъ. Долго медлить рѣшеніемъ нельзя: если не составятъ образованные классы мирную оппозицію, которая вынудила бы правительство до весны 1863 г. устранить причины къ возстанію — народъ неудержимо подымется лѣтомъ 1863 г. Отвратить это возстаніе патріоты не будутъ въ силахъ и должны будутъ позаботиться только о томъ, чтобы оно направилось благотворнымъ для націи образомъ“. А вскорѣ въ „Колоколѣ“ (№ 107) появился „Отвѣтъ Великоруссу“, подписанный „Однимъ изъ многихъ“ и полный упреками по адресу „Великорусса“ за то, что, сознавая неизбѣжность борьбы, онъ хочетъ подвинуть на нее „общество“, которое никогда не пойдетъ взаправду противъ правительства и никогда не дастъ добровольно народу

того, что ему нужно. Нужно [illegible], нужно, чтобы „меньшинство, [illegible] ставило ему всѣ преступленія правительства и внушало ему [illegible]“. Бѣда въ томъ, что [illegible]. Необходимъ [illegible] революціонный союзъ, который могъ бы [illegible] „на тѣ несчастныя массы, которыя благодаря эксплуатаціи правительственнаго [illegible], распутства, [illegible], іезуитизма, террора, [illegible] градаціи отъ апатіи до безвыходнаго отчаянія, которымъ нечего ждать отъ этого порядка, нечего терять съ нимъ, а остается только глубоко ненавидѣть его“.

Въ высшей степени слабое само по себѣ, революціонное движеніе разночинной интеллигенціи получало необычайное значеніе въ своей возможной связи и соприкосновеніи съ грозными крестьянскими массами; и обратно, разрозненные бунты послѣднихъ, казалось, уже объединялись въ одну могучую волну усиліями „молодыхъ и не молодыхъ людей, сочинителей и приверженцевъ „Великорусса“, „Молодой Россіи“ и т. д.“, какъ выражался запуганный Кошелевъ (1862 г.).

Развитіе революціоннаго движенія не могло не оказать сильнѣйшаго вліянія на ходъ земской реформы ужъ въ 1862—63 гг. Даже ускореніе работъ Валуевской коммиссіи зависѣло, какъ мы видѣли, отъ „необходимости положить предѣлъ... свободнымъ стремленіямъ разныхъ сословій“. Но вотъ коммиссія закончила свои работы, проекты земской реформы [illegible]. Только въ мартѣ 1863 г. [illegible] отдѣленіемъ канцеляріи Е. И. В., [illegible] Александра II, приходится приступить къ [illegible].

[illegible] въ началѣ этой записки Польскаго возстанія, Валуевъ [illegible] номъ движеніи: „Всѣ прежнія связи внутренняго государственнаго строя поколебались, а новыя не установились на твердой почвѣ; ...умы въ волненіи, между тѣмъ революціонная пропаганда, пользуясь обстоятельствами, усиливается подкопать самыя основы гражданскаго порядка“. Все это еще не опасно, „доколѣ чувства вѣрноподданнической преданности Вашему Величеству и теплой любви къ отечеству не поколеблены въ массахъ и сохраняютъ [illegible] въ огромномъ большинствѣ высшихъ классовъ населенія“. Но оказывается, что „въ послѣднее время проявленіе этихъ чувствъ въ [illegible], въ средѣ разныхъ явленій гражданской жизни, какъ-будто парализовалось вліяніемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и разнородныхъ, большей частью неопредѣленныхъ стремленій и ожиданій, направленныхъ къ [illegible] условій нашего [illegible] быта“. Этимъ [illegible]

агитаторы", которые „увлекаютъ весьма многихъ, и увлекаютъ ихъ весьма далеко". Отсюда слѣдуетъ, конечно, не тотъ, совершенно невозможный для представителя самодержавно-полицейскаго государства, выводъ, что слѣдовало бы уступить требованіямъ революціоннаго движенія, принять програму демократической интеллигенціи. Нѣтъ, заключеніе Валуева носитъ совершенно другой характеръ. На верховныя права самодержавной власти не должно быть допущено никакого посягательства. Но они вполнѣ примиримы съ стремленіемъ высшихъ классовъ „къ нѣкоторому участію въ дѣлахъ законодательства и общаго государственнаго хозяйства"; въ этомъ стремленіи, въ сущности говоря, выражается лишь „желаніе приблизиться къ престолу, занять мѣсто въ ряду учрежденій, которымъ непосредственно объявляется Высочайшая воля, принести (верховной власти) непосредственную дань гражданскаго труда и вѣрноподданнической покорности". „Нѣкоторое участіе въ дѣлахъ законодательства" должно быть, конечно, исключительно совѣщательнымъ. Организовать его въ видѣ чисто дворянскаго представительства sans phrases представляется однако уже невозможнымъ, вслѣдствіе „обнаружившагося съ большой силой *общаго* стремленія къ нему". Слѣдуетъ воспользоваться проектируемыми земскими учрежденіями, въ которыхъ будутъ объединены всѣ сословія и обезпечено преобладаніе дворянства, надъ которыми въ болѣе чѣмъ достаточной степени будетъ упрочена опека общеправительственной администраціи. Представителей земства (а гдѣ ихъ нѣтъ— сословій) слѣдуетъ призвать изъ всѣхъ частей Имперіи, кромѣ Царства Польскаго и Финляндіи, къ нимъ присоединить представителей немногихъ крупнѣйшихъ городовъ и нѣкоторыхъ членовъ высшаго духовенства, по высочайшему назначенію, и образованное такимъ образомъ собраніе представителей пріурочить къ государственному совѣту, который также является учрежденіемъ исключительно-совѣщательнымъ. При этомъ общеземское представительство должно играть чисто совѣщательную роль не только по отношенію къ верховной власти, но и по отношенію къ государственному совѣту, не пріобрѣтая и въ немъ ни въ какомъ случаѣ преобладающаго вліянія.

Послѣ обсужденія этой записки въ высочайшемъ присутствіи (15 апрѣля 1863 г.), Валуевъ приступилъ къ выработкѣ подробнаго „проекта новаго учрежденія государственнаго совѣта", который и былъ имъ представленъ 18 ноября Александру II. Насъ здѣсь будутъ интересовать лишь тѣ статьи проекта, которыя касаются „съѣзда государственныхъ гласныхъ" (названіе данное Валуевымъ проектированному имъ общеземскому представительству, примѣнительно къ терминологіи выработаннаго комиссіей положенія о земскихъ учрежденіяхъ).

Въ составъ съѣзда входятъ выборные гласные отъ губернскихъ земскихъ собраній 45 губерній Европейской Россіи (107 членовъ), отъ неземскихъ губерній, въ томъ числѣ сибирскихъ и кавказскихъ (32 члена), отъ крупныхъ городовъ и азовскихъ портовъ (18 членовъ), всего 151 человѣкъ. „Для обезпеченія правительственнаго вліянія

на составъ съѣзда" часть гласныхъ [illegible], но не болѣе ⅓ общаго числа выборныхъ членовъ. Въ видѣ „мѣры предосторожности противъ злоупотребленій съѣздовъ", [illegible]руется передача предсѣдательства въ съѣздѣ одному изъ членовъ государственнаго совѣта по высочайшему назначенію, два вице-предсѣдателя избираются самимъ съѣздомъ, но утверждаются верховной властью. Съѣздъ созывается [illegible] указомъ, открывается и закрывается по особому для каждаго раза высочайшему повелѣнію министромъ внутреннихъ дѣлъ. Далеко не всѣ дѣла, подлежащія обсужденію въ государственномъ совѣтѣ, входятъ также въ компетенцію государственныхъ гласныхъ. Дѣла, входящія въ компетенцію съѣзда, разсматриваются отдѣльно въ соотвѣтствующемъ департаментѣ совѣта и въ съѣздѣ государственныхъ гласныхъ, который приравнивается такимъ образомъ въ извѣстномъ смыслѣ къ совѣтскимъ департаментамъ. Съѣздъ можетъ при этомъ передать дѣло для предварительнаго разсмотрѣнія въ свою комиссію, члены которой однако намѣчаются предсѣдателемъ съѣзда (по соглашенію съ вице-предсѣдателями и секретарями), и лишь утверждаются самимъ съѣздомъ. Если департаментъ и министръ, къ вѣдомству котораго принадлежитъ дѣло, не согласятся съ заключеніемъ съѣзда, то дѣло разсматривается снова въ съѣздѣ, вторичное заключеніе котораго, какъ и департамента, считается „окончательнымъ". Затѣмъ все дѣло, съ заключеніями съѣзда и департамента, вносится въ общее собраніе государственнаго совѣта, [illegible] государственнаго совѣта по назначенію, среди которыхъ 15 гласныхъ [illegible] меньшинство. Мало того, „выборные" [illegible]. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что предсѣдатель съѣзда назначается верховной властью, вице-предсѣдатели — утверждаются ею же. Въ общемъ собраніи государственнаго совѣта составляется окончательное заключеніе, причемъ въ случаѣ разногласія въ журналъ вносятся мнѣнія [illegible] членовъ, а также [illegible] мнѣнія тѣхъ или другихъ членовъ. Содержаніе журнала передается — наряду съ заключеніями департамента и съѣзда — въ меморіи, которая [illegible] на высочайшее утвержденіе.

Съѣздъ, конечно, [illegible] въ этомъ [illegible] какую бы то ни было конституціонную уступку правительства. Основныя позиціи полицейскаго государства сохранены

въ цѣлости, и Валуевъ былъ правъ, когда говорилъ въ объяснительной запискѣ къ проекту о совершенствѣ исполненія, при которомъ не представлялось даже нужды „въ какой-либо оговоркѣ, или поясненіи, или подтвержденіи“ насчетъ неприкосновенности правъ самодержавной власти. Не трудно было бы показать на подробномъ анализѣ этого проекта все сходство его,—и *въ методѣ его составителя, и въ опредѣленіи имъ компетенціи и предѣловъ власти государственныхъ гласныхъ, и въ организаціи имъ самаго съѣзда*,—съ разобраннымъ нами выше проектомъ положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Мы не станемъ этого дѣлать, тѣмъ болѣе, что самый проектъ не получилъ осуществленія, такъ какъ и эти жалкія уступки показались Александру II слишкомъ „важными и требующими зрѣлаго обсужденія“. Мы должны теперь перейти снова къ судьбѣ проекта Валуевской комиссіи, посвященнаго губернскимъ и уѣзднымъ земскимъ учрежденіямъ.

6 мая 1863 г. главноуправляющій II отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи баронъ М. А. Корфъ переслалъ Валуеву свои обширныя замѣчанія на проектъ комиссіи, который затѣмъ былъ разсмотрѣнъ въ соединенномъ присутствіи департаментовъ законовъ и государственной экономіи государственнаго совѣта. Изъ участвовавшихъ въ этомъ обсужденіи проекта назовемъ членовъ государственнаго совѣта кн. Гагарина, бар. М. А. Корфа, Е. П. Ковалевскаго, графа В. Н. Панина, Н. И. Бахтина, шефа жандармовъ В. А. Долгорукова, петербургскаго генералъ-губернатора кн. Суворова, министровъ Д. А. Милютина, Зеленаго, Валуева, Рейтерна и др. Кромѣ того, на первыя восемь засѣданій (1—29 іюля), въ которыхъ не выносилось никакихъ заключеній, а лишь высказывались замѣчанія присутствовавшими лицами, были приглашены также московскій и петербургскіе предводители дворянства и городскіе головы. Повидимому, государственному совѣту проекты комиссіи въ концѣ концовъ также показались слишкомъ „важными и требующими зрѣлаго обсужденія“; по крайней мѣрѣ, онъ затянулъ разсмотрѣніе ихъ до ноября, когда онъ вынужденъ былъ приступить къ болѣе энергичной работѣ въ виду личнаго требованія Александра II „кончить непремѣнно это дѣло къ 1 января“. 14—19 декабря 1863 г. проекты комиссіи были, наконецъ, окончательно разсмотрѣны и исправлены въ общемъ собраніи государственнаго совѣта.

Относительно роли бар. М. А. Корфа при выработкѣ Положенія о земскихъ учрежденіяхъ въ послѣднее время начинаетъ, повидимому, складываться такая же легенда, какая ужъ давно окружаетъ имя Н. А. Милютина. Г. Авиновъ, напр., въ своей статьѣ, спеціально посвященной бар. М. А. Корфу, признаетъ его замѣчанія на проектъ комиссіи—„по истинѣ замѣчательными“; при чтеніи ихъ „положительно не вѣрится, что они написаны 40 лѣтъ тому назадъ—такъ ясно и точно формулированы въ нихъ тѣ понятія государственнаго права, которыя получили широкое распространеніе особенно у насъ въ Россіи лишь впослѣдствіи“; они „клонятся именно къ тому, чтобы достигнуть возможно полнаго и послѣ-

[illegible] самоуправленiя въ [illegible] учрежденiяхъ".

Ничто не можетъ быть более [illegible], чѣмъ такiя соображенiя М. А. Корфа *) [illegible] реформы, [illegible] съ основами [illegible] государства и [illegible] [illegible] къ [illegible] [illegible] государственнаго порядка. И [illegible], [illegible] и бар. М. А. Корфъ, [illegible] и другiе члены государственнаго совѣта, [illegible] [illegible] проектъ коммиссiи. Основныя начала проекта [illegible] [illegible] измѣненiямъ и [illegible] были затронуты критикой бар. Корфа и государственнаго совѣта. Въ своихъ замѣчанiяхъ на проектъ бар. М. А. Корфъ [illegible] заявляетъ, что [illegible] основанiя... должны оставаться... неприкосновенными", что [illegible] [illegible] [illegible] направленiю и характеру предположенiй коммиссiи министерства внутреннихъ дѣлъ", которыя [illegible] отъ... [illegible] преобразовательныхъ попытокъ и [illegible]..., имѣютъ въ виду сразу утвердить наше мѣстное самоуправленiе на широкихъ началахъ и окончательно расторгнуть связь съ старыми, отжившими свой вѣкъ преданiями и [illegible] нашей бюрократической администрацiи": болѣе лестный отзывъ [illegible] [illegible]

*) [illegible]

[illegible] коммиссiи" [illegible] бар. Корфа [illegible] [illegible] [illegible] реформы [illegible] [illegible] [illegible] системы мѣстнаго управленiя [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] самоуправленiя". Бар. М. А. Корфъ и не думаетъ [illegible] [illegible] [illegible] Характернѣйшая черта проекта коммиссiи [illegible] [illegible] общеправительственной администрацiи, [illegible] [illegible] хозяйственныхъ управленiй, [illegible] [illegible] [illegible] Корфа, хотя онъ не прочь громогласно увѣрять, что [illegible] мѣстныхъ [illegible] [illegible] [illegible] управленiя) есть, конечно, необходимое условiе [illegible] децентрализацiи". [illegible] и въ государственномъ совѣтѣ та часть ст. 1-й проекта [illegible], которая [illegible] [illegible] [illegible], относящимися къ мѣстнымъ хозяйственнымъ нуждамъ и пользамъ, не встрѣтила никакихъ возраженiй [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Мы уже указывали выше, какъ дворянство само отказывалось въ своихъ ходатайствахъ отъ требованiя передачи ему всей общеправительственной власти [illegible] [illegible] возможнымъ обходиться безъ назначенныхъ [illegible] [illegible] [illegible]

сильно пугавшемъ дворянскія массы развитіи революціоннаго движенія. Въ государственномъ совѣтѣ петербургскій губернскій предводитель дворянства требовалъ „яснаго ограниченія круга дѣятельности земскихъ учрежденій *одними* хозяйственными дѣлами", отвергалъ всякую „примѣсь политическаго значенія къ значенію хозяйственному", и оказывался даже plus royaliste, чѣмъ самъ Валуевъ, противъ предложенія котораго—предоставить земству раскладку государственныхъ денежныхъ сборовъ — онъ горячо возражалъ. Это, дескать, выходитъ изъ рамокъ хозяйственныхъ дѣлъ, такъ какъ при обсужденіи раскладки податей въ земскихъ собраніяхъ могутъ невольно возникнуть „сужденія о самихъ податяхъ". Его успокоили лишь тѣмъ, что земство будетъ вѣдать раскладку тѣхъ сборовъ, которые будутъ указаны закономъ, и что производиться эта раскладка будетъ также на основаніяхъ, указанныхъ въ законѣ, слѣдовательно, земству предоставлена будетъ лишь возможность распредѣлить уравнительно налогъ между отдѣльными плательщиками, что „весьма выгодно для земства и очень желательно для правительства".

Если по отношенію *къ основнымъ началамъ* реформы, какъ въ области компетенціи, такъ и въ области предѣловъ власти и организаціи земскихъ учрежденій (мы объ этомъ будемъ говорить ниже), и записка бар. Корфа и заключенія государственнаго совѣта всецѣло примыкали къ проектамъ комиссіи, то при обсужденіи деталей такое единодушіе замѣчалось, конечно, далеко не всегда. Критика деталей была довольно подробная, но поправки предлагались, — мы должны повторить это,—лишь для того, чтобы „удобнѣе достигнуть" намѣченныхъ комиссіей основныхъ началъ, или, чтобы „нынѣ, когда возбуждено общее ожиданіе устройства земскихъ учрежденій..., не дать слишкомъ мало, не удовлетворить общія надежды и не возбудить тѣмъ только неудовольствіе; тогда скажутъ, что вмѣсто дѣйствительнаго земскаго управленія прибавлено только нѣсколько новыхъ административныхъ мѣстъ". Ростъ дворянскаго и революціоннаго движенія отражался такимъ образомъ весьма своеобразно въ головахъ бар. М. А. Корфа и другихъ членовъ государственнаго совѣта, стремившихся путемъ незначительныхъ уступокъ въ деталяхъ реформы подкупить общественное мнѣніе. На языкѣ „законодателей" это называлось „призывомъ общества нашего, доселѣ занимавшагося только отрицательной дѣятельностью, критикой правительственныхъ распоряженій,—къ дѣятельности положительной".

Въ противовѣсъ новѣйшимъ панегиристамъ бар. Корфа, слѣдуетъ здѣсь же отмѣтить, что многіе члены государственнаго совѣта по отношенію къ этимъ частичнымъ поправкамъ были настроены несравненно „лѣвѣе" М. А. Корфа. Такъ, мы уже знаемъ, какъ всячески старалась комиссія сузить и сократить кругъ дѣлъ, ввѣряемыхъ земству даже въ области хозяйственнаго управленія. Записка Корфа заявляетъ однако свое полное удовлетвореніе по поводу „исчисленія предметовъ вѣдомства земскихъ учрежде-

ній". Однако, впрочемъ, признавалъ, что земскій [illegible] будетъ отнести къ вѣдѣнію ихъ и нѣкоторыя другія дѣла — но на первое время кругъ дѣятельности, намѣченный комиссіей, „представляется достаточнымъ."

Другіе члены государственнаго совѣта проявили болѣе „радикальную" иниціативу. Н. И. Бахтинъ считалъ необходимымъ включить въ число дѣлъ, признаваемыхъ земскими, также попеченіе о тюрьмахъ и о народномъ здравіи, Е. П. Ковалевскій добавлялъ еще попеченіе о народномъ образованіи. Несмотря на горячее сопротивленіе Валуева и двусмысленныя возраженія Корфа, который на этотъ разъ отчасти сошелся во взглядахъ съ гр. Панинымъ („неудобно упоминать объ этомъ въ проектѣ"), общимъ собраніемъ эти дѣла, дѣйствительно, были включены въ число земскихъ *), хотя новыя права земства и были при этомъ проредактированы въ самыхъ эластическихъ выраженіяхъ: *участіе преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи и въ предѣлахъ закономъ опредѣленныхъ*, въ попеченіи о народномъ образованіи, о народномъ здравіи и тюрьмахъ".

Но „эластичность" выраженій составляла *общую черту всѣхъ опредѣленій компетенціи земскихъ учрежденій*. Отъ этой эластичности не могли отка-

заться не комиссія, не государственный совѣтъ, такъ какъ, по справедливому замѣчанію [illegible] записки С. Ю. Витте, въ законодательныхъ стремленіяхъ и [illegible] лись удовлетворить различныя [illegible] „общества", [illegible] урезать [illegible] реформы [illegible] на будущее" и не [illegible] въ то же время правительство стѣснять [illegible] опредѣленными [illegible]ми. Объ этой эластичности [illegible] причинѣ [illegible] [illegible] разъ рѣчь при обсужденіи реформы въ государственномъ совѣтѣ. [illegible] по поводу того, что проектъ комиссіи [illegible] [illegible] дѣла, которыя будутъ [illegible] [illegible] на основаніи особыхъ законовъ или правительственныхъ распоряженій, петербургскій губернскій предводитель дворянства, поддержанный Бахтинымъ и отчасти Корфомъ и Д. А. Милютинымъ, указалъ, что предметы вѣдомства земскихъ учрежденій указаны далеко не точно, что ясное опредѣленіе ихъ отложено на долгій срокъ и можетъ послѣдовать лишь при изданіи новыхъ уставовъ о народномъ продовольствіи, общественномъ призрѣніи и земскихъ повинностяхъ, что, кромѣ всего этого, администрація получаетъ право [illegible] на земство желательныя для нея дѣла („на основаніи особыхъ правительственныхъ распоряженій") и отвлекать его такимъ образомъ отъ другихъ дѣлъ, что въ результатѣ всего этого „самостоятельность земскихъ учрежденій въ предѣленномъ для нихъ кругѣ дѣятельности" становится совершенно фиктивной. Несмотря на полную правильность этихъ замѣчаній пред-

———

*) [illegible]

ставителя дворянства, государственный совѣтъ ограничился лишь освобожденіемъ земствъ отъ дѣлъ, которыя пожелала бы возложить на нихъ администрація, вычеркнувъ изъ текста 2-й ст. „Положенія“ (п. XII) слова „или правительственныхъ распоряженій“. Когда же московскій городской голова указалъ, что въ проектѣ не указано даже общаго принципа будущаго разграниченія земскихъ повинностей отъ государственныхъ, что все дѣло этого разграниченія предоставлено податной комиссіи при министерствѣ финансовъ, а въ результатѣ ея работъ отъ земства, можетъ быть, будутъ отняты всѣ такъ называемыя денежныя государственныя повинности, т. е. болѣе $^4/_5$ того, что до реформы составляло земскія повинности, предсѣдательствовавшій въ соединенномъ присутствіи, послѣ громовой рѣчи Валуева, совершенно прекратилъ обсужденіе этого вопроса, „такъ какъ предрѣшеніе его положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ не можетъ быть допущено; заявлять теперь (до пересмотра податной комиссіей устава о земскихъ повинностяхъ) какія-либо обѣщанія въ законѣ—неумѣстно; если правительство признаетъ нужнымъ при разсмотрѣніи устава о земскихъ повинностяхъ имѣть въ виду отзывы земскихъ учрежденій, то это и будетъ тогда же обсуждено“. Между тѣмъ московскій городской голова былъ совершенно правъ въ своихъ опасеніяхъ: благодаря эластичной редакціи, изъ вѣдѣнія земства были изъяты не только всѣ денежныя *государственныя* повинности, но даже часть денежныхъ *губернскихъ* повинностей (изъ 3.123.839 р. по смѣтѣ губернскихъ повинностей въ началѣ 60-хъ годовъ для 30 губерній—земству передано лишь 2.192.858 р., кромѣ сбора на мировыя крестьянскія учрежденія *). По словамъ Головачева, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ земству было передано сборовъ не болѣе, чѣмъ на 40—50 тысячъ рублей, въ то время, какъ одно содержаніе земскихъ учрежденій должно было обойтись въ 80—100 тысячъ.

Что касается *предѣловъ власти земскихъ учрежденій*, то и здѣсь записка бар. М. А. Корфа и заключенія государственнаго совѣта всецѣло примыкали къ основнымъ началамъ проекта комиссіи. Непосредственная и косвенная зависимость новаго земства отъ центральной, губернской и даже уѣздной власти, рѣшающая роль I департамента сената, лишеніе земства исполнительной власти, — все это не встрѣтило ни въ запискѣ бар. Корфа, ни въ средѣ государственнаго совѣта никакой принципіальной критики, несмотря на обиліе торжественныхъ заявленій о „самостоятельности“ органовъ самоуправленія. Точно такъ же были принципіально одобрены и надзоръ губернаторовъ и министра внутреннихъ дѣлъ за соотвѣтствіемъ постановленій земскихъ собраній „общимъ государственнымъ пользамъ“, и утвержденіе ими же нѣкоторыхъ важнѣйшихъ постановленій земскихъ собраній и представленіе черезъ губернское начальство ходатайствъ (которыя могли такимъ образомъ имъ

*) См. „Труды комиссіи для пересмотра системы податей и сборовъ“, т. XV, приложеніе къ статьѣ Руковскаго, вѣдомость подъ литерой Б.

[illegible] предлагались и были приняты лишь по отношенію къ [illegible] этихъ [illegible]. Такъ, [illegible] бар. Корфъ предлагалъ [illegible] утвержденія [illegible] дѣлъ и губернаторомъ нѣкоторыхъ постановленій земскихъ собраній, нѣсколько ограничить исполнительныя распоряженія [illegible] ственной администраціи на счетъ земства, нѣсколько расширить права земства въ дѣлахъ народнаго продовольствія и общественнаго призрѣнія", но [illegible] сильно уменьшить „почти безграничную власть" его въ дѣлѣ раскладки повинностей. Та же комиссія рекомендовала дать губернскимъ земскимъ учрежденіямъ право издавать обязательныя для мѣстнаго населенія постановленія, въ предѣлахъ ввѣренныхъ имъ дѣлъ, такъ какъ „сіе право есть неотъемлемая прерогатива всякаго установленія, долженствующее имѣть самостоятельное мѣсто въ администраціи, орудіе, безъ котораго такому установленію невозможно было бы выполнять свое предназначеніе". Но въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта ни бар. Корфъ, ни кто-либо другой совершенно не возбуждали вопроса о предоставленіи земству этого права издавать обязательныя постановленія. Въ государственномъ совѣтѣ дальнѣйшія измѣненія тоже предлагались лишь относительно [illegible] утвержденія административными властями нѣкоторыхъ постановленій земскихъ собраній. Во время возникшихъ по этимъ вопросамъ дебатовъ Валуевъ аргументировалъ необходимость утвержденія губернаторомъ [illegible] и раскладокъ, между прочимъ, тѣмъ соображеніемъ, что разъ [illegible] земство [illegible], [illegible] самаго [illegible], въ [illegible] [illegible] иначе „пришлось бы дать земскимъ учрежденіямъ самое [illegible] это значило бы установить государство въ государствѣ". Въ этомъ мнѣніи Валуева [illegible] государство въ государствѣ, и [illegible] губернской [illegible] губернской власти вслѣдствіе отсутствія у него исполнительныхъ органовъ, и искусство, съ которымъ эта коренная слабость, установленная самимъ же проектомъ комиссіи, [illegible] зависимости земства отъ губернской администраціи. Характерно также, что [illegible] Валуева [illegible] повидимому, также ясно, что дать [illegible] нить ему общую?) значитъ, дѣйствительно создать государство въ государствѣ...

„Въ общемъ [illegible] государственный совѣтъ [illegible] проекта комиссіи [illegible] тельныя [illegible] ства [illegible] требовалось [illegible]

Въ вопросахъ, касающихся *организацiи* земскихъ учрежденiй, записка бар. Корфа и заключенiя государственнаго совѣта также всецѣло раздѣляютъ основныя мысли проекта комиссiи. Баронъ Корфъ выражаетъ свое полное согласiе съ тѣмъ принципомъ привилегированнаго сословно-дворянскаго представительства, который былъ положенъ комиссiей въ основу этой части ея проекта. „Сила доводовъ“ комиссiи —„неопровержима“. Единственный грѣхъ комиссiи, что она слишкомъ откровенно и прямолинейно проводитъ свой принципъ; для успѣха всего дѣла необходимо больше дипломатiи. „Допущенiе въ новомъ законѣ столь рѣзкаго, единственно на сословномъ началѣ основаннаго различiя между избирателями едва ли будетъ хорошо принято и лицами не дворянскаго званiя и самими дворянами, которыхъ оно поставитъ въ довольно неловкое положенiе относительно другихъ сословiй... посему, можетъ быть, было бы удобнѣе достигнуть той же цѣли инымъ путемъ“. Этотъ иной путь заключается въ томъ, чтобы въ текстѣ закона предоставить уменьшенный цензъ не просто—дворянамъ, а „владѣльцамъ такой земли, на которой существуетъ заселенiе“; повышенный цензъ—не просто не-дворянамъ, а „владѣльцамъ незаселенной пустошной, лѣсной или степной земли“. По существу результатъ будетъ достигнутъ тотъ же, на словахъ же нѣтъ и помину объ одiозныхъ привилегiяхъ для дворянства. Расширивъ разрядъ избирателей съ дворянско - служебнымъ цензомъ (предводители и депутаты дворянства) и исключивъ изъ избирательнаго собранiя уѣздныхъ землевладѣльцевъ долгосрочныхъ арендаторовъ, можно также способствовать достиженiю нужнаго результата. Правда, записка бар. Корфа предлагаетъ расширить избирательное право и недворянскихъ элементовъ, допустивъ въ избирательное собранiе уѣздныхъ землевладѣльцевъ также всѣхъ владѣльцевъ *недвижимой собственности* (а не только хозяйственныхъ заведенiй, какъ предположено было комиссiей) цѣной въ 15.000 р. и даже *уполномоченныхъ отъ болѣе мелкихъ владѣльцевъ этого рода*, но она спѣшитъ сейчасъ же оговориться, что „эти мелкiе собственники отнюдь не должны своимъ числительнымъ влiянiемъ въ собранiяхъ перевѣшивать влiянiе богатыхъ и образованныхъ землевладѣльцевъ... представителей крупнаго и средняго землевладѣнiя“. Записка предлагаетъ поэтому предоставить вообще всѣмъ мелкимъ собственникамъ (дворянамъ и не-дворянамъ) избирать по одному уполномоченному не съ каждаго полнаго ценза, а лишь съ двоиного или даже тройного. Словомъ, избирательное собранiе уѣздныхъ землевладѣльцевъ должно и послѣ поправокъ остаться курiей дворянскаго крупнаго и средняго землевладѣнiя.

Измѣненiя, предлагаемыя запиской Корфа по отношенiю къ городской курiи, также не противорѣчатъ общему направленiю работъ комиссiи и отнюдь не задаются цѣлью обезпечивать достаточное представительство городской буржуазiи въ уѣздномъ земскомъ собранiи. Сущность этихъ измѣненiй заключается въ томъ, что и мелкой городской буржуазiи предоставляется чисто фиктивное из-

[illegible] правъ, которое [illegible] теряетъ уполномоченныхъ, посылаемыхъ ею въ избирательное собраніе уѣздныхъ землевладѣльцевъ или въ ближайшій избирательный земскій съѣздъ. Большинство городовъ лишается особаго представительства, крупнѣйшая городская буржуазія этихъ городовъ участвуетъ въ собраніи уѣздныхъ землевладѣльцевъ. Губернскіе и другіе значительные города образуютъ особые избирательные участки, но „и избирательный ценсъ, и опредѣленіе числа гласныхъ отъ нихъ должны быть согласованы съ отношеніями, принятыми въ отношеніи обывателей уѣздныхъ". Наконецъ, столицы и самые крупные города, которые комиссія также лишь съ величайшимъ трудомъ могла вмѣстить въ рамки сословно-дворянскаго самоуправленія и для представительства которыхъ она поэтому ввела особо ограничительныя нормы (чтобы не позволить имъ перевѣса надъ уѣзднымъ землевладѣніемъ), — бар. **Корфъ предлагаетъ вовсе не вводить** въ систему губернскаго и уѣзднаго земскаго представительства, устроивъ въ нихъ хозяйственное **управленіе на особыхъ основаніяхъ.** По существу здѣсь провозглашается частичное банкротство основныхъ началъ, принятыхъ и комиссіей и запиской Корфа, такъ какъ они [illegible] признаются несовмѣстимыми съ наиболѣе развитыми силами буржуазно-капиталисти**ческаго строя. „Невозможно будетъ из**бѣгнуть одной изъ двухъ несообраз**ностей: или ограничить вліяніе сто**лицъ на земскія дѣла въ степени, несоразмѣрной съ ихъ богатствомъ и значеніемъ, — или большимъ числомъ ихъ представителей [illegible] [illegible] значенія".

Аналогичную „несообразность" записка Корфа отмѣчаетъ и относительно проектированнаго комиссіей избирательнаго ценза для крестьянской куріи. Болѣе раціональнымъ [illegible] избирательныхъ собраній изъ выборныхъ отъ волостныхъ сходовъ, такъ какъ „[illegible] [illegible] [illegible] административная [illegible] — хотя бы [illegible] [illegible] [illegible] и имѣетъ [illegible] [illegible] совершенно правильнымъ". Составленіе избирательныхъ собраній изъ волостныхъ старшинъ и **сельскихъ старостъ вызоветъ неудо**вольствіе среди крестьянъ, которые обыкновенно не считаютъ своихъ волостныхъ и сельскихъ старшинъ [illegible] [illegible], и „едва ли будетъ довѣріе къ гласнымъ, этими лицами избраннымъ, какъ къ своимъ представителямъ".

[illegible] [illegible] свои [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] — [illegible] [illegible] бар. Корфа. [illegible] [illegible] [illegible] въ [illegible] [illegible] отъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ и крестьянъ. Бар. Корфъ, конечно, „вполнѣ уважаетъ причины, по которымъ [illegible] [illegible] и не [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]", но „[illegible] [illegible] — [illegible] [illegible] [illegible]". „[illegible] въ [illegible] [illegible] съ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible], при [illegible]

сподствующей наклонности объяснять все въ дурную сторону, это можетъ дать поводъ къ весьма неблагопріятнымъ толкамъ". Нельзя ли поэтому то же самое *выразить* нѣсколько иначе, напримѣръ, опредѣливъ, что отъ сельскаго сословія одинъ представитель полагается не съ извѣстнаго числа душевыхъ надѣловъ, а съ извѣстнаго числа душъ. Разница не будетъ такъ бросаться тѣмъ болѣе, что, можетъ быть, и пропорцію можно нѣсколько ослабить, не подвергая риску перевѣсъ дворянства въ уѣздномъ земствѣ и лишь избѣгая такимъ образомъ совершенно безполезныхъ крайностей.

Въ государственномъ совѣтѣ петербургскій предводитель дворянства, поддержанный Бахтинымъ, Д. А. Милютинымъ, отчасти тѣмъ же бар. Корфомъ, защищалъ проектъ петербургскаго дворянства, по которому для выбора гласныхъ устанавливалось одно избирательное собраніе въ уѣздѣ. Въ немъ участвовали всѣ крупные владѣльцы недвижимаго имущества въ уѣздѣ—лично, средніе собственники —черезъ уполномоченныхъ и крестьянскія общества,—черезъ представителей, избиравшихся по одному на волость *). Въ этомъ проектѣ сословная основа все еще далеко не исчезаетъ, но имущественный цензъ во всякомъ случаѣ играетъ нѣсколько другую роль, чѣмъ въ проектѣ комиссіи. Само собой разумѣется, огромное большинство общаго собранія государственнаго совѣта (40 голосовъ противъ 4) высказалось противъ предложенія петербургскаго предводителя дворянства и примкнуло къ трехклассной системѣ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она была проектирована комиссіей.

Большинство государственнаго совѣта *) поддержало лишь частич-

*) Московскій предводитель дворянства защищалъ категорическій проектъ, по существу носившій характеръ архи-дворянскій. По этому проекту дворянскія собранія должны были обращены въ земскія собранія. Членамъ дворянскаго собранія должно было предоставлено пожизненное право личнаго участія въ земскихъ собраніяхъ съ измѣненіемъ [illegible] ценза [illegible] владѣніе земельной собственностью, оцѣненной въ 45.000. Крупные землевладѣльцы-не-дворяне, владѣющіе такимъ цензомъ, и купцы, имѣющіе свидѣтельства перваго разряда, получаютъ также право личнаго участія въ земскихъ собраніяхъ. Владѣльцы недвижимой собственности, оцѣненной выше 2.250 р. и ниже 45.000 р., и купцы, торгующіе по свидѣтельствамъ второго разряда, избираютъ уполномоченныхъ по одному уполномоченному на совокупную собственность ужъ не въ 45.000, а въ 90.000 р. (двойной цензъ); болѣе мелкіе собственники выбираютъ ужъ по одному уполномоченному — на тройной цензъ (135.000 р.), а лица, „имѣющія право наслѣдственнаго пользованія на казенныхъ или помѣщичьихъ земляхъ" — одного уполномоченнаго на совокупную недвижимую собственность въ 270.000 р. Итакъ, *отъ права личнаго участія* (*безъ выборовъ*) въ земскихъ собраніяхъ для крупныхъ собственниковъ-дворянъ (крупное землевладѣніе было почти исключительно въ дворянскихъ рукахъ) —до *избранія одного уполномоченнаго* цѣлой массой крестьянъ, имѣющихъ въ общемъ владѣніи земли на 270.000, т. е. на сумму, превосходящую въ 6 разъ цензъ, установленный для личнаго участія дворянъ въ земскомъ собраніи! Даже графъ В. Н. Панинъ высказался въ государственномъ совѣтѣ противъ этого законопроекта: „Едва ли для сохраненія за дворянствомъ существующаго сословнаго значенія надобно прибѣгать къ возвышенію избирательнаго ценза, какъ предлагаетъ московскій предводитель дворянства".

*) Въ нѣкоторыхъ вопросахъ — мень-

[illegible] дворянство, [illegible] службы. Дворянско-служебный [illegible] крупныхъ, такъ въ [illegible] среднихъ и мелкихъ, [illegible] уѣздахъ землевладѣльцевъ дворяне [illegible] составить почти повсемѣстно преобладающій элементъ... и не [illegible] мѣста въ [illegible] по [illegible]" — аргументъ, который [illegible] въ земскія собранія также не только для [illegible] землевладѣльцевъ, но для крупнаго и средняго въ частности. Избирательное собраніе для крестьянской куріи составлено было изъ выборныхъ отъ волостныхъ сходовъ (волостные сходы были доступнѣе для административнаго вліянія, чѣмъ сельскіе). Столичные города и г. Одесса были выдѣлены изъ сферы губернско-уѣзднаго земскаго управленія: городскія думы этихъ городовъ получили права уѣздныхъ земскихъ собраній. Составлено было новое расписаніе числа уѣздныхъ гласныхъ отъ трехъ курій, въ которомъ было ослаблено „чрезмѣрное" представительство куріи уѣздныхъ землевладѣльцевъ. Одинъ гласный отъ послѣднихъ полагается на такое же количество среднихъ душевыхъ надѣловъ, что и въ крестьянской куріи (3.000). Но земли, находящіяся

[illegible] государственнаго совѣта, съ мнѣніемъ которой согласился Александръ II въ [illegible] меньшинства.

въ [illegible] и еще не выкупленныя въ собственность, причислялись къ [illegible] уѣздныхъ, [illegible] Правда, государственный совѣтъ устанавливалъ такое расписаніе лишь „временно", но оно просуществовало вплоть до отмѣны „Положенія о земскихъ учрежденіяхъ" 1864 г. Въ результатѣ, [illegible] дворянства и [illegible] числа первыхъ въ [illegible] разрядовъ". За землевладѣльцами почти повсемѣстно было обезпечено такимъ образомъ значительное численное большинство (во всѣхъ 33 губерніяхъ, въ которыхъ предполагалось по высочайшему указу 1 января 1864 г. ввести въ первую очередь земскія учрежденія, общее число уѣздныхъ гласныхъ равнялось 13.024, изъ нихъ отъ землевладѣльцевъ — 6.204, отъ крестьянской куріи — 5.171, отъ городской — 1.649). Предсѣдательство въ уѣздномъ земскомъ собраніи было передано уѣздному предводителю дворянства, въ губернскомъ — губернскому, „если государю не угодно будетъ назначить для предсѣдательствованія въ ономъ особое лицо". Предсѣдателей уѣздной и губернской земскихъ управъ предоставлено было выбирать самымъ земскимъ собраніямъ. Самый составъ губернскихъ земскихъ собраній былъ поставленъ

исключительно дворянский. Выдвинутая бар. Корфомъ и нѣкоторыми другими членами совѣта пропорціональное представительство при избраніи губернскихъ гласныхъ уѣздными земскими собраніями, или избраніе ихъ тѣми же избирательными съѣздами, которые выбирали уѣздныхъ гласныхъ, чтобы дать такимъ образомъ въ губернскомъ собраніи представительство и двумъ другимъ куріямъ, кромѣ дворянско-землевладѣльческой были отвергнуты огромнымъ большинствомъ государственнаго совѣта (40 голосами противъ 6). Наконецъ, исполнительные органы губернскаго и уѣзднаго земства были отчасти сравнены въ своей зависимости отъ центральной власти и отъ губернской администраціи: утвержденіе требовалось для предсѣдателей и уѣздной, и губернской управъ (но не для членовъ ихъ).

Мы исчерпали важнѣйшія поправки, внесенныя государственнымъ совѣтомъ въ проектъ Валуевской комиссіи. Мы убѣдились, что въ своихъ основныхъ чертахъ онъ нисколько не пострадалъ отъ долгаго разсмотрѣнія въ высшемъ государственномъ учрежденіи страны. Высочайшимъ указомъ 1 января 1864 г. исправленный согласно заключеніямъ государственнаго совѣта проектъ комиссіи получилъ силу закона. Результатъ долгихъ трудовъ комиссіи объ уѣздныхъ и губернскихъ учрежденіяхъ и двухъ ея предсѣдателей—Н. А. Милютина и П. А. Валуева, — совѣта министровъ, бар. М. А. Корфа и государственнаго совѣта, своеобразно отражая на себѣ необходимость, явившуюся для династіи и высшаго чиновничества въ извѣстномъ приспособленіи къ соціально-экономическимъ нормамъ новаго буржуазно-капиталистическаго строя, стремленіе самодержавнаго правительства примириться съ недовольнымъ дворянствомъ и страхъ его передъ крестьянскими массами и революціонно-демократической интеллигенціей, — „Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ“ 1 января 1864 г. представляетъ собой уродливое сочетаніе элементовъ буржуазно-правового порядка, полицейскаго государства и дореформеннаго крѣпостнически-сословнаго режима. Преобладаютъ, конечно, элементы полицейскаго государства, которые окрашиваютъ все „Положеніе“ въ характерный цвѣтъ и выдаютъ намѣреніе его творцовъ — создать въ лицѣ новаго учрежденія орудіе упроченія и укрѣпленія самодержавно-полицейскаго режима на долгіе годы.

Невѣроятными кажутся намъ теперь тѣ восторженные отзывы, которыми встрѣтило „Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ“ либеральное дворянство.

Такой трезвый оппортунистъ, какъ А. И. Кошелевъ, писалъ въ 1864 г. въ своихъ запискахъ: „...На первыхъ порахъ *вполнѣ достаточно того, что намъ дали;* ...слѣдуетъ усердно заняться разработкой и пользованіемъ этого малаго, какъ отмѣреннаго; ...если мы исполнимъ эту нашу обязанность добросовѣстно и со смысломъ, *то и большее придетъ само собой*“. К. Д. Кавелинъ утверждалъ, что губернскія и уѣздныя земскія учрежденія—цѣлое огромное событіе, существенное и многознаменательное явленіе въ ряду нашихъ

преобразованiй, что для образованныхъ въ духѣ полной бюрократiи, [illegible] правительства весьма [illegible] вопроса, что это — одна изъ которыхъ, [illegible] может развиться многолѣтнее дерево. Лерой-Болье засвидѣтельствовалъ энтузiазмъ своихъ русскихъ знакомыхъ послѣ изданiя „Положенiя“: они утверждали, что „мы (русскiе) начали возводить себѣ зданiе съ самаго фундамента, что мы построимъ его болѣе прочно и болѣе высокимъ, чѣмъ вы (европейцы) воздвигали свои хрупкiя постройки“. А кн. Васильчиковъ въ самомъ концѣ 60-хъ годовъ все еще увѣрялъ своихъ читателей, что „мы со смѣлостью, беспримѣрной въ лѣтописяхъ мiра, выступили на поприще общественной жизни“. Для конца шестидесятыхъ годовъ такой энтузiазмъ по поводу земскихъ учрежденiй являлся запоздалымъ даже для [illegible] [illegible], что, [illegible], вѣроятно, [illegible] автора книги „О самоуправленiи“. Перiодъ введенiя земскихъ учрежденiй (1865—1876 гг.), [illegible] первыя дѣйствiя [illegible] администрацiи [illegible] развитiя, [illegible] 60-хъ годовъ, [illegible] характеръ земской реформы и [illegible] возникнутъ [illegible] сама [illegible] и широкаго развитiя [illegible] элементовъ, [illegible] „Положенiя“ 1 января 1864 года. Но эти первые шаги земства, эти первые конфликты его съ дворянствомъ, [illegible] администрацiей, уже выходятъ за предѣлы того перiода, которому посвящена эта статья.

ГЛАВА IV.

Судебная реформа.

(М. П. Чубинскаго.)

1.

Всѣ реформы начала царствованiя императора Александра II, несомнѣнно, находятся въ тѣсной связи другъ съ другомъ и являются отраженiемъ того общественнаго подъема энергiи и творчества, который пришелъ на смѣну невольнаго тридцатилѣтняго застоя и безмолвiя. Наиболѣе же наглядной является указанная связь, если мы обратимся къ реформѣ судебной и предшествовавшей ей реформѣ крестьянской.

Неоднократныя попытки улучшить наши суды неизмѣнно терпѣли неудачу по многимъ причинамъ; но важнѣйшую изъ этихъ причинъ составляло существованiе того узаконеннаго безправiя, которое какъ бы [illegible] надъ [illegible] правовой [illegible] „права“. Крѣпостное право

накладывало свой отпечатокъ на всю жизнь Россіи, создавая тотъ „самобытный" ея обликъ, который рѣзко отличалъ ее отъ западныхъ государствъ, достигшихъ высокаго уровня культуры, гражданственности и свободы въ рамкахъ закона. Оно, по прекрасному выраженію Салтыкова-Щедрина, „проникало во всѣ вообще формы общежитія, одинаково втягивая всѣ сословія въ омутъ унизительнаго безправія, всевозможныхъ изворотовъ лукавства и страха, передъ перспективою быть ежечасно задавленнымъ". Оно, по вѣрной характеристикѣ проф. Иванюкова, имѣло универсальное значеніе въ нашемъ отечествѣ и было тормазомъ, рѣшительно препятствовавшимъ его развитію; лишь съ его отмѣной Россія могла вступить въ новую эпоху, и на очередь стало переустройство на новыхъ началахъ всей системы управленія и суда.

Связь нашего безсудья съ наличностью крѣпостного права еще задолго до крестьянской реформы сознавалась болѣе просвѣщенными умами. Она была ясна для нѣкоторыхъ изъ декабристовъ, что явствуетъ изъ проекта манифеста отъ имени сената, составленнаго Рылѣевымъ передъ самымъ 14 декабря 1825 года. Здѣсь наряду съ установленіемъ равенства всѣхъ передъ закономъ, введеніемъ гласнаго судопроизводства и суда присяжныхъ, какъ необходимое предшествующее указанныхъ реформъ и конституціоннаго строя, поставлено освобожденіе крестьянъ. Много однородныхъ соображеній можно найти у Николая Тургенева, Пестеля и др.

Ту же мысль ярко выразилъ Пушкинъ, который не только мечталъ увидѣть „не угнетенный народъ и рабство, падшее по манію царя", но въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Соболевскому съ удивительной прозорливостью прямо утверждалъ, что только послѣ освобожденія крестьянъ у насъ явятся „гласные процессы, присяжные, бо́льшая свобода печати" и т. д.

И въ позднѣйшее время у лучшихъ людей живо было сознаніе, что для возрожденія и укрѣпленія Россіи нужно приступить къ пересозданію всѣхъ существующихъ порядковъ, прелесть и мнимое совершенство которыхъ въ соединеніи съ знаменитымъ офиціальнымъ „все благополучно" привели къ трагедіи Севастополя, и что при этомъ всѣмъ реформамъ, и въ частности судебной, должна предшествовать отмѣна крѣпостного права.

О серьезной судебной реформѣ заговорили поэтому лишь тогда, когда повѣяло болѣе свободнымъ вѣтромъ и былъ сдѣланъ твердый приступъ къ рѣшенію крестьянскаго вопроса. Между прочимъ въ своей запискѣ тверской комитетъ указалъ, что, если ограничиться одной отмѣной крѣпостного права, то по существу все можетъ остаться по старому, ибо на мѣсто произвола помѣщиковъ только возрастетъ произволъ чиновниковъ и въ государствѣ скоро получится два враждебныхъ лагеря: съ одной стороны, полноправные чиновники, а съ другой,—безправные и безгласные жители. Отсюда, наряду съ проектомъ мѣстнаго всесословнаго самоуправленія, выставленъ, какъ необходимое условіе для блага страны, проектъ независимаго суда, храни-

тыя той законности, существованіе которой при крѣпостныхъ порядкахъ было [illegible] невозможнымъ. Чтобъ судъ, [illegible] не могли тронуть [illegible], онъ долженъ быть не только независимымъ, но и гласнымъ и публичнымъ; онъ долженъ стоять на высотѣ, [illegible] натуральную той моральной силой, какою является [illegible].

Характерно, что пока въ области крестьянскаго вопроса шли колебанія, они непосредственно отражались и на положеніи вопроса о судебной реформѣ. Недаромъ цѣлый рядъ дѣятелей этого времени, какъ изъ бюрократической среды, такъ и изъ общественной, [illegible], утверждалъ и не разъ писалъ, что, если бы не осуществилось освобожденіе крестьянъ, судебная реформа оказалась бы совершенно невозможной, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ она была осуществлена. Хотя съ разныхъ сторонъ доносились голоса (особенно въ адресахъ, подносимыхъ дворянскими собраніями, [illegible] коренной реформы суда въ связи съ уничтоженіемъ произвола и установленіемъ законности и гарантій правъ личности, но правительство чуть не до самаго дня подписанія освободительнаго манифеста 19 февраля 1861 года находилось еще въ настолько колеблющемся состояніи, что авторовъ разныхъ проектовъ на тему о строгой законности подвергало легкимъ, а иногда и серьезнымъ административнымъ воздѣйствіямъ. Адресъ пяти депутатовъ по крестьянской реформѣ во главѣ съ Унковскимъ, поданный 16 октября 1859 года, былъ признанъ „ни съ чѣмъ несообразнымъ и рѣзкимъ до крайности", и различнымъ репрессіямъ подвергались тогда [illegible] ихъ авторы, [illegible] были [illegible] административнымъ порядкомъ [illegible].

Мало того, [illegible] такой же [illegible] степени характерный фактъ, что до осуществленія крестьянской реформы [illegible] 1859 году [illegible] государственному совѣту, [illegible] вопросомъ о судебной реформѣ, совершенно не [illegible] институтъ, какъ адвокатура и судъ присяжныхъ...

Въ такомъ же направленіи [illegible] цензура, и лишь въ „Морскомъ Сборникѣ", [illegible] подъ особымъ покровительствомъ великаго князя Константина Николаевича, [illegible] по судебной реформѣ въ морскомъ вѣдомствѣ помѣщать рядъ статей о состязательности въ процессѣ, о гласности суда и другихъ [illegible] тогда запретныхъ матеріяхъ.

Послѣ крестьянской реформы положеніе дѣлъ рѣзко измѣнилось. Рубиконъ былъ перейденъ, реформаторское теченіе хотя и [illegible] верхъ надъ противникомъ [illegible] крѣпостниковъ и рутинеровъ, [illegible] судебнаго преобразованія [illegible] рѣшительно двинулось впередъ. Да это и понятно. Только покончивъ съ вѣковымъ [illegible], такъ [illegible] составлявшимъ одинъ изъ „священныхъ устоевъ", только поставивъ крестъ надъ тѣмъ произволомъ, который [illegible] былъ ограниченъ, а [illegible], переходя всѣ предѣлы, царилъ надъ милліонами людей, — можно было серьезно надѣяться на возможность и въ нашей странѣ [illegible] дѣйствительное правосудіе. Дѣйствительные пра-

восудие требуетъ признанія извѣстныхъ незыблемыхъ началъ, извѣстнаго minimum'а уваженія къ личности, независимо отъ ея сословнаго и имущественнаго положенія, гарантій этой личности, хотя бы необширныхъ, но для всѣхъ одинаковыхъ, словомъ, многаго такого, чему кореннымъ и органическимъ образомъ противорѣчилъ весь строй крѣпостнической Россіи.

Когда крестьянская реформа свершилась, бывшіе рабы получили права гражданъ, и съ этой стороны почва для судебной реформы оказалась очищенной отъ препятствій.

Итакъ, для бытія судебной реформы предварительная отмѣна крѣпостного права была необходимой. Но для созданія суда, достойнаго этого имени, необходимо было также и другое: необходимо было реформировать нашу карательную систему. Было бы нелѣпостью сохранить безграничное господство въ карательной системѣ тѣлесныхъ наказаній для непривилегированныхъ и поручить это кровавое правосудіе суду, который желали поставить на извѣстную высоту, и которому стремились пріобрѣсти довѣріе народа. Образованный и гуманный судья, съ соблюденіемъ цѣлаго ряда гарантій личности приговаривающій къ плетямъ или розгамъ эту самую личность, представители общественной совѣсти въ лицѣ присяжныхъ, своимъ вердиктомъ о виновности подсудимаго вызывающіе приговоръ о законныхъ истязаніяхъ, — все это являлось бы очевидной и глубокой несообразностью, избѣгнуть которой было необходимо.

Необходимо также было, на первыхъ порахъ хотя бы палліативами, хоть немного ослабить разницу между старымъ духомъ нашихъ матеріальныхъ законовъ и прогрессивнымъ духомъ вновь создаваемыхъ процессуальныхъ. Здѣсь сдѣлано было немногое, но все же съ изданіемъ устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, и съ послѣдовавшимъ „согласованіемъ" уложенія съ судебными уставами кой-какія рѣзкія противорѣчія были устранены.

Но, конечно, центръ тяжести лежалъ не здѣсь, а въ предшествовавшей судебной реформѣ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, радикально измѣнившей нашу карательную систему. Обѣ эти реформы стоятъ въ неразрывной связи; безъ второй первая въ значительной мѣрѣ была бы обречена на неудачу, а равенство всѣхъ передъ закономъ или вовсе не было бы провозглашено, или звучало бы насмѣшкой при существованіи высокой стѣны, отдѣляющей подлежащихъ тѣлесному наказанію отъ неподлежащихъ.

Поэтому наше изложеніе судебной реформы мы начнемъ съ разсмотрѣнія перемѣнъ, послѣдовавшихъ въ нашей карательной системѣ и въ матеріальномъ правѣ вообще.

Пользуемся случаемъ сдѣлать одну оговорку. Мы будемъ говорить о новыхъ судахъ и, слѣдуя установившейся терминологіи, мы пишемъ „судебная реформа"; но мы ясно сознаемъ неточность этого термина. Въ формальномъ смыслѣ произошла реформа, въ дѣйствительности же явилось нѣчто совершенно новое, по духу своему, началамъ и содержанію непримиримо противорѣчивое старымъ судебнымъ „порядкамъ". Какъ мы увидимъ далѣе, редакто-

ракъ судебныхъ уставовъ приходилось больше сокращать и ломать, чѣмъ перестраивать и созидать.

2

Для надлежащей оцѣнки нашей карательной системы въ томъ ея видѣ, въ какомъ она существовала до отмѣны крѣпостного права и тѣлесныхъ наказаній, необходимо помнить, что тѣлесныя наказанія составляли ея главную и, можно сказать, доминирующую часть. Во-первыхъ, за исключеніемъ случаевъ совершенія болѣе тяжкихъ преступленій, многомилліонная крестьянская масса подчинена была юрисдикціи помѣщиковъ, а эта юрисдикція въ значительной мѣрѣ сводилась къ практикѣ разнообразнѣйшихъ тѣлесныхъ наказаній, а во-вторыхъ, въ порядкѣ судебномъ для всѣхъ непривилегированныхъ лишеніе свободы сопровождалось дополнительными тѣлесными наказаніями. Клейменіе и плети отъ 30 до 100 ударовъ сопровождали каждый приговоръ къ каторжной работѣ. Плети же были сопряжены съ наказаніемъ ссылкой на поселеніе въ Сибирь. При такъ называемыхъ исправительныхъ наказаніяхъ въ видѣ [illegible] полагались розги до 100 ударовъ; тѣ же розги употреблялись для замѣны ареста и краткосрочнаго заключенія въ тюрьмѣ. Исполнителями наказанія плетьми были палачи, а наказанія розгами—полицейскіе служители.

Сверхъ того, жестокія тѣлесныя наказанія въ видѣ шпицрутеновъ, кошекъ и плетей примѣнялись къ нижнимъ чинамъ войска и флота, къ ссыльно-каторжнымъ и поселенцамъ.

Мы не будемъ распространяться [illegible] употреблявшихся наказаній, [illegible] и другихъ подобныхъ [illegible]. Добавимъ только, что въ практикѣ [illegible] формы. Тѣлесныя наказанія являлись [illegible] шпицрутенами [illegible] 400—500 ударовъ [illegible] чудовищныя цифры [illegible] ударовъ, которые доходили до 12,000. Притомъ наказаніе [illegible].

Правительство [illegible] въ школахъ, въ [illegible] и въ [illegible], и это было [illegible] дѣятельности. [illegible] не моральными авторитетами, а угрозами и страхомъ („[illegible] нами [illegible]“, [illegible] въ своемъ дневникѣ [illegible] Никитенко); [illegible] тѣлесныхъ [illegible], привилегированные, а [illegible] тѣлесныхъ наказаній [illegible].

[illegible] отдѣльное явленіе было лишь [illegible] общей цѣпи...

Когда въ первые годы царствованія Александра II, казалось, повѣяло новымъ вѣтромъ, то между прочимъ это выразилось въ томъ, что 25 февраля 1855 года вышелъ законъ, освобождающій отъ наказанія плетьми слабосильныхъ преступниковъ, — категорія, къ которой чаще всего практика стала относить женщинъ. Однако въ то же время такъ сильна еще была вѣра въ необходимость устрашенія жестокой угрозой, что новый законъ былъ сообщенъ администраціи и судамъ *секретно*.

Лучшіе люди въ русскомъ обществѣ вообще и въ арміи—въ частности давно возмущались звѣрскими экзекуціями. Укажемъ, напримѣръ, что такъ смотрѣли на дѣло нѣкоторые изъ декабристовъ и что Пушкинъ, заклеймившій въ одномъ изъ своихъ стихотвореній „насильственную лозу", орудіе эксплуатаціи народа въ рукахъ „дикаго барства", чуждаго „чувства и закона", высказалъ свой общій отрицательный взглядъ на практику тѣлесныхъ наказаній въ запискѣ о народномъ воспитаніи, поданной имъ императору Николаю.

Даже простой народъ, несмотря на почти повальную грубость нравовъ, ненавидѣлъ и презиралъ палачей и съ состраданіемъ относился къ истязаемымъ, забывая на это время ихъ преступленія и видя въ нихъ несчастныхъ. Но все это также мало вело къ непосредственной реформѣ, какъ и давнее сознаніе лучшихъ людей о необходимости покончить съ крѣпостнымъ правомъ.

Пока не грянулъ громъ Севастополя, вскрывшій всю гнилость господствовавшей у насъ системы, эта система держалась прочно. Когда же система пошатнулась и первая брешь была пробита крестьянской реформой, на очередь сейчасъ же сталъ и вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ. Офиціально выступилъ съ проектомъ объ отмѣнѣ этихъ наказаній имѣвшій большое вліяніе въ придворныхъ сферахъ князь Н. А. Орловъ, но вдохновителемъ и совѣтникомъ его былъ оберъ-аудиторъ П. Н. Глѣбовъ, одинъ изъ главныхъ и гуманныхъ сотрудниковъ великаго князя Константина Николаевича во всѣхъ реформахъ по морскому вѣдомству.

Въ запискѣ, поданной государю въ мартѣ 1861 года, кн. Орловъ отстаивалъ необходимость покончить съ тѣлесными наказаніями, сдѣлавъ рѣшительный шагъ впередъ по сравненію съ прежними полумѣрами, какими явились отмѣна рванія ноздрей при Александрѣ I и отмѣна кнута при Николаѣ. Орловъ подробно отмѣчаетъ безнравственность, безполезность, противорѣчіе духу христіанской любви и громадный соціальный вредъ тѣлесныхъ наказаній, которыя питаютъ грубость нравовъ, создаютъ недовѣріе сословій, подверженныхъ побоямъ къ остальнымъ сословіямъ и препятствуютъ развитію уваженія къ человѣческой личности. Авторъ утверждаетъ, что тѣлесныя наказанія не свойственны духу русскаго народа, принесены на Русь татарами и узаконены бюрократіей. Съ ужасомъ, наконецъ, говоритъ онъ о наиболѣе жестокихъ наказаніяхъ, примѣняемыхъ военными судами, гдѣ солдатамъ навязывается

опредѣленныхъ родовъ наказаній, и что тѣлесныя наказанія въ дѣйствительности являются мучительнѣйшей смертной казнью. Записка заканчивается указаніемъ на необходимость къ предстоящему тысячелѣтію Россіи дополнить великую крестьянскую реформу отмѣной тѣлесныхъ наказаній.

Записка была передана въ особый комитетъ, который согласился съ основной мыслью этой записки, прибавивъ отъ себя рядъ доводовъ и дополнивъ ихъ убѣдительными соображеніями. Затѣмъ были затребованы представленія вѣдомствъ, дѣло перешло въ государственный совѣтъ, и 17 апрѣля 1863 года въ день рожденія императоръ Александръ II подписалъ указъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, составившій цѣлый переворотъ въ карательной системѣ.

Нельзя не отмѣтить, что при прохожденіи этого дѣла по разнымъ перипетіямъ громадное большинство лицъ, имѣвшихъ къ нему отношеніе, отнеслось съ полнымъ сочувствіемъ къ его основной гуманной идеѣ. Ее поддержалъ, какъ главный представитель флота, великій князь Константинъ Николаевичъ, особенно убѣдительно ополчившійся на мнимую необходимость тѣлесныхъ наказаній для охраны общественной безопасности вообще и для поддержанія дисциплины въ войскахъ въ особенности. Къ нему примкнулъ министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ, но съ особенной энергіей и силой при окончательномъ разсмотрѣніи дѣла въ государственномъ совѣтѣ выступилъ новый военный министръ Д. А. Милютинъ, а въ особыхъ запискахъ [illegible] противникомъ и [illegible]

[illegible] для администраціи. Единственными противниками оставались [illegible] Бутковскій и Ровинскій, будущіе дѣятели судебной реформы.

Само собою разумѣется, что [illegible] противники тѣлесныхъ наказаній [illegible] и [illegible] Были [illegible] извѣстные всей Россіи. Были [illegible], что [illegible] выступить [illegible] и въ числѣ ихъ [illegible] министръ юстиціи графъ Панинъ и московскій митрополитъ Филаретъ.

Къ митрополиту Филарету обратился черезъ прокурора синода графъ Толстой, который, какъ представитель духовнаго вѣдомства, [illegible] Ордена. Филаретъ [illegible] „о тѣлесныхъ наказаніяхъ съ христіанской точки зрѣнія", въ ней [illegible] и въ [illegible] Отмѣтивъ [illegible] государство [illegible] что вопросъ объ употребленіи или не употребленіи [illegible] тѣлесныхъ наказаній [illegible]

авторъ рѣшительно отрицаетъ разрушительное дѣйствіе этого наказанія на народную нравственность и на чувство чести въ наказываемомъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ настоящіе перлы въ родѣ софизма — „можно ли признать правильнымъ такое сужденіе, что виновный изъ-подъ розогъ съ безчестіемъ, а изъ тюрьмы съ честью выходитъ?“ Здѣсь же видимъ указаніе на то, что перенесшіе тяжкое тѣлесное наказаніе иногда чувствуютъ внутреннее облегченіе и укрѣпляются въ надеждѣ небеснаго прощенія“. Въ заключеніе авторъ еще разъ отказывается съ христіанской точки зрѣнія осудить тѣлесныя наказанія и утверждаетъ, что „защищать личность существа, созданнаго по образу и подобію Божію, не значитъ защищать личность преступника“.

Рука объ руку съ митрополитомъ Филаретомъ и раздѣлившимъ его взгляды оберъ-прокуроромъ синода пошелъ министръ юстиціи графъ Панинъ, который тридцать лѣтъ стоялъ во главѣ русскаго правосудія и, по выраженію современника, „всегда являлся первымъ на поприщѣ тьмы и безправія“ и отстаивалъ букву и рутину съ усердіемъ и настойчивостью. Въ своихъ возраженіяхъ Панинъ утверждалъ, что народному пониманію идея наказанія доступна главнымъ образомъ въ видѣ наказанія тѣлеснаго, что оно единственное изъ наказаній возбуждаетъ страхъ, и что отмѣна его „въ грубомъ понятіи нѣкоторыхъ преступниковъ и окружающей ихъ среды“ явится какъ бы отмѣной всѣхъ уголовныхъ наказаній вообще, а потому пострадаетъ общественная безопасность.

Исходя изъ этихъ дышащихъ презрѣніемъ къ народу взглядовъ, Панинъ отстаивалъ всѣ виды тѣлесныхъ наказаній, отстаивалъ примѣненіе ихъ къ женщинамъ и защищалъ даже клейменіе, соглашаясь единственно на то, чтобы впредь клейма ставились на плечѣ, а не на лицѣ преступника.

Таковъ былъ вліятельный голосъ главы русскаго правосудія, слившійся въ трогательный аккордъ съ голосомъ наиболѣе авторитетнаго и знаменитаго духовнаго іерарха.

Но энергія сторонниковъ реформы, наглядное и вопіющее безобразіе существовавшей кровавой карательной системы, а главное еще не угасшій тогда порывъ къ обновленію родины сдѣлали свое дѣло. Подписанный 17 апрѣля указъ совершенно отмѣнилъ клейменіе, шпицрутены и кошки, уничтожилъ плети для всѣхъ, кромѣ рецидивистовъ каторжниковъ и ссыльно-поселенцевъ и изъялъ отъ какихъ бы то ни было тѣлесныхъ наказаній всѣхъ женщинъ, кромѣ каторжницъ и поселенокъ. Розги остались временно для замѣны, въ случаѣ недостатка помѣщеній, краткосрочнаго лишенія свободы, но черезъ нѣсколько лѣтъ и это наказаніе, какъ наказаніе по суду, окончательно исчезло изъ нашей карательной системы.

Такимъ образомъ былъ сдѣланъ громадный шагъ впередъ; наша карательная система совершенно измѣнила свой характеръ: ея центромъ стало простое лишеніе свободы и идея исправленія впервые получила перевѣсъ надъ идеей устрашенія.

Правда, тѣлесное наказаніе вмѣстѣ съ актомъ 17 апрѣля не умерло: оно

оставались на практикѣ: вспомнимъ о недавно еще [illegible] въ Сибири въ каторжныхъ [illegible] отдѣленіяхъ, причемъ случаи [illegible] [illegible] исключительными, [illegible] въ [illegible] или [illegible] въ дисциплинарные батальоны и [illegible] штрафованныхъ, причемъ также бывали случаи, когда [illegible] начальникъ 200—300 ударами [illegible] наказанные умирали въ лазаретѣ или по дорогѣ въ лазаретъ; [illegible] наконецъ, [illegible] примѣнялись въ административномъ порядкѣ, какъ при [illegible] волненій, такъ и при „усмиреніи“ бунтовъ и [illegible] путемъ экзекуцій.

Всѣ эти возмутительные остатки старыхъ порядковъ темнымъ пятномъ продолжали лежать на русской жизни, но если они и не даютъ намъ возможности согласиться съ Ровинскимъ, въ увѣреніи [illegible] послѣ 17 апрѣля, что „[illegible] въ сказкѣ какой [illegible] [illegible] [illegible] стали“, то все же мы должны помнить, что перемѣна была [illegible] сильной, а сохранившіеся пережитки были лишь осколкомъ сплошныхъ ужасовъ прошлаго.

Правда также, что благодаря крѣпости старыхъ привычекъ, отсутствію у нашей администраціи уваженія къ закону и крайней неудовлетворительности полицейскаго персонала разнообразные побои и истязанія остались жить на практикѣ. Но все же въ народное сознаніе мало-помалу стала просачиваться идея неприкосновенности личности, а вмѣстѣ съ этимъ стала преображаться прежняя трепетная и рабская психологія.

Какъ мы уже упоминали, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] права. Мы должны разсмотрѣть теперь эти [illegible].

Прежде всего уже при самомъ приступѣ къ судебной реформѣ возникла мысль выдѣлить изъ [illegible] стараго уложенія и [illegible] статьи, [illegible] которыя были [illegible] судебно-полицейскаго разбирательства. Этотъ вопросъ былъ [illegible] возбуждаемъ при обсужденіи въ 1862 году основныхъ положеній судебной реформы и [illegible] [illegible]. Лѣтомъ въ [illegible] 1863 г., [illegible] была составлена проектъ устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, куда [illegible] преступленія и [illegible], [illegible] презрѣнія, [illegible] [illegible] и другія [illegible] преступныя характера, совершенныя [illegible] [illegible], если при этомъ не было [illegible] обстоятельствъ и если [illegible] не превышала 300 рублей.

Проектъ получилъ утвержденіе 20 ноября 1864 года вмѣстѣ съ другими [illegible] судебныхъ уставовъ. При обсужденіи [illegible] [illegible] было признано, что въ виду его тѣсной связи съ [illegible] съ уложеніемъ о наказаніяхъ необходимо [illegible] [illegible], [illegible], а [illegible] дополнивъ нѣкоторыя статьи уложенія. 27 декабря 1865 года было утверждено [illegible] [illegible] съ [illegible] [illegible] [illegible]. Въ основу [illegible]

ремія. Формально они положены стали стараго уложенія, но фактически, какъ и признали редакторы, „оказалось необходимымъ въ нѣкоторыхъ частяхъ отступить отъ системы и постановленій уложенія", считаясь съ „измѣнившимися со времени изданія уложенія взглядами и потребностями". Эти отступленія и были той расщелиной, черезъ которую новый духъ хоть немного проникъ въ ветхое зданіе нашего матеріальнаго права.

Прежде всего, основываясь на томъ, что правительство приняло мѣры къ увеличенію числа мѣстъ заключенія и что сохраненная на время замѣна лишенія свободы тѣлеснымъ наказаніемъ допущена лишь въ случаяхъ явной невозможности, т. е. полнаго недостатка мѣста, изъ мирового устава окончательно изгнали розги, даже какъ замѣняющее наказаніе, и такимъ путемъ освободили новый мировой институтъ отъ этого постыднаго груза.

Далѣе, необходимо отмѣтить, что былъ хоть въ самыхъ общихъ чертахъ урегулированъ режимъ тюрьмы и ареста, прежде отличавшійся полнѣйшимъ произволомъ, было упрощено запутанное ученіе о вмѣненіи и открытъ путь къ радикальной перестройкѣ системы наказаній для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ.

Справедливо указавъ на то, что, „установленіе раціональной и практически удобной системы наказанія для несовершеннолѣтнихъ есть одна изъ труднѣйшихъ задачъ уголовнаго права", тѣмъ болѣе, что „въ виду [illegible] указаннаго возраста примѣненіе къ лицамъ этого возраста обычныхъ наказаній *является нецѣлесообразнымъ*", редакторы дали описаніе исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ, существующихъ на Западѣ и ввели въ законъ (ст. 6 Мирового Устава) возможность замѣны тюрьмы для лицъ отъ 10 до 17 лѣтъ отдачей въ исправительные пріюты въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ *они будутъ учреждены*.

Такимъ образомъ въ наше законодательство было введено новое начало, была подчеркнута исправительная цѣль наказанія взамѣнъ идей устрашенія и возмездія во что бы то ни стало, была выдвинута на первый планъ мысль о созданіи „дѣятельныхъ исправительныхъ мѣръ для предупрежденія дальнѣйшей порчи малолѣтнихъ преступниковъ" и сдѣлано воззваніе къ правительственной и общественной иниціативѣ въ дѣлѣ созданія новыхъ учрежденій, система которыхъ „оправдалась блестящими опытами въ другихъ странахъ".

Какъ извѣстно, общество, а особенно правительство, проявили потомъ въ данномъ дѣлѣ недостаточно энергіи, но починъ все же былъ сдѣланъ и является одной изъ серьезныхъ заслугъ редакторовъ судебныхъ уставовъ.

Изъ дальнѣйшихъ измѣненій мы должны указать на упрощеніе правилъ объ отмѣнѣ, увеличеніи и смягченіи наказаній, причемъ въ основу положено сознаніе необходимости, съ одной стороны, „ограничить произволъ судьи и оградить подсудимыхъ отъ возможной излишней его строгости", а съ другой — дать судьѣ полный просторъ для смягченія взы-

[illegible] установивъ взамѣнъ лишь „[illegible]". [illegible]

[illegible] за [illegible] „крайность и неимѣніе средствъ къ пропитанію и работѣ".

Обращаясь теперь къ особенной части мирового устава, нельзя не отмѣтить [illegible] наказаній за нѣкоторые проступки противъ порядка управленія, [illegible] въ сравненіи съ той особой строгостью, съ какой [illegible] реформа наказаній за преступленія противъ чести съ отмѣной такихъ архаическихъ [illegible] взысканій, какъ принудительное испрошеніе прощенія у обиженнаго и уплата бесчестья. Здѣсь редакторы вѣрно замѣчаютъ, что часто „эти [illegible] [illegible] щіеся на обиды и торгующіе честью". [illegible]

Въ области преступленій противъ [illegible] бодны лишь при вторичномъ рецидивѣ.

[illegible] преступленій противъ собственности лишь благодаря соображеніямъ [illegible] между мировыми и общими судебными [illegible]

Мы отмѣтили выше существенныя стороны [illegible] согласованіи его съ уставомъ. Мы [illegible] вершенствованіе права, хотя бы и въ области дѣлъ сравнительно [illegible] важныхъ, имѣетъ весьма серьезное [illegible]

массѣ людей приходится входить въ то или иное соприкосновеніе. Все это вмѣстѣ взятое заставляетъ признать, что произведенная въ этой области и на видъ скромная реформа явилась для широкихъ народныхъ массъ ощутительной и плодотворной.

Мы, конечно, не хотимъ этимъ сказать, что послѣ указанной реформы матеріальное право наше вообще достигло извѣстной высоты. Существованіе и дѣйствіе лишь частично согласованнаго съ новымъ уставомъ архаическаго, лишеннаго принципіальныхъ основъ, запутаннаго и казуистичнаго уложенія о наказаніяхъ не могло не отражаться вредно на ходѣ правосудія. Радикальная реформа здѣсь давно назрѣла и является вопросомъ неотложнымъ, но все же изданіе мирового устава и особенно предшествовавшая ему отмѣна тѣлесныхъ наказаній открыли новую эру русскаго правосудія; безъ этихъ реформъ введеніе въ жизнь новыхъ судовъ сопровождалось бы такими непримиримыми противорѣчіями, которыя легко могли бы скомпрометировать и значительно обезцѣнить всю судебную реформу. Но въ то время, какъ матеріальное право подновили, почпнили и лишь частично перестроили, въ области процессуальнаго права, какъ мы увидимъ, старое зданіе разрушили, не оставивъ камня на камнѣ, и вмѣсто старыхъ уродливыхъ построекъ возвели новое величественное зданіе, имя которому „Судебные уставы императора Александра II".

Мы должны теперь дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что такое представлялъ изъ себя старый дореформенный судъ въ Россіи, затѣмъ прослѣдить, какъ зарождалась, развивалась и выливалась въ окончательныя формы реформа этого суда и, наконецъ, должны сдѣлать оцѣнку тѣхъ основныхъ началъ, которыя являются наиболѣе характерными для судебныхъ учрежденій, созданныхъ судебными уставами и до нашихъ дней сохранившихъ названіе „новыхъ судовъ".

3.

Какъ прекрасно и вѣрно отмѣтилъ однажды Утинъ, „типъ судьи, праведно судящаго и пользующагося общимъ довѣріемъ, чуждъ не только древней, но и новой Россіи".

Если мы обратимся къ памятникамъ народнымъ, то и здѣсь ничего утѣшительнаго относительно суда мы не усмотримъ. Несомнѣнно правъ былъ поэтъ, сказавшій, что земля наша была „въ судахъ полна неправды черной", и недаромъ народъ нашъ въ своихъ сказаніяхъ и пословицахъ отразилъ картину полнаго безсудья и безправія. „Съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись", —говоритъ одна пословица; „отъ суда отрѣжь полу и бѣги",—вторитъ другая, малорусская пословица; „отъ сумы да отъ тюрьмы не зарекайся", —съ мрачнымъ и безнадежнымъ пессимизмомъ совѣтуетъ третья.

Немало и другихъ сходныхъ, вродѣ „законъ что дышло, — куда повернешь, туда и вышло", „хочу по немъ сужу, хочу на немъ сплю" (судья о законѣ), „Богъ правду видитъ, да нескоро скажетъ", „до Бога высоко, до царя далеко", „не подмажешь, не поѣдешь", „сухая ложка ротъ деретъ" и т. д. и т. п.

[illegible] въ народной памяти [illegible] доказательствъ и [illegible] видѣть, что [illegible] у насъ [illegible], что правосудіе существовало только для сильныхъ и богатыхъ, что въ примѣненіи закона царитъ полный произволъ, благодаря которому [illegible] самаго [illegible] суда и [illegible] гарантированы, и [illegible] невозможность добиться правды на свѣтѣ.

„Мой домъ — моя крѣпость", — гордо говоритъ гражданинъ Англіи; „есть судьи въ Берлинѣ", — говорили издавна у нѣмцевъ. Ничего подобнаго не говорить и не могъ сказать обыватель Россіи.

Если мы обратимся къ непосредственной дѣйствительности, то увидимъ, что народъ вѣрно отразилъ ее въ своихъ пословицахъ. Офиціальные документы, литература, воспоминанія очевидцевъ, — все это даетъ яркую и въ полномъ смыслѣ слова ужасающую картину стараго суда и судопроизводства. Изъ массы лишь, [illegible] нѣсколько знакомыхъ съ старымъ судомъ, почти никто не поминалъ его иначе, какъ лихомъ, [illegible] очень рѣдкія. А [illegible] въ этихъ случаяхъ противорѣчивы и не убѣдительны.

Такъ, напримѣръ, Викторъ Фуксъ въ своей книгѣ „Судъ и полиція" утверждаетъ, что „система прежняго суда, сложившагося постепенно подъ вліяніемъ практической необходимо[illegible] [illegible]

Но хотя же авторъ [illegible] быть [illegible] въ [illegible] и затруднительныхъ формальностей, [illegible] тяжущихся и подсудимыхъ". Авторъ [illegible] „не [illegible] ни [illegible], ни [illegible]", причемъ [illegible] могли до безконечности тянуть дѣло, а бѣдные и неопытные люди „дѣлались жертвой [illegible] никовъ"; онъ же не можетъ скрыть [illegible] въ уголовномъ судѣ, благодаря которымъ зачастую [illegible] иногда даже по обвиненіямъ въ маловажныхъ преступленіяхъ, а „богатые и ловкіе уголовные преступники умѣли [illegible] конопарушеній".

Какъ видимъ, у автора [illegible] противорѣчія [illegible]

...тическими выводами, которые ему продиктованы тенденціей умалить достоинства новаго суда. Авторъ, выступая со своими работами въ періодъ тяжелой реакціи восьмидесятыхъ годовъ, во имя „исконныхъ“ и „строго національныхъ“ идеаловъ, всѣми мѣрами старался ослабить отрицательныя стороны стараго суда, но картина получилась все же очень яркая.

Еще ярче окажется она, если мы обратимся къ другимъ источникамъ, къ даннымъ лицъ безпристрастныхъ.

Конечно, странно было бы отрицать, что между судьями и прежде попадались честные люди и невсегда торжествовала неправда. Довольно и того, что общая картина была иной, что все свѣтлое являлось лишь случайнымъ исключеніемъ среди общаго мрака, и даже лучшіе люди вынуждены были опускать руки. При всемъ своемъ рвеніи и желаніи добиться правды, даже такіе дѣятели, какъ напримѣръ Аксаковъ, скоро убѣждались въ своемъ полномъ безсиліи, ибо причина зла лежала не въ людяхъ, а въ системѣ. „Не горячитесь“,—говаривали новичкамъ опытные дѣльцы: „пробовали тутъ и другіе, да ничего не взяли“. И скоро, скоро ретивый новичокъ или отучался „горячиться“, или послѣ неравной борьбы долженъ былъ уходить, издергавъ нервы и не добившись правды...

Правда, у того же Фукса можно встрѣтить формально вѣрное указаніе на коррективы, существовавшіе противъ злоупотребленій въ видѣ прокурорскаго надзора, ревизіонной дѣятельности сената и пересмотра дѣлъ по высочайшимъ повелѣніямъ. Посмотримъ, что давали эти коррективы.

Институтъ прокуратуры по закону имѣлъ надзоръ за всѣми присутственными мѣстами, контролировалъ дѣятельность этихъ мѣстъ и долженъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ являться блюстителемъ закона и защитникомъ правды. И дѣйствительно, въ исторіи министерства юстиціи съ тридцатыхъ до шестидесятыхъ годовъ нерѣдки примѣры энергичныхъ попытокъ губернской прокуратуры бороться съ мѣстными злоупотребленіями. Но, во-первыхъ, борьба эта часто оставалась безуспѣшной, когда въ томъ или иномъ дѣлѣ участвовали или были заинтересованы сильные міра сего, а во-вторыхъ, господствовавшая въ судахъ система формальныхъ доказательствъ связывала не только судей, но и прокуроровъ, причемъ послѣдніе оказывались безсильными въ самыхъ вопіющихъ случаяхъ, разъ формальная сторона была соблюдена. Далѣе, пересмотръ дѣлъ по высочайшимъ повелѣніямъ является лишь въ исключительныхъ случаяхъ, да и вообще на ходъ правосудія невсегда оказывали вліяніе даже весьма рѣшительныя высочайшія резолюціи. Наконецъ, ревизіонный бумажный пересмотръ дѣла въ сенатѣ страдалъ общими недостатками тогдашняго судопроизводства и уже по одному этому не могъ вносить свѣжей струи, а отдѣльныя сенаторскія ревизіи, которыя, по образному выраженію Кони, „неслись, какъ грозовыя тучи, на мѣстность, пораженную правовою засухой“, были явленіями весьма рѣдкими; иногда, благодаря всей совокупности старыхъ порядковъ, вполнѣ заслуженную гро-

ц. примѣръ тому, въ немногихъ случаяхъ [illegible] очень скоро приходили въ обычное состояніе.

Самое же устройство стараго суда было таково, что о надлежащемъ отправленіи правосудія не могло быть и рѣчи. Въ организаціи судовъ [illegible] разнообразныя, между собой несогласованныя, [illegible] и запутанными, что [illegible] въ судебныхъ постановленіяхъ [illegible], [illegible] низшей инстанціи [illegible] и высшей инстанціей [illegible] гражданскаго и уголовнаго суда, или столь разнообразныя судебныя учрежденія, какъ сельскіе суды для крестьянъ, магистраты и ратуши для купцовъ и мѣщанъ, суды словесные, коммерческіе, межевые, совѣстные и т. д. Сверхъ того, отдѣльныя судебныя функціи находились въ рукахъ [illegible] административныхъ учрежденій, какъ губернскія правленія, а въ дѣлахъ уголовныхъ громадная роль, какъ увидимъ ниже, принадлежала полиціи.

Кромѣ секретарей и товарищей предсѣдателей въ палатахъ, составъ судовъ былъ исключительно выборный. [illegible] составъ этотъ отличался такой пестротой и былъ настолько неудовлетворительнымъ, что трудно было бы повѣрить возможности такихъ судей, если бы не существовало [illegible] данныхъ, [illegible] современниковъ. [illegible] приведенныя [illegible] судебной ре-

формы Н. Н. Стояновскимъ въ его [illegible], произнесенной въ 1860 году.

[illegible] для судей [illegible] Тамъ [illegible] образованные люди [illegible], встрѣчались большой рѣдкостью, что въ 1841 году, [illegible] въ двухъ [illegible] отдѣльныхъ канцелярій [illegible] съ высшимъ образованіемъ, и [illegible], что [illegible] попадали въ [illegible] людей малограмотныхъ. Въ судахъ первой инстанціи [illegible] судей, благодаря чему коллегіальность рѣшеній, которая должна была по мысли законодателя служить гарантіей для подсудимыхъ и тяжущихся, обращалась въ пустой звукъ. По справедливому указанію Стояновскаго, самъ законъ никогда не допускалъ такой составъ присутствія, въ которомъ всѣ судьи были неграмотны и возлагалъ въ этихъ случаяхъ на секретаря [illegible] за правильное изложеніе рѣшенія. Тѣмъ въ дѣйствительности [illegible] никогда не [illegible] не только въ магистратахъ, но и въ уѣздныхъ судахъ. Въ судахъ второй степени, гдѣ [illegible] докладъ [illegible] правительства [illegible] присутствія, всѣ прочіе члены только подписывали [illegible] уже рѣшеніе участи подсудимаго, которое ни одинъ изъ нихъ [illegible].

Если мы прибавимъ сюда, что [illegible] многихъ [illegible]

сѣдъ отъ администраторовъ, далѣе которой еще прибавимъ, что въ засѣдатели отъ дворянъ часто попадали далеко не лучшіе и мало-способные люди, которые къ тому же старались ничего не дѣлать, что за право такого же присутствованія отъ купеческихъ засѣдателей брались выкупы, составлявшіе одинъ изъ регулярныхъ канцелярскихъ доходовъ судовъ и палатъ, и что засѣдатели отъ мѣщанъ и крестьянъ обычно не допускались въ присутствіе, а исполняли низшія служительскія обязанности, напримѣръ, мели полъ, бѣгали приказнымъ за водкой и т. п., то передъ нами ясно предстанетъ картина дореформеннаго судейскаго состава. Понятно отсюда, что вездѣ въ нашихъ судахъ вершителями дѣлъ были не судьи, а канцеляріи судебныхъ мѣстъ со всемогущими секретарями во главѣ.

Далѣе, не могло не отражаться на ходѣ правосудія содержаніе и состояніе нашего матеріальнаго и процессуальнаго законодательства.

Изданіе Свода законовъ внесло внѣшній порядокъ въ хаосъ нашего матеріальнаго права, но органической переработки его и сведенія къ основнымъ и общимъ началамъ не послѣдовало ни въ области гражданской, ни въ области уголовной, гдѣ даже изданное въ 1845 году уложеніе о наказаніяхъ явилось не новымъ кодексомъ, а лишь „усовершенствованнымъ сводомъ", какъ не безъ гордости характеризовалъ его стоявшій во главѣ комиссіи, составившей уложеніе, графъ Блудовъ.

Поэтому неясность, неполнота и противорѣчіе въ законахъ оставались и послѣ изданія свода, питая благодарную почву для недоразумѣній и прямыхъ злоупотребленій.

Еще хуже дѣло обстояло съ процессуальными законами. Виды процесса, особенно гражданскаго, были весьма разнообразны и сложны, а узаконенный формализмъ, тысячи ненужныхъ по существу мелочей и обязательное предпочтеніе буквы духу создавали порядокъ, крайне тяжкій для добросовѣстныхъ тяжущихся и лучшихъ изъ подсудимыхъ и весьма удобный для недобросовѣстныхъ. Въ частности въ области суда уголовнаго изъ трехъ частей прозводства,—слѣдствія, суда и исполненія приговора,—слѣдствіе и исполненіе были почти всецѣло предоставлены полиціи, которая являлась и судебной инстанціей для преступленій маловажныхъ.

Къ чему это вело при чрезвычайно низкомъ уровнѣ нашей полиціи и полномъ отсутствіи гласности,—догадаться нетрудно. Слѣдствіе, по словамъ Кони, „было въ грубыхъ и нечистыхъ рукахъ, а между тѣмъ составляло не только фундаментъ, но въ сущности единственный матерьялъ для сужденія о дѣлѣ". Какъ свидѣтельствуетъ очевидецъ Ровинскій, безотчетный произволъ, легкомысленное лишеніе свободы, напрасное производство обысковъ, отсутствіе всякой системы въ дѣйствіяхъ и раздуваніе дѣла—были характерными признаками полицейскаго слѣдствія.

Судъ, получивъ это слѣдствіе, знакомился съ дѣломъ лишь по бумажному производству, да и то не непосредственно; суду докладывалась *записка*, составленная канцеляріей и снабженная „рукоприклад-

[illegible] силу обжалованья, главнымъ же образомъ [illegible] работу низшей, [illegible] дѣло безконечное путешествіе по инстанціямъ изъ низшихъ судовъ въ палаты, изъ палатъ въ сенатъ, оттуда обратно и т. д., доходя иногда при разногласіи сенаторовъ и до Государственнаго совѣта.

Не надо затѣмъ забывать, что весь уголовный, а частью и гражданскій процессъ проникало характерное для полицейскаго государства инквизиціонное начало, игнорировавшее право личности въ обвиняемомъ и сторонахъ, стремившееся все напередъ предусмотрѣть и облечь въ механическія формы и связывающее свободу судейскаго убѣжденія. Дѣла рѣшались согласно установленной закономъ и неукоснительно проводимой въ жизнь теоріи такъ называемыхъ формальныхъ или предустановленныхъ доказательствъ. Лучшимъ и безспорнымъ доказательствомъ почиталось собственное признаніе, а остальныя доказательства дѣлились [illegible]

При отсутствіи совершенныхъ доказательствъ осужденіе не допускалось, какъ бы тяжки не были улики; обвиняемый оставлялся „въ подозрѣніи", что влекло за собой извѣстное стѣсненіе правоспособности.

Словомъ, связывая по рукамъ и ногамъ судью и [illegible] прокурора, дѣлая судейскую работу бездушной и механической, теорія формальныхъ доказательствъ вела къ тому, что сплошь и рядомъ при формальной правильности приговора за нимъ скрывалась вопіющая неправда, всей тяжестью ложащаяся на невинныхъ и выгодная для тѣхъ виновныхъ, которые, несмотря на массу собранныхъ противъ нихъ уликъ, были наглы и тверды въ запирательствѣ. Немудрено поэтому, что, если при такихъ порядкахъ невинно осужденныхъ [illegible], то и обвиненныхъ по офиціальнымъ даннымъ бывало въ среднемъ не свыше 12½ процентовъ; громадное же большинство составляли „оставленные въ подозрѣніи".

И само по себѣ все это, вмѣстѣ взятое, должно было создавать неправильность и чрезвычайную медленность производства даже при хорошемъ судебномъ составѣ и добросовѣстномъ его отношеніи къ дѣлу.

При составѣ же, нами описанномъ, и при жалкихъ, иногда прямо нищенскихъ окладахъ судей, неправосудіе и волокита возрастали и усугублялись вслѣдствіе корысти судей и канцелярій.

Даже такой, сравнительно благосклонный къ старымъ судамъ писатель, какъ Фуксъ, вынужденъ былъ признать, что судьи, секретари и другіе чины канцелярій злоупотребляли своимъ вліяніемъ на ходъ дѣлъ, направляя или затягивая ихъ изъ своекорыстныхъ цѣлей и находя въ судебныхъ поборахъ единственный путь къ обезпеченію своихъ матеріальныхъ нуждъ. Система кормленія свила себѣ въ судахъ прочное гнѣздо, сдѣлалась источникомъ всевозможныхъ вопіющихъ нарушеній закона, потачекъ и притѣсненій и настолько вкоренилась въ нравы, что даже по безспорному дѣлу „правый платилъ за свою правду“ и даже самъ министръ юстиціи графъ Панинъ однажды долженъ былъ дать взятку въ судѣ для ускоренія своего частнаго дѣла.

Дѣла росли, раздувались и запутывались до того, что экстракты изъ нихъ приходилось дѣлать на сотняхъ листовъ, а подлинныя дѣла иногда перевозились на десяткахъ подводъ. Въ уголовныхъ дѣлахъ подсудимые годами ждали рѣшенія и часто все это время томились подъ стражей; въ гражданскихъ дѣлахъ стороны успѣвали иногда состариться, не дождавшись конца своей тяжбы. Извѣстны даже такія знаменитыя дѣла, какъ напримѣръ, длившееся 21 годъ дѣло о пропажѣ изъ московскаго уѣзднаго казначейства 115 тыс. мѣдной монеты, длившееся болѣе 20 лѣтъ дѣло Энгельгардта, заподозрѣннаго въ убійствѣ своей любовницы, и мн. др., примѣры которыхъ приведены въ изобиліи у Стояновскаго, Кони, Джаншіева, Гессена и др. изслѣдователей нашего дореформеннаго судебнаго строя.

Но море взяточничества, произвола и крючкотворства и этимъ не исчерпывалось. При грубости нравовъ, общемъ безправіи и стремленіи „добиться“ въ уголовныхъ дѣлахъ собственнаго признанія, „наилучшаго изъ доказательствъ въ мірѣ“, у насъ долгое время существовала и процвѣтала пытка, несмотря на офиціальную ея отмѣну въ законѣ. Если, по вѣскому свидѣтельству Ровинскаго, пытки въ видѣ „виски“, т. е. подвѣшиванія съ выкручиваніемъ рукъ, побоевъ и истязаній, заключенія не сознающихся подсудимыхъ въ подземелья, кишащія паразитами или настолько темныя, что подсудимые выходили изъ нихъ *ослѣпшими*, практиковались даже въ пятидесятыхъ годахъ въ Москвѣ, т. е. въ столицѣ, на глазахъ высшаго начальства, то можно себѣ представить, что дѣлалось въ провинціи! У насъ даже широко практиковалась своя самобытная форма пытки, состоявшая въ томъ, что запертому подсудимому давали соленую пищу и не давали пить, вымогая у него сознаніе мученіями жажды, и это даже пыткой не считалось. Вспомнимъ, съ какимъ глубокимъ сознаніемъ своей правоты говоритъ гоголевскій городничій: „Я тебя, любезный мой, не буду пытками пытать или тѣлесному наказанію подвергать, ибо это законами запрещено, а вотъ *ты у меня покушаешь селедки*“. И это „кушаніе се-

[illegible] видную [illegible] съ „[illegible]" [illegible] съ правымъ и виновнымъ [illegible] и [illegible] —достойно завер-шаетъ картину нашего стараго суда и даетъ тотъ послѣдній штрихъ, безъ котораго картина была бы не-полной.

Ознакомившись съ этой картиной, мы вправѣ [illegible] поэта, сказав-шаго, что Русь была „черна въ су-дахъ неправдой черной", мы слышимъ крикъ души, вырвавшійся у Акса-кова, близко и на опытѣ изучившаго [illegible] старый судъ, авторъ чувствуетъ ужасъ и негодованіе и говоритъ, что „это было во истину мерзость запустѣнія на мѣстѣ святомъ"; передъ его гла-зами проходитъ и „неравная борьба съ судейской неправдой", и „[illegible] одно возмутительнѣе дру-гого", гдѣ „бездушное и мертвенное оффиціальное изложеніе" дѣла, об-разовавшееся „при фальшивомъ [illegible] однихъ, корыстномъ участіи и преступномъ безучастіи другихъ" и при „плутняхъ и [illegible] формальнаго судопроиз-водства" создавали „безсиліе помочь истинѣ и невозможность провести въ дѣлѣ правду"...

Молчало общество, молчала сда-вленная цензурными тисками печать, молчало, по прекрасному выраженію малорусскаго поэта, „все въ Россіи отъ Кавказа и до Финна на всѣхъ языкахъ, ибо „благоденствовало", благоденствовало безъ правъ, безъ свободы, безъ правосудія, [illegible] этой пѣсни. Бездѣйствовавшее правительство, привыкшее [illegible] энергіи въ дѣлѣ охраны внѣшняго порядка и безмолвія, было мало энер-гичнымъ въ борьбѣ съ этой [illegible], [illegible] была [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и на ней [illegible] [illegible] [illegible].

[illegible] что правительство [illegible] не стреми-лось къ улучшенію [illegible] судеб-ныхъ порядковъ. [illegible] Николая I мы видимъ цѣлый рядъ комиссій [illegible] по отдѣльнымъ вопро-самъ судоустройства и судопроиз-водства, [illegible] пересмотра всего судебнаго строя, [illegible] подъ предсѣдательствомъ графа Блудова. Но [illegible] заклю-чалась въ томъ, что правительство стремилось [illegible] желало насадить въ странѣ законное правосудіе и въ то же время, какъ огня, боялось [illegible] общественной самодѣятельности, какой бы то ни было независимости, адвокатуры и всего прочаго, относящагося къ разряду „[illegible]", „[illegible] революціонный духъ" и вред-ныхъ для нашего отечества, при-званнаго итти самостоятельнымъ путемъ, въ пику „гнилому Западу".

Въ результатѣ правосудіе не по-лучалось, а попытки слабыя и повер-хностныя [illegible] палліативами лѣчить [illegible] не имѣли никакого резуль-тата. [illegible] еще Александру I [illegible] проектъ [illegible], который дока-зывалъ необходимость коренныхъ ре-формъ, начиная съ отдѣленія судеб-ной власти отъ административной и

нной реорганизаціи всѣхъ судебныхъ мѣстъ въ духѣ судейской независимости, уничтоженія произвола и сокращенія безплодной формалистики; безслѣдно проходили даже отдѣльныя высочайшія резолюціи, въ которыхъ императоръ Николай I въ одномъ случаѣ возмущался „неимовѣрной медленностью“ судопроизводства, въ другомъ — требовалъ мѣръ противъ „неслыханнаго срама“ и „неимовѣрной безпечности ближняго начальства“, допустившаго вопіющую медленность и запутанность денежной отчетности въ одномъ изъ столичныхъ судовъ. „Мнѣ стыдно“, гласила одна изъ резолюцій, „что подобный безпорядокъ могъ существовать почти подъ глазами моими“.

Но въ то же самое время достаточно было уже извѣстному намъ врагу всякихъ реформъ графу Панину сдѣлать въ качествѣ министра юстиціи докладъ, что то или иное задуманное „новшество“ имѣетъ революціонный духъ,—и сейчасъ же изрекалось veto на готовую уже иногда работу, и все оставалось по старому.

Если и предпринимались отдѣльныя мѣры, то царившій общій режимъ немедленно накладывалъ на нихъ свой мертвящій отпечатокъ. Напримѣръ, былъ созданъ новый разсадникъ юристовъ въ видѣ училища правовѣдѣнія, былъ открытъ въ числѣ другихъ факультетовъ юридическій факультетъ въ университетѣ св. Владиміра въ Кіевѣ, но, во-первыхъ, число студентовъ было крайне ограничено установленіемъ обязательныхъ комплектовъ, во-вторыхъ, изъ преподаванія всячески изгонялся живой и свободный духъ, причемъ даже имя „правовѣдѣнія“ въ лекціяхъ предписывали замѣнять словомъ „законовѣдѣніе“, и въ-третьихъ, образованные юристы, по свидѣтельству Аксакова, Салтыкова и др., выходя въ жизнь, оказывались фактически безсильными, благодаря плотной стѣнѣ окружавшаго ихъ безправія, рутины и зависимости отъ произвола высшихъ.

Когда, убѣдившись въ недостаточности губернскаго прокурорскаго надзора, рѣшили принять энергичныя мѣры для поддержанія законности и правды, то охрана незыблемыхъ устоевъ и отвращеніе къ западнымъ порядкамъ вызвали къ жизни столь самобытное учрежденіе, какъ жандармерію съ „III-имъ Отдѣленіемъ“ во главѣ. Бороться съ неправдой, утирая слезы вдовъ и сиротъ—такую задачу ставилъ новому учрежденію Николай I; его приближенный, шефъ жандармовъ Бенкендорфъ указывалъ въ инструкціи посылаемымъ во всѣ губерніи штабъ-офицерамъ, что ихъ главная задача слѣдить за законностью во всѣхъ частяхъ управленія, „наблюдать чтобы спокойствіе и права гражданъ не были нарушены людьми властными“, внимать „гласу страждущаго“ и „защищать беззащитнаго“.

Извѣстна судьба этого учрежденія; оно дало начало всевластію у насъ полиціи, развило до крайнихъ предѣловъ политическій сыскъ и всякій произволъ и, давъ массу отрицательныхъ результатовъ, ни на іоту не улучшило ни законности въ управленіи, ни дѣла отечественнаго правосудія.

Лишь съ началомъ новаго царствованія, когда необходимость корен-

[illegible] реформы столь [illegible] и [illegible] быть [illegible] судебный [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

4.

Работы по судебному преобразованію, какъ мы уже говорили, не дали въ царствованіе Николая I почти никакихъ результатовъ, не смотря на [illegible] подъ предсѣдательствомъ графа Блудова и на то, что, въ силу высочайшихъ повелѣній 1850 и 1852 гг., дѣло преобразованія было сосредоточено въ комитетахъ при II отд. Отдѣленіи, благодаря чему Блудовъ могъ дѣйствовать независимо отъ министра юстиціи Панина.

Вторая половина пятидесятыхъ годовъ и наставшее вмѣстѣ съ нею общее оживленіе отразились и на работахъ блудовскихъ комитетовъ; эти работы скоро пошли столь интенсивно, что съ 1857 по начало 1861 года Блудовъ могъ уже внести на разсмотрѣніе государственнаго совѣта 14 законопроектовъ, содержавшихъ въ себѣ рядъ существенныхъ измѣненій какъ судоустройства, такъ и судопроизводства. Не останавливаясь на содержаніи этихъ проектовъ, мы укажемъ только, что, вводя много безспорныхъ улучшеній и новыхъ началъ, въ видѣ ограниченія числа инстанцій, введенія устности, гласности, состязательности, допущенія защиты и т. п., они въ то же время останавливались на полъ-пути, не рѣшаясь ни на послѣдовательное [illegible] [illegible], ни на такія коренныя „опасныя" [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible].

[illegible] этой реформѣ не пришлось; несмотря на то, что труды блудовскихъ комитетовъ уже были на разсмотрѣніи государственнаго совѣта, дѣло судебнаго преобразованія вступаетъ на новый путь. За это время [illegible] [illegible] реформа, и этотъ [illegible] шагъ, [illegible] [illegible] съ прошлымъ, [illegible] [illegible] [illegible], немедленно отразился на ходѣ и характерѣ работъ по судебному преобразованію. Лица, желавшія установить въ Россіи правосудіе, достойное этого имени, удачно уловили моментъ, [illegible] [illegible] ваться тѣмъ реформаторскимъ порывомъ, который въ данное время достигалъ апогея и, какъ извѣстно [illegible] [illegible] [illegible] и реакціей. Неизвѣстно, какія именно вліянія сыграли здѣсь рѣшающую роль; можно думать, что между прочимъ небезслѣдно прошли и голоса вызванныхъ по дѣлу о крестьянской реформѣ [illegible] [illegible], [illegible] которыхъ [illegible] 1859 года [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] такъ: „Есть одна идея, равно всѣми раздѣляемая, — это несчастное устройство мѣстнаго управленія и судовъ и дѣйствія ихъ произвольныя, злоупотребительныя, скрытыя и необличимыя". Но такъ или иначе, когда послѣ возвращенія изъ Крыма осенью 1861 года императоръ Александръ II пожелалъ узнать, какъ подвигается дѣло судебной реформы, государственный секретарь В. П. Бутковъ представилъ докладъ, въ которомъ, указывая на разновременность составленія и несогласованность отдѣльныхъ блудовскихъ проектовъ, проводилъ мысль, что раньше окончательнаго обсужденія этихъ проектовъ необходимо опредѣлить и утвердить основныя начала всей реформы.

Докладъ былъ одобренъ. Работа по извлеченію и формулировкѣ основныхъ началъ была возложена на государственную канцелярію вмѣстѣ съ „прикомандированными къ ней юристами", а за графомъ Блудовымъ осталось лишь „общее наблюденіе", бывшее почти номинальнымъ; затѣмъ въ началѣ слѣдующаго года послѣдовало новое повелѣніе чрезвычайной важности, коимъ работники по дѣлу судебной реформы, получили право въ выработкѣ основныхъ началъ слѣдовать указаніямъ „науки и опыта европейскихъ государствъ", „несомнѣнное достоинство" которыхъ было торжественно провозглашено.

Такимъ образомъ руки работниковъ были развязаны; они освободились отъ неизбѣжной прежде обязанности блюсти „самобытность" и получили возможность войти въ сферу европейскаго опыта, знанія и культуры. Работа закипѣла и съ небывалой быстротой была доведена до конца, а 29 сентября того же 1862 года новыя „основныя положенія" послѣ разсмотрѣнія ихъ государственнымъ совѣтомъ уже получили высочайшее утвержденіе. „Основныя положенія" опредѣлили характеръ всей реформы, ибо вся дальнѣйшая работа была уже лишь развитіемъ и дополненіемъ тѣхъ общихъ принциповъ, которые, порывая съ нашимъ печальнымъ прошлымъ, смѣло выставили дѣятели судебной реформы.

Во главѣ этихъ дѣятелей стоялъ государственный секретарь В. П. Бутковъ, но душою дѣла и самымъ энергичнымъ и неутомимымъ работникомъ былъ С. И. Зарудный, математикъ по образованію, выработавшій изъ себя выдающагося юриста путемъ изученія лучшей литературы и практическаго ознакомленія съ нашими судебными порядками. Докладъ государю о необходимости выработки „основныхъ положеній" былъ написанъ имъ; онъ же былъ иниціаторомъ самой идеи дать именно такой ходъ судебной реформѣ, идеи, принесшей необычайно цѣнные плоды и внушенной имъ, тогда статсъ-секретаремъ департамента законовъ, Буткову. Онъ, уже раньше бывшій членомъ блудовскихъ комиссій, не покладая рукъ работалъ при созиданіи „основныхъ положеній"; онъ подалъ мысль объ опубликованіи этихъ положеній, которое вызвало живое обсужденіе въ прессѣ и рядъ отдѣльныхъ присланныхъ въ комиссію замѣчаній, составившихъ шесть большихъ томовъ: онъ въ комиссіи, составлявшей судебные уставы, былъ

представителемъ теоріи гражданскаго судопроизводства и въ то же время работалъ деятельно и въ остальныхъ отдѣлахъ. Недаромъ по окончаніи всѣхъ работъ первый экземпляръ отпечатанныхъ судебныхъ уставовъ Бутковъ послалъ Зарудному съ такой надписью: „Этотъ первый экземпляръ... вручается С. И. Зарудному, какъ лицу, которому судебная реформа въ Россіи болѣе другихъ обязана своимъ существованіемъ". Здѣсь же было отмѣчено, что Зарудный „велъ все дѣло до конца", — и это была не фраза, а [illegible] [illegible] дань [illegible] и неутомимому дѣятелю, который и послѣ изданія уставовъ продолжалъ затрачивать массу труда, систематизировавъ и приведя въ порядокъ какъ всѣ подлинные матеріалы судебной реформы, составившіе 74 объемистыхъ тома, такъ и цѣнное извлеченіе всего наиболѣе существеннаго изъ этихъ матеріаловъ, появившееся въ 4-хъ томахъ подъ заглавіемъ „Судебные уставы 1864 года съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ они основаны".

Кромѣ Зарудного въ трудахъ по выработкѣ судебныхъ уставовъ дѣятельно участвовалъ рядъ лучшихъ юридическихъ силъ Россіи, между которыми нельзя не отмѣтить К. П. Побѣдоносцева, А. А. Книрима, М. Е. Ковалевскаго, П. О. Квиста, Н. И. Утина и плеяды трехъ превосходно подготовленныхъ и талантливыхъ дѣятелей, какъ Н. И. Стояновскій, Д. А. Ровинскій и Н. А. Буцковскій.

При наличности такихъ силъ, богатыхъ знаніями и опытомъ, работавшихъ съ неослабѣвающей энергіей и съ [illegible] вѣрою въ будущее и плодотворность начатаго дѣла, имъ порученнаго, — [illegible] къ концу 1862 года не только выработаны главныя основанія [illegible] уголовнаго и [illegible] и гражданскаго судопроизводства, но и [illegible] къ [illegible] [illegible] Прекрасныя и [illegible] объяснительныя записки.

Конечно, часть работы была облегчена тѣмъ, что [illegible] готовыхъ будущихъ принциповъ, а также тѣмъ, что часть членовъ комиссіи была привлечена къ предыдущей законодательной работѣ, а Зарудный, напримѣръ, былъ однимъ изъ активнѣйшихъ дѣятелей въ этой области; но всё же, нужно принять во вниманіе, что [illegible] основные принципы судебныхъ уставовъ являлись совершенно новыми и неизмѣримо далеко отстояли отъ прежнихъ [illegible] характеръ, а, что, [illegible] и отсутствія [illegible] культурныя начала [illegible] въ то же время [illegible] [illegible] Путь заимствованія формы, въ которыхъ вылились эти начала, а путемъ коренной переработки [illegible] и оригинальныхъ, иногда [illegible] самостоятельныхъ построеній, и нельзя не отмѣтить съ удивленіемъ [illegible] и быстроту всего труда. „[illegible] путь не [illegible] [illegible] началъ, выработанныхъ [illegible] [illegible] изъ видныхъ дѣятелей судебной реформы Н. А. Буцковскій, [illegible] [illegible] и успѣшно [illegible] реформа.

Въ декабрѣ 1862 года [illegible]

ственный совѣтъ приступилъ къ разсмотрѣнію проектовъ судебныхъ уставовъ. Въ обсужденіи дѣятельно участвовалъ искренній сторонникъ реформы министръ юстиціи Д. Н. Замятнинъ и допущенный по его ходатайству его товарищъ Стояновскій. Главнымъ докладчикомъ былъ Бутковъ, а помогали ему предсѣдатели секцій комиссіи по выработкѣ уставовъ Зарудный, Буцковскій и А. Н. Плавскій.

Въ концѣ концовъ проекты благополучно прошли черезъ государственный совѣтъ и если при этомъ, какъ справедливо замѣчено и обстоятельно доказано І. В. Гессеномъ, мало обращено было вниманія на разнообразныя и часто весьма дѣльныя замѣчанія и возраженія, присланныя послѣ опубликованія основныхъ положеній съ разныхъ концовъ Россіи, если, развивая основныя положенія, не сдѣлали сравнительно съ ними ни одного почти по существу шага впередъ, взирая на нихъ какъ бы „на предѣлъ его же не прейдеши", то не надо забывать, что государственный совѣтъ, заключавшій въ себѣ между прочимъ и такихъ „столповъ" предыдущаго царствованія, какъ напримѣръ, Клейнмихель и бывшій министръ юстиціи графъ Панинъ, былъ да и не могъ не быть гораздо консервативнѣе по своему составу, чѣмъ составлявшая судебные уставы комиссія, такъ что уже одно проведеніе судебныхъ уставовъ черезъ государственный совѣтъ безъ коренныхъ поломокъ и искаженій было большой и, можетъ быть, не вполнѣ ожиданной побѣдой, которой Россія обязана вѣявшему еще тогда въ высшихъ сферахъ либеральному духу и *неусыпной энергіи и талантливости тѣхъ, кто былъ преданъ реформѣ, трудился для нея и горячо ее защищалъ.*

Второго ноября 1864 года разсмотрѣніе судебныхъ уставовъ было закончено; 20 ноября они получили санкцію императора Александра II и были въ тотъ же день переданы сенату при указѣ, гдѣ повелѣвалось опубликовать ихъ и гдѣ была дана такая оцѣнка новыхъ уставовъ: „Разсмотрѣвъ сіи проекты, мы находимъ, что они вполнѣ соотвѣтствуютъ желанію нашему водворить въ Россіи судъ скорый, правый, милостивый, равный для всѣхъ подданныхъ нашихъ, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить въ народѣ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе и которое должно быть постояннымъ руководителемъ всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго".

Судебная реформа, которой такъ долго ждала Россія, стала фактомъ. На первый планъ была выдвинута идея законности, и правосудіе обрѣло новые, до сихъ поръ невѣдомые у насъ пути и формы.

Съ сущностью этихъ путей и формъ мы и должны теперь ознакомиться.

5.

Творцы судебныхъ уставовъ не безъ борьбы порвали съ нашимъ судебнымъ прошлымъ. Въ данномъ случаѣ, какъ и всегда, гдѣ дѣло касается серьезныхъ и сложныхъ интересовъ, всѣ лѣнивые, робкіе и рутинные умы склонны были предосте-

усѣть отъ увлеченій, указывая, что не все хорошее своевременно, и ссылаясь на неразвитость и неподготовленность русскаго народа. Считая, что намѣченная судебная реформа составляетъ вопросъ самой настоятельной для Россіи, и что хорошій и правильный законъ никогда не можетъ принести зла, творцы реформы возражали, что хорошее не можетъ быть несвоевременнымъ, что только при введеніи благоустроенныхъ судовъ народъ научится правдѣ и уваженію къ закону и потеряетъ недовѣрчивость и неподготовленность. Вѣря въ силы русскаго народа, его здравый смыслъ и добросовѣстность, они пошли твердо впередъ, а потому дали въ судебныхъ уставахъ воплощеніе принципіальныхъ, высококультурныхъ и необходимыхъ началъ, не смущаясь ихъ новизною. Не ихъ вина, что не всегда удалось выдержать принципіальную точку зрѣнія, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ явились уступки и компромиссы, иногда на первый взглядъ не столь существенные, но чреватые послѣдствіями и, какъ показало будущее, открывшіе путь къ искаженію и разложенію прекраснаго дѣла: и тогда существовали „независящія обстоятельства", и тогда приходилось довольствоваться частью, зная, что при домогательствѣ цѣлаго можетъ потерпѣть крушеніе вся реформа. Что можно было сдѣлать,—они сдѣлали, возможнымъ оказалось многое.

Вѣдь еще недавно, какъ свидѣтельствовалъ академикъ Никитенко, можно было серьезно пострадать или быть признаннымъ за сумасшедшаго въ случаѣ „мечтаній" о гласности суда, объ учрежденіи адвокатуры, суда присяжныхъ и т. д. Составители судебныхъ уставовъ эти „мечты" сдѣлали законными наряду съ многими другими, ранѣе абсолютно недопустимыми.

Прежде всего, чтобы избавиться отъ дореформеннаго [illegible], нужно было обезпечить самостоятельность и независимость суда и высоко поднять его авторитетъ. Къ этому и были приняты всѣ мѣры. Судебная власть была отдѣлена не только отъ законодательной и исполнительной, но и отъ административной, и поставлена въ независимое положеніе; было указано, что эта власть принадлежитъ судамъ „безъ всякаго участія властей административныхъ", и такимъ образомъ судебное вѣдомство впервые получило полную самостоятельность. Судьямъ дарована *несмѣняемость*, въ силу которой увольненіе или перемѣщеніе судьи противъ его желанія могло имѣть мѣсто только по суду. Получивъ такимъ образомъ защиту отъ возможнаго произвола какъ общей администраціи, такъ и своего начальства, судьи имѣли возможность высоко держать свое знамя, подчиняясь лишь закону и игнорируя попытки побочныхъ вліяній, хотя бы и со стороны весьма сильныхъ міра сего.

Но и самыя условія судейской дѣятельности радикально измѣнились. Введеніе въ процессъ великихъ началъ гласности и публичности вывело правосудіе изъ мрака канцелярской тайны на свѣтъ божій и поставило суды подъ контроль общества и печати. Требованіе отъ судьи образованія и знакомства съ дѣломъ и достаточное матеріальное обезпеченіе судебнаго пер-

[illegible] не могли не измѣнить совершенно составъ судей; возможнымъ сдѣлался совершенно новый типъ судьи стойкаго, знающаго, а потому независимаго отъ канцеляріи, чуждаго корысти, крючкотворства и злоупотребленій.

Но законъ, поставленный надъ судьею, какъ единственный господинъ, долженъ былъ въ то же время сдѣлаться, по словамъ высочайшаго указа, „руководителемъ всѣхъ и каждаго отъ высшаго до низшаго. На первый планъ выдвинулась идея гарантій правъ личности отъ произвола; конецъ послѣднему долженъ былъ быть положенъ установленіемъ принципа „nullum crimen, nulla poena sine lege", согласно которому можно понести наказаніе лишь за такое дѣяніе, которое въ законѣ признано преступнымъ, причемъ это наказаніе налагается лишь по суду и въ порядкѣ, закономъ установленномъ.

Далѣе, прежній хаосъ судебныхъ инстанцій былъ уничтоженъ, а вмѣстѣ съ нимъ и сословность судовъ, въ видѣ остатковъ которой сохранились, со сравнительно ограниченной компетенціей, волостные суды для крестьянъ и спеціальные суды духовные и военные. Въ общемъ были провозглашены равенство всѣхъ передъ закономъ и вытекающая отсюда одинаковая судебная защита правъ каждаго, а потому явились одинаковыя для всѣхъ судебныя инстанціи, немногочисленныя и приведенныя въ стройную систему. Для разбора дѣлъ сравнительно маловажныхъ были учреждены выборные мировые судьи съ высшей надъ ними инстанціей въ видѣ мирового съѣзда; для дѣлъ болѣе важныхъ были созданы окружные суды и въ качествѣ второй инстанціи судебныя палаты. Кассаціонной инстанціей и высшимъ блюстителемъ правильнаго и повсемѣстно единообразнаго примѣненія закона сдѣлался сенатъ въ лицѣ вновь созданныхъ кассаціонныхъ его департаментовъ.

Правило о разборѣ дѣлъ по существу не болѣе какъ дважды, установленіе точныхъ и притомъ недлинныхъ судебныхъ сроковъ, расширеніе правъ суда по толкованію законовъ, связанное съ запрещеніемъ пріостанавливать рѣшеніе по причинѣ неясности или пробѣловъ въ законахъ, — все это должно было способствовать скорости суда, устраняя одну изъ важнѣйшихъ причинъ прежней безконечной волокиты. Всѣ ужасы и безобразія прежняго слѣдствія, находившагося въ рукахъ полиціи, должны были прекратиться съ передачей этого дѣла въ руки особыхъ независимыхъ органовъ—судебныхъ слѣдователей, которые въ видѣ опыта за нѣсколько лѣтъ до реформы были введены въ наши старые суды, а теперь получили вполнѣ опредѣленную и твердую позицію.

Не могло, далѣе, не измѣниться все положеніе судебнаго дѣла съ учрежденіемъ взамѣнъ прежнихъ ходатаевъ по дѣламъ, мало образованныхъ и часто вербовавшихся изъ подонковъ общества, независимаго и самоуправляющагося адвокатскаго сословія, вооруженнаго юридическимъ образованіемъ и судебнымъ опытомъ.

Наконецъ, введеніе суда присяжныхъ, вѣнчало реформу судоустрой-

стве, созданы внутри самой среды судей и адвокатовъ, [illegible] въ [illegible] представителей пре-[illegible] въ [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] по [illegible] и [illegible] [illegible].

Изъ отмѣченной нами въ общихъ чертахъ реформы [illegible] по [illegible] [illegible] устройства съ неизбѣжностью вытекала необходимость столь же коренной реформы судопроизводства, которая и была осуществлена какъ въ области уголовнаго суда, такъ и въ области гражданскаго.

Прежде всего былъ упраздненъ и [illegible] самый [illegible] процесса.

Въ уголовномъ процессѣ только первая часть—предварительное слѣдствіе—не получила характера состязательности, но и здѣсь были установлены нѣкоторыя гарантіи для привлеченнаго противъ увлеченій и злоупотребленій слѣдователя вообще и противъ напраснаго лишенія привлеченнаго свободы—въ частности; съ момента же перехода дѣла въ судъ оно должно было идти въ состязательномъ порядкѣ, съ прокуроромъ уже не въ роли охранителя закона, а въ роли обвинителя, и съ защитникомъ, которому на судѣ даны были одинаковыя права съ обвинителемъ. Далѣе, отмѣна система формальныхъ доказательствъ и предоставленіе судьямъ права оцѣнивать обстоятельства дѣла по совѣсти и разумѣнію, а присяжнымъ даже не мотивировать своихъ вердиктовъ, освобождали судъ отъ тѣхъ оковъ, которыя прежде [illegible] торжеству формальной правды надъ материальной, [illegible], какъ мы [illegible], на развитіи [illegible] [illegible] [illegible] общества.

[illegible] достоинства въ [illegible] [illegible] въ области [illegible] [illegible] въ [illegible] [illegible] должны были [illegible] [illegible] быть [illegible] [illegible] не было [illegible] противное.

Въ области гражданскаго процесса широко [illegible] примѣненіе начала состязательности; судъ вмѣшивается лишь въ тѣхъ случаяхъ, которые указываются сторонами, и опирается лишь на тѣ свѣдѣнія и доказательства, которыя представлены сторонами, но въ этихъ рамкахъ онъ дѣйствуетъ свободно и отъ воли сторонъ независимо. Въ интересахъ быстроты и улучшенія процесса принятъ цѣлый рядъ мѣръ. Вмѣсто прежде существовавшихъ [illegible] производственнаго порядка установлено лишь два: общій и сокращенный; сокращены сроки для всѣхъ судебныхъ дѣйствій и ограниченъ обмѣнъ между сторонами состязательныхъ бумагъ, опредѣленъ порядокъ подачи и разсмотрѣнія частныхъ прошеній и жалобъ, которыя прежде столь часто на много лѣтъ задерживали разсмотрѣніе дѣлъ по существу, отмѣнены штрафы за неправильно начатые иски и за неправильныя апелляціи, исполненіе судебныхъ рѣшеній изъято изъ рукъ полиціи и возложено на состоящихъ при судѣ и дѣйствующихъ подъ его контролемъ судебныхъ приставовъ и т. д., и т. д.

Наконецъ, съ [illegible] суда [illegible] возможность обра-

щенія къ суду въ тѣхъ маловажныхъ дѣлахъ, которыя раньше обычно совсѣмъ не доходили до правосудія; примирительный характеръ разбирательства, простота и несложность производства какъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ дѣлъ, освобожденіе производства отъ гербовой бумаги и отъ всякихъ пошлинъ,—все это по мысли творцовъ судебныхъ уставовъ должно было сдѣлать судъ доступнымъ для населенія и близкимъ ему.

Такова была въ самыхъ общихъ чертахъ судебная реформа.

Какъ мы видимъ, дѣйствительно были приняты мѣры къ созданію скораго и праваго суда, къ возвышенію судебной власти и вообще ко введенію въ русскую жизнь путемъ судебной реформы тѣхъ лучшихъ началъ, которыя были выработаны наукою и опытомъ на Западѣ.

Отсюда понятно то воодушевленіе и то дружное одобреніе, съ которымъ печать и общество встрѣтили какъ опубликованіе основныхъ началъ, такъ и обнародованіе самихъ судебныхъ уставовъ. Въ нихъ видѣли одинъ изъ главныхъ путей къ обновленію Россіи; надѣялись, что благодаря имъ не только явится правосудіе, но и вообще вмѣсто прежняго всесторонняго произвола возникнетъ новый порядокъ, всецѣло проникнутый законностью. Энтузіасты считали даже, что это не надежды, а совершившійся фактъ, и устами поэта-современника было провозглашено, что у насъ „на обломкахъ произвола теперь царитъ законъ". Скептическіе голоса раздавались рѣдко, да и то въ западной печати, а не въ нашей...

Кто былъ правъ, — мы увидимъ дальше, когда прослѣдимъ всю судьбу судебной реформы, но несомнѣнно, что открытія новыхъ судовъ ждали какъ праздника по всей Россіи.

Ожиданіямъ этимъ пришлось осуществиться далеко не въ полной мѣрѣ. Къ этому времени реформаторскія стремленія въ высшихъ сферахъ начали уже ослабѣвать и хотя еще неясно, но уже стали вырисовываться контуры грядущей реакціи. Бюрократія стала чувствовать, что для ея всевластія создается серьезная препона, отъ которой можетъ пострадать „престижъ", отождествляемый ею со всякаго рода усмотрѣніемъ, въ ущербъ закону. Она, по свидѣтельству весьма компетентнаго современника, не хотѣла „выпустить власть изъ своихъ рукъ", откуда и пошли толки, что „судебная реформа откладывается въ дальній ящикъ". На сцену былъ выдвинутъ аргументъ относительно недостатка средствъ для повсемѣстнаго введенія судебной реформы и, оперируя съ этими „финансовыми затрудненіями", добивались, чтобы новые суды первоначально были введены только въ столицахъ. Напрасно горячіе сторонники новой реформы во главѣ съ Заруднымъ доказывали необходимость сразу покончить съ вѣковымъ зломъ безсудья и ввести новые суды повсемѣстно; эта идея потерпѣла пораженіе, несмотря на вліятельную поддержку предсѣдателя государственнаго совѣта, князя Гагарина. Поставленное между двухъ огней министерство юстиціи стало проводить компромиссъ; стоявшіе во главѣ его Замятнинъ и Стояновскій искренно опасались, что сразу нельзя осуществить судебную реформу не только по не-

[illegible]

Въ результатѣ рѣшено было открыть два судебныхъ округа, петербургскій и московскій: эти округа охватили [illegible] губерній, въ остальныхъ предполагалось вводить реформу постепенно въ ближайшіе же годы. [illegible] только отдаленными, но и весьма [illegible] ныя поправки и измѣненія, но тогда почти никто не [illegible] будущаго, и когда 17 и 2[illegible] апрѣля [illegible] года [illegible] въ Петербургѣ и въ Москвѣ, [illegible]

Трудное дѣло [illegible] судамъ, одними собственными силами, среди [illegible] не успѣвшихъ вылиться въ законченныя формы и [illegible] приходилось *создавать* дѣло правосудія и *насаждать* законность, которой раньше [illegible]

[illegible] исторіи.

[illegible] Мотовиловъ — въ магистратурѣ, [illegible] ратурѣ, [illegible] и Арсеньевъ — въ адвокатурѣ, Квистъ и [illegible] — въ мировомъ судѣ, чтобы [illegible] щества наши новые суды.

[illegible] туры.

[illegible] не только тѣни правосудія, но даже [illegible]

ходилась въ рукахъ полиціи; народъ боялся ея и избѣгалъ настолько, что по ревизіямъ книги для записи разбирательствъ даже въ полицейскихъ участкахъ столицъ неизмѣнно оказывались совершенно чистыми, а самое разбирательство, когда оно происходило, давало картины взятокъ, грубой брани, произвольныхъ арестовъ, побоевъ,—словомъ, всего чего угодно, кромѣ правосудія. Съ изумленіемъ народъ увидѣлъ новыхъ мировыхъ судей, доступныхъ, чуждыхъ формализма, вѣжливыхъ и со всѣми одинаково ровныхъ въ обращеніи. Первые приговоры произвели сенсацію въ народѣ, и дѣятельность мирового института быстро стала ломать вѣковое недовѣріе народа къ суду, сопряженное съ воспринятыми на опытѣ понятіями о томъ, что привилегированный свободно можетъ бить и обижать непривилегированнаго, что богатый всегда можетъ откупиться, какое бы безобразіе онъ ни учинилъ и какъ бы ни обидѣлъ бѣднаго и т. п. „Мировой" въ глазахъ народа сталъ чрезвычайно популяренъ; народъ валомъ повалилъ въ камеры, и послышались новыя рѣчи: „теперь всѣ равны", „теперь драться не велятъ", „вотъ мировой тебѣ покажетъ".

Словомъ, если новые суды быстро привились у насъ и пріобрѣли громадное довѣріе общества, то значительная доля заслуги въ этомъ, безспорно, принадлежитъ мировому институту.

Вторымъ краеугольнымъ камнемъ судебной реформы является судъ присяжныхъ. Мы знаемъ, что введеніе его произошло не безъ колебаній и не безъ борьбы. Не только умѣренный и осторожный Блудовъ считалъ нашъ народъ неподготовленнымъ къ дѣятельности присяжнаго засѣдателя, но и такіе склонные къ новаторству корифеи теоріи и практики, какъ Спасовичъ, сперва раздѣляли ту же точку зрѣнія. Взяло верхъ другое теченіе во главѣ съ Ровинскимъ; смѣлый опытъ допущенія къ судебному дѣлу людей, такъ недавно еще бывшихъ рабами, состоялся и увѣнчался успѣхомъ, засвидѣтельствованнымъ и цѣлымъ рядомъ судебныхъ дѣятелей, и печатью, и всеподданнѣйшими отчетами министра юстиціи.

Оказался глубоко правымъ Ровинскій, который вѣрилъ въ смыслъ и здоровыя чувства народа и утверждалъ, что, только допустивъ судъ присяжныхъ, правительство можетъ слить свои интересы съ нуждами общества и пріобрѣсти суду общественное уваженіе и сочувствіе, и что введеніе такого суда должно предшествовать юридическому развитію общества, ибо только въ немъ народъ научится правдѣ и законности.

И, дѣйствительно, судъ присяжныхъ способствовалъ не только популярности суда, но и правовому воспитанію общества; послѣднее научилось понимать, что въ лицѣ своихъ представителей-присяжныхъ оно призвано не къ чужому, а къ своему, къ важному дѣлу, которое требуетъ напряженія совѣсти и разумѣнія. Судъ абсолютно независимый, судъ по совѣсти, судъ, проводящій жизненную правду, а не только правду формальную, судъ, являющійся вѣрнымъ показателемъ того, что въ странѣ есть культура и граждан-

[illegible] въ этой [illegible] и въ [illegible] отечества.

Третій устой судебной реформы — былъ кассаціонный сенатъ, который долженъ былъ объяснять и направлять все громадное судебное дѣло. И здѣсь духъ времени и прекрасный личный составъ привели къ тому, что высоко поднялся [illegible] авторитетъ сената въ первое время его дѣятельности. Правда, реакціонная струя сумѣла не допустить въ кассаціонные департаменты Зарудного, который, какъ мы знаемъ, былъ душою судебной реформы, и получилъ назначеніе въ старый дореформенный судебный департаментъ, но другіе его соратники попали въ кассаціонные сенаторы и въ первые годы вынесли гигантскій трудъ, неизмѣнно и стойко стоя на стражѣ основныхъ началъ судебной реформы. Позже иными вѣтрами повѣяло и въ сенатѣ, но объ этомъ намъ придется говорить въ другомъ мѣстѣ.

Наконецъ, адвокатура, самая мысль о которой еще недавно казалась преступленіемъ, составила одинъ изъ самыхъ существенныхъ элементовъ судебной реформы.

У насъ явился совершенно новый типъ, дореформенному строю невѣдомый. Этотъ строй зналъ ходатаевъ, въ рядахъ которыхъ, какъ мы знаемъ, темные дѣльцы, выгнанные чиновники, [illegible], сутяги и т. п. доминировали, пользуясь частью страхомъ, частью презрѣніемъ со стороны общества. Теперь явилось автономное адвокатское сословіе, связанное корпоративными узами, вооруженное знаніемъ и привлекшее на первыхъ же порахъ въ свои ряды немало [illegible] [illegible].

[illegible] признать [illegible] въ осуществленіи судебной реформы [illegible] мы должны отмѣтить, что успѣхъ судебной реформы [illegible] доступъ послѣ долгаго ихъ гоненія и отрицанія.

6

Какъ извѣстно, непродолжительны у насъ періоды либеральныхъ увлеченій. За недолгими порывами впередъ, не доведенными до конца, неизбѣжно является каждый разъ болѣе или менѣе длительная и упорная реакція. Такъ было и въ шестидесятые годы, включающіе въ себя и „эпоху великихъ реформъ“ и эпоху начавшихся и все болѣе и болѣе развивавшихся стремленій урѣзать эти реформы. Въ области судебныхъ уставовъ шагъ за шагомъ шли сокращенія, разъясненія и перестройки; ихъ жизнь мало-по-малу превратилась въ „многострадальное житіе“ [illegible] дѣло дошло до того, что основной лозунгъ судебныхъ уставовъ—„законность“ былъ почти офиціально признанъ [illegible] для власти, а [illegible] картина суда и судей по судебнымъ уставамъ замѣнилась той тяжелой картиной, которая [illegible]

альной кистью автора „Воскресенья“.

Мы прослѣдимъ въ другомъ мѣстѣ эти судьбы новаго суда. Теперь же для завершенія нашего очерка судебной реформы, мы должны сказать нѣсколько словъ о тѣхъ причинахъ, которыя тормазили дѣло этой реформы, породили рядъ компромиссовъ при ея созданіи, а затѣмъ дали возможность пойти заднимъ ходомъ, исказить прекрасно поставленное дѣло и привести его въ полное разстройство.

Для рѣшенія поставленныхъ вопросовъ мы должны коснуться „подпочвы“ судебныхъ уставовъ и разсмотрѣть оставленные нами до сихъ поръ въ сторонѣ наиболѣе уязвимые ихъ пункты.

Мы знаемъ, какимъ ликованіемъ была встрѣчена судебная реформа. Нѣкоторые органы западной прессы (напримѣръ, „Independance Belge“ 19 Oct. 1862) отмѣтили, что уже обнародованіе основныхъ началъ будущей реформы вызвало „всеобщій восторгъ, небывалый со времени эмансипаціи крестьянъ“. О томъ же свидѣтельствуютъ цѣлый рядъ иностранныхъ и русскихъ органовъ прессы и записки многихъ современниковъ.

Какая же была причина восторга? —Мы усматриваемъ ее въ томъ, что судебная реформа имѣла не только громадную юридическую важность, но еще большую важность политическую. Общество не могло не цѣнить разрыва съ судебнымъ прошлымъ и появленія истиннаго правосудія на мѣсто почти полнаго безсудья, смѣны „неправды черной“ правдой и милостью, и оно дѣйствительно все это цѣнило; но энтузіазмъ вызывался не этимъ, а политической стороной реформы, которая выразилась въ провозглашеніи принципа строгой законности, въ тенденціи бороться съ произволомъ и въ цѣломъ рядѣ гарантій правъ личности. Общество ликовало, видя у насъ впервые появленіе нѣкоторыхъ *конституціонныхъ принциповъ* и надѣясь, что они являются прочнымъ залогомъ лучшаго будущаго.

Правда, сами творцы судебной реформы тщательно устраняли изъ своихъ объясненій мотивы политическаго характера, а иногда даже отмахивались отъ этихъ мотивовъ, упирая исключительно на потребности правосудія и строго юридическія соображенія. Но... могли ли они поступать иначе? Они не лгали, ибо всѣ тѣ основныя начала, которыя они проводили, дѣйствительно соотвѣтствовали нуждамъ правосудія и юридической логикѣ; они только не договаривали до конца и многое затушевывали, ибо знали, что не дремлетъ лагерь крѣпостниковъ и обскурантовъ, и имѣли горькій россійскій опытъ искаженія и гибели реформъ, заподозрѣнныхъ со стороны „благонадежности“.

Но каждое изъ созданныхъ новыхъ юридическихъ началъ имѣло неизбѣжно и политическую сторону; послѣдовательное проведеніе ихъ въ жизнь ставило бы серьезныя препоны произволу и подавало бы надежды на возможность дальнѣйшихъ шаговъ въ этомъ направленіи вплоть до той коренной реформы, которая подъ прозрачнымъ названіемъ „увѣнчаніе зданія“ уже стала, повидимому, признаваться со стороны общества возможной въ близкомъ будущемъ.

Русская пресса того времени не имѣла возможности высказаться прямо, но въ болѣе или менѣе деликатной формѣ и она указала на политическую сторону судебной реформы. Западная же пресса главное вниманіе обратила именно на эту сторону и сдѣлала это столь громко, какъ принужденъ былъ тогда же отмѣтить хроникеръ-обозрѣватель „Журнала Министерства Юстиціи“.

Этотъ послѣдній какъ бы нѣсколько удивленъ, почему сравнительно мало обращено вниманія на юридическую сторону, и объясняетъ это поверхностнымъ отношеніемъ къ дѣлу, но факты остаются фактами, и на нихъ необходимо остановиться на нихъ, чтобы рѣшить вопросъ, дѣйствительно ли въ обществѣ Россіи и Запада правильно оцѣнивали конституціонный характеръ судебной реформы.

„Съ обнародованіемъ новыхъ постановленій (пишетъ „National-Zeitung“) **Россія никоимъ образомъ** не стала еще конституціоннымъ государствомъ, но она перестала быть государствомъ деспотическимъ“. Болѣе подробную, но сходную оцѣнку даетъ и „Indépendance Belge“. Эта газета указываетъ, что до судебной реформы „интересы гражданъ нисколько не были гарантированы“ и „господствовалъ произволъ чисто восточный“, она выражаетъ надежду, что послѣ судебной реформы все это измѣнится, и что впредь отъ Европы Россія восприметъ уже не одинъ только внѣшній блескъ, но и „начала гражданственности и законности въ управленіи“. Газета находитъ даже, что „судебной реформой нанесенъ ударъ громадной власти, предоставленной до сихъ поръ министрамъ, генералъ-губернаторамъ и т. д.“, и что [illegible] „[illegible] судебную власть, кромѣ [illegible]“.

„[illegible]“ замѣчаетъ, что „судебной реформой если не вдругъ измѣнятся основныя начала русской государственной системы, то все же съ теченіемъ времени на нихъ будетъ оказано въ высшей степени благотворное воздѣйствіе“.

„Nord“ также отмѣчаетъ конституціонный духъ реформы и говоритъ, что отдѣленіе судебной власти отъ административной, гласность, судъ присяжныхъ, несмѣняемость судей и др. являются „гарантіями, которыя прямо или косвенно суть достояніе 89-го года“, газета привѣтствуетъ мирное установленіе равенства всѣхъ **передъ судомъ и закономъ, стоив**шее Франціи [illegible] кровопролитій.

Итакъ, на Западѣ, отмѣчая по **преимуществу политическую сторону** судебной реформы, въ ней усматривали рядъ конституціонныхъ гарантій и видѣли шагъ впередъ къ будущей конституціи. Существовалъ ли такой взглядъ въ Россіи?

— Даже враги конституціоннаго режима не могутъ на этотъ вопросъ дать иного отрицательнаго отвѣта. Извѣстный Левъ Тихоміровъ утверждая, что „никакихъ практическихъ стремленій къ ограниченію самодержавія со времени попытки 14 декабря 1825 года не предпринималось“, въ то же время признаетъ, что „самодержавіе какъ принципъ перестало [illegible] либеральной части образованнаго общества еще задолго до царствованія Императора Александра II“.

Но и эти практическія стремленія

были, ибо еще до судебной реформы передъ правительствомъ не разъ возбуждались ходатайства о полномъ отдѣленіи судебной власти отъ административной (тульское дворянское собраніе), о независимости и несмѣняемости судей (петербургское) и о другихъ реформахъ, имѣющихъ характеръ конституціонныхъ гарантій.

Недаромъ же впослѣдствіи враги новаго суда такъ охотно выдвигали противъ него то соображеніе, что духъ и основы судебной реформы стояли въ противорѣчіи съ самодержавнымъ образомъ правленія.

Не могло не поддерживать конституціонныхъ надеждъ въ связи съ судебной реформой и то, что въ самомъ разгарѣ ея выработки (въ 1863 году) Александръ II говорилъ финляндскому сейму о „либеральныхъ учрежденіяхъ", признавая ихъ „не только не опасными", но даже „залогомъ порядка и благоденствія въ рукахъ народа мудраго, готоваго дѣйствовать заодно со своимъ государемъ".

Но, какъ мы знаемъ, реформаторскій потокъ остановился, а затѣмъ началось движеніе назадъ, такъ что о конституціи не могло быть и рѣчи. Въ томъ же 1863 году, по свидѣтельству Леруа-Болье, Александръ II говорилъ Н. Милютину, что хотя онъ „не имѣетъ отвращенія къ представительному правленію", но не можетъ дать его бунтующимъ полякамъ, не давая вѣрноподданнымъ русскимъ, а этихъ послѣднихъ онъ „не считалъ зрѣлыми для конституціи". Въ слѣдующемъ 1864 году, какъ мы узнаемъ изъ объяснительной записки къ проекту земскихъ учрежденій, спѣшная выработка и осуществленіе этихъ учрежденій между прочимъ была вызвана тѣмъ, чтобы „*положить предѣлъ* возбужденнымъ по поводу образованія земскихъ учрежденій *несбыточнымъ ожиданіямъ* и свободнымъ стремленіямъ разныхъ сословій".

Такимъ образомъ началось реакціонное теченіе, и чѣмъ больше оно укрѣплялось, тѣмъ въ большее противорѣчіе приходилъ правительственный курсъ съ началами „великихъ реформъ", особенно же судебной, поскольку въ ней были хоть какія-нибудь гарантіи конституціоннаго характера. Пошло „приспособленіе" судебной реформы къ новому курсу, тѣмъ болѣе энергичное, чѣмъ болѣе власть убѣждалась, что начала судебной реформы мѣшаютъ административному размаху, а разныя „гарантіи" дѣйствительно стѣсняютъ начальственное усмотрѣніе.

Начался длинный мартирологъ судебной реформы.

Старыя начала побѣдили новый порядокъ; первые конституціонные ростки стали глохнуть.

Разбираясь въ причинахъ этого грустнаго явленія, мы прежде всего должны отмѣтить, что подъ давленіемъ „независящихъ обстоятельствъ" уже при самомъ созданіи судебной реформы пришлось итти на компромиссы. Мы цѣнимъ всю грандіозность этой реформы; мы тщательно отмѣтили всѣ пріобрѣтенныя обществомъ благодаря ей права и гарантіи, но мы должны признать, что допущенные компромиссы во многомъ умаляли цѣнность пріобрѣтеннаго и открывали путь весьма нежелательнымъ послѣдствіямъ.

Уже въ 1862 году, критикуя основ-

нія начала судебной реформы, Г. Утинъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" и [illegible] въ „Библіотекѣ для чтенія", правильно указали на [illegible] судебной власти отъ административной.

Недѣйствительно, указанія [illegible] оставленія перваго департамента сената въ старомъ составѣ и на старыхъ основаніяхъ [illegible] послѣдствіяхъ и нанесли ударъ идеѣ полнаго раздѣленія [illegible] двухъ властей.

Еще болѣе важное значеніе имѣли такія стороны судебной реформы, какъ недостаточное огражденіе судейской независимости, ограниченіе компетенціи суда присяжныхъ, привилегированный порядокъ преданія суду должностныхъ лицъ и сохраненіе административныхъ взысканій за дѣянія политическаго характера.

Право министра юстиціи назначать судей и давать имъ повышеніе сдѣлалось [illegible] къ послѣдовательному развитію судебнаго карьеризма и у худшей части судебнаго сословія вырабатывало стремленіе подчинять гласъ закона и совѣсти къ тому, чего въ данномъ случаѣ могъ желать вліятельный гласъ начальства. Правда, судебныя мѣста получили право выбирать на свободныя вакансіи слѣдователей и членовъ суда и палаты, но ихъ выборъ не связывалъ министра юстиціи; послѣднему было предоставлено право вмѣсто выбраннаго кандидата представить другого *безъ всякихъ объясненій и мотивировки*. Естественно, что выборная система стала быстро отодвигаться системой назначеній на задній планъ, стала подымать голову слой, [illegible] нарушать [illegible] по [illegible] мѣсто, [illegible] характера.

Ограниченіе компетенціи суда присяжныхъ [illegible] судебныхъ уставовъ. [illegible] того принципа [illegible] конституціонный характеръ, что наказанія, соединенныя съ [illegible] правъ, могутъ быть [illegible] лишь при [illegible] присяжныхъ. Присяжные были устранены отъ дѣлъ политическаго характера, и этимъ было [illegible] путь къ дальнѣйшимъ устраненіямъ и ограниченіямъ.

Не всѣ [illegible] значеніе этого изъятія. Неизвѣстный и, повидимому, оффиціозный авторъ [illegible] въ 1862 году на страницахъ журнала Министерства Юстиціи: „Что касается до преступленій политическихъ, къ которымъ присоединены и преступленія, совершаемыя посредствомъ печати (?), то по ихъ важности и опасности для государства законодательство не рѣшилось передавать ихъ на усмотрѣніе неиспробованному еще опытомъ учрежденію присяжныхъ засѣдателей". Такой вдумчивый [illegible] и другъ присяжнаго суда, какъ Ровинскій, допускалъ возможность подобныхъ изъятій лишь „на первое время", вѣрилъ, что они исчезнутъ и, видимо, не усматривалъ [illegible]. Но будущее показало, что [illegible] была, и что правъ былъ обозрѣватель „Библіотеки для чтенія", [illegible] что изъятія [illegible]

достаточныхъ основаній, что оно „лишаетъ подсудимаго хорошей гарантіи" и, наряду съ правомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ закрывать двери судебнаго засѣданія, „поведетъ къ злоупотребленіямъ".

Ровинскій искренно вѣрилъ въ желаніе правительства идти впередъ и потому ошибся. Утверждая, что при передачѣ присяжнымъ засѣдателямъ политическихъ дѣлъ, общество выставило бы въ лицѣ присяжныхъ „людей порядка, которые гласно осудили бы всякое безсвязное волненіе", онъ прибавляетъ: „Конечно, такой судъ, представляя законную поддержку законной власти, разоблачилъ бы и всѣ злоупотребленія и всѣ причины безсвязныхъ волненій, но тѣмъ легче было бы правительству предупреждать ихъ, знакомиться съ нуждами общества, итти во главѣ его и предлагать постоянно необходимыя преобразованія".

Правительство не пошло на путь, указываемый Ровинскимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ явилось предрѣшеннымъ не расширеніе компетенціи присяжныхъ, а дальнѣйшее ея сокращеніе.

Обратимся къ привилегированному порядку преданія суду должностныхъ лицъ.

Провозгласивъ начало раздѣленія властей, необходимо было сдѣлать тотъ правильный выводъ, что независимость представителей административной власти отъ власти судебной можетъ сохраняться лишь до тѣхъ поръ, пока эти представители держатся въ рамкахъ закона; разъ они вышли за эти рамки, они неизбѣжно должны попадать въ сферу господства судебной власти, ибо иначе нарушается, какъ провозглашенный судебными уставами принципъ равенства всѣхъ передъ закономъ, такъ и создаваемое раздѣленіемъ властей право судебной власти быть единственнымъ компетентнымъ судьей въ опредѣленіи того, что законно, а что нѣтъ. Требуемаго нами вывода сдѣлано не было, несмотря на достаточное количество энергичныхъ и извѣстныхъ государственному совѣту возраженій. Рядъ судебныхъ практиковъ въ своихъ „замѣчаніяхъ" требовалъ, чтобы начальство было устранено отъ рѣшенія вопроса о преданіи чиновника суду, и чтобы этотъ вопросъ подлежалъ исключительно судебному рѣшенію. Авторы ссылаются и на существовавшій при прежнемъ порядкѣ бюрократическій произволъ, „парализующій" защиту гражданами попранныхъ своихъ правъ, и на поощреніе такимъ путемъ взяточничества и другихъ злоупотребленій, которыя начальство можетъ быть склонно покрывать, чтобы не выносить сора изъ избы, и на необходимость въ этой области создать наибольшія гарантіи.

Тѣ же доводы выдвинула печать, особенно „Современникъ", помѣстившій рядъ прекрасныхъ статей извѣстнаго А. М. Унковскаго, видѣвшаго громадную опасность отъ такого порядка для самой идеи законности и ея проведенія въ жизнь.

Но и ранѣе высказанныя и позднѣйшія соображенія не измѣнили дѣла. Государственный совѣтъ совершенно неправильно истолковалъ принципы независимости административной власти отъ власти судебной и въ результатѣ судебное

[illegible]

[illegible] Мы уже говорили, что судебные уставы въ ст. 1-й уст. уг. суд. ввели принципъ „nullum crimen, nulla poena sine lege": этотъ конституціонный принципъ долженъ былъ служить вѣрной гарантіей правъ гражданъ, особенно въ соединеніи съ категорической формулой „основныхъ положеній", гласившей, что судебная власть принадлежитъ судамъ „безъ всякаго участія властей административныхъ". Обсуждавшая „основныя положенія" печать выражала увѣренность, что мы вступаемъ на совершенно новый путь, и что такіе анахронизмы, какъ кары въ административномъ порядкѣ, быстро исчезнутъ въ виду ихъ полнаго противорѣчія основнымъ принципамъ судебной реформы.

Но несовмѣстимое оказалось совмѣстимымъ. Въ государственномъ совѣтѣ возникло во главѣ съ графомъ Панинымъ теченіе, отстаивавшее возможность въ нѣкоторыхъ случаяхъ для администраціи права налагать взысканія безъ суда. Предложеніе вызвало дружный протестъ; былъ высказанъ рядъ чрезвычайно [illegible] преступленій."

„Мѣры" удалили, а вмѣстѣ съ тѣмъ открылась возможность совершенно парализовать одну изъ важнѣйшихъ гарантій конституціоннаго характера, созданныхъ судебными уставами.

Итакъ, однимъ изъ пріемовъ, подготовлявшихъ новыя формы административнаго усмотрѣнія, были компромиссы, вошедшіе въ текстъ уставовъ и подрывавшіе ихъ же основные принципы. Хотя и былъ данъ рядъ гарантій, но, по справедливому замѣчанію „Отечественныхъ Записокъ", *важнѣйшія* гарантіи были допущены лишь для тѣхъ случаевъ, которые стояли внѣ всякаго соприкосновенія съ прерогативами правительства.

Вообще все лучшее въ судебной реформѣ оказалось недостаточно устойчивымъ, да это и понятно. Всякаго рода усовершенствованія и гарантіи только тогда могутъ проявить устойчивость и выдержать борьбу за существованіе, если они въ свою очередь опираются на какія-нибудь незыблемыя гарантіи. Такими гарантіями введеніе судебной реформы не сопровождалось, а между тѣмъ эта реформа, вмѣстѣ съ реформой крестьянской, земской и другими, задѣла цѣлый рядъ интересовъ. Все привилегированное и властное, все привыкшее эксплуатировать безправіе народа и дѣйствовать по произволу,

не считаясь съ закономъ, не могло очень быстро не почувствовать, что его сильно сократили и могутъ сократить еще больше. Оно быстро сомкнулось и приступило къ дѣйствіямъ.

А дѣйствовать было нетрудно. Права и гарантіи, созданныя судебной реформой, не были незыблемы. Нарушать ихъ можно было не только испытаннымъ незаконнымъ путемъ ограничительныхъ министерскихъ циркуляровъ и давленій, но и путемъ, съ формальной стороны совершенно законнымъ: путемъ новыхъ законодательныхъ актовъ, исходящихъ отъ ничѣмъ неограниченной верховной власти.

Вдвинутая въ рамки стараго политическаго строя судебная реформа могла бы развернуть всѣ свои великія положительныя стороны лишь въ томъ случаѣ, если бы дѣло шло въ сторону пересозданія самого упомянутаго строя. Но колесо исторіи тогда поворачивалось въ другую сторону. Великая судебная реформа создала невѣдомое у насъ доселѣ правосудіе, показала перспективу серьезнаго политическаго обновленія, но въ послѣдней области ничего прочнаго дать не смогла, а сама подверглась ряду серьезнѣйшихъ ударовъ.

Опредѣленныя причины дали опредѣленныя слѣдствія...

ГЛАВА V.

Польское возстаніе 1863 г.

(З. Ленскаго).

1.

Режимъ Паскевича.

Взятіе Варшавы было для Николая I чрезвычайно радостнымъ событіемъ. Оно знаменовало собой конецъ трудной и невсегда побѣдоносной войны; оно давало личное удовлетвореніе русскому самодержцу, самолюбіе и гордость котораго сильно страдали оттого, что усмиреніе непокорныхъ поляковъ, осмѣлившихся его лишить трона, требовало столькихъ жертвъ. Война 1831 г. была разорительна для государственнаго кошелька, и быстрое ея окончаніе такъ или иначе диктовалось не столько или не только династическимъ самолюбіемъ Николая I, сколько главнымъ образомъ финансовымъ положеніемъ Россіи.

Старанія сдѣлать новый голландскій заемъ долго были безуспѣшны, и министру финансовъ Канкрину пришлось прибѣгнуть къ обычной мѣрѣ—выпуску асигнацій на 100 мил. рублей. Благодаря войнѣ, финансы

русскіе, по выраженію Бенкендорфа, „получили глубокую рану". Было время — въ маѣ 1831 г., — когда въ виду внезапной смерти фельдмаршала Дибича, Николай I былъ готовъ даже добровольно отказаться отъ большей части Царства Польскаго въ пользу Пруссіи, лишь бы поскорѣе окончить разорительную войну.

Неудивительно поэтому тотъ восторженно радостный тонъ, которымъ проникнуты письма императора къ „отцу-командиру", фельдмаршалу Паскевичу, которого онъ величаетъ спасителемъ Россіи и въ знакъ благодарности жалуетъ ему титулъ „князя Варшавскаго". Его радость омрачаетъ лишь мысль о томъ, какъ бы русскіе офицеры не заразились въ Царствѣ Польскомъ революціоннымъ духомъ. Онъ проситъ обращать „самое бдительное вниманіе на сношенія и поведеніе офицеровъ", выражаетъ крайнее неудовольствіе по поводу распространенія проекта конституціи для Россіи, найденнаго послѣ взрыва 29-го ноября въ бумагахъ Новосильцева и напечатаннаго по распоряженію польскаго „Жонда Народоваго". „Чертковъ привезъ мнѣ экземпляръ проекта конституціи для Россіи, найденный у Новосильцева въ бумагахъ", пишетъ по этому поводу 14/26 сентября государь своему „любезному Ивану Федоровичу", — „напечатаніе сей бумаги крайне непріятно; на 100 человѣкъ вообще молодыхъ офицеровъ 90 прочтутъ, не поймутъ, или презрятъ, но 10 оставятъ въ памяти, обсудятъ — и главное *не забудутъ*". Ему желательно по возможности скорѣе изолировать офицеровъ, въ особенности гвардейскихъ, отъ польской атмосферы.

Съ [illegible] также сдались упорствовавшія въ теченіе почти мѣсяца двѣ крѣпости Царства Польскаго: Модлинъ и Замостье.

[illegible] руки для того, чтобы приняться за внутреннее переустройство Царства Польскаго. „Употреби, [illegible] способами, которые въ виду имѣли и которые вновь по усмотрѣнію твоему нужными найдутся".

Прежде всего нужно было явить милость и гнѣвъ по отношенію къ непосредственнымъ участникамъ революціи. 20 октября 1831 г. былъ объявленъ манифестъ объ амнистіи. Хотя по буквѣ манифеста [illegible] лишь для [illegible] важнѣйшихъ группъ участниковъ — иниціаторовъ взрыва 29-го ноября, членовъ [illegible] на лишеніе престола династіи Романовыхъ, членовъ Народоваго Жонда и др.—тѣмъ не менѣе кары коснулись и многихъ такихъ лицъ, которыя не исключались актомъ амнистіи. „Всѣ [illegible] обрѣтаться будутъ въ Ярославлѣ, а прочая вся сволочь въ Вологдѣ",— злорадно сообщалъ Николай I уже послѣ изданія манифеста Паскевичу. Солдаты бывшей польской арміи [illegible] Пруссіи и Австріи въ

родину, но здѣсь ожидалъ ихъ довольно непріятный сюрпризъ: ихъ отсылали въ гарнизоны, расположенные внутри Имперіи и главнымъ образомъ въ губерніи, пограничныя съ азіатскими владѣніями. — Амнистія совершенно не распространялась на жителей литовскихъ и украинскихъ губерній.

Спеціально учрежденный Верховный Уголовный Судъ долженъ былъ рѣшить дѣла тѣхъ, кто не подходилъ подъ манифестъ объ амнистіи. Дѣятельность этого суда затянулась на весьма продолжительное время. Главная масса обвиняемыхъ успѣла заблаговременно очутиться за границей, такъ что Николаю I пришлось невольно проявить великодушіе по отношенію къ 258 лицамъ, которыхъ судъ приговорилъ къ смертной казни и которымъ царскій манифестъ 1834 г. замѣнялъ послѣднюю безсрочнымъ изгнаніемъ изъ предѣловъ отечества. Въ числѣ этихъ приговоренныхъ къ изгнанію находятся Чарторыйскій, Лелевель, Скшинецкій, Бржиковскій и всѣ вообще наиболѣе видные участники возстанія. Петру Высоцкому, Викентію Нѣмоевскому и другимъ смертная казнь замѣнена каторжными работами въ сибирскихъ рудникахъ, нѣкоторымъ сокращенъ срокъ тюремнаго заключенія.

Но не въ этихъ мѣрахъ заключались способы упроченія новаго завоеванія, о которыхъ государь упоминалъ въ своемъ письмѣ фельдмаршалу. Николая I меньше занималъ вопросъ о карательныхъ, чѣмъ о предупредительныхъ мѣрахъ, которыя разъ навсегда обезопасили бы его отъ возможности повторной польской революціи.

Такъ какъ источниками, питавшими мятежный духъ въ полякахъ, были, по мнѣнію высшаго петербургскаго правительства, съ одной стороны, конституція 1815 г., съ другой, всѣ тѣ учрежденія, которыя развивали чувство патріотизма и поддерживали сознаніе польской національности, то уничтоженіе первой и вторыхъ стояло на первомъ планѣ.

Конституція 1815 года, формально никакимъ актомъ не отмѣненная, была просто оставлена безъ всякаго вниманія. „Я получилъ ковчегъ съ покойницей конституціей, за которую благодарю весьма, она изволитъ покоиться здѣсь въ Оружейной Палатѣ"— шутилъ по этому поводу Николай I въ своемъ письмѣ отъ 15 ноября 1831 г. Въ началѣ 1832 г. былъ изданъ новый основной законъ, такъ называемый „Органическій Статутъ", который гарантировалъ Царству Польскому отдѣльныя законодательство и администрацію, свободу вѣроисповѣданій, печати, равенство всѣхъ передъ закономъ, неприкосновенность собственности и личности, мѣстное самоуправленіе и даже, въ ближайшемъ будущемъ, законосовѣщательное народно-представительное учрежденіе. Но всѣ эти обѣщанія оставались на бумагѣ, они были написаны только на показъ для Западной Европы, которая въ лицѣ Англіи и Франціи требовала строгаго исполненія вѣнскихъ трактатовъ. Въ жизнь вошли только тѣ статьи Органическаго Статута, которыми уничтожались прежнія конституціонныя гарантіи и цѣлью которыхъ было „органическое" сліяніе Царства съ Имперіей.

Однимъ изъ первыхъ шаговъ Вре-

менного Правленія, учрежденнаго еще указомъ 4-го сентября 1831 г. на мѣсто прежнихъ административныхъ совѣтовъ, были распоряженія о конфискаціи и секвестраціи имѣній эмигрантовъ. Формальнымъ камнемъ преткновенія для новаго польскаго правительства явилась статья [illegible] конституціи 1815 г., которой разъ навсегда уничтожалась конфискація имущества, какъ мѣра наказанія. Но это формальное препятствіе не помѣшало предпринять конфискацію въ самыхъ широкихъ, [illegible] размѣрахъ. Въ 1831 г. было конфисковано, [illegible] и секвестръ въ одномъ только Царствѣ Польскомъ, громадное количество [illegible] имѣній съ числомъ душъ муж. пола 257.598; въ то время, какъ количество временно секвестрованныхъ имѣній къ слѣдующему году значительно уменьшилось, количество конфискованныхъ, напротивъ, возросло, достигши въ 1832 г. цифры 142.204 д., не меньше, вѣроятно, [illegible] всей земельной собственности помѣщиковъ Царства Польскаго. Еще гораздо раньше, чѣмъ въ этомъ послѣднемъ, мѣра конфискаціи была примѣнена къ имѣніямъ помѣщиковъ „[illegible] отъ Польши губерній“ (т. е. литовскихъ и украинскихъ), которые приняли участіе въ мятежѣ *).

Большая часть конфискованныхъ имѣній была впослѣдствіи [illegible] разнымъ заслуженнымъ русскимъ чиновникамъ и генераламъ, въ видѣ майоратовъ. Во время намѣстничества Паскевича (1831—1856) [illegible] было 135 майоратовъ. Въ указѣ 1835 г. объ устройствѣ майоратовъ говорится, что „конфискація имѣній [illegible] стенійныхъ враговъ закона и [illegible] [illegible]". [illegible] Польшѣ [illegible] сьаго; поскольку же они переселялись [illegible] въ упрѣ[illegible] края.

[illegible] всѣхъ фактовъ управленія Царствомъ Польскимъ приходитъ къ слѣдующимъ [illegible]: „[illegible] польской арміи, введеніе въ качествѣ [illegible] Царства [illegible] ныхъ коллекцій, закрытіе многихъ [illegible] питанія ихъ на казенный счетъ, [illegible] мействъ въ отдаленныя губерніи Россіи, [illegible] наконецъ вмѣшательство въ дѣла національной церкви—все это свидѣтельствуетъ [illegible] тельства уничтожить политическую [illegible]

*) Указъ 21 декабря [illegible] года.

провинцію“. Управленіе получило характеръ военной диктатуры, во главѣ которой стоялъ царскій намѣстникъ. Въ воеводствахъ, переименованныхъ въ 1837 году въ губерніи, высшей властью пользовались военные начальники. Еще въ 1833 году объявлено было въ Царствѣ военное положеніе, которое потомъ не отмѣнялось въ теченіе слишкомъ 20-ти лѣтъ. Даже ротнымъ командирамъ въ силу этого дано было право арестовывать по своему усмотрѣнію: „Это есть одно средство — писалъ фельдмаршалъ Николаю I—удержать дворянство и шляхту въ повиновеніи“.

Особенное вниманіе обращено было на преобразованіе всего школьнаго дѣла, такъ какъ „дурному воспитанію“—по словамъ Николая I—„приписать должно въ особенности наклонность въ молодежи къ бывшему бунту“. Университеты Варшавскій и Виленскій были закрыты, такая же участь постигла кременецкій лицей. Образованная изъ медицинскаго факультета бывшаго Виленскаго университета медико-хирургическая академія также была закрыта въ 1842 г. Для окончательнаго административнаго слiянія школьнаго дѣла въ Польшѣ съ русскимъ центральнымъ управленіемъ, въ 1839 г. департаментъ просвѣщенія въ комиссіи внутреннихъ дѣлъ былъ преобразованъ въ варшавскій учебный округъ, поставленный въ полную зависимость отъ русскаго министра народнаго просвѣщенія. Такъ какъ въ просвѣщеніи вообще усматривался источникъ революціонныхъ замысловъ, то запрещено было отправляться молодымъ людямъ для ученія за границу. Закрыто было варшавское „Общество друзей науки“, основанное еще въ эпоху прусскаго господства. Дѣтей не-дворянъ запрещено было принимать въ гимназіи, а число послѣднихъ было сокращено. Гнетъ цензуры принялъ чудовищные размѣры: не только сочиненія, но даже имена такихъ писателей, какъ Мицкевичъ, Красинскій, Словацкій, Мохнацкій, Лелевель—были подъ самымъ строгимъ запретомъ...

Режимъ административнаго произвола и мстительныхъ репрессій съ еще большей силой, чѣмъ на Царство Польское обрушился на „возвращенныя отъ Польши губерніи“. Помимо конфискаціи имѣній, закрытія высшихъ и среднихъ школъ, ссылки въ Сибирь и на каторгу громадной массы лицъ, заподозрѣнныхъ, какъ участниковъ революціи — тамъ жертвой преслѣдованій сдѣлались, съ одной стороны, уніаты и католики, съ другой, мелкая, такъ называемая загоновая шляхта. Эту послѣднюю, близкую къ крестьянству по своему соціальному положенію, а къ польскому дворянству—по своимъ національно - историческимъ традиціямъ, Николай I рѣшилъ уничтожить однимъ почеркомъ пера. По указу 19/31 октября 1831 г. вся эта шляхта превращена въ крестьянъ-однодворцевъ и мѣщанъ. Это отнюдь не былъ демократизмъ, а мѣра наказанія по отношенію къ мелкой шляхтѣ, которая „оказалась особенно враждебной и дѣятельной въ преступныхъ возмущеніяхъ "противъ законно установленной власти“. *) Въ октябрѣ же мѣсяцѣ императоръ приказалъ сослать на Кавказъ 5.000 мелко-шляхет-

*) Указъ 19/31 октября 1831 г.

скихъ семействъ. Подольской губерніи, причемъ въ докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ Николай собственноручно добавилъ: „Эти правила должны быть приняты въ руководство не только для Подольской, но для всѣхъ 9 западныхъ губерній, что въ общей сложности составитъ 45 тысячъ семействъ". Было ли это пожеланіе выполнено со всей точностью, неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, тысячи польскихъ семействъ подъ лицемѣрнымъ предлогомъ попеченія объ ихъ матеріальномъ благосостояніи были насильно оторваны отъ родныхъ мѣстъ и переселены на Кавказъ.

Но самой важной задачей правительства въ литовскихъ губерніяхъ сдѣлалось насажденіе православія. Уніатскіе монастыри были закрыты и обращены въ православные, имущество, принадлежавшее уніатскому ордену базиліанъ, было конфисковано. Наконецъ указомъ 1839 г. унія была офиціально уничтожена. На [illegible] прежде [illegible]. Подавшему [illegible] государю, что ему такъ легко удалось обратить въ православіе 2 милліона литовскаго народа. Жертвой правительственныхъ гоненій сдѣлалась въ Литвѣ также католическая религія.

Преслѣдованія за вѣру только сблизили литовскій католическій народъ съ польскимъ элементомъ, и страдающій за унію или католичество крестьянинъ въ своей ненависти къ русской власти раздѣлялъ вполнѣ, хотя и по другимъ причинамъ, чувства поляка-помѣщика, несмотря на ту сословную пропасть, которая лежала между ними.

2.

Эмиграція и демократичееская пропаганда.

Въ теченіе цѣлыхъ 20-ти лѣтъ дѣйствовалъ этотъ режимъ реакціи и военно-полицейской диктатуры въ Царствѣ Польскомъ. Онъ былъ не только местью за возстаніе 1831 года. Импульсомъ для его примѣненія и обостренія служило опасеніе передъ будущимъ и постоянное непрекращавшееся революціонное движеніе въ настоящемъ. Ареной послѣдняго не были ни Царство Польское, ни „возвращенныя губерніи", но польская эмиграція, средоточіемъ которой сдѣлалась Франція. Здѣсь собрались тысячи поляковъ, среди которыхъ преобладали офицеры и солдаты бывшей польской арміи. Жондъ Народовый, члены сейма, писатели, публицисты, представители польской знати, простые шляхтичи, мѣщане и крестьяне — словомъ, Польша въ миніатюрѣ — искали убѣжища въ той Франціи, которая недавно сама пережила революцію и которая въ лицѣ своихъ наиболѣе выдающихся гражданъ выказывала столько симпатіи къ польскому дѣлу.

Идейная жизнь, задушенная на родинѣ, пышно расцвѣла на французской, свободной почвѣ. Не то, что, какъ тамъ литература и публицистика были сжаты въ желѣзныхъ тискахъ режима. Поэзія въ эмиграціи своей достигла небывалой дотолѣ высоты. Періодъ годовъ 1831—1850 считается самой блестящей

эпохой въ исторіи польской поэзіи. Здѣсь посреди шума эмигрантскихъ партій вышли изъ-подъ пера Мицкевича, Словацкаго и Красинскаго— этихъ трехъ свѣтилъ польской литературы—ихъ наиболѣе крупныя произведенія. Нельзя понять характера поэзіи той эпохи, игнорируя тѣ соціально-политическія идеи, которыя дѣлили эмиграцію на различныя партіи. Поэты не могли оставаться совершенно въ сторонѣ отъ этой идейной борьбы. И если Красинскій является поэтомъ-аристократомъ, раздѣлявшимъ консервативно-католическія воззрѣнія партіи Чарторыйскаго, если его „Небожественная комедія" возводитъ аристократію на пьедесталъ творцовъ жизни, то Словацкій, высмѣивающій въ своей „Лиллѣ Венедѣ" шляхту-лехитовъ и надѣляющій моральной силой народъ-венедовъ—выступаетъ какъ поэтъ-революціонеръ, поэтъ-демократъ.

Съ перваго же момента появленія эмигрантовъ на французской почвѣ началась борьба партій, борьба, бывшая собственно продолженіемъ той, которая въ болѣе или менѣе рѣзкихъ формахъ не прекращалась въ теченіе революціи, борьба между аристократической партіей Чарторыйскаго и революціонными элементами Патріотическаго клуба. Сначала, такъ сказать, моральную власть надъ всей эмиграціей принялъ на себя временный комитетъ, состоявшій изъ послѣдняго предсѣдателя Народоваго Жонда Бонавентуры Нѣмоевскаго и пяти сеймовыхъ пословъ. Но такъ какъ Жондъ и сеймъ были тѣми козлами отпущенія, на которыхъ сваливалась вся вина за неудачу возстанія, то большинство настроенной революціонно и озлобленной эмиграціи не захотѣло признавать этого комитета и выбрало новый „національный комитетъ" съ Лелевелемъ во главѣ. Комитетъ Лелевеля, который въ противовѣсъ аристократической фракціи хотѣлъ польское дѣло связать съ интересами европейскихъ *народовъ*, а не *правительствъ*, — обращаясь съ этой цѣлью въ рядѣ нѣсколько напыщенныхъ воззваній къ венгерцамъ, итальянцамъ, испанцамъ, даже къ русскимъ и евреямъ — тоже не вызвалъ сочувствія въ массахъ эмиграціи. Часть молодой эмиграціи отдѣлилась отъ него и основала въ мартѣ 1832 года „Польское Демократическое Общество". Основной принципъ этой новой организаціи состоялъ въ слѣдующемъ положеніи: „Польша должна искать спасенія не только въ вооруженномъ возстаніи противъ чужеземнаго ига, но также — въ радикальной и демократической революціи". Въ то время, какъ комитетъ Лелевеля занималъ неопредѣленную позицію по отношенію къ польской аристократіи, Демократическое Общество сразу объявило себя ея безусловнымъ врагомъ, обвиняя ее въ гибели Польши.

Настроить общественное мнѣніе противъ аристократіи и ея воплощенія, кн. Чарторыйскаго, было вначалѣ главной задачей Демократическаго Общества. Его агитація въ этомъ отношеніи была удачна. Кн. Чарторыйскій, который отъ имени польскаго народа стучался въ двери западно - европейскихъ кабинетовъ, главнымъ образомъ англійскаго и французскаго, ища дипломатическаго заступничества, былъ объявленъ въ 1833 г. цѣлыми колоніями (такъ на-

[illegible] или „[illegible]“) польской эмиграціи, разсѣянной французскимъ правительствомъ по мелкимъ провинціальнымъ городамъ, [illegible].

Секція „Демократическаго Общества“ въ Пуатье распространила въ 1834 г. среди польскихъ эмигрантовъ актъ, покрытый 2-мя тысячами слишкомъ подписей, въ которомъ объявлялось, что „Адамъ Чарторыйскій не только не пользуется довѣріемъ соотечественниковъ, но признается врагомъ польской эмиграціи“.

Посреди этой борьбы, переполненной часто дрязгами, взаимными обвиненіями и попреками, подготовлялась къ началу 1833 года экспедиція партизанскихъ отрядовъ. Планъ этой злополучной экспедиціи принадлежалъ Заливскому, офицеру польской арміи и одному изъ иниціаторовъ взрыва 29 ноября. Предполагалось маленькими партизанскими отрядами незамѣтно проникнуть въ Царство Польское и Литву, нападеніями на казачьи посты, мелкими стычками въ различныхъ пунктахъ страны вызвать броженіе среди населенія и, провозгласивъ свободу и равенство, привлечь его къ возстанію. Все это предпріятіе не имѣло никакихъ шансовъ на успѣхъ, оно было скорѣе продуктомъ пылкаго воображенія Заливскаго и его товарищей, нежели серьезно и зрѣло обдуманнымъ планомъ.

Маленькія партіи партизановъ подъ начальствомъ бывшихъ военныхъ стали съ марта 1833 г. пробираться черезъ Галицію и Княжество Познанское въ Царство Польское. Попытка, какъ и нужно было ожидать, кончилась трагически. Не успѣвъ [illegible] себѣ народу, всѣ они были схвачены въ плѣнъ и [illegible] къ смертной казни, [illegible] на каторжныя работы [illegible] въ страшную „Цитадель“ [illegible]. Около 20-ти человѣкъ участниковъ экспедиціи Заливскаго были повѣшены и разстрѣляны по конфирмаціи Паскевичемъ приговора военнаго суда. Самъ Заливскій, пробравшійся назадъ въ Галицію, былъ тамъ арестованъ вмѣстѣ съ 12-ю другими лицами и посаженъ въ крѣпость Куфштейнъ, откуда его освободила только революція 1848 года.

Для Царства Польскаго эта экспедиція явилась новымъ источникомъ репрессій. Она-то подала поводъ къ объявленію страны на военномъ положеніи. Тюрьмы переполнились сотнями политическихъ заключенныхъ, заподозрѣнныхъ хотя бы въ самой отдаленной связи съ партизанами. Сторонниковъ Демократическаго Общества въ эмиграціи она убѣдила, что раньше, чѣмъ вызвать то истинно всенародное возстаніе, которое имъ грезится, нужно совершить большую работу подготовительнаго характера, широко распространить демократическіе принципы, выяснить цѣлый рядъ вопросовъ, связанныхъ съ организаціей будущаго возстанія.

Пропагандистская и организаторская работа Демократическаго Общества усилилась послѣ 1836 г., т. е. послѣ изданія имъ манифеста, въ которомъ были изложены принципы польской демократіи. Этотъ манифестъ, вышедшій изъ-подъ пера наиболѣе талантливаго публициста демократіи Виктора Гельтмана и под-

писанный 1.135-ью членами Общества, является символомъ вѣры демократической польской интеллигенціи. „Все для народа черезъ народъ: вотъ наиболѣе общій принципъ демократіи. Все для народа, для всѣхъ — цѣль; все черезъ народъ, черезъ всѣхъ — форма“. Исходя изъ этихъ общихъ основъ демократіи, манифестъ ставитъ передъ польскимъ демократическимъ обществомъ задачу: „Польша независимая и Польша демократическая“.

„Только независимая и демократическая Польша способна исполнить свою великую миссію, разорвать союзъ абсолютизма, уничтожить его пагубное вліяніе на западную цивилизацію, распространить демократическую идею среди славянъ, служащихъ нынѣ орудіями угнетенія, этой идеей ихъ сплотить, а своими добродѣтелями, чистотой и силой своего духа дать начало всеобщему освобожденію европейскихъ народовъ... Черезъ Польшу для человѣчества“. Тутъ слышатся отзвуки тѣхъ самыхъ идей, которыя четыре года передъ этимъ (1832) Мицкевичъ развивалъ въ своихъ библейско-пророческихъ „Книгахъ народа и пилигримства польскаго“, въ этой поэтической исторіософіи польскаго народа, которому поэтъ пророчитъ великую. миссію: „Народъ польскій не умеръ, лишь тѣло его въ могилѣ... и въ третій день душа вернется въ тѣло, и народъ воскреснетъ и освободитъ всѣ народы Европы отъ рабства“. Хотя между религіозно-мессіанистическими идеями Мицкевича и прогрессивно-демократическимъ направленіемъ Демократическаго Общества было весьма мало общаго, но въ этомъ пунктѣ, во взглядѣ на освободительную миссію Польши они сходятся.

„Для возстановленія независимости Польша имѣетъ въ своемъ собственномъ лонѣ гигантскія силы, которыхъ донынѣ ничей добросовѣстный и искренній голосъ еще не пробудилъ къ жизни. Это — нетронутая почти одинаково грозная для внутреннихъ какъ и для внѣшнихъ враговъ сила“. Польское крестьянство, угнетаемое, презираемое, лишенное правъ и собственности — единственный возстановитель Польши. Поэтому „если новое возстаніе не хочетъ быть печальнымъ повтореніемъ прежнихъ, первымъ сигналомъ къ возстанію должно быть освобожденіе крестьянъ, возвратъ вырванной у нихъ земли въ полную безусловную собственность, возвратъ правъ, призывъ къ пользованію выгодами независимаго бытія всѣхъ безъ различія религіи и племени“.

Манифестъ заканчивается такими знаменательными словами: „Если бы необходимая перемѣна общественнаго порядка и идущая за ней слѣдомъ независимость не могли быть добыты безъ насильственныхъ потрясеній, если бы народу пришлось стать строгимъ судьей прошлаго, мстителемъ за совершенную надъ нимъ несправедливость и исполнителемъ категорическаго приговора времени—мы не пожертвуемъ счастіемъ двадцати милліоновъ ради кучки привилегированныхъ, а пролитая братская кровь падетъ на головы тѣхъ, кто въ упорствѣ своемъ поставилъ эгоистическіе интересы выше общаго блага и освобожденія родины“.

Крестьянскій вопросъ польская

демократія разрѣшила весьма ради-кальнымъ [illegible] помѣщичье-земледѣль-ческихъ отношеній. Она требовала толь-ко уничтоженія барщины и оброка съ надѣленіемъ землей въ полную собственность всѣхъ разрядовъ кре-стьянъ, т. е. не только имѣющихъ усадебную осѣдлость, но и того без-земельнаго и малоземельнаго проле-таріата, который подъ названіемъ „халупниковъ“, „коморниковъ“, „за-[illegible]“, „заробниковъ“ соста-влялъ весьма значительный процентъ земледѣльческаго населенія во всѣхъ провинціяхъ бывшей Рѣчи Посполи-той. Реформа должна совершиться безъ всякаго, прямого или косвен-наго, вознагражденія бывшихъ вла-дѣльцевъ. Замѣна барщины оброкомъ или вознагражденіе владѣльцевъ со стороны не однихъ крестьянъ, но всей націи, то есть изъ государ-ственныхъ средствъ, было бы по мнѣнію членовъ Демократическаго Общества несправедливостью и обма-номъ, такъ какъ оно все равно лег-ло бы тяжелымъ бременемъ на плечи народа. Полное, безусловное осво-божденіе съ землей безъ всякаго вознагражденія владѣльцевъ — вотъ лозунгъ польской демократической интеллигенціи 30-хъ и 40-хъ го-довъ.

Только такое радикальное уничто-женіе шляхетскихъ привилегій — говорили демократы—только возста-новленіе [illegible] и естественныхъ правъ народа, насильно отнятыхъ у него господствующимъ классомъ, дастъ силу новому польскому воз-станію. „Только тогда священный огонь любви къ отечеству зажжетъ сердца народныхъ массъ и развеетъ [illegible] только тогда [illegible] всѣхъ [illegible] ной будетъ [illegible] станемъ [illegible] и сами [illegible] враговъ“. Такъ писалъ [illegible] въ „циркулярахъ Демократическаго Общества“ въ 1837 г.

Въ „циркулярахъ“ [illegible] отражались [illegible] демо-кратіи [illegible] характера. Они служили дискуссіон-ной трибуной для членовъ Общества, дававшихъ обстоятельный разборъ по различнаго рода соціально-поли-тическимъ вопросамъ, предлагае-мымъ на обсужденіе комитетовъ Об-щества, или „Централизаціи“. Всѣ эти вопросы имѣли самую тѣсную связь съ возстаніемъ, такъ какъ Централизація исходила изъ той мысли, что „движеніе, опирающееся на принципы, недостаточно вырабо-танные, легко можетъ сойти съ над-лежащаго пути“.

Было бы ошибочно думать, что, на-стаивая на необходимости путемъ широкой соціальной реформы при-влечь народныя массы къ возстанію, Демократическое Общество смотрѣло на эти послѣднія лишь какъ на фи-зическую силу, какъ на [illegible] кадры. Нѣтъ, народъ въ глазахъ демократіи таилъ въ себѣ [illegible] каемый источникъ новыхъ культур-ныхъ и моральныхъ силъ, способ-ныхъ обновить польское общество.

„Шляхта—читаемъ мы въ одномъ изъ „циркуляровъ“ 1840 г.—какъ со-словіе, [illegible] щая Польшу, дала очевидныя доказа-

тельства, что она не способна стать во главѣ общества и вырвать его изъ пропасти несчастій. Такъ пусть же безсиліе будетъ предоставлено своей собственной судьбѣ. Ея здоровые элементы, тѣ, которые готовы принести на алтарь отечества не только жизнь свою и богатства, но также предразсудки и привилегіи, понявъ, что безусловное надѣленіе народа землей представляетъ актъ великой національной и вмѣстѣ съ тѣмъ абсолютной справедливости, что ихъ право на землю, за которую народъ отбываетъ тяжелую барщину, основывается на простомъ грабежѣ, сознавъ, что безъ возврата отечеству того, что принадлежитъ не имъ, что безъ этой обыкновенной съ ихъ стороны добросовѣстности не будетъ независимой Польши,—понявъ все это, говоримъ мы, здоровые элементы шляхты перестанутъ считать заодно свои эгоистическіе интересы и интересы родины, захотятъ реабилитировать себя, искренно бросившись въ объятія народной революціи". Къ этимъ „здоровымъ элементамъ" шляхты и обращались польскіе демократы, которые сами были отпрыскомъ той же шляхты, предаваемой ими проклятію. Поэтому наиболѣе правильно было бы назвать ихъ „кающимися шляхтичами", въ которыхъ сильно говорило чувство соціальной справедливости. Непосредственно къ народу, стоявшему въ центрѣ всего демократическаго міровоззрѣнія, эта пропаганда не обращалась. И „Общество Польскаго Народа", организованное въ Краковѣ, и агитація замѣчательнаго революціонера-патріота Симона Конарскаго въ Литвѣ и Украйнѣ, и пропаганда демократическихъ идей въ Царствѣ Польскомъ и Княжествѣ Познанскомъ—не выходили за предѣлы учащейся молодежи, молодой шляхты, городской интеллигенціи.

Совершенно особое положеніе въ польской эмиграціи занимала колонія эмигрантовъ въ англійскомъ городкѣ Портсмутѣ, состоявшая не изъ шляхты, не изъ бывшихъ чиновниковъ и офицеровъ, а изъ простыхъ солдатъ-крестьянъ. Они прибыли въ началѣ 1832 г. въ числѣ 212 человѣкъ изъ прусской крѣпости Грудзіонзъ (Graudenz), куда были заключены прусскимъ правительствомъ за упорное нежеланіе отправиться черезъ русскую границу.

Не столько соціальный составъ, сколько соціально-политическое credo выдѣлило портсмутскую группу— принявшую въ 1835 г. названіе „Lud polski, gmina Grudziąz"—изъ массы польской эмиграціи. Основнымъ символомъ ея вѣры было уничтоженіе частной собственности. Этимъ принципомъ „польскіе солдаты въ Портсмутѣ" рѣзко себя противопоставляли Демократическому Обществу, вся программа котораго покоилась именно на надѣленіи крестьянъ землею въ частную собственность. Духовный вождь портсмутской колоніи, Станиславъ Ворцелль, въ своей брошюрѣ „О собственности", говоря о крестьянской реформѣ, предлагавшейся Демократическимъ Обществомъ, предвидитъ, что отъ этого въ концѣ концовъ получится лишь новое рабство—„господство капитала надъ пролетаріемъ".

Нужно однако сказать, что идеи „Гмины Грудзіонзъ" не пользовались распространеніемъ, онѣ такъ и оставались достояніемъ малочисленной группы эмигрантовъ. Власть надъ

рамки любой Демократическаго Общества.

Единственную попытку проникнуть въ массы [illegible] сдѣлалъ ксендзъ Сцѣгенный. Самъ сынъ крестьянина, Сцѣгенный въ качествѣ священника одного изъ приходовъ Люблинской губерніи пользовался большимъ вліяніемъ среди населенія. Онъ собиралъ крестьянъ въ лѣсахъ и развивалъ передъ ними демократическія идеи, возбуждая ихъ къ возстанію не только противъ русскаго правительства, но и противъ дворянъ-помѣщиковъ. Это было въ 1844 году. Сцѣгенный палъ жертвой предательства одного изъ крестьянъ Кѣлецкой губерніи. Онъ былъ приговоренъ военнымъ судомъ къ повѣшенію, но смертная казнь была замѣнена ему въ іюнѣ 1845 г. каторгой. Вмѣстѣ со Сцѣгеннымъ въ каторгу отправлены были 13 его ближайшихъ сторонниковъ, всѣ крестьяне Люблинской и Кѣлецкой губерній.

Николай I, [illegible] резолюціей на докладѣ Паскевича о дѣлѣ Сцѣгеннаго, не [illegible], но, наоборотъ, [illegible] „Въ [illegible] — [illegible] сообразительными [illegible] мѣщикомъ — двѣ вещи хорошія: то, что помѣщикамъ угрожать опасность и что крестьяне [illegible] съ ними были [illegible]; а другая уже [illegible] то, что [illegible] донесли на ксендза *); это славно!“ Демагогическое чутье подсказало русскому императору болѣе правильное пониманіе дѣйствительности, чѣмъ польскимъ демократамъ — ихъ интуиція и смѣлость вѣры.

3.

Положеніе крестьянскаго вопроса послѣ 1831 г. — Возстаніе 1846 г. — Указъ 26-го мая.

Крестьянскія отношенія, радикальную реформу которыхъ Демократическое Общество написало на своемъ знамени, были далеко не однородны въ это время во всѣхъ частяхъ бывшей Рѣчи Посполитой. Въ то время, какъ въ Княжествѣ Познанскомъ, начиная съ 1823 года, проводилась „регуляція“ земельныхъ отношеній на началахъ выкупа, такъ что къ началу 40-хъ годовъ тамошніе крестьяне были полными, свободными отъ барщины, собственниками своихъ участковъ, — польскіе помѣщики литовскихъ и украинскихъ губерній продолжали владѣть крестьянскими „душами“ на началахъ неограниченнаго крѣпостного права въ то время, какъ въ Царствѣ Польскомъ крестьянинъ лично былъ свободенъ, но помѣщикъ былъ воленъ въ любой моментъ завладѣть его землей и усадьбой, въ Галиціи же мужичекъ не считался собственникомъ крестьянской земли, и крестьянинъ по закону былъ обезпеченъ отъ захвата своего участка помѣщикомъ.

Демократическое Общество мало

*) Николай I, [illegible] выдать Сцѣгеннаго [illegible] между [illegible] [illegible] крестьянами [illegible], который [illegible] [illegible] въ собственность [illegible]

считалось съ этой разнородностью условій. Мечтая о всеобщемъ польскомъ возстаніи, оно хотѣло единой соціально-политической формулой охватить всѣ польскія провинціи, „весь 20-тимилліонный народъ“. Мы напрасно стали бы искать въ обильной эмиграціонной демократической публицистикѣ какихъ-нибудь фактическихъ данныхъ о положеніи и развитіи сельскаго хозяйства въ этихъ провинціяхъ или детально разработаннаго проекта крестьянской реформы. Кромѣ брошюры Наквaскаго, вышедшей въ 1835 году въ Парижѣ, въ которой развивалась идея надѣленія крестьянъ землею при помощи выкупной операціи, эмиграціонная публицистика ничего не дала въ этомъ отношеніи.

Между тѣмъ для Царства Польскаго 15 лѣтъ, послѣдовавшихъ за ноябрьскимъ возстаніемъ, являются эпохой ломки старыхъ земельныхъ отношеній, но ломки, не идущей на встрѣчу идеаламъ польской демократіи, а, напротивъ, рѣзко противорѣчащей этимъ послѣднимъ.

Капиталистическая эволюція въ сельскомъ хозяйствѣ, начавшаяся еще въ эпоху конституціоннаго Царства Польскаго, дѣлала послѣ 1831 года все болѣе быстрые успѣхи, охватывая мало-по-малу всю страну. Очень много имѣній старой родовой шляхты, бѣжавшей за границу, перешло въ руки новыхъ людей, часто капиталистовъ, которые за безцѣнокъ скупали имѣнія эмигрантовъ. Старая система веденія хозяйства при помощи крестьянскаго инвентаря и исключительно барщиннаго труда, стала подвергаться значительнымъ измѣненіямъ. Разведеніе картофеля, винокуреніе, выгода отъ экономической запашки—всѣ эти обстоятельства привели, во-первыхъ, къ усиленному захвату помѣщиками крестьянской земли, которая по дѣйствовавшему въ Царствѣ Польскомъ Côde civile считалась безусловной собственностью помѣщика, во-вторыхъ, къ сугубому обремененію крестьянъ барщиннымъ трудомъ. Возросшую потребность въ рабочей силѣ помѣщикъ удовлетворялъ не путемъ созданія новыхъ крестьянскихъ усадебъ, но посредствомъ—добавочнаго отягощенія старыхъ, путемъ такъ называемыхъ принудительныхъ наймовъ за невозможно низкую плату. Такъ, напримѣръ, заработная плата за день принудительнаго найма равнялась въ Люблинской губерніи 3—10 копѣйкамъ.

Въ то же время вслѣдствіе непрекращавшагося удаленія крестьянъ съ ихъ усадебъ, земельный пролетаріатъ возросъ до необычайныхъ размѣровъ. Передъ 1830 г. этотъ пролетаріатъ находилъ убѣжище въ городахъ, гдѣ сильно развивалась промышленность. Но послѣ 1831 года, благодаря возвышенію пошлины на ввозимые изъ Царства Польскаго въ Россію продукты, польская промышленность, главнымъ образомъ текстильная, совершенно зачахла; она теперь не только не была въ состояніи поглотить избыточнаго населенія деревень, а наоборотъ, потерявшіе работу промышленные рабочіе лишь умножили ряды сельскаго пролетаріата.

Согнанный съ земли крестьянинъ снималъ уголъ въ избѣ крестьянина, еще не согнаннаго, получалъ отъ него нѣсколько полосокъ подъ картофель, за что онъ взамѣнъ него

[illegible] на барщину. Такимъ об-
разомъ [illegible] барщинный крестья-
нинъ [illegible] „[illegible]“. Кромѣ этой категоріи [illegible] быстрѣе росло количество батраковъ, [illegible] и получающихъ [illegible] деньгами и натурой. Они находились въ полномъ распоряженіи помѣщичьяго двора. [illegible] наблюдался слѣдующій фактъ, что въ 18[illegible] году безземельные крестьяне составляли [illegible]% крестьянскаго населенія, между тѣмъ какъ въ 18[illegible] г. они составляли немногимъ больше 10%. [illegible] подверглась значительнымъ измѣненіямъ. Прежнія [illegible] крестьянскія деревни распадались, вмѣсто нихъ появлялись малоземельные „халупники“, сосредоточенные близъ господской экономіи, размѣры которой все больше и больше расширялись.

[illegible] лучше, чѣмъ въ частновладѣльческихъ, было положеніе крестьянъ въ казенныхъ имѣніяхъ и въ [illegible]. Здѣсь крестьянская земля считалась неприкосновенной. Притомъ были уничтожены всѣ „[illegible]“, принудительные [illegible] и прочія прибавки къ [illegible], опредѣленной обычаемъ барщинѣ. Инструкція объ устройствѣ крестьянъ въ казенныхъ имѣніяхъ, изданная въ 1841 г., предписываетъ перевести крестьянъ этихъ имѣній на оброкъ ([illegible]), причемъ для опредѣленія нормы оброка день [illegible] барщины оцѣненъ былъ въ [illegible], а день барщины съ упряж[illegible] въ 12 копѣекъ. [illegible]

[illegible] было въ среднемъ въ 55 [illegible]. Слѣдуетъ къ этому прибавить, что количество земли, [illegible] крестьянскій дворъ, [illegible].

[illegible]“[1], [illegible] въ Царствѣ Польскомъ [illegible] 18[illegible] г., [illegible] барщинныхъ [illegible] съ [illegible] раціональной хозяйственной культуры [illegible] [*]), [illegible] и т. д. И уже въ 30-хъ годахъ, независимо отъ какой бы то ни было [illegible] соображеній началось уничтоженіе барщины и замѣна ея [illegible]нымъ трудомъ. Но этой стихійной помѣщичьей „регуляціи“ сопутствовало обезземеленіе крестьянской массы. Другимъ способомъ избавиться отъ барщины было [illegible] переводъ крестьянъ на оброкъ.

Первый [illegible] въ этомъ [illegible] гр. Андрей [illegible], который въ 1833 г. приступилъ къ добровольной замѣнѣ барщины оброкомъ. Этому примѣру [illegible] условно выгоднѣе барщины. Но вся шляхетская масса, землевладѣльцы средняго [illegible] и [illegible]

*) [illegible]

не хотѣла объ очиншеваніи, которое въ ея глазахъ было равносильно полному разоренію.

Въ Царствѣ Польскомъ, слѣдовательно, отношенія сложились такъ, что въ то время, какъ положеніе крестьянъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ польской шляхты все ухудшалось, въ имѣніяхъ, принадлежащихъ русскому правительству и владѣльцамъ маіоратовъ (а такихъ имѣній было нѣсколько тысячъ), крестьянамъ жилось вполнѣ сносно. Для національной революціи, въ которой доминирующая роль должна была принадлежать народу, подобное соотношеніе могло бы оказаться роковымъ.

Мысль о революціи, которая охватила бы всѣ польскія провинціи, вырабатывалась и окончательно сформировалась внѣ и помимо того соціально-экономическаго процесса, который совершался въ этихъ провинціяхъ. Правда, Централизація Демократическаго Общества еще не считала моментъ подходящимъ для возстанія. Подготовительная эпоха пропаганды, которая согласно демократической теоріи должна была предшествовать эпохѣ борьбы за независимость, въ 1844/45 гг. еще не могла считаться завершенной, по мнѣнію большинства дѣятелей Общества. И если бы все дѣло зависѣло отъ нихъ, они растянули бы эту подготовительную эпоху еще на долгое время, до тѣхъ поръ, пока демократическіе принципы глубоко и широко проникли бы въ массы. Но возникавшіе въ самой Польшѣ революціонные кружки не хотѣли считаться съ теоріей „версальцевъ", *) они не пожелали дожидаться неопредѣленно долгаго срока и требовали немедленнаго возстанія. Подъ напоромъ этихъ революціонныхъ кружковъ, главнымъ образомъ въ Краковѣ и Познани, Централизація, наконецъ, рѣшилась осуществить то возстаніе, теорію котораго она вырабатывала въ теченіе десятка лѣтъ. Къ тому времени наиболѣе вліятельнымъ и активнымъ членомъ Централизаціи былъ Людовикъ Мѣрославскій. Участвуя 18-тилѣтнимъ юношей въ возстаніи 1831 г. онъ дослужился до чина поручика, но въ эмиграціи его надѣлили, очевидно, за его сочиненія изъ области стратегіи титуломъ генерала. Генералъ Мѣрославскій, демократъ и пылкій революціонеръ, не склоненъ былъ давать отпоръ призывамъ къ немедленному возстанію, шедшимъ изъ Кракова и Познани. Ему, какъ знатоку военнаго дѣла, Централизаціей поручено было составленіе военнаго плана возстанія. Возстаніе предполагалось начать одновременно во всѣхъ трехъ „заборахъ" въ день 21 февраля 1846 года.

Для подготовки его пріѣхалъ 31 декабря 1845 г. генералъ Мѣрославскій въ Познань, а отсюда въ Краковъ—два центра, гдѣ Демократическое Общество имѣло нѣкоторыя связи.

Царство Польское и „возвращенныя" губерніи, находившіяся подъ военно-полицейскимъ режимомъ николаевскаго правительства, естественно, не могли служить центрами организаціи силъ будущаго возстанія. Познань и Краковъ—первый благодаря либеральнымъ вѣяніямъ въ Пруссіи со времени вступленія на престолъ Фридриха-Вильгельма IV, второй, пользовавшійся свободой не-

*) Мѣстопребываніе Централизаціи было въ Версалѣ.

Краковской республикой, вольнаго города — находилась въ горячемъ душевномъ подъемѣ. Было назначено для всѣхъ провинцій военныхъ начальниковъ, между прочимъ для Царства Польскаго богатый помѣщикъ Домбровскій, сынъ знаменитаго организатора польскихъ легіоновъ. Былъ выработанъ планъ военной кампаніи, состоявшій въ томъ, чтобы повстанческія арміи, познанская и галиційская, двинулись къ Царству Польскому, чтобы тамъ соединиться съ силами послѣдняго. Наконецъ 24-го января 1846 г. было выбрано національное правительство (Rząd Narodowy) изъ 5 лицъ, каждое изъ которыхъ должно было представлять одну провинцію, причемъ эмиграція тоже приравнена была къ провинціи.

Казалось, весь формальный аппаратъ возстанія былъ заготовленъ. Не было только оружія и не было массы, готовой возстать. Дѣло, очевидно, обречено было на неуспѣхъ такъ же, какъ и экспедиція Залѣвскаго. 12-го февраля въ Познани были арестованы Мѣрославскій, Либельтъ (членъ недавно выбраннаго Жонда) и другія посвященныя въ дѣло лица; такимъ образомъ то звено, которое представляло собою Княжество Познанское, вырвано было изъ общей цѣпи. Литва и Украйна даже не могли думать о возстаніи. Въ Царствѣ Польскомъ все ограничилось внезапнымъ ночнымъ нападеніемъ со стороны помѣщика Потоцкаго и двухъ молодыхъ людей, Кочишевскаго и Жарскаго, на офицерскій клубъ въ Сѣдлецѣ, нападеніемъ, никому не причинившимъ вреда — только трое нападавшихъ были пойманы и повѣшены по приговору военнаго суда.

Только въ Краковской республикѣ возстаніе удалось принять болѣе широкіе размѣры. Здѣсь эмигрантско- [illegible], располагавшей [illegible] успѣха и поддержки. Здѣсь, торжественно на Краковскомъ рынкѣ провозглашено было Національное Правительство, которое вскорѣ рѣшило, что лучше въ руки одного своего члена Тиссовскаго, предоставить власть диктатора. Здѣсь офиціально былъ напечатанъ и опубликованъ манифестъ о надѣленіи крестьянъ землею и объ ихъ полномъ освобожденіи. Затѣмъ началась организація вооруженныхъ отрядовъ. Все это могло осуществиться благодаря тому, что австрійскій генералъ Коллинъ, испуганный слухами о громадныхъ силахъ повстанцевъ, покинулъ со своимъ войскомъ Краковъ, оставивъ городъ во власти немногочисленныхъ повстанцевъ, которые очутились въ роли полныхъ хозяевъ.

Но краковская революція замѣчательна не этимъ минутнымъ торжествомъ, а той трагической развязкой, которая извѣстна подъ именемъ „галиційской рѣзни".

Вѣсть о формированіи вооруженныхъ отрядовъ подъ начальствомъ помѣщиковъ подняла на ноги окрестныхъ крестьянъ. Среди нихъ началось броженіе, но не противъ австрійскаго правительства, а противъ господъ.

Австрійскіе чиновники нарочно распускали среди нихъ слухъ, что помѣщики вооружаются для того, чтобы отнять у крестьянъ права, дарованныя имъ австрійскими императорами. Во всей западной Галиціи подъ вліяніемъ этихъ смутныхъ слуховъ нача-

лось крестьянское движеніе, выразившееся въ разгромѣ помѣщичьихъ зданій, въ жестокихъ убійствахъ, при которыхъ никому не давалось пощады, ни женщинамъ, ни дѣтямъ. Отъ рукъ разъяреннаго крестьянства погибло въ Галиціи въ теченіе немногихъ дней 2.000 человѣкъ, не только помѣщиковъ и членовъ ихъ семействъ, но и масса управляющихъ и служащихъ въ господскихъ имѣніяхъ. Австрійское правительство принимало непосредственное участіе во всемъ этомъ ужасномъ дѣлѣ. Хотя оно впослѣдствіи старалось снять съ себя это обвиненіе, но дальнѣйшій его образъ дѣйствій, офиціальная благодарность, высказанная крестьянамъ, награды и отличія для главныхъ предводителей этой безпримѣрной жакеріи—все это свидѣтельствуетъ объ отношеніи къ ней австрійскихъ правящихъ сферъ.

Галиційская рѣзня была страшнымъ ударомъ для польской демократіи. Она открыла ей или, по крайней мѣрѣ, должна была открыть всю глубину соціальной пропасти, лежащей между ея политическими мечтами и реальной психологіей народа. Польскій хлопъ безпощадно убивалъ и отдавалъ въ руки враждебнаго правительства патріота-помѣщика. И это—несмотря на то, что революція совершалась подъ знаменемъ демократіи, на которомъ было написано освобожденіе и благоденствіе народа!

Краковская революція положила конецъ вліянію Демократическаго Общества; дальнѣйшее его существованіе было лишь прозябаніемъ. Мало того, на его голову посыпались со стороны шляхты обвиненія въ ужасной галиційской катастрофѣ, обвиненія, конечно, совершенно вздорныя, ибо не демократическая пропаганда, а пропаганда австрійскаго чиновника была тѣмъ революціоннымъ ферментомъ, который поднялъ темное галиційское крестьянство.

Русское правительство также поспѣшило использовать урокъ, преподанный Галиціей. 26-го мая 1846 года былъ изданъ указъ, обозначавшій цѣлую революцію въ аграрныхъ отношеніяхъ Царства Польскаго. Этимъ указомъ гарантировалась полная неприкосновенность занятыхъ крестьянами земельныхъ участковъ, поскольку послѣдніе превышали площадь 3-хъ морговъ (1/2 десятины) и, во-вторыхъ, отнималось у помѣщика право повышать размѣръ крестьянскихъ повинностей сравнительно съ тѣмъ, который существовалъ до 1-го января 1846 г. Одновременно съ указомъ 26-го мая вышло постановленіе совѣта управленія объ упраздненіи 121 различнаго рода барщинной повинности, неопредѣленныхъ по роду работы и количеству дней, которыя, слѣдовательно, подлежатъ отмѣнѣ, какъ „даремщины и принудительные наймы, не имѣющіе законнаго основанія“.

Были изготовлены престаціонныя табели (бланки), куда каждый помѣщикъ обязанъ былъ занести всѣхъ крестьянъ, владѣющихъ усадьбами болѣе 3-хъ морговъ, всѣ отправляемыя ими повинности, а также сервитутныя права. Такихъ усадебъ оказалось 270.508: изъ нихъ 144.326 состояло на барщинѣ, 55.528 на оброкѣ. Крестьянскихъ дворовъ, владѣющихъ усадьбами ниже 3-хъ морговъ, не пользовавшихся защитой закона, оказалось 36.920.

Указъ 1846 года былъ, съ одной стороны, продиктованъ опасеніемъ повторенія въ Царствѣ Польскомъ галиційской рѣзни, но, съ другой, въ немъ таились тѣ элементы правительственной демагогіи, о которыхъ упоминалъ Николай I въ своемъ письмѣ по поводу [illegible] и которыя сослужили службу австрійскому правительству. Отнынѣ между польскимъ помѣщикомъ и крестьяниномъ сталъ правительственный чиновникъ, который [illegible] всю [illegible]. [illegible] предметомъ [illegible] крестьянъ [illegible]. „Указъ 1846 г. [illegible] крестьянъ [illegible]".

4.

Послѣдніе годы режима Паскевича. Вступленіе на престолъ Александра II. Земледѣльческое Общество и крестьянскій вопросъ.

Галицийская рѣзня и указъ 26-го мая выдвигали крестьянскій вопросъ въ Царствѣ Польскомъ на первый планъ. Въ то время, какъ раньше въ разсужденіяхъ демократическихъ публицистовъ онъ разсматривался подъ угломъ зрѣнія абсолютной справедливости и національной революціи, теперь исходили изъ опасенія соціальнаго переворота, рисовавшагося въ образѣ безпощадной рѣзни шляхты и изъ соображеній практической выгоды. Въ 1847 году неизвѣстный авторъ (Голуховскій) въ брошюрѣ „О крестьянахъ", изданной въ Лейпцигѣ, исходя изъ интересовъ дворянъ-землевладѣльцевъ, приходитъ къ выводу, что „въ настоящее время крестьяне во что бы то ни стало будутъ добиваться собственности", поэтому единственно только путемъ надѣленія землею въ полную собственность „мы сумѣемъ удовлетворить крестьянъ; ограничиваясь меньшимъ, напримѣръ, эмфитевзисомъ *), мы [illegible] общество". [illegible] болѣе [illegible], появившемся въ 1850 году — [illegible] послѣ [illegible] революціи въ Галиціи, которая дала [illegible] крестьянину землю и [illegible] — [illegible]. „На что намъ приходится [illegible]" [illegible] крестьянъ, [illegible] соціальной революціи [illegible] выиграть [illegible], чтобы [illegible]". Въ [illegible] 1851 г.

---

*) [illegible]

наиболее образованный и глубокій знатокъ крестьянскаго вопроса Томашъ Потоцкій.

Реакція, наступившая послѣ іюньскихъ дней 1848 г. и послѣ подавленія венгерскаго возстанія 1849 г., въ которомъ поляки играли такую видную роль (генералы Дембинскій, Бемъ, Высоцкій и др.), отразилась и на дальнѣйшемъ ходѣ событій въ Польшѣ. Централизація Демократическаго Общества была изгнана изъ Франціи, и ей пришлось перебраться въ Лондонъ, въ этотъ центръ международной эмиграціи. Она прозябала здѣсь еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, не оказывая однако никакого серьезнаго идейнаго вліянія.

Въ самомъ Царствѣ Польскомъ этотъ періодъ политической реакціи совпалъ съ экономическимъ подъемомъ, который, какъ это не разъ бывало въ Польшѣ, повергалъ общество въ состояніе идейной и политической спячки. Крестьянскій вопросъ, который въ теченіе ближайшихъ 3—4 лѣтъ послѣ галиційской рѣзни оживленно дебатировался въ мѣстной публицистикѣ, въ послѣдніе годы царствованія Николая I не привлекалъ къ себѣ вниманія ни правительства, ни общества.

Цѣны на сельско-хозяйственные продукты, благодаря главнымъ образомъ, паденію въ 1847 г. хлѣбныхъ законовъ въ Англіи, значительно возросли, что́ послужило сильнымъ стимуломъ къ тому, чтобы оставить старую рутину въ сельскомъ хозяйствѣ. Сельско-хозяйственный прогрессъ, подвигавшійся быстрымъ темпомъ, сопровождался усиленной пролетаризаціей тѣхъ малоземельныхъ (3-ехморговыхъ) крестьянъ, которыхъ законъ 26 мая 1846 г. не бралъ подъ свою защиту. „Земельный аппетитъ“ у помѣщиковъ былъ настолько силенъ, что они не останавливались передъ соблазномъ округлить свои имѣнія десяткомъ-другимъ этихъ 3-ехморговыхъ усадебъ.

Въ 1850 году пала таможенная стѣна, отдѣлявшая Царство Польское отъ Россіи; уничтоженіе таможенной черты между Имперіей и Царствомъ, бывшее въ политическомъ отношеніи лишь дальнѣйшимъ шагомъ къ „органическому сліянію“, послужило толчкомъ къ новому расцвѣту польской промышленности, такъ рѣзко пріостановленной въ своемъ развитіи таможеннымъ тарифомъ 1831 г. Еще раньше, чѣмъ текстильная промышленность, форму крупнаго капиталистическаго производства приняли нѣко́торыя отрасли промышленности, связанныя съ сельскимъ хозяйствомъ—винокуреніе и свеклосахарное производство. Годы 1844—1856 являются эпохой возникновенія и роста капиталистической свеклосахарной промышленности. Въ связи также съ нуждами помѣщичьяго сельскаго хозяйства возникаетъ первая въ Польшѣ паровая фабрика сельско-хозяйственныхъ орудій. Подъ дворянской эгидой и въ интересахъ землевладѣнія учреждается первая компанія пароходства по Вислѣ съ аристократомъ гр. Андреемъ Замойскимъ во главѣ и при главномъ участіи еврейскаго банкира Кроненберга.

Лозунгъ „органическаго труда“, идея, что на всякомъ поприщѣ можно съ пользою служить своему отечеству, стремленіе приложить свои силы и способности къ сельскому хозяйству—вотъ то направленіе, ко-

[illegible] широкій кругъ польскаго общества. Дальнѣйшее [illegible] пресса также стала уменьшаться. Отношенія между властью и обществомъ были мирными. Количество административныхъ репрессій и каръ сократилось. Александровская цитадель, съ высоты которой Николай I грозилъ бомбардировать Варшаву, если она осмѣлится еще разъ восстать, уже давно не отличалась такимъ многолюдствомъ. На такомъ общественно-политическомъ фонѣ среди дворянской молодежи наблюдалась страсть къ кутежамъ, къ прожиганію жизни. Высшіе представители власти въ Царствѣ сочувствовали и содѣйствовали такому направленію умовъ. Во главѣ варшавскихъ кутилъ стоялъ Туркулъ, министръ статсъ-секретарь по дѣламъ Царства Польскаго, который отъ времени до времени наѣзжалъ въ уютную и веселую Варшаву изъ холоднаго и бюрократическаго Петербурга...

Крымская кампанія, смерть Николая I и вскорѣ затѣмъ послѣдовавшая смерть Паскевича, вступленіе на престолъ Александра II и перспектива новой эры коренныхъ преобразованій въ Россіи—вывели, наконецъ, вмѣстѣ съ Имперіей также и Царство Польское изъ состоянія спячки.

Пріѣздъ Александра II въ Варшаву въ маѣ 1856 г. является какъ бы началомъ новаго періода въ политической жизни Царства. Хотя тогда государемъ были произнесены передъ польской депутаціей ставшія знаменитыми слова: „point de rêveries!"—намекъ на мечты о независимости Польши,—хотя въ этой же [illegible] изъ Сибири, избираемость мировыхъ судей, возстановленіе польскаго университета.

Адресъ съ этими 4-мя пунктами не дозволено было представить монарху, но [illegible] требованій свидѣтельствуетъ о томъ, въ сферѣ какихъ „мечтаній" вращалась мысль тѣхъ представителей польскаго общества, къ которымъ Александръ II обратился со словами „point de rêveries".

Манифестомъ объ амнистіи, изданнымъ на второй день послѣ рѣчи государя дворянской депутаціи, эмигрантамъ и ссыльнымъ дано было право возвращенія на родину; 4-го іюня 1857 г. былъ утвержденъ уставъ медико-хирургической академіи въ Варшавѣ; наконецъ, указомъ 1[illegible] ноября 1857 г. утвержденъ былъ уставъ „Земледѣльческаго Общества".

Эти три правительственныхъ акта имѣли громадное значеніе для всего дальнѣйшаго политическаго развитія Царства Польскаго.

Возвращеніе эмигрантовъ *) и „сы-

*) [illegible]

Бараковъ“ несомнѣнно влило въ жилы погрузившагося въ спячку польскаго общества новую энергію, духъ протеста, накипѣвшей злобы, наконецъ, партійности, вынесенной изъ эмиграціи. — Еще бо́льшую роль сыграла медико-хирургическая академія, сразу привлекшая массу молодежи средняго класса. Академія, считавшаяся зародышемъ польскаго университета, сдѣлалась средоточіемъ революціонно-патріотическаго духа... Въ лицѣ Земледѣльческаго Общества возникла крупная общественная организація, охватившая большую часть польскаго землевладѣльческаго класса, то есть дворянства.

„У насъ“, писали члены комитета Земледѣльческаго Общества въ декабрѣ 1857 г., „сельское хозяйство является основой всего быта страны, оно есть форма и содержаніе, начало и конецъ общественной жизни, и потому Земледѣльческое Общество должно стать объединяющимъ центромъ, который со временемъ вызоветъ могучее движеніе и откроетъ поприще для широкой дѣятельности“. И дѣйствительно, въ первый же годъ своего существованія оно насчитывало 1.450 членовъ, а въ 1860 году число послѣднихъ возросло до 3.473. Общія собранія, происходившія два раза въ годъ, сильно будили политическую и общественную жизнь страны.

Земледѣльческое Общество не могло оставаться въ рамкахъ чисто профессіональныхъ и техническихъ вопросовъ, оно не могло ограничиваться обсужденіемъ вопросовъ объ искусственномъ удобреніи, лѣсоводствѣ, скотоводствѣ и такъ далѣе. Его дѣятельность какъ разъ совпала съ періодомъ подготовки крестьянской реформы въ Россіи, и поневолѣ крестьянскій вопросъ сталъ въ центрѣ вниманія организаціи, которая по своему классовому характеру была кровно заинтересована въ его разрѣшеніи въ ту или другую сторону. Но правительство ничуть не было расположено предоставить Земледѣльческому Обществу широкой компетенціи въ этомъ дѣлѣ. Только въ концѣ 1859 г. оно разрѣшило „обсуждать на засѣданіяхъ и публиковать въ журналѣ Общества воззрѣнія и замѣчанія относительно средствъ, могущихъ содѣйствовать успѣху очиншеванія крестьянъ на установленныхъ правительствомъ основаніяхъ“. Тогдашняя власть Царства Польскаго, во главѣ которой стояли намѣстникъ кн. Горчаковъ и предсѣдатель комиссіи внутреннихъ дѣлъ Мухановъ стояли въ крестьянскомъ вопросѣ на точкѣ зрѣнія консервативной польской шляхты, полагая, что для польскихъ крестьянъ сдѣлано вполнѣ достаточно указомъ 1846 г. и правилами 1858 г., устанавливавшими формальныя предпосылки для добровольнаго очиншеванія.

Въ тотъ моментъ, когда Земледѣльческое Общество попыталось взять въ свои руки разрѣшеніе самаго кардинальнаго вопроса соціальной жизни Царства Польскаго, то есть въ 1859 г., не меньше 70% помѣщичьихъ крестьянъ отбывало барщину и только 30% было переведено на оброкъ. Помѣщики, въ массѣ примкнувшіе къ Земледѣльческому Обществу, вполнѣ сознавали, что барщинный трудъ — плохая основа хозяйства. Вопросъ шелъ не о томъ,

[illegible]

Въ этомъ отношеніи взгляды [illegible] Одни видѣли единственный исходъ [illegible] крайней мѣрѣ, [illegible] другіе [illegible] осуществить подобный переворотъ, боялись удовлетворить соціальныя стремленія крестьянской массы и покамѣстъ готовы были ограничиться однимъ только очиншеваніемъ, оставляя для будущаго [illegible] чиншевъ, но отнюдь не дѣлая этого одновременно, а тѣмъ болѣе обязательно. Этого послѣдняго взгляда придерживался также гр. Замойскій и съ нимъ вмѣстѣ большинство комитета Земледѣльческаго Общества, состоявшаго изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей помѣщичьяго класса.

Это былъ не [illegible] споръ. Тутъ были замѣшаны самые основные экономическіе и политическіе интересы землевладѣльческой шляхты, которая все еще не переставала отождествлять себя съ націей и фактически представляла націю. Послѣ 1846 года состояніе скрытой войны между двумя классами — помѣщиками и крестьянами — все усиливалось. Крестьяне ждали, что земля окончательно перейдетъ въ ихъ полную собственность и притомъ — что было совершенно новымъ соціально-психологическимъ симптомомъ — ждали этого отъ милости и заботливости верховной власти, то есть отъ русскаго царя. Къ моменту возник[illegible] ской національной идеологіи — видѣ[illegible] въ русской царской власти [illegible] насилія.

Національно-политическія [illegible]женія въ еще большей степени, чѣмъ соціально-экономическія, руководили Земледѣльческимъ Обществомъ въ его попыткахъ всячески содѣйствовать [illegible]. Съ этой цѣлью устраивались конкурсныя выставки [illegible], крестьяне-экспоненты награждались медалями. Но крестьяне [illegible] съ крайнимъ недовѣріемъ ко всѣмъ этимъ выставкамъ и конкурсамъ, видя въ начинаніяхъ [illegible] пустую забаву, либо [illegible] для народа намѣренія.

Тотъ самый національно-политическій факторъ, который заставлялъ искать показного сближенія съ народомъ, подсказывалъ шляхтѣ желательность рѣшенія крестьянскаго вопроса [illegible] власти, которая вѣдь была властью [illegible]. Одинаково относились къ вмѣшательству правительства не только тѣ, кто [illegible] тическія идеи эмиграціи крыла Чарторыйскаго; сторонники демократи[illegible] наго надѣленія крестьянъ землей, тоже не хотѣли проведенія этой ре-

формы при помощи правительства; они мыслили ее, какъ добровольную жертву со стороны дворянства, какъ великій актъ искупленія и пріобщенія польскаго крестьянства къ единой патріотической семьѣ.

5.

Революціонное движеніе 1861—1864 гг.

1. Манифестаціонное движеніе. Дальнѣйшее развитіе крестьянскаго вопроса. Правительственныя уступки. Организація силъ. Начало возстанія.

Если для землевладѣльческаго класса Царства Польскаго главнымъ вопросомъ того времени былъ крестьянскій, то нельзя того же сказать о другихъ группахъ польскаго общества, о мѣщанствѣ и учащейся молодежи, которая здѣсь, какъ и всюду въ ту эпоху, была носительницей наиболѣе смѣлыхъ, наиболѣе радикальныхъ стремленій. Въ этихъ слояхъ оживленіе, охватившее общество въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, выразилось въ манифестаціонно-патріотическомъ движеніи.

Внѣшнимъ событіемъ, давшимъ мощный толчокъ патріотической активности упомянутыхъ элементовъ, была борьба итальянцевъ за національную независимость. Подъ вліяніемъ борьбы, происходившей на поляхъ Ломбардіи, подъ вліяніемъ ея успѣховъ ярко зажглась искра патріотическаго энтузіазма въ сердцахъ польской молодежи. Гарибальди сдѣлался для нея національнымъ героемъ, популярность котораго возросла въ еще большей степени, когда прошелъ слухъ объ организаціи международнаго легіона съ генераломъ Мѣрославскимъ во главѣ.

Разсадникомъ радикально-патріотическаго движенія стали три высшія школы въ Варшавѣ: школа изящныхъ искусствъ, маримонтскій агрономическій институтъ и медико-хирургическая академія. Еще раньше того началась организація польской молодежи въ русскихъ университетахъ, гдѣ было сосредоточено нѣсколько тысячъ студентовъ-поляковъ. Но ей покамѣстъ не представлялось широкаго поля для проявленія своей патріотической инціативы. Только Варшава съ ея почти 200-тысячнымъ населеніемъ, съ ея многочисленнымъ мелкимъ мѣщанствомъ, среди котораго весьма живучи традиціи Килинскаго, Варшава—центръ польской культурной жизни—могла сыграть въ этомъ отношеніи надлежащую роль.

Движеніе сразу приняло характеръ патріотическихъ манифестацій съ религіознымъ оттѣнкомъ. Только этотъ послѣдній могъ придать манифестаціямъ массовые размѣры. Историки послѣдняго польскаго возстанія считаютъ обыкновенно первой манифестаціей подобнаго рода похороны вдовы знаменитаго генерала Совинскаго, погибшаго въ 1831 г. при штурмѣ Варшавы.

Эта манифестація имѣла мѣсто въ іюнѣ 1860 г. и была устроена по инціативѣ кружка учениковъ школы изящныхъ искусствъ. Тогда впервые будто былъ пропѣтъ столь знаменитый впослѣдствіи религіозно-патріо-

[illegible]

[illegible] ...ческое Общество, собравшееся на [illegible] ... было выступить въ новой, политической роли.

Манифестація, давно подготовлявшаяся ко дню 25-го февраля, годовщины Гроховской битвы, намѣревалась использовать это собраніе съ [illegible] тетъ манифестаціи. Часть членовъ Земледѣльческаго Общества тоже [illegible].

[illegible] скаго Общества, принятыя въ дни 25-го и 27-го февраля 1861 г., въ дни двухъ поворотныхъ манифестацій, [illegible] принциповъ, которыхъ до сихъ поръ придерживался комитетъ Общества, руководимый идеологомъ польскаго [illegible] гр. Андреемъ Замойскимъ. [illegible] члены Общества (свыше 1.000 чело-

[illegible] на земельное кредитное общество. Принципъ добровольности чинше- [illegible] рекомендовалось повсемѣстно переходить отъ барщины къ оброку.

Этотъ проектъ свидѣтельствуетъ о [illegible] классъ готовъ былъ принести на „алтарь отечества" гораздо большія жертвы, чѣмъ русскіе дворяне, засѣдавшіе въ „губернскихъ комитетахъ по устройству быта крестьянъ". Подобная готовность объясняется го- [illegible] помѣщичьихъ интересовъ.

По проекту Земледѣльческаго Об- [illegible] жизнь. Въ потокѣ разразившихся событій погибъ не только проектъ, [illegible] Общество

[illegible] торый надѣялись ея организаторы. Раньше, чѣмъ манифестирующая толпа

съ національными хоругвями и распятіемъ въ рукахъ, посреди пѣнія гимновъ, успѣла выйти на главную улицу—Краковское предмѣстье, она столкнулась съ эскадрономъ жандармовъ, высланнымъ ей навстрѣчу. Произошло побоище, отъ котораго многіе участники манифестаціи серьезно пострадали.

Польское общество уже давно отвыкло отъ подобныхъ фактовъ. Побоище вызвало общее и грозное своей рѣшительностью негодованіе. Даже губернскіе предводители дворянства, пользовавшіеся полнымъ довѣріемъ правительства, которое ихъ назначало—поддались охватившему всѣхъ негодованію и вышли въ отставку послѣ того, какъ получили отказъ на просьбу освободить арестованныхъ наканунѣ.

27-го февраля разразилась вторая манифестація. На этотъ разъ для разсѣянія манифестантовъ вмѣсто шашекъ и нагаекъ было пущено въ ходъ огнестрѣльное оружіе. На мѣстѣ осталось 5 труповъ и много раненыхъ. Въ числѣ убитыхъ были 2 помѣщика, 2 рабочихъ и 1 ученикъ гимназіи.

Эти первыя жертвы начинавшагося революціоннаго взрыва были, до извѣстной степени, первымъ серьезнымъ сигналомъ къ революціи, явились громовымъ ударомъ, поразившимъ однако не народное движеніе, но авторитетъ правительственной власти. „Передъ выстрѣлами по попамъ и дѣтямъ“ — писалъ впослѣдствіи Герценъ въ „Быломъ и Думахъ“, вспоминая о роковыхъ 5-ти жертвахъ—„по распятіямъ и дамамъ, передъ выстрѣлами по гимнамъ и молитвамъ, замолкли всѣ вопросы, стерлись всѣ различія. Со слезами и плачемъ написалъ я тогда рядъ статей, глубоко тронувшихъ поляковъ“. Не одинъ Герценъ такъ чувствовалъ. Многіе офицеры варшавскаго гарнизона открыто высказывали сочувствіе свое полякамъ, а одинъ изъ нихъ, баронъ Корфъ, въ порывѣ негодованія и чувства позора за русскую армію тутъ же передъ фронтомъ пустилъ себѣ пулю въ лобъ.

Катастрофа 27-го февраля явилась поворотнымъ пунктомъ въ политикѣ правительства по отношенію къ Царству Польскому. Грозныя телеграммы Александра II изъ Петербурга, въ которыхъ государь требовалъ бомбардировки города и заявлялъ, что онъ никакихъ уступокъ допускать не намѣренъ — не могли оказывать рѣшающаго вліянія на образъ дѣйствій мѣстной власти.

Похороны пяти жертвъ, устроенныя 2-го марта въ Варшавѣ, были самой внушительной патріотической демонстраціей. Тутъ впервые проявилась игравшая въ дальнѣйшемъ ходѣ движенія большую роль идея „братства“ съ евреями, одинъ изъ характерныхъ моментовъ той „моральной революціи“, которая предшествовала революціи съ оружіемъ въ рукахъ. Еврейское населеніе съ своимъ духовенствомъ во главѣ, принимающее участіе въ похоронахъ католиковъ— это было новое, непривычное для Варшавы зрѣлище!

Похороны были уступкой, вынужденной у намѣстника кн. Горчакова такъ называемой Делегаціей, организаціей, возникшей въ день 27-го февраля. Делегація изъ 12 лицъ, представлявшихъ различные разряды городского населенія, вы-

[illegible] въ противовѣсъ Земледѣльческому Обществу, какъ организаціи буржуазнаго характера, [illegible] Она сыграла крупную роль. Въ теченіе 40 дней Делегація была собственно единственной властью въ Варшавѣ, [illegible] временной [illegible] устройства похоронъ [illegible] въ постоянное учрежденіе, въ городское представительство. Она между прочимъ организовала стражу безопасности (муниципальную гвардію) изъ городскихъ обывателей, достигавшую цифры въ 2.000 человѣкъ.

Комитетъ Земледѣльческаго Общества тоже вынужденъ былъ выйти изъ рамокъ „агрономіи“ и выступить въ роли представителя націи. Снова въ его средѣ воскресла мысль о подачѣ адреса монарху, какъ единственнаго способа открыто высказать требованія народа. Въ данномъ случаѣ боролись между собою двѣ тенденціи: революціонная и реально-политическая. Въ то время, какъ сторонники послѣдней смотрѣли на адресъ, какъ на законный способъ выраженія конкретныхъ и немедленно осуществимыхъ требованій, для представителей первой адресъ служилъ извѣстнаго рода патріотической манифестаціей и потому онъ никакихъ „опредѣленныхъ“ требованій не долженъ былъ содержать. Адресъ, составленный въ такомъ „неопредѣленномъ“ духѣ и снабженный 127 подписями самыхъ видныхъ гражданъ, представленъ былъ кн. Горчакову съ просьбой отослать его въ Петербургъ. Этимъ дѣло не ограничилось. Списки адреса распространялись въ Варшавѣ и въ [illegible] [illegible] покрыло [illegible]

[illegible] шавѣ, чтобы воспрепятствовать очин[illegible] [illegible] сѣять даже агитація духовенства, поучавшаго народъ, что именно [illegible] народу, въ которомъ излагались постановленія февральскаго собранія.

Обращеніе Земледѣльческаго Общества къ народу было лишь отвѣтомъ на циркуляръ, разосланный 17-го марта [illegible] Мухановымъ. Циркуляръ призывалъ крестьянъ „задерживать и доставлять въ руки [illegible] цѣлью подстрекать къ бунту“. Циркуляръ, очевидно, былъ направленъ противъ помѣщиковъ и по своему содержанію являлся актомъ правительственной демагогіи, который при господствовавшемъ тогда настроеніи крестьянъ, могъ легко привести къ серьезнымъ послѣдствіямъ. Вотъ почему онъ вызвалъ настолько сильный взрывъ всеобщаго негодованія, что 5 дней спустя по изданіи своего циркуляра его авторъ, Мухановъ, го-

лучилъ отставку отъ всѣхъ занимаемыхъ должностей.

Петербургское правительство, переживавшее медовый мѣсяцъ либеральной эры, рѣшило успокоить поляковъ реформами, которыя явились бы отвѣтомъ на адресъ. Реформы, дарованныя указомъ 26-го марта, въ главныхъ чертахъ состояли въ учрежденіи комиссіи исповѣданій и просвѣщенія, въ установленіи выборныхъ губернскихъ, уѣздныхъ и муниципальныхъ совѣтовъ.

На постъ главнаго директора вновь учреждаемой комиссіи былъ назначенъ полякъ—маркизъ Александръ Вѣлёпольскій.

Маркизъ Вѣлёпольскій, владѣлецъ крупнаго маіората, потомокъ стараго рода, одинъ изъ немногихъ тогдашнихъ поляковъ, который имѣлъ опредѣленную политическую программу, сводившуюся къ нѣсколькимъ основнымъ положеніямъ: административная автономія Царства Польскаго, подъемъ народнаго образованія, учрежденіе университета, обязательное очиншеваніе крестьянъ и гражданское равноправіе евреевъ. Несмотря на свои 60 лѣтъ онъ чувствовалъ въ себѣ достаточно энергіи, чтобы приняться за осуществленіе хотя бы части этой программы. Подъ его вліяніемъ князь Горчаковъ настаивалъ на учрежденіи комиссіи исповѣданій и просвѣщенія, во главѣ которой онъ просилъ поставить маркиза, этого „l'homme d'état par excellence", какъ выражался о немъ намѣстникъ.

Назначеніе послѣ мракобѣса и поляконенавистника Муханова руководителемъ школьнаго дѣла въ Польшѣ—просвѣщеннаго и глубоко образованнаго поляка было дѣйствительно серьезной уступкой, которой правительство думало успокоить молодежь и духовенство. Остальныя реформы, обѣщанныя въ указѣ 26-го марта, оставались пока мертвой буквой.

Но реформами, какъ дѣйствительно осуществленными, такъ и лишь обѣщанными, нельзя было умиротворить польскаго общества, разъ военно-полицейская система управленія продолжала существовать въ прежнемъ видѣ. Даже самъ Вѣлёпольскій, призванный къ роли примирителя между поляками и русскимъ правительствомъ, явился инціаторомъ двухъ правительственныхъ актовъ, которые сразу заставили забыть о „новомъ курсѣ" и углубили пропасть между нимъ, Вѣлёпольскимъ, съ одной стороны, и патріотическими элементами, съ другой. Такими актами были упраздненіе Делегаціи вмѣстѣ съ муниципальной гвардіей и закрытіе Земледѣльческаго Общества, послѣдовавшее 6-го апрѣля 1861 г. Закрытіе Земледѣльческаго Общества вызвало сочувственную манифестацію со стороны населенія, которая окончилась весьма печально: на этотъ разъ насчитывались уже свыше сотни жертвъ военной расправы съ манифестантами.

Система Вѣлёпольскаго, игравшаго при кн. Горчаковѣ роль полу-диктатора, состояла въ томъ, чтобы, ни въ чемъ не уступая натиску „улицы", продолжать осуществленіе намѣченныхъ реформъ. По его инціативѣ и при его ближайшемъ содѣйствіи изданъ былъ 16 мая указъ „объ окупѣ панщизны"; въ силу этого послѣдняго съ 1-го октября 1861 г.

[illegible]

[illegible] зываемыя молебствія за благоденствіе отчизны. Не было дня, чтобы, [illegible] многочисленныхъ костеловъ не совершалось по заказу то группы подмастерьевъ, то учащихся, то чиновниковъ молебствія за благоденствіе отчизны.

Крутыя, чисто военныя мѣры новаго временнаго намѣстника, генерала [illegible] вить этого религіозно-патріотическаго [illegible] аресты, на грозившій манифестантамъ [illegible] нихиды, патріотическія молебствія и тому подобныя манифестаціи не прекращались.

[illegible] наго выступленія не произошло. За-

[illegible] ской политики правительства тѣ слои населенія, которые указъ призываетъ къ участію въ выборахъ.

Но соблюсти послѣдовательность въ этомъ направлении ему не удалось. На 15-ое [illegible] стюшки. Выборы къ тому времени [illegible] Войско окружило храмы, наполнен[illegible] до глубокой ночи, ворвалось по приказу варшавскаго военнаго генералъ-губернатора Герштенцвейга во внутрь [illegible] 2.000 человѣкъ.

[illegible] ство въ объятія революціи. Оно рѣшило прибѣгнуть къ крайнему сред-

ству—къ закрытію костеловъ, мотивируя это рѣшеніе каноническими правилами.

Вторымъ послѣдствіемъ драматической ночи 15-го октября было назначеніе новаго намѣстника—генерала Лидерса—и выходъ въ отставку маркиза Вѣлёпольскаго, который не хотѣлъ оставаться на своемъ посту при наличности военнаго положенія въ краѣ. Но онъ не сошелъ съ политической сцены. Александръ II вытребовалъ его въ Петербургъ, такъ какъ хотѣлъ отъ него лично выслушать объясненія по поводу неблагопріятныхъ о немъ отзывовъ генерала Сухозанета, во второй разъ явившагося въ Варшаву въ качествѣ замѣстителя будущаго намѣстника...

Манифестація 15-го октября была послѣднимъ массовымъ выступленіемъ чисто демонстративнаго характера. Національное движеніе съ тѣхъ поръ рѣдко уже проявляется наружу въ томъ видѣ, какъ это имѣло мѣсто въ теченіе 1861 г.

Начинается періодъ организаціи силъ для будущаго возстанія; моментъ вооруженнаго взрыва еще не предвидится, онъ пока теряется еще въ дали будущаго, но мысль о неизбѣжной вооруженной борьбѣ, мысль, что одной „моральной революціей“ независимой Польши въ костелахъ не вымолишь, окончательно зрѣетъ въ умахъ. Чувствовалась потребность въ созданіи широкой, но вмѣстѣ съ тѣмъ конспиративной организаціи и въ установленіи руководящей власти. Все движеніе 1861 г. носило въ общемъ стихійный характеръ. Всѣмъ заправлялъ кружокъ лицъ, ни передъ кѣмъ не отвѣтственныхъ. Никакой организаціи не было. Только въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ 1862 г. она стала кристаллизоваться. Въ основу ея были положены *десятки*, на которые дѣлилась вся масса, охваченная движеніемъ; во главѣ же сталъ „главный комитетъ“, превратившійся въ іюнѣ 1862 г. въ „Центральный Народный Комитетъ“. Эта организація вербовала своихъ членовъ въ демократической части населенія: среди мелкаго мѣщанства, низшихъ и среднихъ слоевъ чиновничества, учащейся молодежи и средней шляхты.

Рядомъ съ этой „красной“ организаціей возникла и „бѣлая“, состоявшая главнымъ образомъ изъ членовъ бывшаго Земледѣльческаго Общества и имѣвшая во главѣ своей „Дирекцію Обывательскую“, или, какъ ее называла противная сторона—„шляхетскій комитетъ“.

Какъ „красный“, такъ и „бѣлый“ комитеты выставляли на своемъ знамени „Польшу въ границахъ 1771 г.“ Но въ то время, какъ первый рѣшилъ съ этой цѣлью подготовить страну къ возстанію и никакого компромисса съ правительствомъ не допускалъ, второй во что бы то ни стало желалъ избѣжать возстанія, смутно надѣясь на другіе пути.

Власть надъ умами пріобрѣла „красная“ организація, которая съ іюля 1862 г. стала тайно выпускать свой офиціальный печатный органъ „Ruch“ („Движеніе“). Она была тѣсно связана съ Обществомъ польской молодежи въ Парижѣ, а черезъ него—съ военной школой, возникшей въ Генуѣ для подготовки офицеровъ будущаго возстанія. „Красный“ комитетъ организовалъ также правиль-

[illegible] „[illegible]" [illegible].

Между тѣмъ въ Царствѣ Польскомъ [illegible] предзнаменованія, вѣсти, приходившія въ Петербургъ о ростѣ и волненіи революціонной организаціи, о проникновеніи революціонныхъ идей даже въ среду войска, расположеннаго въ Царствѣ *), заставили государя и петербургское правительство согласиться съ доводами Велепольскаго, что только рѣшительныя перемѣны въ администраціи края приведутъ къ его успокоенію. Шестимѣсячныя старанія маркиза въ Петербургѣ увѣнчались полнымъ успѣхомъ. 27/10 мая с. ст. на постъ намѣстника въ Царствѣ Польскомъ назначенъ былъ братъ императора вел. кн. Константинъ Николаевичъ, а Велепольскій — начальникомъ гражданскаго управленія. Одновременно съ этимъ были утверждены государемъ три весьма важныхъ законодательныхъ акта: объ обязательномъ очиншеваніи, о равноправіи евреевъ и положеніе о народномъ образованіи въ Царствѣ Польскомъ.

Программа Велепольскаго получила свое осуществленіе, но она не удовлетворяла не только „красныхъ", но и „бѣлыхъ", которые требовали не административной, а политической автономіи, при непремѣнномъ условіи возсоединенія съ Литвой.

Вел. князь Константинъ Николаевичъ, прибывшій въ Польшу [illegible] почти съ первыхъ же дней [illegible] Константинъ Николаевичъ [illegible] тактикѣ, болѣе крайніе элементы „красныхъ", [illegible] въ самый день пріѣзда новаго намѣстника на него было сдѣлано покушеніе портнымъ Ярошинскимъ, такія же покушенія были устроены два раза на Велепольскаго [illegible] — Рылемъ и Ржонцой. Намѣстникъ и начальникъ гражданскаго управленія остались невредимыми. Всѣ трое покушавшихся были казнены въ августѣ 1862 г.

Вступленіе „крайнихъ" на путь террора явилось для новаго польскаго правительства [illegible] на свою сторону „бѣлыхъ" элементовъ, которые ничуть не таили своего рѣзко протестующаго отношенія къ террористическимъ актамъ. Въ этомъ духѣ было составлено обращеніе вел. князя къ полякамъ, призывавшее ихъ къ совмѣстной съ нимъ работѣ „для блага Польши". Но „Польша" не оправдала этихъ надеждъ. Въ [illegible] предназначенномъ въ сущности для правительства [illegible] слѣдующимъ образомъ высказывало свое

*) [illegible] бунту", какъ сказано въ телеграммѣ намѣстника [illegible]

profession de foi: „Мы не устраняемся отъ участія во вновь дарованныхъ намъ учрежденіяхъ, но мы обязаны заявить, что средствами, до сихъ поръ употреблявшимися, страна доведена до такого состоянія, при которомъ ни военная сила, ни военные суды, ни страхъ передъ тюрьмой, ссылкой и даже смертной казнью не смогутъ ея успокоить, а, наоборотъ, вызываютъ крайнее раздраженіе и толкаютъ на путь, все болѣе и болѣе пагубный, какъ для управляющихъ, такъ и управляемыхъ. Мы же, какъ поляки, только тогда будемъ въ состояніи поддерживать правительство довѣріемъ, когда это правительство будетъ нашимъ польскимъ и когда основнымъ закономъ при наличности свободныхъ учрежденій будутъ объединены всѣ провинціи, составляющія наше отечество... въ границахъ, начертанныхъ для него Богомъ и унаслѣдованныхъ исторической традиціей".

Вслѣдъ за дворянствомъ Царства Польскаго отозвалось въ этомъ же духѣ польское дворянство Подольской и Минской губерній, также примыкавшее къ „бѣлой дирекціи". Результатомъ всѣхъ этихъ официальныхъ заявленій шляхты была высылка гр. Андрея Замойскаго за границу и ссылка предводителей подольскаго дворянства во внутреннія губерніи.

Чтобы покончить однимъ взмахомъ съ революціоннымъ движеніемъ, маркизъ Вѣлëпольскій рѣшился прибѣгнуть къ крайнему средству — къ объявленію рекрутскаго набора, спеціально касавшагося городской ремесленной молодежи, наиболѣе причастной къ революціонной организаціи; крестьянъ, дворовой челяди и землевладѣльцевъ наборъ не долженъ былъ коснуться. Въ тайномъ циркулярѣ Совѣта Управленія прямо указывалось, что главная задача этого набора „избавиться отъ нѣкоторой части населенія, которая своимъ поведеніемъ содѣйствуетъ нарушенію общественнаго спокойствія". Рекрутскій наборъ вообще былъ противозаконнымъ, такъ какъ указомъ 15-го марта 1859 г. этотъ институтъ былъ уничтоженъ, но въ данномъ случаѣ онъ превращался въ настоящую проскрипцію.

Указъ о наборѣ былъ послѣдней каплей, переполнившей чашу. Возстаніе становилось, благодаря ему, вопросомъ дня въ особенности въ глазахъ всей той молодежи, которая имѣла основаніе думать, что она попадетъ въ проскрипціонные списки. Передъ Центральнымъ Комитетомъ задача подготовки возстанія стала во весь ростъ. Большинство его членовъ отдавало себѣ довольно ясный отчетъ въ трудности этой задачи, но напиравшіе на него низы организаціи заставляли его предпринять нѣкоторые шаги въ этомъ направленіи.

Однимъ изъ факторовъ, содѣйствовавшихъ ускоренію польскаго возстанія, были надежды на русскую революцію. Въ Польшѣ сильно преувеличивали вліяніе герценовской пропаганды и значеніе тѣхъ симпатій, которыя на страницахъ „Колокола" высказывались національнымъ польскимъ стремленіямъ. Тогда полагали въ Польшѣ, что общество „Земля и Воля" представляетъ собою внушительную силу. Когда въ сентябрѣ 1862 г. представители Центральнаго

[illegible] отправилось къ Герцену, [illegible] „[illegible]“ [illegible] на свою сторону либеральнаго и демократическаго общественнаго мнѣнія Россіи настолько важнымъ, что въ октябрьскомъ номерѣ „Колокола“ появился, такъ сказать, оффиціальный манифестъ, озаглавленный: *Отъ Центральнаго Народнаго Польскаго Комитета въ Варшавѣ къ издателямъ „Колокола“*. „Основная мысль, съ которой Польша возстаетъ теперь, — сказано было въ этомъ манифестѣ, — совершенно признаетъ право крестьянъ на землю, обрабатываемую ими, и полную самоправность всякаго народа располагать своей судьбой“. Какъ смотрѣли редакторы „Колокола“ на возстаніе, свидѣтельствуютъ письма Огарева и Бакунина къ офицерамъ, служившимъ въ Польшѣ. Бакунинъ предвидитъ, что „пораженіе партіи движенія въ Польшѣ будетъ имѣть непремѣннымъ послѣдствіемъ временное торжество царскаго деспотизма въ Россіи“; Огаревъ же опасается, что теперешнее преждевременное возстаніе приведетъ къ гибели Польши, а „русское дѣло надолго потонетъ въ чувствѣ народной ненависти“. Но въ то же время оба признаютъ, что русскіе офицеры не могутъ, не должны „оставить Польшу на побіеніе“.

7-го іюня 1862 г. русскій офицеръ А. А. Потебня писалъ изъ Варшавы Герцену отъ имени многихъ офицеровъ, что войско готово драться со своими, если бы они вздумали итти „душить поляковъ“. [illegible] „[illegible]“ [illegible]

Центральный Комитетъ, [illegible] постановилъ отсрочить возстаніе до [illegible] 5.000 ружей, закупленныхъ по порученію Ц. К. за границей, попалъ въ руки прусской пограничной стражи.

Что касается „бѣлыхъ“ элементовъ, то они были безусловными противниками возстанія. Ихъ пугали соціальное знамя, выставленное Центральнымъ Комитетомъ, связь съ европейской и русской революціей, имя Мѣрославскаго, котораго прочили въ диктаторы возстанія.

Возстаніе не только для нихъ, но и для самого Центральнаго Комитета явилось неожиданностью. Въ виду тревожныхъ слуховъ о наборѣ, ремесленная молодежь массами стала уходить въ лѣса, такъ что, когда 15-го января 1863 г. дѣйствительно былъ объявленъ наборъ, то большинство занесенныхъ въ проскрипціонные списки не оказалось на лицо.

На второй день послѣ этого ночного нападенія полиціи и войска на [illegible]

вооруженное возстаніе стало фактомъ. Тысячамъ молодежи, собравшейся въ лѣсахъ, оставалось либо возвращаться домой и отдаться добровольно въ руки русскаго правительства, либо начать неравную борьбу. Она предпочла избрать послѣднее. 16-го Комитетъ выпустилъ воззваніе, объявлявшее страну въ состояніи инсуррекціи, но не опредѣлявшее еще момента всеобщаго взрыва. 17-го Комитетъ получилъ изъ провинціи отъ мѣстныхъ комиссаровъ ультиматумъ, что, если возстаніе не будетъ объявлено, оно вспыхнетъ стихійно въ разныхъ пунктахъ страны. Тогда только Комитетъ рѣшился назначить ночь съ 22-го на 23-ье января, какъ начало вооруженнаго возстанія на всей территоріи Царства Польскаго.

2. Вооруженное возстаніе 1863 г.

Въ моментъ взрыва возстанія русская армія въ Царствѣ Польскомъ достигала по штату цифры 85 тысячъ человѣкъ всѣхъ родовъ оружія. Но, по всей вѣроятности, численность войска была меньше, чѣмъ это значилось на бумагѣ. Какъ бы то ни было, она была вполнѣ достаточна для быстраго подавленія начавшагося возстанія, сильнаго лишь молодымъ энтузіазмомъ. Казалось, что не пройдетъ и двухъ недѣль, какъ начатая при столь неблагопріятныхъ условіяхъ борьба кончится. Въ этомъ были увѣрены не только „бѣлые", которые утѣшали себя тѣмъ, что немногочисленными жертвами будетъ, по крайней мѣрѣ, куплено отрезвленіе безумной молодежи, но даже Центральный Комитетъ, знавшій слабость военной подготовки возставшихъ.

Между тѣмъ возстаніе длилось почти $1^1/_2$ года. Помимо другихъ причинъ, продолжительность возстанія вызывалась самымъ характеромъ борьбы. Возстаніе 1863 г. отнюдь не похоже съ военно-технической точки зрѣнія на революціонныя возстанія, извѣстныя исторіи XIX вѣка. Здѣсь не было ничего подобнаго тому, что происходило въ 1848 г. во Франціи, Германіи или Австріи. Возстаніе 1863 г. разыгрывалось внѣ городской черты, оно не видѣло баррикадныхъ битвъ на улицахъ городовъ. Ни въ Варшавѣ, ни въ одномъ изъ болѣе или менѣе значительныхъ городовъ Царства Польскаго, Литвы и Руси не происходило сраженія съ войскомъ.

По вычисленію Гиллера въ теченіе 18-тимѣсячной борьбы произошло около тысячи битвъ и схватокъ на территоріи между Просной и Днѣпромъ. Большая часть ихъ имѣла мѣсто въ лѣсахъ, въ то время еще занимавшихъ громадныя пространства Царства Польскаго и Литвы.

Возстаніе въ теченіе первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ не выходило за предѣлы Царства Польскаго, только впослѣдствіи оно перекинулось въ Литву, Бѣлоруссію и Юго-западный край. Но какъ въ Ковенской, такъ и въ Волынской губерніи возстаніе продолжалось весьма недолго. Уже къ концу мая 1863 г. въ Литвѣ и Украйнѣ возстанія больше не было. Такимъ образомъ во второй половинѣ 1863 г. единственной его территоріей опять было Царство Поль-

[illegible], устьѣ Вислы, южныя части послѣдняго воеводства Сандомірскаго, Краковское и Люблинское. Здѣсь оно возникло въ 1863 году и затянулось до 1864 г.

Возстаніе вспыхнуло одновременнымъ нападеніемъ въ 15 или 16 пунктахъ небольшихъ отрядовъ на мѣстныя войсковыя команды. За исключеніемъ одного болѣе значительнаго города, Плоцка, всѣ упомянутыя нападенія произошли въ маленькихъ мѣстечкахъ. Въ русской офиціальной печати они были названы Варѳоломеевской ночью; нужно однако замѣтить, что потери повстанцевъ въ этомъ дѣлѣ значительно превосходили потери на сторонѣ войска.

Мало-по-малу повстанческіе отряды стали концентрироваться. Раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, крупные повстанческіе отряды образовались въ воеводствахъ Подляскомъ (Сѣдлецкая губ.) и Сандомірскомъ (Радомская губ.). Первый серьезный бой, въ которомъ на сторонѣ повстанцевъ сражалось около 5.000 человѣкъ, произошелъ 6-го февраля новаго стиля на границѣ Сѣдлецкой и Гродненской губерніи подъ мѣстечкомъ Семятичи. Спустя 18 дней, 24-го февраля на югѣ Царства, въ Сандомірскомъ воеводствѣ произошла еще болѣе крупная битва, подъ Малогощемъ. Здѣсь главнымъ военнымъ начальникомъ двухъ воеводствъ — Сандомірскаго и Краковскаго (Кѣлецкая г.) — временное народное правительство назначило Лянгевича, бывшаго преподавателя въ военной генуэзской школѣ. Подъ его начальствомъ сосредоточилось [illegible] [illegible] Лянгевичъ, какъ образованный офицеръ, [illegible] [illegible] [illegible] Подъ Малогощемъ, [illegible], подъ начальствомъ Лянгевича находилось отъ 7 до 8 тысячъ человѣкъ.

На [illegible] въ Плоцкой губ., [illegible] въ 3.000 человѣкъ, собрался подъ начальствомъ Падлевскаго, бывшаго русскаго гвардейскаго офицера и наиболѣе вліятельнаго члена Центральнаго Комитета въ послѣдніе 2—3 мѣсяца, предшествовавшіе возстанію. Борьба въ Плоцкой губ. [illegible] труднѣе въ томъ отношеніи, что здѣсь не было, какъ на югѣ, удобной границы, за которой въ любой моментъ можно было укрыться. Дѣйствія крупныхъ повстанческихъ отрядовъ продолжались въ Плоцкой губ. почти до августа. Падлевскій еще задолго до этого, 2-го мая, былъ разстрѣлянъ по приговору военно-полевого суда.

Послѣ этого, какъ мы уже сказали, возстаніе сконцентрировалось главнымъ образомъ въ южныхъ воеводствахъ. Въ Люблинскомъ воеводствѣ [illegible] ральнаго штаба Гейденрейхъ, въ возстаніи извѣстный подъ [illegible] Круկъ. Въ Сандомірскомъ и [illegible] скомъ — бывшій полковникъ лейбъ-[illegible] уке, повстанческій псевдонимъ котораго былъ — генералъ Босакъ. Въ теченіе цѣлыхъ шести мѣсяцевъ, [illegible]

враля 1864 г., все военное бремя возстанія выносили на своихъ плечахъ отряды генерала Босака, такъ какъ въ остальныхъ частямъ Польши вооруженная борьба къ тому времени уже совсѣмъ прекратилась. Послѣ крупнаго пораженія подъ мѣстечкомъ Опатовомъ 23-го февраля 1864 г. генералъ Босакъ, послѣдній „генералъ“ возстанія тоже исчезаетъ со сцены. Еще кое-гдѣ вспыхиваютъ и быстро угасаютъ искры возстанія въ видѣ мелкихъ стычекъ, продолжавшихся вплоть до апрѣля, но онѣ уже не имѣли никакого значенія...

Въ возстаніи 1863 г. въ числѣ его начальниковъ мы видимъ не мало бывшихъ офицеровъ русской арміи. Босакъ-Гауке, Крукъ-Гейденрейхъ, Топоръ-Звѣрждовскій, Падлевскій, Хмѣленскій, Сѣраковскій, Ружицкій и многіе другіе менѣе извѣстные начальники повстанческихъ отрядовъ незадолго до взрыва находились на русской службѣ, которую они стали покидать, слѣдуя голосу патріотизма и призыву національнаго правительства. Не только офицера-поляки, но и русскіе кое-гдѣ участвовали въ возстаніи; изъ русскихъ офицеровъ Потебня, другъ Герцена, погибъ въ одномъ сраженіи. Отмѣтимъ, что не мало было также французскихъ и австрійскихъ офицеровъ, объ отправкѣ которыхъ на поле военныхъ дѣйствій заботились комитеты парижскій и галиційскій, поставившіе своей задачей снабжать возстаніе обученными офицерами и оружіемъ.

Масса повстанцевъ рекрутировалась изъ различныхъ слоевъ населенія, смотря по мѣсту дѣйствія. Въ Царствѣ Польскомъ ремесленная мѣщанская молодежь, бѣжавшая отъ „подтасованнаго“ набора, дала главныхъ борцовъ возстанію; въ Кѣлецкой губерніи рабочіе и служащіе тамошнихъ горныхъ заводовъ составили ту „банду“, которая въ ночь съ 22 на 23 января начала возстаніе. Польская учащаяся молодежь высшихъ учебныхъ заведеній, какъ Царства Польскаго, такъ и Россіи—вся почти пошла въ возстаніе.

Нѣсколько сотъ человѣкъ пулавяковъ, то есть студентовъ политехническаго института въ Пулавахъ (теперь—Новая Александрія) подъ предводительствомъ 19-лѣтняго Леона Франковскаго атаковали 22 января м. Казимірж Люблинской губ. Шляхта, въ особенности мелкопомѣстная, также наполняла ряды повстанческой арміи. Численно первенствующее въ Польшѣ сословіе, крестьянство, дало ничтожное количество участниковъ. Однако тенденціознымъ искаженіемъ исторической правды является утвержденіе, что *польское* крестьянство относилось враждебно къ возстанію. Его отношеніе правильнѣе всего можно было бы характеризовать, какъ пассивное сочувствіе. Рѣчь идетъ о томъ слоѣ крестьянства, который ведетъ самостоятельное хозяйство; крестьяне, бывшіе на службѣ въ помѣщичьихъ усадьбахъ, дворовая челядь—участвовали по большей части какъ рядовые въ „бандахъ“, формируемыхъ ихъ господами.

Современники, какъ „красные“, такъ и „бѣлые“, первые съ чувствомъ удовлетворенія, вторые полупрезрительно характеризовали возстаніе, какъ *мѣщанское*. Если имѣть въ виду преобладающій элементъ его участниковъ въ Царствѣ Польскомъ, то

[illegible] правильнымъ было бы опредѣленіе „крестьянскіе“, если говорить о [illegible] отрядахъ Сѣраковскаго, и опредѣленіе „шляхетскіе“ — въ отношеніи состава [illegible] полка Ружицкаго.

Въ самомъ дѣлѣ, въ отрядахъ, собравшихся подъ начальствомъ Сѣраковскаго, [illegible] генеральнаго штаба русской арміи, преобладали жмудскіе крестьяне. [illegible] ствовалъ литовскаго воеводу и его [illegible] объясняется не польскимъ патріотизмомъ, а страстной приверженностью къ католической вѣрѣ. Знамя возстанія, подъ которое становился жмудскій крестьянинъ, было для послѣдняго прежде всего знаменемъ борьбы за католическую вѣру. Такъ дѣло обстояло въ Ковенской губерніи. Между тѣмъ въ Волынской губерніи полкъ, собравшійся подъ начальствомъ Ружицкаго, тоже бывшаго русскаго офицера, состоялъ почти сплошь изъ шляхты. Тамъ преобладала пѣхота, здѣсь конница *).

[illegible] Комитетъ, [illegible] Правительство, [illegible] въ возстаніи; на нихъ воз[illegible] станіе людьми, оружіемъ и деньгами, а также вліять на общественное мнѣніе Европы. [illegible] большей степени, чѣмъ второе, сыграли не малую роль, какъ резервуары, питавшіе возстаніе.

Отряды, формировавшіеся въ западной Галиціи, предназначались для пограничныхъ губерній Кѣлецкой и Радомской; [illegible] хетско-аристократическій комитетъ [illegible] формировалъ отряды, направлявшіеся въ Люблинскую и Волынскую губернію. Двѣ экспедиціи, снаряженныя съ большой затратой силъ и средствъ для подачи руки помощи волынскому возстанію, окончились однако са-

---

*) Косвенное указаніе не только на со[illegible] среди арестантовъ изъ Царства Польскаго [illegible] ксендзы, лица военнаго сословія, доктора [illegible]

[illegible]

Въ плоцкомъ военномъ отдѣлѣ по [illegible]

мымъ плачевнымъ и позорнымъ образомъ. Авторъ, отнюдь не склонный умалять геройство повстанцевъ, г. Равита-Гавронскій такъ характеризуетъ галиційскіе отряды: „Солдатъ, особенно изъ низшихъ культурныхъ слоевъ, дѣлалъ себѣ ремесло изъ мародерства. Въ теченіе долгихъ недѣль приготовленій онъ питался на чужой счетъ и жилъ въ совершенной праздности, а когда, наконецъ, послѣ этого продолжительнаго бездѣлья слѣдовало нѣсколько дней усиленнаго труда и форсированныхъ маршевъ, когда онъ очутился по ту сторону галиційской границы передъ лицомъ опасности, его первой мыслью было —бѣжать въ Галицію и вернуться къ праздной жизни... Нѣсколько дней отсидки въ австрійской тюрьмѣ придавало ему еще ореолъ мученичества. Казалось, что большая часть отрядовъ переходила черезъ границу не для того, чтобы сражаться, а для того лишь, чтобы какъ можно скорѣе вернуться назадъ“. Эти отряды, по выраженію одного современника, тщательно изучившаго положеніе, состояло „изъ всякаго рода сброда“. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что подобныя явленія относятся къ тому періоду, когда возстаніе начало клониться къ упадку.

Центральный Комитетъ, призывая польскій народъ къ вооруженной борьбѣ, не ограничивался простымъ обращеніемъ къ патріотическому чувству. Онъ счелъ нужнымъ вмѣстѣ съ объявленіемъ войны русскому правительству провозгласить тѣ соціальные и политическіе принципы, во имя которыхъ ведется возстаніе. Программа возстанія есть вмѣстѣ съ тѣмъ соціально-политическая характеристика тѣхъ слоевъ, которые начали его.

Слѣдуя завѣтамъ Демократическаго Общества, Центральный Комитетъ „въ первую же минуту начала священной борьбы объявляетъ всѣхъ сыновъ Польши безъ различія вѣроисповѣданія, происхожденія и сословія, свободными и равными гражданами. Земля, которой народъ владѣлъ доселѣ на правахъ чинша или барщины, становится съ сегодняшняго дня его неотъемлемой собственностью, вѣчнымъ его владѣніемъ. Пострадавшіе помѣщики будутъ вознаграждены изъ средствъ государственнаго казначейства. Всѣ же коморники и рабочіе, вступившіе въ ряды защитниковъ страны, — а въ случаѣ ихъ почетной смерти на полѣ брани—ихъ семьи получатъ изъ національныхъ имуществъ участокъ отвоеванной у враговъ земли“.

Программа эта не на много отклонялась отъ тѣхъ принциповъ, которые защищались лѣвой Земледѣльческаго Общества, потому что вознагражденіе пострадавшихъ землевладѣльцевъ изъ общихъ государственныхъ средствъ въ сущности сводилось къ уплатѣ за землю тѣми же крестьянами. Демократическое Общество, какъ знаемъ, шло нѣкогда дальше въ своихъ предположеніяхъ. Что касается „коморниковъ“ и „выробниковъ“, то относительно нихъ Комитетъ остался на старой точкѣ зрѣнія Поланецкаго Универсала Костюшки: лишь тотъ получаетъ участокъ не менѣе 3 морговъ изъ національныхъ имуществъ (но отнюдь не изъ частно-владѣльческихъ), „кто будетъ бороться въ рядахъ національнаго войска за отечество“.

[illegible]
вительство своимъ декретомъ обѣ-
[illegible]
щедшую къ крестьянамъ землю об-
[illegible]
шляхта готова была заподозрить
Центральный Комитетъ въ томъ, что
[illegible]
крестьянъ. Эти опасенія были небез-
основательны, поскольку рѣчь идетъ,
[illegible]
нападокъ со стороны эмиграціонной
публицистики за свое безчеловѣчное
[illegible]

[illegible]
тора года.

[illegible]
крестьяне относились враждебно къ
[illegible]
кости, полныя политическаго трагиз-
ма расправы съ повстанцами.

[illegible]
били господскія имѣнія, а польскихъ
помѣщиковъ и ихъ семьи хватали
[illegible]
крестьянской злобы и ненависти къ
„бісовымъ ляхамъ“: крестьяне помо-
[illegible]

тета. Однимъ изъ наиболѣе кровавыхъ эпизодовъ этого рода является катастрофа въ деревнѣ Соловьевкѣ Кіевской губерніи, гдѣ 21 человѣкъ студентовъ-поляковъ, полныхъ не только національнаго, но и демократическаго идеализма, были перебиты кольями и топорами крестьянъ. Всѣ эти ужасные эпизоды показали, что между господами, возставшими во имя независимой Польши, и живущими съ ними бокъ о бокъ крестьянами существуетъ непреодолимая, бездонная пропасть. „Движеніе", говоритъ одинъ изъ историковъ возстанія 1863 г., „не столько погибло подъ ударами русскихъ штыковъ, сколько подъ ударами крестьянскихъ косъ и кольевъ".

3. Возстаніе и европейская дипломатія.

Чтобы понять характеръ и ходъ возстанія, необходимо подчеркнуть, что оно было не только внутреннимъ вопросомъ Россіи, не только войной между польскими партизанскими отрядами и регулярной арміей русскаго правительства. Оно получило значеніе международнаго европейскаго вопроса, вызвавшаго цѣлую дипломатическую кампанію западныхъ державъ.

Поводомъ къ вмѣшательству послужила военная конвенція, заключенная 8-го февраля 1863 г. между Пруссіей и Россіей съ цѣлью успѣшнаго подавленія возстанія. Однимъ изъ пунктовъ упомянутой конвенціи разрѣшалось русскимъ войскамъ при преслѣдованіи повстанцевъ переходить черезъ прусскую границу. Военный союзъ Россіи и Пруссіи заставилъ дипломатію другихъ европейскихъ державъ выступить съ опредѣленными заявленіями.

Раньше всѣхъ другихъ Англія обратилась съ нотами къ прусскому и русскому правительствамъ, причемъ въ нотѣ своей послѣднему англійскій министръ Россель ссылается на Вѣнскій трактатъ 1815 г., установившій для Царства Польскаго опредѣленныя гарантіи. Англія предложила также Франціи присоединиться къ общей дипломатической демонстраціи по отношенію къ Россіи, имѣя не столько въ виду интересы поляковъ, сколько желая этимъ шагомъ помѣшать издавна готовившемуся союзу между Франціей и Россіей, союзу, равно цѣнному въ глазахъ Наполеона III, какъ и русской дипломатіи.

Франція отклонила поэтому предложеніе Англіи, желая дѣйствовать въ польскомъ вопросѣ на собственный страхъ. Провозглашенный французскимъ императоромъ принципъ національности, столь дѣятельно имъ поддержанный въ отношеніи къ итальянцамъ, наполеоновскія традиціи, личныя связи съ домомъ Чарторыйскихъ, олицетворявшимъ на чужбинѣ идею независимой Польши—все это склоняло Наполеона III къ вмѣшательству въ польскія дѣла. Онъ обратился съ письмомъ къ русскому императору, совѣтуя ему образовать отдѣльное королевство изъ Царства Польскаго съ вел. кн. Константиномъ во главѣ. Александръ II оставилъ однако этотъ совѣтъ безъ всякаго вниманія. Тогда тюльерійскій каби-

нія, предварительно болѣе рѣши-
тельный шагъ, въ которомъ это [illegible]
[illegible] общественное мнѣніе
Франціи, въ высшей степени сочув-
ственно относившееся къ польскимъ
національнымъ стремленіямъ. Ав-
стрійскій посланникъ въ Парижѣ,
кн. Меттернихъ, отправляется по
порученію французскаго императора
въ Вѣну съ предложеніемъ начать
совмѣстныя дѣйствія, не останавливаясь въ
случаѣ необходимости даже передъ
объявленіемъ войны Россіи.

Поскольку Австрія являлась од-
ной изъ участницъ раздѣла Польши,
поскольку въ составъ ея владѣній
входила польская провинція Галиція,
постольку она была связана болѣе
крѣпкими узами солидарности съ
Россіей и Пруссіей, чѣмъ съ Англіей
и Франціей, не имѣвшими никакихъ
прямыхъ интересовъ въ Польшѣ.
Но не слѣдуетъ забывать, что между
Австріей и Пруссіей издавна проис-
ходило глубокое соперничество изъ-за
вліянія въ Германскомъ союзѣ,
что, съ другой стороны, интересы
Австріи на Ближнемъ Востокѣ ста-
вили ее въ противорѣчіе съ Россіей,
что, наконецъ, въ столь острымъ
для Австріи итальянскомъ вопросѣ
Россія стала не на сторону Австріи.
Вотъ почему послѣдняя и выразила
готовность участвовать въ совмѣст-
ныхъ дипломатическихъ дѣйствіяхъ,
отклонивъ въ то же время предло-
женіе Тюильрійскаго кабинета [illegible]
[illegible] относитель-
но военнаго вмѣшательства.

10-го апрѣля 1863 г. три державы—
Англія, Франція и Австрія—обрати-
лись въ Петербургъ съ [illegible]
[illegible] польскому вопросу), настаи-
вая на принятіи необходимыхъ мѣръ
для прекращенія страшнаго и без-
полезнаго кровопролитія въ Польшѣ.
Къ дипломатическому вмѣшательству
трехъ великихъ державъ присоеди-
нились также Италія, Испанія,
Швеція, Данія, Голландія, Португа-
лія, Турція и папскій престолъ. Это
была не болѣе, какъ дипломатическая
демонстрація—„grande démonstration"
[illegible] этотъ актъ [illegible]
[illegible]
[illegible]

Дипломатическое вмѣшательство,
[illegible]
[illegible]
[illegible] правительства [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] Царства [illegible]
[illegible]
[illegible] (13) мая. Амнистія, [illegible]
виду только [illegible] Царства, [illegible]
[illegible] всѣхъ прочихъ [illegible] и
въ томъ числѣ офицеровъ арміи, ко-
торые [illegible]
[illegible] не удовлетворила даже
[illegible] дипломатовъ. [illegible]
[illegible]. [illegible]
[illegible], что [illegible]
[illegible] Народный [illegible]
[illegible] въ своей прокла-
маціи: „Ни одинъ полякъ не сло-
житъ оружія!"

На что же [illegible]
[illegible] дипломатическаго вмѣша-
тельства. [illegible] отвѣтѣ держа-
вамъ на ихъ ноты отъ 10-го апрѣля
русскій министръ иностранныхъ дѣлъ
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

сяца прошло, пока, наконецъ, три державы пришли къ опредѣленному на этотъ счетъ соглашенію. Ноты Англіи, Франціи и Австріи отъ 17-го іюня заключали въ качествѣ резюме слѣдующіе 6 пунктовъ: 1) полная и всеобщая амнистія, 2) народное представительство съ компетенціей, подобной той, какую гарантировала конституція 1815 г., 3) администрація, состоящая исключительно изъ поляковъ, 4) полная свобода совѣсти и отмѣна ограниченій для католической религіи, 5) признаніе польскаго языка офиціальнымъ въ области администраціи, суда и школы, 6) установленіе правильной и закономѣрной системы рекрутскаго набора.

Отвѣтная нота канцлера Горчакова на іюньскія предложенія державъ уже составлена въ рѣзкомъ, высокомѣрномъ тонѣ. Русскій министръ указываетъ въ ней, что въ сущности всѣ „пункты" европейскихъ дипломатовъ, кромѣ второго (установленіе народнаго представительства), давно получили свое осуществленіе въ Царствѣ Польскомъ, и тѣмъ не менѣе поляки не успокоились. Онъ отказываетъ иностраннымъ державамъ въ правѣ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Россіи, ибо возстаніе въ Царствѣ Польскомъ не есть съ точки зрѣнія русскаго правительства вопросъ международной политики.

Эта гордая отповѣдь является лишь дипломатическимъ выраженіемъ измѣнившагося положенія вещей въ Россіи. Въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ, пока тянулась дипломатическая кампанія, русское правительство не дремало. Оно спѣшно ставило армію на военную ногу, доведши ея численность къ іюлю до полумилліона: въ одномъ Царствѣ Польскомъ было въ іюнѣ подъ оружіемъ свыше 120 тысячъ регулярнаго войска противъ въ лучшемъ случаѣ 30 тысячъ плохо вооруженныхъ и обученныхъ партизановъ возстанія. Но не только сознаніе матеріальной силы вселяло русскому правительству то чувство высокомѣрія, которое ему было еще чуждо въ апрѣлѣ. За эти мѣсяцы произошла ощутительная перемѣна въ общественномъ настроеніи въ Россіи. Дворянскія собранія, являвшіяся въ то время почти единственнымъ органомъ общественнаго мнѣнія, все чаще и чаще стали обращаться съ вѣрноподданническими адресами, выражая при этомъ готовность „не щадя силъ и жертвъ, въ тѣсномъ союзѣ со всѣми сословіями стать на защиту предѣловъ Имперіи". Въ печати органомъ этого патріотическаго движенія сдѣлались „Московскія Вѣдомости", редакторъ которыхъ Катковъ посвящалъ большинство своихъ статей польскому вопросу. Курсъ внутренней политики рѣзко перемѣнился, и первымъ признакомъ этой перемѣны явилось назначеніе бывшаго министра государственныхъ имуществъ Муравьева на постъ виленскаго генералъ-губернатора.

Западныя державы серьезно не думали о войнѣ изъ-за Польши. Дальше дипломатической демонстраціи онѣ въ своей дружбѣ къ полякамъ пойти не хотѣли. Но дипломатическое вмѣшательство западной Европы, вызвавшее неожиданный взрывъ „квасного" патріотизма въ Россіи, имѣло для поляковъ весьма печальныя, прямо роковыя послѣдствія

[illegible]

[illegible] партію „Бѣлыхъ“, какъ въ самомъ Царствѣ, такъ въ особенности въ Литвѣ и Украйнѣ. Въ моментъ взрыва „Бѣлая дирекція“ въ Варшавѣ, а равно и ее [illegible] организаціи, которыя существовали въ Литвѣ и восточной Галиціи, самымъ рѣшительнымъ образомъ высказались противъ вооруженнаго возстанія. Одинъ изъ членовъ галицiйскаго „Бѣлаго“ комитета графъ Дзѣдушицкій не стѣснялся говорить о возстаніи, какъ „о несчастіи, накликанномъ на Польшу сапожниками и портными“. Въ этомъ отзывѣ вполнѣ отразилось отношеніе высшей польской шляхты, какъ къ возстанію, такъ и къ тѣмъ элементамъ, которые играли въ немъ дѣятельную роль — къ мѣщанству. Польское дворянство литовскихъ губерній, собравшись на съѣздъ въ Вильнѣ 7-го февраля, рѣшило занять выжидательную позицію, открыто не порицать возстанія, но и не присоединяться къ нему.

Когда однако въ связи съ возстаніемъ „варшавскихъ дѣтей“ на политическомъ горизонтѣ Европы показался польскій вопросъ подъ видомъ дипломатическаго вмѣшательства, руководители шляхты перемѣнили свою тактику. „Бѣлая дирекція“ въ Варшавѣ рѣшила распустить свою [illegible] „краснаго“ Временнаго Правительства, [illegible]

[illegible] были представлены — элементъ буржуазный [illegible] не былъ столь рѣзкимъ, такъ какъ [illegible] Рупрехту, Маевскому, пользовавшимся громаднымъ авторитетомъ среди образованныхъ слоевъ.

Въ Литвѣ, Украйнѣ и Галиціи дѣло приняло нѣсколько иной оборотъ, чѣмъ въ Царствѣ Польскомъ. И въ Литвѣ, и въ Галиціи еще до взрыва 22 января возникли организаціи, демократическія по своему составу. Литовскій Комитетъ состоялъ главнымъ образомъ изъ служащихъ Варшавско-Петербургской ж. д.; во Львовѣ Комитетъ братской помощи объединялъ учащуюся и ремесленную молодежь. Партизанскіе отряды и въ Литвѣ и въ Галиціи появились вскорѣ послѣ того, какъ туда дошла вѣсть о взрывѣ въ Царствѣ Польскомъ. Но шляхта пока не вмѣшивалась въ это дѣло. Лишь тогда, когда выяснилось, что возстаніе можетъ превратиться въ общеевропейскій политическій вопросъ, она рѣшила сосредоточить руководство имъ въ своихъ рукахъ. Безъ поддерж-

къ шляхты возстаніе въ литовскихъ и украинскихъ губерніяхъ было бы лишено всякой опоры. Только у нея были и моральный авторитетъ и финансовыя средства. Варшавскій Центральный Комитетъ, несмотря на свои демократическія тенденціи, хорошо это сознавалъ, и волей-неволей ему приходилось считать возникшія тамъ исключительно шляхетскія организаціи единственными представителями и руководителями польскаго національнаго дѣла.

Фактъ присоединенія „бѣлыхъ“ къ возстанію наложилъ глубокую печать на дальнѣйшія судьбы послѣдняго. Соображенія дипломатическаго характера, подхватываніе намековъ, словъ, мнѣній западно-европейскихъ кабинетовъ стали играть громадную роль въ политикѣ возстанія. Гордый принципъ „Polonia fara da se“ уступилъ мѣсто расчетамъ и надеждамъ на вмѣшательство европейскихъ державъ, на взрывъ европейской войны изъ-за Польши. Эмиграціонная политика партіи Чарторыйскихъ въ виду этого снова пріобрѣла значеніе. Hôtel Lambert—дворецъ Чарторыйскихъ въ Парижѣ—своего рода министерство иностранныхъ дѣлъ въ Польшѣ, началъ усиленно дѣйствовать. Къ исходящимъ оттуда совѣтамъ и указаніямъ стали прислушиваться въ Краковѣ, Львовѣ, Вильнѣ и Варшавѣ.

Первымъ актомъ этой дипломатической политики „бѣлыхъ“ явилось покушеніе на Центральный Комитетъ и coup d'état, извѣстный подъ именемъ диктатуры Лянгевича. Лянгевичъ, имя котораго успѣло пріобрѣсти громкую извѣстность, поддался совѣтамъ краковскихъ „бѣлыхъ“, провозгласивъ себя передъ своей арміей и передъ лицомъ польскаго народа диктаторомъ. Варшавскій Центральный Комитетъ, не желая вызвать двоевластія, опаснаго для дѣла, формально призналъ диктатуру, устранивъ себя отъ главнаго руководства. „Бѣлые“, содѣйствуя провозглашенію единоличной диктатуры Лянгевича, имѣли въ виду достигнуть двухъ цѣлей: во-первыхъ, отстранить „красный“ Центральный Комитетъ и предупредить грядущую диктатуру „страшнаго“ для нихъ „революціонера“ Мѣрославскаго; во-вторыхъ — учредить вмѣсто тайнаго, Европѣ невѣдомаго революціоннаго комитета, явную правительственную власть, хотя бы въ лицѣ повстанческаго вождя.

Диктатура Лянгевича кончилась однако весьма печально. Послѣ битвы подъ Гроховисками диктаторъ бѣжалъ въ Австрію, былъ на границѣ арестованъ и заключенъ въ одну изъ австрійскихъ тюремъ. Центральный Комитетъ, преобразовавшись послѣ этого въ Rząd Narodowy (національное правительство), снова сосредоточилъ высшую власть въ своихъ рукахъ, объявивъ, что всякая попытка вновь учредить диктатуру въ краѣ или за предѣлами онаго будетъ признаваться государственнымъ преступленіемъ.

Вліяніе политики „бѣлыхъ“ сказалось также въ назначеніи Жондомъ 15-го мая 1863 г. кн. Владислава Чарторыйскаго, сына покойнаго князя Адама, „главнымъ своимъ дипломатическимъ агентомъ при правительствахъ Франціи, Англіи, Швеціи и Турціи“. Впослѣдствіи въ каждой изъ этихъ странъ, да еще въ Италіи

[illegible] аристократіи. А эта „иностранная" [illegible] тому, что говоритъ Hôtel Lambert, усвоили себѣ взглядъ на возстаніе, какъ на простую вооруженную де- [illegible] еще до встрѣчи съ врагомъ.

Политика Hôtel Lambert и связан- ныхъ съ нимъ „бѣлыхъ",—которая, [illegible] первые двое сами были раньше чле- [illegible] ареной частыхъ внутреннихъ перево- [illegible] ніемъ 3-ехнедѣльнаго періода, когда власть очутилась въ рукахъ ультра- [illegible] теченіе почти 16 мѣсяцевъ управляли [illegible].

Въ октябрѣ 1863 г., когда возста- [illegible] ку, когда надежды на вмѣшательство европейскихъ державъ почти рухнули, руль возстанія взялъ въ свои [illegible] моотверженія повстанческій диктаторъ Польши *). Ромуальдъ Траугутъ,

[illegible]

*) Н. В. Бергъ. [illegible]

помѣщикъ Гродненской губерніи, рьяный католикъ, патріотъ мистическаго закала, взявъ на себя тяжелую отвѣтственную роль, дѣйствовалъ въ полномъ согласіи съ кн. Чарторыйскимъ. И въ теченіе цѣлыхъ шести мѣсяцевъ этотъ Жондъ Народовый, къ словамъ котораго съ вниманіемъ прислушивались во всей Польшѣ и за предѣлами ея, уловленіе котораго было цѣлью непрерывныхъ усилій правительственной власти — сосредоточивался въ лицѣ одного Ромуальда Траугута, жившаго отшельникомъ на одной изъ пустынныхъ улицъ Варшавы.

Организація повстанческаго правительства до Траугута, въ дни наивысшаго расцвѣта возстанія — приблизительно между маемъ и сентябремъ 1863 г.—была весьма сложная и многообразная. Просматривая собраніе документовъ, относящихся къ исторіи послѣдняго польскаго возстанія, эту груду инструкцій, рапортовъ, декретовъ, циркуляровъ, воззваній, заявленій, переписки съ агентами Жонда—мы должны прійти къ заключенію, что правительственный механизмъ былъ весьма объемистый и дѣйствовалъ, если невсегда успѣшно, зато чрезвычайно усердно.

Жондъ Народовый состоялъ изъ 5-ти членовъ, рѣшавшихъ всѣ дѣла коллегіально. Но каждый изъ членовъ бралъ на себя завѣдываніе одной какой-либо отраслью управленія: администрацію края и дѣла провинцій, прессу, военное дѣло, финансы, сношенія съ заграницей. Для исполненія всей массы лежащей на каждаго изъ завѣдующихъ работы учреждены были департаменты внутреннихъ дѣлъ, войны, финансовъ, прессы, иностранныхъ дѣлъ, провинцій, наконецъ, секретаріатъ. Департаментъ состоялъ изъ директора, дѣлопроизводителей и секретарей. Департаментъ внутреннихъ дѣлъ велъ сношенія съ воеводскими комиссарами, военный — занимался главнымъ образомъ доставкой и храненіемъ въ надежныхъ мѣстахъ оружія, департаментъ финансовъ организовалъ сборъ подати, совершалъ займы, производилъ ассигнованія и т. д., департаментъ печати завѣдывалъ изданіемъ тайной періодической литературы („Извѣстія съ поля битвы“, „Движеніе“, „Независимость“ — офиціозъ Жонда) и, кромѣ того, снабжалъ статьями и свѣдѣніями западно-европейскую печать и т. д.

Рядомъ съ этой организаціей центральнаго правительства существовала спеціальная организація для Варшавы, во главѣ которой стоялъ такъ называемый начальникъ города, имѣвшій въ своемъ распоряженіи цѣлую сѣть подчиненныхъ органовъ, между прочимъ „народную стражу“, игравшую роль повстанческой полиціи. Кромѣ центральной и городской организаціи для Варшавы, въ каждомъ изъ 8-ми воеводствъ были свои „воеводскіе“ органы гражданскаго и военнаго управленія.

Таковъ былъ въ общихъ чертахъ этотъ Жондъ Народовый, который пользовался громаднымъ авторитетомъ. Его приказы и распоряженія, снабженные печатью какого-нибудь изъ его многочисленныхъ отдѣловъ, не были пустымъ звукомъ. Не даромъ „Московскія Вѣдомости“ Каткова съ негодованіемъ писали, что „рядомъ съ законнымъ правительствомъ въ Польшѣ утвердилось и

[illegible] и собиралъ подати, заводилъ и поддерживалъ [illegible] имѣлъ свою полицію и свою жандармерію, свою почту, газеты офиціальныя и полуофиціальныя, печатавшіяся въ тайныхъ типографіяхъ и получавшія [illegible] распространеніе. Это правительство не [illegible]

[illegible] скихъ правительствъ" *).

4. Подавленіе возстанія.

Дипломатическая кампанія [illegible] дала возможность развернуться возстанію. Она привлекла на сторону послѣдняго тѣхъ поляковъ, которые иначе сторонились бы его; съ другой стороны, призракъ войны вызвалъ чувство растерянности въ русскихъ правящихъ сферахъ и парализовалъ на первое время энергію не только административно-полицейскаго, но даже военнаго подавленія возстанія. Дипломатическіе переговоры съ западно-европейскими державами, манифестъ объ амнистіи, объявленный въ апрѣлѣ подъ давленіемъ иностранной дипломатіи, опасеніе войны, надежда, что возстаніе быстро закончится — заставляли пока не принимать рѣшительныхъ, круто-репрессивныхъ мѣръ по отношенію ко всему Царству Польскому, ограничиваясь преслѣдованіемъ партизанскихъ отрядовъ.

Начавшееся повстанческое движеніе въ Литвѣ [illegible] Національнаго Правительства [illegible] къ оружію и съ извѣстной крестьянской программой, явилось поворотнымъ моментомъ въ тактикѣ правительства. Боязнь, какъ бы [illegible] крестьяне подъ вліяніемъ этихъ обѣщаній не примкнули къ возстанію, побудило правительство издать еще 1-го марта 1863 г. указъ о прекращеніи обязательныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами въ Сѣверо-западномъ краѣ, т.е. ввести для этихъ губерній въ силу „мѣстныхъ обстоятельствъ", какъ заявлялось въ указѣ, тотъ принципъ *обязательнаго* выкупа, который такъ недавно былъ отвергнутъ составителями Положеній.

Но указъ 1-го марта тѣмъ не менѣе не предотвратилъ движенія въ Литвѣ. Мало того, крестьяне въ Ковенской губерніи [illegible]

*) [illegible]

ряды инсургентовъ. Потребовались болѣе прямыя мѣры воздѣйствія. Рѣшено было смѣнить стараго генералъ-губернатора Назимова, какъ слишкомъ мягкаго администратора, назначивъ на его мѣсто человѣка, который сумѣлъ бы справиться съ литовскимъ краемъ при совершенно новыхъ обстоятельствахъ. Такимъ подходящимъ человѣкомъ оказался бывшій министръ государственныхъ имуществъ, генералъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, и 1-го мая отданъ былъ приказъ о назначеніи послѣдняго на постъ виленскаго генералъ-губернатора съ предоставленіемъ ему диктаторскихъ полномочій.

На фонѣ событій 1863 г. появляется мрачная фигура Муравьева-Вѣшателя *), знаменуя собою начало новаго періода въ исторіи, какъ самаго возстанія, такъ и его подавленія. Въ своихъ „Запискахъ о мятежѣ въ Сѣверо-западномъ краѣ“ М. Н. Муравьевъ съ чувствомъ гордости знакомитъ потомство съ тѣми мѣрами, которыя имъ были приняты для подавленія мятежа. Въ этомъ отношеніи его „Записки“ являются вполнѣ надежнымъ документомъ. Объ одномъ лишь онъ забываетъ или остерегается сообщить, а именно о томъ, что къ его пріѣзду въ Литву тамошнее возстаніе могло считаться почти законченнымъ. Ибо въ интересахъ вновь прибывшаго управителя краемъ, желавшаго пріобрѣсти славу спасителя Россіи, лежало — раздуть передъ Петербургомъ значеніе и грандіозность совершающихся событій, примѣненіемъ чрезвычайныхъ мѣръ тушенія заставить вѣрить въ наличность грознаго пожара.

„Записки“ въ сухой формѣ рапорта рисуютъ передъ нами всю картину такъ называемаго „военно-полицейскаго управленія“, которое было введено въ маѣ 1863 г. Оно состояло въ томъ, что весь край былъ раздѣленъ на военные отдѣлы и участки, которые „съ полными правами главнаго распорядителя ввѣрялись особо назначеннымъ для сего лицамъ, съ полнымъ подчиненіемъ имъ всего населенія въ тѣхъ отдѣлахъ“.

Вскорѣ начались казни. „Желая показать полякамъ, что правительство наше ихъ не страшится, я немедленно занялся разсмотрѣніемъ приговоровъ о болѣе важныхъ преступникахъ, конфирмовалъ ихъ и немедленно приказалъ исполнить приговоры въ Вильнѣ на торговой площади въ самый полдень и съ оглашеніемъ по всему городу съ барабаннымъ боемъ. Я началъ съ ксендзовъ, какъ главныхъ дѣятелей мятежа“. Въ теченіе весьма короткаго промежутка времени были разстрѣляны два ксендза за прочтеніе съ амвона костела манифеста „временнаго правительства“ 22 января и повѣшены два начальника инсургентовъ: Сѣраковскій и Колышко.

Во всѣхъ уѣздахъ были учреждены

*) Эпитетъ „вѣшатель“ установился за М. Н. Муравьевымъ задолго до 1863 г. Когда въ 1831 г. онъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Гродно, то при первомъ же своемъ знакомствѣ съ новыми людьми М. Н. Муравьевъ, намекая на повѣшеннаго декабриста Сергѣя Муравьева, будто сказалъ: „Я не изъ тѣхъ Муравьевыхъ, которыхъ вѣшаютъ, а изъ тѣхъ которые сами вѣшаютъ!“ Послѣ этого—добавляетъ Н. Бергъ—къ нему прилипло на вѣки вѣковъ прозвище „Муравьева-Вѣшателя“.

[illegible] уѣздной полиціи“.

[illegible] Муравьева въ Литвѣ [illegible] ческое орудіе противъ повстанческой шляхты, онъ [illegible] въ цѣлую систему мѣропріятій.

Помѣщичьи лѣса приказано было въ обѣ стороны отъ дороги на 150 саж. вырубать якобы для того, чтобы въ нихъ не могли „укрываться шайки“. Вырубка громадныхъ пространствъ была предоставлена самимъ крестьянамъ, которые „получили за труды большое количество лѣсу“.

Уставныя грамоты были передѣланы назначенными съ августа русскими мировыми посредниками и членами повѣрочныхъ комиссій, и крестьянамъ были возвращены отрѣзанныя земли.

Во всѣхъ уѣздахъ съ половины іюля учреждена была изъ крестьянъ сельская вооруженная стража подъ начальствомъ унтеръ-офицеровъ, доходившая, по свидѣтельству „Записокъ“, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ до 1.000 и 2.000 человѣкъ. Она „держала въ страхѣ [illegible], которые были обложены особымъ сборомъ на содержаніе оной“.

[illegible] милл. рублей.

[illegible] Муравьевъ [illegible] „приказалъ уничтожить [illegible] мятежниками неистовства и допущено [illegible]

Въ довершеніе къ казнямъ [1], къ вырубкѣ лѣсовъ, къ сожженію деревень, къ обложенію контрибуцией помѣщиковъ, къ организаціи крестьянскаго террора—Муравьевъ для [illegible] тельности „старался внушить мысль о ходатайствѣ со стороны дворянства о помилованіи“. При помощи спеціальной агитаціи, въ которой не обошлось безъ застращиваній, добыты были подписи подъ всеподданнѣйшими адресами. Первый примѣръ подало виленское дворянство, его примѣру

[1] [illegible]

послѣдовали дворяне другихъ литовскихъ губерній.

Въ то время, какъ въ Литвѣ Муравьевъ со своими сотрудниками самымъ безпощаднымъ образомъ расправлялись съ остатками возстанія, въ Царствѣ Польскомъ вплоть до іюня 1863 г. система управленія осталась прежняя. Но дни его автономіи были уже сочтены. Еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ „Московскія Вѣдомости", улавливавшія новыя вѣянія въ петербургскихъ правящихъ сферахъ, писали: „Отнынѣ для прекращенія мятежа нужно не столько истребленіе шаекъ, сколько крѣпкая надежная администрація края... При теперешнемъ ходѣ дѣлъ правительство имѣетъ полное основаніе сосредоточить всѣ власти въ Царствѣ Польскомъ въ рукахъ людей, недоступныхъ обольщеніямъ польскаго патріотизма и революціоннымъ устрашеніямъ". Но совѣту этому правительство послѣдовало лишь тогда, когда выяснились успѣхи муравьевскаго террора и когда вмѣстѣ съ усиленіемъ патріотическаго движенія въ русскомъ обществѣ окончательно растаялъ призракъ европейской войны изъ-за Польши.

Въ іюнѣ маркизу Вѣлёпольскому подъ видомъ продолжительнаго отпуска заграницу дана была отставка; вскорѣ отозванъ былъ также вел. кн. Константинъ Николаевичъ, намѣстникъ Царства Польскаго, и съ конца августа „исправляющимъ должность намѣстника" сталъ генералъ-адъютантъ графъ Бергъ. Новый намѣстникъ вмѣстѣ съ генералъ-полицеймейстеромъ Треповымъ энергично принялись за дѣло усмиренія края. Часть арміи, уже ненужной въ Литвѣ, перешла въ Царство. Полиція была значительно усилена: вмѣсто нѣсколькихъ сотъ полицейскихъ, бывшихъ до сихъ поръ въ Варшавѣ, набраны были тысячи новыхъ изъ среды нижнихъ чиновъ гвардейскихъ и гренадерскихъ полковъ. Аресты усилились, и полицейское кольцо, окружавшее повстанческую организацію, становилось все тѣснѣе.

Вскорѣ, по примѣру Муравьева, и гр. Бергъ сталъ примѣнять систему публичныхъ казней, число которыхъ особенно умножилось въ сентябрѣ и октябрѣ: въ это время варшавская повстанческая организація устроила цѣлый рядъ террористическихъ покушеній противъ чиновъ полиціи и, наконецъ, на самого намѣстника. По примѣру же Муравьева на всѣхъ поляковъ Варшавы была положена контрибуція за убійство полицейскаго полковника Любушина. Начальникамъ военныхъ отдѣловъ, учрежденныхъ по уѣздамъ еще въ іюнѣ, дано было право располагать жизнью и смертью всякаго попавшагося имъ въ руки повстанца. Какъ вѣнецъ всѣхъ этихъ мѣропріятій, къ концу 1863 г. было по литовскому образцу введено въ краѣ военно-полицейское управленіе.

Всѣми этими мѣрами однако не разрѣшался вопросъ о длительномъ „замиреніи" края. „Московскія Вѣдомости", обладавшія тайною предвосхищать курсъ правительственной политики, такъ писали въ концѣ сентября: „Однѣми мѣрами строгости трудно достигнуть благопріятнаго результата, да не въ мѣрахъ строгости и все дѣло; намъ необходимо не только карать партію мятежа, но и поддержать ту силу, которая соста-

[illegible] серьезные вопросы, на которые должно [illegible]"

Путь, [illegible] Муравьевымъ въ Литвѣ [illegible] — для Царства Польскаго не годился. Здѣсь, съ одной стороны, край въ [illegible] отношеніи [illegible], съ другой стороны, положеніе крестьянъ, благодаря возстанію, *фактически* улучшилось: барщина была уничтожена, чиншы крестьянами не вносились, и революціонное правительство [illegible] манифеста 22 января.

Задача, поставленная передъ русскимъ [illegible], слѣдовательно, въ томъ, чтобы вырвать [illegible] въ Царствѣ Польскомъ изъ рукъ [illegible] „Чья сила [illegible] колеблющееся сочувствіе массы? Отъ разрѣшенія этого вопроса, — писалъ въ [illegible] Ю. Ѳ. Самаринъ, — зависитъ окончательный исходъ [illegible] впечатлѣніемъ поѣздки по нѣкоторымъ уѣздамъ Царства Польскаго, которую Самаринъ вмѣстѣ съ Н. А. Милютинымъ [illegible]

Н. А. Милютинъ [illegible] облеченный особыми полномочіями. [illegible] нія", какъ выражалась славянофильская газета „День", — вотъ въ чемъ Милютинъ и его ближайшіе сотрудники усматривали свою реформаторскую роль въ Царствѣ Польскомъ.

Прежде всего, конечно, приходилось остановиться на аграрной реформѣ. Въ этомъ отношеніи за [illegible] руетъ Ю. Ѳ. Самаринъ въ резуль[illegible] настаивать на строгомъ исполненіи своему [illegible] своей цѣли: во всѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, черезъ которыя мы про[illegible]

объ этомъ повсемѣстно и безъ всякихъ уласкъ".

Политическій мотивъ, т. е. мотивъ, такъ сказать, соперничества съ революціоннымъ Жондомъ изъ-за крестьянства игралъ первенствующую роль въ той аграрной реформѣ, которая нашла свое выраженіе въ 4-хъ указахъ 19 февраля 1864 г. Основная черта новаго поземельнаго устройства польскихъ крестьянъ состоитъ въ томъ, что они получили въ полную собственность, безъ всякихъ ограниченій, *всю* землю, бывшую фактически въ ихъ владѣніи. Не было принято никакихъ нормъ для нарѣзки опредѣленной величины надѣла, какъ въ Россіи, и исключительно фактъ пользованія данной землей былъ основаніемъ для закрѣпленія ея въ полную собственность за крестьянскимъ дворомъ. Крестьянамъ давалось также право возвратить отъ помѣщиковъ тѣ усадьбы, которыя послѣ 1846 г. были присоединены помѣщиками къ господскимъ полямъ подъ тѣмъ предлогомъ, что въ нихъ заключалось не больше 3-хъ морговъ. Вмѣстѣ съ землями крестьяне получали въ собственность весь инвентарь, находившійся при усадьбахъ, и сохраняли всѣ такъ называемыя сервитутныя права, частью уничтоженныя послѣ 1846 и 1861 гг.

Въ то время, какъ у русскихъ крестьянъ помѣщики, наложившіе печать своихъ классовыхъ интересовъ на всю реформу, сумѣли „отрѣзать" въ свою пользу нѣсколько милліоновъ десятинъ земли, въ Польшѣ бюрократы-славянофилы весьма щедро распоряжались помѣщичьими землями. Отъ крестьянъ не только не было ничего отнято, но, наоборотъ, къ прежней площади ихъ землепользованія (6.718.779 морговъ) было „прирѣзано" изъ помѣщичьихъ земель 1.916.355 морг., т. е. прибавилось около 30%.

Основываясь на томъ, что революціонное правительство въ своихъ декретахъ обѣщало вознаградить помѣщиковъ за утраченныя земли изъ общегосударственныхъ средствъ и что уже больше года крестьяне не отбываютъ фактически никакихъ повинностей въ пользу помѣщиковъ, Милютинъ отвергъ идею спеціально крестьянскихъ выкупныхъ платежей. Помѣщикамъ за отошедшія отъ нихъ земли выданы были 4%-ные ликвидаціонные листы, а для уплаты процентовъ и погашенія по этимъ листамъ повышены были нѣкоторые виды поземельнаго налога, причемъ повышеніе распространилось, какъ на помѣщичьи, такъ и на крестьянскія земли. „Такимъ образомъ,—комментировали „Московскія Вѣдомости" эту сторону крестьянской реформы,—казнѣ Царства открывается возможность выплатить помѣщикамъ вознагражденіе, не взимая съ крестьянъ полныхъ выкупныхъ платежей, что особенно важно, такъ какъ полные выкупные платежи послужили бы для революціонной партіи непремѣннымъ поводомъ къ агитаціи противъ правительства".

Въ то время, какъ аграрная реформа Милютина была первостепенной важности государственнымъ актомъ, измѣнившимъ экономическія отношенія въ Царствѣ Польскомъ, одновременно изданный указъ о реформѣ крестьянскаго самоуправленія не оказалъ никакого существеннаго

[illegible] стояли шляхта.

5. Русское общество и польское возстаніе.

[illegible] стикѣ.

Мы вскользь упоминали уже о [illegible] казывались молебны о торжествѣ [illegible] виги получалъ привѣтствія не только [illegible]

[illegible]

Не столько само возстаніе поля- [illegible] 1863 г., пока польскій вопросъ еще [illegible] концѣ 1862 г.), говорилось, что рус- [illegible]

распространенной въ Москвѣ и Петербургѣ въ концѣ февраля 1863 г., общество „Земля и Воля“ подаетъ руку полякамъ во имя юной Россіи и обращается къ солдатамъ и офицерамъ, удерживая ихъ отъ преступнаго повиновенія.

Идеологической опорой тѣмъ, правда, немногочисленнымъ элементамъ русскаго общества, которые активно сочувствовали польскому возстанію, служили взгляды Герцена на польскій вопросъ, развиваемые имъ въ „Колоколѣ“. Еще въ январѣ 1859 г., когда въ Польшѣ не было никакихъ признаковъ возстанія, Герценъ писалъ: „Польша, какъ Италія, какъ Венгрія, имѣетъ *неотъемлемое*, полное право на государственное существованіе, *независимое* отъ Россіи. Желаемъ ли мы, чтобы свободная Польша отторглась отъ свободной Россіи — это другой вопросъ. Нѣтъ, мы *этого не желаемъ*, и можно ли этого желать въ то время, какъ исключительныя національности, какъ международныя вражды составляютъ одну изъ главныхъ плотинъ, удерживающихъ общечеловѣческое свободное развитіе“. Два года спустя, послѣ первыхъ выстрѣловъ, павшихъ на улицахъ Варшавы, Герценъ восклицалъ „Vivat Polonia! Свободная Польша исторгнетъ Россію изъ нѣмецкихъ объятій. Разставшись съ нею, Русь пойдетъ мирно и вольно къ своему будущему, пойдетъ не дипломатическими закоулками, не международными грабежами, не канцелярскими уловками Остермановъ и Нессельродовъ, — а открытой, столбовой гатью развитія и свободы!“ А еще черезъ два года, когда польское возстаніе стало уже совершившимся фактомъ, Искандеръ по поводу вышеупомянутой прокламаціи „Земли и Воли“ развиваетъ все ту же мысль: „Мы съ Польшей —пишетъ онъ въ номерѣ „Колокола“ отъ 1-го апрѣля,—потому что мы за Россію. Мы со стороны поляковъ, потому что мы русскіе. Мы хотимъ независимости Польши, потому что мы хотимъ свободы Россіи. Мы съ поляками, потому что одна цѣпь сковываетъ насъ обоихъ. Мы съ ними, потому что твердо убѣждены, что нелѣпость имперіи, идущей отъ Швеціи до Тихаго океана, отъ Бѣлаго моря до Китая—не можетъ принести блага народамъ, которыхъ ведетъ на смычкѣ Петербургъ“.

Если Герценъ призывалъ то, что тогда было образованной и мыслящей Россіей, къ сочувствію польскому возстанію, то онъ это дѣлалъ не только во имя идеи права Польши на государственную независимость, но и во имя тѣхъ основныхъ началъ, которыя были заявлены въ извѣстномъ октябрьскомъ (1862 г.) письмѣ „Центральнаго Народнаго Польскаго Комитета въ Варшавѣ“ къ издателямъ „Колокола“. Въ этомъ своего рода манифестѣ, обращенномъ къ русской публикѣ, говорилось слѣдующее: „Основная мысль, съ которой Польша возстаетъ теперь, совершенно признаетъ право крестьянъ на землю, обрабатываемую ими, и полную самоправность всякаго народа располагать своей судьбой“.

Если что могло вообще привлечь на сторону польскаго возстанія тотъ пока еще весьма тонкій слой русской разночинной интеллигенціи, къ которой обращались издатели „Колокола“, такъ это именно торжественно заявленный вожаками поль-

[illegible] движенія [illegible] характеръ [illegible]. Поэтому [illegible], [illegible] съ правительственными [illegible], стараясь [illegible] эту сторону направлять свои удары. „Московскія Вѣдомости", [illegible] редакціей Каткова [illegible] наиболѣе [illegible] органомъ русской [illegible] ческой печати, „Московскія Вѣдомости", которыя Герценъ называлъ [illegible] — въ цѣломъ рядѣ статей доказывали ненародность польскаго возстанія. Этотъ аргументъ, можно сказать, былъ основнымъ лейтмотивомъ обширныхъ статей о польскомъ вопросѣ, появлявшихся въ каждомъ номерѣ газеты.

„Дѣйствительно ли борьба, которую ведутъ они (повстанцы), есть общенародная, національная борьба поляковъ"? — спрашиваетъ Катковъ въ начальный періодъ возстанія, когда оно носило еще несомнѣнный „красный" характеръ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ на этотъ вопросъ отвѣчаетъ уже вполнѣ рѣшительно и опредѣленно: „Польское возстаніе вовсе не народное возстаніе, возсталъ не народъ, а шляхта и духовенство. Это не борьба за свободу, а борьба за власть,—желаніе слабаго покорить сильнаго". Еще за 2 мѣсяца до этого онъ писалъ: „О польскомъ народѣ почти не можетъ быть и рѣчи. Мы знаемъ польскихъ пановъ, польское шляхетство, польское духовенство... а польскаго народа мы не знаемъ... Подавленный, униженный, загнанный, онъ не могъ стать даже темною основою для польскаго государства... Можно ли въ этомъ [illegible] сравнивать Польшу съ Россіей?" „Пока крестьяне [illegible] т. е. [illegible] [illegible] склонные одобрять муравьевскихъ [illegible] ненымъ среди русскаго общества. [illegible] ствіе. Вѣдь не даромъ же въ августѣ Герценъ [illegible] къ протесту противъ той повальной заразы, которую онъ окрестилъ именемъ „патріотическаго сифилиса", и недаромъ онъ съ горечью заканчиваетъ свой призывъ слѣдующими словами: „Если нашъ вызовъ не найдетъ сочувствія, если въ эту темную ночь ни одинъ разумный лучъ не можетъ проникнуть и ни одно отрезвляющее слово не можетъ быть слышно за шумомъ патріоти[illegible] его".

„Мы [illegible] писалъ въ сентябрѣ редакторъ „Колокола", [illegible] меньшинствѣ, иначе мы и не были бы въ Лондонѣ, но до сихъ поръ насъ гнала власть, теперь къ ней присое[illegible]

[illegible] „День".

органъ Аксакова. Въ оцѣнкѣ польскаго вопроса „День“ постепенно сближался съ „Московскими Вѣдомостями“, которыя Герценъ называлъ „содержанцами III Отдѣленія“. Самаринъ въ „Днѣ“, подводя итоги „современному объему польскаго вопроса“, видитъ въ борьбѣ Россіи съ Польшей „историческую тяжбу двухъ просвѣтительныхъ началъ, олицетворившихся въ двухъ народностяхъ“, борьбу „славянства съ латинствомъ“. Этотъ идейный моментъ, лежащій якобы въ основѣ борьбы русскаго правительства съ возставшей Польшей, былъ не только быстро усвоенъ „Московскими Вѣдомостями“, но проникъ въ качествѣ идеологическаго привкуса въ офиціальную фразеологію правительства. Во имя его не только Милютинъ отправился со своею миссіей въ Польшу, но и Муравьевъ—сожигалъ шляхетскія околицы въ Литвѣ.

Имѣя въ виду иллюзіи, которыя всѣмъ этимъ могли быть дѣйствительно были порождены даже въ рядахъ искреннихъ русскихъ демократовъ, Герценъ 1-го января 1864 г. написалъ въ „Колоколѣ“ слѣдующія строки: „Схватившіе тамъ-сямъ какія-то неясныя понятія о соціальномъ призваніи Россіи, объ отсутствіи въ ней крѣпкаго аристократическаго начала, наши милѣйшіе мечтатели проповѣдуютъ, что Россія представляетъ какую-то демократическую имперію, какое-то царство *равенства* и массъ, что *она* борется съ Польшей во имя крестьянской свободы противъ помѣщиковъ и пр. Не ошибайтесь — они говорятъ не о той Россіи, которая составляетъ цѣль нашихъ стремленій, къ которой все двигается и идетъ, но до которой ничего еще не дошло, а объ Россіи настоящей, чиновничьей, казарменной, петербургской, аракчеевской, николаевской, муравьевской...“

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 11 11 18 09 014 1